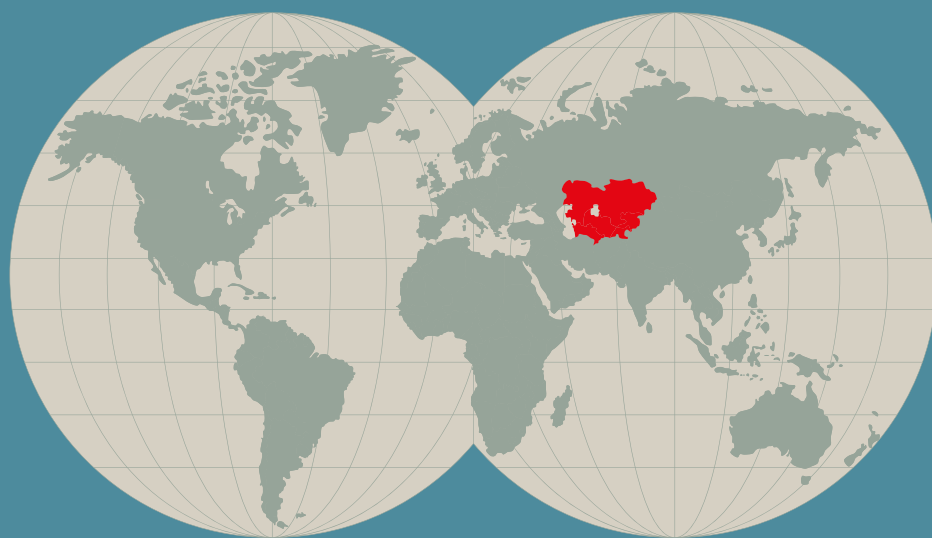




КИСИ

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Мурат Лаумулин



ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:

2010-2020 гг.

г. Нур-Султан, 2020

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Мурат Лаумулин

**ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
2010-2020 гг.**

Нур-Султан 2020

УДК 327(5)
ББК 66,4(5)
Л 28

Автор-составитель:

Лаумулин Мурат Турарович,
доктор политических наук, профессор

Книга публикуется в авторской редакции

Л 28 Лаумулин М.Т.

Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2010-2020 гг. Справочно-информационное издание. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020. – 579 с.

ISBN 978-601-80061-3-5

Данное издание является продолжением регулярных обзоров, посвященных зарубежной (преимущественно западной) политологической литературе по Центральной Азии, а также многочисленных рецензий. Обзор литературы является справочным изданием по проблемам Центральной Азии, современных международных отношений и геополитики. Обзор построен по проблемному принципу и разделен на две части, первая из которых включает издания по современным международным отношениям и геополитике; вторая посвящена истории Центральной Азии. В указатель включена литература, касающаяся всех стран ЦА. Литература, посвященная Казахстану, его внешней и внутренней политике, истории и этнографии выделена в отдельный раздел.

Особенностью настоящего материала является разнообразие опубликованных в эти годы книг, сборников и монографий по Центральной Азии. В качестве основных источников использованы монографические и периодические издания зарубежных исследователей. В настоящем обзоре преобладает литература, увидевшая свет с 2010 по 2020 гг., но также представлена литература, освещающая геополитические процессы и международную жизнь конца XX века, а также классические труды по геополитике.

В исследовании сделана попытка классифицировать литературу по основным направлениям. К первому относятся ставшие традиционными публикации политологического и геополитического характера. Второе направление охватывает издания по исламоведению, этнографии, социологии, демографии в современный период развития стран региона, отдельных регионов и мегаполисов. Третья группа публикаций в основном посвящена истории XX века в преломлении судьбоносных событий в развитии народов региона в ходе советской модернизации.

Обзор адресован широкому кругу специалистов по международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии, истории, историографии и востоковедению. Книга рекомендуется в качестве методического пособия для факультетов и кафедр международных отношений, истории, политологии, востоковедения.

УДК 327(5)
ББК 66,4(5)

ISBN 978-601-80061-3-5

© КИСИ при Президенте РК, 2020
© Лаумулин М.Т., 2020

Содержание

| | |
|---|-----------|
| Список сокращений и аббревиатур | 14 |
| ВВЕДЕНИЕ | 16 |
| 1. ГЕОПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОЭКОНОМИКА | 40 |
| Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис | 40 |
| Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power | 40 |
| Cooley A. Great Games, Local Rules: the New Great Powers Contest in Central Asia | 55 |
| Bassin Mark. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia | 56 |
| Bassin Mark and Pozo Gonzalo (eds.). The politics of Eurasianism: identity, popular culture and Russia's foreign policy | 59 |
| Clover Charles. Black Wind, White Snow: the Rise of Russia's new Nationalism | 60 |
| 1.1. Центральная Азия в мировой геополитике | 61 |
| Central Asia in International Relations: the Legacies of Halford Mackinder | 61 |
| Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development | 68 |
| Petersen A. Eurasia's Shifting Geopolitical Tectonic Plates | 71 |
| Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении | 77 |
| 1.2. Проблемы безопасности Центральной Азии | 80 |
| Problemy transdormacji, integracji i bezpieczenstwa panstw Azji Centralnej | 81 |
| Omelicheva Mariya Y. Counterterrorism Policies in Central Asia | 85 |
| Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы) | 85 |
| Karine Erlan. L'Asie centrale à l'épreuve de l'islam radical. Central Asia: Facing Radical Islam Russie | 87 |
| Карин Е. Дилеммы безопасности Центральной Азии | 87 |
| Tunçer-Kilavuz Idil. Power, Networks and Violent Conflict in Central Asia. A Comparison of Tajikistan and Uzbekistan | 87 |
| Omelicheva Mariya Y., Markowitz Lawrence P. Webs of Corruption: Trafficking and Terrorism in Central Asia | 88 |
| Carlton David, Ingram Paul. The Search for Stability in Russia and the Former Soviet Bloc | 92 |
| 1.3. Внешняя политика и международное положение отдельных государств Центральной Азии | 92 |
| <i>Внешняя политика и международное положение Казахстана</i> | 92 |
| Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia | 92 |
| Cornell S.E., Engvall J. Kazakhstan in Europe: Why Not? | 95 |
| Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана | 96 |
| Anceschi Luca. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime neo-Eurasianism in the Nazarbaev era | 101 |

| | |
|---|------------|
| <i>Внешняя политика и международное положение Узбекистана</i> | 103 |
| Weitz Richard. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership | 103 |
| Fazendeiro B.T. Uzbekistan's Foreign Policy: the struggle for Recognition and Self-Reliance under Karimov | 105 |
| 1.4. Центральная Азия и Афганистан | 106 |
| Tadjbakhsh Sh. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia | 113 |
| Snetkov Aglaya, Aris Stephen (eds.). Other Sides of Afghanistan. The Regional Dimensions to Security | 115 |
| Вызовы безопасности в Центральной Азии | 116 |
| Saikal A., Nourzhanov K. (eds.). Afghanistan and Its Neighbors after the NATO Withdrawal | 117 |
| Levy-Sanchez S. The Afghan-Central Asian Borderland: the State and Local Leaders | 118 |
| Laruelle M. (ed.). The Central Asia – Afghanistan Relationship from Soviet Intervention to the Silk Road Initiative | 118 |
| Joshi N. Russian, Chinese and American Interplay in Central Asia and Afghanistan: Options for India | 119 |
| Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors | 120 |
| Lee J.L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present | 120 |
| Fredholm M. Afghanistan beyond the Fog of War: Persistent Failure of a Renter State | 121 |
| Пляйс Я. Афганистан: истоки трагедии | 122 |
| 1.5. Стратегия и политика Запада (США, ЕС, НАТО) в Центральной Азии | 124 |
| Levine I. US Policies in Central Asia | 129 |
| Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века | 129 |
| Румер Ю., Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии | 130 |
| Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016 гг. ... | 134 |
| Spaizer O.L. The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses | 154 |
| Paramonov V., Stokov A., Alschen S., Abduganieva Z. European Union Impact on Central Asia: Political, Economic, Security and Social Spheres (European Political, Economic, and Security Issues) | 156 |
| Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.). The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus | 158 |
| Cornell Svante E., Starr S. Frederick. A Steady Hand: The EU 2019 Strategy and Policy toward Central Asia | 159 |
| Frappi Carlo, Indeo Fabio (eds.). Monitoring Central Asia and the Caspian Area Development Policies, Regional Trends, and Italian Interests. Eurasiatica Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale | 162 |
| Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии. К успешной реализации новой стратегии | 162 |
| 1.6. Россия и Центральная Азия | 165 |

| | |
|---|------------|
| Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии | 165 |
| Грозин А.В. Узбекистан, Таджикистан, Туркмения и интересы России. Этносоциальная и экономическая политика республик Средней Азии и российские геополитические интересы | 171 |
| Zabortseva Y.N. Russia's Relations with Kazakhstan | 172 |
| Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин | 173 |
| Савин И. С. Россия и обеспечение безопасности в Центральной Азии (на примере эволюции экспертного мнения в Кыргызстане, Российской Федерации и Таджикистане в 2013-2019 гг.) | 178 |
| 1.7. Геостратегия Китая в Центральной Азии | 178 |
| Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке | 186 |
| Swanström N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? | 193 |
| Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor | 194 |
| Jarosiewicz A., Strachota K. China vs. Central Asia. The Achievements of the Past Two Decades | 198 |
| Denoon D. China, US and Future of Central Asia | 201 |
| Song Weiqing. China's Approach to Central Asia. The Shanghai Co-operation Organisation | 201 |
| Chang Felix B., Rucker-Chang Sunnie T. Chinese Migrants in Russia, Central Asia and Eastern Europe (eds.) | 201 |
| Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia | 202 |
| Garlick Jeremy. The Impact of China's Belt and Road Initiative from Asia to Europe | 203 |
| Dadabaev Timur. Transcontinental Silk Road Strategies. Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan | 204 |
| Cornell Svante E., Swanström Niklas. Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative | 209 |
| Grose T. Negotiating Inseparability in China: the Xinjiang Class and the Dynamics of Uyghur Identity | 210 |
| 1.8. Центральная Азия и исламский мир | 212 |
| Olcott M.B. In the Whirlwind of Jihad | 212 |
| 1.9. Центральная Азия и региональные игроки | 221 |
| Dadabaev T. Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives and Neighboring Powers | 225 |
| Joshi N. (ed.). Reconnecting India and Central Asia: Emerging Security and Economic Dimensions | 234 |
| Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies | 238 |
| Warikoo K. Eurasia and India. Regional Perspectives | 240 |

| | |
|---|------------|
| 2. СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭТНОГРАФИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ | 241 |
| 2.1. Внутривполитические процессы в Центральной Азии | 241 |
| Freedman Eric, Shafer Richard (eds.). After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia | 243 |
| Shishkin Ph. Central Asia's Crisis of Governance | 247 |
| McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty. Politics and Islam in Central Asia | 248 |
| Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы | 249 |
| Внешнеполитический процесс в странах Востока | 258 |
| Markowitz Lawrence P. State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia | 259 |
| Omelicheva Mariya Y. (ed.). Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions | 265 |
| Omelicheva Mariya Y. Democracy in Central Asia: Competing Perspectives and Alternative Strategies | 265 |
| Elgie R., Moestrup S. Semi-Presidential in the Caucasian and Central Asia | 268 |
| Zakharov Nikolay, Law Ian. Post-Soviet Racisms | 268 |
| Heathershow John, Schatz Edward (eds.). Paradox of Power. The Logics of State Weakness in Eurasia | 269 |
| Megoran Nick. Nationalism in Central Asia. A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary | 269 |
| Постсоветские государства: 25 лет независимого развития | 270 |
| Ayoob Mohammed, Ismayilov Murad. Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus | 271 |
| Marat Erica. The Politics of Police Reform: Society against the State in Post-Soviet Countries | 272 |
| Bhat M. The Sociology of Central Asian Youth | 274 |
| Starr S.F., Cornell S. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? | 274 |
| Ciesléwska A. Islam with a Female Face: how Women are changing the Religious Landscape in Tadjikistan and Kyrgyzstan | 276 |
| Sadyrbek Mahabat. Legal Pluralism in Central Asia: Local Jurisdiction and Customary Practices | 276 |
| Isaacs R., Frigerio A. (eds.). Theorizing Central Asia: The State, Ideology and Power | 277 |
| O'Neill Borbieva Noor. Visions of Development in Central Asia. Revitalizing the Culture Concept | 278 |
| Beyer Judith, Finke Peter (eds. by). Practices of Traditionalization in Central Asia | 278 |
| 2.2. Исламский вопрос в Центральной Азии и отдельных государствах региона | 280 |
| Jones Pauline (ed.). Islam, Society, and Politics in Central Asia | 280 |
| McBrien Julie. From Belonging to Belief. Modern Secularisms and the Construction of Religion in Kyrgyzstan | 281 |
| Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении | 281 |

| | |
|---|------------|
| Зайферт Арне К. Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать? | 289 |
| <i>Внутриполитическое развитие Узбекистана</i> | 289 |
| MacFadyen David. Russian Culture in Uzbekistan. One Language in the Middle of Nowhere | 292 |
| Rasanayagam J. Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience ___ | 292 |
| Fumagalli M. Violence and Resistance in Uzbekistan_..... | 293 |
| Turaeva R. Migration and Identity in Central Asia. The Uzbek experience ___ | 294 |
| Hartman J. W. The May 2005 Andijan Uprising: What We Know | 295 |
| Daly J.C. K. Rush to Judgment: Western Media and the 2005 Andijan Violence __ | 296 |
| Laruelle M. (ed.) Constructing the Uzbek State. Narratives of Post-Soviet Years | 299 |
| Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.) . Uzbekistan’s New Face | 300 |
| Bowyer Anthony C. Political Reform in Mirziyoyev’s Uzbekistan: Elections, Political Parties and Civil Society | 300 |
| Sever Mjuša. Judicial and Governance Reform in Uzbekistan | 302 |
| Tsereteli M. The Economic Modernization of Uzbekistan | 303 |
| Cornell Svante E., Zenn Jacob. Religion and the Secular State in Uzbekistan ___ | 304 |
| Laruelle M. (ed.) . Uzbekistan: Political Order, Societal Changes, and Cultural Transformations | 306 |
| Bukharbayeva Bagila. The Vanishing Generation: Faith and Uprising in modern Uzbekistan | 307 |
| <i>Внутриполитическое развитие Киргизстана</i> | 308 |
| Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence | 309 |
| Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan | 310 |
| Shishkin Ph. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia | 313 |
| Laruelle M., Engvall J. (eds.) Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State”: Social and Political Changes in a Post-Soviet Society | 314 |
| Akiner Sh. Kyrgyzstan 2010: Conflict and Context_..... | 314 |
| Engvall J. The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective | 317 |
| Pelkmans M. Fragile Conviction: Changing Ideological Landscapes in Urban Kyrgyzstan | 318 |
| Laruelle M. (ed.) . Kyrgyzstan: Political Pluralism and Economic Challenges ___ | 319 |
| Féaux de la Croix Jeanne. Iconic Places in Central Asia: the Moral Geography of Pastures, Dams and Holy Sites | 320 |
| Spector Regine A. Order at the Bazaar. Power and Trade in Central Asia_..... | 320 |
| Schröder Ph. Bishkek Boys: Neighbourhood Youth and Urban Change in Kyrgyzstan’s Capital | 321 |
| Engvall Johan. Religion and the Secular State in Kyrgyzstan | 322 |
| <i>Внутриполитическое развитие Таджикистана</i> | 323 |
| Bergne P. The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic | 324 |
| Heathershaw J. Post-Conflict Tajikistan: The Politics of Peace Building and the Emergence of Legitimate Order | 325 |

| | |
|--|------------|
| Heathershaw J. The Transformation of Tajikistan | 325 |
| Olcott M. B. Tajikistan's difficult development path | 326 |
| Fields D., Kochnakyan F., Stuggins G. Tajikistan's Winter Energy Crisis | 330 |
| Roche S. Domesticating youth: The youth bulges and their sociopolitical implications in Tajikistan | 331 |
| Mastibekov Otambek. Leadership and Authority in Central Asia | 332 |
| Epkenhans T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space | 333 |
| Kassymbekova B. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan | 333 |
| Laruelle M. (ed.). Tajikistan: Islam, Migration, and Economic Challenges | 334 |
| Mostowlansky Till. Azan on the Moon. Entangling Modernity along Tajikistan's Pamir Highway | 334 |
| Laruelle M. (ed.). Tajikistan on the Move. State Building and Societal Transformations | 335 |
| Gatling B. Expressions of Sufi Culture in Tajikistan | 336 |
| Dagiev Dagikhudo, Faucher Carole (eds. by). Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The Mountain Communities of Pamir | 336 |
| <i>Внутриполитическое развитие Туркменистана</i> | 338 |
| Peyrouse S. Turkménistan. Un destin au carrefour des empires | 338 |
| Peyrouse Sebastien. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development | 347 |
| Laruelle M. (ed.). Turkmenistan: Changes and Stability under Berdimuhamedow | 349 |
| Clement Victoria. Religion and the Secular State in Turkmenistan | 349 |
| 2.3. Социально-экономическое развитие | 351 |
| Starr S.F. (ed.). Ferghana Valley. The Heart of Central Asia | 351 |
| Central Asia: Decay and Decline | 352 |
| Азиатские энергетические сценарии 2030 | 353 |
| Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia | 353 |
| Promoting Economic Growth and Resilience in Europe and Central Asia | 353 |
| Martin Mercedes Vera; Jardak Tarak; Tchaidze Robert; Trevino Juan P., Wagner Helen W. Building Resilient Banking Sectors in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund | 354 |
| Kunzel Peter J.; Imus Phil De; Gemayel Edward R.; Herrala Risto; Kireyev Alexei P., Talishli Farid. Opening Up in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund | 354 |
| Gemayel Edward R.; Ocampos Lorraine; Ghilardi Matteo, Aylward James. A Growth-Friendly Path for Building Fiscal Buffers in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund | 354 |
| Tamirisa Natalia T. and Duenwald Christoph. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia. International Monetary Fund | 354 |
| Irnazarov Farrukh, Vakulchuk Roman. Discovering Opportunities in the Pandemic? Four Economic Response Scenarios for Central Asia | 354 |
| 2.4. Этнография | 355 |
| Кадыров Ш. Элитарные кланы: штрихи к портретам | 355 |
| Alymbaeva A.A. (ed.) Food and Identity in Central Asia | 364 |

| | |
|--|------------|
| 2.5. Демография и миграция | 365 |
| Laruelle M. (ed.). Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia | 366 |
| 2.6. Экология | 371 |
| Eisenman S., Struwe L., Zaurov D. (eds.). Medicinal Plants of Central Asia: Uzbekistan and Kyrgyzstan | 371 |
| State of Forests of the Caucasus and Central Asia. Overview of Forests and Sustainable Forest Management in the Caucasus and Central Asia Region | 372 |
| Freedman Eric, Neuzil Mark. Environmental Crises in Central Asia: From Steppes to Seas, from Deserts to Glaciers | 372 |
| Squires Victor R. and Lu Qi (eds. by). Sustainable Land Management in Greater Central Asia: an Integrated and Regional Perspective | 373 |
| Peterson Maya K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin | 373 |
| Xenarios S. (a.o. eds.). The Aral Sea Basin | 374 |
| Abrahams-Kavuchenko S. Enlightenment and the Gasping City: Mongolian Buddhism at a Time of Environmental Disarray | 375 |
| 2.7. М.Ларюэль и «Центральноазиатская программа» | 375 |
| Laruelle Marlene, Peyrouse Sebastien. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency | 377 |
| Laruelle M. (ed.). New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities | 377 |
| Laruelle M., Kourmanova A. (eds.). Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia | 378 |
| Laruelle M. (ed.). Strategic Nodes and Regional Interactions in Southern Eurasia | 380 |
| Laruelle M. (ed.). Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Changes | 381 |
| Laruelle M., Schenk C. (eds.). Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region | 382 |
| Laruelle M., Schenk C. (eds.). China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia | 383 |
| Laruelle M. (ed.). New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities | 385 |
| Marlene Laruelle (ed.). New Voices from Central Asia | 385 |
| Laruelle M. (ed.). New Voices from Uzbekistan 2019. Institute for European, Russian and Eurasian Studies | 386 |
| 3. КАЗАХСТАНИКА: ИСТОРИЯ, ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РК | 387 |
| 3.1. Ранняя история казахов | 388 |
| Акимбеков С.М. История: степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии | 393 |
| Lee J. Qazaqlik, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Eurasia | 397 |
| 3.2. Изучение современного Казахстана | 400 |
| Laruelle M., Peyrouse S. Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux États dans l'espace post-soviétique. Institut français d'études sur l'Asie centrale | 422 |

| | |
|---|-----|
| Dave B. Kazakhstan – Ethnicity, Language and Power (SOAS) _____ | 422 |
| Cohen A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation _____ | 424 |
| Vuilleminot A.-M. La yourte et la mesure du monde: avec les nomades au Kazakhstan _____ | 427 |
| Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. | |
| Aitken J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan _____ | 427 |
| Salhani C. Islam without a Veil. Kazakhstan’s Path of Moderation _____ | 429 |
| Jay Nathan. Kazakhstan’s New Economy: Post-Soviet, Central Asian Industries in a Global Era. _____ | 430 |
| Bridges David (ed.). Educational Reform and Internationalisation: The Case of School Reform in Kazakhstan _____ | 430 |
| Laruelle M. (ed.). Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes _____ | 431 |
| Starr S. Frederick, Engvall J., Cornell Svante E. Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years. _____ | 432 |
| Blum D. The Social Process of Globalization: Return Migration and Cultural Change in Kazakhstan _____ | 436 |
| Dubuisson Eva-Marie. Living Language in Kazakhstan. The Dialogic Emergence of an Ancestral Worldview _____ | 436 |
| Laszcskowski M. “City of the Future”: Built Space, Modernity and Urban Change in Astana _____ | 437 |
| Laruelle M. (ed.). Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Change. Institute for European, Russian and Eurasian Studies. The George Washington University _____ | 438 |
| Cornell Svante E., Starr S. Frederick, Tucker Julian. Religion and the Secular State in Kazakhstan _____ | 438 |
| Sharipova D. State-Building in Kazakhstan. Continuity and Transformation of Informal Institutions _____ | 442 |
| Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии _____ | 443 |
| Laruelle M. (ed.). The Nazarbayev Generation. Youth in Kazakhstan _____ | 445 |

4. НОВАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ _ 448

4.1. Теория и методология _____ 455

| | |
|--|-----|
| Bustanov Alfrid K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations _____ | 455 |
|--|-----|

| | |
|--|-----|
| Quenzer K, Syed M, Yarbakhsh E. Emerging Scholarship on the Middle East and Central Asia. Moving from the Periphery _____ | 457 |
|--|-----|

| | |
|--|-----|
| Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой _____ | 457 |
|--|-----|

| | |
|---|-----|
| Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография _____ | 463 |
|---|-----|

4.2. Дореволюционная история Туркестана _____ 467

| | |
|---|-----|
| Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550–1900 _____ | 467 |
|---|-----|

| | |
|---|-----|
| Levi S. C. Caravans: Indian Merchants on the Silk Road _____ | 467 |
|---|-----|

| | |
|---|-----|
| Sartori P. Visions of Justice: Shari’a and Cultural Change in Russian Central Asia _____ | 468 |
|---|-----|

| | |
|--|------------|
| Poullada S. Peter. Russian-Turkmen Encounters: The Caspian Frontier before the Great Game. Trans. Claora E. Styron | 469 |
| Malikov Yuriy. Modern Central Asia. A Primary Source Reader | 473 |
| Kendirbai Gulnar T. Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century | 474 |
| Keller Sh. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence | 475 |
| Chokolbaeva A., Cloé D., Morrison D. The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution | 475 |
| 4.3. Большая игра: прошлое и настоящее | 477 |
| 4.4. Советский период в истории Средней Азии | 479 |
| Keller Sh. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917-1941 | 479 |
| Dudoignon S., and Noack C. (eds.). Allah's Kolkhozes: Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s-2000s) | 480 |
| Levin Z. Collectivization and social engineering: Soviet administration and the Jews of Uzbekistan, 1917-1939 | 482 |
| Kim K. Borderland Capitalism: Turkestan Produce, Qing Silver and the Birth of an Eastern Market | 483 |
| Chomentowski G. Filmer d'Orient: Politique des Nationalités et cinema en URSS (1917-1938) | 483 |
| Dadabaev Timur, Komatsu Hisao (eds.). Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life and Politics during the Soviet Era | 484 |
| Kudaibergenova D.T. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature. Elites and Narratives | 485 |
| Obertreis Julia. Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860-1991 | 486 |
| Dadabaev T., Komatsu H. (eds.). Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan: Life and Politics during the Soviet Era | 488 |
| Norling N. Party Problems and Factionalism in Soviet Uzbekistan: Evidence from the Communist Party Archives | 489 |
| Kalinovski A. The Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization on Soviet Tajikistan | 490 |
| Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan | 490 |
| Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Family in Kazakhstan | 491 |
| Clement V. Learning to become Turkmen": Literacy, Language and Power, 1914-2014 | 492 |
| Ubiria Grigol. Soviet Nation-Building in Central Asia. The Making of the Kazakh and Uzbek Nations | 492 |
| Drieu Cloé. Cinema, Nation, and Empire in Uzbekistan (1919-1937) | 493 |
| Khalid Adeeb. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR | 494 |
| De Magistris Alessandro, Buttino Marco. Soviet Modernist Architecture in Central Asia . Ill. by Roberto Conte , Stefano Perego | 497 |
| 5. ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВОСТОКОВЕДЕНИЕ | 498 |
| Andrianov B. Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea: the History, Origin and Development of Irrigated Agriculture | 498 |

| | |
|--|------------|
| Baumer Ch. History of Central Asia. Vol. 3. The Age of Islam and Mongols _____ | 498 |
| Baumer Ch. History of Central Asia. Vol. 4. The Age of the Silk Road _____ | 498 |
| 5.1. Древняя история региона _____ | 499 |
| Starr S.F. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane _____ | 499 |
| Cunliffe Barry. The Scythians: Nomad Warriors of the Steppe _____ | 504 |
| 5.2. Средневековые империи степей _____ | 505 |
| Monahan Erika. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia _____ | 505 |
| Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры _____ | 506 |
| Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. _____ | 510 |
| Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации _____ | 511 |
| Ethnicity of Turkic Central Asia _____ | 511 |
| Франкопан П. Шелковый путь – Москва. (Frankopan P. The Silk Roads: a New History of the World. – Bloomsbury: Knopf Doubleday) _____ | 512 |
| Benjamin Craig. Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, 100 BCE – 250 CE _____ | 512 |
| 5.3. Археологические исследования по Центральной Азии и культурология _____ | 514 |
| Ardi Kia. Central Asian Cultures, Arts, and Architecture. Inner Eurasia from Prehistory to the Medieval Golden Ages _____ | 514 |
| Mentges G., Shamukhitdinova L. (eds.). Textiles as National Heritage: Identities, Politics and Material Culture _____ | 515 |
| Knysh A. Sufism: a New History of Islamic Mysticism _____ | 516 |
| Whitfield S. Silk, Slaves and Stupas: Material Culture of the Silk Road _____ | 517 |
| Linduff Katheryn M., Rubinson Karen S. (eds.). How Objects Tell Stories. Essays in Honor of Emma C. Bunker. Inner and Central Asian Art and Archaeology _____ | 518 |
| Behrens-Abouseif Doris. Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World _____ | 518 |
| Bloom Jonathan M. The Minaret. Edinburgh Studies in Islamic Art _____ | 519 |
| Джанабаева Г.Д. Искусство народов Центральной Азии _____ | 519 |
| 5.4. Этнографические исследования по Центральной Азии _____ | 520 |
| Ismailbekova Aksana. Blood Ties and the Native Son. Poetics of Patronage in Kyrgyzstan _____ | 520 |
| 5.5. Номадизм _____ | 521 |
| Дробышев Ю.И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии _____ | 526 |
| 5.6. Востоковедение: лингвистика и тюркология _____ | 533 |
| Landau M.J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States _____ | 533 |
| De Chiaro M., Grassi E. Iranian Languages and Literatures of Central Asia: from the 18th Century to the Present. Studia Iranica-Cahier 57 _____ | 538 |
| Foltz R. A History of the Tajiks: Iranians of the East _____ | 538 |

| | |
|--|------------|
| Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ | 543 |
| 5.7. Монголистика и золотоордынские исследования | 544 |
| Kalra Prajakti. The Silk Road and the Political Economy of the Mongol Empire | 555 |
| 5.8. Монгольское наследие и казахская государственность | 556 |
| Burgan M. Empire of the Mongols | 559 |
| Норе М. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran | 560 |
| Nicola B. de. Women in Mongol Iran: the Khātūns, 1206–1335 | 560 |
| Buell P., Fiaschetti F. Historical Dictionary of the Mongol World Empire | 560 |
| Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира | 561 |
| Lane G.E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance | 562 |
| Lane G. Daily Life in the Mongol Empire | 562 |
| Nicola B., Melville Ch. (eds.). The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran | 563 |
| Чингисхан. Сокровенное сказание | 563 |
| Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары | 563 |
| Ширококорд А.Б. Русь и Орда | 567 |
| Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана | 567 |
| Аджи М. Сага о великой степи | 568 |
| Карпов А.Ю. Батый | 570 |
| Мелехин А.В. (автор сост.). Чингисхан и Г.Б. Ярославцева | 570 |
| Мелехин А.В. Тамерлан | 570 |
| Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII – последнего великого хана монголов | 571 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ | 572 |
| Сведения об авторе | 576 |

Список сокращений и аббревиатур

| | |
|-------------------|---|
| АСЕАН | Ассоциация государств Юго-Восточной Азии |
| АТЭС | Азиатско-Тихоокеанское сообщество |
| ВТО | Всемирная торговая организация |
| ЕАЭС | Евразийский Экономический Союз |
| ЕврАзЭС | Евразийское Экономическое сообщество |
| ЕС | Европейский Союз (Евросоюз) |
| ЗСТ | Зона свободной торговли |
| ИАФ РАН | Институт Африки Российской Академии Наук |
| ИБ РАН | Институт Востоковедения Российской Академии Наук |
| ИВИ РАН | Институт Всеобщей истории Российской Академии Наук |
| ИДВ РАН | Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук |
| ИЛА РАН | Институт Латинской Америки Российской Академии Наук |
| ИМЭМО РАН | Институт международной экономики и международных отношений Российской Академии Наук |
| ИМЭП | Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК |
| ИНИОН РАН | Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук |
| ИИЭ НАН РК | Институт истории и этнографии Национальной Академии Республики Казахстан |
| ИСКРАН (ИСКАН) | Институт США и Канады Российской Академии Наук |
| ИАФ РАН | Институт Африки Российской Академии Наук |
| ИЭ РАН | Институт экономики Российской Академии Наук |
| ЛСО | Легкое и стрелковое оружие |
| КВРБ | Консультации по вопросам региональной безопасности |
| КИСИ | Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК |
| КНР | Китайская Народная Республика |
| МГБ | Многосторонние гарантии безопасности |
| МГУ | Московский государственный Университет |
| МДБ | Меры укрепления доверия и безопасности |
| МИД РФ | Министерство иностранных дел Российской Федерации |
| МНЕС | Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии |

| | |
|----------------|--|
| МНКА | Международный научный комплекс «Астана» |
| МПИР | Механизм предотвращения инцидентов и реагирования на них |
| МТО | Миротворческая операция |
| МЦК | Московский Центр Карнеги |
| НАТО | Организация Североатлантического договора |
| НИУ ВШЭ | Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики |
| ОПОП | Один пояс, один путь |
| ОДКБ | Организация Договора о коллективной безопасности |
| ООН | Организация Объединенных Наций |
| РИСИ | Российский институт стратегических исследований |
| РСМД | Российский совет по международным делам |
| СВА | Северо-Восточная Азия |
| СВРП | Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве |
| СССР | Союз Советских Социалистических Республик |
| США | Соединенные Штаты Америки |
| ТНК | Транснациональные корпорации |
| ТС | Таможенный Союз |
| ШОС | Шанхайская Организация сотрудничества |
| ЦА | Центральная Азия |
| ЦИКО | Центр изучения кризисного общества |
| ЦСОП | Центр стратегических оценок и прогнозов |
| ФФЭ | Фонд им. Ф. Эберта |
| ЮВА | Юго-Восточная Азия |
| ASEAN | Association of South East Asian Nations |
| BRI | Belt and Road Initiative |
| EU | European Union |
| FES | Friedrich Ebert Stiftung |
| Ifri | Insitute français des relations internationales |
| KazISS | Kazakhstan Institute for Strategic Studies |
| NATO | North Atlantic Treaty Organization |
| RNV | Russie.Nei.Visions |
| UNO | United Nations Organization |

ВВЕДЕНИЕ

Данное издание является продолжением наших регулярных обзоров, посвященных зарубежной (преимущественно западной) политологической литературе по Центральной Азии, а также многочисленных рецензий.¹ Как правило, каждый обзор был посвящен – согласно хронологическому принципу, литературе за тот или иной год.

¹ См.: *Лаумулин М.Т.* Новейшие исследования Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Хопкинса // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2008. № 3. С. 122-129. *Лаумулин М.Т.* Обзор новейшей литературы по Центральной Азии // Казахстан-Спектр. 2008. №3. С. 96-106. *Лаумулин М.Т., Шайхутдинов М.Е.* Библиографический указатель по Центральной Азии, международным отношениям и геополитике. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 320 с. *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия: основные подходы к исследованию региональных проблем // Центральная Азия: 1991-2009 гг. под ред. Б.К.Султанова. – Алматы: КИСИ, 2010. С. 11-42. *Лаумулин М.Т.* Новейшие зарубежные исследования по Центральной Азии // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2010. № 1. С.125-137. *Лаумулин М.Т.* Российские исследователи о Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2010. № 2. С. 171-179. *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия в современной политологии // Центральная Азия и Кавказ Кавказ (Лулеа, Швеция). 2010. № 3. С. 126-145. *Лаумулин М.Т.* Геополитика и не только: новейшие исследования по Центральной Азии // Центр Азии. № 5-8. 2012. С.109-130. *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке (2011-12 гг.) // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2012. № 2. С. 123-139. (на рус. и англ.яз.) *Лаумулин М.Т.* Центральная Азия в зеркале российской политологии // Центр Азии. 2012. № 16-20. С. 116-131. *Лаумулин М.Т.* Российский взгляд на Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2012. № 4. С. 122-137. (на рус. и англ.яз.) *Лаумулин М.Т.* Ведущий аналитический центр страны. К 20-летию образования института. – Алматы: КИСИ, 2013. – 304 с. *Лаумулин М.Т.* Политологические исследования о Центральной Азии: 2012-2013 годы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2013. № 4. С. 83-107. (на рус. и англ.яз.) *Лаумулин М.Т.* Обзор текущей литературы о Центральной Азии // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2017. № 1. С. 91-117. *Лаумулин М.Т.* Обзор текущей литературы о Центральной Азии. Ч.2 // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2017. № 2. С. 105-117. *Лаумулин М.Т.* Обзор литературы по Центральной Азии. Часть I. (2017) // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2017. № 4. С. 113-118; Часть II. Казахстан-Спектр (КИСИ). 2018. № 1. С. 104-120. *Лаумулин М.Т.* Обзор литературы по Центральной Азии (2018) // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2018. № 3. С. 116-118. *Лаумулин М.Т.* Обзор западной литературы по Центральной Азии за 2018 год: «узбекская серия» // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2018. № 4. С. 106-114. *Лаумулин М.Т.* Обзор западной литературы по Центральной Азии за 2018 год: часть II // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2019. № 1. С. 110-120.

Laumulin M., Augan M. Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2010. No 1, pp. 80-96. *Laumulin M.* Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2010. No 3, pp. 109-125. *Laumulin M.* Central Asia in Modern Political Studies // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. No 2., pp. 46-57. *Laumulin M.* Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. No 4., pp. 32-44. *Laumulin M.* Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts (2011-2012) // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2012. № 2, pp. 107-120. *Laumulin M.* Central Asia as seen from Russia // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2012. № 4, pp. 106-119.

Laumulin M. Central Asia in Contemporary Politology (2011-2012) // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2012. № 4, pp. 7-18. *Laumulin M.* Recent Research on Central Asia in Russia // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. № 1, pp. 32-43. *Laumulin M.* Political Studies on Central

Однако, основной массив изданий принадлежит более ранним периодам (2014-2015, 2016-2017 и 2018-2019 гг.). Это произошло в силу объективных обстоятельств, в силу чего ряд публикаций остался без нашего внимания по причине недоступности или отсутствия информации. Настоящий обзор представляет собой попытку устранить этот досадный пробел. При этом акцент делался на сохранении актуальности более ранних изданий для наших обзоров. В некоторых случаях в работе описываются издания еще более раннего периода, как правило те, которые по тем или иным причинам не вошли в наши обзоры.

Еще одной особенностью настоящего материала является разнообразие опубликованных в эти годы книг, сборников и монографий по Центральной Азии. Если ранее доминировали, как правило, политологические исследования, то в настоящем случае мы столкнули с обилием литературы по самым разным дисциплинам – истории (древней и новейшей), этнографии, социологии, социальной антропологии, демографии и т.д. В этой связи сделана попытка классифицировать литературу по основным направлениям. К первому относятся ставшие традиционными публикации политологического и геополитического характера.

Второе направление охватывает издания по исламоведению, этнографии, социологии, демографии в современный период развития стран региона, отдельных регионов и мегаполисов. Третья группа публикаций в основном посвящена истории XX века в преломлении судьбоносных событий в развитии народов региона в ходе советской модернизации.

Последний раздел вызван к жизни взрывным ростом интереса к средневековой истории Центральной Евразии, в частности – возникновению, экспансии и закату Монгольской державы и ее наследниц. Для современной монголистики характерно переиздание классических трудов, существенно переработанных, расширенных и обновленных с учетом новых источников, методологий исследования и расширения научного инструментария. Замечательный вклад в развитии монголистики и тюркологии внесли российские ученые, до недавнего времени принадлежавшие вместе с нами к единой советской научной школе. В силу объема опубликованных работ и их специфики рассмотрение части изданий будет продолжено в следующих обзорах.

Краткий обзор литературы по Центральной Азии и Казахстану, которая по тем или иным причинам не попала в поле зрения нашей рубрики «Рецензии» в журнале «Казахстан-Спектр». Мы намерены устранить этот

Asia: 2012-2013 // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). 2013. № 4, pp. 26-43. *Laumulin M.* Political Science on Central Asia: 2012-2013 // *Central Asia and Caucasus* (Lulea, Sweden). 2014. № 4, pp. 73-93.

досадный пробел, осветив данную литературу за период с начала 2000-х по 2010 гг. и целью информирования читателей о тенденциях в современной политологии, занимающейся нашим регионом. При этом отметим, что по некоторым наиболее важным и крупным изданиям были или будут опубликованы специальные рецензии.

В 2005 г. без нашего внимания остались следующие издания. В том году увидела свет любопытная работа Шахрама Акбарзаде «Узбекистан и Соединенные Штаты: авторитаризм, исламизм и повестка дня Вашингтона в сфере безопасности».² Данная книга посвящена ухудшению отношений и противоречиям между США и Узбекистаном, которые в 2005 г. уже ни для кого не являлись секретом. И хотя выход книга, по-видимому, была завершена еще до окончательного завершения военно-стратегического сотрудничества Вашингтона и Ташкента, негативные тенденции были налицо уже тогда. Автор видит основные причины кризиса американо-узбекских их отношений в противоречии между попытками США демократизировать своего союзника по антитеррористической войне в Афганистане и жесткостью режима Каримова в отношении попыток либерализации, в которых он усматривал почву для угрозы со стороны воинствующего исламизма.

Французский автор Гаэль Рабаллан выпустил в том году книгу «Центральная Азия или фатальность анклавности?».³ Работа посвящена проблемам и специфике географического положения региона, зажатого между крупными геополитическими силами в центре Евразии, уделяя особое внимание т.н. проблеме «замкнутости» (land-locked). В этом он автор видит главную причину всех геополитических проблем региона, лишенного доступа к свободному доступу к мировым коммуникациям. Роберт Легвольд посвятил свою очередную работу «Новая стратегия США в Центральной Азии»⁴ пересмотру и выработке новых подходов в политике Вашингтона в регионе. Данное исследование вполне логично перекликалось с новой на тот момент концепцией Ф.Старра «Большой Центральной Азии», вызвавшей столь бурную полемику в академической среде, и предложениями Национального Совета по американской внешней политике по изменению подходов Соединенных Штатов в тактике и стратегии в отношении отдельных стран региона.

Немецкоязычная политология в лице Й.Гравинхольта предложила вниманию общественности труд «Дурное государственное управление, предотвращение кризисов и дилемма политики развития на примере

² *Akhbarzadeh Sh.* Uzbekistan and the United States. Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda. – London: Zed Books, 2005. – 166 p.

³ *Raballand G.* L'Asie Centrale ou la fatalité de l'enclavement? – Paris: L'Harmattan, 2005. – 360 p.

⁴ *Legvold R.* New US Strategy in Central Asia. – New York, 2005.

Центральной Азии». Данное исследование написано полностью в духе концепций и подходов европейских авторов к региону как конгломерату авторитарных режимов, с которыми, однако, Европа должна мириться ради сохранения стабильности и предотвращения кризисов, которые могут отразиться на безопасности самого Евросоюза.⁵

В 2006 г. увидела свет книга Кэтлин Коллинс «Клановая политика и трансформация режимов в Центральной Азии», изданная в Кембриджском университете. Автор, которая провела многолетние полевые работы по сбору материалов в регионе, исходит из того, что т.н. клановая система является важнейшим неформальным институтом общественных связей в центральноазиатских обществах. Тем не менее, трактовка автором характера местных режимов остается до конца неясной. В теоретическом плане Коллинс приближается к характеристике клановой системы, данной Максом Вебером как «патримониального господства», но в то же время она не разделяет общепринятого мнения, что эта система эволюционирует в сторону «политического клиентизма». В целом ее работа носит в большей степени этнографический характер, за что ей пришлось выслушивать упреки ее западных коллег.⁶

В рамках программы исследований Принстонского университета в 2006 г. была издана работа А.Л.Эдгара «Племенная нация: создание Советского Туркменистана». В книге, носящей преимущественно исторический характер, делается попытка найти истоки родоплеменной системы ниязовского Туркменистана, легшей в основу его одиозного режима, в недавнем советском прошлом Туркмении. Многие выводы этого исследования представляются спорными специалистам по Туркменистану.⁷ В аналогичном духе выстроена книга Р.Уэллера «Пересмотр казахской и центральноазиатской национальной идентичности», изданной в рамках программы Азиатской Исследовательской Ассоциации. Автор делает попытку отойти от традиционных взглядов и клише на характер местных обществ в ЦА, распространенных на Западе, делая это в основном на пример Казахстана. Современное казахстанское общество предстает в работе более динамичным, более современным и более вестеринизированным, чем это принято думать в западных СМИ и общественном мнении.⁸

⁵ *Graevingholt J.* Schlechte Regierungsfuehrung, Krisenpraevention und das Dilemma der Entwicklungspolitik am Beispiel Zentralasiens. – Baden-Baden: Nomos Verlag, 2005. – 410 S.

⁶ *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 376 p.

⁷ *Edgar A.L.* Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. – XVI+296 pp.

⁸ *Weller R.Ch.* Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. – a Challenge to Prevailing Western Views. – Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

Две книги, увидевшие свет в том же году, имеют ярко выраженный экономический характер. Это работы К.М.Макманна «Экономическая автономия и демократия» и Ричарда Помфрета «Центральноазиатские экономики в период независимости».⁹ В первой книге делается сравнительный анализ экономической политики в таких разных странах как Россия и Киргизия, причем автор увязывает уровень экономических реформ со степенью и скоростью демократических преобразований. Обе экономики и основанных на них режима Макманн характеризует как «гибридные»: т.е. смесь политического авторитаризма с экономическим либерализмом, и наоборот – наличие демократических институтов в политической системе и спорадическое государственное вмешательство в экономические процессы. Р.Помфрет давно известен своими работами 1990-х гг. по экономике постсоветского Казахстана и других республик Центральной Азии. Данная монография носит фундаментальный характер и освещает экономическое развитие государств региона за 15-летний период и момента обретения независимости.

В середине 2000-х гг. в центральноазиатских исследованиях лидировала академическая группа во главе с проф. Фредериком С.Старром в рамках Института Центральной Азии и Кавказа (ИЦАК, Университет Джонса Гопкинса). В том году ими была подготовлена серия исследований по самым различным аспектам политики и экономики региона. Среди них «Кланы, авторитарные правители и парламенты в Центральной Азии» (Ф.Старр), «исламский радикализм в Центральной Азии и на Кавказе» (З.Баран, Ф.Старр, С.Корнелл), «Анатомия американо-узбекского кризиса» (Дж.Дэйли, К.Меппен, В.Сококор, Ф.Старр), «Экономика Центральной Азии» (М.Доулинг, Г.Виньяраджа)¹⁰ и ряд других. Данные исследования подробно освещены в наших предыдущих рецензиях.¹¹

Немецкая историография в 2000-е гг. предложила нашему вниманию ряд интересных монографий. В первую очередь следует упомянуть работу

⁹ *McMann K.M.* Economic Autonomy and Democracy. Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 278 p.; *Pomfret R.* The Central Asian Economies since Independence. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. – 256 p.

¹⁰ *Starr S. F.* Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. – 27 p.; *Baran Z., Starr S. F., Cornell S.E.* Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU. – Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. – 57 p.; *Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Star F.S.* Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: 2001-2005. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. – 110 p.; *Dowling M., Wignaraja G.* Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. – 114 pp.

¹¹ См.: Казахстан-Спектр. № 2. 2006. С. 109-113; № 3. 2006. С. 95-101.

А.Варкоча «Центральноазиатская политика Европейского Союза: интересы, структуры и выбор реформ».¹² Изучая характер местных режимов, автор обогатил политологический словарь новыми неологизмами. Так, режим в Киргизстане Варкоч характеризует как «демократуру» (т.е. демократия + диктатура), а в Туркменистане – как «неототалитаризм». Выводы автора в целом не внушают оптимизма. Он констатирует, что Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е годы: бедность не устранена; сопротивление реформам в Узбекистане и Туркменистане не сломлено; положение и правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Варкоч советует коренным образом сменить стратегию и тактику ЕС в регионе, чтобы «вернуть доверие к ЕС». В сфере безопасности ЕС должен наконец, отмечает автор, выступать в качестве серьезной силы а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должно вести себя более самоуверенно; а области демократии ей следует проявлять больше реализма. Кроме того он считает, что ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими интернациональными факторами, в частности с НАТО и ОБСЕ. В целом же, Варкоч в своей книге неожиданно вышел за пределы центральноазиатской проблематики. Очевидно, что изъяны и недостатки внешней политики, стратегии и методов ее реализации Евросоюза неэффективны не только в ЦА, но и в других регионах, и причины этого заложены в самой структуре ЕС – сложного геополитического и геоэкономического механизма, лишённого единого центра принятия решений.

Книга Б.Фрагнера и А.Каппелера «Центральная Азия с 13 по 20 век: история и общество», изданная в Вене, своим примером подтверждает, что прежняя блестящая австрийская школа исторической этно-культурологи не исчезла, и традиции изучения Центральной Азии, заложенные К.Йеттмаром, живы.¹³ Работа Д.Листа «Региональная кооперация в Центральной Азии: препятствия и возможности» возвращает нас в современность.¹⁴ Данная монография перекликается с работами немецких экономистов середины 1990-х гг. и доказывает, что ЕС по-прежнему делает ставку на региональную интеграцию (теперь – кооперацию) в Центральной

¹² *Warkotsch A.* Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. – 253 S.

¹³ *Fragner B., Kappeler A.* (Hrsg.) Zentralasien, 13 bis 20. Jahrhundert. Geschichte und Gesellschaft. – Wien: Promedia, 2006. – 224 S.

¹⁴ *List D.* Regionale Kooperation in Zentralasien. Hindernisse und Möglichkeiten. – Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. – XII+237 S.

Азии как форме и способе самоидентификации и самоопределения региона, несмотря на то, что прошлый опыт убедительно доказал несостоятельность искусственного форсирования этих процессов.

Р.Книпер посвятил свою книгу «Правовые реформы вдоль Шелкового пути» проблемам реформирования правовых систем ряда стран СНГ.¹⁵ Подготовить такое солидное издание Книперу позволил его пятнадцатилетний опыт советника во всех республиках региона и Закавказья, а также в Молдове, России, Украине, Монголии и КНР. Автор подробно и детально изучает конституционные и правовые реформы этих стран, административные изменения, законодательство на фоне шоковой трансформации правовой и политической систем после распада СССР. Немало места уделяется и опыту Казахстана, особенно в связи с реформой системы государственного управления, которая вызывает у автора положительную оценку.

С 2006 г. Фонд им. Фридриха Эберта ввел добрую традицию: выпускать книги по Центральной Азии на немецком и русском языках, подготовленные силами местных авторов. Первое издание такого рода называлось «Центральная Азия: взгляд изнутри».¹⁶ В 2007 г. фондом была издана работа киргизских коллег «История и идентичность: Киргизская Республика».¹⁷ Насколько известно, в этом году также планируется издание коллективной монографии, посвященной внешним связям стран региона. Польза от таких изданий очевидна: они позволяют немецкоязычной аудитории ознакомиться и альтернативными точками зрения на развитие региона в отличие от тех, которые вольно или невольно навязывают им западные авторы.

Германский Федеральный центр политического образования предпринял грандиозную попытку осветить в одном издании прошлое и современность Центральной Азии. Это коллективное исследование, увидевшее свет при поддержке легендарного издания «Остойропа», под редакцией М.Заппера, Ф.Вейхзеля и А.Хутерера, носит название «Мозаика власти в Центральной Азии: традиции, ограничения, стремления».¹⁸ Отметим, что круг авторов, приглашенных к участию в издании, насчитывает 52 исследователя. Все это весьма похоже на артиллерийский залп по региону

¹⁵ *Knieper R.* Rechtsreformen entlang der Seidenstraße. Aufsätze und Vorträge während der beobachtenden Teilnahme an einem gewaltigen Transformationsprozess. – Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2006. – 353 S.

¹⁶ Zentralasien: eine Innenansicht. – Berlin: FES, 2006. – 498 S. (auf Russisch und Deutsch).

¹⁷ Geschichte und Identität: Kirgisische Republik. – Bishkek: FES, 2007. – 273 S. (auf Russisch und Deutsch).

¹⁸ *Sapper M., Weichhsel V., Huterer A.* (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. – Bonn: BPB, 2007. – 648 S.

и его проблемам. В книге представлен фактически весь цвет современной немецкой политологии. Тем не менее, издание можно считать интернациональным, так как для участия в нем приглашены представители англосаксонской и французской политологии.

Чего добивались составители этой «реактивно-аналитической установки»? Первая глава «Пути в современность» вкратце описывает дореволюционную и раннесоветскую историю региона, а также проблемы культурной модернизации и судьбу ислама. Следующая глава – «Тропы к господству» – посвящена характеру и механизму возникших после крушения социализма режимов региона. Некоторые авторы считают, что местные режимы могут рассматриваться как полуавтократические, или «султанистские». Главной дилеммой таких режимов авторы считают страх перед любыми внутривнутриполитическими изменениями или шагами в сторону реформирования, которые способны вызвать эрозию и даже крушение режима. Странно, однако, что в этой компании оказался Киргизстан; по-видимому, авторы полагают, что после выдыхания «революции тюльпанов» киргизское общество вернулось к своей изначальной парадигме движения.

В разделе «Иные дороги к модерну» особо выделяется Казахстан, как единственное государство в Центральной Азии, сумевшее путем реформирования правовой и административной системы совершить переход от «нео-патримониального режима к бюрократическому», развивающемуся по модели стран Юго-Восточной Азии. Один из авторов выдвигает тезис, что местные режимы, не желая подставлять под угрозу свою стабильность и устойчивость перед лицом двойного давления – со стороны исламистов и Запада с его демократизацией, пошли на интенсификацию региональной кооперации, самым ярким примером которой является ШОС.

Вторая глава, которую условно можно перевести как «Рулетка великих держав», представляет наибольший интерес для нас, поскольку посвящена геополитике и международным отношениям в регионе. А.Матвеева (Лондонская Школа экономики) уверена, что в путинский период произошло возвращение России в Центральную Азию, которая прежде не играла никакой роли для российской внешней политики. Ю.Румер (Национальный оборонный университет Пентагона) анализирует политику США в регионе. Румер, который уже немало написал об американской стратегии в регионе, в качестве своей главной посылки выдвигает тезис, что Центральная Азия в 1990-е гг. была периферией для глобальной стратегии США. Поворотным пунктом стали события после 11 сентября 2001 г. Но «дружба» между местными режимами и Вашингтоном длилась недолго, отмечает автор. После того, как Ташкент использовал силу

в Андижане и отверг ультиматум Запада, а Москва и Пекин всячески его в этом поддержали, политика США в регионе зашла в тупик. Г.Ваккер фокусирует внимание читателя на отношениях Китая и Центральной Азии. Она считает, что Пекин использует ШОС в качестве инструмента для усиления своего влияния в регионе на многостороннем уровне.

По понятным причинам, особое место в этой книге занимает проблема взаимоотношений Центральной Азии и Евросоюза. А.Шмиц считает, что несмотря на сильное влияние России и Китая на Центральную Азию, у Евросоюза остается пространство для маневра, чтобы выступить в качестве противовеса двум региональным супердержавам. В этой связи она обращает внимание на новую стратегию ЕС, принятую под эгидой Германии в мае 2007 г. и которая должна сыграть решающую роль в продвижении европейских интересов в регионе. Следует выделить статью Р.Гёца, который весьма прозорливо предупреждает европейских политиков об опасности и иллюзорности их попыток соревноваться с Газпромом за контроль над энергоресурсами региона, а стратегию диверсификации ЕС просто характеризует как «миф». Его мысль продолжает К.Вестфаль, утверждающий, что в случае реального выбора богатые углеводородами страны региона охотнее предпочтут Европе Россию и Китай.

Не осталась без внимания политика Турции. Эксперты считают, что прежняя стратегия Анкары, построенная на пантюркизме, потерпела крах. В дальнейшем Турция сосредоточилась на том, чтобы стать в ЦА медиатором между Россией и США. В отношении Узбекистана делается вывод, что все попытки Брюсселя побудить Ташкент к прогрессу в сфере прав человека завершились фиаско. При этом М.Олкотт, которая не нуждается в представлении, возвращает нас к проблеме американо-узбекских отношений в контексте событий в Андижане. Она оценивает сложившуюся ситуацию в отношении Узбекистана и Запада как вызов последнему, что требует выработки со стороны США и ЕС скоординированной и компетентной политики. Что касается вопросов демократии, то основной (и по-видимому, неразрешимой) для Запада задачей является дилемма «поддержки демократии в недемократических обществах».

Издание привлекает внимание своим академическим масштабом и хорошим оформлением. Однако, данная коллективная монография страдает недостатками, свойственными всем изданиям такого рода. В силу своей «коллективности» в книге отсутствует целостность и концептуальность. Большинство авторов повторяют собственные идеи, изложенные в их предыдущих работах. Книга действительно получилась «мозаичной» и тем самым оправдывает свое название. В этом случае положение могла бы исправить вводная редакционная статья, написанная именно на кон-

цептуальном уровне, но таковая, к сожалению, отсутствует. Таким образом, ответ на наш вопрос – зачем и для чего создавалась эта книга – остается открытым. Получается, что это был «холостой залп», хотя снарядов было предостаточно. Тем не менее, остаться незамеченной такая книга, обращенная к немецкоязычной аудитории, не избалованной литературой по Центральной Азии, не может в силу своей фундаментальности.

Среди большого количества книг о Центральной Азии, увидевших свет в 2000-е гг., книга профессора Королевского колледжа (Лондонский университет) Рейна Мюллерсона «Центральная Азия – шахматная доска и игрок в Новой Большой игре» выделяется не только своим оригинальным содержанием, но, прежде всего, личностью автора.¹⁹ Р.Мюллерсон наш бывший соотечественник по Союзу ССР из Эстонии, в свое время он закончил юрфак МГУ и в годы перестройки был советником М.Горбачева. Дальнейшая карьера автора также заслуживает уважения: Мюллерсон работал в руководстве МИД постсоветской Эстонии, Региональным Советником ООН по Центральной Азии. Несмотря на успешную дипломатическую службу (или благодаря ей) Р.Мюллерсон написал около десятка книг, в основном по международному праву. Годы, проведенные в Алматы, дали ему возможность зафиксировать свои впечатления о нашем регионе в данной книге.

Итак, Мюллерсон использует термин «новая Большая игра», но отнюдь не в геополитическом контексте. Книга содержит пространственные исторические и культурологические эссе. Собственно говоря, этим сюжетам посвящены первые четыре части и обширное введение. Политические и геополитические проблемы поднимаются в пятой части, посвященной войне и международным терроризмом.

Центральной темой своей работы автор делает «цивилизационную миссию» (*mission civilicatrice*), под которой он подразумевает, по-видимому, политику в области прав человека. Отдельная тема этой книги – т.н. особый «центральноазиатский путь». Мюллерсон имеет в виду сложившиеся в государствах региона модели политического устройства, сочетающие в себе элементы представительной демократии (или ее симуляцию) и авторитарного правления.

Заслуживает внимания трактовка автором роли религии в истории и современности центральноазиатского общества. Мюллерсон связывает ее политикой в сфере прав человека. В данном случае взгляды автора заслуживают критики. Во-первых, автор не делает попытки дифференциро-

¹⁹ *Müllerson R. Central Asia: a Chessboard and Player in the New Great Game. – London: Kegan Paul, 2007. – 385 p.*

ванного подхода: у него центральноазиатское общество предстает гомогенным и в целом – исламским. Хотя различия между отдельными республиками и влиянием в них ислама колоссальные. Во-вторых, уважаемый проф. Мюллерсон обрушивается с уничижительной критикой (в худших традициях советологии) в адрес классиков марксизма и советской политики секуляризма, хотя ее достижения на пути ликвидации неграмотности, архаичного сознания и других пережитков домодернизационного периода очевидны. Это тем более странно, что автор сам родился и вырос в Советском Союзе. Неплохо ориентируясь в местных обычаях и традициях, чем он обязан своей работе в республиках региона, обширным личным связям и знакомствам, автор, тем не менее, опирается на свои наблюдения, сделанные в основном в руральной сфере, и соответственно строит выводы, исходя из своеобразного *vision traditionaliste*. То есть, согласно Мюллерсону, Центральная Азия была изначально традиционным мусульманским обществом, таковым она должна и остаться впредь. В таком подходе напрашиваются аналогии с Прибалтикой, которая местным националистами (в советский период) представлялась неким протестантским анклавом, своего рода северной Германией или мини-Новой Англией, окруженной и оккупированной враждебными и безбожными Советами. Однако действительность сложнее. Политическая практика последних десятилетий показывает, что игры с исламом (как и с любой другой религией) могут обернуться серьезными последствиями.

Это в очередной раз подтверждается событиями в Андижане в мае 2005 года, на которых останавливается автор в главе о войне против терроризма. Здесь он вполне резонно отмечает двойные стандарты в этой области, широко применявшиеся Соединенными Штатами и Россией/СССР. В своих оценках андижанской трагедии Мюллерсон много внимания уделяет реакции правозащитных и международных организаций, однако в целом признавая тот факт, что картина с правами человека в Узбекистане представляется более сложной, чем ее представляют, с одной стороны, правозащитные группы, а с другой – правительство страны. В конечном итоге автор избегает делать окончательные выводы (хотя и ссылается на авторитетную точку зрения Ширин Акинер, которая однозначно поддержала действия И.Каримова). Мюллерсон считает, что андижанские события следует рассматривать в качестве одного из звеньев полосы цветных революций 2003-05 гг. При этом, явно симпатизируя результатам этих «революций» в Грузии и Украине, Мюллерсон подчеркивает, что во всех этих переворотах (в т.ч. и в ходе «революции тюльпанов» в Киргизии) отсутствовал важный элемент – исламский экстремизм, который, надо полагать, автор усматривает в андижанских событиях.

Отметим между строк, что уважаемый автор вводит своих читателей в заблуждение, поскольку исламистский аспект в данных событиях отсутствовал напрочь, а имело место целенаправленная, изоощренная и тщательно спланированная военная провокация, стоившая жизни около двумстам людей, вовлеченных в эту акцию местными авантюристами и зарубежными спецслужбами.

Возвращаясь к центральной теме книги – цивилизаторской миссии (в данном случае – игра слов, возможно автор имеет в виду под этим термином миссию «гражданственности»), отметим, что автор под этой формулировкой (не совсем корректной с точки зрения французской лексикологии) понимает в первую очередь политику в области прав человека. Следует отдать должное автору, который, долгое время проработав в системе ООН, отнюдь не питает иллюзий в отношении этой организации и ее политики в сфере соблюдения прав человека. Как выражается сам Мюллерсон, его отношение к ООН – это смесь любви и ненависти. В целом, автор явно избегает однозначных оценок, будь то речь идет о правах человека в Центральной Азии, или политики демократизации.

Отмети, что благодаря многочисленным и обширным отступлениям автора данное издание далеко выходит за рамки собственно центрально-азиатской проблематики. В своем видении будущего Центральной Азии Мюллерсон исходит из того, что хотел бы видеть ее светским мусульманским обществом. Пожелание это несколько обескураживает. Местная интеллигенция (с которой автор поддерживает самые тесные дружеские связи) хотела бы видеть свои страны прежде всего гражданским, либеральным, образованным и социально ориентированным, а не мусульманским обществом. Однако, с заключительным выводом Р.Мюллерсона трудно не согласиться. Автор пишет, что Центральная Азия – это регион, где встречаются Восток и Запад и где происходит один из самых грандиозных социальных экспериментов XXI века.

В 2007 г. в рамках исследовательской программы Колумбийского университета (Институт Гарримана) увидела свет книга нашего бывшего земляка Р.Абазова «Культура и обычаи Центральноазиатских республик».²⁰ Это полезное во всех смыслах издание, информирующее западного читателя об историко-культурном наследии народов региона. На следующий год Абазов выпустил новую работу по истории региона – «Исторический атлас Центральной Азии».²¹

²⁰ *Abazov R. Culture and Customs of the Central Asian Republics.* – Westport (CT), London: Greenwood Press, 2007. – XIV+286 p.

²¹ *Abazov R. Historical Atlas of Central Asia. The Palgrave Concise.* – New York: MacMillan, 2008.

Ф.Старр из уже упоминавшегося нами Института Центральной Азии и Кавказа выступил в 2007 г. в качестве координатора крупного проекта, результатом которого стала книга «Новый Шелковый Путь: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии». ²² Проф. Старр собрал для реализации этого проекта интернациональный коллектив авторов, географически охватывающий ареал Центральной Азии, Афганистан, Азербайджан, Индию, Китай, Турцию и Россию. Не трудно заметить, что концептуально данный проект является как бы продолжением его прежней идеи «Большой (расширенной) Центральной Азии» (БЦА), которая вызвала в свое время такую острую полемику. В своей вступительной статье к книге, которая раскрывает концепцию данного издания, Ф.Старр проводит параллели между историческим Великим шелковым путем и современными транспортными возможностями Евразии. Американский ученый считает, что современная эпоха открывает новые возможности для транспортного соединения Западной Европы, Китая, Среднего и Ближнего Востока, Индостана. «Новый Шелковый путь» имеет, по его мнению, необъятный потенциал.

Как всегда, Ф.Старр выдвигает новые и неординарные идеи, касающиеся роли Соединенных Штатов в этих процессах, способных изменить лицо и характер внутриевразийских связей. В первую очередь, он признает, что новые транспортные возможности открывают широкие финансовые возможности для тех участников – местных и транснациональных, которые примут участие в создании новой транспортной сети. В этой связи руководитель проекта настойчиво предлагает учредить при госдепе США пост специального посла по торговле в БЦА. Затем Старр задается вопросом, если идея внутриконтинентальной торговли так хороша, почему она до сих пор не реализована? И сам отвечает на этот вопрос. Во-первых, проблема состоит в том, что реализация этого проекта зависит от большого количества «отдельных элементов», под которыми он понимает совокупность юридических, налоговых, организационных, банковских, управленческих, технологических, человеческих (кадровых) вопросов, а также проблемы безопасности и коммуникации. Все это завязано на чрезмерно большое количество участников – стран-транзитеров, чья государственная и торгово-экономическая политика к тому же серьезно отличается как друг от друга, так и от общепринятых мировых стандартов и правил. В этом контексте Китай демонстрирует большую гибкость к адаптации удобных нормативов, в то время как Россия с ее высокой степенью централизации – меньшую.

²² *Starr S. F. (ed.) The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2007. – 510 p.*

Говорит (причем, на примере Казахстана) Старр и о коррупции, препятствующей транспортной активности. К большим моментам автор относит такие явления как государственный протекционизм в Узбекистане, негативные последствия непродуманного вступления Киргизии в ВТО. Старр подчеркивает, что в отличие от Китая Индия и Иран активно участвуют в континентальной торговле. В своем анализе торгово-транспортной проблематики американский исследователь затрагивает такой феномен как нелегальная торговля (*undertrading*). Под этим термином он подразумевает принявшую колоссальный размах несанкционированную внешнегосударственную торговлю, статистическая оценка которой затруднительна. Оценивая предыдущие попытки развивать региональную торговлю (в рамках ОЭС, ЕврАзЭС, ТРАСЕКА), Старр пессимистичен в своих выводах. Но он видит и позитивные явления, которые относятся в основном к области двусторонних соглашений (например, казахстанско-китайских, киргизско-китайских), или компактных многосторонних (трубопровод БТД, транзитный проект Север-Юг через Каспий).

Для Старра не вызывает сомнений, что Америка несет ответственность и должна принять участие в создании евразийской системы транспортных коридоров (в этой связи он приводит слова Р.Дейча, ответственного в госдепе за этот вопрос, который заявил: «здесь слишком много яиц и много цыплят»). Автор уверен, что США должны поддерживать проекты такого рода в силу, прежде всего, простого факта, что в случае реализации такие проекты укрепят независимость стран БЦА, что отвечает национальным интересам Соединенных Штатов. Помимо этого, укрепление внутриконтинентальных торговых связей будет способствовать разрешению старых конфликтов, как например, кашмирского, и конечно – стабилизации Афганистана.

В рамках программы, руководимой проф. Ф.Старром, в ИЦАК было подготовлено в 2007 г. исследование Эрики Мэйрат (Э.Марат) «Государственно-криминальные связи в Центральной Азии: организованная преступность и коррупция в Киргизстане и Таджикистане».²³ Это солидное исследование, построенное на богатом фактическом материале и непосредственных полевых наблюдениях автора.

В рамках программы, руководимой проф. Ф.Старром, в ИЦАК было подготовлено в 2007 г. исследование Эрики Мэйрат (Э.Марат) «Государственно-криминальные связи в Центральной Азии: организованная преступность

²³ *Marat E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan.* – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS – Washington, D.C., 2007. – 139 p.

и коррупция в Киргизстане и Таджикистане».²⁴ Это солидное исследование, построенное на богатом фактическом материале и непосредственных полевых наблюдениях автора.

Д.Люис в рамках серии Колумбийского университета по проблемам безопасности выпустил в 2007 г. книгу под претенциозным названием «Искушение тиранией в Центральной Азии».²⁵ Автор исходит из того, что после начала кампании в Афганистане страны региона стали ключевыми союзниками Америки в борьбе против международного терроризма. Военная и экономическая помощь странам региона со стороны Запада должна была способствовать демократизации и стабилизации региона. Автор описывает события 2005-06 гг. – андижанский мятеж, цветную революцию в Киргизии и смену власти в Туркмении, чтобы объяснить провал американской стратегии в ЦА, но вряд ли достигает своей цели. Основной вывод Люиса: Вашингтон «пленился искушением» вступить в союзнические отношения и местными «тираниями», чтобы достичь стратегических целей в борьбе и терроризмом, но изменить характер этих режимов не смог.

В свое время казахстанские СМИ обратили внимание на появление книги американского автора К.Роббинса «В поисках Казахстана: страна, которая исчезла».²⁶ Впрочем, название книги можно перевести и как «страна, которая разочаровала». Автор в основном опирается на собственные впечатления, накопленные во время его путешествия по республике. Роббинс следовал по следам знаменитых россиян, так или иначе связанных с Казахстаном (Достоевский, Троцкий, Солженицын). Много места автор уделяет своим личным впечатлениям от знакомства с Президентом РК Н.Назарбаевым, которого он описывает как человеческого, полного юмора и харизматичного лидера. В целом, данная книга является удачной комбинацией из историко-культурологических эссе, вояжистских наблюдений, целенаправленных интервью и готовых блоков для туристического гида.

Т.Гомар и Т.Кастуева-Жан обобщили результаты работы своего коллектива из отдела России и СНГ Французского института международных исследований (ИФРИ) и выпустили монографию «Понимание России

²⁴ *Marat E.* The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS – Washington, D.C., 2007. – 139 p.

²⁵ *Lewis D.* The Temptations of Tyranny in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2007. – 224 p.

²⁶ *Robbins Ch.* In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. – London: Profile Books, 2007. – 296 p.

и новых независимых государств».²⁷ Издание включает в себя аналитические труды сотрудников института и их партнеров из стран СНГ, посвященных геополитическим проблемам, затрагивающим безопасность и международное положение Содружества, в т.ч. и Центральной Азии. В виде отдельных статей можно ознакомиться с их содержанием на сайте ИФРИ (в т.ч. и на русском языке).

Уместно отметить, что Центральной Азией занимаются не только на Западе. В 2007 г. увидело свет совместное исследование индийских и казахстанских ученых «Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия». Оно было подготовлено силами интернационального коллектива из индийских и казахстанских ученых. С индийской стороны проектом руководили проф. К.Сантанам и Р.Двиведи. Данное издание охватывает практически все аспекты двусторонних отношений, включая международный и геополитический факторы.²⁸

В 2007 г. в последний раз увидело свет традиционное издание «Актуальные проблемы Центральной Азии и Южного Кавказа», которое публиковалось силами международного коллектива под эгидой Фонда Сасакава и Дэвис-центра Гарвардского университета с 2002 г. и под руководством проф. Б.Румера и Лау Сим И.²⁹ К сожалению, Фонд Сасакава прекратил финансирование программы по ЦА, длившейся полтора десятилетия.

Германский Федеральный центр политического образования принял в 2007 г. грандиозную попытку осветить в одном издании прошлое и современность Центральной Азии. Это коллективное исследование, увидевшее свет при поддержке легендарного издания «Остойропа», под редакцией М.Заппера, Ф.Вейхзеля и А.Хутерер, носит название «Мозаика власти в Центральной Азии: традиции, ограничения, стремления».³⁰ Отметим, что и самого начала данный проект претендовал на размах и широкий формат рассматриваемых проблем. Круг авторов, приглашенных к участию в издании, насчитывает 52 исследователя. В книге представлен фактически весь цвет современной немецкой политологии, занимающейся проблемами Центральной Азии и сопутствующими

²⁷ Gomart Th., Kastueva-Jean T. (dir.) Understanding Russia and the New Independent States. Travaux et recherches de l'Ifri. – Paris: IFRI, 2007. – 204 p.

²⁸ India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions. Eds. by K.Santhanam, K.Baizakova, R.Dwivedi. – New Delhi: ICAF, 2007. – XXII+270 pp. Рус. пер.: Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия. – Алматы/Дели: КазНУ, 2007. – 283 с.

²⁹ Rumer B., Lau Sim Yee (eds.) Central Asia and South Caucasus Affairs: 2006.- Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. – 283 p.

³⁰ Sapper M., Weichhsel V., Huterer A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasian. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. – Bonn: BPB, 2007. – 648 S.

вопросами. Тем не менее, издание можно считать интернациональным, так как для участия в нем приглашены представители англосаксонской (М.Б.Олкотт, Ю.Румер, Р.Аллисон) и французской политологии (С.Пейруз, М.Ларюэль). Однако в целом доминирование германской политологической мысли в настоящей книге представляется бесспорным. Этот фактор не мог не наложить определенный отпечаток на композицию материалов и характер рассматриваемых проблем.

Издание привлекает внимание своим академическим масштабом и хорошим оформлением. Оно снабжено значительным количеством карт и иллюстраций, статистических материалов по каждой из республик Центральной Азии в отдельности, схем, графиком и диаграмм экономического характера. Кроме того, в книге имеется ценный обзор основных изданий по Центральной Азии, вышедших на Западе и в СНГ за последние годы. Однако, данная коллективная монография страдает недостатками, свойственными всем изданиям такого рода. В силу своей «коллективности» в книге отсутствует целостность и концептуальность. Большинство авторов повторяют собственные идеи, изложенные в их предыдущих работах. Книга действительно получилась «мозаичной» и тем самым оправдывает свое название. В этом случае положение могла бы исправить вводная редакционная статья, написанная именно на концептуальном уровне, но таковая, к сожалению, отсутствует. Тем не менее, остаться незамеченной такая книга, обращенная к немецкоязычной аудитории, не избалованной литературой по Центральной Азии, не может в силу своей фундаментальности.³¹

Как уже отмечалось, во второй половине 2000-х гг. среди публикаций по Центральной Азии доминировали исключительно работы интернационального коллектива в рамках ИЦАК программы, руководимой проф. Ф.Старром.

В рамках этой программы в ИЦАК было подготовлено исследование Эрики Мэйрат «Национальная идеология и строительство государства в Киргизстане и Таджикистане».³² Автор рассматривает зарождение национальной идеологии в обеих республиках в советский период, затем прослеживает формирование новой идеологии на основе новой национальной идентичности в постсоветский период. Далее Э.Мэйрат детально рассматривает элементы каждой из новых идеологий: праздники независимости, государственные символы, роль религиозных и советских праздников, памятные места и даты, национальные трагедии и историческую

³¹ Подробнее см. нашу рецензию: Казахстан в глобальных процессах. 2008. № 2.

³² *Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan.* – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. – 103 p.

память, взаимодействие религиозной идентичности и советской идеологии, создание мифов о соседях, противоречия между национализмом и регионализмом, влияние внешних факторов на формирование национальной идентичности. Автор правильно подмечает, что при создании новой идентичности все центральноазиатские лидеры столкнулись со схожими проблемами. Это многонациональный характер руководимых ими государств. Этот фактор положил пределы использованию этноцентрических инструментов. Другой фактор состоял в том, что элиты региона, получив международное признание, не могли полностью игнорировать принцип гражданства. Наиболее успешными в этом плане были Казахстан и Киргизстан. В-третьих, всем элитам региона пришлось столкнуться и проблемой роли и места ислама в новой идеологии.

В заключении автор дает несколько рекомендаций правительствам обеих республик. По мнению Э.Мэйрат, государство должно отказаться от любых институциональных механизмов по искусственному формированию идеологии. Это фактически наследие советской эпохи (идеологические отделы ЦК КПСС); в современной интерпретации – это должности госсекретарей. Далее, государство должно признать этнические меньшинства. В качестве рекомендации автор предлагает также всячески развивать гражданскую культуру. Особое внимание государство должно обратить на реформирование языковой политики. На индивидуальном уровне правительству Киргизии рекомендуется приложить усилия для стирания различия между севером и югом республики. Правительству Таджикистана рекомендуется лишить государство как институт механизма контроля над производством национальной идеологии. Как убедительно удалось показать автору, в ходе этого сложного процесса на формирование новой идеологии оказывали влияние многочисленные и самые разные факторы, и процесс этот еще далеко не завершен.

С.Пейруз посвятил свою работу «Экономические аспекты китайско-центральноазиатского сближения» политике Китая в регионе.³³ Авторы выделяют четыре основные проблемы торгово-экономических отношений сторон. Первая глава посвящена истории и характеру этих отношений. Пейруз обращает внимание на тот факт, что и самого начала эти отношения приняли неравноправный характер в пользу КНР. В качестве второй проблемы автор выделяет роль пограничных пунктов в налаживании приграничной торговли. Третья глава работы освещает вопрос китайских инвестиций в экономики и инфраструктуру региона. Китайскую сторону интересуют

³³ *Peyrouse S. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. – 73 p.*

четыре направления для инвестирования: цветная и черная металлургия, гидроэнергетика, транспортная инфраструктура, телекоммуникации. И наконец, последняя глава посвящена анализу отношений в углеводородной сфере. Именно эту область Пейруз считает ключевой в многовариантной стратегии КНР в регионе. Он также предполагает, что географически замкнутый характер положения Центральной Азии определит решающую роль Китая для будущего региона. Фактически, Китаю предстоит сыграть в XXI веке для региона ту же роль, что сыграла для него Россия в XIX и XX вв.

М.Ларюэль изучила политику России в Центральной Азии с точки зрения влияния на формирование тактики и стратегии Москвы фактора русского национализма. То есть, ее работа «Центральноазиатская политика России и роль русского национализма» в большей степени посвящена не самой Центральной Азии, а внутривнутриполитическим процессам и борьбе внутри российской элиты за выработку внешней политики в регионе.³⁴ В некотором смысле Ларюэль повторяет свои идеи и соображения, высказанные ранее, и с которыми наш читатель имел возможность ознакомиться в переводах ее книг.³⁵ В новой работе французская исследовательница описывает «возвращение России» в регион в новом столетии и все связанные с этим политические и экономические последствия. Затем в двух разделах автор подробно описывает российскую политическую сцену с точки зрения отношения к Центральной Азии. Как считает Ларюэль, повестка дня отношений между РФ и странами ЦА состоит из трех основных пунктов: т.н. «мягкая сила» (культурное влияние и языковое присутствие), проблема русской и русскоязычной диаспоры, вопросы миграции. В целом, автор приходит к выводу, что все группировки, течения и круги российской политической элиты, несмотря на идеологические различия, склонны рассматривать присутствие (доминирование) России в Центральной Азии как благо и необходимость, причем каждая политическая сила оперирует своими аргументами в пользу этого вывода.

Два исследования ИЦАК посвящены непосредственно Казахстану. Первое – это работа Э.Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане».³⁶ Автор вначале дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному

³⁴ *Laruelle M.* Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism. – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS – Washington, D.C., 2008. – 79 p.

³⁵ См.: *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. Пер. и фр. Т.Н.Григорьевой. – Москва: Наталис, 2004. – 287 с.; Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Предисловие Н.Космарской. Пер. и франц. Т.Григорьевой. – Москва: Наталис, 2007. – 360 с.

³⁶ *Bowyer A.C.* Parliament and Political Parties in Kazakhstan. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 71 p.

политическому ландшафту, выделяя т.н. пропрезидентские партии – в первую очередь Отан, «мягкую» и «жесткую» оппозицию. Вторая часть исследования посвящена изучению казахстанского парламента как государственного и политического института. Бойер считает, что 2010 г., когда Казахстан займет кресло председателя ОБСЕ, может стать критическим для однопартийного парламента РК. Автор генерирует две группы рекомендаций.

Первая обращена к властям Казахстана и включает в себя следующие пункты: модифицировать выборное законодательство, включить прямые выборы хотя бы в одну из палат; вернуть право партиям формировать политические блоки; снизить 7-процентный барьер до 5% и ниже; диверсифицировать ЦИК в плане политического плюрализма; развивать политический диалог, в котором уважались бы права и интересы всех участников политического процесса; расширить доступ оппозиционных сил к СМИ; оппозиции следует отказаться от принципа группироваться вокруг отдельных политических персон и необходимо выходить на общенациональный уровень; усилить транспарентность в работе парламента.

Вторая группа рекомендаций своим адресатом имеет правительство США и включает в себя следующее: усилить взаимодействие и сотрудничество между Конгрессом США и Парламентом РК; осуществлять тщательный мониторинг реальных изменений в законодательстве и практической деятельности Казахстана как будущего председателя ОБСЕ в контексте принятых Астаной обязательств; больше внимания уделять изучению Парламента РК как перспективного института и нового растущего центра силы; оказывать прямую помощь Парламенту в техническом и академическом плане, создавать совместные комитеты по глобальным проблемам (всемирное потепление, продовольственный голод, глобальная миграция, безопасность и т.д.); оказание профессиональной помощи ЦИК в реформировании выборного законодательства и на процедурном уровне; продолжать оказывать поддержку политическим партиям, независимым СМИ, способствовать развитию гражданского общества.

Второй работой по Казахстану стало исследование Д.Дэйли «Становление казахстанского среднего класса».³⁷ В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Пытаясь ответить на него, Дэйли изучает практически все сферы потребления – стиль жизни, жилье, питание, досуг, моду, политику, бизнес и т.д. Параллельно автор анализирует другие стороны казахстанской экономики, ее феноменальный рост в последние годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовую и банковскую систему. Автор

³⁷ *Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 100 p.*

приходит к выводу, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономической политики. Дальнейшей задачей правительства является защита этого класса от многочисленных вызовов и проблем, среди которых коррупция, разрыв между сельским и городским уровнем жизни, инфляции и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Крупные валютные накопления в Казахстане позволяют автору сделать оптимистический прогноз, что у государства остается резерв для поддержки среднего класса в будущем.

Таким образом, как нетрудно заметить, мировая литература первого десятилетия по Центральной Азии богата и разнообразна. Зарубежные исследователи не оставляли без внимания ни одной более или менее крупной проблемы региона. В то же время, продолжался процесс изучения на уровне отдельных республик. С точки зрения методологии и идеологии исследования можно заметить, что западная политическая мысль в целом не отказалась от своих прежних представлений, подходов и стереотипов. Хотя с другой стороны, имели место и новые методы, отказ от старых клише и представлений. Ареал центральноазиатских исследований оставался прежний. Это Западная Европа, Соединенные Штаты, Турция (затем – в меньшей степени), Индия, Китай (который заслуживает отдельного изучения). Нельзя не обратить внимание на такую позитивную тенденцию как то, что появлялось все больше коллективных и совместных изданий зарубежных и постсоветских авторов, вырабатывающих синтезированную точку зрения, хотя и не всегда успешно.

Еще недавно складывалось впечатление, что к концу 2000-х годов зарубежный интерес к нашему региону исчерпал себя. Все, что можно было написать о Центральной Азии, было написано. Запад (а именно там проявляли особый интерес к региону), как казалось, потерял геополитическую заинтересованность в Центральной Азии, которая еле-еле поддерживалась присутствием США и НАТО в Афганистане. «Законные» интересы России в Центральной Азии были неофициально признаны Вашингтоном в рамках «перезагрузки». Возможно, это стало возможным благодаря тайной надежде, что влияние Москвы будет сдерживаться растущим присутствием Китая в регионе.

И вот все резко изменилось. С одной стороны, Запад был напуган стремлением России, во главе которой вновь встал «интегратор постсоветского пространства» В.Путин, форсировать в 2010-2012 гг. создание Евразийского союза; с другой – усиление КНР в Центральной Азии также не устраивает западных стратегов. К этому следует приплюсовать существование факторов Ирана, Индии и опять же Афганистана, чтобы понять,

что геополитическая борьба вокруг Центральной Азии вовсе не затухает, а входит в новую фазу.

Последние полтора-два десятилетия поток академической и политологической литературы о Центральной Азии продолжал оставаться насыщенным. Как и в прежние годы, издавались работы, посвященные отдельным республикам региона. Основной сюжет и главный вывод таких исследований – формирование новой национальной идентичности и ее завершение. Увидели свет также крупномасштабные исследования геополитического плана. В российской историографии ветеранами востоковедения и политологии было издано несколько крупных монографий, посвященных региону и политике России в регионе.

В качестве самостоятельной коллективной работы можно рассматривать специальный номер журнала Московского Центра Карнеги “Pro et Contra”: «Центральная Азия и внешние державы».³⁸ В идею номера заложена идея, что, несмотря на общие черты политических режимов, между государствами региона немало расхождений; отношения между ними не всегда дружественные, а их внешнеполитические ориентиры существенно отличаются друг от друга. Со сменой поколений и приходом к власти новых руководителей Центральная Азия окажется еще более разделенной, когда националистические повестки дня будут пользоваться преувеличенным вниманием, а символическая и экономическая конкуренция – обостряться. Поэтому имеет смысл вновь задуматься над тем, насколько правомерно объединять все пять стран в некую общность.

Но в общем мейнстриме публикаций о центральноазиатском регионе в этот период все более заметно преобладание проблемы Афганистана-2014, т.е. вопросов безопасности региона в контексте ухода сил антитеррористической коалиции из этой страны. Для всех центральноазиатских государств, но особенно для тех, что граничат с Афганистаном, тревожная перспектива связана с предстоящим выводом американских войск из этой страны и весьма вероятной дестабилизацией, которая может за этим последовать.

В 2019 году мировое среднеазиеведение понесло тяжелую утрату: ушла из жизни выдающийся эксперт по региону д-р Ширин Акинер (Лондонский университет), чья академическая карьера стартовала еще в эпоху советологии. Ш.Акинер, издавшая в 1995 г. книгу «Формирование казахской нации», всегда оставалась другом народов региона и искренне симпатизировала движению молодых независимых государств к прогрессу и процветанию. Она также внесла ощутимый вклад в правдивом освещении

³⁸ Центральная Азия и внешние державы. Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2. – 126 с.

на Западе Андижанских событий 2005 г., за что подвергалась остракизму со стороны своих западных коллег. Ш.Акинер блестяще владела русским и большинством тюркских языков, что также способствовало лучшему пониманию ею происходящих процессов в регионе. И неизвестно, навсегда или временно останется ли вакантным ее место одного из ведущих специалистов по Центральной Азии.

Таким образом, настоящий материал продолжает обзоры литературы, посвященной Центральной Азии.³⁹ Как и в предыдущих обзорах, накопившиеся за последние годы издания, классифицированы по категориям. В разделе по геополитике и международным отношениям следует выделить публикации, отражающие наиболее важные события последнего времени. К таковым, безусловно, относится принятие Европейским Союзом новой Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии в 2019 г., которому посвящено всестороннее исследование С.Корнелла и Ф.Старра, уже не первый год занимающихся данным вопросом. Как и прежде, в различных докладах аналитических центров сделан анализ политики других ведущих игроков в регионе – Соединенных Штатов, России и Китая. Имели место издания, посвященные культурным и социально-демографическим изменениям в современной Центральной Азии.

Тем самым, очевидно, что и в 2010-2020 гг. интерес к нашему региону в зарубежной политологии, прежде всего – западной, не падал. Но в то же время наблюдалось смещение акцентов, что вполне объективно. Например, спустя год после смены руководства в Ташкенте на первый план среди западных исследователей выходит Узбекистан, в котором разворачиваются давно назревшие (и перезревшие) реформы. Но судьба этих реформ пока непредсказуема, что подтверждается опытом 25-летнего

³⁹ См. также: Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I-V. – Алма-Ата: КИСИ, 2005-2010. Антология истории Казахстана. Т.1. Ч.1. Под ред. М.Т.Баймаханова, В.К.Григорьева. – Алматы: Адилет, 2001. – 256 С. Антология истории Казахстана. Независимый Казахстан. Зарубежная историография. Т.Х. Ч.1. Под ред. А.В. Панфилова. – Алматы: АЮ ВПШ Адилет, 2006. – 140 С. История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Часть I-IV. – Астана – Алматы: КИСИ, 2015-2016. *Лаумулин М.Т.* Список рекомендуемой литературы и исследований по евразийской интеграции // 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). – Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2019. – С. 245-289. *Лаумулин М.Т.* Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2018 – 2019 гг. // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2019. № 3. С. 113-120. *Лаумулин М.Т.* Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2018 – 2019 гг. Часть 2 // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2020. № 1. С. 107-118. *Лаумулин М.Т.* Библиографический указатель по Центральной Азии, международным отношениям и геополитике. – Нур-Султан: КИСИ, 2020. – 588 С. *Лаумулин М.Т.* Обзор литературы по Центральной Азии: 2019-2020 гг. Часть I // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2020. № 2. С. 106-120.

периода правления И.Каримова. Тем не менее, Запад тогда уже озвучил (в т.ч. через цитируемых политологов) свои прямые и косвенные интересы, связанные с дальнейшим развитием Узбекистана, его отношениям с великими евразийскими державами (РФ и КНР) и прямыми соседями по Центральной Азии. В любом случае, на наших глазах открывается новая и интересная глава в современной истории этой республики. И зарубежные наблюдатели вносят свой вклад в освещение и раскрытие сути происходящих политических процессов.

ГЕОПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЕОЭКОНОМИКА

Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. Пер. с англ. М. Н. Десятовой. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.

Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. – New York: Basic Book, 2012. – 123 p.

Издание с трехгодичным опозданием последней работы З.Бжезинского «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» на русском языке дает повод к написанию рецензии с позиций реалий 2020 года, реалий эпохи украинского и сирийского кризисов.

26 мая 2017 г. ушел гроссмейстер Великой шахматной доски – «Большой Збиг», как его называли друзья и коллеги в лучшие времена, непримиримый враг Советского Союза и социализма, а потом и постсоветской буржуазной России – Збигнев Бжезинский (08.03.1928 – 26.05.2017). Говорят, что самыми опасными врагами СССР в 1983 году Юрий Андропов считал трех поляков: Папу Иоанна-Павла II, лидера Солидарности Леха Валенсу и бывшего помощника по национальной безопасности президента Дж.Картера З.Бжезинского. Как показала история, наш генсек не ошибался.

Збигнева Бжезинского можно считать тем самым человеком, который выпустил из бутылки джина исламизма, когда пустился в авантюру: чтобы Советский союз увяз в Афганистане, подбросил будущим аль-каидовцам и талибам лозунг тотального джихада. Когда его уже новом веке упрекнули в этом, геополитик, не моргнув глазом, парировал, что этого требовала свобода Восточной Европы (читай – Польши). Именно его польским происхождением многие объясняют его антисоветизм, за которым крылось обычное русофобство, столь свойственное уроженцам окраин бывшей империи.

Автор этой рецензии впервые слушал этого маститого американского политолога и политика в ноябре 1993 года в стенах КИСИ. Мы тщательно запротоколировали его доклад, который он читал с большим апломбом, и напечатали в первом номере нашего институтского журнала. Спустя четыре года, когда в 1997 г. увидела свет «Великая шахматная доска», я узнал в его тезисах набросок знаменитой книги. Слушая З.Бжезинского тогда в Алма-Ате, и неоднократно затем в Вашингтоне, читая и рецензируя в дальнейшем его книги, не перестаешь удивляться манере автора выдавать свою точку зрения («видение») за истину в последней инстанции. Понятно, что находясь в шоковом и беспомощном положении после распада СССР, мы невольно внимали его рассуждениям как небесному откровению. И только со временем и с приходом опыта в международных отношениях и геополитике пришло понимание мотивов, побуждений и направленности стратегического мышления знаменитого геополитика.

Можно заметить, что З.Бжезинский по-своему харизматичен и двойственен, агрессивен в публичных выступлениях и заявлениях по текущей проблематике международных отношений. И в то же время его книги написаны с претензией на долгосрочную стратегию и научность, которая в значительной степени вуалирует его истинные взгляды и побудительные мотивы. Всякий раз, когда знакомишься с очередной его работой, возникает ощущение некоторой искусственности его авторитета.

Не секрет, что Збигнев Бжезинский, родившийся в 1928 году, является одной из самых одиозных фигур американской внешнеполитической элиты. Его сочинения притягивают своей осмысленностью внешнеполитической реальности, и в то же время они вызывают чувство дискомфорта необходимыми последствиями осуществления этой внешнеполитической реальности. Так как Бжезинский лично активно участвовал в процессе протекания Холодной Войны, и к тому же до самой кончины был тесно связан с политической элитой США, именно поэтому его книги являются не только историческими документами, но и одновременно политическими документами, которые позволяют читателю поближе познакомиться с глубинным пониманием американской внешней политики. И вот, в 2012 году Бжезинский снова вынес на суд читателей свою очередную книгу. Эта книга в высшей степени любопытна в том смысле, что Бжезинский в ней описывает радикальный политический разворот США с далеко идущими последствиями. В своей книге Бжезинский выступает за масштабную ревизию всего предыдущего внешнеполитического курса США, взятого еще в начале Холодной Войны. Центральный тезис его книги – США находятся сейчас в той же ситуации, в которой находился Советский Союз в 1980-е годы.

З.Бжезинский всегда выступал за безусловное геополитическое господство США в мире и своим образом мыслей мало отличался от неоконсерваторов. Он был духовным наставником М.Олбрайт, бывшей госсекретарем во второй администрации Клинтона и через нее продолжал внедрять свои идеи в клинтоновскую администрацию. Более того, один из сыновей Бжезинского – Дэвид примкнул к Республиканской партии, что еще больше укрепило связку между неоконсерваторами в обеих партиях.

После начала событий в Афганистане самым дальновидным и удачным ответом США на советский вызов стало решение о создании сил быстрого развертывания, на котором так долго настаивал советник президента США З.Бжезинский. Ему же принадлежит теория т.н. дуги нестабильности, которая охватывает пояс стран Ближнего и Среднего Востока, включая важные с точки зрения нефтяных ресурсов государства Персидского залива; и согласно данной теории вмешательство Соединенных Штатов в этот регион оправданно, исходя из их «жизненно важных интересов».

З.Бжезинский назвал вмешательство Вьетнама в Камбодже и свержение чудовищного режима «красных кхмеров» «войной по доверенности», имея в виду, что Вьетнам действовал по указке и с разрешения Советского Союза, которому было объективно выгодно полное вытеснение Китая из Индокитая.

На концептуально-историческом уровне история противоборства континентальных империй с древности до конца XX века изложена З.Бжезинским в его работе «Великая шахматная доска»¹. В ней достаточно логично излагаются причины распада СССР, а многие аспекты непосредственно касаются Центральной Азии.

Историческая часть книги Бжезинского, посвященная анализу существовавших в истории империй, претендовавших на континентальное и мировое господство, представляет собой один из наиболее удачных разделов его эссе с научно-исторической точки зрения. В качестве главного критерия понятия «империя» на примере Рима Бжезинский использует культурный фактор, культурное превосходство Рима, включавшее в себя административную, военную и юридическую систему.

В поиске близкой аналогии современному понятию мировой державы Бжезинский обращается к примеру Монгольской империи. Собственно говоря, именно монгольская держава стала первым прообразом единой евразийской империи. Он обращает внимание на тот факт, что контуры Монгольской империи практически совпадают с империей, созданной

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Превосходство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения. 1998. – 256 с.

Советским Союзом в Европе и в Азии (Бжезинский имеет в виду период, когда Китай находился в орбите советского влияния, то есть конец 1940-х – начало 1960-х гг.). Несущей осью этой первой континентальной империи были политический контроль и военное превосходство. По-видимому, это главное отличие евразийских империй от других имперских образований, предлагавших в качестве связующей силы свою культурную модель. Именно на примере Монгольской империи пришло понимание геополитиками того факта, что только Евразия является точкой опоры для утверждения кем-либо мирового господства. Взяв эту идею в качестве аксиомы, Бжезинский далее строит свои рассуждения, исходя из необходимости для Америки взять под свой контроль Евразию, чтобы удержать мировое лидерство.

Эстафету в гонке за мировое господство взяла затем Европа, однако, отмечает автор, господство Западной Европы в мире носило фрагментарный характер, несмотря на обширность колониальных империй. В реальности это было господство европейской цивилизации в качестве культурного феномена, подкрепленное фрагментарным континентальным присутствием, вне которого оставались Китай, Россия, Османская империя и Эфиопия. Более того, Европа не представляла собой политического целого, что делало невозможным создание мировой империи Европы. Даже Британия со своей колоссальной колониальной империей и системой доминионов не контролировала Европу, а только поддерживала в ней необходимое для себя равновесие сил. Здесь автор переходит наконец к своему главному и любимому персонажу мировой истории – Соединенным Штатам Америки, которые впервые в истории, как он считает, представляют собой державу мирового значения. Только США сумели достичь доминирующего положения сразу в четырех решающих областях мировой власти: в военной сфере, в технологической области, в экономике и в области культуры (несмотря на некоторую ее примитивность, отмечает Бжезинский).

У Америки как у мировой силы имперского типа существует главное отличие от прежних империй. Это отличие состоит в плюралистическом характере американского общества и политической системы США. Прежние империи, подчеркивает автор, были созданы аристократическими политическими элитами и управлялись авторитарными или абсолютистскими режимами. Превосходство Америки, уверен Бжезинский, обеспечивает прежде всего ее культурное превосходство, которое в свою очередь вытекает из ее демократических ценностей и политических традиций. В качестве примера автор приводит магнетизирующую притягательность американской массовой культуры для молодежи всего мира.

Не меньшей привлекательностью, считает автор, обладает американская предпринимательская модель, построенная на мировой свободной торговле и беспрепятственной конкуренции. В этом месте, на наш взгляд, автор допускает первую ошибку, усмотрев в стремлении многих, или всех, как он пишет, государств подражать экономической модели США признание ими косвенной или консенсуальной гегемонии Америки, в то время как они стремятся овладеть тем же видом «оружия», чтобы на равных защищать свои экономические и национальные интересы от американского давления.

З.Бжезинский называет Евразию «главным геополитическим призом для Америки». Он находит для каждой фигуры на этой великой шахматной доске точное и емкое определение. Так, Европа для него – «демократический плацдарм», Россия – «черная дыра», а «евразийские Балканы» включают в себя Кавказ и Центральную Азию вместе с прилегающими регионами Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Для нас, безусловно, главный интерес представляют рассуждения Бжезинского о месте и значении для Америки Центральной Азии и СНГ. Однако его логику невозможно понять, не обратившись к предложенной автором схеме Евразии. Она состоит из четырех частей: Западной (Западная и Центральная Европа), Центральной (Россия и некоторые страны СНГ), Южной (Ближний и Средний Восток, частично Центральная и Южная Азия) и Восточной (Китай, Япония и государства ЮВА). З.Бжезинский пишет, что между западной и восточной оконечностями лежит богатое ресурсами, но политически неустойчивое пространство. Америка одержит победу в том случае, если эту часть удастся включить в сферу влияния Запада, параллельно не позволяя Востоку объединиться, а на Юге не допуская появления единого крупного игрока. И наоборот, США проиграют, если центр Евразии вновь станет активным целым, даст отпор Западу, возьмет под свой контроль Юг или объединится с Востоком. Изгнание Западной Европой Америки из этой оконечности континента будет также означать конец участия игры США на евразийской шахматной доске. Автор уверен, что это будет означать одновременно подчинение Европы ожившему центральному игроку, то есть бывшему СССР.

Автор классифицирует всех евразийских игроков по степени их влияния, силы, активности и потенциала. Таким образом, всех их можно разделить на два типа: геостратегические игроки, то есть государства, способные оказывать влияние на других (субъекты); и геостратегические центры, то есть важные с точки зрения геополитики государства (объекты). К первым Бжезинский относит Францию, Германию, Россию, Китай и Индию; ко вторым – Украину, Азербайджан, Южную Корею, Турцию

и Иран. Два последних государства в какой-то мере обладают свойствами геополитически активных стран.

Фактор неопределенности и нестабильности создается пространством Центральной Евразии – 25 государств с населением 400 млн. человек. Он влияет на таких игроков, как Турция, Иран, Россия, Индия и Китай. Самой опасной ситуацией для Америки может стать создание коалиции с участием Китая, России и Ирана, для предотвращения чего ей придется проявить все свое геополитическое мастерство. Анализируя положение и перспективы развития каждого государства на евразийском пространстве с точки зрения американских интересов, З.Бжезинский наиболее уверен в «демократическом плацдарме» – Европе. Соединенным Штатам выгодно объединение Европы, расширение НАТО и ЕС на Восток, но в то же время Америка должна оставить за собой возможность контролировать безопасность Европы и возглавлять процесс расширения «демократического плацдарма» далее, в глубь Евразии. Ядром безопасности Европы, то есть своими главными партнерами, автор видит после 2010 г. следующие государства: Францию, Германию, Польшу и Украину.

Распад СССР, продолжает З.Бжезинский, привел к образованию на его месте «черной дыры» геополитики. Но он был завершающей стадией распада некогда мощного советско-китайского коммунистического блока. С исторической точки зрения Россия была отброшена к границам 1800-х гг. в Азии и 1600-х – в Европе. Все это создало вакуум силы в самом центре Евразии. Самым болезненным моментом была потеря Украины, без которой Россия уже никогда не сможет выступать в качестве активной геополитической фигуры. Негативные с точки зрения интересов России геополитические изменения происходят повсюду – в Восточной Европе, на Кавказе, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В этих регионах место Москвы пытаются занять другие, более динамичные игроки. З.Бжезинский обращает внимание на то, что все попытки новой российской политической элиты сформулировать собственную геополитическую стратегию – от «зрелого стратегического партнерства с США, через попытку вернуть под свой контроль «ближнее зарубежье», до создания антиамериканского евразийского контральянса – были лишены внешне- и внутривнутриполитического реализма.

В этой связи З.Бжезинский обращается к так называемой евразийской теории. Не отрицая научно-исторического значения трудов Л.Гумилева, он в то же время скептически относится к этой теории как к геополитической концепции. По мнению автора, наиболее умеренный и прагматичный вариант евразийства был предложен президентом Казахстана Н.Назарбаевым, который исходил при этом из географической и, по-видимому,

из геостратегической реальности. Игнорирование Украиной интеграционных процессов делает невозможным воссоздание какого-либо союза или конфедерации из постсоветских стран. Но главная причина заключается, считает автор, во вполне обоснованных опасениях стран СНГ перед возможными политическими последствиями экономического объединения с Россией. Обречены на неуспех любые попытки России сблизиться в геополитическом плане с азиатскими или европейскими державами на антиамериканской основе. Таким образом, Россия стоит перед «дилеммой единственной альтернативы», то есть у нее фактически нет выбора, кроме трансформации и модернизации своего общества с помощью Европы. Естественным продолжением этого процесса будет интеграция с Европой, которая в свою очередь останется тесно связанной с Америкой. Эта проблема больше не является для России вопросом геополитического выбора; это вопрос насущных потребностей выживания, заключает Бжезинский.

Пятая глава книги посвящена региону, который автор называет «евразийскими Балканами». Использованию этого термина дает основание тот факт, что регион действительно напоминает прежние Балканы, в которых вакуум силы сочетался с всасыванием силы, то есть ситуация, при которой каждый из более мощных соседей сопротивляется доминирующей роли другого. С американской точки зрения, главной целью является установление контроля над ресурсами этого региона. Говоря о Центральной Азии, З.Бжезинский подчеркивает, что самую важную роль в регионе играют две страны – Казахстан и Узбекистан, – у каждой из которых также своя роль: Казахстан является «щитом региона», а Узбекистан – его «душой». По мнению автора, политическая элита Узбекистана считает свою страну кандидатом на роль регионального лидера, хотя он уязвим с этнической точки зрения. Что касается Казахстана, то наличие границы с Россией и большого количества русского населения ставит его в постоянную зависимость от своих отношений с северным соседом.

Основными соперниками за влияние на «евразийских Балканах» являются Россия, Турция и Иран, к которым уже присоединяется Китай. Последний предпочитает видеть на своей западной границе не Российскую империю, а конгломерат разрозненных государств, доступ к чьим природным ресурсам без какого-либо контроля со стороны Москвы должен стать основной целью Пекина. В качестве кандидатов на роль активных игроков в Центральной Азии выступают Индия и Пакистан. Роль США, неевразийского государства, постоянно увеличивается на основе политики, направленной на разработку ресурсов региона, но при ограничении исключительно российской доминирующей позиции. На карту в борьбе за этот регион, отмечает Бжезинский, поставлены геополитическое

могущество, доступ к богатым природным ресурсам, достижение национальных целей каждого участника и безопасность. Все эти соображения приняли сконцентрированный характер в вопросе о маршрутах будущих трубопроводов от Каспийского моря. Как следует из размышлений автора, главной геостратегической задачей Америки было и остается недопущение России к монопольному контролю над ресурсами региона. В целом картина перекрещивающихся интересов и противоречий на «евразийских Балканах» чрезвычайно пестрая, однако стратегия России противоречит устремлениям почти всех государств региона. Казахстан представляет собой привлекательную и первоочередную цель стратегии России по возвращению своих доминирующих позиций в Евразии.

Главный вывод З. Бжезинского относительно политики США в Центральной Азии звучит так: ни доминион, ни аутсайдер. Это означает, что Америка слишком удалена от региона, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком сильна, чтобы не быть вовлеченной в происходящие здесь процессы. Автор видит американскую политику в регионе направленной на создание многополярности; отношения с Россией будут ставиться в зависимость от ее уважения суверенитета новых независимых государств региона.

Характеризуя Китай, З. Бжезинский считает его пока еще не мировой, но уже региональной державой. С исторической точки зрения у Китая было четыре противника – Великобритания, Россия, Япония и США, из которых два первых уже выведены из активной игры. Китай со всех точек зрения является региональной державой, но по нескольким параметрам (ВВП и вооруженные силы) с некоторой натяжкой может быть назван державой мирового уровня. Его будущее развитие и судьба, отмечает автор, зависят от того, каким путем произойдет передача власти новому поколению правителей, и оттого, как удастся решить проблему урегулирования растущего противоречия между экономической и политической системами страны. Таким образом, Китаю требуется контролируемая демократизация. Но в любом случае, считает автор, Китай не сможет стать мощной мировой державой, представляющей опасность для США. Однако это не исключает вполне вероятных попыток со стороны Китая расширить свое региональное влияние. Векторы этой политики могут быть направлены в любом направлении от Поднебесной, в том числе и в сторону Центральной Азии. Интересы Китая к соседям питаются историей и географией. На схемах Бжезинского Центральная Азия охвачена зоной влияния Китая в случае, если он станет мировой державой, но на его взгляд, сфера влияния Китая в качестве мировой державы скорее всего будет вытянута на юг – в направлении Индонезии и Филиппин.

У Китая две цели, считает Бжезинский, первая заключается в политике сопротивления гегемонизму, то есть, направлена против интересов США; вторая – в уклонении от каких-либо серьезных конфликтов с соседями. Но в конечном счете геополитической задачей Китая является ослабление позиции Америки до такой степени, чтобы она сама выбрала Китай в партнеры. Основным препятствием на пути к этой цели является американо-японский союз. В Пекине уверены, что в долгосрочной перспективе американская гегемония в АТР не сможет удержаться. Натравив США и Японию друг на друга, как он сделал это с СССР и США, Китай будет ждать, когда Америка обратится к нему как к своему единственному и естественному континентальному партнеру в Азии.

Японию автор называет уже не региональной, но мировой державой. На другой схеме Бжезинского интересы американо-японской антикитайской коалиции во многих точках перекрещиваются с китайскими интересами. Учитывая все это, автор предлагал Америке следующий путь: стараться направить энергию Японии в международное русло и управлять мощью Китая в интересах региона. Во время своих встреч с китайскими руководителями, как пишет Бжезинский, ему удалось обиняками выяснить примерную сферу совпадения интересов США и КНР. В частности, такие моменты, как поддержание независимой Центральной Азии, сохранение равновесия между Индией и Пакистаном, а также сохранение стабильной, но не сильной России. В целом Бжезинский выступает за такую роль Китая, при которой он мог бы стать опорой Америке на Дальнем Востоке, позволяя сохранять евразийский баланс сил, по-видимому, против России, то есть играть на востоке континента ту роль, которую ЕС играет на Западе.

3. Бжезинский воспользовался в отношении положения России как все еще крупнейшем государстве в мире, написав, что «Россия несет ответственность за самую большую в мире долю недвижимости», и используя в отношении нее формулу, аналогичную той, какую использовал Гитлер в переговорах с Молотовым в отношении раздела наследства Британской империи, рассуждая о возможности советско-германского геостратегического альянса. Не подразумевается ли при этом, что при каком-либо неблагоприятном развитии событий ее могут лишиться этой ответственности? Для Кавказа и Центральной Азии автор видит только один путь, выстроенный на внедрении геополитического плюрализма, международного сотрудничества и инвестиций в освоение ресурсов Каспийского региона. Любопытно, что Бжезинский считает ненормальным современное состояние американо-иранских отношений и призывает пересмотреть позицию США в отношении ИРИ. В конце концов, автор приходит

к выводу, что главное условие (геополитический плюрализм) будет недостижимо без соглашения между США и КНР. У Бжезинского это звучит так, как будто в будущем эти державы будут координировать свою политику в отношении Дальнего Востока и Центральной Азии. В заключение автор вновь предостерегает от создания китайско-российско-иранской коалиции, предрекая ей провал. В целом автор выступает за стратегическое партнерство между США и КНР, целью которого для США должно быть создание «демократического плацдарма», но уже на востоке Евразии. Крайне негативную оценку Бжезинский дает циркулирующим в последние годы идеям о превращении Китая в глобальную державу и соперника Америки, считая, что они порождают у Китая манию величия и тем самым провоцируют его стать на путь борьбы с Америкой. Однако мы можем поставить вопрос, не отражают ли эти идеи политический заказ той части американского истеблишмента, которая как раз надеется спровоцировать Китай на вступление в схватку с Соединенными Штатами в то время, когда он еще не стал сверхдержавой?

В качестве трансевразийской системы безопасности З.Бжезинский видит такую систему мер и соглашений, которая связала бы расширенную НАТО с Россией и далее – с Китаем и Японией. Индия также могла бы впоследствии присоединиться к такой системе. В заключение автор совсем не праздну задумывается над тем, что будет «после последней мировой сверхдержавы». В этой связи автор вскользь затрагивает множество серьезных историко-философских и социальных вопросов, даже осторожно критикуя устои общества потребления. Но в конце концов Бжезинский видит путь сквозь множество неодолимых проблем только через закрепление собственного господствующего положения США с помощью такой системы глобального сотрудничества, которая приняла бы на себя от США роль «регента» в ответственности за мировую стабильность и порядок. Но это произойдет нескоро, отмечает автор.

В своих дальнейших работах З.Бжезинский продолжил свою линию на активное вмешательство США в Евразии, в том числе и в Центральной Азии: «Америка должна сформировать политическую концепцию по привлечению России к сотрудничеству с Европой, при этом необходимо укреплять независимость новых суверенных соседей России. Нежизнеспособность, положим, Украины или Узбекистана останется под вопросом, если Америке не удастся должным образом содействовать их устремлениям к национальной консолидации».²

² *Brzezinski Z. A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. -1997. -Vol. LXXVI. No 5, pp. 50-64.*

В своей книге «Стратегический взгляд» Бжезинский поставил и попытался ответить на четыре основных вопроса:

1. Каковы возможные последствия смещения баланса мировых сил с Запада на Восток и как отражается на нем новый фактор пробуждения политической сознательности?

2. Почему слабеет мировое влияние Америки; каковы симптомы её внутризэкономического и внешнеполитического упадка; как Америка упустила уникальную возможность, полученную после мирного окончания «холодной войны»? И напротив, каковы регенерационные ресурсы Америки и какая необходима геополитическая переориентация, чтобы вернуть мировое влияние в прежнем объеме?

3. Каковы возможные геополитические последствия в том случае, если международное главенство Америки действительно ослабнет, кто пострадает от такого развития геополитических событий прежде всего и как оно отразится на мировых проблемах XXI века? Отберет ли Китай у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году?

4. Какие долгосрочные цели должна наметить себе возрождающаяся Америка на период после 2025 года? Как ей с её традиционными европейскими союзниками привлечь к сотрудничеству Турцию и Россию, чтобы расширить и оздоровить нынешний Запад? Как одновременно с этим выстроить на Востоке тесное сотрудничество с Китаем, не сосредоточивая свое конструктивное присутствие в Азии исключительно на нём и избегая опасного вмешательства в азиатские конфликты?

В этой книге автор предпринимает общий обзор мировой политики. Говорит о подъеме Азии и глобальном рассредоточении мировых сил, глобальном политическом пробуждении, размышляет о закате «американской мечты», имперской сущности американской внешней политики, пытается заглянуть в «мир после Америки» и смоделировать глобальное международное равновесие сил после 2025 г.

3. Бжезинский считает, что для относительно легитимного доминирования США в мире они должны поддерживать порядок, оказывать человечеству равноценные для всех «услуги». Однако на практике для сохранения своего могущества Соединенные Штаты пользуются имперским подходом «разделяй и властвуй», сея и поддерживая глобальный хаос и нестабильность. В этой противоречивой двойственности концептуальных политологических подходов американской внешней политики содержится основная проблема понимания действий Соединенных Штатов.

В отличие от Дж. Ная 3.Бжезинский не вдается в теоретические дебри механизмов скрытого влияния на глобальное общественное мнение и целеполагание, но описываемые им процессы и предлагаемые советы,

которые должны содействовать сохранению гегемонии США, обнаруживают эту двойственность, хотя сам автор ее не чувствует либо просто не хочет акцентировать на ней внимание.

Большое значение З.Бжезинский придает вопросам идеологии, морального духа, разлагаемого современным обществом потребления. Отмечает, что «ярко выраженной идеологической альтернативы Соединенным Штатам в этом веке еще не появилось, если американская система утратит в глазах общественности свою актуальность, ее вполне может затмить своими успехами китайская. То есть, делает вывод автор, речь идет об «идейном закате Америки». Автор отмечает, что между Советским Союзом на закате его дней и Америкой начала XXI века наблюдается тревожное сходство.

В любом случае Америку ждет неуклонная и в конечном итоге роковая утрата способности играть ведущую роль на мировой арене. Нерешенные внутренние и затягивающиеся внешние проблемы выжмут из нее все соки, постепенно деморализуя общество, подрывая социальный престиж и сокращая кредит мирового доверия. В результате где-то к 2025 году на фоне международной нестабильности Америка де-факто лишится триумфально провозглашенного владычества над XXI веком. Кто в этом случае будет претендовать на освободившееся место? – вопрошает геополитик.

В отношении Центральной Азии, которую автор безусловно относит к «Евразийским Балканам», Бжезинский считает, что США уже полномасштабно присутствуют в регионе и будут в дальнейшем расширять здесь свое присутствие. Для укрепления стабильности в нашем регионе, считает автор, необходимы совместные международные усилия: военное присутствие США как гарантия безопасности, взаимодействие с ЕС (в рамках НАТО и как с экономической супердержавой), оказание совместного с европейцами давления на Японию и Китай, чтобы те внесли свою материальную долю в укрепление политической и социальной стабилизации в регионе.

В принципе, основная идея, заложенная в фундамент этой книги американского геополитика, чрезвычайно проста. Эта мессианская идея в тех или иных формах давно варьируется в американском политическом сообществе. Ее суть честно изложил сам автор: роль Америки в современном мире объясняется тем, что она является последним (*ultimate*) гарантом глобальной безопасности, а поэтому, расшифруем мы, имеет право делать то, что сочтет нужным. История с Ираком всем наглядно это продемонстрировала. Поэтому в будущем Бжезинскому и другим апологетам «божественной миссии» США не следует делать удивленные глаза, когда повсеместно будут возникать очаги сопротивления американскому доминированию, или лидерству, если угодно. Это всего лишь вопрос времени.

В реальности, этот процесс уже начался. И Бжезинский интуитивно это почувствовал, иначе не появилась бы его книга. Но автор так желает в самом конце своей книги, чтобы «свет Америки сиял бесконечно» всему миру. И в этом его трудно упрекнуть: каждый хотел бы видеть свою страну, свой народ, свои обычаи и свою культуру образцом для остального человечества. Но не за счет других и не в ущерб другим, добавим мы.

В отношении Центральной Азии, которую автор безусловно относит к «Евразийским Балканам», Бжезинский считает, что США уже полномасштабно присутствуют в регионе и будут в дальнейшем расширять здесь свое присутствие. Для укрепления стабильности в нашем регионе, считает автор, необходимы совместные международные усилия: военное присутствие США как гарантия безопасности, взаимодействие с ЕС (в рамках НАТО и как с экономической супердержавой), оказание совместного с европейцами давления на Японию и Китай, чтобы те внесли свою материальную долю в укрепление политической и социальной стабилизации в регионе.

В принципе, основная идея, заложенная в фундамент этой книги американского геополитика, чрезвычайно проста. Эта мессианская идея в тех или иных формах давно варьируется в американском политическом сообществе. Ее суть честно изложил сам автор: роль Америки в современном мире объясняется тем, что она является последним (*ultimate*) гарантом глобальной безопасности, а поэтому, расшифруем мы, имеет право делать то, что сочтет нужным. История с Ираком всем наглядно это продемонстрировала. Поэтому в будущем Бжезинскому и другим апологетам «божественной миссии» США не следует делать удивленные глаза, когда повсеместно будут возникать очаги сопротивления американскому доминированию, или лидерству, если угодно. Это всего лишь вопрос времени.

В реальности, этот процесс уже начался. И Бжезинский интуитивно это почувствовал, иначе не появилась бы его книга. Но автор так желает в самом конце своей книги, чтобы «свет Америки сиял бесконечно» всему миру. И в этом его трудно упрекнуть: каждый хотел бы видеть свою страну, свой народ, свои обычаи и свою культуру образцом для остального человечества. Но не за счет других и не в ущерб другим, добавим мы.

В 2012 году Бжезинский снова вынес на суд читателей свою очередную книгу – «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис». Эта книга в высшей степени любопытна в том смысле, что Бжезинский в ней описывает радикальный политический разворот США с далеко идущими последствиями. В своей книге Бжезинский выступает за масштабную ревизию всего предыдущего внешнеполитического курса США, взятого еще

в начале Холодной Войны. Центральный тезис его книги – США находятся сейчас в той же ситуации, в которой находился Советский Союз в 1980-е годы.

Фактически книга «Стратегическое видение» Бжезинского окончательно порывает его связь с неоконсерваторами. И нужно признать, его отношение к неоконсерваторам США всегда было амбивалентным. С самого начала Бжезинский выступал за экспансию США в мире. Однако, в отличие от неоконсерваторов, которые хотели достичь того же, но только жесткими, военными, прямыми методами, Бжезинский видел экспансию Америки в русле общего тренда глобализации, так сказать в рамках естественных законов природы распространения культуры и ценностей. Бжезинский имел цель, удержать статус сверхдержавы США хотя бы еще на одно поколение. Дальше этого срока Бжезинский представлял уже Америку, которая бы растворилась в международном сплетении могущественных транснациональных концернов и организаций, продолжающих традиции и ценности американской политики и культуры в глобальном масштабе.

В своем прогнозе З.Бжезинский прибегает к своему излюбленному приему – запугиванию. Он пишет, что если Америка утратит лидерство, маловероятно, что оно перейдет к какому-то одному преемнику – на роль которого сейчас большинство прочит Китай. Если внезапный обширный кризис американской системы вызовет стремительную цепную реакцию, ведущую к глобальному экономико-политическому хаосу, то постепенное движение Америки к растущему упадку во всех сферах и (или) бесконечно набирающей обороты войне с исламом вряд ли даже к 2025 году закончится «коронацией» завоевавшего мировой трон преемника. Ни одна держава к тому времени не будет готова в одиночку примерить на себя ту роль, которую мир после развала Советского Союза в 1991 году отвел Соединенным Штатам. Куда более вероятен продолжительный этап довольно хаотичных перестановок глобальных и региональных сил, в которых проигравших будет гораздо больше, чем очевидных победителей, и происходить это будет на фоне международной нестабильности и даже потенциально смертельной угрозы глобальному благополучию.

З.Бжезинский отмечает, что даже если постепенное скатывание Америки к упадку будет носить неопределенный и противоречивый характер, не исключено, что руководители догоняющих стран, среди которых Япония, Индия, Россия и некоторые члены ЕС, уже оценивают, как потенциальный крах Америки отразится на их собственных национальных интересах. Китай пока ещё не готов – и ещё несколько десятилетий не будет готов – в полной мере взять на себя мировую роль Америки.

Он заключает, что Евразия уже два десятилетия, прошедших после окончания «холодной войны», находится в дрейфе. Европа стала более политически разобщенной, Турция и Россия остаются где-то на периферии западного сообщества. На Востоке набирает экономическую, политическую и военную силу Китай, создавая напряженность в регионе, и без того одолеваемом историческими противоречиями. Чтобы обеспечить стабильность на всем континенте, Америка должна учесть в своей политической линии все эти проблемные аспекты, назревшие в обеих частях Евразии.

И так, заключает З.Бжезинский, Америке необходим новый путь, всеобъемлющая и долгосрочная геополитическая программа, отвечающая требованиям меняющегося исторического контекста. Только динамичная и стратегически мыслящая Америка вместе с объединяющейся Европой смогут совместными силами работать над созданием расширенного и более энергичного Запада, способного стать ответственным партнёром управляющему плечи Востоку.

Задача Америки, упустившей целых двадцать лет, – действовать тоньше и в большем соответствии с новыми реалиями евразийской власти, делает вывод Бжезинский. Единоличное господство даже самого сильного государства уже невозможно, особенно учитывая появление новых региональных игроков. Поэтому Америке сейчас следует нацелиться на долгосрочную работу по обеспечению трансъевразийской стабильности в широком геополитическом смысле, основанной на выстраиваемом компромиссе между старыми силами Запада и новыми силами Востока.

В целом, автор повторяет свои собственные рассуждения двадцатилетней давности: манипулировать Евразией, контролировать здесь геополитические процессы и управлять ими. Таким образом, отмечает он, главная задача и геополитический императив Америки на ближайшие несколько десятилетий – обрести «второе дыхание», способствовать формированию расширенного и более энергичного Запада, одновременно укрепляя сложное равновесие на Востоке с тем, чтобы конструктивно воспринять повышение глобального статуса Китая и избежать общемирового хаоса. Без стабильного геополитического равновесия в Евразии, обеспечиваемого обновленной Америкой, решение глобальных проблем, от которых зависит социальное благополучие и в конечном итоге жизнь человечества в целом, зайдет в тупик.

И так, были услышаны призывы З.Бжезинского наладить стратегическое партнерство Запада с Россией? Увы, события на Украине ясно показали, что американский правящий истеблишмент, устроивший там грандиозную геополитическую провокацию России, по-прежнему мыслит

в старых категориях. И сегодня отношения России с Западом – США и ЕС – несравнимо хуже, чем в то время, когда Бжезинский писал свою книгу. Таким образом, борьба за Евразию на «Великой шахматной доске» продолжается.

Cooley A. Great Games, Local Rules: the New Great Powers Contest in Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – XIV+252 pp.

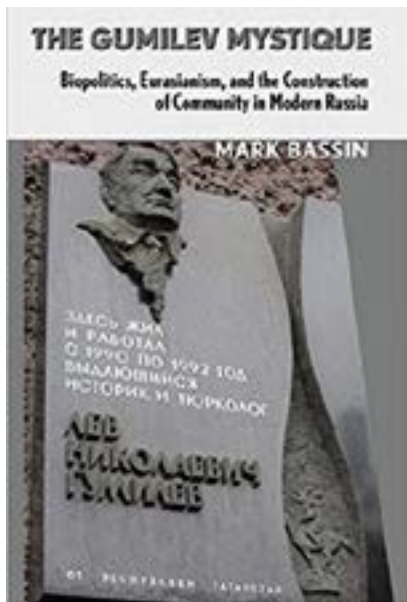
Книга американского исследователя Александра Кули «Большая игра и местные правила: новый контекст политики великих держав в Центральной Азии» больше напоминает по стилю политический триллер, чем политологическое исследование. Автор подходит к анализу ситуации в регионе с позиций т.н. «Большой Игры» – явного и скрытого соперничества великих держав. Основных игроков у него три – Соединенные Штаты, Россия и Китай. А.Кули начинает с того, что изучает общий контекст геополитического соперничества в регионе.

Затем автор переходит к анализу поведения центральноазиатских государств перед лицом усиливающегося давления со стороны крупных акторов. Этой проблеме посвящена глава «Как выживают центральноазиатские режимы». Кули считает, что парадигма геополитического поведения каждой из держав в регионе была изначально задана основными рамочными условиями. Для США такими условиями стала необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Москва сама себя поставила в изначально сложное положение, позиционируя Россию в качестве привилегированного игрока в ЦА, что наложило на нее определенные обязательства и в некотором смысле ограничило свободу маневра, поскольку у нее не хватает ресурсов для проведения политики в качестве патрона.

Для Китая центральным фактором его региональной политики стало формирование ШОС, которая превратилась одновременно и в мотив, и в инструмент активизации политики на западном направлении. Поначалу основным поводом для активной политики в регионе Пекина были проблемы безопасности (СУАР), которые в дальнейшем трансформировались в серьезные экономические интересы и геополитические амбиции. В отдельной главе А.Кули связывает в один клубок такие вопросы как антитеррористическая кампания Запада, демократизация и права человека. Автор приходит к выводу, что Запад в угоду антитеррористическому императиву принес в жертву свои базовые принципы – поддержку демократии и прав человека, чем не замедлили воспользоваться местные режимы, а также Москва и Пекин. Более того, в отдельной главе он освещает механизм заключения контрактов западными компаниями с использованием

коррупции. В качестве наиболее убедительного примера того, как в результате геополитического соперничества нарушается политическая стабильность, автор приводит пример Киргизстана.

А.Кули категорически подчеркивает, что сами центральноазиатские государства, даже самые слабые, не являются пассивными наблюдателями за маневрами великих держав, а сами активно участвуют в этой геополитической борьбе. В конечном итоге исследователь автор приходит к крайне важному выводу: в ходе геополитической борьбы за Центральную Азию окончательного победителя не обнаружилось. Таким образом, заключает А.Кули, Центральную Азию можно рассматривать как своеобразную миниатюрную модель или прообраз многополярного мира, где интересы великих держав соприкасаются, а равновеликая мощь и взаимное соперничество заставляют их волей-неволей вести себя осторожно в отношении друг друга и учитывать интересы других сторон. В книге автор приводит немало примеров не только соперничества, но и сотрудничества этих игроков. Свое исследование автор считает полезным не только тем экспертам, которые специализируются на изучении геополитики Евразии, но и как одну из первых работ, в которых прорисовываются контуры будущего «пост-западного мира».



Bassin Mark. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the construction of community in modern Russia. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. – 400 pp.

Ряд исследований, которые следовало бы отнести к историческим (или историографическим), большинство зарубежных критиков рассматривают под геополитическим взглядом. Речь идет о трудах, посвященных евразийской идее и ее главного носителя, в роли которого рассматривается научная деятельность и смелые изыскания великого советского ученого Льва Гумилева.

Один из знатоков его творчества на Западе – Марк Бассин (Университет Седертёрна), автор фундаментального труда «Мистика Гумилева: биополитика, евразианизм и строительство сообщества в современной России». В центре внимания книги профессора М.Бассина – Лев Гумилев, российский (советский) историк, этнограф и философ, превратившийся в культовую фигуру в России. Как подчеркивает Бассин, эта популярность особенно выросла в последние годы советской власти и ранней

постсоветской эпохи. Тем не менее, до монографии Бассина о Гумилеве работ о Гумилеве на английском языке практически не было, и очень немногие книги Гумилева были переведены на английский. Гумилева практически игнорировали на Западе. Почему это произошло? Большинство западных историков и этнографов, по-видимому, находят этому простое объяснение, исходя из материалов в книге Бассина: Гумилева находились за пределами западной науки. Они считались совсем ненаучными и в лучшем случае могут считаться своеобразной научной фантастикой. И читатели книги Бассина получают достаточно аргументов для этого вывода.

Гумилев рассматривал этнические группы и их более крупный конгломерат, «суперэтнос», как своего рода биологический объект. Феномен этноса возник, когда люди, живущие на определенной территории, получили некую (космическую) энергию. В этот момент они заряжаются «пассионарностью», а Гумилев рассматривал понятие «пассионарности» как свое «самое важное теоретическое открытие».

Слово «пассионарность» можно также вольно трактовать как страсть или энергию, в момент наступления которой новый этнос переживает рост, а его лидеры стремятся к экспансии. Позже этнос, подобно другим биологическим существам, созревает и теряет свою юную энергию, хотя на новых этапах элита не прекращает созидательную деятельность. Затем этнос умирает, хотя Гумилев, по-видимому, делает несколько исключений из этих правил. Другой важный аспект теории Гумилева – и он также был хорошо представлен в работе Бассина – это идея «комплиментарности» этнических групп.

По идее Гумилева, некоторые этносы проживали в непосредственной близости друг от друга и, в некотором смысле, осуществляли взаимовыгодный экономический и культурный обмен между собой. В некоторых случаях они могли вступать в смешанные браки, хотя Гумилев, как правило, выступал за эндогамию, где каждая этническая принадлежность должна позволять браки только внутри группы. В то же время он явно делал исключения для отношений славян с тюркскими народами. Разрабатывая свою теорию «комплиментарности», Гумилев следовал по пути «евразийцев», группы русских эмигрантов, которые бежали от большевистской революции.

С точки зрения «евразийцев», Россия не принадлежит ни к Западу, что противоречило мнению западников, доминировавших в русской мысли с конца XIX века, ни славянофилам. Действительно, «евразийцы» одинаково скептически относились как к славянофилам, представителям другого важного направления в русской мысли, считавшим, что Россия

принадлежит славянскому миру, как и к западникам. С точки зрения «евразийцев», русские или другие восточные славяне, живущие в пределах России, могут рассматривать как настоящих союзников и друзей, главным образом, тюркские народы Российской империи/СССР. Единство славян и турок было обусловлено их общей исторической судьбой. Все они были собраны в единое государство великой империей монголов. Как справедливо заметил Бассин, Гумилев в этом следовал классическим евразийцам с 1930-х гг. Никакой прямой связи с эмигрантами у Гумилева, естественно, не было и он пришел к евразийству совершенно самостоятельно. Это относится к взглядам Гумилева на монголов.

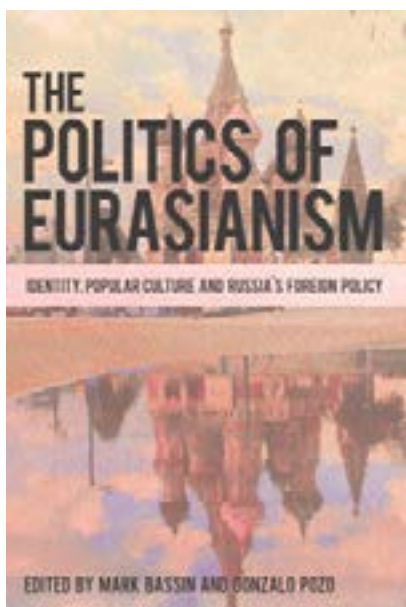
Подавляющее большинство российских и европейских историков считали монгольское нашествие в XIII веке одним из величайших, если не величайшим, бедствием в российской истории. Для довоенных евразийцев и Гумилева история была иной. С их точки зрения, ужасы нашествия были преувеличены, и пресловутое монголо-татарское «иго» на самом деле было весьма полезным для России и фактически большей части Евразии. И, как утверждал Бассин, «евразийцы» полагали, что «ига» вовсе и не было, в его обычном понимании. «Древняя Русь» была не «завоевана», а добровольно подчинилась власти монголам. Монгольское государство учило народы северной Евразии, в будущем империи русских царей, а затем и СССР, жить в мире друг с другом, независимо от вероисповедания, этнической принадлежности или расы.

Кроме того, для западных историков, фантастические взгляды Гумилева были вдобавок явно реакционными Бассин подчеркивает это в своей книге – Гумилев, принимая понятие счастливого «симбиоза» почти всех народов северной Евразии, явно исключает из него евреев, которых считает чужеродным и разрушительной «химерой».

Работа М.Бассина безусловно является важным вкладом в понимании Л.Гумилева в контексте советской и постсоветской истории. Бассин собрал и осмыслил огромный фактический материал. Некоторые рецензенты книги упрекали Бассина в том, что он недостаточно изучил влияние Гумилева в постсоветском обществе, особенно в сфере российского и казахстанского образования. Например, не уделил достаточно внимания тому факту, что именем Л.Гумилева назван университет в Астане и книги его рекомендовались как учебники. Евразийский университет был открыт в 1996 году, когда Н.Назарбаев активно искал содружества с Россией.

Парадокс состоит в том, что к тому времени, когда книги М.Бассина стали известны западному читателю, теории Гумилева давно превратились в историю или, во всяком случае, задвинуты на второй/третий уровень идеологического дискурса. Монография Бассина и ее главы

о роли Гумилева в России должны рассматриваться не как информация о сегодняшней России или Казахстане, а больше как источник о том, каким постсоветское пространство было 25-30 лет тому назад. Тогда-то, особенно сразу после падения СССР, Гумилев был особенно популярен как своеобразный отблеск угасшей звезды – распавшегося Советского союза.



**Bassin Mark and Pozo Gonzalo (eds.).
The politics of Eurasianism: identity,
popular culture and Russia's foreign policy. –
Lexington, KY,
Rowman & Littlefield, 2017. – 384 pp.**

В качестве продолжения работы М.Бассина следует рассматривать вышедшую в 2017 году под редакцией самого Бассина и Г.Позо коллективную монографию «Политика евразийства». Авторы ставят следующие вопросы: Что такое современное евразийство? Чем является современный Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и как он реально работает? Что значит евразийская риторика в устах политиков и деятелей культуры? Является ли ЕАЭС в нынешнем виде порождением евразийской теории 1920-х или его практическое воплощение породило новый феномен?

Книга состоит из 15 статей, в которых специалисты различных, преимущественно европейских и американских, университетов пытаются с разной степенью детализации ответить на эти вопросы. Некоторые из этих статей принципиально важны для понимания современной политической истории России и других стран постсоветского пространства и дают представления о причинах тех острых международных конфликтов, которые в нем возникли после 2014 года. Ключевым текстом сборника является статья одного из двух его соредкторов Гонзало Позо «Евразийство в российской внешней политике». Это подробный анализ того, чем должен был быть и чем стал ЕАЭС. Планы российского руководства на создание альтернативы ЕАЭС представлены тут весьма обстоятельно, и столь же подробно объясняется их если не полный провал, то весьма ограниченная реализация. Этот текст во многом является ключом для понимания причин нынешнего положения России в сфере международной политики

Вторым по значению текстом является статья Ирины, которая разбирается с тем, насколько евразийские идеи, пройдя через российские государственные структуры (прежде всего внешнеполитические),

трансформируются в концепцию «русского мира». Последний концепт почти полностью противоположен изначальной концепции евразийства, однако автор весьма подробно описывает инфраструктуру по продвижению «русского мира», сформированную в России за 2000–2010-е годы. Сам Бассин посвящает свою статью сравнению евразийства с «рассологией» – еще одной политической теорией, сравнительно популярной в России. Его текст не только сравнительный, но в значительной степени рефлексированный.

Остальные статьи с разной степенью подробности рассматривают популярность евразийства в Казахстане, Венгрии, Турции и Германии. Притом что ситуация в Казахстане безусловно важна для современного евразийского движения, выбор остальных стран для сборника неочевиден. Куда больший интерес представляла бы оценка уровня поддержки евразийских идей в странах постсоветского пространства, в том числе входящих в ЕЭС: Армении, Азербайджана, Белоруссии, Узбекистана, Украины. Особняком в сборнике стоит статья возможно самой известной специалистки по евразийству Марлен Ларуэль), работающей в настоящее время в США. Она внесла скромный, но специфический вклад в дискуссию, обратившись к конкретному примеру влияния евразийства на российские академические институты, а через них – на внешнюю политику Российской Федерации на китайском направлении. Для этого она использовала труды директора Института Дальнего Востока РАН Михаила Титаренко

В целом после прочтения сборника становится понятно, что от классического евразийства до российской политики по созданию Евразийского экономического союза пролегает гигантская дистанция.

Clover Charles. Black Wind, White Snow: the Rise of Russia's new Nationalism. – New Haven, CT, London: Yale University Press, 2017. – XII + 384 pp.

К числу аналогичных изданий критики относят исследование Чарльза Кловера «Подъем нового национализма в России» (2017 г.). Автор ряд лет (с 2008 по 2013 гг.) проработал шефом бюро «Файнэншл тайм» в Москве и мог непосредственно наблюдать процесс возвращения России в число мировых игроков, который он ассоциирует с «новым русским национализмом». Данный процесс журналист также связывает с влиянием идей евразийства. Основное содержание работы сводится к анализу и критике идей известного философа А.Дугина, а также влияния на общественную мысль современной России наследия Л.Гумилева.

Автор пытается доказать беспочвенность утверждений российских евразийцев об уникальности евразийской (читай: российской)

цивилизации. Ч.Гловер сравнивает путинскую Россию с Веймарской Германией и относит ее к числу континентальных держав с точки зрения геополитических концепций. К числу одной из основных бед России автор относит правление находящейся у власти элиты, по-прежнему ослепленной идеями мирового величия своей страны. Отсюда стремление использовать евразийство (на ряду с другими идеологемами) в качестве инструмента для восстановления прежнего статуса.

1.1. Центральная Азия в мировой геополитике

Central Asia in International Relations: the Legacies of Halford Mackinder. Eds by N.Megoran and S.Sharapova. – London: Hurst & Company, 2013. – XVI+331 pp.

В 2013 году в Великобритании увидела свет книга о нашем регионе – «Центральная Азия в международных отношениях: наследие Харольда Макиндера». Появление этого коллективного труда стало возможным благодаря инициативе двух исследователей – Ника Мегорана (Университет Ньюкастла) и Севары Шараповой (Академия государства и социального строительства при Президенте РУ). Данное издание доказывает, что значение геополитической теории великого британца не устарело и все еще актуально. В последний раз международная академическая общественность на высоком академическом уровне вспоминала Х.Макиндера во время столетия его знаменитого доклада в Королевском географическом обществе в 2004 г.

Идея подготовить подобное издание возникла у соредакторов, с чем они пишут во вступительном слове к книге, именно во время юбилейной конференции в Ташкенте девять лет назад. Как видим, прошел немалый срок до реализации ее на практике, но это пошло во благо, поскольку за это время геополитические изменения вокруг Центральной Азии смогли приобрести более четкий и рельефный характер.

Основополагающая идея настоящего издания состоит в том, что теория Макиндера, основательно подзабытая во второй половине XX века, ожила после распада СССР и появления новой геополитической конфигурации в Евразии. Авторы книги, столкнувшись с разнообразием мнений и оценок актуальности наследия Макиндера, решили собрать их воедино, чтобы выяснить, насколько применима его геополитическая теория в современных условиях. Много внимания Н.Мегоран и С.Шарапова уделяют формированию взглядов Макиндера как географа и историка, которые впоследствии синтезировались в геополитическую теорию.

Напомним, что Х.Маккиндер пришел к выводу, что с планетарной точки зрения, в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре «сердце мира» (Heartland), сосредоточие континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля над всем миром. «Heartland» по Маккиндеру является ключевой территорией в более общем контексте в пределах Мирового Острова (World Island). В Мировой Остров Маккиндер включает три континента: Азию, Африку и Европу. Таким образом, Маккиндер иерархизирует планетарное пространство через систему концентрических кругов. В самом центре «географическая ось истории» или «осевой ареал». Это геополитическое понятие географически тождественно России. Та же «осевая» реальность называется «Heartland» – «земля сердцевины».

Далее идет «внутренний или окраинный полумесяц». Это пояс, совпадающий с береговыми пространствами евразийского континента. Согласно Маккиндеру, «внутренний полумесяц» представляет собой зону наиболее интенсивного развития цивилизации. Последний тезис является существенным моментом всех его геополитических конструкций. Пересечение водного и сухопутного пространств является ключевым фактором истории народов и государств. Маккиндер считает, что весь ход истории детерминирован столкновением и противоборством народов или государств Острова и Моря. Свою теорию он подкрепляет историческими примерами дуального характера (Спарта-Афины, Рим-Карфаген и т.д.). При этом существенным моментом теории Маккиндера является постулат с том, что морские народы символизируют собой торговлю и демократию, а континентальные – автократию и архаику.

Сам Маккиндер отождествлял свои интересы с интересами англосаксонского островного мира, т.е. с позицией «внешнего полумесяца». В такой ситуации основа геополитической ориентации «островного мира» ему виделась в максимальном ослаблении «сердцевины» (Евразии) и в предельно возможном расширении влияния «внешнего полумесяца» на «полумесяц внутренний». Маккиндер подчеркивал стратегический приоритет «географической оси истории» во всей мировой политике и так сформулировал важнейший геополитический закон: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над heartland`ом; тот, кто доминирует над heartland`ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром». По сути, именно эта формула, как показала в дальнейшем мировая политика, легла в основу, интуитивно или сознательно, стратегической линии англосаксонских держав, т.е. представителей «Мирового Острова», по Маккиндеру.

Маккиндер на геополитическом уровне признал ведущую роль России в стратегическом смысле и отмечал, что Россия занимает в мире столь же центральную стратегически позицию, как Германия в отношении Европы. Она может осуществлять нападения во все стороны и подвергаться им со всех сторон, кроме севера. Исходя из этого Маккиндер считал, что главной задачей англосаксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории» – России. Следовательно, стратегия сил «внешнего полумесяца» состоит в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от сердцевины Евразии и поставить их под влияние «островной цивилизации».

Российский исследователь А.Дугин дал такую оценку теории Маккиндера: «Именно Маккиндер заложил в англосаксонскую геополитику, ставшую через полвека геополитикой США и Северо-Атлантического Союза, основную тенденцию: любыми способами препятствовать самой возможности создания евразийского блока, созданию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилению heartland'a и его экспансии»³. Маккиндер разработал также периодизацию мировой истории с точки зрения геополитического противоборства. На последнем геополитическом этапе развития человеческой цивилизации (пост-колумбовская эпоха), как утверждал Маккиндер, динамические пульсации цивилизаций обречены на столкновение.

Слабым местом концепции Маккиндера является тезис с т.н. «географической инерции», согласно которому исходным пунктом в судьбе народов и государств является географическое положение; оно является «извечным», а влияние его по мере развития становится все более значительным. То есть, связь между историей и географией необходима была Маккиндеру для доказательства «неправомерности» возникновения ряда государств, которые не отвечают тезису «географической инерции». Следует отметить, что в концепции Маккиндера в качестве первой осевой геополитической силы истории выделяется Центральная Азия. В 1943 г. Маккиндер серьезно подкорректировал и модифицировал свою теорию, фактически полностью пересмотрев ее. Ю.Тихонравов считает, что теория Маккиндера появилась преждевременно: она носила глобальный характер, в то время как современные ему мир носил европоцентричный характер. Только во второй половине XX в. США эта теория превратилась в реальную геополитику – доктрину сдерживания Советского Союза и социалистического лагеря в целом.

³ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – С. 48.

Авторы называют Макинтера «социальным эволюционистом» и отмечают, что решающее значение для формирования его взглядов сыграли именно его географические воззрения. По-видимому, его геополитические взгляды на Россию/СССР легли в основу его устойчивого антикоммунизма, что стоило ему в 1922 г. места в парламенте (рабочие Глазго, где баллотировался Макинтер, симпатизировали Советской России). По иронии судьбы, замечают авторы, его теория была раскритикована западным академическим сообществом в качестве неизбежного и вечного закона природы, в то время как была принята на вооружение в качестве идеологии нацистским режимом и латиноамериканскими диктатурами. Авторы приводят точку зрения К.Грея, который еще в 1977 г. пытался обратить внимание ученых-международников на то, что происхождение холодной войны и особенности внешней политики СССР в этот период могут найти объяснение с позиций теории Макинтера.

Н.Мегоран и С.Шарапова полагают, что правильность, или наоборот – неточность, этой теории можно проверить в ее применении к Центральной Азии. Собственно говоря, эта идея и послужила толчком к подготовке издания. Они отмечают, что сам геополитик не смог дать точного географического определения для Центральной Азии, но понятно, что он имел в виду географически более обширную территорию, чем принято считать сегодня. Авторы отмечают, что теоретическое наследие Макинтера используется (на постсоветском пространстве) как прозападными специалистами, так и антиатлантически настроенными евразийцами. В обоих случаях его геополитические идеи находят свое применение.

В композиционном плане книга состоит из трех частей. Первая часть включает в себя исторические сюжеты: в каких международных условиях формировались геополитические взгляды Макинтера, какое значение представляла для Британской империи Индия, как влияло на британскую империю соседство с хартлендом, как эволюционировал английский колониализм до макинтеровской теории и после ее появления. Все это рассматривается в контексте подробного изложения политической и академической карьеры Макинтера. В соответствующей главе изучается участие Н.Макинтера в судьбе революционной России в 1919-20 гг. в качестве Верховного комиссара по Югу России на стороне деникинских войск. Именно он убеждал правительство и общественность, что победа большевизма означает резкое возрастание (геополитической) угрозы Южной Азии. Макинтер также провидчески предупреждал с возможности альянса побежденных держав – Германии и России и необходимости для Великобритании предотвратить такое развитие событий и всячески

сдерживать обеих. Таким образом, авторы показывают нам Макиндера не только как теоретика, но и как практика геополитики.

Впрочем, в следующей главе приводится высказывание самого Макиндера, что география есть практика каждой имперской нации. Здесь в качестве критика Макиндера выступает Дж.Кернс (Национальный университет Ирландии), который вполне справедливо указывает на такую особенность работ британца. В каждой работе Макиндера описывает страны хартленда не как самостоятельные общества, а как некие объекты, рассматриваемые исключительно с точки зрения их полезности или опасности английским интересам. Своей концепцией борьбы между «тираническими» континентальными и «свободолюбивыми» морскими силами он фактически создал алиби колониальному империализму. Таким образом, заключает автор, само существование теории хартленда есть приглашение к империализму. С таким выводом ирландского ученого, безусловно, нельзя не согласиться.

Во второй части различные авторы рассматривают, как идеи Макиндера в частности и геополитика в целом «приживаются» в постсоветских государствах – России, Таджикистане и Узбекистане. В современной России чешский исследователь М.Хаунер выделяет три течения: т.н. западников (сторонников интеграции с капиталистическим Западом), традиционалистов (мы бы их назвали раньше «славянофилами» и «почвенниками») и неоевразийцев. К первой группе автор относит Д.Тренина и сторонников неолиберализма в среде экономистов. К второй группе, которая выступает за сохранение «русскости» России и придерживается патриотических позиций, он причисляет таких деятелей как А.Солженицы и А.Панарин.

К неоевразийцам автор, естественно, причисляет в первую очередь Л.Гумилева, чьи идеи стали мостом между классическим евразийством и его постсоветской версией. Хаунер отмечает, что неоевразийство представлено широкой группой специалистов – политологов, политиков, кинодеятелей и экологов. Их привлекла в теории Макиндера уникальность хартленда, который в этой интерпретации из негативного, как у Макиндера, превращается в позитивный образ. Автор относит к этому течению философа А.Дугина, писателя Э.Лимонова и президента Казахстана Н. Назарбаева. Он выделяет также «коммунистическое евразийство» как самостоятельную подгруппу. Хаунер, изучая теорию и политическую практику евразийства в Казахстане, задается вопросом: Казахстан – новая ось Евразии? На такую мысль исследователя натолкнули инициатива Казахстана по созданию Евразийского Союза и культ Л.Гумилева в республике, а также перенос столицы в Астану. Автор подозревает, что за всем этим кроется скрытое

желание казахстанского лидера уравновесить евразийством руссоцентрические тенденции в процессе интеграции. В заключение автор подчеркивает, что после 1991 г. Россия стала более «азиатской». Он склоняется к мысли, что буквальное следование евразийству неизбежно подтолкнет Россию к попытке восстановления имперского статуса.

К.Нуржанов и С.Шарапова подробно описывают интеллектуальные дебаты и идеологические аспекты геополитических течений соответственно в Таджикистане и Узбекистане. Авторы обращают внимание, что самым неожиданным образом идеи Макиндера ожили и стали востребованы в постсоветских государствах Центральной Азии.

Третья часть монографии фокусируется на конкретных внешнеполитических и геополитических проблемах региона в постсоветский период. Американский эксперт К.Сейпл (Институт глобальных исследований) описывает развитие американо-узбекских отношений после 11 сентября 2001 г. в геополитическом ракурсе. У этого автора Х.Макиндер – «демократический империалист». Соответствующим образом, как борьбу за либеральные ценности и демократию, автор трактует политику США в 2000-е годы в Евразии. Он считает, что геополитический инструментарий Макиндера вполне применим к американо-узбекским отношениям и многое в них объясняет. Впрочем, Сейпл приходит к выводу, что политика Соединенных Штатов закончилась геополитическим и «геосоциальным» (термин Макиндера) провалом.

А.Дундич (МГИМО) описывает современную Центральную Азию как площадку для сотрудничества и борьбы за доминирование в духе нового издания Большой игры. Автор поочередно отражает позиции и стратегии ведущих геополитических игроков (России, США и Китая) и акторов второго ряда (ЕС, Турции, Ирана, Пакистана и Индии). Автор приводит точку зрения некоторых российских экспертов, что у Китая существует своя собственная геополитическая модель региона, именуемая «Центрально-Восточная Азия». Он отмечает, что идеи Макиндера эволюционировали самым неожиданным образом: вместо игры с нулевой суммой возобладало многостороннее сотрудничество в сфере безопасности и экономики. Другая особенность новой Большой игры состоит в том, что центрально-азиатские государства из объектов чужой геостратегии сами превратились в участников международной или геополитической игры. При этом стратегия Казахстана базируется на евразийстве в качестве метода (но не цели) позиционирования себя на международной арене. Окончательно стабилизировать хартленд, по мнению автора, сможет коллективное сотрудничество всех ведущих игроков – РФ, КНР, США и ЕС.

Казахстанские авторы Г.Дадабаева и А.Адилбаева рассматривают с позиций теории Макиндера новые геополитические вызовы Казахстану и Центральной Азии. Они вполне резонно обращают внимание на тот факт, что Запад своей традиционной стратегией по максимальной изоляции России от Центральной Азии способствует закреплению Китая в регионе. По мнению авторов, теория хартленда помогает понять характер отношений Казахстана с Россией, Западом и Китаем, а также особенности внешней политики Астаны. Конечно, они признают, что нет необходимости буквально следовать теории Макиндера, которая создавалась в совершенно других международных условиях.

Л.Хекимоглу (Йоркский Центр международных исследований и изучения проблем безопасности в Торонто) выступает с резкой критикой теории Макиндера, считая, что британец переоценивал многие географические факторы и недооценивал другие, в частности значение колоссальных расстояний из глубин Евразии до основных торговых маршрутов. Автор призывает, говоря с будущим Центральной Азии, «преодолеть тиранию географии», для чего требуется отказаться от мифов, берущих начало в теории Макиндера, а также от нео-либеральных рецептов, навязываемых странам региона извне.

В заключении соредакторы издания еще раз обращают внимание, что наследие Макиндера многопланово; он востребован как сторонниками его теории, так и противниками, которые, опираясь на концепцию хартленда, оправдывают необходимость реинтеграции постсоветского пространства. В разные периоды истории XX и начала XXI веков, отмечают Н.Мегоран и С.Шарапова, концепция Макиндера самым неожиданным образом использовалась различными политическими силами и идеологическими течениями, вплоть до американских неоконгов.

И так, перед нами неординарный труд, попытка реанимировать социально-политическое учение уже далекого прошлого. Как показывает исторический опыт, такие попытки, как правило, ведут в идеологический и практический тупик. Пример неомарксизма уже в наше время также служит подтверждением данному тезису. Что касается этой геополитической теории, то один из авторов данного издания отмечает, что сам Макиндер тщательно давал понять, что воспринимать его теорию нельзя буквально, и отнюдь не претендовал на то, чтобы объяснять с ее помощью сложный контекст историко-географических реалий. Данное издание только подтверждает осторожность Х.Макиндера.

Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. – New York, Armonk: M.E. Sharpe, 2013. – 376 pp.

Следующая книга М.Ларюэль и С.Пейруза носит название «Глобализация Центральной Азии: геополитика и вызовы экономического развития». На этот раз авторы рассматривают регион с точки зрения влияния на него процессов глобализации. Таким образом, геополитика в книге рассматривается с точки зрения геоэкономики. Богатые природные ресурсы региона влекут к себе глобальных геополитических игроков, среди которых доминируют Россия и Китай.

Местные режимы на этом фоне сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, им необходимо реализовывать свои ресурсы на международных рынках; с другой – удерживать над ними контроль в целях сохранения суверенитета своих государств перед лицом агрессивного поведения глобальных экономических игроков. Таким образом, по мнению авторов, внутренние потребности к развитию стран ЦА становятся ключевым фактором в процессе привлечения и появления внешних игроков и формируют тот механизм, который обеспечивает им место в глобализованном мире.

В первой части книги авторы рассматривают «Большую игру» и т.н. «малые игры» с точки зрения стратегии и методов внешних игроков – соответственно, больших и малых. Список таких игроков, вовлеченных в центральноазиатскую политику, достаточно обширен. Каждому крупному игроку посвящена в книге отдельная глава. Открывает данный список Россия, для которой характерно стремление действовать, исходя из старых мотивов (сохранение влияния в имперском духе), в то время как реальность сталкивает Москву с новыми вызовами. С точки зрения долгосрочной перспективы, ученые рассматривают шансы России сохранить свое влияние в прежнем объеме довольно пессимистично. Глава, посвященная стратегии Китая в регионе, повторяет основные мысли авторов, изложенные в предыдущей рецензии.

Для Соединенных Штатов авторы находят довольно удачное определение: «слишком удаленный, но, тем не менее, неизбежный партнер». Исследователи считают, что проблема стратегической безопасности остается главным мотивом всей активности США в ЦА. В этой главе они подробно рассматривают многостороннее и двустороннее сотрудничество США со странами региона в сфере стратегической стабильности; но отдельный раздел затрагивает и экономическое сотрудничество.

В отношении Европейского Союза исследователи ставят вопрос в форме дилеммы, с которой сталкивается ЕС и на чем сделать выбор (в их

интерпретации это «двойной вызов»): мягкая сила или реальполитик? Авторы склоняются к выводу, что в политике Евросоюза в отношении ЦА начал превалировать подход, продиктованный нуждами стратегической безопасности. Объясняя неудачи европейской стратегии, они объясняют их бюрократическими сложностями и ограниченной эффективностью внешнеполитического механизма ЕС. Авторы даже ставят под сомнение основной инструмент европейского влияния – экономический. В последнем разделе авторы рассматривают политику отдельных европейских государств в регионе и приходят к выводу, что они мало способствовали улучшению имиджа Европы в целом.

Характеризуя стратегии и политику более мелких геополитических игроков, авторы находят для каждого из них емкое определение. Политика Турции в Центральной Азии эволюционировала от «культурной стратегии (видимо, имеется в виду упор на общетюркское наследие) к торговому прагматизму». В отношении Ирана вывод делается прямо противоположный: от декларированного стремления к торгово-экономическому партнерству Тегеран перешел к геополитической повестке дня. Эмираты Персидского залива и Израиль характеризуются в книге как «альтернативные партнеры».

Стратегию Индии и ее отношения с центральноазиатскими партнерами ученые называют несостоявшимися надеждами и постепенным избавлением от иллюзий. И этот вывод, по-видимому, в равной мере относится к обеим сторонам. В отношениях с Пакистаном с государствами ЦА присутствовали, с одной стороны, неоправдавшиеся надежды Исламабада (превратить регион в свой стратегический тыл), а с противоположной стороны, политические подозрения (подрыв Пакистаном и его политикой в Афганистане региональной стабильности).

Политика Японии, по словам авторов, также проделала довольно простую эволюцию – «от идеализма к реализму». В основе действий Южной Кореи в регионе был заложен голый прагматизм (опирающийся на коррупционные связи), который позволил авторам назвать его «дискредитированным, но все же растущим присутствием». В один ряд с этими странами авторы ставят Малайзию, считая, что малайский опыт успешного с экономической точки зрения авторитаризма сыграл свою роль в поисках режимами региона оптимальной политико-экономической модели.

Последняя глава в первой части носит смешанный характер: в ней рассматриваются самые разнообразные проблемы. Обращается внимание на тот факт, что пусть и слабая, но тенденция сохранить истонченные связи внутри СНГ все же сохраняется. Речь идет об отношениях Украины и Белоруссии с Центральной Азией. Анализируя отношения Центральной

Азии с южно-кавказскими республиками, авторы говорят с «крушении каспийского единства». В этой же главе уделяется внимание растущей активности центральноазиатского бизнеса в Афганистане. Изучение внутри-региональной кооперации позволяет авторам сделать наблюдение с провале межгосударственной интеграции и возобладании экономических отношений базарного типа. Последний раздел главы посвящен узбекско-казахстанскому соперничеству за региональное лидерство.

Вторая часть монографии посвящена исключительно проблемам экономического развития стран Центральной Азии в контексте их вовлечения в глобализированные связи. Отдельная глава посвящена проблемам аграрного сектора, хлопководству, земельным реформам и социально-политическим последствиям структурных изменений в сельском хозяйстве. В следующей главе авторы изучают влияние углеводородных запасов региона на международное положение Центральной Азии. Попутно изучается целый ряд сопутствующих вопросов: стратегии национальных компаний отдельных государств региона, трубопроводные коллизии, энергетическая геополитика, трансформация добывающей промышленности региона и влияние новых технологий.

В главе, посвященной минеральным ресурсам, исследователи затрагивают следующий комплекс вопросов: негативное влияние экспортной стратегии на суверенитет государства, возникновение «минеральных олигархов» в Казахстане, возможность конкуренции Киргизии и Казахстана с Китаем в области редкоземельных металлов, место золотодобывающей и урановой промышленности в экономическом развитии региона. В качестве настоящего мотора экономического развития региона авторы в специальной главе рассматривают электроэнергетический сектор. Также отдельная глава посвящена транспортным проблемам региона.

В главе, посвященной промышленному развитию, исследователи затрагивают следующий комплекс вопросов: химическая и фармацевтическая промышленность, возрождение военно-промышленного комплекса, узбекская автомобильная промышленность, потенциал текстильной индустрии и бум строительной промышленности. Последняя глава монографии посвящена сектору услуг: банковская система, формирование в Казахстане финансового центра Центральной Азии, внедрение новых технологий в РК и потенциал развития туристической сферы услуг.

Обратим внимание на ценность настоящего издания. К несомненным достоинствам книги относится богатый фактический и статистический материал по многим и особенно экономическим аспектам развития стран ЦА. Появление данной монографии является свидетельством отхода зарубежной (в первую очередь – западной) политологии от традиционного

изучения региона с точки зрения геополитики, что доминировало в 1990-2000-е годы, к подходу исследования реального места региона в мировой политике и экономике с геоэкономических позиций. При этом здесь рассматривается как влияние глобальной экономики и процессов глобализации на Центральную Азию, так и наоборот – трансформация международных экономических связей за счет появления Центральной Азии.

Petersen A. Eurasia's Shifting Geopolitical Tectonic Plates. – New York: Lexington Books, 2017. – XXII+235 pp.

В предисловии к данному изданию проф. Ф.Старр отметил главный факт, связанный с судьбой этой книги: ее автор молодой (29 лет) ученый Александр Петерсен погиб во время теракта в Кабуле в январе 2014 года. В Афганистан исследователь прибыл в третий раз по приглашению Американского университета для преподавания и проведения научной работы. Спустя три года увидела свет его книга «Геополитические тектонические плиты Евразии». Автор разделил геополитическую проблематику на четыре основных направления: 1) Евразия и меняющийся трансатлантический мир; 2) энергетическая геополитика (Каспий и не только); 3) Черноморский мир – Южный Кавказ, Россия и Турция; 4) новый Шелковый путь – китайское проникновение в Центральную Азию. В целом, работу А.Петерсена следует охарактеризовать как типичное исследование начинающего ученого (но с немалыми претензиями), несущего отпечаток неизбежного эпигонства и следования устоявшимся штампам, что вполне типично на этой стадии становления любого ученого. Тем не менее, печально, что подающий надежды исследователь трагически погиб. Заслуживают благодарности усилия его коллег, в первую очередь Ф.Старра, собравших и издавших его разрозненные статьи в качестве единого целого.

Burghart D.L., Sabonis-Helf T. (eds.) *Central Asia in the Era of Sovereignty. The Return of Tamerlane?* – New York: Lexington Books, 2018. – XXI+515 pp.

Коллективная монография «Центральная Азия в эпоху суверенитета» под ред. опытных экспертов Д.Бургхарта и Т.Сабонис-Хелф призвана охватить 25-летний период постсоветской истории региона, и является продолжением первого тома «Дорогами Тамерлана» указанных исследователей (2004). Поэтому не случайно они поставили подзаголовок ко второму тому – «Возвращение Тамерлана?». Редакторы вынуждены признать, спустя полтора десятилетия, что первый опыт стал не слишком удачным с академической точки зрения.⁴ Авторы исходят из того неоспоримого

⁴ См. рецензию: Казахстан-Спектр. № 2. 2005. С.104-109.

факта, что за этот период республики региона состоялись как суверенные и независимые государства. Но они заметно отличаются друг от друга, осуществляя каждое свой собственный путь в глобальной политике. Они уже не зависят только от России, но имеют собственные интересы в Афганистане, Южной Азии, в отношениях с Китаем, Ираном и другими державами.

Фундаментальный труд «На дорогах Тамерлана: путь Центральной Азии в 21-й век» под редакцией сотрудника Национального оборонного университета США Д.Бургхарта и профессора Национального военного колледжа США Т.Сабонис-Хелф принадлежит к разряду популярных в американской политологии изданий в серии коллективных монографических работ. Данная работа освещает современную (пост-советскую) историю нашего региона и пытается охватить максимально широкий круг вопросов. Следует заметить, что Бургхарту и Сабонис-Хелф как редакторам издания это во многом удалось: книга состоит из трех частей – Политические изменения, Экономические проблемы и Вопросы безопасности – и 21-й главы. К написанию этой коллективной монографии редакторы привлекли ряд известных американских политологов, а также некоторых казахстанских и киргизских авторов.⁵

Во вводной главе, давшей название всей книге, Д.Бургхарт изложил свое видение центральноазиатской проблематики. Американский исследователь исходит из того, что регион унаследовал политическую систему, сложившуюся еще 600 лет ранее – при Тимуре. Оставим на совести автора этот тезис, поскольку, по мнению компетентных историков, центральноазиатские народы, как и многие другие народы Евразии, адаптировали и использовали в течение столетий политическую систему, восходящую к монгольской эпохе. Но д-р Бургхарт искал броское название для своей книги и нашел его, апеллируя к Тамерлану.

Несомненным достоинством монографии является то, что в ней представлены разные взгляды и подходы к проблемам Центральной Азии. Наряду с критическими представлениями с нашим регионе, традиционными для западной политологии, в книге представлены новые и порой необычные представления с развитии региона. В тоже время, в некоторых работах доминирует расхожее и поверхностное представление с Казахстане как только с нефтяном государстве и при этом игнорируется тот большой путь, который проделала республика на пути диверсификации экономики и политических реформ. Представления с других государствах региона также страдают порой засильем устоявшихся штампов

⁵ *Burghart D.L., Sabonis-Helf Th. (eds.) In the Tracks of Tamerlane. Central Asia's Path to the 21st Century. – Washington, DC: NDU, 2004. – XXII + 478 pp.*

и нуждаются в более аналитическом и объективном подходе. Но в целом книга дает западному читателю достаточно информативное представление с современной Центральной Азии.

Первая часть следующей книги посвящена социальным процессам, которые включают в себя такие проблемы как распространение ВИЧ и СПИД инфекций и их освещение в масс-медиа, возрождение ислама, правовые реформы, внешняя (трудовая) миграция, пограничные проблемы и т.д. Но двум вопросам явно отдается предпочтение: политическое развитие внутри региона и трансграничные проблемы.

Вторая часть монографии адресована вопросам экономического развития и связанных с ним аспектов безопасности (базарной торговле и неформальной, криминальной экономике), энергетическому развитию, роли анклавов в Ферганской долине и развитию государственных военных структур. Целью второй части является установить взаимосвязь между экономическим развитием и безопасностью, а также изучение факторов, способным подорвать их обоим. Третья часть исследования рассматривает специфику развития каждого из государств региона, фокусируясь на основных особенностях. Для Казахстана это дилемма выбора между евразийской и центральноазиатской интеграцией; для Киргизстана – эксперименты с внедрением демократии; для Таджикистана – проблема Рогунской ГЭС и в целом развития гидроэнергетики; для Туркменистана – поиски внешних инвесторов для нефтегазовой промышленности; и наконец, для Узбекистана – сложный узел борьбы с коррупцией и весь комплекс вопросов внутреннего управления страной и обществом.

Авторы не скрывают в финале исследования, что книга рассчитана на круг специалистов не широкого профиля, а узких специалистов. Работа также призвана помочь руководству США сформировать эффективную политику в отношении региона. По их мнению, книга является в большей степени моментальным снимком текущего момента, «выстрелом на вскидку», используя их собственное выражение. Авторы объясняют также, почему в названиях обоих изданий фигурирует имя Тамерлана, который, как они считают, является общепризнанной фигурой мирового масштаба, сделавшего регион частью глобальной политики.

Кортунов А.В., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества: доклад РСМД № 49/2019; Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2019. – 40 с.

Данный доклад является результатом исследований Рабочей группы по будущему российско-американских отношений, который первоначально был опубликован на английском языке в США. Авторы доклада проанализировали различные аспекты двустороннего и многостороннего

взаимодействия России и США в регионе. В докладе приводятся также рекомендации по нормализации отношений Москвы и Вашингтона в Центральной Азии.

Авторы исходят из того, что Центральная Азия представляет собой сравнительно «спокойный» регион, в котором имеются ограниченные, хотя и немаловажные возможности для сотрудничества России и США как на двусторонней основе, так и в многосторонних форматах. Очевидно, что в качестве первого шага на пути к конструктивному взаимодействию обе державы должны перестать считать друг друга противниками в Центральной Азии. Противодействие друг другу в регионе – игра с нулевой суммой и для Москвы, и для Вашингтона, и для самой Центральной Азии.

Уровень влияния в Центральной Азии России и Соединенных Штатов различен. С точки зрения экономики и обеспечения безопасности, Соединенные Штаты являются для региона страной второго эшелона, в то время как Россия – первого, а Китай представляет собой и партнера, и конкурента. Глубокое различие в значении Центральной Азии для России и США (для Москвы этот регион имеет гораздо большее стратегическое значение, чем для Вашингтона) затрудняет их сотрудничество даже по вопросам, по которым они занимают схожие позиции.

Россия и Соединенные Штаты расходятся в восприятии угроз в Центральной Азии. Это напрямую влияет на то, как формируется их политика в отношении региона, а также на возможные способы сотрудничества друг с другом. По ряду вопросов в Центральной Азии Москва и Вашингтон противостоят друг другу. Некоторые из имеющихся разногласий носят символический характер и никак не сказываются на практике. Другие же, напротив, оказывают влияние на формирование политики.

Эксперты подчеркивают, часто выделяется одна область потенциального сотрудничества, а именно: борьба с терроризмом. Другой потенциальной областью сотрудничества в Центральной Азии является борьба с незаконным трансграничным оборотом наркотиков в регионе. Однако существующее недоверие и асимметрия российских и американских приоритетов в Афганистане блокируют многие каналы партнерства в этой области. Однако общим у России и США является не только высокий уровень недоверия и чувство враждебности друг к другу. Есть ряд областей невоенного характера, взаимодействие в которых позволяет странам извлекать взаимную пользу. К ним относятся: освоение космоса, гражданская безопасность, механизмы создания рабочих мест и развития человеческого капитала в сельской местности, а также обмен позитивными социальными практиками.

Учитывая плачевное состояние нынешних отношений между Россией и США, авторам представляется политически целесообразным более активно и последовательно использовать имеющиеся в Центральной Азии возможности российско-американского сотрудничества. Авторы убеждены, что после вывода американских войск из Афганистана в 2014 году некоторые эксперты призывали к проведению Соединенными Штатами более амбициозной и/или реалистичной внешней политики в отношении Центральной Азии. Однако они не рассматривали критически важный вопрос с том, как политика США в регионе взаимодействует с политикой, проводимой Россией, как она накладывается на нее или вступает с ней в противоречие. Как бы то ни было, Соединенные Штаты никогда не имели в Центральной Азии достаточного веса, чтобы их предпочли России.

Во внешней политике России и США Центральная Азия занимает разное место. США они отводят в Центральной Азии второстепенную роль. Независимо от того, что американские официальные лица могут заявлять публично, регион не представляет особой значимости для интересов национальной безопасности США. Для Вашингтона он важен только своими отношениями с другими странами: Россией, Китаем, Афганистаном, Пакистаном и Ираном. Ярким примером столь низкого статуса является деятельность Бюро по делам Южной и Центральной Азии в Государственном департаменте США, которая ориентирована в большей степени на Афганистан, Пакистан и Индию, чем на Центральную Азию. В отличие от Соединенных Штатов, интересы Москвы в регионе являются жизненными.

Для России Центральная Азия – критически важный регион: превосходя по размерам Украину и Молдавию, чья принадлежность к Евразии не столь однозначна, он необходим Москве для утверждения себя в качестве стержня более крупного евразийской региона. Центральная Азия предоставляет естественный выход на обширные территории к востоку и югу от границ России и является частью потенциального Евразийского транспортного коридора Север-Юг.

В среднесрочной перспективе вызов лидерству России в регионе может бросить Китай, причем не только в экономическом плане, что уже произошло, но и в сфере обеспечения безопасности. Однако общая геополитическая логика может потребовать от Китая расширения своей деятельности и выхода за рамки коммерческих инвестиций. Более того, во всех центральноазиатских странах происходят глубокие общественные преобразования. Появляется новое поколение, которое, по сравнению со старшим, отличается большим национализмом и выражает недовольство патерналистским отношением к себе со стороны России.

Любое сравнение между присутствием России и США в регионе должно учитывать различия в природе их соответствующих влияний. Россия опирается на многовековое взаимодействие, территориальное единство и взаимодополняемость, а также на конкретную и внятную внешнюю политику. У Соединенных Штатов таких преимуществ нет, и в их распоряжении имеются лишь скромные и косвенные возможности. Россия и США расходятся во взглядах на угрозы в Центральной Азии. Это напрямую влияет на то, как формируется их политика в отношении региона, а также на возможности их сотрудничества в регионе. Более того, региональных институтов, в рамках которых Россия, США и центральноазиатские страны могли бы в принципе обсудить свои представления об угрозах, очень мало.

Политика США в отношении Центральной Азии направлена на достижение нескольких целей. В международном плане она нацелена на снижение зависимости региона от России, недопущение превращения Ирана во влиятельного игрока, каким он является в Афганистане и на Ближнем Востоке, а также на укрепление роли партнеров США в регионе, особенно Индии. В плане внутренних преобразований в государствах Центральной Азии американская политика нацелена главным образом на переход этих стран к либеральной демократии или по крайней мере к лучшему управлению, а также к рыночной экономике и региональному сотрудничеству.

В целом озабоченность России в отношении Центральной Азии сводится главным образом к трем негативным сценариям, каждый из которых разрушит статус-кво и обернется для Кремля многочисленными осложнениями. 1. Неуправляемая смена режима, порождающая нестабильность, особенно в Казахстане. 2. Распространение исламского радикализма и терроризма. 3. Общее снижение влияния России на фоне усиления в регионе позиций Китая в сфере экономики, безопасности, культуры, языка и пр. У Москвы есть основания для беспокойства по поводу статуса русскоязычных меньшинств в регионе и использования русского языка. Ситуация в разных странах неодинакова, но общая тенденция такова, что российское «культурное пространство» постепенно сужается. Другим крайне тревожным вызовом для Москвы является постоянный транзит наркотиков из Афганистана в Россию через Центральную Азию.

Москва и Вашингтон противостоят друг другу по ряду вопросов, связанных с Центральной Азией. Некоторые из разногласий носят символический характер и не оказывают непосредственного воздействия на практические действия. Другие же, напротив, оказывают влияние на формирование политики. Однако общим у России и США является не только высокий уровень недоверия и чувство соперничества по отношению друг к другу.

Таким образом, делается вывод в исследовании, очевидно, что в качестве первого шага на пути к конструктивному взаимодействию обе державы должны перестать воспринимать друг друга в качестве противников в Центральной Азии. На данном этапе никакая «Большая сделка» между Россией и США в регионе не представляется возможной или даже желательной. Вот почему представляется целесообразным сделать акцент на взаимодействие в областях потенциального сотрудничества, не вызывающих особых разногласий, таких как окружающая среда, здравоохранение, развитие человеческого капитала и тому подобное. И России, и США надлежит уделять больше внимания проектам многостороннего сотрудничества. (Европейским союзом, Китаем, международными и региональными институтами развития). Такие многосторонние форматы могут представлять сложность при создании и функционировании, однако, как показывает опыт, подобные инициативы укрепляют стабильность сотрудничества.

Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект- Пресс, 2019. – 224 с.

И.Д. Звягельская (ИМЭМО РАН) опубликовала в рамках исследовательских программ МГИМО новую работу, в которой попыталась на глобальном уровне проанализировать опыт государственного строительства и поиска своего места на международной арене странами в двух регионах – достаточно отличных друг от друга – на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Задача сложная, но решить ее помогает колоссальный опыт автора как востоковеда (ранее автор в течение многих лет работала в ИВ РАН), хорошо знакомого с обоими регионами. В монографии анализируются проблемы национальных государств и роль этноконфессиональных идентичностей, общие процессы десекуляризации (читай: деевропеизации и демодернизации, а в Центральной Азии – десоветизации).

По мнению автора, в обоих регионах происходит усиление религиозного фактора и меконфессионального соперничества. Также имеет место трансформация понятия суверенитета, возникновение новых конфликтов; происходит усиление влияния международного терроризма. С геополитической точки зрения идет процесс становления новых региональных держав и формирование новых альянсов. Исследователь не оставляет без внимания проблемы архаизации местных обществ перед лицом новых социально-политических вызовов и соотношение традиции и модерна. В качестве основной геополитической посылки И.Звягельская называет возвышение Китая и Индии, «активистскую» роль России на мировой

арене, декларируемое возвращение США к большему изоляционизму при наращивании реальной вовлеченности в мировые дела, обострение внутренних проблем в Евросоюзе, повсеместный кризис элит на Западе, всплеск этно-национализма.

Таким образом, считает автор, мы становимся свидетелями глубоких и еще до конца неосознанных сдвигов в привычной политической картине мира и человеческого социума, которые сопровождаются изменением соотношения сил на мировой арене. Книга состоит из семи глав, которые охватывают практически все стороны внешнеполитического и внутреннего развития данных регионов. Сравнивая в первой главе проблемы государственного строительства, исследователь приходит к выводу, что модели этого строительства отличаются по степени устойчивости. На Ближнем Востоке десятилетиями господствовал арабский национализм; в Центральной Азии имеет место абсолютизация суверенитета. От себя добавим, что подобный анализ затруднен (если даже некорректен) в силу примерно 50-летней исторической дистанции двух процессов. Эти процессы происходили в совершенно разных исторических условиях.

И.Звягельская утверждает, что при становлении государственности в Центральной Азии решающую роль сыграли внешние силы. Сегодня вопросы суверенитета выглядят по-разному на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В арабском мире ослаблению государственности способствовали объективные и долгосрочные факторы. В нашем регионе угроза десоверенизации существует на перспективу, но специфика международного расклада сил пока способствует выживанию молодых государств ЦА. По мнению автора, государства региона испытывают все больший нажим экстремистских группировок, действующих на Ближнем Востоке и в Афганистане. Этот регион в их глазах представляет собой ценный ресурс, борьба за который началась сразу после обретения независимости. В РК объектами внимания исламистских сил являются Южный и Западный Казахстан. В целом, исследовательница – помимо прочих – основной причиной появления и усиления международного терроризма видит в процессе глобализации.

В данном контексте в книге рассматривается проблема гибридизации (в военном смысле) и гибридных режимов с точки зрения политического устройства. Государства Центральной Азии, по мнению автора, представляют собой типичный пример гибридных режимов – сочетание авторитаризма и фасада из демократических институтов. Но автор не исключает, что в будущем это сочетание может дать самые неожиданные результаты в результате воздействия стремления к модернизации и экономическому росту.

Говоря с феномене архаизации и возрождения традиционализма, И.Звягельская вполне обоснованно утверждает, что советская модернизация не была для местных обществ одной лишь формой без содержания. Они получили широкий круг образованных специалистов, собственные кадры управленцев и современные для XX века институты. Это разительно отличает советскую Среднюю Азию от ее восточных соседей и арабского мира, где ностальгия по прошлому и его идеализация всегда были распространены еще с колониальных времен. Основной вывод, который делает ученый, заключается в том, что разрушение прежних (светских, проевропейских, социалистических и т.д.) институтов в ходе возрождение традиционализма неизбежно ведет к архаизации (т.е. социальному упадку) и фрагментации общества.

Также автор считает, что борьба за передел власти и собственности в условиях традиционного общества имеет высокие шансы вылиться в гражданскую войну (что и наблюдалось в 1990-е годы в Таджикистане, а также в ходе переворотов в Киргизии в 2005 и 2010 гг.). В работе затрагивается проблема распада официальных структур, прежде всего силовых, в ходе конфликтов, истоки которых лежат в усилении традиционных и архаичных институтов. Особенно это касается государств Ближнего Востока (наглядный пример – Сирия).

Основной вывод в книге звучит таким образом, что в отличие от Ближнего Востока Центральная Азия располагает более широким и рациональным набором экономических, политических и военных средств с опорой на многие внешние силы, который волей или неволей обеспечивают баланс сил и сохранение стабильности в регионе. Таким образом, перед нами книга, которая представляет собой исследование не только региональных проблем, но и связывает их с общемировым контекстом. К сожалению, в работу вкралась маленькая неточность: пусть и формально, но Туркменистан все же является членом ОБСЕ, как и все постсоветские государства.

Мы склонны рассматривать данную работу И.Звягельской, которая в очередной раз доказала свою высокую и заслуженную репутацию блестящего востоковеда, как своего рода предупреждение всем постсоветским республикам Центральной Азии, чтобы они не повторили судьбу стран Ближнего Востока, которые в результате т.н. «Арабской весны» откатились в своем развитии на десятилетия и даже столетия назад, и чтобы наши государства сохранили все лучшие достижения советской эпохи в социальной и технологической областях.

1.2. Проблемы безопасности Центральной Азии

К 2014 г., несмотря на разногласия во мнениях, а порой и полярность точек зрения, некоторые выводы относительно внутривнутриполитического развития региона и геополитического дрейфа Центральной Азии уже можно было сделать. Правы были те наблюдатели, которые утверждали, что Центральная Азия уже далеко не та, какой она была на момент распада Союза ССР.⁶

Таким образом, первый вывод гласил, что регион утратил свою гомогенность (если только она существовала в реальности). На тот момент можно было констатировать, что единой центральноазиатской идентичности не существует. Каждое государство региона развивается на свой манер, по собственной модели и имеет только ему присущие международные ориентиры. Парадоксально, но это стало возможным только после утраты прежней советской идентичности, которая худо-бедно скрепляла республики Средней Азии. Путь строительства национальных государств развел республики региона друг от друга.

Второй вывод заключался в том, что Россия безнадежно утрачивает свои, некогда доминирующие позиции. С этим стали согласны и западные, и российские (иногда с оговорками) наблюдатели. Это сложный, многофакторный и болезненный процесс, включающий в себя экономический, стратегический, социально-цивилизационный, демографический и лингвистический аспекты. Но то, что это происходит, сомнений не вызывало ни у кого. Дискуссии могли вестись лишь с масштабе остаточного влияния России и сохранении «особых» отношений с некоторыми из государств региона (Казахстан, Киргизстан).

Третий вывод, неприятный для некоторых, ведет нас к тому, что влияние Китая как геоэкономической и геополитической силы в регионе растет и в перспективе (при сохранении имеющихся тенденций) может превратить Центральную Азию в часть «Китайской народной империи». Но как на это среагируют сами государства региона и их правящие классы, а также другие внешние крупные игроки, здесь эксперты могли только гадать. Но никто из перечисленных акторов не желал бы подобного развития сценария.

Четвертый вывод касался взаимозависимости безопасности Центральной Азии и проблемы Афганистана. По этому вопросу наблюдается редкое единодушие среди западных, российских и центральноазиатских

⁶ *Cummings S. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformation. – London: Routledge, 2012. Cummings S., Hinnebusch R. Sovereignty after Empire: Comparing the Middle East and Central Asia. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.*

экспертов. Все в один голос утверждают, что после 2014 года уровень безопасности резко понизится вследствие ухода сил коалиции.

И наконец, последний вывод касался позиций Запада в регионе в будущем, т.е. во второй половине 2010 годов. Покидать Центральную Азию никто не хочет, но приходит осознание – и в Вашингтоне, и в Брюсселе, что осуществлять свою стратегию прежними методами невозможно ввиду нехватки ресурсов и геополитического влияния. Тем не менее, (западные) эксперты, придерживающиеся трезвого подхода, призывали США учитывать интересы России и Китая, но они были едины с атлантистами в том, что Соединенные Штаты и Запад в целом не могут оставить регион на милость соседей. Вызов, который стоит перед Западом, имеет сложный характер: здесь переплелись и проблемы безопасности, в первую очередь Афганистана, и т.н. нормативных ценностей (борьба за демократию и права человека). Но как справиться с этим вызовом Америке и Европе, западные специалисты ответить не могли, ограничиваясь общими призывами на фоне истекания стратегического влияния Запада.

Problemy transformacji, integracji i bezpieczeństwa państw Azji Centralnej. Studia Politologiczne. Vol.12. – Warszawa: IPS UW, 2008. – 422 s. Transformation, Integration and Security Problems in the States of Central Asia. – Warszawa: IPS UW, 2008. – 422 s.

Выход в свет коллективной монографии «Проблемы трансформации, интеграции и безопасности в Центральной Азии» (под ред. Т.Бодио, А.Вежбицкого и П.Заленского) в рамках программы Института политических наук Варшавского университета (ИПН ВУ) дает прекрасный повод обратиться к истории и современному состоянию центральноазиатских исследований в Польше.

Рецензируемая книга, как и большинство современных польских исследований по Центральной Азии носят ярко выраженный политологический характер, хотя некоторые затрагивают и проблемы этнографии (точнее, социальной антропологии). Книга является продуктом совместной польско-центральноазиатской программы, которая стартовала еще в 1997 г. Причем толчком к началу этих исследований послужил выход в свет книги Президента РК Н.Назарбаева «На пороге XXI века». Разработчики программы планировали поначалу разрабатывать пять тематических блоков, первый из которых включал в себя историю Центральной Азии (с упором на изучение судеб депортированных в регион поляков).

Второе направление – теория и практика системной трансформации; имелось в виду изучение моделей модернизации и демократизации, политические реформы, безопасность на концептуальном уровне. Третий

блок посвящался непосредственно политическим и общественным системам стран региона, формированию политических элит и оппозиции, развитию СМИ и НПО. Четвертое направление охватывает проблемы модернизации общественных структур, столкновение традиции и современности, изучение клановых структур, политику в области культуры и языка, религиозную жизнь и т.д. Пятый блок посвящается вопросам культуры народов Центральной Азии как в историческом, так и в современном контексте. В ходе развития программы к пяти первоначальным направлениям прибавились еще два – экономическое и внешнеполитическое.

Шестой блок должен был стать своего рода подведением (и в некотором смысле – пересмотром) итогов изучения постсоветской трансформации центральноазиатских республик в комбинированном виде, поскольку предыдущие издания имели специфический монотематический характер. Параллельно в процесс исследования внимание участников проекта привлекла тема политического лидерства в регионе. Ее целью было стремление ознакомить общественность с политическими фигурами в государствах региона, их психологией, стилем мышления и образом действий. И наконец, последний седьмой блок включал в себя международную проблематику, геоэкономику и особенности географического положения региона с точки зрения транспортно-коммуникационных связей, перспективы развития их отношений с Польшей, проблемы международной безопасности и роль международных организаций.

Таким образом, объектами стали все пять государств региона и практически все направления политической и экономической жизни, в том числе история и культура народов региона. Авторы книги понимали, что имеют дело с очень специфическим регионом, поэтому были необходимы оригинальные и нестандартные методы организации исследований, учитывавшие специфические требования политической теории и практики. Следует отдать должное авторам в том, что они отказались от ангажированного подхода, поскольку пришли к выводу, что в отношении Центральной Азии нужны новая методология, исключаящая как европоцентризм, так и азиоцентризм.

Таким образом, авторы нашли, как они считали, нужный подход к решению данной проблемы. Он заключался в том, что использовался комбинированный метод с привлечением как польских ученых, так и центральноазиатских экспертов. При этом картина происходящей трансформации рисовалась как бы изнутри (силами местных специалистов), так и извне – польскими учеными. При этом Т.Бодио и его коллеги считают, что таким способом они нашли возможность сочетать два научных стиля – азиатский и европейский, что вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Польские коллеги забывают, что их центральноазиатские соавторы в своем абсолютном большинстве получили образование и научную подготовку в советскую эпоху, т.е. являются представителями европейской (по стилю, методике и мировоззрению) научной школы. Но справедливости ради следует добавить, что науки не бывает «европейской», «азиатской» или «африканской». Есть просто научное знание, или псевдонаучное. Разница в методологии также не может носить географический характер: она просто носит научный характер, или же антинаучный.

Тем не менее, данный подход принес свои зримые плоды. В дальнейшем польские коллеги рассчитывают на базе достигнутого в ходе проекта опыта создать Европейский центр исследований Центральной Азии. На это направлены и контакты между академическими сообществами двух сторон. Таким образом, у нас перед глазами грандиозная панорама совместных польско-центральноазиатских исследований, посвященных региону. Как считают сами организаторы проекта из Польши, изданная серия книг является своего рода документальным памятником эпохе в истории Центральной Азии. При этом эта исследовательская программа вписывается в польскую традицию исследований. Одним из значимых эффектов данной программы является «дискредитация традиционных исследовательских стереотипов», как считает Т.Бодио, в особенности – евроцентризма и азиоцентризма. К позитивным результатам проекта польский ученый относит также «восприятие чужих аргументов, поиск новых парадигм и методологий, принимающих во внимание культурно-исторические, политико-экономические и психологические особенности региона». Для нас важен прикладной характер применения результатов проекта, которые используются польскими коллегами для чтения лекций и проведения семинаров в Варшавском университете.

Тем не менее, данный подход принес свои зримые плоды. За период с 2000 по 2005 гг. Институт политических наук выпустил пять монотематических коллективных изданий, посвященных каждой из республик региона и охватывающих историю, общественные и политические процессы в каждой из них.⁷ Естественно, что подобный грандиозный проект не мог быть осуществлен без координации всех со стороны заинтересованных сторон: президентских администраций, министерств иностран-

⁷ Bodio T., Wojtaszczyk R.A. (eds.). *Kazakhstan. Historia–spolecznstwo–politika.* – Warszawa: IPS UW, 2000. – 500 s.; Bodio T. (ed.). *Uzbekistan. Historia–spolecznstwo–politika.* – Warszawa: IPS UW, 2001. – 536 s.; Bodio T. (ed.). *Tadzykistan. Historia–spolecznstwo–politika.* – Warszawa: IPS UW, 2002. – 649 s.; Bodio T. (ed.). *Kirgistan. Historia–spolecznstwo–politika.* – Warszawa: IPS UW, 2004. – 897 s.; Bodio T. (ed.). *Turkmenistan. Historia–spolecznstwo–politika.* – Warszawa: Elipsa, 2005. – 840 s.

ных дел и посольств, политологических и исследовательских институтов, академий и университетов. Как отмечает координатор проекта Т.Бодио, за время его реализации в нем приняли участие 220 экспертов, из них больше половины (123) из стран ЦА. Всего в рамках серии «Современная Центральная Азия» ИПН-ВУ было издано 12 монографий (в т.ч. книги некоторых лидеров государств региона).

Среди изданий этой серии необходимо назвать монографии наших польских коллег: «Борющийся ислам в Центральной Азии» С.Запасьника (2006), «Центральная Азия: проблемы истории и современности» (под ред. Т.Бодио и др., 2007), «Борьба с организованной преступностью в Центральной Азии» С.Редо (2007), «Конституционные реформы в центральноазиатских государствах» Т.Бодио и Т.Молдавы (2007), «Регион Центральной Азии как очаг международного влияния» Б.Боярчика и А.Зентек (2008), «Властные элиты в Центральной Азии» Т.Бодио и П.Заленского (2008).⁸

Проблемам современного Казахстана посвящены следующие работы польских ученых: «Элиты политической власти Казахстана П.Заленского (2006), «Казахстан: политологическое исследование» П.Грохмальского (2006), «Казахстан-Узбекистан: соревнование за лидерство в Центральной Азии» (2007) и «Этническая политика в Казахстане и других странах тюркского сообщества Центральной Азии» А.Вирбицкого (2008).⁹

В дальнейшем польские коллеги рассчитывают на базе достигнутого в ходе проекта опыта создать Европейский центр исследований Центральной Азии. На это направлены и контакты между академическими сообществами двух сторон. Последним такого рода была визит польского коллектива в республики Центральной Азии в 2007 г.

Таким образом, у нас перед глазами грандиозная панорама совместных польско-центральноазиатских исследований, посвященных региону. Как считают сами организаторы проекта из Польши, изданная серия книг является своего рода документальным памятником эпохе в истории

⁸ *Zapasnik S.* «Walczący islam» w Azji Centralnej. Problem społecznej genezy zjawiska. – Wrocław, 2006. – 215 s.; *Bodio T., Jakubowski W., Zalenski P.* (eds.). *Azja Centralna – problemy historii i współczesności.* – Pultusk: Pismo Edukacyjne, 2007. – 376 s.; *Redo S.* *Zwalczanie przestępczości zorganizowanej w Azji Centralnej.* – Warszawa: IPS UW, 2007. – 314 s.; *Bodio T., Moldawa T.* *Konstytucje państw Azji Centralnej. Tradycje i współczesność.* – Warszawa: IPS UW, 2007. – 607 s. *Bodio T., Moldawa T.* *Constitutional Reforms in Central Asian States.* – Warszawa: IPS UW, 2008. – 350 s.; *Bojarczyk B., Zietek A.* (eds.). *Region Azji Centralnej jako obszar wpływów międzynarodowych.* – Lublin: UMCS, 2008. – 286 s.; *Bodio T., Zalenski P.* *Elites of Power in Central Asia.* – Warszawa: IPS UW, 2008.

⁹ *Zalenski P.* *Elity władzy politycznej Kazachstanu.* – Warszawa: IPS UW, 2006. – 310 s.; *Grochmalowski P.* *Kazakhstan. Studium politologiczne.* – Torun: WUMK, 2006. – 765 s.; *Zamarajewa A.* *Kazakhstan – Uzbekistan: rywalizacja o przywództwo w Azji Centralnej.* – Pultusk: Akademia Humanistyczna, 2007. – 167 s.; *Wierzbicki A.* *Ethno-politics in Kazakhstan and other countries of Turkic Community in Central Asia.* – Warszawa: IPS UW, 2008.

Центральной Азии. При этом эта исследовательская программа вписывается в польскую традицию исследований. Одним из значимых эффектов данной программы является «дискредитация традиционных исследовательских стереотипов», как считает Т.Бодио, в особенности – евроцентризма и азиоцентризма. К позитивным результатам проекта польский ученый относит также «восприятие чужих аргументов, поиск новых парадигм и методологий, принимающих во внимание культурно-исторические, политико-экономические и психологические особенности региона». Для нас важен прикладной характер применения результатов проекта, которые используются польскими коллегами для чтения лекций и проведения семинаров в Варшавском университете.

Omelicheva Mariya Y. Counterterrorism Policies in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2011. – 190 p.

Мария Омеличева (на тот период – проф. Канзасского ун-та, США) дебютировала с отдельной монографией «Контртерроризм в Центральной Азии» в 2011 г. По ее мнению, пусковым механизмом террористической активности было в 1980-90-е годы возрождение ислама в регионе. В регионе помимо умеренных и традиционных форм появились такие, как радикальный и вооруженный ислам. Руководство молодых государств в регионе столкнулось с двойной угрозой: внешней и внутренней, исходившей монополии их власти со стороны исламских группировок. Но нет худа без добра: совокупность угроз к началу 2000-х гг. заставила их сплотиться против общей угрозы, консолидировать светскую общественность и присоединиться к международной коалиции, действовавшей против т.н. международного терроризма. В книге анализируется антитеррористическая политика на уровне государства в Казахстане и Киргизии как наиболее решительных в этом плане (а как же Узбекистан?).

Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). Спецвыпуск. Под ред. Е.А. Степановой. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 262 с. (Глава 4. Афганистан и Центральная Азия: подходы России и США.)

Данное издание является специальным номером журнала ИМЭМО «Пути к миру и безопасности. 2017. № 1). Соответствующий раздел написали трое российских ученых (В.Белокриницкий, Е.Степанова, В.Трубников) и два американских исследователя Б.Рубин и Дж.Гаврилис). В чем разница в подходах экспертов двух стран? В.Белокриницкий исходит из того, что для России и США важно избежать действий, направленных на поддержку сил, односторонне ориентирующихся на ту или иную из глобальных

держав. Натравливание своих патронов друг на друга испокон веков является излюбленным приемом геополитических клиентов (о чем свидетельствует еще опыт «холодной войны»). Россия имеет традиционные, давно сложившиеся связи с Центральной Азией, с которой она связана прочными нитями не только исторически, но и по сей день. От ситуации в регионе в определенной мере зависит внутренняя безопасность России. Ученый считает, что если Россия в Центральной Азии и сталкивается с угрозой потери своих традиционных позиций, то главным образом перед лицом нарастающей экспансии со стороны Китая. На его взгляд, участие в программах США и международных экономических организаций (по Афганистану и ЦА), где США имеют серьезное или решающее влияние, в целом, на мой взгляд, благоприятно для России. общие для России и США угрозы и риски, связанные с данным регионом, заставляют сверять часы и быть готовыми к совместным или, по меньшей мере, не конфронтационным в отношении друг друга действиям.

Е.Степанова повторяет известную российскую позицию, что сил США и НАТО. В этих условиях, помимо укрепления сотрудничества в области безопасности со странами Центральной Азии, Россия сделала основной упор на активизации контактов и координации со всеми региональными державами. В целом, относительная стабилизация в Афганистане может быть достигнута только в результате внутриафганского политического урегулирования с участием, в той или иной форме, талибов и с учетом ряда законных интересов соседних региональных держав. Процесс политического урегулирования должен сочетаться с более консолидированными международными усилиями по противодействию таким подчеркнuto транснационализированным формам вооруженного экстремизма, как ИГИЛ. Важную и даже ведущую роль в этих усилиях применительно к Афганистану могут и должны сыграть США при администрации Д.Трампа.

По мнению автора, можно выделить три основных вызова для Центральной Азии:

(1) мобилизация местных радикалов и их отправка в качестве иностранных боевиков-террористов в зону территориального ядра ИГ в Сирии и Ираке, а также потенциал их возврата с Ближнего Востока в страны происхождения (особенно начиная с середины 2016 г.); (2) радикализация местных (полу)автономных ячеек (небольших, в основном самогенерирующихся, но под сильным воздействием пропаганды ИГИЛ, часто онлайн, и идеологии «глобального джихада»); (3) потенциал прямого перелива элементов ИГИЛ из соседних стран – Афганистана и Пакистана – в Центральную Азию.

Умеренно активный курс России в вопросах безопасности в Центральной Азии продолжит сочетаться с сохранением Москвой дистанции

от конфликта в Афганистане. Смысл сохранения такой дистанции – любой ценой избежать риска прямого вмешательства России в афганский конфликт и не позволить другим втянуть Россию в афганскую проблему в большей степени, чем это оправдано российскими интересами в Центральной Азии. Таким образом, стратегия РФ базируется на триаде: упор на сотрудничество с ключевыми региональными игроками в афганском вопросе, поддержка афганского правительства и одновременно внутриафганского диалога, что объясняется искренней заинтересованностью Москвы в повышении функциональности и легитимности афганского государства.

Статья В.Трубникова посвящена функционированию российско-американской Рабочей Группы по Афганистану. На базе опыта российско-американской Рабочей группы по Афганистану и других форм и аспектов российско-американского сотрудничества в антитеррористической сфере в начале века, а также личного опыта автора на основе многих лет работы в советской и российской разведке, следует особо выделить роль взаимодействия разведывательных служб, располагающих наилучшими возможностями для ведения борьбы с терроризмом. Но политические разногласия и трения между такими странами, как США и Россия, крайне затрудняют взаимодействие их спецслужб в антитеррористической сфере, а то и вовсе препятствует ему.

Karine Erlan. L'Asie centrale à l'épreuve de l'islam radical. – Russie. Nei.Visions, n° 98, février 2017. Central Asia: Facing Radical Islam Russie. – Nei.Visions, No. 98, Ifri, February 2017.

Карин Е. Дилеммы безопасности Центральной Азии. – Paris: IFRI, 2017. – 30 p. (RNV No 98). (на франц., рус. и англ. яз.).

Французский институт международных исследований опубликовал в прошлом году работу тогда еще директора КИСИ Е.Карина, посвященную проблемам безопасности в нашем регионе. Е.Карин широко известен своими публикациями в этой области, особенно в части, касающейся вопросов терроризма. На их основе и было подготовлено эссе, которое опубликовал ИФРИ. Исходя из этого, мы не сочли нужным пересказывать их содержание, а напрямую отсылаем читателей к ним.

Tunçer-Kılavuz Idil. Power, Networks and Violent Conflict in Central Asia. A Comparison of Tajikistan and Uzbekistan. – London, New York: Routledge, 2017. – 150 p.

Работа турецкого политолога Идиль Тунчер-Килавуз (Стамбульский университет культуры) «Власть, политические элитные сети и силовой конфликт в Центральной Азии» посвящена анализу характера и методов перехода

республик региона к государственному строительству. Исследовательница задается вопросом: насколько мирный характер имел этот переход. Она относит два государства региона – Таджикистан и Узбекистан к республикам, где данный процесс носил конфликтный и даже насильственный характер. Собственно говоря, книга посвящена только этим двум республикам. Автор проводит параллели между ними по схеме: силовой конфликт-гражданская война-стабилизация (для Таджикистана); мятеж-гражданская война-мирное строительство (для Узбекистана). Автор видит основную причину конфликтов в особенностях местных политических элит и их восприятию власти как института, а также в структурах местной власти. В заключение следует отметить, что, несмотря на длительный период внутривнутриполитической нестабильности режима И.Каримова, дело все же в Узбекистане до гражданской войны не дошло.

Omelicheva Mariya Y., Markowitz Lawrence P. Webs of Corruption: Trafficking and Terrorism in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2019. – 232 p.

Принятая точка зрения и широко распространенное мнение на Западе состоит в том, что *Центральная Азия – это регион с (традиционно) устойчиво высокими показателями коррупции. Еще в советское время здесь пустили глубокие корни криминальные сети, которые в период независимости только расширились и приобрели важные «связи» с властью. На этот симбиоз криминалитета и коррупции наложился еще угрозы терроризма, который в регионе имеет сложные механизмы – здесь есть и одиночки-террористы, и члены более разветвленных сетей. В этом запутанном клубке насилия, смерти и денег пытается разобраться новая книга исследователей Марии Омеличевой (профессор политологии в Университете Кан, автор книг («Политика борьбы с терроризмом в Центральной Азии» и «Демократия в Центральной Азии: конкурирующие перспективы и альтернативные стратегии»¹⁰) и Лоуренса Марковитца (профессор политологии в Университете Роуэн, автор книги «Государственная эрозия: не разграбляемые ресурсы и неподвластная элита»¹¹) – «Сети коррупции: трафик и терроризм в Центральной Азии».*

Их книга представляет собой новаторское исследование, использующее обширную методологию анализа: авторы провели ряд опросов и интервью, а также использовали большое количество данных с наси-

¹⁰ *Omelicheva Mariya Y. Counterterrorism Policies in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2011. Idem. Democracy in Central Asia: Competing Perspectives and Alternative Strategies. – New York: Columbia University Press, 2015.*

¹¹ *Markowitz Lawrence P. State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2013.*

лии, терроризме, наркообороте, включая статданные государственных и международных агентств, а также пространственные данные геоинформационной системы, чтобы отследить связи между незаконным оборотом и терроризмом. Фактически, исследователи, используя технологии геопозиционирования, наложили карты трафика и терроризма друг на друга, чтобы найти совпадающие места – то, что они называют trafficking-terrorism nexus, криминально-террористический узел.

Начало создания криминально-террористического узла в Центральной Азии авторы прослеживают с конца 1980-х и начала 1990-х. Долгое время запечатанный от Афганистана, после советско-афганской войны регион буквально открылся разному влиянию оттуда, включая наркоторговлю. Начавшись с небольшой торговли опиатами, осуществляемой ветеранами афганской войны, эта деятельность была быстро освоена крупными группировками, которые с советских времен установили патронажные сети с государством и продолжали полноценно функционировать и в период независимости с накопленным наследием коррупционной практики. Социально-экономические проблемы региона, нерешенные конфликты, проницаемые границы, коррупция и слабая практика правоприменения, как утверждают авторы, создали благоприятное поле для расцвета организованной преступности и «политически мотивированного насилия». А также процветания так называемой теневой экономики – где незаконные торговля и трафик товаров, наркотиков, оружия и людей перемещаются по огромному постсоветскому пространству, пользуясь налаженными сетями криминала и коррупции.

Масштаб криминальной активности, как утверждают авторы, со временем только расширился с ростом наркотрафика и вовлечением чиновников высокого ранга в преступность, а также наркоторговлю. В 2010-2012 гг. около 25-30 процентов всех наркотиков, произведенных в Афганистане, пересекали Центральную Азию. Общая преступная среда также получила развитие в результате гражданской войны в Таджикистане, политической нестабильности в Кыргызстане и общего социально-экономического беспорядка.

Книга пытается найти ответы на следующие вопросы: как именно осуществляется связь между наркотрафиком и терроризмом, какие условия им способствуют, какие изменения происходят в последние годы, какова роль национальных и иностранных правительств и организаций в этом бизнесе. Среди основных выводов книги – это утверждение, что хотя в Центральной Азии криминально-террористический узел, безусловно, существует, криминальные группы (действующие ради коммерческой наживы) и террористические группировки (действующие

в политических целях) не совпадают, хотя и действуют в одной плоскости. Предполагается, что террористические организации используют доходы от незаконной деятельности для финансирования распространения своей идеологии и продолжения политической борьбы. Но пока наиболее известным примером сращения терроризма и наркотрафика в регионе являлась деятельность группы «Исламское движение Узбекистана», которая первоначально стремилась сместить президента Каримова, а затем стала ведущим перевозчиком опиатов из Афганистана.

Другие примеры, даже несмотря на рост центральноазиатских боевиков в рядах ИГИЛ, пока не так очевидны, в первую очередь потому, что, как известно, в самом регионе террористические акты происходят редко. Поэтому было бы преждевременным принимать все преступную деятельность за террористическую. Что помогает правительствам стран не только представлять разные акты насилия как террористические, но также преувеличивает серьезность радикализации в регионе. Другой вывод касается центральной роли, которую играет в этом секторе государство. Государства и их вовлечение в наркоторговлю формирует весь узел криминально-террористических отношений, объединяя политические и коммерческие цели (степень участия варьируется от страны к стране). То есть, государства нисколько не оказывают влияние на этот узел, но фактически являются его частью.

Книга приводит цитату эксперта из Института Брукингса – «лучшее, что может случиться с наркоперевозчиком, это работать в агентстве по борьбе с наркотиками». Государство трактуется авторами как полиморфный агент. В разные формы государственности в Центральной Азии и шире – в Евразии входят неформальные сети, кланы, географические и племенные подразделения, местные лидеры, теневые экономики – все это представляет собой альтернативную базу власти. Наркоторговля, с другой стороны, представляет собой огромное и крайне выгодное поле для участия государства и его разных представителей. Связи с криминалитетом помогают государству оказывать влияние и контроль над скрытыми для него сферами общества, в том числе может помогать государству ограничивать и террористическую активность, как бы это ни парадоксально ни звучало.

На самом деле низкий уровень терроризма в регионе авторы объясняют тем, что участие государства в криминально-террористическом узле создает сложный механизм отношений с разнообразными участниками и рассеивает террористическую деятельность, перенаправляя ее в другие сферы и формы насилия. Именно этим аргументом книга пытается оспорить распространенное утверждение, что наркоторговля приводит к росту тер-

роризма. Авторы выдвигают интересную гипотезу, что, по крайней мере, в Центральной Азии, где эта корреляция не обнаруживается, правительства, участвуя в незаконной экономике, возможно, встраивают отношения с целым спектром негосударственных акторов насилия таким образом, что уровень терроризма на самом деле снижается, перенаправляя этих акторов или способствуя созданию для них более выгодных сфер деятельности.

Центральная Азия, на самом деле, является прекрасным примером для изучения феномена криминально-террористического узла, будучи важным звеном крупной мировой преступной ниши между рынком производства наркотиков в Афганистане и потребителями в России и Европе. При этом, уровень терроризма здесь по сравнению с другими местами – низкий. Из-за такого участия государства в наркоторговле, указывают авторы, сложно выстроить по-настоящему эффективное региональное партнерство в борьбе с общими угрозами. Страны даже могут конкурировать между собой за то, чтобы наркотики шли по определенной территории – в целях выгоды, разумеется. Хотя в то же время присутствует и регионализация преступных сетей – некоторые из них не имеют границ и простираются на несколько стран, используя родственные, плененные и иные связи. Или например, связи в диаспорах.

Книга подробно обсуждает ситуацию в каждой из пяти стран Центральной Азии, состояние наркоторговли, уровень насилия, количество и природу произошедших терактов (включая таинственные теракты 2011-2013 гг. в Казахстане, связанные с так называемой группой «Солдаты Халифата»). Другой интересный вывод исследования касается того, что социо-экономические условия областей стран региона (например, выраженные через показатели младенческой смертности) не сильно связаны с созданием криминально-террористических сетей. Создание этих узлов больше связано с концентрацией силы, денег и власти, что может иметь место и в более благополучных областях. Но такой фактор, как молодежная безработица (особенно, среди мужчин) положительно коррелирует с созданием узлов, что означает, что молодые безработные часто вовлекаются в наркоторговлю и терроризм.

Но так как теракты чаще всего происходили в больших городах, эти же города и являлись центрами наркоторговли. Тем не менее, авторы убеждены, что данные об объемах конфискованных наркотиков в определенной местности могут сравнительно хорошо предсказать вероятность теракта в этой местности. Понятно, что отдаленные сельские районы, скорее, имеют низкую вероятность теракта по этим же причинам. Авторы также обсуждают разную степень вовлечения государства в наркоторговлю через сравнение двух соседствующих с Афганистаном стран – Таджикистана

и Узбекистана, которые, по мнению экспертов, демонстрируют полярно противоположные примеры криминально-террористических узлов, где одно государство сильно вовлечено в наркоторговлю, другое – предпочло в ней участвовать минимально.

Книга также затрагивает и другие аспекты, такие как международная помощь и проблемы регионального сотрудничества. Но что делает ее новаторской, это использование большого набора новых данных и передовых инструментов социальных наук, а также бескомпромиссный подход в описании действительности региона – где государства, правительства, преступность и терроризм связаны в один порочный и уже почти неразрывный узел, манипулирующий безопасностью в своих собственных целях.

Carlton David, Ingram Paul. The Search for Stability in Russia and the Former Soviet Bloc. – London, New York: Routledge, 2020. – 215 p.

Данная работа под ред. Д.Карлтона и П.Инграма «В поисках стабильности в России и бывшем советском блоке» является продолжением, а точнее – реликтом ранней постсоветской эпохи – начала и середины 1990-х гг., и представляет собой продолжение начатой в 1997 году серии под аналогичным названием. Указанные издания базируются на основе регулярных конференций и встреч в рамках Школы по разоружению и исследованию конфликтов (ISODARCO) в Риме. Издание рассматривает традиционный круг вопросов: геополитические проблемы, внутривосточные процессы в России и странах СНГ, энергетическую безопасность, т.н. пост-коммунистический национализм, отношения РФ и ОДКБ с НАТО и др.

1.3. Внешняя политика и международное положение отдельных государств Центральной Азии

Внешняя политика и международное положение Казахстана

Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. – 189 p.

Исследование Ричарда Вайца «Казахстан и новая международная политика в Евразии» было фактически первым исследованием на Западе, посвященным преимущественно международным связям и внешней политике РК. Написать данное исследование автора побудил, как он пишет, тот факт, что Казахстан выдвинулся в число лидеров региональной экономической и политической интеграции в Евразии. Он считает, что

способность Казахстана достичь своих целей по региональной интеграции зависит от нескольких факторов. К ним автор относит транзит к «пост-назарбаевскому» поколению политических лидеров, успешность председательства РК в ОБСЕ и состояние экономик евразийских государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что на этот процесс будут оказывать решающее влияние великие державы – Россия и Китай, но прежде всего – Соединенные Штаты.

Книга состоит из четырех глав. Первая глава «Институциональные рамки» рассматривает участие Казахстана в таких организациях как СНГ, ОДКБ, ШОС и сотрудничество республики с НАТО, ЕС и ОБСЕ. В этом разделе Вайц делает особый упор на будущее председательство Казахстана в ОБСЕ. Исследователь считает, что Астана обязательно использует свое предстоящее председательство для развития транзитных и транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с другими частями пространства ОБСЕ.

Вторая глава книги посвящена проблемам региональной безопасности. Вайц отмечает, что последовательная политика РК в сфере безопасности носит вполне осознанный и принципиальный характер, так как нестабильность в регионе угрожает экономическим интересам страны. Энергетическую проблематику Вайц рассматривает с точки зрения развернувшейся геополитической конкуренции за углеводородные ресурсы региона. Он приходит к выводу, что казахстанское руководство продуманно осуществляет стратегию по превращению республики в своеобразный транспортный хаб, связывающий Азию и Европу.

Четвертая глава, самая обширная и по сути ключевая, посвящена двусторонним отношениям Казахстана с другими государствами. Их автор подразделяет на четыре группы. Первая группа – это великие державы. По его мнению, наблюдающееся сближение Казахстана Китаем во многих областях носит вынужденный для казахстанской стороны характер. Над элитой и всем населением страны тяготеет груз исторической памяти, которая однозначно рассматривает Китай как угрозу. Но беспрецедентный экономический рост КНР и его влияние на весь мир и соседние регионы не оставляют Астане альтернативы кроме как развивать сотрудничество с Пекином. Переходя к российско-казахстанским отношениям, Вайц выделяет сферы, в которых два государства время от времени выступают конкурентами, хотя в целом он признает, что отношения между двумя государствами носят беспрецедентный характер по уровню и степени партнерства и сотрудничества.

Казахстан сумел установить и поддерживать в равной степени хорошие отношения с Америкой – как при демократах, так и во время правления

республиканской администрации. Стратегия США в отношении Казахстана была заложена еще при У.Клинтоне, когда была взята на вооружение концепция новых транспортных и коммуникационных коридоров в Евразии в обход России. Как считает автор, два фактора ограничивают американское влияние на Казахстан. Во-первых, США как супердержава глобального масштаба не могут – в глазах казахстанского руководства – полноценно конкурировать по степени влияния с непосредственными соседями – Китаем и Россией в силу своей удаленности от региона. Для Астаны не ясно, насколько долго продлится присутствие США в Евразии. Во-вторых, отношения постоянно отравляются доктринальной позицией США в области соблюдения прав человека.

Далее автор переходит к изучению отношений РК с региональными державами. К ним он относит Индию, Иран, Пакистан и Турцию. К группе центральноазиатских государств-партнеров РК Вайц относит помимо собственно четырех постсоветских республик также Афганистан и Монголию. Душанбе официально заявил, что «рассматривает для себя Казахстан как модель». Отношения РК с Туркменией при С.Ниязове носили сложный характер, но обрели второе дыхание при новом туркменском лидере Г.Бердымухамедове, который проявил живой интерес к участию в различных интеграционных структурах, считает Вайц.

Американский исследователь считает, что Узбекистан является ключевой страной в казахстанской схеме региональной интеграции. Узбекистан остается самым крупным торгово-экономическим партнером Казахстана в Центральной Азии. Но эта картина омрачается скрытым и порой открытым соперничеством между двумя государствами за региональное лидерство. В последнее время Астана и Ташкент начали координировать свои позиции в отношении экспорта газа в Россию и через Россию в Европу. Но Каримов упорно продолжает игнорировать призывы казахстанского руководства к созданию Центральноазиатского союза. Фактически, продолжается соперничество за то, чтобы занять лидирующее место в прокладке трансевразийских транспортных линий. Главной причиной нежелания Ташкента изменить свое отношение к региональной интеграции является, по мнению автора, скрытое опасение узбекской стороны, что региональный союз закрепит доминирование Казахстана.

В заключении Р.Вайц повторяет свои базовые тезисы: на пути реализации евразийской стратегии Казахстана лежат сложные препятствия, над которыми он не властен. Не снята угроза исламского экстремизма, использование углеводородных ресурсов имеет неясную перспективу. Сложно выработать стратегию в условиях, когда такие державы как Россия и Китай осуществляют собственные. Замедление темпов роста

казахстанской экономики сразу же поставит под вопрос претензии Астаны на лидерство. Усиление экономической и политической мощи Казахстана пугает его соседей по региону и толкает их к укреплению связей с Россией, Китаем, США и даже Ираном. И наибольшую угрозу интеграционным планам Астаны несет именно геополитическое соперничество, с чем прекрасно догадываются в Ак-Орде. На перспективу, резюмирует Вайц, усилия казахстанской дипломатии будут направлены на то, чтобы предотвратить установление российско-китайского кондоминиума в Центральной Азии.

Cornell S.E., Engvall J. Kazakhstan in Europe: Why Not? – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2017. – 70 p.

Оставаясь в русле казахстанской проблематики, необходимо назвать работу шведских авторов Сванте Корнелла и Йохана Энгвалла, давно и плодотворно работающих на центральноазиатском и постсоветском направлении в рамках программ Института Центральной и Кавказа Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне. Новая работа этих авторов «Казахстан в Европе: почему бы и нет?» возвращает нас в 2008 год, когда руководство РК провозгласило «Путь в Европу». Однако в дальнейшем данная концепция была заменена на евразийскую доктрину, и авторы делают попытку разобраться в причинах и механизме зигзагов казахстанской стратегии.

По их мнению, Казахстан следует неизбежно рассматривать в качестве европейского государства и полноценного кандидата на членство в Совете Европы как минимум по двум причинам: во-первых, республика частично расположена на европейском континенте; во-вторых, культура этой страны тесно связана с европейской, что точно соответствует критериям Совета. Последние политические и конституционные изменения в РК (возрастание роли исполнительной и законодательной властей, сужение президентских полномочий), считают исследователи, также способствуют сближению с нормативными ценностями Евросоюза. Кроме того, Брюссель в последнее время начал серьезно относиться к Центральной Азии как к реальному транспортному коридору между Европой и Азией. Преданность Казахстана евразийству не следует понимать геополитическом смысле, как это делают в России. Скорее, полагают авторы, оно больше отвечает европейскому понятию государственности.

Как считают С.Корнелл и Й.Энгвалл, стремление Казахстана войти – сначала в 50, а затем в 30 наиболее развитых стран планеты, неизбежно заставит его адаптировать европейские стандарты политического устройства. Со своей стороны, утверждают они, Евросоюз должен

свежим взглядом оценить перспективы и возможности Казахстана и пересмотреть роль и методы европейских организаций, участвующих в программе реформирования страны. Резюмируя вышесказанное, возникает убеждение, что появление данной работы (как и ряда других) приурочено к заявленному на 2018 год появлению новой «Стратегии ЕС в отношении Центральной Азии», и призвано скорректировать в «правильном» направлении курс Брюсселя.

Поскольку, как уверены многие западные эксперты, прежняя стратегия Евросоюза в ЦА (от 2007 г.) фактически потерпела фиаско, Евросоюзу необходимо встать на более реалистичный путь строительства отношений со странами региона, избегая излишнего институционального морализаторства и делая акцент на укрепление европейских экономических и геополитических позиций в регионе. В этом свете презентация Казахстана в качестве «европейского» государства только способствует данной стратегии.

Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – Алматы: ФФЭ, 2019. – 91 с.

Данное исследование сложно отнести к разряду зарубежных, поскольку к реализации этого проекта Фондом им. Ф.Эберта были привлечены центральноазиатские эксперты, в основном представители нового поколения ученых. Для поддержки развития дискуссии в казахстанском экспертном и научном сообществе, а также включения в аналогичные дискуссии, имеющиеся в других регионах, Представительство Фонда в Казахстане инициировало проект, который посвящен подготовке разработке стратегии Казахстана в развитии региональной интеграции. Были приглашены в проект эксперты, которые работают региональной тематикой в разных аспектах (политической, экономической, социальной) с различным опытом работы. В частности, Ф.Аминжонов, Р.Бурнашев, И.Корабоев И.Кураев, К.Молдашев, Г.Нурша, А.Решетняк, А.Чеботарев.

Исследование задается вопросом определения подходящих подходов для Казахстана в плане регионализации в центральноазиатском регионе. Авторы аналитического документа дают свое видение с том, насколько в теории эффективны те или иные стратегии регионализации и какие могут быть риски при их реализации. В качестве областей, определяющих стратегии регионализационных процессов, являются такие аспекты, как экономика, безопасность, энергетика, вопросы обеспечения водными ресурсами. Также региональное строительство рассматривается с точки зрения межэтнических отношений и в контексте глобализации. Новизна работы выражается в рассмотрении проблематики под призмой различных парадигм и научно-аналитических подходов, помимо геополитического.

Авторы ставят два взаимосвязанных вопроса, без ответов на которые трудно анализировать регион. Первый вопрос: где лежат границы Центральной Азии? Как определить, какие государства входят или не входят в регион Центральной Азии? Обычно при прочерчивании границ в Центральную Азию включаются пять постсоветских стран (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). Но некоторые эксперты и учёные могут включать Афганистан, западную часть Китая и территории России, где проживают тюркские народы. Второй вопрос: как называть происходящие процессы в Центральной Азии? Если говорить об интеграции, то часто подразумевается создание институциональных форм взаимоотношений в виде региональных организаций. Если говорить просто о сотрудничестве, то, кажется, этого недостаточно для стран региона, где существуют очень тесные исторические, культурные, экономические и другие связи. Авторы предлагают употребление термина «центральноазиатская регионализация».

Хотя казахстанская стратегия вынесена в заглавие работы, особенностью данного исследования является тот факт, что центральноазиатские исследователи (неказахстанские) либо игнорируют позицию РК, либо обрушиваются с критикой на политику Астаны (ныне – Нур-Султана). Этот аспект касается в первую очередь вопросов безопасности. Авторы делают вывод, что в казахстанском дискурсе безопасности фиксируется тенденция отхода от регионализации страны в формате, задаваемом концепцией «Центральная Азия», к более аморфным и динамичным концепциям «геополитическое окружение Казахстана» и «сопредельные государства». Казахстан в рамках дискурса безопасности не рассматривает страны Центральной Азии ни как потенциальных противников, ни как союзников в отношении угроз своей национальной безопасности.

В торговой и интеграционной сфере авторы предлагают следующее. Среди первостепенных задач для Казахстана и республик региона особого внимания требует проблема нетарифных барьеров. Несмотря на то что комплементарность экономик стран региона позволяет избежать серьезных торговых конфликтов, необходимы постоянные площадки для урегулирования споров и поддержки существующих товаропотоков, основанных на конкурентном преимуществе каждой страны. Продвижение казахстанских инвестиций в ЦА, а также их привлечение в страну, возможно, стоит пересмотреть и внести изменения, которые отвечают современными реалиям, в соглашения с поощрением и взаимной защите инвестиций, подписанные в конце 1990-х. На данном этапе вряд ли стоит говорить с необходимостью создания регионального объединения в форме таможенного или экономического союза. Для улучшения взаимной

торговли и инвестиций возможен вариант соглашения по комплексному экономическому партнерству наподобие Регионального комплексного экономического партнерства.

Авторы исходят из того, что Казахстан в транспортно-логистическом секторе не должен ограничиваться статусом транзитного государства. Как приоритет транспортно-логистической политики, казахстанская стратегия может выделить увеличение центральноазиатской торговой динамики, используя существующую и проектируемую инфраструктуру.

Государства Центральной Азии во внешней торговой политике в настоящее время полагаются на семь транспортных коридоров, четыре из которых лежат через территорию Казахстана. В рамках существующих коридоров Центрально-Азиатский регион в основном выступает в роли конечного рынка сбыта. Казахстан, пользуясь статусом транзитного государства в своей стратегии развития транспортно-логистической инфраструктуры должен развивать торговые отношения, в которых Центральная Азия будет выступать экспортером товаров для поставок на европейский рынок через Казахстан.

Транспортно-логистический сектор всегда был приоритетом в стратегии развития Казахстана. Казахстан позиционируется как страна, соединяющая континенты, и евразийский хаб. С недавнего времени казахстанские власти делают большой упор на развитие транспортно-логистических сетей в рамках китайской Инициативы «Пояс и путь», нацеленной на восстановление торговых отношений вдоль Великого шелкового пути. Стратегическое расположение Казахстана, которое связывает Восток с Западом, играет ключевую роль в транспортной политике страны. Однако анализ в данной главе показывает, что Казахстан не должен чрезмерно полагаться на маршрут «Восток – Запад». Следует рассматривать диверсификацию транспортных маршрутов, где страна также будет играть важную роль транзитного государства. По направлениям Восток – Запад и Север – Юг возможность Казахстана повлиять на развитие торговых отношений в защиту своих интересов ограничено. Однако в направлении Юг – Север Казахстан может создавать условия, способствующие развитию торговых отношений, и этот вопрос необходимо вынести на уровень приоритета.

Во всех вышеупомянутых коридорах Казахстан играет важную роль транзитного государства. Однако во всех коридорах транспортно-логистическую политику в основном формируют такие державы, как Китай, Россия или европейские страны, в первую очередь лоббируя свои интересы. Казахстан, несмотря на свое стратегическое значение как транзитное государство, не обладает достаточными возможностями продвигать свои

интересы. Исключением представляется только поток товаров в направлении Юг – Север, где казахстанские власти влияют на торговую динамику по поставкам центральноазиатских товаров в северных направлениях.

По мнению авторов, приоритеты стратегии развития транспортно-логистических отношений Казахстана состоят в следующем: Казахстан может извлечь выгоду из повышения центральноазиатской торговой динамики; ему необходимо улучшение торговой динамики через укрепление сотрудничества с Узбекистаном; требуется использование коридора «Север – Юг» в реверсном режиме. Рекомендуется, чтобы Казахстан активно продвигал транспортные коридоры на Прибалтику, через Беларусь и Украину, развивал транзит через Туркменистан, Казахстан и Азербайджан в Черное море.

В отношении энергетической политики РК в работе предлагаются определенные рекомендации. Казахстан в своей энергетической стратегии должен сфокусироваться на поставках газа в южные регионы страны, использовать в своих интересах существующую газоперерабатывающую мощность региона и рассматривать Центральную Азию как рынок сбыта газовых продуктов с добавленной стоимостью.

Казахстанские власти должны сосредоточиться на использовании своей сырой нефти для переработки, используя узбекские нефтеперерабатывающие заводы, и дальнейших поставках как на внутренний, так и на центральноазиатские рынки. Нефтепродукты, переработанные на казахстанско-узбекском совместном предприятии, будут поставляться на рынки стран Центральной Азии, таким способом увеличивая энергетическую безопасность в регионе и пополняя бюджеты Казахстана и Узбекистана дополнительными доходами. Казахстан уже сейчас является важным участником водно-энергетической политики, но необходимо укреплять свои позиции. Восстановление и увеличение объемов торговли электроэнергией со странами верховья обеспечит доступность воды для ирригационных нужд и увеличит долю экологически чистой энергии в общем балансе потребления в стране.

Экологический раздел исследования полон апокалипсических предсказаний в отношении Казахстана. Во всех рассматриваемых сценариях по изменению климата в XXI веке Казахстан представляется уязвимым к повышению температуры. В целях смягчения потенциальных негативных последствий для страны казахстанские власти должны разработать превентивные меры совместными усилиями всех центральноазиатских стран.

Наиболее значимый интерес представляет, на наш взгляд, раздел, посвященный национальному и региональному строительству. Формирование

экслюзивных национальных идентичностей и использование языка вражды несет угрозу стабильности государств в ЦА. Вопросы межэтнических отношений недостаточно изучены, и очень мало информации в открытом доступе, что создает информационный вакуум. Региональное сотрудничество в области формирования национальной идентичности на межгосударственном уровне затруднено и может противоречить принципу невмешательства во внутренние дела. Ключевую роль в формировании инклюзивных региональных идентичностей играют негосударственные факторы.

Авторы высказывают бесспорную мысль: одна из мин замедленного действия, имеющая непосредственное влияние на безопасность отдельных личностей и безопасность государств, – это формирование экслюзивистских национальных идентичностей. Очень часто при такой форме национальной идентичности формируется миф «особенного» этноса или нации с высокими моральными ценностями и великой историей. Историческое прошлое реинтерпретируется в пользу «своей» нации, несмотря на то что сам концепт нации и национализма имеет короткую историю по сравнению с историей региона. Многие вопросы, касающиеся национального строительства и идентичности, очень трудно решать на двустороннем уровне. Вопрос идентичности часто является табу для внешнего вмешательства. Однако, в своих рекомендациях авторы дают совсем беззубые советы (комиссии по межэтническому согласию, платформы для взаимодействия с ассоциациями, институтами и индивидуальными учеными, изучающими вопросы межэтнических отношений, механизмы саморегулирования среди профессиональных сообществ журналистов, ученых, аналитиков и т.д.).

В конечном итоге, все надежды возлагаются на Казахстан, который, по мнению авторов, мог бы использовать регионализм для содействия сотрудничеству в Центральной Азии, для достижения общего понимания наиболее актуальных региональных проблем, таких как безопасность или торговля; для решения проблем, связанных с глобализацией; улучшить международное положение Казахстана и Центральной Азии в мире. В работе выделено три основных аргумента в пользу регионализма в Центральной Азии. Они являются историческими, переходными и геополитическими аргументами. Эти три аргумента в основном отражают региональные и местные реалии Центральной Азии.

Государства участвуют в региональном сотрудничестве, прежде всего из-за местных реалий: географическая близость и общие проблемы подталкивают государства к сотрудничеству. Казахстан и страны Центральной Азии в значительной степени зависят от феноменов глобализации и глобального управления. Одной из важнейших политических целей этих стран является интеграция в международное сообщество путем присоединения

к множеству универсальных и региональных организаций, доступа к многосторонним и международным договорным режимам или применение глобальных и транснациональных правил, касающихся верховенства права, либерализации рынка или защиты прав человека. С другой стороны, страны Центральной Азии также уязвимы перед негативными последствиями глобализации.

Однако в целом, рекомендации и выводы, которые предлагают авторы, оказываются традиционно банальными. Так, в исследовании утверждается, что региональный подход поможет странам Центральной Азии повысить региональную автономию и региональную устойчивость в условиях присутствия нескольких крупных держав в региональной политике.

Таким образом, в исследовании вновь поднимаются вопросы, которые ставили западные и постсоветские эксперты еще, как минимум, четверть века назад. И тогда, в условиях, когда хозяйства бывших республик СССР были по инерции все еще тесно интегрированы, ответы на поставленные вопросы (как объединить) регион не были найдены. С тех пор изменились как внутренние, так и внешние условия политического и социально-экономического развития центральноазиатских республик. В странах ЦА сменились лидеры, выросло новое поколение, для которого советское прошлое становится все более далекой легендой; по соседству с регионом выросла в лице Китая суперэкономика мирового масштаба, запущен механизм евразийской интеграции, что не дополняет, а автоматически снимает с повестки дня вопрос с центральноазиатской интеграции (как это было в 2005 г. с ЦАЭС).

Но ответов на старые вопросы по-прежнему нет. Данное исследование предлагает лишь набор технических методов. Главным препятствием не только для интеграции, но и для любого поступательного и прогрессивного развития постсоветского пространства остается та система (ее называют по-разному) или модель, которая была навязана народом Советского Союза после его искусственного устранения с мировой арены.

Aneschi Luca. Analysing Kazakhstan's Foreign Policy. Regime neo-Eurasianism in the Nazarbaev era. – London, New York: Routledge, 2020. – 196 p.

Лука Анчески (Университет Глазго), известный своими работами по внешней политике государств Центральной Азии¹² и международному положению региона, посвятил свою новую работу «Анализ внешней

¹² В частности, он автор аналогичных работ по Туркменистану: Aneschi Luca. Turkmenistan's Foreign Policy: Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime. – London, New York: Routledge, 2009. – 240 p. Aneschi L. Turkmenistan's Foreign Policy. Positive Neutrality and the Consolidation of the Turkmen Regime. – London, New York: Routledge, 2015. – XV+240 pp.

политики Казахстана. Режим неоевразийства в назарбаевскую эру» доктрине евразийства как внешнеполитической концепции. Л.Анчески исследует то, как идеология неоевразийства отражается на внешней политике Казахстана и повлиял ли на нее украинский кризис. Книга состоит из пяти глав.

Первая посвящена казахстанской внешней политике в период 1991-1993. Автор называет ее «доевразийская эра». Вторая глава «От идеи до инициативы?» освещает неоевразийские дискуссии в РК. Третья глава посвящена формированию неоевразийства и краху попыток создать центральноазиатский регионализм. Четвертый раздел охватывает значительный период с 1994 по 2010 гг., который автор именует периодом «постсоветской реинтеграции». И наконец, последняя глава «Евразия без евразийства» рассматривает внешнюю политику республики в контексте создания и функционирования ЕАЭС.

По мнению эксперта, неоднократно посещавшего Казахстан для изучения неоевразийства, события вокруг Украины в 2014-15 гг. показали, что Казахстан сделал резкий поворот в сторону России. Л.Анчески отмечает, что неоевразийство, по крайней мере, в том, каким образом оно понимается правительством Казахстана, представляет собой внешнеполитическую тенденцию, которая привела постсоветский Казахстан в средоточие множества инициатив многосторонней интеграции, развившейся внутри и вокруг Евразии. Оно часто используется в качестве синонима «многовекторности», чтобы указать, что внешняя политика не связана с конкретной державой или узко ориентирована на данные двусторонние отношения, но якобы имеет более широкий охват, который связан с географическим положением Казахстана между Европой и Азией.

Автор отмечает, что правительство в Астане использует язык ярко выраженной пропаганды, представлявшей Казахстан в качестве моста между Европой и Азией или рисовавшей картину Астаны как центра Евразии – и евразийства. Риторика, окружающая суть казахстанского неоевразийства, по его мнению, часто неясна, поэтому нет никакой уверенности в том, что казахстанская внешняя политика по-настоящему является евразийской или она реагирует на более прагматические интересы, сформулированные руководством страны.

Л.Анчески предполагает, что события в Крыму увеличили опасения того сегмента населения, который более критично настроен к таким инициативам, как ЕАЭС, но не думает, что правительство Казахстана будет тщательно пересматривать свой неоевразийский курс. Функционалистская интеграция в рамках ЕАЭС (таможни, банки, в конечном счете, валюты) может привести к большей политической интеграции, но это не произойдет

в краткосрочной перспективе. Кроме того, в настоящее время интерпретация того, что означает ЕАЭС, неразрывно связана с настоящим руководством: процессы смены элиты могут существенно поменять это значение, процесс политической интеграции.

Исследователь считает очень интересным, что внешняя политика является широко обсуждаемым вопросом в Казахстане. Это свидетельствует о зрелости, достигнутой некоторыми сегментами населения. Евразийский экономический союз (ЕЭС) является следующей стадией реализации Таможенного союза между Беларусью, Казахстаном и Россией. Договор о создании ЕАЭС стороны были намерены подписать в мае 2014 года, и он заработал с 2015 года. Существует более стандартная критика, которая затронула и правительство: это соответствие идеи ЕАЭС с понимаемыми В.Путиным неоимперскими целями. Нужно отметить, подчеркивает автор, что казахстанское неоевразийство родилось как попытка оттолкнуться от новой российской интеграции на постсоветском пространстве. Однако, этот первоначальный импульс уже утрачен. Относительно широкая часть населения взяла на вооружение это внутреннее противоречие и потребовала пересмотра внешней политики правительства. Автор заключает, что не знает, произойдет ли это в конечном итоге, но эта дискуссия с места Казахстана в Евразии, которая неизбежно связана с вопросами национальной идентичности, останется в эпицентре политических дебатов на довольно долгое время.

Внешняя политика и международное положение Узбекистана

Weitz Richard. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 53 p.

Название книги Ричарда Вайца (дир-р Центра военно-политического анализа Университета Хадсона) говорит само за себя: «Новая внешняя политика Узбекистана: изменения и преемственность при новом руководстве». Автор исходит из того, что с момента обретения независимости внешняя политика Ташкента строилась на стремлении максимально укрепить свою безопасность и суверенитет путем минимизации зависимости от других внешнеполитических игроков. На этом принципе строилась внешняя политика И.Каримова, и она получила продолжение при Ш.Мизиёеве. Но она приобрела и новые нюансы: укрепление связей с другими центральноазиатскими государствами и углубление связей с международными институтами. В тоже время Ташкент сохраняет

тактику балансирования между ведущими державами – Россией, Китаем и Соединенными Штатами.

Такая политика также включает отстранение от военных альянсов или ведомого Москвой Евразийского экономического союза, запрет на использование узбекских вооруженных сил за рубежом или размещении иностранных военных баз на своей территории, а также избегание вмешательства во внутренние дела других государств. Но комплекс проблем, с которыми сталкивался режим И.Каримова, сохраняется, включая трансграничный терроризм, неразвитость транспортной инфраструктуры, пограничные и водные споры. Но, подчеркивает автор, прежняя политика остается на уровне стратегии, а изменения касаются тактических изменений в поведении нового руководства. Они выразились в первую очередь в учащении контактов с соседями по региону. Несмотря на усиление контактов Ш.Мирзиёева с Москвой и Пекином, новый лидер по-прежнему остается более привлекательным для Запада, чем фигура его предшественника.

В настоящее время, заключает Вайц, основные усилия на внешнеполитическом направлении Узбекистан прилагает в области строительства новой транспортной инфраструктуры в регионе, создания благоприятных условий для развития межгосударственных торгово-экономических связей и проектов, либерализации валютно-финансовой сферы в международном контексте, а в конечном итоге – с целью превращения Узбекистана в транспортный и инвестиционный хаб регионального масштаба. При этом ставка делается на (якобы) уникальное географическое положение страны. С другой стороны, Ташкентом ожидаются стратегические выгоды от евразийской инвестиционной экспансии Китая. Как подозревает автор, Узбекистан при любом развитии своих планов будет стараться сохранять геополитический плюрализм в этом регионе Евразии (что вполне отвечает интересам Запада).

На региональном уровне, продолжает Вайц, Узбекистан последовательно борется с радикальным исламом и наркотрафиком, а также углубляет сотрудничество с Кабулом. Ташкент также активно поддерживает проекты под эгидой ШОС и ЕС, и пропагандирует региональную солидарность всех стран ЦА. Помимо укрепления коммерческих связей с соседями, Узбекистан наращивает торговые отношения с Южным Кавказом, ЕС, США, Южной и Восточной Азией. В последние годы правления И.Каримова наметился прогресс в отношениях РУ с РК. Казахстан всегда оставался крупнейшим торговым партнером для этой республики. Линия на усиления разнообразных связей с Астаной (в т.ч. военных) еще более укрепилась при новом руководстве. В отношениях с Бишкеком имел место настоящий

прорыв по такому болезненному вопросу как пограничный. С Душанбе наметились контуры достижения компромисса в такой острой сфере как гидроэнергетика. В отношении с Ашхабадом обнаружилось общие интересы в поддержке разнообразных коммуникационных проектов на западном (каспийском) и южном (Афганистан, Пакистан) направлениях.

Отдельный раздел посвящен теме балансирования Ташкента между великими державами. При новом президенте отношения с Кремлем стали носить подчеркнуто дружественный характер. При этом упор делается на сферу безопасности, включая массовую закупку российского вооружения узбекской стороной. На китайском направлении новаторских прорывов не было; наблюдалось укрепление того фундамента, который был уже давно заложен еще при Каримове. Толчком этому процессу стал китайский проект «Один пояс, один путь». Отношения между РУ и США базируются на взаимном прагматичном интересе – борьба с терроризмом и решение проблемы Афганистана. Кроме того, Вашингтону импонирует дистанцирование Узбекистана от ОДКБ и ЕАЭС. При этом давление на Ташкент по линии прав человека и демократизации заметно снизилось при Б.Обаме и вообще исчезло при Д.Трампе. Как и ранее, американские компании достаточно активны на инвестиционном поле РУ.

В заключении автор отмечает два фактора, имеющих критическое значение для реализации стратегических планов Ташкента. Первый состоит в наличии крупной узбекской диаспоры (ирреденты) во всех соседних с РУ государствах. Второй фактор – это узловое положение Узбекистана на пересечении любых транспортных проектов в ЦА. Данный фактор Вайц считает жизненно важным для сохранения стабильности и процветания в этой части Евразии.

Fazendeiro B.T. Uzbekistan's Foreign Policy: the struggle for Recognition and Self-Reliance under Karimov. – London, New York: Routledge, 2018. – 178 p.

Исследование Бернардо Т.Фазендейро (Ун-т Коимбры, ун-т Св.Эндрю – Великобритания) «Внешняя политика Узбекистана: борьба за признание и самостоятельность при И.Каримове» посвящено изучению политики, которую проводил первый лидер независимого Узбекистана с 1991 по 2016 годы. Автор утверждает, что внешнеполитический курс Ташкента является своего рода уникальным опытом в постсоветскую эпоху, направленный на сохранение и укрепление реальной независимости республики. И.Каримов и его окружение, по его мнению, с самого начала скептически относились к нормам и правилам международной политики с точки зрения их обязательности их выполнения. Доказывая последовательность

Ташкента в достижении самостоятельности на международной арене, исследователь берет в качестве примера отношения Узбекистана с четырьмя державами – Россией, Соединенными Штатами, ФРГ и Турцией.

Основная идея книги сводится к тому, что, поняв правила игры в мировых делах, как казалось руководству РУ, оно постоянно делало ставку на укрепление роли Ташкента при разрешении противоречий между крупными игроками. Как только И.Каримов наблюдал «чрезмерное» усиление влияния на себя той или иной державы, внешнеполитический курс менялся прямо на противоположный. Эта линия наглядно прослеживается в постоянных метаниях Узбекистана между Россией и США, НАТО и ОДКБ, ГУУАМ и ЕврАзЭС и т.д. В свое время мы называли этот курс «политикой маятника». В целом работа Б.Фазендейро не открывает ничего нового для знатоков центральноазиатской политики и представляет интерес лишь для аудитории провинциальных вузов, где читает лекции автор и где слабо представляют реалии политической жизни региона.

1.4. Центральная Азия и Афганистан

Книга известного западного журналиста и политолога пакистанского происхождения Ахмеда Рашида посвящена угрозе Центральной Азии региону со стороны радикального исламизма. Книга так и называется – «Джихад: подъем воинствующего ислама в Центральной Азии». Появление новой книги такого известного публициста как А.Рашид, тем более посвященной нашему региону, не могла пройти незамеченной, в том числе и для политических кругов и широкой публики на Западе.¹³

Широкую известность А.Рашиду принесла его предыдущая книга «Талибан: ислам, нефть и фундаментализм в Центральной Азии» (2000) и последовавшие после событий 11 сентября статьи в ведущих мировых изданиях. В условиях ажиотажного спроса на афганскую и исламскую тематику Рашид был первым, кто подробно рассказал западному читателю, кто такие талибы, Бен Ладен, Аль-Каида и чего они хотят. В то же время, Рашид не новичок в центральноазиатской проблематике: он впервые попал в наш регион в 1988 году и с тех пор часто посещал его, в непосредственной близости наблюдая все важные политические события, происходившие в регионе. Его первой работой, посвященной становлению новых независимых государств, стала книга «Возрождение Центральной Азии: ислам или национализм?» (1994). Таким образом, Рашид во всех

¹³ *Rashid A. Jihad. The Rise of Militant Islam in Central Asia.* – New Haven, London: Yale University Press, 2003. – XXIX+282 pp.

своих работах по Центральной Азии во главу угла ставит проблему ислама. Этот подход он сохранил и в последней книге, которая, как и многие другие издания, стала «жертвой» 11 сентября (такие издания задерживались издательствами, дописывались и переделывались с учетом быстро менявшейся геополитической обстановки).

В своей книге Рашид сконцентрировался на трех главных исламистских организациях в регионе – Партии исламского возрождения (ПИВ) в Таджикистане, Исламском движении Узбекистана (ИДУ) и Хезб ут-Тахрир. Но помимо исламской тематики, что немаловажно, автор затрагивает широкий круг проблем геополитической борьбы, которая вот уже второй десятилетие разворачивается вокруг Центральной Азии. Собственно говоря, именно этой борьбе и обязан своим появлением воинствующий исламизм в организованной форме. Но как следует из его книги, Рашид так не считает, а связывает появление вооруженного ислама на территории Центральной Азии прежде всего с тем протестным потенциалом, который вызван к жизни жесткой политикой местных авторитарных режимов. В целях объективности надо отметить, что один раздел книги посвящен связям между пакистанской разведслужбой ИСИ и ИДУ, получавшего со стороны Исламабада существенную поддержку.

Рассматривая происхождение ПИВ, Рашид исходит из того, что процесс возрождения ислама в Таджикистане был тесно связан с ростом таджикского национализма. В более широком историческом контексте корни этого движения уходят глубоко в прошлое – к басмаческому сопротивлению. Автор считает таджикский исламизм уникальным явлением среди аналогичных движений в регионе. В отличие от ваххабизма ИДУ и необандизма талибов таджикский исламизм базируется на долгой суфийской традиции, на «неофициальном» исламе уммы, противостоявшей исламу официальному, который являлся составной частью советской системы. Кроме того, молодое поколение таджиков испытало определенное и вероятно сильное влияние войны в Афганистане, что отчетливо выразилось в ходе гражданской войны в этой республике.

В качестве основных причин разыгравшейся трагедии Рашид называет чрезвычайную бедность населения, зависимость таджикской экономики от сырьевой специализации, изолированность различных районов друг от друга. Это привело к тому, что значительная часть населения Таджикистана идентифицировала себя не со страной в целом, а с отдельными регионами или кланами. Судьба исламизма в Таджикистане необычным образом переплелась с эскалацией таджикского национализма. Поскольку, считает Рашид, в компартии Таджикистана доминировали этнические узбеки, то вполне естественно, что лидерам исламского возрождения ислам

представлялся в качестве цементирующего материала для будущего здания новой таджикской идентичности.

Представляют интерес выводы автора с судьбе ислама в Таджикистане. Несмотря на то, что воинственный исламизм в республике потерпел поражение, он не был полностью разгромлен. За десятилетие гражданской войны и ее последствий таджики в целом стали более мусульманизированными, хотя радикальные обертон политического ислама исчезли. Рашид считает, что ислам мог бы сыграть свою положительную роль в процессе объединения разрозненных кланов в единую таджикскую нацию и в конечном счете способствовать продвижению страны в сторону большей демократии. Правда Рашид не поясняет, как ислам может способствовать строительству демократических институтов. История последних десятилетий Среднего и Ближнего Востока показывает обратные примеры. Скорее всего, в данном случае автор выдает желаемое за действительное.

Рашид считает самым интригующим вопросом исламских движений в Центральной Азии следующий: как смогла такая глубоко законспирированная пан-исламисткая организация, возникшая на Ближнем Востоке и до недавних пор неизвестная широкой публике в центральноазиатском регионе, как Хизб ут-Тахрир превратиться в широкое подпольное движение в Узбекистане, Киргизстане и Таджикистане. Феномен Хизб ут-Тахрира тем более интересен, что оно представляет собой наиболее эзотерическое и анахроничное из всех исламских радикальных движений в сегодняшнем мире. Это движение нацелено на объединение Центральной Азии, Восточного Туркестана и затем всей мусульманской уммы в рамках исламского Халифата-и Рашида (632-661 гг.). Хизб ут-Тахрир исходит из того, что Центральная Азия достигла т.н. точки кипения, т.е. готова к объединению с остальным исламским миром, с чем в открытую говорит нынешний лидер движения Шейх Абдул Кадим Залум.

Компетентность автора по этой проблеме подтверждается тем фактом, что Рашид в ходе работы над книгой много контактировал с лидерами движения в Лондоне, который в настоящее время представляет собой организационный центр всего движения. Здесь Хизб ут-Тахрир находит средства и проводит подготовку эмиссаров для засылки в Центральную Азию. Помимо Великобритании движение проводит аналогичную работу в Германии. С идеологической и мировоззренческой точки зрения Хизб ут-Тахрир гомогенно близок к ваххабизму, но по ряду программных установок оно с ним расходится. Центральным пунктом, по которому различаются подходы Хизб ут-Тахрир и ваххабитов, это способы построения халифата: первые выступают за мирный путь в отличие с вторых, призывающих к насильственному установлению построенного на исламских принципах общества.

Анализ, проделанный автором книги, позволяет сделать вывод, что успех Хизб ут-Тахрир в Центральной Азии объясняется в многом целенаправленной, можно даже сказать – диверсионно-идеологической работой по вербовке сторонников в странах региона, особенно в Ферганской долине. Эта работа включает в себя распространение сети пропагандистских журналов и книг, в том числе и на русском языке. Фаворитом активистов движения являются т.н. шабнама – «ночные письма», отпечатанные в ночное время и подбрасываемые под двери подметные пропагандистские листки. Хизб ут-Тахрир использует также для распространения своей идеологии все инструменты и технологии глобализации.

Хотя учение Хизб ут-Тахрир многими, и прежде всего самими адептами движения, преподносится как мирное, оно содержит серьезный экстремистский потенциал. Так, это учение категорически отвергает суфийское наследие, которое является важной частью исламских традиций Центральной Азии, а также не признает модернизаторский ислам в форме джадидизма. Как и ваххабизм, Хизб ут-Тахрир воинственно настроен против Израиля и иудаизма. В пропагандистской литературе этого движения узбекский лидер И.Каримов изображается как «агент Израиля и мирового сионистского заговора». Идеологи Хизб ут-Тахрира требуют депортации из Центральной Азии 200-тысячной общины бухарских евреев, чья история в регионе насчитывает уже более двух тысяч лет. К тому же, Хизб ут-Тахрир самым воинственным образом настроено в антишиитском духе.

Численность адептов Хизб ут-Тахрир в регионе установить чрезвычайно сложно. А.Рашид попытался проследить динамику роста численности этого движения по количеству известных арестованных. Данные, которыми оперирует само движение, явно преувеличены: якобы свыше 100 тыс. чел. содержатся в узбекских тюрьмах. Доклад госдепа США называет число арестованных в 1999-2000 гг. в пределах 5 тыс. чел. Организация по правам человека дает аналогичную цифру – 5 150 чел. (из общего числа 7 600 политзаключенных). Зона активности Хизб ут-Тахрира – это южные районы Казахстана, Джалалабадская область Киргизстана, северные районы Таджикистана, но сердцевиной движения, по общему мнению, является Ферганская долина Узбекистана, где сосредоточена основная активность, не стихающая несмотря на ширококомасштабные репрессии со стороны властей.

США впервые проявили серьезную озабоченность относительно активности Хизб ут-Тахрир в регионе еще в 2000 г. Основной повод для беспокойства клинтоновской администрации состоял в опасении, что с помощью этого движения в регионе установится радикальный фундаменталистский режим. Россия опасалась, что деятельность движения

перекинется на ее мусульманские регионы. Сами лидеры движения отрицали свои связи с радикальными организациями типа Талибана, Аль-Каиды и ИДУ. Однако в реальности имел место процесс перехода молодых и радикальных активистов в Северный Афганистан, где они примыкали к вооруженным группировкам ИДУ. Вывод автора состоит в том, что опасения по поводу трансформации духовного джихада в стиле Хизб ут-Тахрир в джихад вооруженный, вполне могут подтвердиться.

Возникновение воинственного ислама в Центральной Азии в лице ИДУ А.Рашид связывает с личностями Т.А.Юлдашева (у автора – Юлдешев) и Дж.А.Ходжаева (Джумы Намангани) – основателями и бесспорными лидерами ИДУ. Автор много места уделяет истории формирования политических взглядов лидеров движения, их связям с разведслужбами исламских стран, талибами и чеченскими боевиками. Военный опыт Намангани и его боевики получили во время гражданской войны в Таджикистане. Намангани поддерживал контакты в доталибском правительстве Афганистана, в том числе с таким радикалом как Г.Хекматиар. После установления относительного мира в Таджикистане Намангани со своим отрядом, в который входили помимо узбеков арабы, чеченцы и таджики общей численностью 200 чел., перешел на территорию Афганистана. Военно-политический альянс между Юлдашевым и Намангани относится к 1997 г. В 1998 г. Юлдашев провозгласил джихад против режима И.Каримова.

Это заявление не было пустой угрозой: в феврале 1999 г. произошло знаменито покушение на узбекского лидера. Но автор отмечает, что Каримов не предпринял превентивных мер в рассаднике исламизма – Ферганской долине. Причиной тому был страх Каримова, что региональная элита объединится с исламистами против его режима, как это уже имело место в Таджикистане. Рашид отмечает, что узбекскому президенту пришлось вести борьбу сразу на двух фронтах – внутреннем и внешнем. Как считали в Ташкенте, нити заговора против Каримова тянулись из Ферганы в Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Турцию. Ташкент предпринял в связи с этим дипломатический демарш против Анкары, усилил давление на Душанбе и стал наращивать поддержку узбекскому генералу Р.Дустуму в Северном Афганистане.

А в это время, пишет А.Рашид, Намангани и Юлдашев полностью определились с разделением ролей: Намангани взял на себя планирование и проведение военных операций, а Юлдашев – координацию, финансирование, рекрутирование, логистику и политические контакты ИДУ. К тому времени ИДУ стало основным перевозчиком наркотиков из Афганистана. Это объясняет происхождение бюджета ИДУ, независимого

от спонсорской помощи из Саудовской Аравии, Пакистана и от турецких исламистов. Очень вскоре ИДУ продемонстрировало свою эффективность, а Намангани – свой незаурядный талант военного тактика. Как отмечает А.Рашид, каждую зиму представители разведывательных структур, генштабов и даже руководства России, США и стран НАТО пытались заставить центральноазиатские республики координировать их военные и политические стратегии, чтобы сообща отразить очередное наступление ИДУ.

Джихад ИДУ вылился в три военных кампании с 1999 по 2001 гг., которые автор книги описывает достаточно подробно и детально. Баткенские события 1999 года не дали ИДУ достичь его основной цели – Ферганской долины, но способствовали росту популярности движения укреплению связей и прямого военного сотрудничества ИДУ с талибами и аль-Каидой. Кампания 2000 года была подготовлена Намангани более основательно с тактической и технической точек зрения. Боевики, запасы оружия, амуниции и провиант были переброшены заблаговременно. Продвижение ИДУ в августе 2000 г. было настолько стремительным и неожиданным, что даже вызвало панику к северу от Ташкента. А.Рашид очень драматично описывает события 2000 г. Автор познакомился также с видеофильмом, который был захвачен киргизскими военными после разгрома боевиков ИДУ в Баткене, и смог составить свое личное мнение с личностях боевиков ИДУ.

Главным политическим следствием вторых баткенских событий стало форсированная поддержка Киргизстану и Узбекистану со стороны России, Китая, западных держав и Израиля. Геополитическим последствием этой кампании стало начало оформления некоего антиррористического альянса, который стал реальностью после событий 11 сентября. Уже с ранней весны 2001 г. все были уверены, что третье наступление ИДУ неизбежно. Эмиссары движения демонстративно закупали в Европе средства связи для новой боевой экспедиции. Союзники ИДУ талибы приступили к окончательному, как казалось тогда, разгрому Северного альянса. В июне Юлдашев и Намангани амбициозно переименовали ИДУ в Хизб-и-Ислами Туркистан (Исламскую партию Туркестана), сделав заявку на установление исламского режима во всей Центральной Азии и Синьцзяне. Позднее лидеры ИДУ дезавуировали эту информацию, подчеркнув, что единственным своим врагом они считают режим Каримова.

На удивление, атаки ИДУ в 2001 году быстро выдохлись. После 11 сентября события замелькали с калейдоскопической быстротой: страны Центральной Азии поддержали кампанию США против международного терроризма. Талибы объявили джихад Узбекистану, а ИДУ выступило на стороне Талибана и аль-Каиды и поделило их судьбу. В целом эти

события имели благоприятный исход для врагов воинствующих исламистов – светских режимов Центральной Азии. Была снята прямая военная угроза со стороны международного терроризма, которая как дамоклов меч в течение нескольких лет нависала над регионом.

Характерно, что автор не рассматривает сложившуюся в результате антитеррористической операции ситуацию как стабильную и гарантирующую мирное развитие региона. Наоборот, подчеркивает Рашид, появление западных союзников и их военных баз в регионе породило у оппозиционных сил надежду, что этот фактор будет способствовать трансформации правящих режимов, и в 2002 году спровоцировало их на политическую активизацию, что в свою очередь привело к ответным репрессивным мерам со стороны их правительств. Но еще более опасный кризисный потенциал кроется в самой геополитической ситуации в регионе, имевшей своим результатом вытеснение России и Китая и соответственно – эскалацию их недовольства. Как утверждает Рашид, на горизонте уже маячит третья волна Большой игры, нового витка соперничества между великими державами за доминирование в регионе.

В том, что этот процесс уже начался, автор книги не сомневается. Рашид приводит много фактов в подтверждение того, как Россия восстанавливает свое утраченное влияние в регионе, действуя где финансовыми (Киргизстан), где политико-силовыми рычагами (Таджикистан) и препятствуя появлению новых американских баз. И хотя Узбекистан в геополитическом смысле был временно потерян для России, у Ташкента не остается сомнений, что Москва рассматривает узбекско-американское сотрудничество как угрозу своим интересам и рано или поздно предпримет какие-либо меры. Как считает Рашид, геополитическое доминирование в Центральной Азии не является самоцелью для великих держав; а ключ к разгадке секрета Большой игры кроется в необъятных нефтегазовых ресурсах Каспийского моря. Такой подход полностью объясняет политику США в отношении Казахстана: Вашингтон превратил свое экономическое присутствие и инвестиции в Каспийском регионе, а также тему прав человека и демократизации в инструмент для давления на Астану.

Для центральноазиатских режимов, заключает Рашид, наиболее болезненным вопросом является не то, какой исход будет иметь Большая игра, а будет ли Вашингтон, используя свое влияние, принуждать их к радикальным политическим и экономическим реформам. В этой связи узбекский лидер И.Каримов попал в своего рода стратегическую ловушку: подписав документ с стратегическим партнерстве с США, он получил гарантию своей внешней безопасности; но в этом же документе содержится обязательство «интенсифицировать демократическую трансформацию».

Поводя итог своей книге, Рашид заключает, что вооруженный ислам был прямым продуктом политики подавления светских демократических партий, репрессий против почти всех форм ислама, установления государственного контроля над СМИ и многочисленных коррупционных скандалов. Автор считает также, что у США в настоящее время наблюдается недостаток стратегического видения в отношении Центральной Азии. Прогноз Рашида крайне пессимистичен: страны региона вступили на тот путь, который уже привел Афганистан к катастрофе. Таким образом, главная идея Рашида ясна: фактически, Центральная Азия представляет собой новый фронт воинствующего исламизма; его победа будет означать нестабильность не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Взрыв в Центральной Азии затронет как Запад, так и Россию с Китаем. И все это произойдет только потому, что сейчас Запад избегает решительных действий по принуждению местных режимов к изменениям.

Таким образом, смысл книги А.Рашида сводится к следующему: это очередной призыв к Западу вмешаться в развитие ситуации в регионе, под предлогом борьбы с исламистами и поддержки демократических реформ установить здесь свой прямой контроль. Фактически, Центральной Азии навязывается иракский сценарий (книга была завершена еще до второй иракской войны). Основным достоинством книги А.Рашида является обширный фактический материал с событиями, связанных с историей возникновения воинствующего исламизма в нашем регионе. Автор обладает несомненным литературным талантом, который демонстрируется в его книге.

Tadjbakhsh Sh. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia. – Oslo: Peace Research Institute, 2012. – X+62 pp.

Шарбану Таджбахш (Институт политических исследований, Париж) посвятила свое небольшое, но насыщенное исследование, подготовленное в рамках программы Института мира в Осло, связям Центральной Азии и Афганистана в контексте проблем безопасности. Исследовательница исходит из того, что т.н. Большая игра для Центральной Азии имеет как внешний, так и внутренний контекст. Для изучения всего контекста безопасности в регионе, автор первоначально сгруппировала все вопросы в три большие группы, а затем скрупулезно исследовала различные детали общей картины.

Первая часть посвящена характеристикам регионального комплекса безопасности. К ним исследовательница отнесла самые различные факторы: географические, исторические, терроризм, ядерное нераспростране-

ние, водно-энергетические конфликты, этно-региональные противоречия, особенности местных политических режимов. Основной причиной такого состояния дел, при котором в Центральной Азии отсутствует единый подход в отношении Афганистана, автор считает, во-первых, соперничество между странами региона; во-вторых, вынужденное балансирование этих стран между великими державами. Тем не менее, Афганистан представляет для центральноазиатских государств одновременно и угрозу (как источник нестабильности, терроризма и наркотиков), и благоприятный шанс для активизации регионального сотрудничества в рамках процесса реконструкции своего южного соседа.

Автор выдвинула в своем исследовании в качестве концептуальных три тезиса. Первый гласит, что, несмотря на географическую близость, общее историческое наследие и общие интересы в сфере безопасности, в Центральной Азии преобладают центробежные, а не центростремительные тенденции.

Вторая часть работы охватывает глобальное влияние на региональную безопасность. Ш.Таджбахш классифицирует акторов, действующих в регионе, на две категории. К первой она относит великие державы (Россию, Китай и США); ко второй – Иран, Турцию, Индию и Пакистан. Отсюда второй тезис книги: стратегическая динамика в регионе ведет к усилению соперничества между крупными игроками (и частично – державами второго эшелона), с одной стороны; а с другой – она накладывается на внутри-региональное соперничество. При этом великие державы прибегают к использованию многосторонних организаций. Так, за СНГ и ОДКБ стоит Россия; США стоят за НАТО и ОБСЕ; Китай – за ШОС.

Третий тезис базируется на том, что вовлеченность центральноазиатских государств в афганскую проблематику является отражением их собственной динамики в сфере безопасности. В данном контексте третья часть посвящена непосредственно Афганистану как ключевому фактору региональной безопасности. Комплекс отношений, связывающий центральноазиатские государства с Афганистаном, достаточно обширен. Автор большое значение придает этническому фактору как связующему звену между этими странами. В этом контексте исследовательница анализирует стратегии всех республик региона в отношении афганской проблемы. И в заключительном разделе автор изучает в комплексе весь треугольник действующих акторов (крупные игроки – центральноазиатские государства – Афганистан). Здесь она выделяет такие вопросы как осознанное дистанцирование России, «политика чековой книжки Китая», мультилатерализм для Афганистана по-евразийски (по оси ШОС/ОДКБ), мультилатерализм

для Афганистана по-западному («Новый шелковый путь» и региональное экономическое сотрудничество в качестве панацеи от всех проблем).

В заключении исследовательница приходит к выводу, что афганская проблема для центральноазиатских государств представляет собой дилемму: или сблизиться с Южной Азией (к чему их подталкивают США), или оставаться частью геополитической Евразии (чего от них ждут Россия и Китай). Она считает, что потенциал для регионального сотрудничества серьезно подрывается именно геополитическим соперничеством крупных акторов, а внутри региона – отсутствием доверия между собой. В целом с такими выводами автора следует согласиться.

Snetkov Aglaya, Aris Stephen (eds.). Other Sides of Afghanistan. The Regional Dimensions to Security. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 304 p.

Как известно, в последние два года международное политологическое сообщество все более активно муссирует одну и ту же тему: что произойдет в регионе после вывода западных войск из Афганистана в 2014 году. По мере приближения этой даты активность различных мозговых центров, фондов и институтов на данном направлении только возрастает.

На волне опасений, страхов и прогнозов в международном стратегическом сообществе, связанных с предстоящим выводом сил антитеррористической коалиции (ИСАФ) из Афганистана, в прошлом году увидела свет еще одно коллективное издание – «Другие стороны Афганистана: региональные измерения безопасности». Книга подготовлена Аглаей Снетковой и Арисом Стивенсом в рамках проекта Центра по изучению безопасности (Цюрих).

Для подготовки проекта редакторы издания собрали внушительный интернациональный коллектив, в составе которого М.Ларюэль, С.Пейруз, Ф.Толипов и др. Книга рассматривает проблему Афганистана с точки зрения ее влияния на региональную безопасность и на безопасность отдельных государств региона, среди которых Пакистан, Индия, Иран, Китай, Россия, Центральная Азия (при этом Киргизстан и Казахстан рассматриваются отдельно). Специальная глава посвящена проблеме афганских наркотиков.

Сквозной мыслью монографии является идея с том, что афганская проблема имеет решение, которое кроется в региональном окружении этой страны. То есть, существуют шансы вырваться из традиционной «арки кризиса» и перейти к системе эффективного и плодотворного регионального сотрудничества, основным объектом которого должен стать Афганистан.

Проблема Афганистана является по многим порядкам ключевой для безопасности Центральной Азии и национальной безопасности Казахстана. Чрезвычайно важно знать и понимать стратегию и планы Запада в отношении этой страны, представляющей собой источник военно-политических, религиозных и наркотической угроз. В геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность более широкого региона, включающего в себя Южную Азию, Средний и Ближний Восток, СНГ, КНР.

Благодаря своему географическому положению, сложной внутривнутриполитической ситуации, этноконфессиональной мозаичности и глубокой вовлеченности в теневую часть мировой экономики, Афганистан и в начале XXI века находится в центре сложного переплетения интересов многих государств и негосударственных сил. Ситуация в этой стране оказывает воздействие на безопасность не только ее непосредственных соседей, но и стран сопредельных регионов. Благодаря этому к Афганистану постоянно приковано внимание Пакистана, Индии, Ирана, постсоветских стран Центральной Азии, КНР и России.

Страны ЦА будут добиваться развития такого развития событий, чтобы обеспечить стабильность границ; снижение притока экстремистов, оружия и наркотиков в сопредельные с Афганистаном страны; появление возможности участия государств ШОС в восстановлении афганской экономики и реализация энергетических проектов в случае достижения договоренностей между сторонами; увеличение иностранных инвестиций в связи со снижением рисков в сфере безопасности.

И наконец, можно с большой уверенностью прогнозировать, что любой сценарий, который сдвинет ситуацию в Афганистане с мертвой точки, послужит катализатором мощных процессов переформатирования устоявшегося баланса сил на мировой арене и затронет всех акторов, имеющих интересы, завязанные на Афганистане. Рецензируемое издание только подтверждает данный вывод.

Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – С. 5-18.

Подготовленное в рамках проекта ИМЭМО исследование «Вызовы безопасности в Центральной Азии» посвящено в основном проблеме Афганистана. Известный российский эксперт Д.Малышева (ИМЭМО РАН) опасается, что если в Центральной Азии произойдет расширение американо-натовского присутствия, как военного (базы), так и экономического, на основе преобразования ныне функционирующей – Северной сети в трансконтинентальную сеть, которая полностью покрывает территорию

бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целью подобного военно-стратегического контроля станет сдерживание Китая, контроль над Афганистаном, подрыв экспортной монополии России и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские.

Основной вывод коллективной монографии звучит следующим образом. Для Центральной Азии риски, связанные с предполагаемым уходом из Афганистана войск коалиции, проистекают из возможного возвращения Афганистана к тому состоянию, в котором он был до иностранного вторжения в 2001 г., а также активизации исламских радикалов и усиления наркотрафика. Второй вывод касается перспектив ЦА в обозримый период в связи с афганской ситуацией. Даже в случае возвращения талибов к власти, полномасштабной войны между Афганистаном и республиками Центральной Азии не предвидится. Центральноазиатские государства постараются, как и в предыдущие годы, воспользоваться разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением. Разыгрывая различные внешнеполитические «карты» (российскую, американскую, китайскую, европейскую), государства региона попытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы.

Saikal A., Nourzhanov K. (eds.) Afghanistan and Its Neighbors after the NATO Withdrawal. – New York: Lexington Books, 2016. – 240 p.

Коллективная монография «Афганистан и его соседи после ухода НАТО» (под ред. А.Сайкала и К.Нуржанова) освещает проблемы региональной безопасности после 2014 года. Книга состоит из четырех частей. В первой части «Афганистан в постталибскую эру» носит ретроспективный характер и освещает события с 2001 года до решения США уйти из этой страны. Здесь страна рассматривается как геополитический парадокс. Немало места уделено политике и практике Соединенных Штатов на протяжении полутора десятилетней оккупации. Вторая часть посвящена традиционным региональным игрокам – Ирану, Пакистану и Индии – и их политике в отношении Афганистана. Третья часть предлагает взгляд на Афганистан из Центральной Азии. В этой части последовательно излагается позиция каждой из республик региона. И наконец, четвертая часть предлагает рассмотреть проблему Афганистана в более широком международном контексте – с учетом политики таких держав как Россия, КНР и Евросоюз. Если для непосредственных соседей этой страны основной заботой остается проблема «хаотизации» Афганистана как источник прямой угрозы их безопасности, то для великих держав (Россия, США, ЕС)

данная проблема носит геополитический характер и завязана на их отношения друг с другом, где присутствуют элементы соперничества, борьбы с международным терроризмом, экономические интересы и политика в отношении исламского мира.

Levy-Sanchez S. The Afghan-Central Asian Borderland: the State and Local Leaders. – London: Routledge, 2017. – 182 p.

Исследование Сьюзен Леви-Санчес «Афганско-центральноазиатское пограничье: государство и местные лидеры» носит преимущественно этнографический характер и посвящена народности памирских таджиков, которых автор изучала в полевых условиях по обе стороны границы. Своей целью она поставила установить взаимосвязь между обеими частями одной народности. По ее мнению, данный процесс осуществляется и контролируется местными лидерами. Эту идею исследовательница закладывает в основу своей работы в качестве концептуальной основы. Как считает автор, указанное явление имеет многовековую историю. Вторая глава книги носит концептуальный характер; третья глава изучает историческую эволюцию Бадахшанского региона; в четвертой главе выясняется связь между историческими мифами и выросшими на их основе историческими нарративами. К сожалению, автор уделила всего десять страниц трагедии гражданской войны, которая серьезно коснулась населения региона через массовое насилие. Пятая глава исследования описывает социальную структуру региона: шестая глава посвящена строительству пограничной инфраструктуры, в т.ч. с помощью зарубежных программ. И наконец, последняя – седьмая глава изучает влияние наркоторговли и транзита на социальные процессы. Как представляется, данное исследование носит новаторский характер, поскольку большинство предшествующих работ аналогичного характера, как правило, посвящались таджикскому населению Ферганской долины.

Laruelle M. (ed.) The Central Asia – Afghanistan Relationship from Soviet Intervention to the Silk Road Initiatives. – New York: Lexington Books, 2017. – XVII+253 pp.

Афганская проблематика в контексте влияния на ЦА занимала в 2017 году, как и всегда, важное место в центральноазиатских исследованиях. В этой связи следует вновь назвать коллективную монографию под редакцией М.Ларюэль «Отношения между Центральной Азией и Афганистаном от советской интервенции до эпохи инициатив Шелкового пути». Книга состоит из трех частей, первая из которых посвящена результатам и последствиям советского вмешательства во внутренний конфликт в этой стране. Первая

часть состоит из двух глав, первая из которых посвящена участию среднеазиатских солдат в этой военной экспедиции, а вторая состоит из интервью с участниками советской миссии по выполнению интернационального долга. Значительный интерес представляет вторая часть монографии, посвященная северным соседям Афганистана, т.е. России и республикам Центральной Азии, их опасениям в отношении угроз и рисков, исходящих от южного соседа. И наконец, третья часть работы нацелена на освещение инициатив в духе региональной интеграции на основе возрождения «Шелкового пути» как возможности спасения Афганистана. Необходимо отметить, что М.Ларюэль в своем введении к изданию с ретроспективной точки зрения достаточно скептически относится к идеям реанимации «Шелкового пути». В результате она вынуждена признать, что в качестве инициатора таких идей стояли в свое время Соединенные Штаты, преследовавшие собственные геополитические цели. Однако, на нынешнем этапе данная инициатива приобрела новую жизнь в связи с концепцией Китая «Экономического пояса Шелкового пути». Но в данной работе это важнейшая для будущей судьбы государств Центральной Азии инициатива практически не затрагивается (за исключением заключительного эссе, написанного С.Пейрузом и Г.Рабалланом). данный факт следует рассматривать в качестве основного изъяна рецензируемого издания.

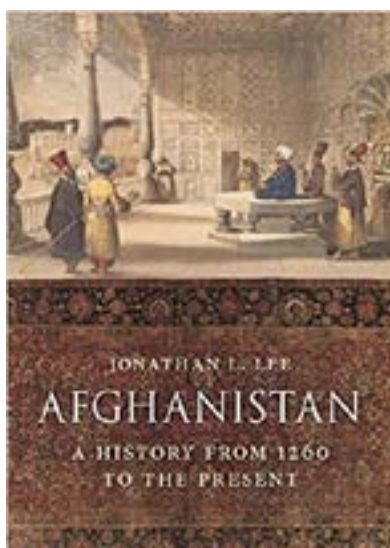
Joshi N. Russian, Chinese and American Interplay in Central Asia and Afghanistan: Options for India. – New Delhi: Vivekananda International Foundation, 2017. – VI+52 p.

Афганскую проблематику в связи с Центральной Азией рассматривает ветеран индийского среднеазиоведения проф. Нирмала Джоши (Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Дж.Неру) в своей работе «Российская, китайская и американская игра в Центральной Азии и Афганистане: выбор для Индии». Вполне естественно, что проф. Джоши рассматривает данную проблему с точки зрения интересов Дели. Автор исходит из того, что ЦА является частью необходимого Индии стратегического пространства. Поэтому взаимодействие Индии с ведущими игроками (Россией, КНР и США) в ЦА станет дополнением к процессу ее превращения в ведущую азиатскую державу. В целом, автор повторяет известные мысли, что Москва и Пекин заинтересованы в вытеснении США из региона. Но при этом Россия никогда не согласится на роль младшего партнера Китая. США не уйдут из региона, пока существует проблема Афганистана. Таким образом, каждая из великих держав связана в ЦА определенными ограничениями: Россия – недостатком экономического влияния, Китай – военно-политического влияния, США –

противодействием оси Москва-Пекин. В данной ситуации, заключает автор, для Индии открываются дополнительные возможности как некоего медиатора в ЦА между великими державами.

Safranchuk I. Afghanistan and Its Central Asian Neighbors. – New York, London: CSIS, 2017. – VI+36 pp.

В 2017 году Центр стратегических и международных исследований (Вашингтон, США) опубликовал исследование российского политолога И.Сафранчука «Афганистан и его центральноазиатские соседи». Издатель журнала «Большая игра» и член Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) И.Сафранчук широко известен своими работами по данной проблематике. В этой связи американское издание его работ чего-то нового не принесло. Автор исходит из того факта, что при всех разговорах с сотрудничестве, крупные игроки конкурировали в Центральной Азии еще в 1990-х гг., а в 2000-е эта конкуренция значительно обострилась. Повышение мирового внимания к ЦА в 2000-х гг., в связи с проведением военной операции в Афганистане, объективно превращало регион в один из важных элементов мировой политики, поле политической и экономической конкуренции. В идеале правящие элиты в ЦА хотят сохранить геополитический нейтралитет, сфокусироваться на экономическом развитии и поддержании социальной стабильности. Однако есть и понимание того, что в современном мире это крайне сложно, а может быть, и невозможно. Нарастающая конкуренция крупных игроков ведет ко все большей политизации экономических вопросов. Поэтому геополитический нейтралитет не спасает экономическое развитие, а скорее – сдерживает его.



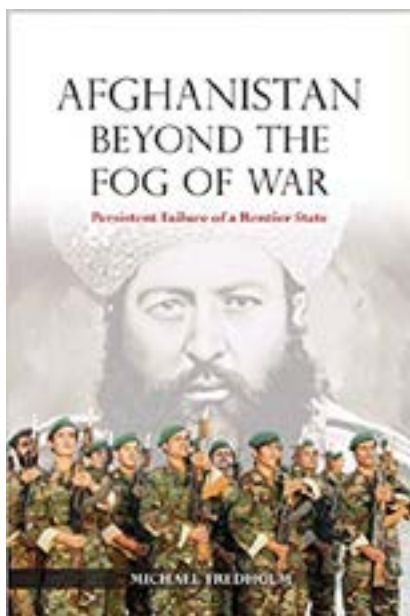
Lee J.L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. – London: Reaktion Books, 2019. – 784 p.

Исследование Джонатана Ли (Британский институт персидских исследований) «История Афганистана с 1260 г. до наших дней» охватывает значительный хронологический период в истории этой страны. Автор исходит из того, что Афганистан на протяжении нескольких столетий играл важную стратегическую роль, которая была обусловлена расположением между Индией, Внутренней Азией, Китаем и Персией. Данный фактор постоянно провоцировал внешние вторжения как мирного, так и военного характера. В результате сформировался современный Афганистан, разделенный изнутри по этническому

характера. В результате сформировался современный Афганистан, разделенный изнутри по этническому

признаку, что вызывало в свою очередь политическую нестабильность. Таким образом, книга Дж.Ли рассказывает нам историю с том, как небольшая племенная конфедерация превратилась в современное государство-нацию. Однако, основная идея данного исследования представляет собой более чем спорный тезис.

Автор пытается, и далеко не первым в историографии, искать истоки затяжного сорокалетнего конфликта в историческом контексте страны. Исследователь настойчиво проводит линию, что начиная с правления династии Дуррани в 1747 г., которая представляла собой клиента сафавидской Персии и Могольской Индии, каждый правитель мог удержаться у власти только при сохранении баланса сил между племенными, этническими, региональными и религиозными группами, и так вплоть до столкновения исламской и коммунистической (и внутри последней) фракций уже в современную эпоху. Следует отметить богатейшую источниковую базу монографии, которая включает в себя документы на фарси, документы британского форейн офиса и МИД Индии, а также архивы ЦРУ и сообщения Викиликс. На их основе автор неопровержимо доказывает, что за растиражированным лозунгом «войны с террором» стояла банальное военное вторжение с целью оккупации и контроля над этим важным стратегическим районом Евразии. И с данным выводом трудно поспорить.



Fredholm M. Afghanistan beyond the Fog of War: Persistent Failure of a Renter State. – Copenhagen: NIAS Press, 2018. – 368 pp.

Майкл Фредхольм в своей книге «Афганистан в тумане войны» делает попытку объяснить неудачу любых попыток создать в стране государство-рантье. Основу для такой политики на международной арене заложил еще в 1880-е годы эмир Абдур Рахман, балансируя между Британской и Российской империями и получая от обоих соперников определенные дотации в форме материальной, политической и военной поддержки – т.е. своеобразную форму ренты. В XX столетии их место заняли сначала РСФСР, Британская Индия и Германия, а затем СССР и США. Помимо международных вопросов автор показывает внутривнутриполитический процесс в Афганистане, основанный на противоречиях между пуштунами и другими этническими группами, между клерикализмом и секуляризмом. В своей борьбе за контроль над Афганистаном великие державы

волей-неволей стремились превратить страну в рантье. Ключевыми в этом смысле исследователь считает период 1960-1990 гг., чему посвящены главы 3-5. Мотором драматических и трагических событий исследователь считает нарастающий радикализм и неухаживающую борьбу между афганскими марксистами – левыми и правыми – исламистами. В своей основе она была отражением противоречий между новой городской светской средой, питаемой из-за рубежа, и традиционной сельской, построенной на исламе культуре.

Главы с 6-й по 10-ю посвящены периоду американского присутствия и борьбе США с исламским началом в лице Талибана. В качестве крупной удачи исследования следует назвать тот факт, что М.Фредхольм широко использовал оценки происходящего в стране со стороны представителей политической эмиграции и сформировавшейся за многие десятилетия афганской диаспоры. Соединенные Штаты повторили ошибки своих предшественников, сделав ставку на создание в стране унитарного и централизованного государства. В этой связи он задается вопросом: может быть, появление в Афганистане института правления на местах главарей вооруженных группировок, региональных авторитетов и племенных лидеров и является ответом, каким должно или может быть политическое устройство Афганистана.

Пляйс Я. Афганистан: истоки трагедии. – М.: Международные отношения, 2019. – 552 с.

Автор на протяжении пяти лет являлся партийным советником от Института общественных наук при ЦК КПСС в Афганистане и в значительной степени опирается в своём исследовании на личные наблюдения, опыт работы со многими участниками описываемых событий, что придаёт труду Я. А. Пляйса особую ценность, обусловленную сочетанием научного документального анализа и свидетельств очевидца. Первая глава книги Я. А. Пляйса посвящена основным подходам советского руководства к политическому планированию, анализу и прогнозированию и задаёт рамки дальнейшего исследования, поскольку отражает широкую картину международной политики 1960–1970-х гг. XX в., характеризовавшуюся мощным всплеском борьбы за независимость народов «третьего мира», а также раскрывает доминировавшие идеологические постулаты, теоретические и практические подходы к выработке внешнеполитического курса Советского государства и политических режимов, вошедших в орбиту влияния блока социалистических стран.

Вторая, третья и четвёртая главы монографии посвящены собственно истории Саурской революции 1978 г. в Афганистане, изучению

этапов становления, развития и упадка Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) как организационного ядра социально-политических, культурных и экономических трансформаций, приведших к афганской трагедии, выхода из которой не видно до сих пор. Общий итог Саурской революции оказался сугубо негативным: чрезвычайно обострились все социальные, экономические и политические проблемы общества, страна столкнулась с общенациональной катастрофой, утратой внешнеполитической субъектности, угрозой дезинтеграции, крайним обнищанием населения.

Большое место в книге Я. А. Пляйса занимает анализ ошибок внешней политики Советского Союза на афганском направлении. Опыт НДПА, осмыслению которого посвятил свою работу российский политолог, примечателен и в том отношении, что похож на исторический путь и политический опыт партий других государств, избравших в своё время некапиталистический путь развития и ориентировавшихся на СССР. Я. А. Пляйс подробно описывает, как лидеры НДПА, пренебрегая фактическим социально-экономическим состоянием и социокультурными реалиями, решили, что, захватив политическую надстройку, смогут повлиять на базис, перейти из феодального и частично дофеодального общества к социализму и свободному от эксплуатации человека человеком обществу. Политолог критически оценивает роль огромного корпуса советских советников, проникших во все государственные структуры Афганистана, полагая, что во многом из-за их необоснованно высокого влияния власти страны принимали совершенно неадекватные местным реалиям решения во всех сферах жизни общества.

Накопленный на сегодняшний день опыт революционных преобразований приводит к выводу с том, что внешние авторитетные и значимые центры силы часто оказывают первостепенное влияние на происходящие революционные события, а долгосрочные последствия такого подхода нередко свидетельствуют с безответственности и узости стратегического мышления представителей этих мировых политических полюсов силы, вовлекающих в орбиту своего влияния целые государства и народы, но не имеющих навыков, желания, а подчас и возможности оказывать конструктивную помощь их развитию. Предпринятый Я. А. Пляйсом анализ программных документов НДПА наводит и на другие мысли, например об изменении современного глобального социально-политического дискурса. Сейчас на уровне партийных программ и государственных документов мы практически не слышим требований остановить «эксплуатацию человека человеком», зато постоянно сталкиваемся с разнообразной риторикой с защите прав всевозможных меньшинств. В условиях ликвидации глобальной идеологической и ценностной альтернативы, важного для коллективного Запада «Значимого Другого» в лице Советского Союза,

мир сталкивается с нарастающими кризисными явлениями, вызванными дегуманизацией экономики и социальной жизни вследствие развития технологий и тотальной финансиализации экономики.

В заключении автор Я. А. Пляйс формулирует семь основных выводов, которые, по его мнению, можно сделать из сорокалетнего опыта афганской трагедии и попыток её исследования. Важнейший вывод, который напрашивается после знакомства с работой Я. А. Пляйса, заключается в том, что для реализации и обеспечения взвешенной и прагматичной внешней политики необходим адекватный, профессиональный, непредвзятый, хорошо финансируемый и имеющий высокий социальный статус, уважаемый в обществе научно-аналитический и академический институциональный аппарат по изучению общественных и гуманитарных дисциплин.

Своей монографией российский политолог подтверждает мысль К. Маркса с том, что идеи, овладевающие массами, приобретают материальную силу, с которой нельзя не считаться вне зависимости от того, какой характер имеют эти идеи. Афганистан представляет пример государства – заложника собственного геополитического положения, арены борьбы сил, преследующих только собственные интересы, что не даёт надежд на выход из афганского тупика.

1.5. Стратегия и политика Запада (США, ЕС, НАТО) в Центральной Азии

Проф. Фредерик Старр под тяжестью многолетней критики со стороны академического сообщества (центральноазиатского, российского и западного¹⁴) – и особенно вследствие явных неудач в политике администрации Дж.Буша – был вынужден фактически дезавуировать собственную идею с формировании Большой (расширенной) Центральной Азии.¹⁵ Его объяснения и комментарии можно свести к следующему: меня не правильно поняли. Затрагивая тему активности Ф.Старра и его коллег по Институту Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж.Хопкинса в Вашингтоне (ИЦАК), следует отметить, что его центр по-прежнему удерживал пальму первенства в сфере центральноазиатских исследований. О некоторых работах мы уже писали на страницах данного издания.

¹⁴ См.: *Tulepbergenova G.* The Greater Central Asia Project: Present State and Evolution // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). 2009. No 2, pp. 5-10.

¹⁵ *Starr S. F.* Rediscovering Central Asia // *The Wilson Quarterly* (The Woodrow Wilson International Center for Scholars.). 2009. Summer; *Starr S.F.* In Defense of Greater Central Asia. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2008. – 18 p.

Джеффри Манкофф (заместитель директора программы «Россия – Евразия» Центра стратегических и международных исследований, США) достаточно критически оценивает роль Америки в регионе. Он отмечает, что в последние два десятилетия политика США в этом регионе временами являла собой неудобоваримую смесь двух подходов. В рамках первого, характерного для 1990-х, но и ныне еще продолжающего влиять на американскую политику, к Центральной Азии относились как к полю стратегической конкуренции с соседними державами, прежде всего Россией, а теперь еще и Китаем.¹⁶

В рамках второго подхода, преобладавшего после 9 сентября 2001 года и с новой силой подхваченного администрацией Обамы, Центральная Азия рассматривается в первую очередь через призму войны в Афганистане. В ближайшие десять лет центральноазиатским государствам предстоит столкнуться скорее с острыми внутренними вызовами, нежели с опасностью внешнего господства в регионе, и, следовательно, после 2014-го перед Вашингтоном станут принципиально иные задачи, нежели в 1990-х годах.

Соединенным Штатам необходимо переосмыслить свою стратегию в Центральной Азии, считает Манкофф. Они по-прежнему должны присутствовать в регионе, но при этом в большей мере, чем до сих пор, способствовать налаживанию здесь более эффективного управления (что отнюдь не синоним демократизации). Необходимо также осознать, что Россия и Китай – соседние державы с прочными экономическими и политическими связями в этом регионе – всегда будут иметь здесь более широкие интересы и что в многополярной Центральной Азии XXI века возрождение стратегического соперничества по типу «игры с нулевой суммой», как в 1990-х, ни в коей мере не поможет излечить распространенные здесь социальные болезни.

Серьезным минусом стало то, что сотрудничество в области транзита и обеспечения безопасности в Афганистане способствовало созданию некоторой взаимозависимости между Вашингтоном и его центральноазиатскими партнерами, усиливая напряженность в отношениях между США и другими соседями Афганистана – Ираном и Пакистаном. Оказалось, что США отчасти утратили рычаги влияния на страны Центральной Азии, а внутригосударственные и региональные проблемы здесь во многих отношениях обострились. Опасения оказаться слишком вовлеченными в местные проблемы отчасти способствовали тому, что попытки США активизировать региональную торговлю пока дали почти нулевой результат.

Москва опасается, что Соединенные Штаты попытаются сохранить здесь свое военное присутствие на долгие годы, а это нанесет ущерб ее

¹⁶ Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 года // Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2. С. 41-57.

собственным интересам в Центральной Азии. Избрание Барака Обамы в ноябре 2008 года помогло вернуть проблему сотрудничества США и России в число приоритетных. Москва стоит на том, что США должны уйти из Центральной Азии, но только после того, как процесс стабилизации в Афганистане завершится. Северная сеть снабжения – это, пожалуй, лучшая иллюстрация того, как афганская война превратила Соединенные Штаты, Россию и все пять государств Центральной Азии в компаньонов. Это сотрудничество приглушило стратегическую конкуренцию между государствами Центральной Азии, обеспечив им финансовые и материальные выгоды, которые позволили их правительствам укрепить свои позиции.

После ухода США из Афганистана сфера их интересов в Центральной Азии неизбежно будет сужаться. С уменьшением своего присутствия и влияния в этом регионе Вашингтон испытает искушение вернуться к стратегии, которой он придерживался на протяжении большей части 1990-х годов и в рамках которой Центральная Азия рассматривалась главным образом через призму геополитической конкуренции с Россией, а также с Китаем. Однако главная цель политики США в 1990-х, а именно обеспечение суверенитета и независимости государств Центральной Азии, уже давно достигнута. И сейчас наибольшую угрозу стабильности этого региона (и, в конечном счете – интересам США) представляют уже не Россия или Китай, а внутрирегиональные патологии.

Эксперт приходит к выводу, что поскольку доминирование России уже не является главной угрозой стабильности в Центральной Азии (а тем более интересам США в этом регионе), у Вашингтона нет особых причин рефлекторно противодействовать более широкому присутствию в регионе России. Вашингтону также следует быть осмотрительным, определяя свою роль в обеспечении безопасности в этом регионе. Сохранение повышенного военного присутствия в Центральной Азии после вывода войск из Афганистана может лишь способствовать возобновлению стратегического соперничества с Россией, а в дальнейшем и с Китаем.

Наконец, даже при всем своем стремлении отрешиться от прошедшего военного десятилетия США ни в коем случае не должны полностью отвернуться от этого региона. Это предостережение относится в первую очередь к Афганистану, но и ко всей Центральной Азии тоже. На стратегическом уровне государства Центральной Азии ценят присутствие США именно потому, что они понимают, что Соединенные Штаты не представляют и не могут представлять угрозу для их суверенитета и независимости.¹⁷

¹⁷ См. также: *Kangas R.* Is There a Viable Future for US Policy in Central Asia? – Bishkek: OSCE Academy, 2013. – 19 p.

Книги, изданные в Испании, полностью сфокусированы на современности. Работа «Великие державы и региональная интеграция в Центральной Азии: местная перспектива» (на англ. яз.), написанная при активном участии казахстанских специалистов, подготовлена к изданию фондом «Опекс» при МИД Испании.¹⁸ Координаторами и идеологами книги выступили представители указанного фонда Марио Эстебан и Николас де Педро. Сравнительно небольшое по формату издание посвящено проблемам геополитики и международному положению Центральной Азии. В структурном плане работа рассматривает политику основных мировых акторов и заинтересованных держав в регионе – России, Китая, США, Турции, Японии и Европейского Союза.

Внимание испанских соавторов сфокусировано в первую очередь на отношениях ЕС с Центральной Азией, хотя они дают возможность казахстанским коллегам высказать свою точку зрения относительно политики других держав. М.Эстебан считает, что Россия осуществляет политику закрепления своего тающего влияния в регионе посредством укрепления инструментальной базы в рамках регионального сотрудничества (ЕврАзЭС и ОДКБ). Относительно политики Китая испанский эксперт придерживается мнения, что Китай играет растущую роль в регионе и явно лидирует в ШОС.

Соединенные Штаты, по его мнению, сконцентрированы исключительно на реализации своего проекта Расширенной (Большой) Центральной Азии с целью «реинтеграции» региона с Южной Азией, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Турецкий геополитический проект, как и прежде, базируется на идее тюркского единства. Японию испанский политолог считает крупнейшим донором в регионе, что с нашей точки зрения является достаточно сомнительным тезисом. Но он прав в том, что стратегия Токио в ЦА мотивирована стремлением компенсировать влияние КНР и составить ему некий «азиатский» контрбаланс.

Геополитическая активность Евросоюза в регионе завязана на принятую в 2007 г. «Стратегию ЕС в ЦА по новому партнерству». И именно этот документ, как считает испанский эксперт, не учитывает геополитический контекст ситуации в Центральной Азии, что является его серьезным изъяном. Исходя из этого, испанские аналитики данной работой взяли на себя компенсировать недостаток геополитического анализа, которым страдает стратегия ЕС.

Н. де Педро исходит из того, что Центральная Азия представляет собой регион растущего значения для Европы. Это значение вытекает из

¹⁸ Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective. Eds. By M.Esteban and N.de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009. – 140 p.

четырёх причин: 1) регион – источник угроз, затрагивающих потенциально интересы ЕС; 2) энергетические ресурсы; 3) в регионе пересекаются интересы России, Китая и Америки; 4) региона граничит с Афганистаном. В отличие от других геополитических акторов присутствие ЕС в регионе приветствуется как правящими режимами, так и оппозиционными силами. Особенно сильно чувствуется стремление идентифицировать себя с Европой у Казахстана, который в 2010 г. должен занять пост председателя ОБСЕ. ЕС в своей политике в регионе избегает геополитических игр, делает акцент на экономическое сотрудничество и образование, что даст плоды в будущем, когда на сцену выйдет новое поколение региональных лидеров, уверен испанский аналитик.

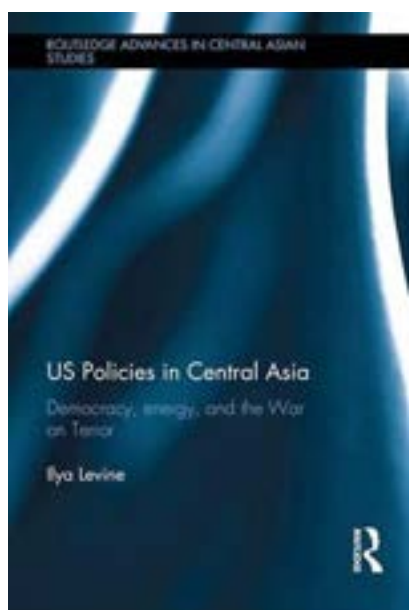
Другой особенностью стратегии ЕС является принципиальная поддержка региональной интеграции, но это скорее недостаток, а не преимущество европейской политики, поскольку различия между отдельными республиками региона просто бросаются в глаза. Но в целом, резюмирует этот автор, повестка дня ЕС для ЦА проста и содержит вполне прагматичные и понятные задачи: способствовать экономическому развитию и интеграции региона; снизить уровень политической зависимости стран региона от внешних сил; делать так, чтобы региона избежал втянутости в конфронтацию в духе «холодной войны».

Среди публикаций, посвященных отношениям ЕС и ЦА, следует назвать подготовленный экспертной группой во главе с Ф.Старром обзорный доклад о сотрудничестве между Финляндией и государствами Центральной Азии и Южного Кавказа, подготовленный по заказу МИД Финляндии.¹⁹ Доклад отражает уровень сотрудничества, методы и основные направления политики Хельсинки в этих регионах. Из доклада можно понять, что политика Финляндии развивается в целом в русле общеевропейской стратегии (экономическая кооперация, борьба угрозами и т.д.), но в Хельсинки отдает предпочтения таким направлениям как поддержка НПО, гендерного равноправия, предотвращение конфликтов, миграция, банковский сектор. Доклад примечателен тем, что он содержит четкие рекомендации финскому правительству, как строить в дальнейшем свою политику в этих регионах, что нельзя объяснить ничем иным, как присутствием в авторском коллективе Ф.Старра.²⁰

¹⁹ *Starr S. F., Cornell S., Oksajärvi Snyder M.* Evaluation Finland's Development Cooperation in Central Asia and South Caucasus (Evaluation report 2009:1). – Helsinki: The Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2009. – VI+70 p.

²⁰ Позиция ЕС в отношении стратегического характера сотрудничества с Казахстаном содержится также в: *Le Kazakhstan: Partenaire Stratégique de l'Europe // Diplomatie. Affaires Stratégiques et Relations Internationales.* – Paris: AREION, 2009. – 16 p.

Проблемы стратегии и политики ЕС в регионе затрагиваются также в работах С.Пейруза.²¹



Levine I. US Policies in Central Asia. – New York, London: Taylor and Francis, 2016. – 256 p.

Итоги и результаты американской политики в Центральной Азии при администрации Дж.Буша анализировались еще в работе И.Левина (2016). Автор называет три движущих императива в действиях США в регионе: продвижение демократии, безопасность и энергетика. Особенно важную роль вопросы безопасности и борьбы с т.н. международным терроризмом возобладали после 11 сентября 2001 г. и определили всю повестку данной администрации на оба срока пребывания Дж.Буша у власти. Но автор делает сравнительный анализ политики республиканской и демократической администрации Б.Обамы. В качестве основной ошибки Дж.Буша и Р.Рамсфилда стал недифференцированный подход в регионе ЦА, в котором существует своя иерархия отношений и интересов. Другой ошибкой республиканцев стала интернационализация внутренних процессов в отдельных странах региона и вытеснение проблем безопасности, которые действительно имели существенное значение для всех режимов региона, вопросами состояния демократии, и ее насаждение. Администрация Б.Обамы, получив от предшественников такое наследие в форме охлаждения отношений государств ЦА к США, действовала по инерции и практически – по мере ухода из Афганистана – окончательно утратила интерес к региону.

Морозов Ю.В. Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. – М.: ИДВ РАН, 2016. – 376 с.

Книга Ю.В.Морозова «Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе» увидела свет под эгидой Института Дальнего Востока РАН. Данная работа носит в большей степени исторический, ретроспективный характер и посвящена событиям 1990-х и 2000-х гг. Вполне объяснимо, что немало внимания уделяется политике Китая в регионе. В целом, автор

²¹ *Peyrouse S. Facing the Challenges of Separatism: The EU, Central Asia and the Uyghur Issue. EUCAM Policy Brief. No. 4, January 2009. – Bruxelles: EUCAM, 2009. – 16 p.; Peyrouse S. Business and Trade Relationships between the EU and Central Asia, EUCAM Working Paper No. 1, June 2009. – Bruxelles: EUCAM, 2009.*

следует устоявшимся в российской историографии представлениям с деструктивной и подрывной во многом роли Запада в центральноазиатском регионе. Тем не менее, работа носит фундаментальный характер и приносит существенный вклад в современную политологию.

Румер Ю., Сокольский Р., Стронски П. Политика США в Центральной Азии. – М.: МЦК, 2016. – V+41 с.

Работа Ю.Румера и его соавторов, подготовленная в рамках аналитических программ фонда Карнеги, увидела свет в преддверии смены власти в Белом Доме. В лице данной работы мы фактически имеем дело с развернутой программой стратегии и повесткой дня американской политики в регионе. Но в начале исследования эксперты делают анализ успехов и провалов американской политики в регионе.

К первым они относят следующие: поддержка стран региона оправдала себя: они утвердили свой суверенитет, территориальную целостность и независимость. При этом Соединенные Штаты обеспечили безопасность вывода ядерного оружия из Казахстана и демонтаж его ядерной инфраструктуры. Ни одному государству не удалось добиться гегемонии в регионе. Россия больше не обладает монополией на транспортировку нефти и газа из Центральной Азии. США сумели эффективно использовать объекты в регионе для поддержки военных операций в Афганистане и вывода американских войск.

К неудачам они относят такие моменты как то, что странам Центральной Азии не удалось существенно продвинуться к демократическому, открытому обществу, основанному на рыночной экономике, верховенстве закона и уважении к правам человека. Напротив, по всем этим направлениям происходит откат назад. Проект США связать Центральную Азию с Афганистаном и Пакистаном через Новый шелковый путь пока не сдвинулся с мертвой точки. Продвижение более тесной экономической интеграции и сотрудничества в области безопасности под руководством США в регионе было незначительным.

Авторы считают, что по мере сокращения военного присутствия США в Афганистане значение Центральной Азии как «ворот» в эту страну в стратегических расчетах Вашингтона тоже будет уменьшаться. Первые 25 лет своей независимости государства Центральной Азии были геополитически ориентированы на Запад. Сегодня Центральная Азия движется в ином направлении. В регионе происходит крупный геополитический сдвиг, результатом которого станет ослабление связей с евроатлантическим сообществом и усиление влияния и значения Китая. В обозримом будущем главными партнерами стран Центральной Азии в сферах политики, экономики

и безопасности будут Пекин и Москва: это связано с преобладающим экономическим влиянием Китая в регионе и остаточным присутствием России.

Эксперты исходят из того, что будущее стран Центральной Азии зависит от пяти связанных между собой факторов: смены руководства, или перехода к новому поколению лидеров; экономической ситуации; коррупции и неэффективности управления; политических репрессий; угрозы исламского экстремизма.

По мнению авторов, в центре Евразии происходит масштабное изменение расстановки сил. Центральная Азия переживает фундаментальный геополитический сдвиг, результатом которого станут новые роли Китая, Европы, Ирана, России, Южной Азии и США и новые отношения с ними. В совокупности эти изменения приведут к геополитической переориентации региона с Европы и США на Азию. Несмотря на напыщенные заявления Кремля с продвижении евразийской интеграции на его условиях, все более важную роль в экономическом и политическом развитии Центральной Азии и в ситуации с безопасностью в регионе будут играть соседи с востока, юга и юго-запада. В ближайшие десять лет будущее Центральной Азии будут определять пять тенденций, которые можно увидеть уже сейчас.

Эти тенденции следующие: Китай становится самым значительным геополитическим и экономическим действующим лицом в регионе. Экономическое присутствие этой страны в Центральной Азии резко увеличилось, а масштабные планы Пекина по дальнейшему расширению влияния будут иметь важные последствия – как в экономическом, так и в политическом плане. Пекин будет пристально следить за внутривнутриполитическими событиями в регионе и сменой лидеров стран Центральной Азии, чтобы убедиться в том, что они гарантируют защиту китайских интересов.

Тенденция, связанная с Россией, указывает на то, что экономические трудности и негативные последствия агрессии на Украине, скорее всего, обернутся дальнейшим сокращением и без того уже сократившегося присутствия России в Центральной Азии. Соответственно, уменьшится и ее политическое влияние в регионе. Пожалуй, единственное, в чем Россия продолжает играть уникальную и ведущую роль, – это военная безопасность. Связи Москвы с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном через ОДКБ – особый мост в Центральную Азию.

В политическом плане, даже если украинский конфликт будет урегулирован, Россия вряд ли будет привлекательным партнером для центральноазиатских соседей, которые опасаются ее территориальных притязаний, воинственного национализма и грубой тактики в отношении более слабых государств. Большинство зависевших в прошлом от России государств региона, конечно, не пожелает вступать в прямую конфронтацию

с Москвой. Но все они, определенно, будут искать других партнеров, способных служить противовесом непростому северному соседу. Так что цель России – сохранить в Центральной Азии сферу своих привилегированных интересов – представляется труднодостижимой.

Третья тенденция связана с Ираном. Постепенная нормализация и укрепление отношений с Ираном обещают появление ряда важных и благоприятных возможностей экономического, политического и стратегического характера. Перспектива выхода Ирана из изоляции и возобновление связей с соседями – значимый геополитический фактор, он создает и новые возможности, и новые проблемы. Определить, чего будет больше, пока невозможно. Очевидно одно – внешнеполитическая повестка в Центральной Азии усложняется: на сцену выходит новое действующее лицо. Иран либо займет пустующее место, либо вытеснит кого-то из нынешних игроков.

В-четвертых, война в Афганистане длится уже полтора десятилетия и остается для лидеров стран Центральной Азии проблемой номер один в сфере безопасности. Нестабильность на севере Афганистана создает двойную угрозу для Центральной Азии. Конфликт распространился до самой границы региона, что может усугубить проблемы с экстремизмом в Центральной Азии. В Афганистане находятся террористические группировки, сформировавшиеся в Центральной Азии и не скрывающие своих намерений вернуться на родину. Лидеры региона считают группировки прямой угрозой своей безопасности. Озабоченность вызывает и проницаемость границ – особенно в свете масштабного транзита наркотиков, людей и различных контрабандных товаров через регион. Но, пожалуй, больше всего лидеров стран Центральной Азии пугает вероятность проникновения афганской «заразы» вглубь региона и заражение его политического организма. Ситуация в Афганистане – учитывая ее потенциальное воздействие на внутреннее устройство государств Центральной Азии и на партнерство региона в области обороны и безопасности – будет и дальше преобладать над другими проблемами в этой сфере, включая геополитическую экспансию Китая и России.

Пятая тенденция – это ослабление интереса Запада. Это далекий регион, не имеющий выхода к морю, у него нет исторических, культурных и этнических связей с Америкой и Европой, поэтому в США и Евросоюзе отсутствуют естественно сложившиеся группы, выступающие за сближение с Центральной Азией. Кроме того, Центральная Азия окружена крупными державами, у которых с ней больше интересов и тесных связей. Эти державы настороженно относятся к чужим попыткам создать плацдармы на стратегически важной для них территории. У США и Европы нет первоочередных интересов в Центральной Азии, но у них есть цели, связанные

с Китаем, Ираном и Россией. Все это вместе приводит к тому, что в политической повестке Запада соседям Центральной Азии придается куда большее значение, чем ей самой.

Поэтому авторы резюмируют, что рассмотренные факторы демонстрируют, что за годы, прошедшие после распада СССР, экономическое и политическое положение, а также ситуация с безопасностью в регионе существенно изменились. Именно новая реальность во многом определит следующий этап развития Центральной Азии. И окажет большое влияние на реализацию Соединенными Штатами своих, в общем-то, скромных интересов в регионе с помощью тех ограниченных средств и ресурсов, что имеются в их распоряжении.

Эксперты предлагают, что в основе американской политики по отношению к Центральной Азии должно лежать представление с том, что этот регион – зона схождения, а не соперничества интересов. Это открывает большой простор для действий, не только не противоречащих, а скорее дополняющих друг друга. Поэтому там, где это возможно и целесообразно, Вашингтон должен использовать присутствие в Центральной Азии России и Китая. Таким образом, американской политике необходимо пойти на тяжелый компромисс: приоритетное значение придется отдать безопасности, а не демократическим ценностям. Вашингтону не следует преувеличивать угрозу безопасности США, исходящую от исламского радикализма в регионе, и, соответственно, реагировать на нее чересчур болезненно.

Рекомендации для Вашингтона, которые подготовило американское аналитическое сообщество в лице представителей Московского центра Карнеги накануне прихода к власти Д.Трампа, включают в себя следующие элементы:

- Выстроить иерархию сотрудничества; т.е. сделать приоритетным сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном.

- Признавать и принимать вклад и возможности других государств; т.е. признать, что у США в регионе есть некоторые общие цели с Россией и Китаем, и найти способ использовать действия Пекина и Москвы для реализации американских интересов.

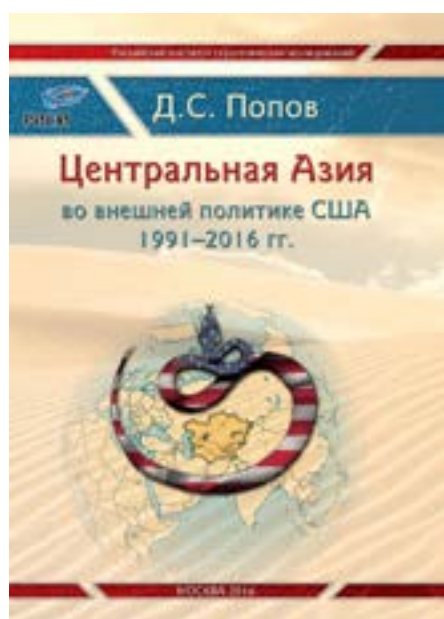
- Не настаивать на реформах, если на них нет спроса; т.е. требования перемен должны исходить от самих граждан стран Центральной Азии, а реформаторская программа США должна быть нацелена в первую очередь на улучшение социально-экономического положения, а не распространение демократии.

- Найти баланс между безопасностью и ценностями; т.е. не ставить сотрудничество в сфере безопасности в зависимость от ситуации с правами человека.

- Избегать милитаризации политики США в качестве ответа на преувеличенную угрозу исламского экстремизма. Т.е. Вашингтону не следует преувеличивать угрозу безопасности США, исходящую от исламского радикализма в регионе, и, соответственно, реагировать на нее чересчур болезненно.

- Эффективнее использовать имеющиеся рычаги влияния, «набивать себе цену» и ставить более реалистичные задачи, выстроенные по степени важности.

И наконец, авторы заключают, что несмотря на то что иногда сфера интересов Америки на словах сильно расширяется, Центральная Азия не имеет критического значения для Соединенных Штатов. Она так и останется невосприимчивой к американскому влиянию и ценностям, усилиям по государственному строительству и развитию демократии. Это означает, что необходимо скорректировать политику США в регионе, чтобы привести обязательства, которые берет на себя Вашингтон, в соответствие с его реальными целями и ограниченными возможностями. Стандартный подход – постановка амбициозных, но нереалистичных задач – породит лишь раздражение, цинизм и разочарование. Это также не значит, что Соединенным Штатам нужно отвернуться от Центральной Азии или просто перестать обращать на нее внимание. Скорее это призыв к благоразумию и реализму, к тому, чтобы сконцентрироваться на результатах, которых реально достичь, если действовать в рамках многостороннего сотрудничества, в том числе с крупными и влиятельными соседями региона. Государства Центральной Азии заинтересованы в сохранении дружественных отношений с Америкой – хотя бы для того, чтобы уравновесить влияние Китая и России; это должно создавать реальные возможности для взаимодействия США со странами региона и соблюдения взаимных интересов.



Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США.

1991–2016 гг. – М.: РИСИ, 2016. – 247 с.

Наиболее фундаментальной по объему работой из числа рассматриваемых в данном разделе является книга Д.Попова «Центральная Азия во внешней политике США», охватывающая период с 1991 по 2016 гг. (автор – руководитель Уральского регионального информационно-аналитического центра Российского института стратегических исследований в г. Екатеринбург).

Автор ставит во главу угла своего исследования тезис с том, что Центральная Азия не относится к числу международных приоритетов Белого дома первого порядка, но Америка проводит здесь энергичный и акцентированный курс. Более того, район имеет высокую, может быть даже недооцененную стратегическую ценность для Соединенных Штатов, что объясняется его объективными характеристиками. ЦА расположена практически в географическом центре Евразийского материка. Протекающие здесь процессы затрагивают интересы основных международных конкурентов США и многих крупных региональных держав. Воздействие на болевые точки региона открывает самые разнообразные возможности для влияния на положение дел в соседних странах. Отсюда с высокой долей вероятности можно заключить, что Центральная Азия, если временно и выпадет из фокуса американской внешней политики, то в будущем будет неизбежно вновь и вновь в него возвращаться, а Вашингтон (хотя это официально и отрицается) будет играть здесь роль оппонента континентальным державам, аналогичную той, что ранее имела Британская империя.

Книга состоит из шести частей. Первая глава «Демонтаж наследия холодной войны: подходы США к демилитаризации региона» посвящена в основном Казахстану – выводу ядерного оружия и уничтожению инфраструктуры ОМУ. Автор подчеркивает, что лояльность Казахстана в вопросах разоружения стала фундаментом отношений с США на годы вперед, способствовала международному признанию республики и позволила заручиться поддержкой Вашингтона в части привлечения западных инвестиций в нефтяной сектор страны. Глава содержит немало новой, ранее неизвестной информации с попытках американской стороны проникнуть в советские ядерные секреты.

Как вполне справедливо отмечает автор, после распада СССР Америка инициировала здесь крупные программы по ликвидации советского ОМУ. Несмотря на то, что в целом их задачи были выполнены, программы до сих пор не свернуты и при администрации Б.Обамы, получив дальнейшее развитие, скорректированы в текущих интересах американской военной науки и промышленности. Более того, ряд инициатив Вашингтона в области нераспространения, предположительно, имеет двойное назначение, представляя определенную угрозу национальной безопасности России и стран ОДКБ. Все без исключения инициативы США сопровождались и сопровождаются внешней риторикой с важности глобального разоружения, хотя в действительности Вашингтон подходит к ним избирательно, с учетом собственных национальных интересов.

Следуя этой логике, Соединенные Штаты поддержали расширение на центральноазиатские государства норм ДНЯО, но выдвинули возражения

против создания зоны, свободной от ядерного оружия. Они содействовали утилизации инфраструктуры БО и ХО, но блокируют создание верификационного механизма к КБТО. Негативным итогом

стало то, что в ходе настойчивых американских усилий по демонтажу советского «наследия» были безвозвратно утрачены многие передовые для своего времени производства, доставшиеся региону от ВПК СССР. Последние могли бы обеспечить развитие местной фармацевтической, химической и другой гражданской промышленности, если бы их конверсия проходила постепенно, под контролем и при большей материальной и организационной поддержке государства.

Внедрение поставленного из США оборудования и компьютерной техники создало риски того, что сейчас в критической промышленной и военной инфраструктуре некоторых республик ЦА может функционировать иностранная аппаратура с замаскированными математическими кодами и техническими средствами для дистанционного снятия информации или вывода из строя материальной базы. Другой аспект – беспрецедентное раскрытие данных с военных возможностей стран ОДКБ. Под прикрытием грантов Международного научно-технического центра, инспекционных поездок в рамках СУУ и других подобных механизмов представители Соединенных Штатов получили легальную возможность для развития контактов в военных и научных кругах ЦА и сбора обширной информации об оборонном потенциале государств региона. В руки американских военно-технических специалистов попали сведения и образцы, чувствительные для российского оборонно-промышленного комплекса.

Д.Попов заключает, что сегодня «Совместное сокращение угрозы» – это программа, принципиально отличная от той, что была инициирована в начале 1990-х гг. Ее продолжение в модифицированном виде порождает комплекс потенциальных вызовов национальной безопасности России, ее союзников, а также Китая и Ирана.

Вторая глава «Американская военная политика в Центральной Азии» посвящена военно-стратегическим аспектам сотрудничества США со странами региона. В Центральную Азию США совершили прорыв в качестве глобальной военной силы после открытия в 2001 г. «афганского фронта». Афганская кампания задала направления военного сотрудничества США с Центральной Азией на последующие более чем полтора десятка лет. В бывших азиатских республиках СССР были созданы военные базы Соединенных Штатов и их союзников, открыто воздушное пространство для боевой и транспортной авиации, развернута инфраструктура тылового обеспечения, на новый уровень выведено военно-техническое сотрудничество (ВТС) и военно-политические контакты сторон. Но, как

показала дальнейшая практика, размещение американских военных объектов в Центральной Азии породило целый комплекс угроз безопасности принимающих государств, а стремление Вашингтона сохранить их спровоцировало откровенное вмешательство во внутренние дела.

Автор проливает свет на позицию Туркменистана, который фактически предоставил Америке мини-базу вопреки провозглашенному нейтралитету. Ашхабад все же дал согласие на воздушные перевозки через свою территорию и разрешил дозаправку самолетов, следующих с «гуманитарными целями», но публично старался этот факт не афишировать, а полеты, несовместимые с классическим нейтральным статусом, представил как выполнение гуманитарной миссии. Некоторые подробности взаимоотношений Вашингтона и Ашхабада раскрывает «туркменское досье» WikiLeaks, на которые ссылается автор.

Отдельным вопросом исследователь рассматривает планы Пентагона по применению на территории региона беспилотных аппаратов. Технически американцы уже сегодня в состоянии проводить со своих баз в Афганистане тайные операции с применением БПЛА на территории стран Центральной Азии без согласования с их руководством. Причем перечень возможностей беспилотников довольно обширен и включает разведку, анализ радиационной, биологической и химической обстановки, нанесение ракетно-бомбовых ударов по наземным целям, в т. ч. с целью ликвидации неугодных лидеров.

Много внимания автор уделяет проблеме «Манаса». По его мнению, режимные строения без окон и с большим количеством кондиционеров, замеченные на базе, могли свидетельствовать с работе здесь компонентов американской глобальной системы «Эшелон», позволяющей перехватывать телефонные переговоры, электронную переписку, выполнять большой спектр иных задач по всему региону. Если так, то Манас для США мог представлять нечто большее, чем просто аэродром подскока. В свою очередь, отсутствие внешнего контроля за содержимым грузов создавало благоприятные условия для перевалки через ЦТП крупных партий наркотиков из Афганистана в Европу. Замечено, что европейские эпицентры распространения героина совпадают с дислокацией американских военных объектов в ФРГ, Косово и Испании, связанных авиатранспортным сообщением с Манасом. Зафиксированы факты (в начале августа 2008 г.) нелегальной переброски в Киргизию оружия, которое в условиях этнических конфликтов и политической нестабильности в этой стране могло быть использовано для поддержки лояльных групп.

Таким образом, заключает исследователь, Соединенные Штаты сформировали в Киргизии разветвленную агентурную сеть и свою службу

наружного наблюдения, осуществляющую слежку за политическими деятелями, а также контрнаблюдение за сотрудниками ЦРУ. Прекращение работы ЦТП совпало по времени со строительством нового многоэтажного здания посольства США в Бишкеке, что породило в местной прессе предположение (официально Госдепартаментом опровергаемое) с перемещении в возводимый комплекс оборудования и персонала, прежде задействованных в радиоэлектронной разведке в Манасе. Слухи подогревались сообщениями с получаемой представительством США крупнотоннажной дипломатической почте, среди которой выделялся груз, датированный концом марта 2015 г. и весом более 150 т.

В целом за 12,5 лет существования базы через нее прошло около 5,5 млн военнослужащих или 98% всего личного состава Международных сил содействия безопасности (МССБ) и было совершено 33 тыс. воздушных дозаправок. Однако в течение всего этого времени Манас оставалась одновременно фактором внутренней нестабильности Киргизии и камнем преткновения в ее взаимоотношениях с соседями.

Автор считает, что оправданно говорить, скорее, не с выводе, а с перегруппировке американских войск в ИРА путем сосредоточения компактных сил на защищенных базах, поддержания контроля за коммуникациями и переложения бремени боевых действий на афганские силовые структуры. В этой ситуации для Вашингтона оказались бы востребованными и базы ВВС в Центрально-Азиатском регионе, но они к настоящему времени утрачены. Перспективы открытия новых американских баз в регионе выглядят маловероятными без прихода к власти в центральноазиатских республиках лояльных США политических сил.

По мнению Д.Попова, усилия американской стороны в ЦА сосредоточены на нескольких направлениях. Они включают: военное проникновение в каспийский регион, где корпорации из США ведут разработку нефтяных месторождений; создание в Центральной Азии профессиональных подразделений по стандартам НАТО, способных участвовать в совместных операциях с Альянсом за рубежом; стимулирование реформы местных ВС по западному образцу, внедрение американской военной техники и доктрины, предусматривающей переход к созданию высокоподвижных частей оперативного реагирования. Повышенное внимание Вашингтон уделяет каспийскому направлению, мотивируя это необходимостью защиты нефтяных промыслов от терроризма. Позиция Казахстана относительно программы «Каспийский страж» заключалась в том, что ее реализация возможна, но для этого необходимо согласие России. Это отдалило перспективу старта масштабного проекта Пентагона в районе Каспийского моря.

Применительно к Киргизии, отмечает исследователь, многолетняя работа с личным составом ВС и правоохранительных органов позволила американцам полностью раскрыть их структуру и организовать сбор информации с положением дел в республике. Были созданы благоприятные условия для изучения и вербовки американскими спецслужбами представителей силовых ведомств Киргизии. Атмосфера полной лояльности Вашингтону, сложившаяся среди многих высших офицеров, сделала возможным выдвижение на руководящие посты людей, ориентированных на интересы США. Еще одним следствием действий американцев стала деморализация сотрудников правоохранительных и специальных органов. В результате, во время «цветной революции» милиция переходила на сторону восставших, а армия и национальная гвардия заявили о нейтралитете.

По схожей схеме Пентагон действует и в Таджикистане, где SOCCENT осуществляло обучение Национальной гвардии РТ. По местным законам, данное подразделение является воинским резервом быстрого реагирования главы государства, а

американские дипломаты в своей переписке образно называют его «преторианской гвардией» президента Эмомали Рахмона.

С начала 2000-х гг. в мире сложилась уникальная геополитическая ситуация: Соединенные Штаты через свои военные контингенты, инструкторов и частные военные компании закрепились сразу в двух ключевых центрах мирового наркопроизводства – Афганистане и Колумбии. В обоих случаях (в рамках операции «Несокрушимая свобода» и «плана Колумбия») Белый дом объявил войну терроризму и наркопреступности, но на практике стал действовать избирательно и в духе двойных стандартов. В масштабах Афганистана американцы отказались от наиболее действенного способа борьбы с наркотиками – уничтожения посевов опиумного мака, в частности, путем распыления дефолиантов, гербицидов и других химикатов.

Автор констатирует, что к 2014 г. на Афганистан пришлось более 80% мирового опиумного производства, что эквивалентно примерно 5,5 тыс. т сырца. С 2002 по 2013 гг., т. е. уже в период оккупации ИРА американскими войсками, площади посевов опиумного мака здесь выросли с 74 тыс. до 209 тыс. гектар, охватив ранее свободные от них провинции. К 2010 г. страна также вышла в мировые лидеры по производству гашиша, опередив Марокко. Основные центры наркопроизводства расположились в районах наибольшей концентрации вооруженных сил стран НАТО на юге и юго-востоке Исламской республики. Благодаря освоению современных сельскохозяйственных и оросительных технологий, почти в полтора раза возросла урожайность опиумных полей (с 23 до 30 кг с га). Если рань-

ше Афганистан поставлял опий-сырец, то теперь здесь созданы заводы для его переработки в героин почти в промышленных масштабах, повысилась оснащенность и производительность нарколабораторий. Логика находящихся за океаном политиков объяснима: для них афганский героин серьезной угрозой не представляет.

Автор так объясняет сложившуюся ситуацию: в Соединенных Штатах остро стоит проблема кокаина, 40% мирового потребления которого приходится на Северную Америку. Практически весь кокаин поступает в США из Колумбии. Главным же рынком сбыта афганских опиатов (опия, морфина и героина) стала Россия. От них страдают Иран и Китай, а также некоторые европейские страны и государства Юго-Восточной Азии. С конца 1980-х гг. по 2015 г. число наркозависимых в России выросло с 50 тыс. до 7-8 млн. чел. С 2010 по 2015 гг. от наркотиков умерло свыше 350 тыс. молодых людей, что более чем в десять раз превышает потери СССР за время войны в Афганистане. Наркомания стимулировала взрывной рост преступности и распространение опасных болезней, а в российский политологический лексикон прочно вошло понятие афганской «наркоагрессии». Другими словами, не препятствуя культивированию опиатов в районах своего военного присутствия, Вашингтон способствует ослаблению России и ряда других геополитических конкурентов: подрывает их демографический потенциал и оттягивает ресурсы на противодействие наркопреступности, в т. ч. связанному с ней исламистскому бандподполью.

В этих процессах страны Центральной Азии изначально оказались в роли наиболее удобной территории для транзита запрещенных веществ. Через них прошел один из трех главных международных каналов поставок героина – т. н. северный маршрут, связавший Афганистан с рынком России и частично Европы. Экспертные оценки его значения разнятся. По данным российских наркополицейских, в разные годы по каналу переправлялось от 25 до 40% и выше всех афганских опиатов. В обратном направлении из Центральной Азии в исламскую республику налажена контрабанда части химических прекурсоров (ангидрида уксусной кислоты), необходимых для переработки опиума в героин. Многолетний бесперебойный наркотрафик через центральноазиатские страны привел к стремительному увеличению здесь собственного потребления тяжелых наркотиков, сопутствующего росту заболеваемости ВИЧ/СПИД и криминализации общества.

В этих условиях Соединенные Штаты предложили свой подход к проблеме наркотиков в регионе Центральной Азии. Усилия, как ни странно, были фактически сосредоточены на дальнейшем снятии барьеров между Афганистаном и сопредельными странами ЦА, с одной стороны, и на

установлении патронажа над создаваемым здесь антинаркотическими структурами – с другой. В основе позиции Вашингтона, как представляется, лежали мотивы глобального противостояния с Россией и стремление ослабить ее влияние. После вывода погранвойск РФ с территории Таджикистана объем ежегодно изымаемого в республике героина в среднем упал с 5 т до 200 кг. Параллельно Соединенные Штаты предпринимают попытки усилить на центральноазиатском антинаркотическом фронте свою наднациональную координирующую роль. Но на местах инициатива не нашла поддержки, поскольку допускала элементы внешнего контроля над силовым блоком. Вопрос с результативности американских программ остается открытым. Значительная часть денег выделяется не на нужды центральноазиатских силовых ведомств, а на финансирование текущей деятельности размещенного в регионе западного персонала и решение дипломатических задач США.

В 2005 г. Белый дом поддержал приход к власти в Киргизии представителя южных кланов Курманбека Бакиева. Американские кураторы не могли не знать, что его семья непосредственно втянута в торговлю наркотиками. За годы президентства К. Бакиева объемы наркотрафика, проходящего через Киргизию, достигли беспрецедентных масштабов. К лету 2009 г. Соединенные Штаты свернули программу помощи Агентству по контролю за наркотиками Киргизии, что некоторые наблюдатели оценили как элемент сделки с режимом по сохранению базы американских ВВС в Бишкеке.

Автор приходит к следующему заключению. Существуют две главные причины роста наркотрафика в ЦА, равно как и потребления здесь запрещенных наркотических веществ: стремительное увеличение предложения опиатов в Афганистане за годы оккупации этой страны американскими войсками и ослабление контроля над границей с ИРА после распада СССР. Отказавшись поддержать уничтожение маковых полей на афганской территории и выступив против сохранения российского пограничного присутствия в Центральной Азии, Белый дом, так или иначе, способствовал усугублению причин и остроты проблемы наркотиков в регионе.

На этапе сближения после 11 сентября отношения Ташкента и Вашингтона не были абсолютно безоблачными и омрачались стремлением Белого Дома реформировать режим в республике путем вмешательства во внутренние дела через сеть НПО, СМИ и контакты со светской и религиозной оппозицией. Для поддержки лояльных политиков в Узбекистане были организованы ресурсные центры, предоставляющие различную техническую помощь. 13 мая 2005 г. боевики радикальной исламистской организации Акрамия совершили нападение на крупный

узбекский город Андижан в Ферганской долине, где захватили большое число заложников и ряд административных зданий. В результате спецоперации узбекских силовиков город был освобожден, но погибло, по независимым подсчетам, около 500 человек, в т. ч. большое количество мирных жителей. Несмотря на очевидные связи Акрами с экстремистским подпольем Афганистана и ЦА, западная дипломатия и экспертное сообщество в целом интерпретировали произошедшее как подавление народных волнений против режима и в резкой форме осудили действия Ташкента.

Ведущие средства массовой информации Европы и США откровенно симпатизировали террористам (более того, было установлено, что журналисты британской медиакорпорации Би-Би-Си ходе акции непосредственно присутствовали в расположении боевиков). Как показало последующее расследование, оружие Акрамия получала из Киргизии. Произошедшая в соседней республике двумя месяцами ранее «тюльпановая революция» по сценарию США заметно вдохновила противников И. Каримова. Туда же, в Киргизию, после майских событий в Андижане через подготовленные «окна» на границе бежали десятки лиц, преследуемые правоохранительными органами Узбекистана за причастность к террористической деятельности. В июле 2005 г. под давлением Вашингтона и его европейских союзников президент Киргизии К. Бакиев, проигнорировав требования узбекских властей, разрешил их вылет в Румынию. В итоге, как отмечает эксперт американского Брукингского института Фиона Хилл, узбекский лидер Ислам Каримов был абсолютно уверен, что нападение на Андижан было подготовлено с международной помощью, включая спонсируемые американцами НКО.

Автор отмечает, что сегодня по-прежнему до конца не ясно, чем была вызвана грубая непоследовательность американского курса в отношении Узбекистана, до того демонстрировавшего наибольшую в ЦА готовность к сотрудничеству с Америкой. Вовлеченность спецслужб Соединенных Штатов в инспирирование самого нападения боевиков на Андижан (а такие предположения широко муссировались в узбекской прессе) открытыми данными подтвердить трудно, но последующая линия Вашингтона выглядит авантюрой, идущей вразрез с политикой борьбы с террором. Судя по всему, американской стороной не были адекватно оценены решительность И. Каримова, степень оппозиционности настроений в узбекском обществе и окружении президента, эффективность государственного аппарата. Было заметно и то, что в действиях американцев возобладали эмоции, по-видимому, еще не успевшие остыть после эйфории «цветной революции» марта 2005 г. в Киргизии. Наконец, известно с разногласиях по вопросу с «реформировании» узбекского режима, существующих

во внешнеполитических кругах США среди различных групп влияния в Госдепартаменте, Пентагоне, Конгрессе.

Со стороны ситуация во многом и выглядела так, как если бы желание части американской элиты вмешаться во внутренние дела республики возобладало над интересами совместной борьбы с терроризмом, наложив отпечаток на итоговую официальную позицию Белого дома. Из андижанского конфликта следует важный вывод в отношении американской стратегии в ЦА. Состоит он в том, что для достижения целей в регионе Соединенные Штаты считают приемлемым использовать здесь исламистский фактор, интерпретируя его в угоду своим интересам и в зависимости от конкретных обстоятельств. По крайней мере, в 2005 г. США оказали как минимум политическую, дипломатическую и информационную поддержку группе, которую действующая власть Узбекистана квалифицировала как террористическую организацию.

В пятой главе автор затрагивает экономические интересы США в Центральной Азии. С обретением странами ЦА независимости вопрос с каналах транспортировки добываемых углеводородов на внешние рынки оказался выведенным за рамки чисто коммерческих интересов американского бизнеса и стал рассматриваться в Соединенных Штатах как инструмент геополитической борьбы. В результате внешняя политика США была сориентирована на создание т. н. южного энергетического коридора, который в будущем должен был позволить экспортировать каспийскую нефть и газ в обход территории России и Ирана по маршруту «Центральная Азия – Каспийское море – Кавказ – Турция». Такая схема в случае ее успешной реализации открывала Вашингтону возможности для решения сразу ряда задач, отмечает исследователь.

Экономические интересы США в Центральной Азии лежат в сырьевой сфере, но не ограничиваются ею. Равно не ограничиваются трубопроводами каналы экономического влияния Вашингтона на страны региона. С обретением ими независимости Белый дом оказывает давление на ход хозяйственных преобразований в этих государствах и стремится активно воздействовать на выбор ими пути экономического развития, в т. ч. направлений интеграции. Инструменты, находящиеся в распоряжении Соединенных Штатов, весьма разнообразны.

Для самих постсоветских республик последствия навязанных реформ во многих случаях оказались более чем сомнительными. Наибольший вес в процессе принятия хозяйственных решений среди государств Центральной Азии международные финансовые институты обрели в Киргизии и Таджикистане – странах с самой слабой в регионе экономикой, не располагающих крупными запасами углеводородов.

В отношении Киргизстана автор пишет, что после прихода в 2005 г. к власти под демократическими лозунгами и при прямой поддержке США нового правительства Киргизии во главе с Курманбеком Бакиевым деградация экономической системы этой страны не только не была остановлена, но набрала исключительно высокие темпы. Ожидаемым результатом его политики стал подрыв российских экономических интересов, включая заморозку инвестпроектов в сфере гидроэнергетики и военно-технического сотрудничества. Используя административный ресурс и незаконные рейдерские схемы, коммерческие структуры, аффилированные с сыном президента Максимом Бакиевым, взяли под контроль большинство наиболее прибыльных активов, наладив вывод из страны денег и их легализацию на иностранных счетах. Важнейшую роль в этих процессах играли люди из ближайшего окружения М. Бакиева – финансисты и юристы из США и Европы.

В ограниченном масштабе, утверждает Д.Попов, но все же применяют Соединенные Штаты и традиционные для себя санкционные меры. Это можно проследить на примере среднеазиатского рынка хлопка. Шестое место в мире по производству хлопка и третье по объему его экспорта занимает Узбекистан. Вывоз сырца здесь монополизирован государством. Власти США (а эта страна сама относится к крупнейшим мировым производителям хлопка и текстиля) систематически призывают ограничить доступ узбекского сырья на западные рынки, на дипломатическом уровне обвиняя Ташкент в использовании детского труда на полях.

Как уверен исследователь, ключевым вектором экономической стратегии США в ЦА стала борьба с российским интеграционным проектом. Белому дому не удалось предупредить создание в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, но в декабре 2012 г. Госсекретарь США Хиллари Клинтон публично раскритиковала планы по дальнейшей экономической интеграции трех стран, назвав это попыткой воссоздать Советский Союз и заявив с поиске эффективных способов их замедления или предотвращения. Создание Евразийского союза замкнет торговлю в Центральной Азии на Россию, способствуя ее доминированию, что для Вашингтона неприемлемо.

При ограниченном уровне торговых связей такое навязчивое стремление Вашингтона вмешиваться в процессы региональной экономической интеграции в ЦА может объясняться только одним – интересами геополитического сдерживания России. Называя учреждение ТС и ЕЭП попыткой «ресоветизации», под сомнение ставится само право РФ и ее партнеров на создание региональных торговых соглашений, которое закреплено в т. ч. в правилах ВТО и которым сами американцы пользуются повсеместно.

Руководствуясь, по всей видимости, этой же логикой, экспертные и внешнеполитические структуры США сгенерировали и выдвинули ряд альтернативных интеграционных проектов, рассчитанных на среднеазиатские элиты, государства-доноры и международные финансовые институты.

В середине 2000-х гг. основателем американского Института Центральной Азии и Кавказа при университете Дж.Хопкинса Фредериком Старром была сформулирована концепция Большой Центральной Азии (Greater Central Asia), с критикой которой выступил Попов. Основываясь на том факте, что в период своего средневекового культурно-исторического расцвета цивилизационные границы Средней Азии простирались далеко за пределы нынешних рубежей пяти постсоветских республик, Ф. Старр предложил рассматривать регион шире, включив в него также Афганистан, северо-западные области Индии, часть Пакистана, Ирана и китайский Синьцзян. По мысли автора, реализации американских интересов здесь будет способствовать совершенствование инфраструктуры и минимизация торговых барьеров, а также поощрение многосторонних форумов. тезисы Ф. Старра, по распространенному мнению, оказали влияние на внешнеполитическую линию США на среднеазиатском направлении.

За его публикациями последовали изменения в структуре Госдепартамента, где было образовано единое Бюро по делам Южной и Центральной Азии, к компетенции которого одновременно с центральноазиатской пятеркой отнесены Афганистан, Пакистан, Индия и ряд других стран. Риски для Москвы порождает совсем другое обстоятельство, а именно возможное требование с разрыве устоявшихся кооперационных связей стран ЦА с российским государством. В будущем нельзя исключать появление подобного призыва в ЦА как условия для присоединения к предлагаемому США южному интеграционному проекту. Вашингтон продемонстрировал, что не намерен нести большие финансовые издержки на НШП, рассчитывая в основном на возможности союзных государств (Германии, Японии) международных финансовых институтов.

Центральная Азия находится на периферии экономических интересов США. С регионом поддерживаются ограниченные торгово-инвестиционные отношения, сконцентрированные в основном вокруг добычи нефти в Казахстане. Каспийская нефть играет роль привлекательного сырьевого бонуса для американских корпораций, но ее запасы не являются для США стратегически важными в глобальном масштабе, а доля американских компаний в местной нефтедобыче постепенно падает. Тем не менее Вашингтон проводит в регионе энергичную экономическую политику, непропорциональную уровню достигнутых в этой сфере отношений, активно вмешивается в ход хозяйственных преобразований в странах ЦА

и воздействует на выбор ими интеграционных предпочтений. Главными инструментами американской экономической политики выступают инфраструктурное (прежде всего, трубопроводное) планирование, программы МФИ, гранты для осуществления либеральных реформ, санкции.

Основной вывод автора состоит в том, что стратегия Соединенных Штатов при этом сосредоточена не столько на расширении собственных экономических связей, сколько на задачах геополитического сдерживания России и Китая. Белый дом продвигает транзитные коридоры и интеграционные планы, альтернативные предложениям Москвы и Пекина и призванные снизить их влияние на экономику ЦА. В целом в последние годы Соединенные Штаты Америки шаг за шагом теряют позиции в региональной интеграционной «гонке». Резко изменить эту неприятную для них тенденцию способно, по-видимому, только приведение к власти в нефтегазодобывающих и транзитных странах ЦА лояльных правительств, которые по типу «бакиевской Киргизии» станут проводниками враждебной России экономической политики.

В шестой главе исследователь изучает применение американской дипломатией политтехнологий. Он исходит из того факта, что убежденность в своей уникальной цивилизационной роли привела к тому, что во внешнеполитической практике Вашингтона

вторжение во внутренние дела других государств де-факто было признано допустимым, а во многих случаях и необходимым условием на пути к глобальному лидерству. С подачи США по постсоветскому пространству прокатилась волна «цветных революций»: «революция роз» в Грузии (2003 г.), «оранжевая революция» (2004 г.) и «евромайдан» (2014 г.) на Украине, а также первый увенчанный успехом переворот в ЦА – т. н. «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 г.

Имея в основе идеологические мотивы, действия американского правительства преследуют все же и вполне прагматичные цели. Они позволяют насытить ключевые регионы мира марионеточными режимами, закрепляя в них влияние Вашингтона; окружить очагами напряженности границы внешнеполитических соперников США, тормозящими их нормальное развитие; расширить поле деятельности американских бизнес-империй; нарушить в свою пользу стратегический ядерный паритет и т. д.

Под принудительную экспансию выстроен сам внешнеполитический аппарат США, отработаны алгоритмы насаждения своей воли. К числу «тайных операций» отнесены пропаганда, экономическая война, саботаж, антисаботаж, диверсии и эвакуации,

подрывная деятельность, помощь подпольным движениям и др. Попав в орбиту внешнеполитических интересов США, Центральная Азия

также была вынуждена испытать на себе эту неприятную специфику американской внешнеполитической доктрины.

Автор посвятил целый раздел событиям в Киргизии в марте 2005 г., который он открыто называет государственным переворотом. За ширмой гуманитарных и просветительских программ через систему некоммерческих организаций постепенно усиливалось вмешательство во внутриполитический процесс. Мотивацию Вашингтона в этом случае сложно объяснить иначе, чем стремлением привести к власти более управляемое правительство, лучше гарантирующее реализацию американских интересов, в частности сохранение на долгую перспективу базы ВВС США в Манасе. Дальнейшие события показали также, что за океаном мало беспокоились по поводу того, что насильственная смена власти в республике угрожает труднопрогнозируемыми последствиями для безопасности всего региона. Эти риски лежали, прежде всего, на России и соседних странах.

Содействие революционным силам было сопряжено с усилением политического давления на законное руководство страны, которое привело его к фактическому параличу. В нарушение всех дипломатических норм посол США С. Янг лично курировал работу с оппозицией, публично встречался с противниками режима и допускал бесцеремонные высказывания в адрес действующей власти. В ходе событий весны 2005 г. широко привлекались грузинские, украинские и восточноевропейские инструкторы, имевшие опыт успешной реализации «цветных революций» в своих странах. События в Грузии, на Украине и в Киргизии сближает также использование внешними силами этнорегионального фактора.

За фасадом номинального многообразия политических партий в Киргизии скрывается традиционное противостояние между мощными кланами, представляющими юг и север республики. В 2005 г. Вашингтон сделал ставку на рвущуюся к власти южную элиту, несмотря на то, что для нее были характерны более радикальные взгляды, а также связи с криминальным и исламистским миром. Вооруженный захват оппозицией коммуникаций и стратегических объектов в марте 2005 г. начался с южных областей Киргизии, где после второго тура парламентских выборов были блокированы аэропорты и дороги, захвачены областные администрации Оша, Джалал-Абада и Баткена, сформированы передовые отряды (в том числе конные и женские) для продвижения в Бишкек. По стране прокатилась волна политических убийств, мародерства, самозахватов земель, усилился массовый отток русскоязычного населения.

Правоохранительные и специальные службы Киргизии, в течение многих лет спонсируемые из-за рубежа, оказались не способны адекватно ответить на происходящее. Их руководство пошло на закулисные

сделки с лидерами оппозиции. «Вторая киргизская революция» апреля 2010 г. носила принципиально иной характер: она, насколько можно судить, не была инициирована Вашингтоном и, вероятно, даже оказалась неожиданной для американской стороны. Консультации глав России, США и Казахстана и последовавшая эвакуация К.Бакиева в Белоруссию, где ему было предоставлено политическое убежище, не остановили кровавых межэтнических киргизско-узбекских столкновений на юге республики в июне 2010 г. Они стали прямым следствием втягивания узбекской диаспоры в межклановую политическую борьбу. Государственный департамент США не только не осудил бездействие временного правительства во время узбекских погромов и перекладывание вины на пострадавшую, по большей части узбекскую сторону, но год спустя даже присудил Р. Отунбаевой премию. Узбекская молодежь после «ошской резни» стала мощным источником пополнения отрядов Исламского движения Узбекистана и других радикальных вооруженных группировок.

Спустя несколько лет после «второй революции» и последовавшей переориентации кабинета А.Атамбаева на партнерство с РФ Киргизия по-прежнему остается в Центральной Азии той республикой, где американские политтехнологи располагают самым разнообразным набором инструментов для манипуляции общественно-политическими процессами, включая разветвленные институты «мягкой силы». Свои представительства разместили формально негосударственные, но на деле тесно связанные с правительством США и софинансируемые из госбюджета распорядители американских грантовых средств: Национальный фонд в поддержку демократии (NED) и два аффилированных с ним учреждения – Международный республиканский институт (IRI) и Национальный демократический институт (NDI). Перечисленные объединения, если говорить образно, составили верхний этаж инфраструктуры «мягкой силы», откуда на нижние ярусы спускаются денежные ресурсы и проектные задания.

Второй эшелон системы, отмечает автор, образуют транснациональные западные НПО. Они устроены на сетевых принципах. На этом уровне оседает основная часть средств, выделяемых на программы «демократизации», и ведется работа по поиску, привлечению к сотрудничеству и руководству местными гражданскими активистами. Как правило, каждая из них придерживается определенной специализации. Наиболее же привлекательными городами для размещения их представителей оказались Бишкек и Алматы. Примечательно, что власти Казахстана с неохотой идут на предоставление НПО «столичной прописки», стремясь обезопасить Астану от сопутствующих рисков и допуская сюда в основном

только организации системы ООН. В 2010 г. в РК ожидаемо отказали в открытии астанинского филиала американскому Фонду Карнеги.

На нижней ступени описываемого механизма расположились местные некоммерческие организации, которые учреждаются гражданами государств ЦА и занимаются исполнением проектов «на земле». Это наиболее многочисленная прослойка, хотя средства до нее доходят лишь частично. По числу НКО на душу населения лидирует Киргизия. В 2015 г. в шестимиллионном государстве было зарегистрировано 14 тыс. некоммерческих организаций, а, по неофициальным данным, озвученным в парламенте страны, их количество перевалило за 19 тысяч.

Страны различаются и по степени влияния западных зонтичных структур из первого и второго эшелонов на национальные НКО. Если из Узбекистана представительства наиболее одиозных иностранных организаций были выдвинуты после андижанских событий 2005 г., а в Казахстане конкуренцию зарубежным грантам составили программы государственного социального заказа и единый государственный оператор по финансированию НКО, то «третий сектор» в Киргизии и Таджикистане с момента возникновения почти полностью ориентирован на получение западного финансирования. Определить масштабы финансовых вливаний Вашингтона в инфраструктуру «мягкой силы» в регионе можно лишь приблизительно, поскольку она поглощает средства сразу из нескольких источников. Пентагон, ЦРУ и иные военизированные и специальные службы США публично не афишируют детали своих бюджетов, но тоже традиционно спонсируют некоммерческий сектор.

Наконец, американские усилия дополняются и дублируются разнообразными инициативами стран Евросоюза и межгосударственных организаций. Приоритетными реципиентами американской «помощи» с 2010-2011 гг. считаются Киргизия и Таджикистан. Продолжение проектов содействия в Казахстане и Узбекистане Конгресс США еще в 2003 г. обусловил требованием проведения ежегодного контроля за прогрессом в области защиты прав человека в этих странах.

По неофициальным свидетельствам лиц, непосредственно вовлеченных в работу НПО, она поражена сильнейшей коррупцией и превратилась в своего рода доходный бизнес, в котором участвуют как общественники, так и государственные служащие. Формируются комплементарные Соединенным Штатам политические силы. Примеры их участия в борьбе за власть многочисленны и разнообразны. Усилиями НКО и СМИ корректируется общественное мнение. Разъясняется важность американских инициатив и дискредитируются действия геополитических конкурентов США. Ведется сбор данных с чувствительных сферах жизни иностранных

государств. Бросается в глаза, что в последние годы Соединенные Штаты буквально навязывают центральноазиатским республикам разнообразные форматы раскрытия информации. В завершение с помощью неправительственных кругов тиражируется предпочтительная для США точка зрения на вопросы внутреннего и внешнего развития, внедряются западные ценностные установки.

В общем и целом выстроенная за два с лишним десятилетия система охватывает самые разнообразные сферы общественной и государственной жизни Центральной Азии. Правозащитные объединения служат элементом протекции деятелей оппозиции и постоянного давления на национальные правительства. Соединенным Штатам удалось создать крепкие позиции в центральноазиатском информационном поле. Помимо этого США финансируют, а следовательно, влияют на редакционную политику множества местных «независимых» СМИ. Другой вектор – образование. Начиная с 1990-х гг. в ЦА развернута сеть высших учебных заведений, оказывающих образовательные услуги по западным стандартам. В Центральной Азии действует 13 центров, имеющих такой официальный статус (больше всего – в Казахстане). Всего через образовательные проекты США пропущены десятки тысяч граждан ЦА. Как показывает более подробное знакомство с ними, нередко именно здесь происходит первичная идеологическая обработка, прививаются ультралиберальные идеалы и закладывается основа негативно-критического отношения к собственной власти, традиции и истории. Здесь же воспитываются будущие внешнеполитические клиенты США по типу выпускника Колумбийского университета, экс-президента Грузии М. Саакашвили.

Завершая обзор многоступенчатой системы «мягкой силы», автор отмечает, что, хотя ее общий потенциал ориентирован на общественно-политическое переустройство государств ЦА, частично американская помощь все же поступает на благотворительные и гуманитарные цели (ликвидацию последствий стихийных бедствий, борьбу с инфекционными заболеваниями, микрокредитование малого бизнеса и др.). Однако и здесь западные начинания несут идеологический заряд и решают порой сугубо прагматические задачи.

Касаясь обратного процесса – лоббирования своих интересов в Вашингтоне правительствами ЦА, автор подчеркивает, что наиболее активно среди республик региона лоббирует национальные интересы в американских инстанциях Казахстан. Но в целом же последствия деятельности американских лоббистских групп в интересах среднеазиатских стран не сопоставимы со встречным влиянием институтов «мягкой силы», развернутых в регионе правительством США.

Таким образом, заключает исследователь, американский истеблишмент не скрывает свою цель – глобальное доминирование США. Для ее достижения он считает допустимым вмешиваться во внутренние дела других государств вплоть до принудительной смены национальных правительств. Среди инструментов укрепления американского господства фигурирует «мягкая сила», которая в теории описывается как культурная экспансия, но на практике применяется как отлаженный механизм манипуляции массовым общественным сознанием зарубежных стран.

Свою дееспособность система доказала в ходе «тюльпановой революции» в Киргизии 2005 г., но постепенно ее возможности ослабевают под давлением ряда объективных факторов. К ним можно отнести смещение международных приоритетов кабинета Б. Обамы на другие районы мира и сопряженное с этим урезание грантов на ЦА; удаленность региона от европейских союзников США и по совместительству соинвесторов в гражданское общество; возросшее недоверие к Белому дому со стороны среднеазиатских режимов и их меры по контролю над «третьим сектором»; наконец, укрепление на общественно-политической сцене региона позиций России и Китая, включая адаптацию ими американского опыта.

Кроме того, подчеркивает Попов, американцы слабо учитывают традиции и особенности менталитета чужих народов, считая свою идеологию универсальной. Но, несмотря на это, списывать со счетов целый социальный класс, возникший при поддержке Америки и объединяющий десятки тысяч граждан Центральной Азии, пока преждевременно. У него еще будет возможность проявить себя в моменты политической турбулентности, которая почти неизбежно возникнет в ходе предстоящего транзита власти в Казахстане и Узбекистане. К тому же неизвестно, как поведет себя следующая американская администрация.

Как считает автор, на среднеазиатском направлении американской дипломатией пройдены три этапа, примерно совпадающие по времени со сроками президентских администраций Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. Каждая из них по-своему расставляла акценты во внешней политике, но действовала при этом в рамках общего стратегического курса на удержание глобальной гегемонии США, задачу сохранения которой они и не скрывали. На первом этапе Пентагон не свернул свою программу демилитаризации, а изменил ее содержание так, что она сама превратилась в потенциальный источник угроз для соседних стран.

В 2000-е гг. (второй этап), приняв в политический обиход лозунг борьбы с международным терроризмом в Афганистане, США совместно с союзниками по НАТО развернули в ЦА сеть военных и логистических объектов, наладили воздушные и наземные каналы снабжения, достигнув,

как казалось, беспрецедентного уровня военно-политических контактов с бывшими азиатскими республиками СССР. Но удержаться на этих позициях американцы не смогли. Было приостановлено их военное проникновение на Каспий и выдворены базы ВВС США из Узбекистана и Киргизии. Последнее обстоятельство – уже само по себе редкость в международной практике и говорит с сложности рассматриваемого региона для американской внешней политики.

Автор задается вопросом: вопрос с том, не состояла ли реальная миссия Вашингтона в исламской республике именно в оборудовании своего военного форпоста, а не в утверждении демократического «свободного и мирного Афганистана»? Что же касается избранной Белым домом линии борьбы с наркотиками и терроризмом, то и она привела в ЦА к обратным результатам.

Исследователь приходит к выводу, что последовательность и результаты действий американской стороны наталкивают на мысль с том, что разрастание очага нестабильности в срединной Евразии рассматривается ею как вполне приемлемый вариант развития событий хотя бы на случай, если политический протекторат и долгосрочное военное присутствие США в этом районе не будут гарантированы. Если исключить запасы каспийской нефти, завышенные оценки которых на начальном этапе привлекли сюда иностранный капитал, то регион был и остается для США глубокой экономической периферией. Периодические всплески активности американской экономической политики, как бы они не подавались общественности, обусловлены главным образом стремлением замедлить или подорвать складывающуюся хозяйственную кооперацию ЦА с Россией и Китаем.

Наконец, заключает автор, действуя в традиционном для себя стиле, американская сторона накрыла регион разветвленной сетью НПО, СМИ, образовательных учреждений и интернет-групп, вовлеченных в манипуляции общественно-политическими процессами. Несмотря на то, что пока Соединенным Штатам не удалось развить свой успех и поставить Киргизию или другое центральноазиатское государство под внешний контроль на длительный срок, как это происходит на других постсоветских окраинах, Белый дом вряд ли откажется от новых попыток обзавестись клиентом в регионе. К этому его подталкивает традиция ведения «организованной политической войны» и те «выгоды», которые сулит окружение России буфером враждебных государств. Удушающая «петля анаконды» вокруг нее будет оставаться незамкнутой без южного звена.

В целом, наблюдая за «походом» Соединенных Штатов в ЦА, автор замечает, как их достижения разбивались с неспособностью удержать

результат, а успешные ходы сменялись откровенными провалами, ярким примером которых стал узбекский Андижан.

В такие переломные моменты хорошо различимы сильные и слабые стороны американской внешней политики. Ее безусловными преимуществами остаются четкий приоритет собственных национальных интересов; умение мобилизовать для решения своих задач союзников; адаптация к дипломатической работе современных социальных, коммуникационных и цифровых технологий; и, конечно, ясный идеологический посыл, привлекательный для многих иностранных граждан, несмотря на разительное расхождение либеральной риторики с реальными делами, которые она маскирует.

К числу слабых мест американского курса ученый относит межпартийную и межведомственную конкуренцию в США, накладывающую отпечаток на международные отношения; расточительное обращение с материальными ресурсами, которые даже для первой в мире экономики не являются безграничными; игнорирование, порой демонстративное, азиатских культурных и политических традиций, хотя многим американским специалистам известно, что, например, проекты популяризации гомосексуальных отношений плохо воспринимаются в патриархальном восточном обществе. Но, возможно, наиболее очевидная уязвимость, к которой склонен американский истеблишмент, состоит в преобладающем чувстве собственного превосходства и исключительности, что не только порождает стремление к мировой гегемонии, но и притупляет восприятие действительности.

Однако, делает окончательный вывод Д. Попов, с определенной долей уверенности можно ожидать одно: Вашингтон сохранит общий стратегический замысел в отношении Центральной Азии. По крайней мере, его вектор был устойчивым при трех подряд американских администрациях, поочередно сменявших друг друга с начала 1990-х гг. После первых негласных консультаций со среднеазиатскими лидерами еще до распада СССР действия всех хозяев Белого дома так или иначе подчинялись логике сдерживания геополитических конкурентов США. Прежде всего, они были нацелены на разрыв региона с Россией, а впоследствии также на купирование растущего влияния Китая и изоляцию Ирана. К императивам американской стратегии исторически относится и обеспечение доступа к сырьевым богатствам, включая создание маршрутов их транспортировки на Запад. Эти базовые принципы американской политики останутся неизменными и в обозримой перспективе, пока политический класс в Вашингтоне воспринимает свою страну как сверхдержаву, имеющую интересы во всех, даже самых удаленных, уголках мира. Неизменными,

по всей видимости, останутся и жесткие предельно циничные методы ведения геополитической борьбы в духе большой «грязной» игры.

Таким образом, перед нами глубокое, интересное и актуальное исследование, разработанное относительно молодым ученым. Но, несмотря на это обстоятельство, Д.Попову удалось вскрыть явные и скрытые механизмы реализации американской стратегии в Центральной Азии. Возможно, кому-то выводы и оценки американской политики автора книги покажутся чрезмерно резкими, но по ходу текста исследователь не ограничивается только Центральной Азией, а использует примеры, подтверждающие суть деструктивной и опасной по своей природе глобальной стратегии США из практики в других регионах мира. Тем самым, картина происходящего приобретает целостность.

Подробное знакомство с данным исследованием, которое мы охотно рекомендуем специалистам по Центральной Азии, американистам и в целом всем политологам-международникам, будет, безусловно, чрезвычайно полезным. И наконец, следуя древней поговорке – «Praemonitus, praemunitus» (предупрежден, значит – вооружен), данное исследование необходимо прочесть, прежде всего, политикам.

Spaiser O.L. The European Union's Influence in Central Asia. Geopolitical Challenges and Responses. – New York: Lexington Books, 2018. – XXI+245 pp.

Книга Ольги Спейсер «Влияние Европейского Союза в Центральной Азии: геополитические вызовы и ответы», как следует из названия, посвящена глобальному эффекту европейской геополитики. Автор исходит из того, что Центральная Азия по-прежнему привлекает внимание мировых держав своими богатыми энергетическими ресурсами и важным географическим положением. По мнению исследовательницы, Россия, Китай и Евросоюз рассматривают данный регион в качестве незаменимого инструмента сохранения своего влияния на Евразию. В условиях жесткой конкуренции и скромного бюджета на освоение региона, ЕС не оставляет попыток играть роль влиятельного игрока, хотя его лидерство оставляет больше вопросов. В отличие от других стран бывшего соцлагеря («посткоммунистических регионов» – на западном жаргоне), ЕС не в состоянии придать привлекательность своей политической модели и рискует быть оттесненным на обочину другими глобальными державами. Поэтому автор задается вопросом: как Евросоюзу расширить свое влияние во враждебном геополитическом окружении, какую стратегию ЕС должен избрать, чтобы стать актором, с которым считаются?

Композиционно монография состоит из трех частей, первая из которых посвящена Европейскому Союзу как глобальному актору. Автор выделяет три уровня глобального влияния ЕС (экономический, политический и институциональный). Вторая часть «ЕС в ЦА» рассматривает причины и ход появления и внедрения Евросоюза в регионе. Здесь присутствуют вопросы европейской озабоченности проблемами безопасности, т.к. регион является, по мнению Брюсселя, «входной дверью» в Европу и находится по соседству с проблемами государствами (Пакистан, Афганистан, Иран). Следующий раздел посвящен формированию европейской стратегии в отношении ЦА, исходящей из того факта, что регион представляет собой «дальнего соседа» (в отличие от республик европейской части СНГ и Закавказья). Автор подробно рассматривает в третьем разделе составные части стратегии ЕС – ее дискурс, инструменты и рецепты. Последняя глава второй части возвращает нас к более широкому геополитическому контексту политики ЕС в ЦА, согласно которому Евросоюз играл последовательно две роли: как участник соревнования за влияние и осуществления «параллельного влияния» (по-видимому, автор имеет в виду поддержку Евросоюзом политики США, НАТО и других институтов коллективного Запада).

Третья часть книги повествует об амплуа Евросоюза в качестве «консультанта» по вопросам центральноазиатской безопасности. Здесь выделяются три направления: пограничные проблемы, кризис системы управления и водные конфликты. Как считает автор, пример Центральной Азии должен был показать имидж ЕС в качестве нейтрального партнера стран региона без каких-либо геополитических амбиций. Таким образом, О.Спейсер фактически вынуждена признать, что ЕС превратился в игрока второго плана, выступающего в качестве «консультанта» и поддерживающего соответствующий имидж «честного брокера» (т.е. без геополитических претензий). Евросоюз не выступает в регионе в качестве одной из великих держав, и не желает стать ею. Однако, ЕС действует в тех областях, которые игнорируют другие державы и к которым относятся такие сферы как границы, управление и водная безопасность. Таким образом, волей-неволей Евросоюз превратился в геополитического игрока второго плана, несмотря на громогласные заявления и претензии 1990-х годов, вызванные эйфорией от распада СССР. Однако крушение европейских амбиций произошло не благодаря доброй воле Брюсселя, а скорее вопреки ней. Данная ситуация была продиктована имманентной политической слабостью и геополитическим бессилием ЕС, шаткостью собственных институтов и отсутствием внятной внешнеполитической стратегии.

**Paramonov V., Strokov A., Alschen S., Abduganieva Z.
European Union Impact on Central Asia: Political, Economic,
Security and Social Spheres (European Political, Economic, and
Security Issues). – New York: Nova Science Publishers, 2018. – 131 p.**

Среди комплексных исследований, посвященных вопросам присутствия ЕС в регионе в последние годы, внимания заслуживает работа «Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз», написанная Владимиром Парамоновым совместно с Алексеем Строковым и Зебинисо Абдуганиевой. Авторы книги – широко известные специалисты из Узбекистана, эксперты в вопросах развития международных отношений на центральноазиатском пространстве, региональной безопасности и интеграционных процессов в ЦА, участники множества тематических мероприятий. Руководитель творческого коллектива В. Парамонов – основатель аналитической группы «Центральная Евразия».

Книга была опубликована в 2017 г. при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта в г. Алматы²², а в январе 2018 г. американское издательство Nova Science Publishers выпустило англоязычную версию данного исследования. Работа являет собой попытку аналитического осмысления итогов европейско-центральноазиатского сотрудничества с первой половины 1990-х гг. по настоящее время в разрезе четырех ключевых областей: политики, экономики, безопасности и социальной сферы. В рамках исследования авторы ставят перед собой задачу выявления наиболее существенных факторов, способствующих укреплению или ослаблению роли Европейского союза в каждой из пяти республик ЦА и в регионе в целом. Последовательно раскрывая характер европейской политики, эксперты приходят к выводу с том, что позиции ЕС в Центральной Азии не просто незначительны и неустойчивы, но продолжают заметно снижаться.

Хотя авторский коллектив не выделяет конкретных хронологических этапов европейской политики в Центральной Азии, в общей нисходящей динамике однозначно прослеживаются два периода активности Брюсселя в регионе. Первый из них пришелся на середину 1990-х гг., когда после распада СССР республики ЦА упорно стремились к развитию политических и экономических отношений с Западом, воспринимая Европу как «идеального партнера». Тогда были заложены основы двусторонней нормативно-правовой базы. Второй этап роста европейского влияния в Центральной Азии обозначился в первой половине 2000-х гг. и стал закономерным следствием начала военных действий в Афганистане

²² Парамонов В.В., Строков А.В., Абдуганива З.А.. Влияние Европейского Союза на Центральную Азию: обзор, анализ и прогноз. Под общей редакцией и руководством Парамонова В.В. – Алматы: Фонд им.Фридриха Эберта, 2017 год. – 117 с.

и усиления роли США во внутрирегиональных процессах. Именно на фоне американского присутствия в регионе ЕС смог создать и продвинуть широкий спектр политических и образовательных программ (ЕИДПЧ, ИСР, ИС, БОМКА, TEMPUS, Erasmus Mundus и др.), наладить диалог в сфере безопасности, а также закрепиться в нефтегазовом секторе Казахстана и Туркмении, нарастив внешнеторговый оборот за счет импорта центральноазиатских углеводородов. Вместе с тем, очевидно, что достигнутыми результатами, особенно в сфере безопасности, Брюссель обязан, прежде всего, тесной кооперации с Вашингтоном.

Так, говоря с Казахстане, авторы указывают, что «крайне ограниченные военные возможности ЕС исключают даже теоретическую вероятность появления у Евросоюза каких-либо устойчивых позиций в Казахстане (например вне рамок НАТО и/или в отрыве от стратегии США в регионе)». В связи с этим охлаждение интереса США к Центральной Азии после прихода к власти Д. Трампа и смещение внешнеполитического вектора Вашингтона ограничивают потенциал роста роли ЕС. На этом фоне значимым фактором, отчасти способствующим сохранению присутствия Брюсселя в ЦА, по мнению авторов, остается многовекторная политика самих государств региона, хотя ее влияние на двустороннее сотрудничество в книге представлено неоднозначно. С одной стороны, эксперты подчеркивают, что заметный импульс европейско-центральноазиатскому взаимодействию придавали попытки республик сбалансировать влияние России в регионе и выйти за рамки завязанных на Москву экономических и политических связей.

В то же время авторы признают, что в большинстве случаев отдельные попытки центральноазиатских республик сблизиться с Западом носят символический характер и скрывают чисто финансовый интерес в получении европейских инвестиций и материальной помощи. Таким образом, в целом работа отличается критическим подходом к оценке роли Европейского союза в Центральной Азии. Авторы признают и подчеркивают слабость позиций Брюсселя в регионе, обусловленную как влиянием внешних факторов, так и собственными недоработками европейских властей. В материале ярко выделены сильные и слабые стороны европейской политики на данном направлении и представлен комплексный обзор тенденций ее развития. Однако в то же время книга содержит несколько дискуссионных моментов. В частности, на наш взгляд, недостаточно полно представлен фактор Китая в регионе и фактически отсутствует оценка реальных перспектив взаимодействия ЕС с Центральной Азией в контексте растущего присутствия там Пекина.

Несколько спорны и тезисы авторского коллектива об отдельных успехах Европейского союза. Кроме того, к числу достижений ЕС

в Центральной Азии авторы относят изменения в политической системе Туркмении, отмечая сдвиг «от фактически тоталитарного режима (при президенте С. Ниязове) к более мягкому авторитаризму с формальными элементами демократического государства». Вызывает некоторые сомнения и оценка экономического присутствия Европейского союза в Центральной Азии. Кроме того, в работе слабо представлена ответная реакция ЕС на продвижение евразийской интеграции, включая создание Таможенного союза и Евразийского экономического союза. Среди прочего после прочтения книги остается целый ряд открытых вопросов. Так, было бы интересно узнать мнение авторов с разнице в целях и результатах Стратегий ЕС в Центральной Азии в 2007 и 2014 гг., а также получить оценку возможных направлений политики Брюсселя в регионе в рамках разрабатываемой стратегии от 2019 г.

В целом, несмотря на выделенные недочеты, книга позволяет сформировать общее представление с характере европейской политики в отношении Центральной Азии и ближайших перспективах ее развития. Таким образом, после знакомства с работой, остается стойкое впечатление, что вопреки всем имеющимся договоренностям и программным и стратегическим документам, Европейский союз фактически не имеет конкретной, целостной и единой для всех или хотя бы большинства европейских государств стратегии в Центральноазиатском регионе.

Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.) The Long Game on the Silk Road: US and EU Strategy for Central Asia and the Caucasus. – Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. – 160 p.

Еще одно издание касается стратегии Евросоюза в Центральной Азии в контексте политики Запада в регионе, подготовленное под редакцией проф. Ф.Старра и его шведского коллеги С.Корнелла – «Долгая игра на Шелковом пути: стратегия США и ЕС в Центральной Азии и на Кавказе». Авторы исходят из того, что западная политика, олицетворяемая Соединенными Штатами и Евросоюзом, в обоих регионах перманентно наталкивалась на концептуальные и структурные препятствия. Это стало следствием той линии, которую стал проводить Запад в отношении национальных республик СССР, начиная с принятия Хельсинского Акта 1975 года. Действуя по нескольким направлениям – на политическом, экономическом и демократическом, эта политика неизбежно приняла нескоординированный характер. Доминирование категорий демократии и прав человека в стратегии Запада над собственными прагматическими и геополитическими интересами приняло антагонистический и контрпродуктивный характер, заключают исследователи.

То есть, отмечают авторы, вместо того, чтобы сосредоточиться на помощи новым независимым государствам в области повышения качества управления и строительства институтов, направленных на верховенство закона и продвижения демократии на долгосрочную перспективу, западные игроки увлеклись критикой местных режимов и их переделкой. Они также дали себя вовлечь в геополитическую борьбу вокруг этих регионов (или сами спровоцировали ее?), чрезмерно преувеличивая значение данных регионов. В завершении редакторы подчеркивают тот факт, что целью Запада и самих государств центральноазиатского и кавказского регионов является построение суверенных, экономически развитых и эффективно управляемых моделей. И главное, по мнению авторов, эти страны способны развить и сохранить светскую модель государства, которая может стать примером для всего мусульманского мира. Таким образом, из-за нарочитой академичности издания выглядят прежние уши геополитики в стиле «Большой игры», главная (и не всегда афишируемая) цель которой – сохранение т.н. «геополитического плюрализма» (выражение З.Бжезинского) в Евразии. При расшифровке это означает недопущение Западом возрождения политической, а на нынешнем этапе – экономической сплоченности стран Внутренней Евразии и их интеграции под эгидой и патронажем российского (ЕАЭС), а теперь и китайского (Один пояс, один путь) проектов. В крайнем случае, Запад готов подтолкнуть бывшие и некогда развитые социалистические республики Советского Союза в объятия отсталого мусульманского мира.

Cornell Svante E., Starr S. Frederick. A Steady Hand: The EU 2019 Strategy and Policy toward Central Asia. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2019. – 72 p.

Новая работа постоянных соавторов проф. Ф.Старра и Сванте Корнелла – соответственно основателя и директора Института Центральной Азии и Кавказа и программы Шелкового пути «Твердое руководство: стратегия и политика ЕС в отношении Центральной Азии» является продолжением их предыдущих исследований, посвященных отношениям региона с Евросоюзом. Речь идет с предшествующих работах: «ЕС, Центральная Азия и развитие континентального транспорта и торговли» (2015) и «Долгая игра на Шелковом пути» (2018).

В данных исследованиях авторы поставили ряд вопросов, которые не потеряли актуальности и сейчас. Адекватно ли разработано или уместно региональное измерение стратегии ЕС по Центральной Азии для XXI века? Этот вопрос особенно актуален с учетом растущей региональной роли

Китая и Индии. Соответствует ли стратегия ЕС для Центральной Азии вызовам XXI века? Авторы исходят из постулата, что Европейский Союз должен будет усилить свое присутствие в Центральной Азии, если он хочет иметь влияние в регионе, сталкиваемом с огромными вызовами со стороны Китая и Индии, а также из Афганистана и угрозами терроризма.

В июле 2019 года Европейский Союз представил в Бишкеке, столице Кыргызстана, свою долгожданную новую стратегию в отношении Центральной Азии. Стратегия, по крайней мере, на бумаге, пересматривает политику ЕС в отношении региона и то, как он сотрудничает с многосторонними структурами региона. В ней изложено, как ЕС и страны Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – могут гораздо более тесно сотрудничать по таким вопросам, как устойчивость, процветание и региональное сотрудничество.

Текст стратегии, изложенный в заключениях Совета ЕС по иностранным делам от 17 июня 2019 года, также включает множество других тем, от прав человека и работы с гражданским обществом до большего внимания безопасности, охране окружающей среде и надлежащему управлению. В то время как ЕС часто подвергался критике за слишком поверхностный общий подход к региону, новая стратегия, по крайней мере, утверждает необходимость «проводить различие между конкретными странами».

Авторы разделили свою работу на три части. В первой части «ЕС и ЦА» речь идет преимущественно с характере и особенностях отношений двух регионов в период 1992-2001 гг. Во второй части они показывают эволюцию всех стратегий Евросоюза в отношении ЦА с 2002 по 2019 годы. И только в последней части работы анализируется новая стратегия ЕС и актуальность отношений Евросоюза в контексте новой геополитической ситуации. По мнению ученых, принятие новой стратегии ознаменовало между в отношениях двух регионов.

С.Корнелл и Ф.Старр считают, что при реализации своей политики в отношении региона Брюссель сталкивается с рядом вызовов. К ним они относят следующие: 1) сложное институциональное устройство ЕС, включающее в себя 28 государств-членов и множество бюрократических надстроек, что объективно препятствует принятию быстрых и эффективных решений. 2) Противоречия между региональным подходом к ЦА в ущерб развитию отношений ведущими республиками региона (имеются в виду Казахстан и Узбекистан). 3) Противоречия между т.н. нормативными ценностями ЕС и интересами Европейского Союза в сфере энергетики, торговли и безопасности. 4) Как сочетать отношения ЕС с интересами других крупных игроков (прежде всего – России и Китая). 5) Соппротивление стран региона проводимой Евросоюзом политике в области образования.

б) Противоречие между антитеррористической позиции Брюсселя и политикой защиты свободы вероисповедания со стороны ЕС. 7) Сохранение прежнего уровня высоких дипломатических и политических отношений между ЕС и ЦА.

Исследователи отмечают, что большинство центральноазиатских элит разделяют многие общие взгляды на ЕС. Они чувствуют, что ЕС едва заметен в Центральной Азии, не известен широкой общественности, что у него сложные бюрократические процедуры и, наконец, что у него есть амбиции, превышающие его фактические рычаги воздействия и способность его реализовать. По сути, ЕС необходимо будет усилить свою наглядность и присутствие, если он хочет иметь влияние в регионе, сталкиваемся с огромными проблемами не только из Китая и Индии, но также из Афганистана и угрозами терроризма.

По их мнению, хорошей новостью является то, что ЕС увеличил свое дипломатическое присутствие в регионе, но это необходимо сделать решительно, с надлежаще укомплектованными представительствами ЕС во всех пяти государствах Центральной Азии. ЕС также нуждается в другом подходе в нескольких областях. Для начала ЕС может быть гораздо более сфокусированным, когда речь идет с помощью в целях развития. Например, он мог бы сосредоточиться на тех областях, в которых ЕС больше всего выделяется и за которые его ценят: культура, образование и региональное сотрудничество. Вкратце, новая стратегия не может оставаться декларацией с намерениями или же критикой предыдущей стратегии. Она должна осуществляться конкретным образом в непросто геополитическом и геоэкономическом контексте региона.

С ростом Китая, попытками России восстановить влияние, если не контроль в регионе, и ослаблением интереса США, неясно, в какой степени и как ЕС будет оказывать свое геополитическое влияние. Это связано с тем, что в ЕС отсутствует всеобъемлющее евразийское измерение. Это будет означать выявление совместных инициатив, охватывающих несколько регионов в более широком евразийском контексте. Как бы то ни было, перспективы регионального сотрудничества несколько мрачны.

В заключение авторы вновь подчеркивают, что Стратегия ЕС-2019 г. является следующим солидным шагом в данном направлении, связывая новые цели и задачи с предыдущими документами. По мнению авторов, в отличие от предшествующей политики Евросоюз должен проводить свою стратегию не на стороне или в противоположность правящих кругов государств региона, а вместе с ними. Они также приветствуют стремление Брюсселя и дальше поддерживать регионализм ЦА в отношениях с южными и западными соседями, особенно с Афганистаном и странами Южного

Кавказа. Исследователи особенно отмечают тот факт, что Евросоюз представляет собой форпост всего Запада в регионе, к чьей политике приковано внимание всех сторон. Таким образом, заключают они, такие удаленные от региона ЦА игроки как США и Япония могли бы многому научиться и позаимствовать у Европы в подходе к реалиям и нуждам региона Центральной Азии.

Frappi Carlo, Indeo Fabio (eds.). Monitoring Central Asia and the Caspian Area Development Policies, Regional Trends, and Italian Interests. Eurasiatica Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale. – Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2019. – 218 p.

Представляет интерес вышедший в Венеции сборник в серии «Евроазиатика», изданный в Университете Форкари и посвященный Центральной Азии и Каспийскому региону. Материалы сборника написаны на итальянском и английском языках. К слову говоря, итальянская историография по ЦА в течение последних десятилетий представлена крайне мало (за исключением востоковедных изданий). Статьи, написанные как итальянскими, так и центральноазиатскими авторами, посвящены региональной геополитике, экономике и энергетике. Рассматриваются также посткаримовский Узбекистан и постназарбаевский Казахстан с точки зрения анализа текущих изменений во внутренней и внешней политике, ситуация в Афганистане. Отдельные материалы изучают возможности транспортно-экономического сопряжения Каспийского и Адриатического регионов, а также интересы итальянского бизнеса в Центральной Азии, особенно в энергетическом секторе.

Джураев Э., Мураталиева Н. Стратегия ЕС в Центральной Азии. К успешной реализации новой стратегии. – Алматы, Бишкек: ФФЭ, 2020. – 18 с.

В данной работе авторами (Bishkek Policy Group) основное внимание уделяется двум отличиям новой Стратегии: а) большему учету разнообразных и динамичных процессов в отношениях между пятью странами Центральной Азии и б) признанию наличия и значимости других внешних партнеров и проектов, присутствующих в регионе. Эти два фактора можно рассматривать как значительные препятствия для успешной реализации Стратегии ЕС 2007 года в данном регионе.

Ситуация в Кыргызстане представляет интерес и отличается от положения в четырех остальных странах Центральной Азии. Политическая система Кыргызстана – открытая, конкурентная и плюралистическая. Позиции стран Центральной Азии по различным вопросам существенно

различаются. Стратегия ЕС в отношении Центральной Азии уделяет этим различиям должное внимание.

Анализируя отношение выгодоприобретателей к новой Стратегии ЕС для Центральной Азии, важно учитывать важнейшую «другую сторону», или «третью сторону» проблемы. Говоря языком Стратегии ЕС, это наличие «третьих стратегий» у иных внешних игроков в Центральной Азии. Соотношение этих третьих стратегий и партнерских связей с ЕС и ее Стратегией крайне важно учитывать, чтобы реалистично оценивать и прогнозировать возможности сотрудничества между ЕС и ЦА.

Объявляя с введением новой Стратегии в Бишкеке, Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини подчеркнула, что ЕС не намерен ввязываться в геополитическую игру в Центральной Азии. Тем не менее, ЕС не может отрицать геополитические интересы других держав в регионе и закрывать на них глаза. Авторы считают наиболее важными и актуальными три «третьих стратегии». Первая – инициатива Китая «Один пояс – один путь». Вторая стратегия – Евразийский экономический союз во главе с Россией. И, наконец, стратегия, которая представляется менее влиятельной, чем первые две, – формат С5+1 для диалога между Соединенными Штатами и государствами Центральной Азии.

В последнее время инициатива «Один пояс – один путь» и глобальная политика Китая стали терять популярность и доверие по мере того, как международное сообщество больше узнает с так называемой «долговой дипломатии» Пекина. Еще один мощный игрок – Соединенные Штаты Америки, стремящиеся сохранить отношения со странами Центральной Азии. Формат диалога С5+1 (пять стран Центральной Азии плюс Соединенные Штаты) является платформой для встреч и консультаций на уровне министров иностранных дел. Традиционно считается, что Соединенные Штаты разделяют позицию Европейского Союза по многим вопросам и сотрудничают с другими странами, в том числе с государствами Центральной Азии, в сходных областях. Если бы партнерство США и стран Центральной Азии было тесным и динамичным, то США и ЕС, возможно, дублировали бы усилия друг друга по содействию развитию Центральной Азии в различных сферах.

Новая Стратегия ЕС намного радикальнее; она предусматривает более широкое сотрудничество с регионом, чем то, к которому, очевидно, готовы Соединенные Штаты. Следует отметить, что и ЕС, и США стремятся включить в свою региональную политику все пять стран Центральной Азии. Сходство подходов ЕС и США заключается и в том, что их деятельность в регионе структурно не оформлена и развивается постепенно,

без прочных институциональных основ. Обе стороны склонны действовать в формате ежегодных встреч, проектов и консультаций. Помимо трех вышеупомянутых «третьих стратегий», к данной теме, безусловно, имеют отношение и другие игроки, например, Турция, Япония, Иран, Корея и Индия. Некоторые из них потенциально могут стать партнерами ЕС в Центральной Азии, особенно Япония, поскольку она ставит вопросы, представляющие интерес и для ЕС. Таким образом, международное сотрудничество в Центральной Азии и с ней – это игра не с тремя или четырьмя игроками, а минимум с десятью.

Исходя из этих соображений и аргументов, авторы рекомендуют следующие мероприятия, необходимые для успешной реализации Стратегии ЕС:

В Кыргызстане ЕС важно сосредоточить внимание на поддержке демократизации, укреплении парламентаризма и на расширении возможностей женщин, в том числе – возможностей их участия в политике. Иными словами, ЕС должен и далее отстаивать так

называемую «нормативную повестку дня» – важнейшие ценности, которые может утверждать и защищать ЕС. Во всех странах Центральной Азии ЕС должен будет уделять больше внимания оказанию помощи в экономическом развитии и обеспечении конкурентоспособности в торговле. ЕС должен и далее расширять связи с заинтересованными лицами в Центральной Азии в сферах образования, культуры и исследований.

Работая в Центральной Азии, ЕС должен расширять и укреплять сотрудничество с гражданским обществом. И в Кыргызстане, и в других странах ЕС должен недвусмысленно поддерживать свободу слова и средств массовой информации. ЕС может сосредоточить внимание на охране окружающей среды и обеспечении экологической устойчивости. И ЕС, и его партнеры в Центральной Азии должны налаживать более эффективную коммуникацию при реализации мероприятий Стратегии. ЕС не должен создавать впечатления, будто он «экспортирует» свои институты и принципы в Центральную Азию. Правительства стран Центральной Азии могли бы проявить инициативу и предложить ЕС совместные усилия и проекты в рамках новой Стратегии ЕС.

Одобренное многими заявление в Декларации с том, что ЕС заинтересован в инклюзивном подходе к сотрудничеству, не должно означать, что роль ЕС в Центральной Азии невелика или сознательно ограничивается. И, наконец, ЕС должен стремиться наладить прямое сотрудничество в осуществлении его проектов через свои делегации, направляемые в регион, а при необходимости – привлекать сторонний персонал ЕС.

Таким образом, авторами в заключительной части работы сформулирован ряд рекомендаций как для ЕС (точнее, для представителей ЕС,

которым поручено реализовывать новую Стратегию), – так и для заинтересованных сторон вне ЕС, которые будут заниматься ее осуществлением, например, для международных организаций по вопросам развития, местных и международных неправительственных учреждений, государств и их агентств развития.

1.6. Россия и Центральная Азия

Этот далеко не полный обзор показывает, что российский академический и политологический мир не теряет интереса к Центральной Азии. Как можно наблюдать из нижеизложенного, последние годы был богатыми на коллективные и персональные монографии с Центральной Азии и отдельно – с Казахстане. Круг поднимаемых в этой литературе вопросов включает в себя как традиционные проблемы (геополитика и международные отношения, внутренняя политика, экономика), так и совершенно новые (роль вооруженных сил). Это означает, что наш регион по-прежнему остается в центре внимания мировой политической науки (и смежных дисциплин), хотя следует заметить, что интерес к Центральной Азии извне далеко не всегда продиктован исключительно академическим интересом.

Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2010. – 220 с.

Монография Г.И.Чуфрина (ИМЭМО), которая продолжает и дополняет предыдущее издание (В 2008 г. под его руководством увидела свет коллективная монография, посвященная политике РФ в регионе.²³), состоит из трех частей. Первая часть посвящена проблемам региональной безопасности; здесь автор подробно рассматривает такие вопросы как нетрадиционные угрозы безопасности, меры по борьбе с ними, разногласия и противоречия во взаимоотношениях стран ЦА как источник угрозы. Отдельная глава посвящена политике США в регионе в таком контексте, что Центральная Азия представляет собой новый рубеж во внешнеполитической стратегии Америки, которая имеет конкретные военно-политические цели в регионе. В отдельной главе автор рассматривает роль ОДКБ в регионе и российско-американские отношения в сфере региональной безопасности. И наконец, завершает первую часть глава, посвященная влиянию афганского фактора (точнее, фактора Аф-Пак) на безопасность Центральной Азии. Автор разделяет критический подход в оценках результатов американской политики в регионе.

²³ Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе. Под ред. Г.И.Чуфрина. – Москва: ИМЭМО, 2008 . – 181 с.

Вторая глава носит экономический характер и посвящена торгово-экономическому сотрудничеству и другим аспектам взаимодействия РФ и республик ЦА, в т.ч. миграции, финансовому сотрудничеству, транспортно-коммуникационным связям и проблеме совместного использования гидроэнергетических ресурсов. Отдельная глава посвящена российско-казахстанским отношениям, которые в книге изучаются очень подробно и детально. Автор приходит к выводу, что именно российско-казахстанское сотрудничество является стеновым хребтом интеграционных процессов в регионе и стимулирует общее состояние хозяйственных связей в восточной части СНГ.

Третья часть посвящена истории, развитию и современному положению ШОС. Здесь автор останавливается на таких проблемах как эволюция задач организации, формы и методы реагирования на угрозы безопасности, экономическое сотрудничество в рамках ШОС, а также перспективы расширения организации. Автор придерживается точки зрения, что дальнейшее расширение (предоставление полноценного членства) нецелесообразно, однако перспективной является такая форма как партнерство. Причем партнерами по диалогу ШОС могли бы выступить не только такие страны как Афганистан, но даже США и Япония.

В своих выводах Г.И.Чуфрин не скрывает, что сотрудничество РФ со странами ЦА в последние годы нередко сталкивается с необходимостью преодоления серьезных противоречий политического и экономического характера и требует весьма трудного согласования конфликтных интересов. Автор видит четыре основных причины происходящего. Это объективные сложности в политическом и социально-экономическом развитии стран ЦА; негативное влияние на регион международных событий регионального и глобального масштаба. Кроме того, автор отмечает непоследовательность и противоречивость в политике руководства государств региона в отношении масштабов и целей сотрудничества с Россией. Ими ставится под вопрос полезность и эффективность такого сотрудничества. И наконец, на пространстве Центральной Азии стремительно усиливается конкурентный потенциал третьих стран, и государства региона охотно развивают свои отношения как с Западом, так и Востоком.

Автор приходит к выводу, что российская политика в регионе должна носить предельно прагматичный характер. В сфере политических отношений на первом месте стоят вопросы, связанные с обеспечением как региональной, так и собственно российской безопасности. Главные инструменты Москвы в этой области – ОДКБ и ШОС. В сфере экономических отношений ответом России на свое сокращающееся экономическое влияние должно стать поддержание максимально благоприятного

климата межгосударственного сотрудничества. Автор уверен, что Россия может и должна позиционировать себя не только как выгодного экономического партнера для государств региона, но и как эффективного гаранта их экономической независимости. Этот смелая и дальновидная рекомендация российского ученого резко контрастирует с существующими клише, мифами и настроениями, укоренившимися на Западе и среди некоторых кругов внутри центральноазиатских элит, суть которых состоит в том, что Россия якобы стремится вернуть себе контроль над регионом в колониально-имперском стиле. То, что это не соответствует действительности, и доказывает книга Г.И.Чуфрина.

Российский исследователь Алексей Малашенко, который представляет Фонд Карнеги, в своих подходах в оценке отношений между Россией и государствами Центральной Азии исходит из нескольких важных посылок. Он исходит из того, что Москва не в состоянии оказывать значимое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии. Интересы России в Центральной Азии обусловлены, во-первых, ее стремлением сохранить влияние в регионе, удержать под своей эгидой остатки постсоветского пространства и тем самым подтвердить свою роль если не мировой, то, во всяком случае, евразийской державы.²⁴

Во-вторых, интересы России требуют сохранения и поддержания режимов, которые лояльно к ней относятся и готовы развивать с ней отношения. Решать эту задачу становится все сложнее.

В-третьих, Россия стремится сдержать закрепление на территории Центральной Азии внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. При этом, понимая, что остановить активность внешних акторов он не в состоянии, Кремль стремится найти баланс между конкуренцией и партнерством с этими державами. Смирившись с китайским натиском, Россия жестко оппонирует США, стремясь ограничить их влияние в регионе.

В-четвертых, национальный интерес России заключается в сдерживании трафика афганских наркотиков – из Центральной Азии и через ее территорию. В-пятых, в число национальных интересов России безусловно входят проблемы центральноазиатской миграции, которую можно назвать обоюдным вызовом, содержащим как взаимные выгоды, так и взаимные сложности. В-шестых, национальные интересы России неотделимы от проблемы транзита энергоносителей через ее территорию. Этот вопрос выходит за рамки собственно центрально-азиатской и, еще шире, каспийской темы.

²⁴ Малашенко А. Интересы и шансы России в Центральной Азии Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2. С. 21-34.

А.Малашенко исходит из того, что Центральная Азия не относится к числу главнейших внешнеполитических приоритетов России, а ее влияние в этом регионе становится все более ограниченным. Это звучит парадоксально на фоне многочисленных заявлений Кремля на протяжении двух десятилетий, что этот регион был и остается важнейшим приоритетом внешней политики РФ. Стабильность в регионе, которая, как это ни покажется парадоксальным, не является для России безусловным стратегическим императивом. Конечно, с одной стороны, стабильность в Центральной Азии формально остается «священной коровой» российской политики, но с другой стороны, политическая хрупкость Москве на руку: угроза конфликтов внутри региона, напряженность на его южных границах дает России повод предложить себя в качестве гаранта против любой угрозы.

Каким образом Россия стремится реализовать свои национальные интересы в Центральной Азии? Стратегией Москвы здесь стала интеграция, которую она осуществляет с помощью уже существующих, но – что важнее – вновь создаваемых ею региональных организаций, причем не только с участием стран Центральной Азии, но и других стран постсоветского пространства. Ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле длительное время добивались вовлечения в интеграционный процесс как можно большего числа государств.

Членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, прежде всего с США. ОДКБ можно считать гарантией сохранения на постсоветском пространстве российских военных объектов. Международные организации, созданные усилиями России в Центральной Азии, не способны переломить главную тенденцию – снижение российского влияния в регионе. Нарастив свое влияние в одном государстве Центральной Азии, Россия может потерять его в другом. Тем временем в центральноазиатском регионе активно работают новые силы. Наконец, во всех центральноазиатских странах вполне вероятна смена режима, и ни в одной из них к власти уже не придут политики, безраздельно ориентирующиеся на Россию. Это сулит России новые трудности.

Исследователь уверен, что Россия за все это время так и не сумела в рациональной форме выразить свои национальные интересы в регионе. При этом он уверен, что Россия может: во-первых, сохранить свое влияние, для чего она располагает достаточным экономическим и политическим потенциалом; во-вторых, она способна и дальше поддерживать авторитарную модель правления (которая сохранится в регионе и без помощи Москвы); в-третьих, Россия способна принимать участие практически во всех

проектах транзита энергоносителей минуя ее территорию. В-четвертых, у России есть возможности ограничить ввоз и переправку через свою территорию наркотиков (другой вопрос, почему это не делается эффективно). И наконец, в-пятых, в стратегическом плане Россия способна поддерживать кондоминиум с Америкой и Китаем по разделению ответственности за стабильность и безопасность региона.

Малашенко констатирует тот факт, что нынешняя Россия не способна выполнять ту цивилизационную миссию, которую она несла с середины XIX века. России нет места в дихотомии Запад – Исламский мир, которые ведут борьбу за цивилизационное будущее Центральной Азии. Роковой ошибкой российского истеблишмента, могущей иметь стратегические последствия, А.Малашенко считает тот факт, что последний не воспринимает ЦА как полноценный сегмент исламского мира, и регион выпадает из стратегии отношений России с остальным мусульманским миром.

В заключении автор ставит сакраментальный вопрос, который должен придать смысл: кто бросает вызов России в Центральной Азии? Существует три основных геополитических вызова – китайский, американский и исламский. Автор считает, что китайский вызов носит не политический, а экономический характер (хотя не исключает в будущем его эволюции в нечто более серьезное для Москвы). Вызов России со стороны мусульманского мира, по мнению исследователя, носит для нее как внешний, так и внутренний характер. Но это не вызов, а скорее сигнал России к тому, что ее политика должна строиться с учетом цивилизационной принадлежности местных народов.

А.Малашенко заключает, что вследствие геополитических сдвигов Россия вынужденно заняла реактивную оборонительную позицию, одним из следствием которой и стало падение ее влияния в Центральной Азии. Но он не предлагает сидеть, сложа руки, критикуя «экономическую слабость и политическую заскорузлость внешнеполитического менталитета» правящих кругов, а выбрать качественно новую и динамичную политическую линию, бросить «новый российский вызов».²⁵

Но существуют и альтернативные точки зрения. В.Евсеев (Центр общественно-политических исследований РАН) не считает, что время России в ЦА прошло. Он так формулирует задачи, стоящие перед Россией в регионе, следующим образом: 1) уравновесить растущее влияние Запада и Китая; 2) сохранить свое военное присутствие; 3) поощрять развитие регионального военно-технического сотрудничества; 4) упрочить свое экономическое влияние.²⁶

²⁵ См. также: *Малашенко А.* Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? – М.: РОССПЭН, 2012. – 118 с.

²⁶ См.: *Евсеев В.В.* Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы. – М.: Наука, 2012. – 358 с.

Согласно его анализу, политика Москвы претерпела следующую эволюцию. В первой половине 1990-х гг. она сделала серьезную политическую ошибку, перестав оказывать экономическую помощь республикам региона и свернув политическое сотрудничество. В результате произошел отток русскоязычного населения, и возникла «геополитическая пустота». Во второй половине 1990-х гг. Москва попыталась восстановить свое доминирование в регионе, но было уже поздно. При этом политика РФ оставалась непоследовательной. В первой половине 2000-х гг. Россия потерпела много неудач на фоне укрепления позиций Запада. Но вторую половину десятилетия автор называет периодом относительных побед Москвы. И наконец, нынешнее время, заключает исследователь, это период неопределенности. Чтобы вновь стать локомотивом для развития региона, России может элементарно не хватить ресурсов в условиях противодействия со стороны Запада, Китая и Ирана.

Он вынужден признать, что региональные позиции Москвы не выглядят устойчивыми. В целях укрепления последних автор предлагает ряд шагов, которые на наш взгляд, носят скорее тактический, чем стратегический характер. В.Евсеев считает, что России целесообразно потратить период относительной открытости Туркменистана для сближения с Ашхабадом; использовать в свою пользу состояние политической неопределенности в Казахстане, оказать помощь в укреплении военных потенциалов Киргизии и Таджикистана, не реагировать на рецидивы геополитических шараханий Ташкента. Судя по некоторым действиям российского руководства в последнее время, некоторые из рекомендаций автора приняты к сведению.

Д.Тренин (председатель научного совета Московского Центра Карнеги) высказывает такую неординарную мысль: чтобы новая Евразия могла состояться, старая должна сойти со сцены. Помимо Российской Федерации «мостом» между востоком и западом Евразии теперь служат Центральная Азия, Прикаспийский регион и Кавказ. Квинтэссенцию «евразийства» сегодня воплощают собой Казахстан и Турция, связанные как с Азией, так и с Европой. Практически все риски и потенциальные угрозы в сфере безопасности в Центральной Азии имеют региональное происхождение. Основные интересы России в регионе по-прежнему связаны со стабильностью в Казахстане.²⁷

Со времен распада СССР, пишет автор, многие наблюдатели рассматривают Центральную Азию как арену для нового варианта «Большой игры». На деле же на бывших советских «задворках» развернулась конкурентная борьба со многими участниками. Таким образом, заключает

²⁷ Тренин Д. Post-Imperium: евразийская история / Моск. Центр Карнеги. – М.: РОССПЭН, 2012. – 236 с.

Д.Тренин, конкуренция налицо, но аналогии с «Большой игрой» неуместны. Будущее Центральной Азии определит не «спарринг» между Москвой и Вашингтоном и даже не «забег» с Пекином в качестве третьего участника. Оно решается в Астане, Ташкенте и столицах других стран региона. Ни одна из этих столиц не видит себя сателлитом Москвы. В то же время центральноазиатские лидеры не желают всецело доверить заботу с безопасности своих стран Соединенным Штатам. Что же касается Китая, то страны региона рады видеть его в качестве торгового партнера, инвестора и кредитора, но опасаются могущества Пекина и его превращения в потенциального регионального гегемона.

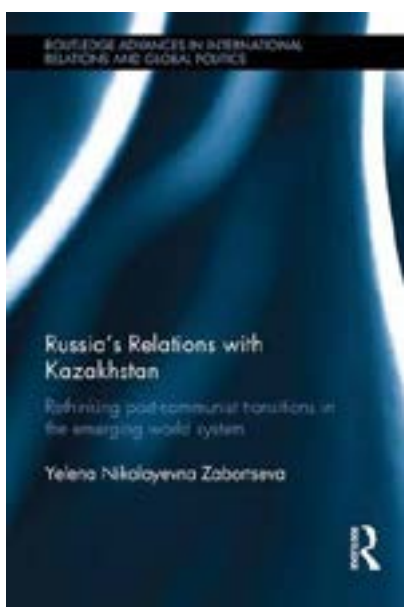
Автор приходит к выводу, что в результате у центральноазиатских государств сформировалась многовекторная внешняя политика, возводящая маневрирование между основными центрами влияния – Евросоюзом, Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Японией и др. – в ранг стратегии. Кроме того, две наиболее крупные страны Центральной Азии, Узбекистан и Казахстан, борются за место регионального лидера. Три их малых соседа не могут позволить себе игнорировать амбиции Ташкента и Астаны. Д.Тренин делает вывод, что в этих условиях России необходимо проводить в Центральной Азии дифференцированную политику, отвечающую ее собственным конкретным интересам. «Ностальгический» курс, нацеленный на сохранение региона в сфере влияния Москвы, обречен на провал. Кроме того, России следует задействовать потенциал мягкого влияния, чтобы повысить свою привлекательность в глазах народов Центральной Азии.



Грозин А.В. Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и интересы России. Этносоциальная и экономическая политика республик Средней Азии и российские геополитические интересы. – Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2014. – 152 с.

Книга представляет собой очерки актуальной для того времени ситуации в постсоветских республиках Центральной Азии – Узбекистана (этой стране в силу её значимости уделено особое внимание), Таджикистана и Туркмении. Анализируются сложные, скрытые от иностранных экспертов внутриэлитные отношения в Средней Азии. Указывается, что на ухудшающуюся ситуацию вокруг проблемы безопасности региона оказывает влияние ряд факторов, ведущими из которых в кратко-

и среднесрочной перспективе будут сокращение присутствия Запада в Афганистане и «фактор Узбекистана» – многочисленные проблемы внутри республики, неопределенность внутриэлитной ситуации. Работа, созданная в 2011 г. изданная Фондом Фридриха Эберта на русском и английском языках в 2014 г., не утратила своей актуальности к середине десятилетия. Прошедшее после её написания время подтвердило значительную часть прогнозов автора. Очевидно, что и другие, ориентированные на более отдаленную перспективу оценки, приведенные в монографии, являются обоснованными. В условиях кардинального изменения геополитической картины мира, нарастания нетрадиционных вызовов мировой стабильности выглядит насущно необходимой выработка новых, основанных на сугубо прагматических основаниях, подходов России к отстаиванию национальных интересов в конфликтогенных зонах Евразии.



Zabortseva Y.N. Russia's Relations with Kazakhstan. – New York, London: Routledge, 2016. – 258 p.

Елена Заборцева (Университет Сиднея, Австралия), наш земляк и уроженка Алма-Аты посвятила свое исследование отношениям России с Казахстаном, но фактически – положению русского (русскоязычного) населения в постсоветском Казахстане. Автор исходит из того, что сам принцип строительства национально-центричного общества не имеет под собой никакой негативной основы. Подавляющее количество мировых государств являются монокультурными, и такая модель вполне гармонично вписывается в их естественное развитие. Автор исследует также отношения между РФ и РК в контексте общих союзнических отношений в рамках ОДКБ, ШОС и ЕАЭС. В этом контексте роль Казахстана как партнера для России и в целом в международных делах существенно возрастает.

Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. А.А. Казанцев, И.Д. Звягельская, Е.М. Кузьмина, С.Г. Лузянин. Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2016. – 52 с.

Работа наших российских коллег «Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии», выпущенная под эгидой Российского совета по международным делам, уводит нас в сферу международной политики.

Цель издания, как отмечают сами авторы, обозначить возможности сотрудничества России и Китая в регионе Центральная Азия, проанализировав интересы двух государств в их соотношении с интересами самих центральноазиатских государств, а также риски и вызовы безопасности, нарастающие в регионе и способные воспрепятствовать реализации проектов экономического развития – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП).

В работе также освещаются вопросы экономических интересов и экономического присутствия России и Китая в регионе, сопоставляются их возможности в сфере обеспечения безопасности. Особое внимание уделяется возможностям сотрудничества двух держав по реализации сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Кроме того, авторы предлагают ряд перспективных форматов и областей сотрудничества, отвечающих интересам как России и Китая, так и в первую очередь интересам самих центральноазиатских государств. Конкретные стратегии разных стран Центральной Азии по отношению к различным интеграционным проектам (ЕАЭС), международным организациям (ШОС, ОДКБ) и инициативам, направленным на усиление международного сотрудничества (китайская инициатива Экономического пояса Шелкового пути), существенно отличаются.

Так, Казахстан и Кыргызстан максимально открыты для международного сотрудничества со всеми великими державами, в том числе, с Россией и Китаем, которые официально отнесены к числу наиболее важных внешних партнеров. Узбекистан и, особенно, Туркменистан, относятся к противоположной группе. Они предпочитают интеграционным международным структурам и вообще многостороннему сотрудничеству в рамках международных организаций взаимодействие на двусторонней основе.

Таджикистан занимает промежуточное положение между этими двумя группами. Он не входит в ЕАЭС, но входит в ОДКБ и ШОС. Таким образом, сложность внутрирегиональных проблем отражается на многослойной и фрагментированной структуре взаимодействия государств Центральной Азии как между собой, так и с внешними партнерами. В настоящее время сотрудничество России и Китая в Центральной Азии приобрело особую актуальность в связи с ростом обозначенных угроз и вызовов безопасности. Подходы России и Китая к ситуации в Центральной Азии весьма сходны: оба государства рассматривают имеющиеся возможности исключительно в прагматических категориях, не затрагивая вопросов внутренней политики государств региона и особенностей их политических режимов.

Авторы исходят из того, что для сотрудничества России и Китая в Центральной Азии чрезвычайно важно, что обе страны имеют во многом

совпадающие и гармонично согласующиеся стратегические и геополитические интересы. Во-первых, обе стороны заинтересованы в противодействии росту нетрадиционных угроз безопасности. Для России это особенно важно, поскольку эти угрозы носят трансграничный характер. Во-вторых, Россия и КНР не заинтересованы в усилении влияния в регионе потенциально враждебной им третьей силы. Пекин в стратегическом плане считает Центральную Азию и постсоветское пространство в целом достаточно надежным тылом для реализации своей политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Москва же воспринимает страны региона как союзников по ОДКБ или как нейтральные государства в плане обеспечения баланса сил с НАТО на европейском театре. Экономические интересы России и КНР в Центральной Азии традиционно носят более конкурентный характер, чем отношения в области политики и стратегии. Россия заинтересована в реинтеграции постсоветского пространства на новой экономической основе. С момента распада СССР Китай проявил заинтересованность в доступе к центральноазиатским ресурсам, налаживании эффективного торгово-инвестиционного взаимодействия со странами региона, формировании мощной транспортной и трубопроводной инфраструктуры, как транзитной, так и соединяющей регион с КНР.

Авторы проекта предлагают ряд принципов, на которых должно базироваться сотрудничество РФ и КНР в регионе. Важным принципом сотрудничества должно быть комплексное понимание взаимосвязи проблем безопасности и политической стабильности с проблемами социально-экономического и культурного развития. Основным критерием эффективности сотрудничества Москвы и Пекина в Центральной Азии может быть только содействие странам региона в обеспечении экономического развития и социально-политической стабильности.

По мнению авторов, сегодня исламисты угрожают государствам Центральной Азии сразу с двух направлений – афганского и ближневосточного. Именно в этом заключается принципиальная новизна ситуации для региона. Очевидно, что правящим элитам стран Центральной Азии придется искать формулу сосуществования с политическим исламом. Основными составляющими такой формулы должны быть пресечение влияния внешних экстремистских структур, «национализация» местного ислама, создание условий для легальной (и контролируемой) политической деятельности исламских партий и организаций. Вызов с Ближнего Востока представляется преимущественно идеологическим. Это во многом затрудняет выбор средств реагирования на него.

Авторы отмечают, что у России и Китая есть конкурирующие интересы в экономике региона. Но если в нефтегазовой сфере (порядка 58–62 млрд

долл. к 12 млрд долл.) и горнодобыче китайские компании представлены значительно шире, чем российские, то в гидроэнергетике и нефте- и газо-переработке их участие сопоставимо. В торговле с регионом Китай существенно опережает Россию: 32,6 млрд. долл. против 20,8 млрд. долл. в 2015 г. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями. Однако производственное сотрудничество со странами региона пока незначительно.

По мнению исследователей, к областям, в которых интересы России и КНР не пересекаются, относится в первую очередь трудовая миграция. Вторая сфера, в которой интересы двух стран не пересекаются, – поставки вооружений. Здесь Россия играет доминирующую роль. Третья – региональная транспортная инфраструктура, в которую Китай вкладывает значительные средства. Россия предпочитает модернизировать и строить новые дороги на своей стороне границы с Казахстаном. Четвертая сфера – машиностроение. Китай стал крупнейшим инвестором в регионе. Китайцы не только приобретают товары и сырье, традиционно вывозившиеся в Россию, но и конкурируют за рынки сбыта с российскими предприятиями.

Приток в Центральную Азию финансовых ресурсов из Китая, с одной стороны, способствует развитию инфраструктуры, поддержанию социально-экономической стабильности, но с другой – ставит страны региона перед целым рядом вызовов, таких как консервация ресурсной структуры экономики, снижение стимулов к экономической модернизации и т.д. За последнее десятилетие Россия ослабила свои экономические позиции в Центральной Азии. В настоящее время Россия и Китай имеют в Центральной Азии сопоставимые позиции в экономическом плане. Это еще больше повышает ответственность двух держав за укрепление экономики и социальной сферы стран региона, стимулирует их сотрудничество в обеспечении развития.

В работе делается вывод, что в рамках инициативы «Шелкового пути» китайское руководство попытается создать в Евразии большую международно-экономическую «нишу», куда можно будет «вкладывать» практически все проекты, планируемые во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах КНР, – от транспортных до гуманитарных и туристических. Без взаимодействия ЕС и ЕАЭС велика вероятность того, что многие ключевые китайские проекты сопряжения ЭПШП и ЕС, включая транспортные, будут реализованы в обход территории Российской Федерации, которая упустит возможность получения экономической выгоды и утратит шанс реализации своего транзитного потенциала.

Россия особенно нуждается в преодолении пространственных дисбалансов экономического развития. Началом российско-китайского сотрудничества в этой сфере стали совместный проект строительства скоростной железной дороги Москва – Казань и планируемая модернизация Транссибирской магистрали, включая казахстанский и китайский участки. Ключевым элементом взаимного интереса России, КНР и центральноазиатских государств в плане совершенствования транспортной инфраструктуры заключается в развитии северной ветки Северного маршрута, который должен соединить Китай и ЕС через территорию России и Центральной Азии.

Ухудшение ситуации в области безопасности может поставить под удар стратегические планы. Китая по осуществлению проекта ЭПШП. В этой связи авторы предлагают целый комплекс из 12 шагов в направлении развития сотрудничества России и Китая. Эти шаги следующие:

1. Сформировать институты сотрудничества, направленные на преодоление асимметрии ЕАЭС и ЭПШП. ЕАЭС как международная организация мог бы взять на себя координацию двустороннего партнерства входящих в него государств с КНР через механизмы согласования промышленной и транспортной политики, политики в сфере регулирования рынков труда и т.п.

2. Расширить сотрудничество ЕАЭС и Китая в сферах науки, образования и высоких технологий. Поэтому, необходимо расширять взаимодействие в образовании на базе крупнейших вузов России и Китая с участием партнеров из государств-членов ЕАЭС и ШОС.

3. России и ЕАЭС необходимо широко подключать свои финансовые институты к финансированию совместных проектов.

4. Поддержать российский экспорт в страны Центральной Азии. В этой связи целесообразна разработка механизмов предоставления государственных гарантий российскому бизнесу и страхования его политических и экономических рисков в Центральной Азии.

5. Ускорить реализацию совместных российско-китайских транспортных проектов. Исходя из этого, необходимо проработать вопрос создания не только широтных, но и меридиональных транспортных коммуникаций (железные дороги и речной флот), которые позволят более эффективно использовать возможности Северного морского пути.

6. Координация политики в сфере трудовой миграции и реализации совместных инвестиционных проектов. Предлагается создать в рамках ШОС консультативную многостороннюю структуру с участием России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана по комплексному решению проблем трудовой миграции. Совместные транспортные, промышленные

и иные проекты ЭПШП и ЕАЭС должны быть нацелены и на создание новых рабочих мест в странах региона.

7. Наладить прагматичный диалог в треугольнике ЕС-ЕАЭС-Китай по вопросам формирования общеевразийской инфраструктуры и транспорта, свободы передвижения товаров, капиталов, людей и услуг. Тем самым, целесообразно проработать возможность подписания трехстороннего документа с сотрудничеством между ЕС, ЕАЭС и ШОС.

8. Согласовать стратегии России и Китая в сфере безопасности в Центральной Азии. В сфере поддержания безопасности в Центральной Азии роль России существенно превосходит роль КНР. Согласование общего списка террористических организаций, обмен информацией по линии спецслужб с рекрутированием, переправке боевиков в Афганистан и на Ближний Восток, об их финансировании относятся к комплексу неотложных антитеррористических мер. Основным форматом для активизации сотрудничества на этом направлении должна стать ШОС.

9. Усилить совместную борьбу с угрозой распространения нестабильности с территории Афганистана. В этом контексте необходимо расширить взаимодействие ШОС и ОДКБ в противодействии взаимосвязанным вызовам безопасности.

10. Противодействие распространению идеологии радикального ислама. Противодействие экстремизму возможно, отмечается в докладе, во-первых, через исламское образование, во-вторых, через светское образование, просвещение местных обществ, их ознакомление с мировой культурой. 11. Координация работы с гражданским обществом в Центральной Азии. Цели такого сотрудничества – преодоление рисков социальной дестабилизации и вызовов безопасности, исходящих от международного терроризма, профилактика этнических конфликтов, формирование общего и целостного представления с регионе Центральной Евразии и возможностях, возникающих в результате регионального сотрудничества. 12. Активизировать сотрудничество экспертов России, КНР и государств Центральной Азии. России и Китаю целесообразно создать постоянную экспертную площадку для диалога по вопросам сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, где эксперты могли бы обсуждать текущие задачи в разных сферах – от инфраструктурных проектов до гуманитарного сотрудничества.

Таким образом, заключают авторы, если сторонам удастся правильно ими воспользоваться, появится возможность нейтрализовать рост трансграничных угроз безопасности в регионе, что является необходимым условием для обеспечения поступательного экономического развития всех участников сопряжения евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути.

Савин И. С. Россия и обеспечение безопасности в Центральной Азии (на примере эволюции экспертного мнения в Кыргызстане, Российской Федерации и Таджикистане в 2013-2019 гг.). Отв. ред.: Кадырбаев А.Ш. Институт востоковедения РАН. – Москва: ИВ РАН, 2019. – 240 стр.

Экспериментальная по своему характеру работа объединяет в себе методы политологии, политической антропологии и социологии. Автор прослеживает эволюцию развития экспертного мнения в России и двух странах региона на основе более чем 60 интервью взятых у экспертов в два этапа: в 2013 и 2019 годах. Среди экспертов, которым задавались одни и те же вопросы с интервалом в 6 лет, были сотрудники научных, экспертных и государственных организаций, активисты общественных движений, неправительственных инициатив, журналисты. Это позволяет рассматривать взятые у них интервью в качестве источника для более углубленного анализа процессов формирования экспертных мнений и, шире, политических решений в разных странах.

1.7. Геостратегия Китая в Центральной Азии

В рамках изданий Института Центральной Азии и Кавказа (ИЦАК) творческий тандем Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза подготовил фундаментальную монографию «Китай как сосед: центральноазиатские стратегии и перспективы».²⁸ В основу концепции своей книги авторы закладывают следующий тезис: с 2000 г. Китай начинает играть все более значительную роль в Центральной Азии, и к сегодняшнему дню он достиг такого положения, с которого вполне способен угрожать традиционному доминированию России в этом регионе.

КНР в отношении ЦА долгое время проводила традиционную китайскую политику – «ждать и наблюдать». В целом Пекин долго рассматривал регион как буферную зону. Но географическая близость и новые экономические реалии, похоже, подталкивают Китай к изменению статус-кво. Это почувствовали на себе все страны региона, в отношении которых Пекин осуществляет гибкую дипломатию и проводит политику «мягкой силы» и которым в один прекрасный момент было дано понять, что их не рассматривают в качестве равных партнеров. Только Казахстан располагает особым статусом, зафиксированным в редко даруемом Китаем кому-либо титуле «стратегического партнера».

²⁸ Laruelle M., Peyrouse S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 201 p.

Далее авторы останавливаются на т.н. «китайском вопросе». По их мнению, этот вопрос имеет много измерений. Первое относится к международной системе отношений и геополитике. Другое измерение имеет внутренний характер: данная проблематика используется в зависимости от контекста внутривластной ситуации в каждой стране. В разных республиках ЦА сформировалось различное видение «китайского вопроса». Для трех государств региона он не имеет такого острого цивилизационного и геополитического контекста как для Казахстана и Киргизии. Кроме того, Китай, сам того не желая, спровоцировал резкую эволюцию академической синологии в сторону политических и международных отношений.

Основным смыслом и целью стратегии Китая является заполнение экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР. Впрочем, этот относится не только к Центральной Азии. Региональная стратегия КНР тесно связана с фактором Синьцзяна, уйгурской проблемой и т.д. На уровне методов и средств Китай пытается привязать к себе своими инвестициями страны региона, но авторы выражают глубокие сомнения в успехе долгосрочной экономической экспансии КНР. Тем не менее, Китай успешно ведет себя в тех сферах, где отсутствие России очевидно, это финансы и банковская сфера. Из последних сил Москва удерживает контроль над экспортом углеводородов, атомной промышленностью и электроэнергетикой. Но на геополитическом уровне Москва и Пекин находят много общих точек соприкосновения: оба заинтересованы в стабильности в регионе и сокращении западного влияния. Однако на экономическом уровне интересы обеих держав уже начинают приходить в столкновение. В первую очередь это относится к конкуренции за подземные ресурсы.

Отдельную главу Льюриэль и Пейруз посвятили состоянию политических, политологических и общественных взглядов в странах региона на фактор Китая. Особое внимание и наибольшее место уделено борьбе антикитайских и прокитайских групп в Казахстане. Диспуты между этими группами достаточно подробно рассматриваются в академическом, политическом и экономическом разрезах. Следует отметить, что в книге содержится значительный по своему объему и глубине анализа экскурс в историю, развитие и состояние аналитических мозговых центров в странах региона в контексте их интерпретаций политики КНР и отношения к Китаю.

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что в течение последнего десятилетия Китай стал ключевым, если и не напрямую, объектом анализа со стороны региональных политиков, политологов, СМИ и общественного мнения. Так называемый китайский вопрос превратился в предмет острейших политических дебатов и внутри-

политической полемики. Несмотря на сохраняющееся предубеждение к Поднебесной среди элит и политических кругов региона, никто сегодня не может в открытую выражать антикитайские взгляды. В экономике, где напрямую интересы различных групп зависят от происхождения внешнего инвестора или партнера, антикитайские и прокитайское размежевание более очевидно, хотя и тщательно скрывается. На уровне силовых структур и секретных служб подозрения в адрес Китая крайне живучи и, по-видимому, поощряются сверху.

Они обращают внимание на то, что отношение к Китаю в разных республиках региона различное. В Казахстане в целом преобладают антикитайские настроения, в то время как в Таджикистане и Киргизии – больше прокитайские (крайне спорное наблюдение в отношении Киргизстана). Авторы еще раз обращают внимание на попытки центральноазиатских стратегов и политиков выработать некий «третий путь», который – путем ли альянса с Западом или через создание самостоятельного, относительно мощного регионального объединения – избавит регион от необходимости выбирать между Пекином и Москвой. Но и внутри региона нет единства мнений на отношения с КНР.

Французские ученые вполне справедливо обращают внимание на следующий феномен (в основном на казахстанском материале): Россию в регионе могут критиковать, Запад – не любить, но Китай – ненавидеть. Авторы поражает уровень синофобии в регионе, главной причиной которой, по их мнению, является просто элементарное незнание своего соседа. Таким образом, приходят к выводу авторы, можно заключить, что чем дальше страны ЦА находятся от КНР, тем выше уровень релевантности к Народной Республике. И наоборот, в Казахстане и Киргизстане, где китайское присутствие является повседневной реальностью, соответственно выше и уровень синофобии.

Французские исследователи отмечают, что Китай ведет тонкую игру в регионе. Пекин вовсе не стремится вытеснить Россию из ЦА в качестве гаранта безопасности региона. Наоборот, Китай вполне устраивает, что Москва несет основные финансовые расходы за поддержание стратегического баланса в регионе. Однако, если в один прекрасный момент Пекин поставит своей целью вытеснение Москвы с первых ролей в регионе, он может натолкнуться на ожесточенное сопротивление со стороны России. Но Китай ведет политику с упором на двусторонние отношения, что не позволяет центральноазиатским государствам и России выстраивать единый фронт в переговорах с КНР (как в случае с трансграничными реками).

Настоящей проигравшей стороной в результате российско-китайского альянса являются не государства региона, а США и ЕС. Этот альянс не

дает возможности развивать в регионе процессы демократии и либерализации местных режимов. Но не только это. Китай, где потенциально, а где уже реально, своим присутствием не оставляет шанса западному бизнесу закрепиться в регионе. При этом Пекин ловко маскирует свою политику по сдерживанию Запада, оставляя Москве играть неблагоприятную роль антизападной силы в регионе. В завершении Ларюэль и Пейруз твердо констатируют, что истинные интересы стран Центральной Азии твердо требуют присутствия в регионе третьей силы, которая могла бы выступить (в интересах самих стран ЦА) сдерживающей и уравнивающей силой в противовес российско-китайскому альянсу.

Не могла современная российская историография обойти вниманием такую важную проблему как отношения государств региона с Китаем, который с каждым годом оказывает все большее влияние на развитие региона. Это монография наших российских коллег С.Жукова и О.Резниковой из Института мировой экономики и международных отношений РАН, озаглавленная «Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации».²⁹

По мнению российских авторов, только глобальный контекст является релевантной рамкой анализа, позволяющей раскрыть и оценить содержание и направление процессов, набирающих силу в связке Китай – Центральная Азия. Восходящая мировая держава является одним из самых активных участников процесса реконфигурации центральноазиатского экономического пространства. Опираясь на свои рыночные и нерыночные конкурентные преимущества, а также умело используя глобальные и региональные механизмы сотрудничества, главным образом Всемирную Торговую Организацию и в возрастающей степени Шанхайскую Организацию Сотрудничества, КНР объективно направляет вектор экономической перестройки центральноазиатского региона в целях решения приоритетных проблем своего национального развития. Центральноазиатские, как и все евразийские экономики, сталкиваются с принципиальным вызовом – ни одна из них не в состоянии составить конкуренции Китаю в отраслях вне сырьевого сектора, что накладывает жесткие ограничения на перспективы и структуру их экономического роста.

Авторы находят основания для вывода о том, что СУАР быстро превращается в ведущий центр экономической активности «Большой Центральной Азии». В настоящее время этот находящийся в процессе бурного формирования региональный макрорегион включает сам Синьцзян, Казахстан, Кыргызстан, некоторые близлежащие области России и до некоторой

²⁹ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 179 с.

степени Таджикистан. В орбиту влияния этого региона может быть втянут Туркменистан и, хотя и в меньшей степени, Узбекистан. Этот процесс проявляется как прямо, через создание взаимодополняемых с центральноазиатскими экономиками экономических структур, так и косвенно по причине того, что автономный район обеспечивает Центральной Азии выход на большой Китай. Возрастающая роль СУАР в качестве ведущего центра экономической активности в «Большой Центральной Азии» осязаемо представлена в потоках товаров, инвестиций, строительстве трансграничных дорожно-транспортных инфраструктур. Они подчеркивают, что такое развитие стало возможным только потому, что СУАР функционально выполняет роль транзитного моста между Центральной Азией и развитыми центральными и южными провинциями Китая, а также, потому что центральное правительство КНР продолжает перераспределять в пользу Синьцзяна масштабные экономические ресурсы.

Российские исследователи обращают внимание на такой факт, что для КНР экономическое сотрудничество с Центральной Азией во многом является побочным продуктом решения крупной задачи национального развития – обеспечить ускоренный подъем западных районов страны. По мнению авторов, Казахстан стратегически важен для Китая и в качестве транзитного государства для импорта энергоносителей из других центральноазиатских стран. Эксперты полагают, что Казахстан намеренно подключил китайскую сторону к обсуждению региональных газовых проектов, рассчитывая тем самым добиться определенных уступок со стороны России.

В концентрированном виде выводы к книге сформулированы авторами в следующем виде: во-первых, экономическое взаимодействие КНР и Центральной Азии в ближайшем десятилетии будет развиваться быстрыми темпами. Такой ход событий отражает глобальную тенденцию: Китай продолжает превращаться в мощный экономический центр современного мира. Во-вторых, притом, что потоки товаров, услуг, инвестиций и технологий по линии Китай – Центральная Азия будут нарастать, в силу несопоставимости масштабов экономик значимость экономических связей для участников этого процесса является резко асимметричной. В-третьих, главные экономические интересы КНР в Центральной Азии по объективным причинам завязаны на экономического лидера региона – Казахстан.

В-четвертых, как другие центры глобальной экономической мощи, Китай заинтересован практически исключительно в природных ресурсах Центральной Азии, в первую очередь нефти Казахстана и природном газе Туркменистана. В-пятых, для политического сопровождения своих экономических интересов в Центральной Азии (хотя и не только по этой

причине) Китай пошел на создание Шанхайской организации сотрудничества. Механизмы многосторонней дипломатии и риторики позволяют КНР обеспечить «мягкое обволакивание» Центральной Азии в неконфронтационном режиме. В-шестых, растущий внутренний спрос в КНР на практически всю группу сырьевых товаров закрепляет превращение Центральной Азии в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики.

Таким образом, российские ученые, резюмируют, что адаптация к экономическому возвышению Китая представляет собой центральный вызов для центральноазиатского региона. Особенно обращают внимание авторы на такой факт: нарастающее экономическое взаимодействие в связке КНР – Центральная Азия напрямую затрагивает интересы России. Поэтому авторы апеллируют к руководству своей страны, настоятельно рекомендуя последнему учитывать опыт экономического взаимодействия Центральной Азии с КНР при формулировании долгосрочных целей национального развития России.

Европейские исследователи Р.Пантуччи и А.Петерсен исходят из того, что Китай, возможно, и не стремится построить империю в Центральной Азии, но это единственная держава, действующая здесь комплексно и с расчетом на долгосрочную перспективу. Некоторые американские стратеги, в частности Роберт Каплан, писали, что возможная холодная война с Китаем будет менее обременительной, чем советско-американская, поскольку для нее потребуются лишь военно-морская составляющая. Но при этом упускается из виду огромная территория Центральной Азии, где Китай укрепляет свои позиции, нежданно-негаданно превращаясь в империю.³⁰

Эксперты отмечают, что на протяжении большей части своей истории Китай экономически был сугубо сухопутной державой. И сегодня подъем Китая в геополитическом смысле ярче всего проявляется на суше – в Евразии, вдали от мощи Тихоокеанского флота США и от тихоокеанских союзников Вашингтона, а также вдали от сферы влияния других азиатских держав, таких как Индия. Поэтому западным политикам следовало бы стряхнуть пыль со старых работ сэра Х.Маккиндера, который утверждал, что самым важным из всех географических регионов планеты – осью мира – является Центральная Азия (а не те регионы, которые выделял великий стратег морской мощи США А.Мэхэн). Чтобы правильно понять процесс геополитического и стратегического восхождения Китая, Соединенным Штатам следует обратить больше внимания на растущее китайское присутствие в Центральной Азии.

³⁰ Пантуччи Р., Петерсен А. Народная республика превращается в империю // Pro et Contra (МЦК). 2013. № 1-2. С. 58-69.

Пока нет уверенности, что сам Китай в полной мере сознает масштабы воздействия этой своей региональной деятельности по перестройке Центральной Азии и правильно оценивает отношение к ней здешних государств. Влияние России в этом регионе сегодня проходит отметку исторического минимума, да и позиции США не кажутся незыблемыми – во всяком случае в Центральной Азии широко распространено мнение, что американцы в стратегическом плане уйдут из этого региона, как только из Афганистана будет выведена большая часть войск. Так что Китай неизбежно превращается в империю.

Деятельность Китая в Центральной Азии естественно привлекает внимание исследователей и к ШОС. Это единственная региональная организация, созданная и возглавляемая Китаем, что лишний раз подчеркивает важность для Пекина этого региона, примыкающего к Китаю на западе. Они заключают, что ШОС сильно недостает институционального потенциала, но она постепенно превращается в самую представительную и авторитетную международную организацию в Центральной Азии и без лишнего шума расширяет свое геополитическое влияние.

Таким образом, заключают аналитики, в долгосрочной перспективе самопроизвольное образование Китайской империи в Центральной Азии будет иметь геополитические последствия с точки зрения американского и вообще западного влияния в этом (по Маккиндеру – важнейшем) геополитическом регионе планеты. Если в своей китайской политике Вашингтон будет уделять внимание в основном Азиатско-Тихоокеанскому региону, он может не только упустить из виду более серьезное направление укрепления глобальной мощи Китая, но и обнаружить, что развивать отношения со странами Центральной Азии стало гораздо сложнее. Если другие государства тоже будут держаться в стороне от здешних дел, мягкий захват Китаем Центральной Азии с вытеснением Соединенных Штатов станет не только непроизвольным, но и неизбежным.³¹

Политику КНР в регионе затрагивает также коллективное исследование «Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии».³² Данное исследование выполнено в рамках совместного исследовательского проекта Женевского центра по демократическому

³¹ См. также: *Boulègue M.* Xi Jinping's Grand Tour of Central Asia: Asserting China's Growing Economic Clout. – Washington: Central Asia Economic Paper No. 9. October 2013. – 7 p.

³² *The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia's Security Challenges.* – Almaty, Minsk, Geneva: DCAF, 2013. – XI+160 pp. Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии. Под ред. А.А. Розанова; Женевский центр по демократическому контролю над вооруженными силами, Центр изучения внешней политики и безопасности, факультет международных отношений БГУ. – Минск / Алматы / Женева, 2012. – 194 с.

контролю над вооруженными силами (DCAF) и Центра изучения внешней политики и безопасности (ЦИВПБ) в Минске. ШОС уже заняла свою собственную нишу в системе международных отношений в Евразии, постепенно расширяет сферу своей деятельности, наращивает активность по многим направлениям сотрудничества. Особенностью этого проекта является рассмотрение создания и деятельности ШОС как опыта противоречивого, конкурентного взаимодействия и сотрудничества Китая и России в попытке поддерживать и укреплять статус-кво в Центральной Азии. Центральной проблемой продолжает оставаться вопрос безопасности в регионе, где ШОС пытается стать одним из важнейших элементов складывающейся системы международного взаимодействия. В целом авторы приходят к единому мнению о сравнительно «скромной» роли ШОС в Евразийской архитектуре безопасности, неполной реализации ее потенциала в этой сфере.

Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М.: Международные отношения, 2013. – 192.

Книга известного в Белоруссии политолога-международника (в прошлом – опытного советского дипломата) Александра Мухтаровича Байчорова, изданная в Москве и посвященная современному Китаю, не оставит равнодушным никого, кто занимается изучением КНР и ее роли в современной геополитике. В своей работе «Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке» А.Байчоров исходит из того, что в XXI веке ни одна страна не привлекала к себе такого пристального внимания как Китай.

В исторически короткие сроки он прошел путь экономического развития, на который большинству современных передовых стран потребовались столетия. С каждым годом увеличивается его влияние на мировую экономику и политику. Если раньше это влияние проистекало из растущей доли КНР в мировой торговле и ВВП, то во втором десятилетии XXI века эффективно используя процессы глобализации для своего экономического подъема, Пекин начал проводить политику перестройки мировых реалий в соответствии с китайскими интересами.

Автор исходит из того, что последнее пятилетие доказало, что Пекин научился поддерживать темпы экономического роста даже в условиях сокращения покупательной способности западных рынков. Во-первых, была разработана система государственных мер по поддержанию и поощрению отечественных экспортеров. Во-вторых, экономика была подстегнута ростом собственных, как государственных, так и частных инвестиций.

В-третьих, внедрена национальная система стимулирования внутреннего спроса. Вышеназванные, а также ряд других мер позволили Пекину сохранить впечатляющие темпы экономического роста даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и связанного с ним сужения экспортных рынков и сокращения притока иностранных инвестиций.

Исследователь приходит к выводу, что крупнейшие игроки на мировой арене – США, Евросоюз, Япония, Россия – выстраивают свои внешнеполитические приоритеты с учетом китайской позиции по основным международным вопросам. Пекин все чаще и активнее переходит в своей внешней политике от методологии реагирования на изменяющиеся внешние обстоятельства к методологии формирования самих этих обстоятельств.

Структура и последовательность изложения в книге такова: в первой главе оцениваются факторы, вызвавшие к жизни «политику открытости и реформ», рассматривается использование Китаем мировых процессов глобализации для обеспечения собственного экономического роста, показаны особенности экономического развития после присоединения Китая к ВТО, анализируются первые попытки руководства страны увеличить зарубежные китайские инвестиции, задуматься над ролью внутреннего потребления в дальнейшем экономическом развитии страны.

Во второй главе подробно рассматривается политика Пекина по преодолению последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., оцениваются действия китайского правительства по дальнейшему социально-экономическому развитию страны в посткризисный период (2010–2013 гг.). Автор показывает, как попытки китайских властей изменить экспортно-импортную политику в теоретически правильном направлении разбиваются с сложившиеся внутренние и международные реалии.

По мнению автора, произошло слияние партийной и государственной бюрократии. Основным мотивом ее деятельности стала не борьба за воплощение в жизнь социалистических идеалов, а защита и продвижение национальных интересов в политической, экономической, гуманитарной и других областях. Китайская партийно-государственная бюрократия формирует сегодня внутреннюю и внешнюю политику, исходя из чисто прагматических подходов без оглядки на прежние идеологические и культурологические стереотипы.

А.Байчоров отмечает, что в отличие от западных экспертов российские исследователи настроены более оптимистично в отношении возможности реформирования политической системы КНР. Они признают, что присутствие безличного общественного закона никогда не входило

в кодекс обязательных условий функционирования китайской культуры, которая благословляла подчинение иерархии. Предполагалось, что в иерархической системе работают разумные люди, владеющие искусством мудрого управления. В этих традициях авторитарная власть должна создавать условия для либерализации экономики. По мере развития либеральной экономики постепенно происходят изменения и в самой структуре авторитарной власти.

Автор делает вывод, что в КНР реально управляет современная образованная элита, состоящая преимущественно из представителей высшего партийного и государственного аппарата. В этом плане к политической системе Китая вполне применима формула меритократии.

В третьей главе речь идет с главных вызовах, с которыми столкнулась сегодня КНР: необходимость осуществления структурных экономических реформ, проведение реформы политической системы и борьба с коррупцией, преодоление разрыва в индивидуальных доходах, а также в доходах между городом и деревней, между внутренними и приморскими регионами, борьба с загрязнением окружающей среды. Показано, что в КНР также сформировался целый ряд социальных рисков, способных поставить под угрозу поступательное развитие страны. Наиболее серьезные среди них – это риски, связанные с демографической ситуацией и социальной нестабильностью.

В Пекине (как и в Москве), считает автор, особо важное значение придают усилению роли и международного влияния БРИКС. По мысли китайских стратегов, входящие в группировку пять стран, занимающих 30 % суши, представляющих 45 % населения Земли и 45 % мирового ВВП, способны в ближайшем будущем бросить реальный вызов существующему 200 лет американско-европейскому господству в мире.

Впечатляющий экономический рост Китая за последнее десятилетие, проводимая модернизация его вооруженных сил и ракетно-ядерного потенциала вызывают растущее беспокойство не только у стран-соседей, но и великих держав мира. Китайское руководство пытается ослабить эти опасения. Руководители Китая принимают участие в двусторонних и всех многосторонних встречах со странами АСЕАН, проявляют активность во всех региональных объединениях в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Четвертая глава посвящена конкретным событиям, вызвавшим всплеск национального патриотизма в Китае (наряду с более фундаментальными факторами, такими как успехи в экономическом развитии, преодоление последствий мирового финансово-экономического кризиса, модернизация китайских вооруженных сил). Здесь также содержится анализ тенденций перехода ко все более активной и сильной внешней политике,

особое внимание уделено политике Пекина в отношении Тайваня, КНДР, Японии, Евросоюза, отмечается усиление китайских позиций в Азии, Африке, Латинской Америке.

Исследователь обращает внимание на следующий факт. В своей глобальной политике КНР не спешит объявлять себя экономически развитой страной. И экономически, и политически Пекину пока выгодно оставаться развивающимся государством, добровольно возложившим на свои плечи роль лидера «третьего мира». Пекин не афиширует своих геостратегических амбиций, стараясь всегда и везде подчеркивать главенствующую роль ООН в международных отношениях.

В последние годы Пекин неоднократно демонстрировал (например, в территориальных спорах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях), что готов проводить для поддержания своих требований даже политику балансирования на грани войны. Возможно, это связано также с необходимостью переключать внимание народа на внешнюю угрозу в ситуации, когда руководству страны не удастся быстро нейтрализовать массовое недовольство, вызванное внутренними проблемами. По всему видно, делает вывод ученый, что новое руководство КНР готово открыто использовать мобилизационный потенциал патриотизма и национализма для сплочения народа вокруг КПК с целью противостояния накопившимся социальным рискам и вызовам.

В пятой главе анализируются тенденции в китайско-американских отношениях в 2006–2013 гг. Через призму механизма двусторонних диалогов показано влияние различных факторов на становление «самых важных двусторонних отношений в мире». Дается оценка концепции «большой двойки» (G-2). Рассматривается объективно сложившаяся экономическая взаимозависимость КНР и США и ее влияние на политические позиции Пекина и Вашингтона.

Автор отмечает, что в МИД КНР полагают, что новый диалог между КНР и США должен отличаться от предыдущих по следующим параметрам: 1) аналогичные механизмы, созданные ранее, предназначались для преодоления возникших разногласий в определенном экономическом секторе, новый диалог замышлялся как именно «стратегический», то есть должен был служить «системой раннего оповещения» с возможным возникновении будущих проблемных ситуаций в американо-китайских экономических отношениях; 2) новый диалог должен был не подменять, а дополнять существующие двусторонние диалоги и консультационные механизмы.

Автор разделяет точку зрения, что вероятность возникновения вооруженного конфликта между США и Китаем сегодня чрезвычайно мала.

Причем по мере роста экономического могущества и военной силы Китая эта вероятность будет снижаться, а стратегическая конкуренция между двумя странами будет возрастать. Объединение потенциалов США и ЕС способно создать мощный противовес растущей экономической мощи КНР. Даже при существующих темпах экономического роста Пекину будет трудно превзойти общий объем ВВП США и ЕС. В Брюсселе и Вашингтоне рассчитывают, что при иной глобальной конфигурации Западу все-таки удастся сохранить господствующие позиции в мировой экономике и продолжать диктовать свои условия в сфере международной торговли и валютно-финансовой политики.

В главе шестой подробно рассматривается развитие китайско-российских отношений в 2006–2013 гг.: решение вопроса с демаркации границы, торговое и инвестиционное сотрудничество, военно-техническое сотрудничество; анализируются предрассудки и стереотипы, препятствующие росту доверия в двусторонних отношениях; рассматриваются попытки Пекина использовать российский фактор в своих отношениях с ЕС и США.

Укрепление двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией базируется на объективной взаимодополняемости экономик, неприятию однополярного мира, где доминирующими являются американские интересы, стремлении играть более активную роль в международных делах. Одним из важных проявлений стратегического партнерства

КНР и РФ в политической сфере стало активное взаимодействие и поддержка друг друга в международных организациях, включая Совет Безопасности ООН, выдвижение совместных инициатив. Хотя взгляды России и КНР по многим важным международным проблемам совпадают, Пекин избегает говорить с «совместной» позиции или «совместном» подходе. «Китайская специфика» внешней политики состояла в подчеркивании «суверенной позиции» и нежелании входить в какие-либо коалиции на международной арене.

Автор обращает внимание на следующую деталь: если на китайско-украинское инвестиционное сотрудничество Москва пока готова смотреть сквозь пальцы, то аналогичное сотрудничество ее союзницы по Единому экономическому пространству – Беларуси – вызывает у нее нервную негативную реакцию. Москва никогда не допустит, чтобы Минск продал Китаю МЗКТ (или иной актив, имеющий важное значение для российского ВПК). Скорее всего, делается вывод, Минску указывают на ту границу, которую не следует переходить во взаимодействии с китайскими товарищами. Но и Минск также не прочь использовать «китайскую карту», чтобы надавить на Россию, добиваясь от нее дополнительных экономических преимуществ.

Становление и развитие отношений стратегического партнерства между Китаем и Россией идет в контексте устоявшихся многообразных связей КНР – политических, экономических, культурно-гуманитарных – с Евросоюзом (и его отдельными странами-членами) и США. Ничто не может заменить сегодня американский и европейский рынки для экономики Китая. Именно поэтому поддержание неконфронтационных отношений с США и Евросоюзом является для Пекина приоритетным. А.Байчоров поддерживает мнение тех западных исследователей, которые утверждают, что Китай и Россия подозревают, что каждый предаст бы другого в пользу здоровых, долговременных отношений с США (и, возможно, Европейским Союзом), как только подобная возможность появилась бы.

Однако из-за дефицита в торговле с КНР, проблем, связанных с Тайванем, Тибетом, Суданом, Ираном, Сирией, разных подходов к пониманию прав человека отношения Китая с США и Евросоюзом развиваются по синусоиде, переживая то спады, то подъемы. Россия и Китай выступают за безусловный государственный суверенитет, против вмешательства во внутренние дела под предлогом защиты прав человека, придерживаются принципа территориального единства, осуждают сепаратизм. Укрепившееся стратегическое партнерство Китая и России стало логичным ответом на попытки Вашингтона организовать однополярный мир. Пропагандируемые установки Москвы и Пекина на углубление внешнеполитического взаимодействия носят, однако, преимущественно тактический характер. Прочность действительно стратегического партнерства будет в перспективе зависеть от готовности Москвы признать лидирующие позиции КНР в мире, вероятность чего мала с учетом растущих аналогичных российских амбиций.

Рост военного потенциала КНР также не прошел незамеченным в Москве. Российские военные руководители ссылаются в том числе и на него, когда требуют выделения большего объема средств на модернизацию военно-морских сил и отказываются идти на уничтожение тактического ядерного оружия. Для КНР приоритетными сферами двусторонних отношений с Россией являются научно-техническое и военно-техническое сотрудничество. Стратегически сотрудничество в этих сферах для Китая более важно, чем сотрудничество в энергетической сфере.

Автор заключает, что многовековая сложная история китайско-российских отношений обусловила то, что до сегодняшнего дня нет полного доверия между сторонами. Китайцы, например, подозревают россиян, что те сознательно не продают высокотехнологичные вооружения КНР (хотя продают Индии), а русские опасаются, что, купив несколько экземпляров какого-то вида оружия, Китай самостоятельно начнет выпускать нечто похожее под своей маркой.

С учетом окончательного решения пограничного вопроса в 2008 г. в долгосрочной перспективе можно надеяться на возрастание уровня доверия между сторонами. Особенно в условиях необходимости координации усилий по реформированию международной финансовой системы, обеспечения энергетической безопасности и т. п. Вместе с тем не исключены периоды временных «откатов» или «затишья» в китайско-российских отношениях. Эти периоды могут быть связаны с неожиданным для Пекина ростом военной активности российских вооруженных сил в АТР, переоснащением российской армии новыми видами вооружений, недоступных в ближайшей перспективе КНР, поддержкой Россией Японии, Вьетнама или даже США в решении территориальных, политических или экономических проблем АТР.

Заключение книги посвящено описанию процесса китаизации. Отмечается, что появлению такого интереса способствуют «чайна-тауны», созданные эмигрантами из Китая во многих государствах, и многочисленная китайская диаспора в целом. Показано, что методы осуществления политики китаизации варьируются от проецирования китайского влияния через «мягкую мощь» (soft power) до настойчивого навязывания китайских товаров (зачастую через демпинг), методов ведения бизнеса, стиля жизни и общения.

А.Байчоров заключает, что сегодня ни у кого не вызывает сомнений, что Китай оказывает определяющее влияние на мировое экономическое и в возрастающей степени политическое развитие. Если ранее это воздействие было объективным и проистекало из растущей доли КНР в мировой торговле и экономике, то во втором десятилетии XXI в. оно дополняется и субъективным фактором: Пекин приступил к перестройке мировых реалий в соответствии с китайскими интересами. Эта китаизация преподносилась под идеологической вывеской борьбы против однополярного мира, где господствуют американские интересы. Определились и союзники Пекина, главным образом из объединения БРИКС. Хотя и они, выступая за многополярный мир, опасаются китайской гегемонии не меньше американской. В Китае это осознают, поэтому на всех форумах настойчиво подчеркивают миролюбивый, неконфронтационный характер своей внешней политики, нацеленной на формирование «гармоничного мирового порядка».

Автор приводит два возможных сценария дальнейшего развития КНР. В соответствии с пессимистическим сценарием нарастающие внутренние противоречия не дадут возможности поддерживать и дальше нынешние темпы экономического роста в Китае. Страна замкнется в себе. Перед угрозой растущей социальной напряженности КПК будет вынуждена более

масштабно вмешиваться в экономику, укреплять НОАК и силы внутренней безопасности. Как результат китайское влияние на мировые процессы будет уменьшаться.

В соответствии с оптимистическим сценарием благодаря выверенной государственной политике, проведению структурных экономических и политических реформ имеющиеся социальные дисбалансы будут сокращены. Одновременно из-за усиливающейся внутренней конкуренции между провинциями и экономическими элитами главной движущей силой роста экономики постепенно станет внутреннее потребление при сохранении сильных позиций за экспортом и инвестициями. Проецирование вовне «мягкой мощи» будет все чаще дополняться экономическим и политическим диктатом.

И наконец, резюмирует свою книгу А.Байчоров, опираясь на свои экономические успехи, Пекин попытается поставить китайскую модель социального развития вровень или даже выше западной модели. При этом индивидуалистическому западному обществу противопоставляется гармоничная коллективность китайского. Ссылаясь на рост ВВП и увеличение доли Китая в мировой торговле, Пекин упорно требует увеличения своего представительства на ключевых постах в МВФ, Всемирном банке, других международных организациях. Этот процесс, по мнению автора, и есть глобальная китаизация, или глобализация по-китайски.

В целом перед нами глубокое и интересное исследование, и что самое главное – актуальное. Единственное субъективное замечание, которое можно сделать к данной книге, в ней отсутствует столь важный для нас сюжет с политике Китая в Центральной Азии. Но М.Байчоров, не являясь специалистом в данной специфической области, по-видимому, и не ставил целью осветить этот вопрос.

Swanström N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. – 84 p.

Очередное исследование, увидевшее свет также в рамках программы Института ЦА и Кавказа при Университете Дж.Гопкинса, принадлежит перу Никласа Сванстрёма и посвящено новой роли Китая в Центральной Азии. Исследование «Китай и Большая Центральная Азия: новые границы?» продолжает академический дискурс, заданный его старшим коллегой Ф.Старром. Как известно, именно Старр ввел в научный и политический оборот понятие «БЦА». Но Сванстрём идет дальше: для шведского ученого БЦА – это не только собственно Центральная Азия и Афганистан, но и Пакистан, Иран и Монголия (возможно, часть Кавказа с Азербайджаном).

Автор констатирует в качестве аксиомы выросшее влияние Китая в регионе, для которого регион БЦА представляет чрезвычайную важность в силу экономических и геополитических причин. В отличие от многих других исследователей, Сванстрём придерживается точки зрения, что Китаю удалось добиться успеха в сфере применения т.н. мягкой силы (по-видимому, это наблюдение относится к не постсоветским республикам, а к нашим южным соседям). Основным смыслом всей китайской политики и стратегии в регионе заключался в том, что бы использовать страны, ресурсы и рынки региона в свою пользу, но так, чтобы у России и государств ЦА не сложилось впечатление, что Китай представляет для них угрозу.

Сванстрём пытается выявить основные моменты китайской стратегии в регионе БЦА. Скорее всего, Китай исходит из того, что через некоторое время (речь идет об одном-двух поколениях) геополитическая ориентация государств, входящих в БЦА, может кардинально поменяться. И не стоит говорить, в какую сторону. Растущее китайское влияние уже вступает в противоречие с интересами США, России и ЕС, но вопрос – приведет ли это к кооперации или конфликту – пока остается открытым. Создание тесных экономических связей во внутренней Евразии является неотъемлемой частью подъема и усиления могущества Китая. Китайская экспансия в БЦА должна учитываться при долгосрочном стратегическом планировании всеми заинтересованными государствами, поскольку это неизбежно отразится как на них самих, так и на балансе сил на евразийском континенте.

Автор рассматривает также проблему с точки зрения европейских интересов. Он высказывает мысль, что ЕС и КНР могут и должны форсировать трансевразийские транспортные связи. В случае, если такой альянс сложится, это может самым благотворным образом сказаться на экономическом положении государств БЦА, не считая того, что от этого выигрывают сами Европа и Китай. В любом случае, Брюссель и Пекин могли бы координировать (наряду с США) свои стратегии в БЦА. Но вызывает сомнения вывод автора с том, что Китай усвоил от США и использует американские методы распространения своего влияния. Ученый отмечает, что растущий антиамериканизм и падение кредитоспособности Вашингтона заставляет многие государства региона менять ориентацию на Пекин. На ближайшее будущее центральным вопросом, по мнению Сванстрёма, остается следующий: будет ли Китай включаться в различные многосторонние структуры БЦА.

Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. – London: C. Hurst & Co., 2012. – VII+271 pp.

Имена французских исследователей – специалистов по Центральной Азии Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза хорошо известны всем экспертам по региону. В 2012 году увидела свет их работа – «Китайский вопрос в Центральной Азии: внутренний порядок, социальные изменения и китайский фактор». Тематически новая монография продолжает их предыдущую работу «Китай как сосед» (2009), во многом ее добавляет и в некоторых местах даже повторяет.³³ Супруги (в дальнейшем ученые развелись), которых с каждым годом все труднее называть «французскими учеными» (в то время они представляли Университет Дж.Вашингтона; ранее – Университет Джонса Хопкинса) известны также благодаря другим своим многочисленным исследованиям по китайско-центральноазиатским отношениям.³⁴

Авторы разделили данную крупную проблемы на две части: в первой они рассматривают политику Китая в Центральной Азии как глобального актора; во второй – реакцию внутри региона и отдельных центральноазиатских государств на китайское проникновение. Первая часть включает в себя широкий круг вопросов, затрагивающих принципиальные основы взаимоотношений стран региона с их великим соседом: проблему границ и диаспор, взаимодействие в рамках ШОС, экономическую экспансию КНР в регион, китайскую энергетическую дипломатию и «китайский бренд» – реализацию инфраструктурных проектов.

В качестве главного вопроса в своем исследовании авторы ставят проблему следующим образом: несмотря на тот факт, что Центральная Азия занимает в международных делах относительно скромное место (преувеличенное мировыми СМИ вследствие близости к Афганистану и реанимации «Большой игры»), какое место все-таки занимает регион во

³³ См.: *Laruelle M., Peyrouse S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 201 p.*

³⁴ *Laruelle M., Peyrouse S. Editors' Note: Central Asian Perceptions of China // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. No. 1, pp. 1-8. Laruelle M., Peyrouse S. Cross-border Minorities as Cultural and Economic Mediators between China and Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. No. 1, pp. 93-119. Peyrouse S. La présence chinoise en Asie centrale. Portée géopolitique, enjeux économiques et impact culturel. Etudes de CERI. 2008. No 148. Peyrouse S. Chinese Economic Presence in Kazakhstan. China's Resolve and Central Asia's Apprehension // Chinese Perspectives. 2008. No 3, pp. 34-49. Peyrouse S. Central Asia's growing Partnership with China, EUCAM Working Paper No. 4, October 2009. – Bruxelles: EUCAM, 2009. – 15 p. Peyrouse S. Military Cooperation between China and Central Asia: Breakthrough, Limits, and Prospects // China Brief. Vol. X. Is. 5. March, 2010, pp. 10-14.*

внешнеполитической стратегии Китая? Отвечая на этот вопрос, авторы обращают внимание на следующий нюанс: согласно китайским представлениям с окружающим мире, Центральная Азия для Китая – это не часть постсоветского пространства, а фрагмент Западной Азии.

По мнению исследователей, этот регион для КНР играет роль своеобразного «радар», призванного обезопасить Китай на двух направлениях: обеспечить безопасное континентальное снабжение энергоресурсами, свободное от глобальных угроз и конкуренции; выступить в качестве объекта, демонстрирующего мирные намерения растущей мировой державы с точки зрения мультилатерализма в международных делах. На первом направлении Пекин ждет от Казахстана нефть и уран, от Туркменистана – газ, от Киргизии и Таджикистана – электроэнергию. В тоже время, ссылаясь на мнение известных китайских исследователей (Чжао Хаушен), авторы говорят об отсутствии у Китая настоящей стратегии в отношении региона. Но Китай в этом плане не одинок; аналогичная картина наблюдается у его соперников за влияние в регионе – России и Соединенных Штатов. Каждая сторона этого геополитического треугольника хотела бы иметь привилегированное положение в ЦА; союз двух из них между собой означал бы неизбежное ослабление третьего.

При этом каждая из сторон преследует свои цели, которые диктуются собственными стратегическими интересами или традиционными представлениями. Так, для США основная цель – не допустить возникновение фундаментального стратегического альянса между Москвой и Пекином; Россия действует по схемам, унаследованным из эпохи холодной войны – любой ценой проводить политику сдерживания Америки. Что касается Китая, то Пекин предпочитает российский контроль в регионе утверждению Соединенных Штатов.

В течение и к концу 2000-х годов центральноазиатские государства вдруг обнаружили, что геополитическая ситуация вокруг их региона фундаментально изменилась. Стало все труднее привлекать внимание Вашингтона к местным делам; Европа эволюционировала в достаточно скромного партнера. Турция и Иран уже определились с пределами своих интересов в регионе; вовлечение Японии не дало ожидаемого эффекта. И только Китай все это время наращивал свое влияние, которое к настоящему моменту позволяет ему на равных разговаривать с Россией и Западом.

Одной из целей своей работы авторы обозначили выявление мультипликативного эффекта китайского фактора на внутреннее развитие региона. Исследователи предполагают, что примерно с 2005 г. Пекин пытается проводить политику по поиску путей для укрепления позиций китайского

языка и китайской культуры и подготовки местных элит по китайской модели. В долгосрочной перспективе присутствие Китая будет сравнимо с российским. Китай уже оказывает влияние на все стороны центральноазиатских обществ. Это такой же глобальный актер, как и Россия: дипломатический и геополитический союзник, экономический партнер и носитель привлекательной социо-культурной модели.

Вторая часть книги М.Ларюэль и С.Пейруза в содержательном плане повторяет их предыдущую работу, однако материал, посвященный изучению влияния и реакции на китайское присутствие внутри стране региона, претерпел структурные изменения. Одна глава посвящена борьбе прокитайских и антикитайских настроений в Казахстане и Киргизии. В другой главе авторы исследуют т.н. «новых медиаторов» между Центральной Азией и Китаем; к числу таких посредников они относят этнические диаспоры (дунган и уйгуров), торговцев, мигрантов и молодежь. В третьей главе рассматривается академическая среда, имеющая отношение к изучению Китая. Оставшиеся главы посвящены изучению проблем безопасности и экономики с точки зрения растущих опасений внутри региона, а также культурному влиянию исторического наследия и различных антикитайских фобий, в первую очередь демографических.

Здесь авторы делают любопытное наблюдение: политологические и академические круги в регионе в целом проявляют мало подлинного интереса к Китаю, что обусловлено их геополитической и мировоззренческой ориентацией на Россию и Европу. Китай до сих пор рассматривается преимущественно через «российскую призму». СМИ в Казахстане и Киргизстане по-прежнему воспроизводят устоявшиеся (и устаревшие) клише с Китае. Поэтому, заключают авторы, величайшим вызовом и главной задачей Китая является устранение подобных призм и клише, а также воспитание новых элит с собственным взглядом и знанием КНР.

В заключение авторы подчеркивают, что каждое из центральноазиатских государств имеет свой собственный «китайский вопрос». То есть, отношение к Китаю и отношения с КНР у каждой республики носит свой специфический характер. Прежде всего, различный подход наблюдается у государств, граничащих с Китаем, и не имеющих с ним общих границ. При этом в бедных республиках – Киргизии и Таджикистане – китайское присутствие воспринимается в большей степени как позитивный фактор. Для Казахстана и Киргизстана «китайский вопрос» – это часть политической повестки дня; для Узбекистана и Туркменистана этот вопрос не имеет острой актуальности. Свою лепту вносит пантюркистский фактор, в частности – на позицию Таджикистана, который может позволить себе игнорировать позицию Турции и уйгурскую проблему. Авторы об-

ращают внимание на такой парадокс: наиболее тесные связи с Китаем у Казахстана, но при этом именно в Казахстане наиболее развиты синофобские настроения.

В целом же синофильские и синофобские настроения в странах ЦА идут рука об руку. Свою лепту в рост антикитайских настроений вносит исламский фактор. В деловых кругах наблюдаются как синофильские, так и синофобские настроения. Интеллектуальные и академические круги, по мнению авторов, в целом настроены к Китаю враждебно, который, как минимум, воспринимается в качестве угрозы, и как максимум, чуждая и враждебная цивилизация. В этом едины как те, кто ориентируется на Россию, так и те, кто сориентирован на Запад или Турцию; с ними солидарны также исламисты. Особняком в регионе стоит Таджикистан, где авторы отмечают наиболее развитые синофильские чувства.

Как считают исследователи, с геополитической перспективы у государств Центральной Азии не так много шансов. Укрепление российско-китайского партнерства, будь то в рамках ШОС, или на двусторонней основе резко суживает их возможности маневрировать и выбирать на международной арене. Авторы заключают, что геополитическое будущее региона детерминировано эволюцией от «российского юга» к «китайскому западу».

В целом авторы избегают делать окончательные выводы относительно будущего китайско-центральноазиатских отношений. Главный вывод книги можно сформулировать следующим образом: влияние китайского фактора на развитие стран ЦА уже давно невозможно игнорировать. Так или иначе, влияние со стороны Китая оказывает изменения на многие стороны политического и социально-экономического развития государств региона, а также на их геополитическое и международное положение. С подобным выводом, конечно, нельзя не согласиться. Знакомство с трудом М.Ларюэль и С.Пейруза будет полезно не только специалистам, но и самым широким кругам читающей общественности, которая непосредственно на себе ощущает влияние китайского присутствия.

Jarosiewicz A., Strachota K. China vs. Central Asia. The Achievements of the Past Two Decades. – Warsaw: OSW, 2013. – 82 p.

Работа польских исследователей Александра Ярошевича и Криштофа Страхоты «Китай против (точнее – лицом к лицу с) Центральной Азии: достижения двух последних десятилетий» – небольшая по объему, но претендует на охват всех основных вопросов по данной проблематике. Книга подготовлена в Центре восточных исследований в Варшаве. В структурном плане она состоит из четырех частей. Первая посвящена изучению

фундамента взаимных отношений – исторического, стратегического, а также изучению взаимных представлений Китая с Центральной Азией и наоборот. Вторая часть освещает ключевые аспекты политических связей и отношений в сфере безопасности. Третья часть посвящена исключительно экономическому присутствию КНР в регионе. И наконец, четвертая часть изучает китайское присутствие в ЦА уже в социальном измерении.

В обоснование концепции своей книги авторы выдвигают следующие тезисы. Первый утверждает, что растущее влияние Китая и его превращение в основного игрока в Центральной Азии является главным результатом развития ситуации в регионе за последние двадцать с лишним лет после распада Советского Союза. Далее, авторы утверждают, что сердцевинной интересом КНР в регионе были вопросы обеспечения собственной безопасности. В дальнейшем данная проблематика стала основой для усиления экономической и политической взаимной заинтересованности сторон. Такая эволюция отношений привела, как считают авторы, к усилению сопротивления со стороны России. Но несмотря на российский фактор и ряд других, Китай все же превратился в основного стратегического партнера государств региона в экономической области.

Китай переиграл всех основных соперников (к ним авторы относят Россию, США, Турцию и Иран), чтобы стать незаменимым торгово-экономическим партнером стран Центральной Азии, а для некоторых из них – и главным инвестором. От присутствия Китая государства региона выигрывают в экономическом и политическом плане, но это не останавливает постепенного роста опасений относительно стратегических последствий подобной тесной зависимости от КНР. Но ситуация с безопасностью вокруг Центральной Азии остается нестабильной, и вопрос с том, как долго сохранится хрупкий геополитический баланс между Россией, США и Китаем, остается открытым, заключают исследователи.

Они описывают стратегические интересы заинтересованных сторон следующим образом. Для Пекина эти интересы состоят в следующем: сохранить стабильность в Синьцзяне и предотвращать негативное влияние на СУАР из ЦА; укреплять стабильность в Центральной Азии как условия для сохранения стабильности в СУАР и экономических отношений; поддерживать суверенитет государств региона и стабильность правящих режимов как необходимое условие для усиления своих экономических и политических позиций; ослаблять доминирование и влияние геополитических соперников – поначалу России, а после 2001 г. – Соединенных Штатов.

Целями политики центральноазиатских государств в отношении Китая являются следующие: защитить себя от китайской экспансии, особенно по пограничным проблемам, по мере возможности сопротивляясь китайским претензиям; с осторожностью относиться к любым проектам китайской стороны, используя в тоже время китайский фактор для усиления собственных позиций на международной арене (особенно в отношениях с Россией), но при этом избегая зависимости от Пекина; в максимальной степени использовать выгоду от торгово-экономических отношений с КНР и занять место своеобразного торгового «конвейера» в трансферте китайских товаров в Европу и на Ближний Восток.

Интересы России авторы рассматривают в традиционном ключе. К ним они относят следующие: сохранение и углубление своего политического и военного доминирования и экономического влияния; блокирование и сдерживание активности своих геополитических соперников – в первую очередь США и КНР; в тоже время сохранение и развитие стратегического сотрудничества с Китаем на глобальном уровне и на равных условиях.

Третья часть работы, посвященная экономическому сотрудничеству стран ЦА с КНР и росту экономического присутствия Китая в экономиках государств региона, самая обширная и подробная. Авторы в деталях рассматривают проникновение Китая в самые различные сектора экономики и инфраструктуры региона. Секретом успехов Китая является тот факт, что Пекин проводит крайне гибкую политику и может позволить себе инвестировать в развитие энергетической инфраструктуры, не требуя контроля для себя; финансировать разработку газовых и нефтяных месторождений, не пытаясь завладеть контрольным пакетом акций на них; развивать торговлю со странами региона, кредитуя их собственными же деньгами на эти цели.

В заключение авторы пишут, что достижения в развитии отношений между Китаем и Центральной Азией впечатляют. Начавшись практически с нуля в начале 1990-х годов, эти отношения привели к тому, что Китая занял место стратегического экономического партнера стран ЦА, и он в состоянии действительно оказывать реальное весомое влияние на их экономики. Становится очевидным, что растущее китайское присутствие в регионе оказывает влияние на международное положение Центральной Азии. Но при этом государства региона также выигрывают от сотрудничества с КНР. Если эти тенденции сохранятся в прежней динамике, не за горами время, когда китайское влияние из экономического конвертируется в политическое.

Что может угрожать дальнейшему росту китайского влияния в регионе? – задаются вопросом авторы. И отвечают: это сохранение нестабильности как в регионе в целом, так и в каждой отдельно взятой республике. Также возрастает угроза стратегической неопределенности (нестабильности) с учетом вывода сил международной коалиции из Афганистана. На характер китайского присутствия в регионе могут оказывать также влияние факторы глобального характера. Например, нестабильность на Ближнем Востоке повысит ценность Центральной Азии как источника энергоресурсов в глазах Пекина. И наоборот, нестабильность на Южном Кавказе отрежет страны региона от поставок энергоресурсов в Европу и заставит полностью переориентироваться на китайское направление (а как же российские маршруты? – имеем право спросить мы у авторов).

В целом, несмотря на обилие в современной политологии фундаментальных исследований (казахстанских, российских, западных и китайских), посвященных политике и присутствию Китая в Центральной Азии, работа А.Ярошевича и К.Страхоты оставляет благоприятное впечатление. Она носит концентрированный характер и не страдает излишними подробностями, хотя каких-то особых открытий в этом направлении исследований она не делает.

Denoon D. China, US and Future of Central Asia. – New York: New York University Press, 2015.

Проблему проникновения Китая в Центральную Азию продолжает работа Д.Денуна «Китай, США и будущее Центральной Азии» (2015). Автор дает понять, что Россия уже не является единственным центральным игроком в регионе. Скорее всего, будущее ЦА будут определять КНР и США, или даже только Китай.

Song Weiqing. China's Approach to Central Asia. The Shanghai Cooperation Organisation. – London: Routledge, 2018. – 172 p.

Книга Сона Вейкина (Университет Макао) затрагивает сферу отношений Китая с Центральной Азией в контексте общего фундамента, которым автор считает Шанхайскую Организацию сотрудничества. Он также уверен, что существование и функционирование ШОС вполне вписывается в генеральную линию стратегии КНР в отношении ЦА. В первой главе автор изучает политику Китая с соседями в целом. Вторая глава посвящена лидерству КНР в ШОС, в котором он не сомневается. Главы с 3 по 7 посвящены многостороннему анализу функционирования ШОС: институтов, внешнего позиционирования, безопасности, экономического сотрудничества и взаимодействия в области культуры и образования. В заключе-

нии эксперт делает попытку прогнозировать будущее ШОС, которое все более становится неясным по мере экспансии проекта «Один пояс, один путь».

Chang Felix B., Rucker-Chang Sunnie T. Chinese Migrants in Russia, Central Asia and Eastern Europe (eds.). – London, New York: Routledge, 2018. – 256 p.

Книга под ред. Ф.Чена (Ун-т Цинцинати) и Т.Рукер-Чен Сунни (ун-т Северного Кентукки) посвящена новому социально-экономическому и демографическому феномену постсоветской эпохи – китайской миграции в страны бывшего СЭВ и СССР. Коллективное исследование изучает данный процесс в контексте «глобализации по-китайски» и мирового подъема КНР. В работе отслеживаются причины миграции в соответствующие страны и регионы, а также условия, заставляющие или побуждающие китайцев к миграции. Авторы книги склонны отвергнуть версию, что китайская миграция носит исключительно экономический характер. Вторая часть книги посвящена миграции в Центральную Азию, а отдельная глава – миграции в Казахстан (материалы подготовлены Е.Садовской). В монографии рассматриваются также отношения внутри социальной структуры мигрантов, среди которых выделяются торговцы, рабочие и т.н. институциональные инвесторы. В результате авторы, изучая движение китайских мигрантов в ЦА, выделяют новый конструкт, назвав этот феномен «новой китайской миграцией».

Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia. – Williamsburg (VA): Global Research Institute, 2019. – 92 p.

В 2019 году из недр Глобального исследовательского института (Вильямсбург, США) вышел доклад «Дипломатия Шелкового пути», посвященный анализу стратегии Пекина в отношении и в сравнительной связке двух регионов – Южной и Центральной Азии. В исследовании изучаются инструменты, которые использует Китай в ходе реализации своей стратегии в рамках грандиозного проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП). Речь идет с таких государствах Южной Азии как Мальдивы, Непал, Шри Ланка и Бангладеш. В Центральной Азии в качестве предмета для изучения взяты Казахстан и Узбекистан. Авторы утверждают, что КНР располагает тремя существенными преимуществами в пользу реализации своей стратегии. К первому преимуществу они относят неисчерпаемые финансовые ресурсы и мощный строительный потенциал. Второе относится к сохраненной Пекином четкой и исполнительной организационной

системе, которой подчиняются не только государственные и национальные компании, но и частные, что позволяет им выступать в слаженном ансамбле. Третье преимущество также вытекает из стабильности китайской политической системы под руководством КПК, которая дает руководству возможность реализовывать долгосрочные проекты.

Фактически, Китай в настоящее время выигрывает, по мнению авторов, соревнование за доминирование в указанных регионах у других мировых игроков – России, Индии, США и Евросоюза, а также глобальных финансовых организаций. В этом соревновании китайская сторона прибегает к самым разнообразным подходам и приемам, не брезгуя даже коррупцией. В отношении РК и РУ в докладе выделяются следующие основные пункты: Казахстан использует свое сотрудничество с Китаем, в том числе в рамках ОПОП в целях сохранения баланса в отношениях с Россией для недопущения чрезмерного доминирования РФ. Что касается Узбекистана, то на смену ни к чему не обязывающей «дипломатии улыбок» И.Каримова вместе с политикой открытых дверей, провозглашенной новым лидером Ш.Мирзиёевым, широко распахнулись двери в экономику республики для иностранных инвестиций, в первую очередь китайских. В целом, авторы характеризуют политику Пекина в ЦА как «очаровывающее наступление» (*charm offensive*), ставящую цель преодолеть достаточно распространенное предубеждение в отношении целей, намерений и методов КНР в тех или иных республиках региона.

Таким образом, указанный доклад отражает нарастающую озабоченность американских и в целом западных политических и аналитических кругов по поводу растущей буквально на глазах роли Китая в Евразии, включая и те регионы, которые рассматриваются в докладе.

Garlick Jeremy. The Impact of China's Belt and Road Initiative from Asia to Europe. – London, New York: Routledge, 2019. – 250 p.

Работа Дж.Гарлика «Влияние инициативы Китая «Один пояс и один путь» из Азии в Европу» (Институт международных исследований в Праге) посвящена грандиозному проекту ОПОП, без которого не обходится ни одно современное исследование, посвященное политике КНР в Центральной Азии и в целом Евразии. Исследование представляет собой анализ на макро- и микроуровне инициативы ОПОП, целью которого является создание под эгидой Китая взаимноинтегрированной Евразии через реализацию данного и единственного мегапроекта.

В качестве заслуги автора называется его новаторский подход к синкретическому изучению истинных мотивов и целей китайской политики на евразийском направлении. Это наглядно демонстрируется планом

его монографии, которая разбита ученым на семь глав. В первой главе проект рассматривается в контексте всей системы международных отношений КНР. Вторая глава посвящена теоретическому обоснованию китайских претензий на глобальном, международном и континентальном уровне. Всего автор рассматривает три концепции: 1) теорию парадигмы социального эволюционизма Тан Шипина (проф. Фуданского ун-та); 2) теорию неограмшистской гегемонии; 3) теорию наступательного меркантилизма (активно-агрессивной торговой политики). Данные теории могут стать, как по отдельности, так и сообща объяснением появления проекта ОПОП.

В третьей главе Дж.Гарлик изучает совокупное воздействие всех теорий и концепций, которое он называет «комплексным эклектизмом». Четвертая глава продолжает изучение на теоретическом уровне менее значимых концепций. В пятой главе проект ОПОП рассматривается на более практическом уровне с точки зрения его мирового значения (60 стран Азии и Европы), структуры, роли финансовых и экономических институтов, а также значения региональных форумов и личной роли лидера КНР Си Цзиньпина в продвижении его собственной инициативы по формированию ОПОП. Шестая глава рассматривает эффект и влияние ОПОП на региональном уровне, включая Центральную Азию. Регионы мира, которые по замыслу Пекина должен охватить ОПОП, включают в себя также страны ЦВЕ, ЮВА, Южной Азии и Ближнего Востока. То есть, глобальный масштаб проекта становится очевидным, хотя степень активности и вовлеченности в него различных стран и регионов не представляется столь бесспорной.

Дело в том, что многие из них уже давно являются частями других крупных международных проектов – АСЕАН, ЕАЭС и Евросоюз, а также входят в более мелкие интеграционные союзы и ЗСТ в Южной Азии и на Ближнем Востоке, и интегрированы в транспортные системы этих объединений. В седьмой главе автор фактически оставляет без ответа вопрос с будущим проекта ОПОП, признавая тем самым его геополитическую и геоэкономическую уязвимость.

Dadabaev Timur. Transcontinental Silk Road Strategies. Comparing China, Japan and South Korea in Uzbekistan. – London: Routhledge, 2019. – 172 p.

Данную тему продолжил Т.Дадабаев (*директор Специальной программы изучения Японии и Евразии в Высшей школе социальных и гуманитарных наук, Университет Цукуба, Япония*) в книге «Континентальные стратегии Китая, Японии и Южной Кореи на Шелковом пути на примере Узбекистана». Основная цель данной книги – стимулировать дебаты

между учеными и политиками с различных форматах взаимодействия и сотрудничества в Евразии. Таким образом, в поисках ответов на эти вопросы, автор пытается достичь следующих целей.

Во-первых, исследование анализирует влияние различных концепций и инициатив, предпринятых Китаем, Японией и Южной Кореей (Евразийская Дипломатия/ Дипломатия Шелковый путь Японии 1997 года, Шанхайский процесс со стороны Китая, корпоративное наступление Кореи, так называемый Шелковый путь (Инициатива «Пояс и Путь» и другие), на перспективы регионализма и регионального сотрудничества в Центральной Азии в концептуальной и теоретической сфере. Во-вторых, главная цель состоит в том, чтобы выйти за рамки простого эмпирического рассмотрения фактов, чтобы выявить последствия предложенных инициатив для более широкого теоретического обсуждения специфических форм сотрудничества в Центральной Азии, основанных на нексе отношений, найденных в этом регионе.

Автор отмечает, что стартовые позиции Китая, Японии и Южной Кореи в центрально-азиатском регионе были несколько схожи. С другой стороны, в настоящее время, Китай вырос во вторую по величине мировую экономику: таким образом, он приспосабливается к необходимости иметь дело с меньшими соседями, такими как Узбекистан. Япония и Корея также находятся в процессе адаптации их поведения к условиям, в которых их экономическая сила по сравнению с Китаем заметно уменьшилась, в то время как они все еще видят необходимость расширения своего присутствия в ЦА в поисках новых позиций и возможностей, которые влекут за собой такие позиции. Япония находится в поисках нового места и роли в этом дружественном для Японии регионе, где есть ожидание большего японского присутствия, с чем свидетельствуют различные опросы. В случае Кореи, страна инвестировала значительные средства через свое корпоративное проникновение в ЦА и, таким образом, заинтересована в расширении своего экономического присутствия. Кроме того, обе страны участвуют в инициативах по созданию региона, таких как «ЦА плюс Япония» и форум «Корея плюс ЦА». Несмотря на то, что данные проекты не противопоставлены китайским схемам ШОС и «Пояс и Путь», они представляют собой попытки Японии и Кореи представить альтернативу государствам ЦА.

Центральная Азия, отмечает исследователь, зачастую рассматривается в ракурсе отношений России и Китая, а также возможной конкуренции между ними. В последнее время часть Центральной Азии рассматривается в международных отношениях как регион амбиций Китая и инициатив нового Шелкового пути, что также меняет фокус исследований и больше уделяет внимание инициативе Китая, а не целям стран Центральной Азии.

В-третьих, те исследования, которые рассматривают Центральную Азию как основной объект исследований зачастую либо фокусируются на взаимоотношениях центрально-азиатских стран с отдельными крупными государствами, либо не основываются на глубоких эмпирических данных.

Регион Центральной Азии остается маргинальной частью Азии в силу своих ограниченных преимуществ и географических условий. Единственная форма конкуренции в основном, сфокусирована на моделях «взаимосотрудничества», предлагаемых Россией, Китаем, Японией, Южной Кореей и другими странами. Цели, которые эти страны преследуют, сильно отличаются друг от друга и не являются взаимоисключающими. Многие также ссылаются на понятия евразийства и общей географической принадлежности. Согласно этим представлениям, географические особенности государств и общая история создают общую идентичность, которая затем приводит к общности подходов в концептуализации сотрудничества.

Автор приходит к мысли, что после того, как неэффективность СНГ стала очевидной, государства, участвующие в таких схемах, начали уделять больше внимания практическим результатам данных схем сотрудничества. Китайские схемы были в значительной степени ответом на проблемы, существующие в отношениях между государствами-членами. Данный подход, ориентированный на решение проблем, имеет несколько значений. Он служит функциональной цели решения конкретных проблем и, в то же время, возможен только потому, что стороны разрабатывают общие подходы, нормы и взаимное доверие в рамках этого процесса, тем самым приводя к созданию общих норм. В этом смысле, Китай пытался создать схемы, необязательно (по крайней мере, изначально) основанные на понятии «общей принадлежности», но направленные на решение определенных задач и носящие реактивный характер (такие как ШОС), которые позже развились в инициативу «Один пояс и один путь» и в связанную с ней транспортную сеть Шелкового пути, иллюстрирующими данную модель. Их также можно рассматривать как ответ на недостатки предыдущих схем, такие как неэффективное функционирование СНГ.

Еще одно отличие структуры ШОС и последующих схем от предыдущих форматов сотрудничества состоит в том, что проекты двустороннего сотрудничества часто разрабатываются или иногда просто интерпретируются как продукт, произведенный многосторонней структурой. ШОС просто ставит предполагаемый «многосторонний» штамп на то, что по существу согласовано на двусторонней основе. Однако приписывание этих достижений многостороннему процессу легитимизирует возглавляемые Китаем структуры ШОС и последующие ей инициативы и укрепляют чувство «общей принадлежности» и общей «идентичности».

Тем не менее, когда транспортные сети и постоянно растущая экономическая мощь Китая начали демонстрировать признаки более крупного проникновения китайских корпораций на рынки Центральной Азии и, казалось, были выгоднее Китаю, чем партнерам из ЦА, китайские проекты стали представлять проблему для государств-участников. Япония и Южная Корея демонстрируют тенденцию по-разному концептуализировать свое видение участия в процессах в ЦА, таким образом, оспаривая китайские и российские региональные конструкции. Вовлечение японцев в данный регион решительно поддерживает модель «открытого регионализма», которая соответствует отдаленному расположению Японии от стран Центральной Азии и пытается разрешить участие нерегиональных государств в процессах сотрудничества. В этом смысле Япония оспаривает мнение, что территория ЦА доступна только крупным державам, граничащим с регионом. Однако японское присутствие в ЦА, в основном, осуществляется через схему ODA (official development assistance), проводимую правительством Японии, с ограниченным участием корпоративных интересов. Несмотря на то, что правительство Японии утверждает, что данный факт является конкурентным преимуществом Токио, так как указывает на отсутствие личного интереса японской стороны во взаимодействии с центрально-азиатскими республиками, такое заявление является частью дискурсивного построения конкурентного преимущества в ЦА по отношению к другим крупным игрокам, таким как Китай и Россия.

Еще одной альтернативой китайскому, японскому и российскому взаимодействию является южнокорейская дипломатия, основанная на Всеобъемлющей Центральноазиатской инициативе президента Но Мухена от 2006 года и Новоазиатской инициативе Ли Мен Бака от 2009 года. До объявления этой инициативы премьер-министр Хан Сын Су провел миссию на Кавказе и в ЦА, в ходе которой он посетил Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. После объявления инициативы «Дипломатия Шелкового пути» президент Ли повысил статус отношений с Казахстаном и Узбекистаном до уровня стратегического партнерства и обеспечил основу для государственной поддержки корейского корпоративного проникновения в этот регион.

Автор уверен, что Китай, Япония и Южная Корея рассматривали Центральную Азию как новый, и возможно, последний азиатский рубеж в их внешней политике за последние несколько десятилетий после распада СССР. Для этих стран Центральная Азия представляла собой территорию, где они ранее не были активными. Кроме того, внешние политики данных государств в этом регионе, по крайней мере, первоначально, не имели каких-либо конкретных задач и конечных целей, а скорее были со-

средоточены на решении проблем и вопросов, оставшихся в наследство от советского прошлого ЦА.

Китай изначально рассматривал с настороженностью ЦА как регион, представивший перед ним новые проблемы после распада Советского Союза. Увеличившееся число независимых действующих государств означало, что вместо унитарного советского государства, Китаю теперь придется иметь дело с несколькими суверенными республиками в решении его территориальных споров. Кроме того, тот факт, что эти государства были мусульманскими и в значительной степени тюркскими, представил еще одну проблему – предотвращение оказания помощи этими государствами тем, кого в Китае расценивали как сепаратистов и исламских террористов в Синьцзяне. Таким образом, Китай относился к региону, как к территории, полной проблем, а не возможностей.

Правительство Японии также нашло задачу интеграции данного региона во внешнюю политику Токио проблематичной по нескольким причинам. Его первоначальные усилия по созданию Японской стратегии взаимодействия в ЦА были запущены премьер-министром Рютаро Хашимото в форме Евразийской Дипломатии (Шелкового Пути) 1997-2004, упоминая об участии России, Китая и Центральной Азии. Хашимото надеялся объединить страны бывшего Советского Союза в сеть взаимозависимости путем создания в значительной степени экономического и, в некоторой степени, политического японского присутствия в Евразии и содействия участию Японии в разведке природных ресурсов. Японская стратегия привлечения данных государств столкнулась с рядом проблем, включая географическую отдаленность от региона, ограниченное проникновение корпораций в ЦА и отсутствие четко определенной стратегии.

Южная Корея так же далека от стран Центральной Азии и не имеет транспортной инфраструктуры в и из рынков ЦА. Кроме того, инфраструктура, связывающая Сеул с Евразийским регионом, зависит от улучшения его связей с Северной Кореей. Тем не менее, южнокорейская риторика «Шелкового пути» несколько практичнее, чем японская риторика. Южнокорейские корпоративные и экономические интересы присутствовали в регионе более активно, начиная с начала 1990-х годов, когда компания Daewoo построила крупный автомобильный завод в Узбекистане, кроме того, большое количество сборочных и производственных мощностей было построено в Узбекистане и Казахстане под брендами Samsung и LG для местного производства запчастей для электроники. В начале 1990-х годов Южная Корея была одним из ведущих инвесторов в этом регионе.

Исследователь считает, что Шелковый путь и другие проекты являются социальными конструкциями внешних политик различных стран, ко-

торые были сформулированы ими вследствие ответной реакции на меняющуюся внешнюю и внутреннюю конъюнктуру. Внешняя политика этих стран является также попыткой социально сформировать позитивный имидж. Однако, страны Центральной Азии имеют возможность влиять на то, какую форму примут эти конструкции, так как они могут вносить свои предложения и корректировки касательно того, что должно получиться в конечном итоге, иногда не соглашаясь с первоначальным видением крупных держав.

В конечном итоге автор считает, что относительно недавно ставшая популярной китайская риторика Шелкового пути не является определенной доктриной внешней политики (с заранее определенными конечными целями и задачами), а скорее является стратегией взаимодействия (поведения), которую легче понять и принять целевой аудитории в лице стран-участниц. Эта риторика позитивно воспринимается из-за напоминания об исторических торговых путях и создаваемого имиджа важности всех, даже самых маленьких государств-участников.

Одним из самых интересных моментов касательно китайской стратегии Шелкового Пути (и ее российской альтернативы) является то, что она сочетает в себе как деколонизирующий, так и неокolonизирующий (в плане возможного экономического доминирования) потенциал в отношении стран Центральной Азии. В то же самое время, Япония и Корея подчеркивают только деколонизирующий потенциал своего вовлечения в регион, таким образом, используя отсутствие неокolonизирующих характеристик в их форматах сотрудничества как сравнительное преимущество.

В заключении, автор хотел бы заострить внимание на том, что успех или провал вовлечения и взаимодействия в большей степени зависит от способностей стран Центральной Азии принять предлагаемые форматы сотрудничества и использовать их себе на благо. Надежда на то, что Россия, Китай и другие страны будут заботиться об интересах центрально-азиатских стран в лучшем случае наивна и нуждается в критическом переосмыслении.

Cornell Svante E., Swanström Niklas. Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative. – Stockholm: SIEPS, 2020. – 81 p.

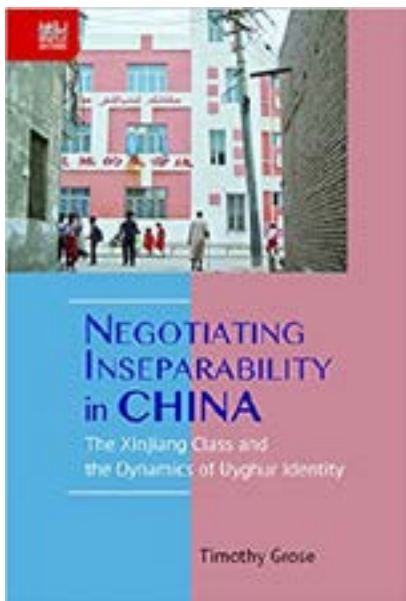
Исследование Сванте Корнелла (дир-р Института Центральной Азии и Кавказа, Вашингтон) и Никласа Сванстрёма (дир-р Института политики безопасности и развития) «ЕС и инициатива Китая «Один пояс, один путь» посвящено всестороннему изучению последствий реализации проекта ОПОП для Европейского союза. Многоаспектный анализ включает в себя

изучение транспортных, финансовых и стратегических вопросов, связанных с данным китайским проектом. Из семи разделов работы нас интересует третий, посвященный прохождению коммуникаций и строительству объектов в Евразии и Центральной Азии.

Авторы отмечают, что исследуют проект ОПОП исключительно под углом зрения европейских интересов. Они пытаются понять структуру, механизм и истинные цели и задачи этого проекта. Также эксперты делают попытку сравнить интересы ЕС и КНР и их совместимость в рамках ОПОП. В этом смысле у них возникают справедливые сомнения в эффективности проекта в Евразии, в первую очередь для Центральной Азии и Афганистана. В целом ОПОП отвечает европейским интересам, т.к. ослабляет доминирование России в Евразии и формирует доступные (геополитические) ресурсы для Евросоюза, который сам не может по тем или иным причинам использовать их напрямую.

С формальной точки зрения целью ОПОП является создание прямого экономического коридора из Китая в Европу. В этой связи ключевую роль играет пункт Хоргос на казахстанско-китайской границе, который авторы называют уникальным «сухопутным портом» и высоко оценивают его значение для реализации ОПОП. Инструментом процесса проникновения является массированное участие Китая в реабилитации и реставрации существующих, а также в строительстве новых железнодорожных и автомобильных путей. Как и Запад, но только по своим причинам, Китай рассматривает Центральную Азию не как изолированный регион, а как часть – совместно с Афганистаном и Пакистаном – своих «западных ворот» и многообещающий экономический коридор.

Поэтому, приходят к выводу авторы, истинной целью китайского проекта ОПОП является проникновение через ЦА и выход торгово-экономической мощи КНР к побережью Арабского моря, Ирану и на Ближний Восток, и только с этого плацдарма – в Европу. В этой связи Пекин уделяет важное внимание государствам Центральной Азии, Афганистану и Пакистану как ключевому связующему звену. Но именно на этом поле коллективный Запад способен оказывать стратегическое давление на ход и реализацию этого геополитического проекта КНР, используя свое присутствие, включая военно-стратегическое, в этих регионах. Следствием развития процессов в этом направлении станет новое издание «Большой игры» через ускоренное размежевание взаимоисключающих интересов Китая и России – с одной стороны, ЕС и США – с другой.



Grose T. Negotiating Inseparability in China: the Xinjiang Class and the Dynamics of Uyghur Identity. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2020. – X+160 p.

Книга Тимоти Гросе (Ин-т технологии им. Р.Хульман, США) со сложным для перевода и понимания названием «Переговоры с неотделимости: Синьцзянский класс и динамика уйгурской идентичности» сразу же вызвала к себе интерес в виду того внимания, которое в последние годы привлекает СУАР и проводимая центральным правительством политика в этом регионе. Под термином «Синьцзянский класс» понимается программа для учащихся старших классов и студентов из СУАР, преимущественно этнических уйгуров. Они проходят обучение в восточных населенных ханьцами провинциях КНР. Автор в своей работе ставит политическую задачу раскрыть стратегические цели по подготовке лояльных и пропитанных китайской культурой представителей уйгурской молодежи. Окончательной задачей Пекина является, по мнению автора, разрушить границы внесударственной уйгурской идентичности, базирующейся на этнической и религиозной идентичности. Но при этом он отмечает, что насаждение ценностей имперского Китая и светской компартии не означает этнической ассимиляции. Т.Гросе в ходе анализа выясняет, что, несмотря на давление властей, большинство окончивших программу сталкивается с выбором остаться внутри своей общины, чтобы служить КНР, КПК и центральной власти на местах, или использовать ее как стартовую площадку для вхождения в глобальное транснациональное исламское сообщество. Те, кто остаются в стране в качестве полулояльных Китаю граждан неизбежно сталкиваются с разочарованием, внутренней фрустрацией и психологическим дискомфортом. Исследователь делает вывод, что программа «Синьцзянский класс» направлена на формирование будущей когорты уйгурской элиты, которая будет благодарна КПК и будет поддерживать идею единства нации (“minzu unity”).

1.8. Центральная Азия и исламский мир

Olcott M.B. In the Whirlwind of Jihad. – Washington, DC: Carnegie Endowment, 2012. – XIV+415 pp.

Имя Марты Брилл Олкотт не нуждается в представлении казахстанскому читателю. М.Олкотт была первым политологом эпохи перестройки, открывшей Западу современный Казахстан и его историю в своей известной монографии «Казахи» (1986). В дальнейшем американская исследовательница не однократно возвращалась к этой теме в дополненном переиздании книги (1995), в работе «Казахстан: непройденный путь» (2002), в других монографиях по Центральной Азии и многочисленных статьях. Новая книга М.Олкотт на этот раз посвящена Узбекистану – «В вихре джихада».

Как следует из названия монографии, книга посвящена больше не самой республике, а истории ислама в Узбекистане. В 10 главах книги автор рассматривает эволюцию ислама со средневековья и царских времен до современности. Основная идея книги М.Олкотт состоит в том, что когда в конце 1991 года Узбекистан обрел независимость, вопрос с том, останется ли страна светским государством, носил относительно открытый характер. Автор объясняет это тем, что с 1980-х годов в Узбекистане шел процесс возрождения ислама, более широко распространившийся вслед за распадом СССР, особенно в первые годы независимости на фоне слабости государственной власти.

По мнению исследовательницы, в позднесоветском и постсоветском Узбекистане шло состязание между религиозными группами и светской властью, но по мере того, как государственная власть обретала силу и становилась более автократичной, она оказалась в состоянии более эффективно направлять развитие мусульманства. Однако, несмотря на это государство, не смогло стать основным фактором, определяющим развитие мусульманства, ввиду резкого расширения контактов с внешним мусульманским миром. Она считает, что хотя внешние наблюдатели могут считать современную территорию Узбекистана частью периферии мусульманства, со времен Саманидов и по наше время коренное население, проживавшее на территории Трансоксианы (Мавераннахр), представляло свою историю и культуру неразрывно связанной с исламом, верой и явлением, определявшим их образ жизни.

Независимо от политической идеологии правителей и их отношения к религии, узбеки и предшествовавшие им этносы, продолжает автор, всегда считали себя мусульманами и частью мусульманского мира и стремились сохранить свою веру. При этом жители Центральной Азии

представляли себя не просто субъектами веры, а ее определяющим и обновляющим фактором. В целом, на протяжении этих столетий ничего особого нового в религии не происходило.

Это никак не влияло на положение шариата, поскольку до завоевания Центральной Азии Россией в середине 19-го века, территория и народы Узбекистана были частью дар аль-ислама, мусульманского мира, в котором преобладали законы шариата. С этого времени и до 1991 г. население региона относилось к дар аль-куфр или дар аль-харб, когда статус законов шариата определялся немусульманами. После большевистской революции в России с 1920-х годов шариат лишился какого-либо официального статуса.

М.Олкотт видит корень проблемы в том, что после провозглашения Узбекистаном независимости 1 сентября 1991 года и признания ее международным сообществом четыре месяца спустя, когда прекратил существование СССР, является Узбекистан частью «мусульманского мира» или нет. Многие проживающие в стране мусульмане считают себя живущими в дар аль-исламе, поскольку государство является независимым, во главе его стоит узбек, а мусульманство вновь обрело свое место в жизни общества. Их не беспокоит, что, по конституции, Узбекистан является светским государством: многие считают это подходящим. Те же, кто считают себя праведными мусульманами, по-прежнему видят Узбекистан частью дар аль-куфр или дар аль-харб, поскольку шариат лишен своего статуса.

Подавляющее большинство таких людей готовы смириться с ситуацией или направлять силу собственной веры на то, чтобы мирным путем добиться усиления роли ислама. Однако малочисленному меньшинству эта ситуация кажется неприемлемой, и, чтобы изменить ее, эти люди готовы применять силу или задумываются об этом. За последние два десятилетия в Узбекистане появились движения сторонников джихада. Наибольшую известность получило Исламское движение Узбекистана (Узбекистон исломий харакати – ИДУ), которое вошло в состав сети Аль-Кайды.

Оценивая царский период, Олкотт пишет, что российские колониальные власти считали иностранных мусульман потенциальным источником бунтарских настроений, будь то английские шпионы в Афганистане или оттоманские – в Стамбуле, поэтому внедряли собственных шпионов в ряды паломников из России. Хотя ввозимую на территорию Российской империи литературу нельзя было легально распространять без разрешения цензуры, большинство опубликованных в других мусульманских странах материалов без труда попадало в руки жителей Центральной Азии. Более серьезную трудность для распространения идей представляло относительно малое число читателей.

Жители Центральной Азии, Азербайджана и Татарстана имели относительно свободный доступ к набирающим силу современным интеллектуальным веяниям в исламе через мечети, медресе и университеты в Стамбуле, через паломников и торговцев, причем последних было больше, нежели первых, и через тюркоязычных представителей высшего класса, которые могли путешествовать из России в Османскую империю (и реже – в Европу) по своим личным делам. Эти путешественники сыграли важную роль в формировании содержания и развитии джадидизма, движения за реформу мусульманского образования, которое обрело популярность в Центральной Азии и мусульманских регионах Российской империи в конце 19-го и начале 20-го веков.

Для многих источником проблемы виделась религия, в той или иной форме. Конфликт между ними касался вопроса с тем, можно ли реформировать ислам, или же ему должна быть отведена ограниченная роль в обществе. Именно это различие, а не вопрос об этнической принадлежности, был важнейшим в последние годы существования Российской империи.

Пять глав своей книги М.Олкотт посвятила истории ислама в советский период, уделив много внимания религиозным лидерам советского Узбекистана. Она отмечает, что в советский период весьма значительная доля жителей Центральной Азии считали себя мусульманами. Многие следовали вековым традициям мусульманской общины, таким как обрезание, мусульманский брак и погребение. Кроме того, существовала еще менее численная группа праведных мусульман, имевших хотя бы ограниченное традиционное религиозное образование; а с середины 1940-х годов, когда Советская власть восстановила духовные управления мусульман, крайне малочисленная группа мусульманских богословов получали образование, ездили за границу, и на международных конференциях показывали владение религиозной тематикой на уровне мусульманских лидеров из других стран мира. Они были единственным источником, из которого до проживающих в СССР доходила информация с происходящем в мусульманском мире в целом.

Когда на смену российской колониальной власти пришла Советская власть, религия рассматривалась как идеологический конкурент коммунизма. Религию требовалось, как минимум, жестко ограничивать, если уж ее нельзя было истребить. Большевики были убеждены, что на смену религиозному самосознанию придет национальное, поэтому резко ограничили в правах религию и религиозные учреждения.

После революции 1917 г. разные конкурирующие между собой стороны стремились установить контроль над Туркестаном, притом большинс-

тво немногочисленного среднего и высшего сословия, включая реформаторов-джадидистов, поддерживали правительство Кокандской автономии. Многие реформаторы-джадидисты состояли на службе в советской системе образования, особенно в период первых крупных просветительских кампаний в начале 1920-х годов. Однако к 1928 году практически все они были вытеснены из органов власти и сняты со сколько-нибудь заметных постов в системе образования. Большинство были репрессированы во время сталинских чисток в 1930-х годах.

В период антирелигиозных кампаний 1929–1938 годов даже «бывшие» священнослужители, лишенные своих мечетей и медресе, были, тем не менее, причислены к «врагам народа», и с ними обращались как с таковыми. В целом, богословское сословие было истреблено. Кто-то из них выжил, особенно в отдаленных районах, благодаря защите местного населения или способности к приспособленчеству. Окно в мусульманский мир несколько приоткрылось с созданием в 1943 году Духовного управления мусульман Центральной Азии и Казахстана и медресе «Мир-и Араб» в Бухаре в 1945 году.

М.Олкотт делится личными впечатлениями об эпохе, которую мы все хорошо помним. В граничащих с Центральной Азией странах, Иране и Афганистане, в этот период происходило религиозное брожение, и с конца 1970-х годов молодежи в Центральной Азии стало проще получать доступ к религиозным материалам. Обычным гражданам тоже стало легче получать информацию с религии. Иностранное радиовещание все чаще доходило до советской аудитории, включая «Радио Горган» из Ирана, которое особенно активно работало на протяжении 1980-х годов. Еще до советского вторжения в Афганистан американская разведка, похоже, считала мусульманские республики «мягким подбрюшьем» СССР, и пыталась распространять материалы (как в печатном виде, так и через спонсируемое США радиовещание) с богатом мусульманском наследии центрально-азиатских республик, которое, как подчеркивалось в этих материалах, оказалось под гнетом Советской власти.

Даже после того как в 1979 году в самом Иране произошла исламская революция, иранцы продолжали снабжать Центральную Азию религиозными материалами. Естественно, наиболее доступным источником материалов об исламе был сам Афганистан, на территории которого на протяжении большей части 1980-х годов размещался почти сотысячный воинский контингент и десятки тысяч человек вспомогательного персонала из СССР. Во время этой войны тысячи военнослужащих и технических специалистов из Центральной Азии оказались в непосредственном контакте с афганцами с обеих сторон, представителями общества, которое

не слишком сильно отличалось от их собственного, как в этническом, так и религиозном плане.

Автор делает вывод, с которым представителям нашего поколения трудно согласиться. По ее мнению, нет сомнений в том, что идеи этих авторов вели к радикализации той небольшой группы молодых жителей Центральной Азии, которым в конце 1970-х и начале 1980-х хотелось узнать с религии и религиозных идеях. Мысль была простой: империализм, колониализм и коммунизм, по сути, пагубны, а возврат к простоте и чистоте ислама периода его становления позволит очиститься.

Невольно исследовательница подходит к одной из причин будущего исламистского терроризма в Центральной Азии. Некоторые жители Центральной Азии из числа советских военнослужащих и технических специалистов, перешли на сторону афганских моджахедов (в том числе, русские по национальности), и попали в медресе радикалов в Пакистане. Правда, их было не так много. Большинство осели в Пакистане или Афганистане до послесоветских времен и возвратились лишь в середине 1990-х годов, чтобы стать инструкторами в лагерях таджикских и афганских террористов. Были сформированы небольшие группы молодых мусульман, особенно среди узбеков и таджиков в Ферганской долине.

В последние годы брежневского правления религия наполовину вышла из подполья на фоне ослабления государства под влиянием внутренних факторов. В конечном итоге, под давлением населения М.Горбачев был вынужден повысить роль религии, тщетно пытаясь восстановить народную поддержку советского режима. По данным последней в СССР переписи населения, прошедшей в январе 1989 года, рождаемость среди центрально-азиатских национальностей по-прежнему оставалась очень высокой, и через десять лет на долю жителей Центральной Азии приходилось бы примерно четверть населения СССР. Советские социологи отмечали, что большинство жителей Центральной Азии недостаточно владела русским языком и не желали переезжать из сельской местности, где не хватало рабочих мест, на работу в российские регионы, испытывающие дефицит трудовых ресурсов. Многие утверждали, что причиной этого нежелания был ислам, который имел более широкое распространение, чем считалось ранее.

Олкотт отмечает, что хотя религиозное возрождение в Центральной Азии быстро развилось и набрало силу, протестные политические настроения в Центральной Азии нарастали гораздо медленнее, чем в Прибалтике, Украине или на Кавказе. Особенно после событий в Оше Каримов не хотел бы еще сильнее раздражать и без того изрядно «нагретое» население Узбекистана. Возрождение ислама в поздний советский период казалось

практически неостановимым. Во всех махаллях (микрорайон в пределах городской черты) в Узбекистане, в сельской местности и городах по всей Центральной Азии начали открываться мечети. Стали появляться нелегальные медресе, особенно в узбекских и таджикских регионах. Народный интерес к религии стал практически ненасытным, и сотни нелегальных, организованных собственными силами, местных медресе и мечетей возникли практически в одночасье. Возник спрос на Коран на узбекском языке. Другая религиозная литература тоже быстро распродавалась, даже если покупатели были не в состоянии понять многое из написанного. Кто-то, в том числе многие молодые люди, начали эксперименты с религией.

Автор видит противоречие в том, что с распадом СССР ислам перестал быть верой меньшинства, подвергаемой гонениям религией населения колоний, и превратился в религию большинства населения новых независимых государств. Привыкшие за много лет скрытно отправлять религиозные обряды, миллионы мусульман почувствовали себя свободными следовать велениям совести, а лидерам новых государств пришлось решать, каким образом учитывать такие настроения, чтобы они не стали угрозой их пребывания у власти. Поэтому вопрос об отношениях ислама и государства на территории всей Центральной Азии по-прежнему стоит как никогда остро, и особенно – в Узбекистане.

По мнению Олкотт, никто не уделяет этому вопросу столько внимания, как Ислам Каримов – первый и пока единственный президент Узбекистана. Он быстро осознал необходимость восстановления государственного контроля над религией, но постарался сделать это так, чтобы не вызвать антагонизма у большинства верующих. События в соседних государствах убедили Каримова в том, что для удержания власти ему необходимо опираться на поддержку значительной части населения страны. Это укрепило его убежденность в том, что политические и религиозные свободы следует дозировать и тщательно контролировать.

По мере распада СССР Ислам Каримов пришел к четкому пониманию необходимости определенного компромисса с религией, чтобы ускорить процесс легитимизации в глазах населения как независимости, так и его собственной власти. Он понимал, что обстановка способствовала распространению идей исламского фундаментализма. При этом автор делает важный вывод: Однако начало кровопролитной гражданской войны в Таджикистане заставило маятник качнуться в противоположную сторону. Все правители в Центральной Азии убедились в том, что светские государства должны обладать большей степенью контроля над мусульманскими общинами в своих странах, или же светская власть в итоге окажется в подчинении у религиозной.

Олкотт убеждена, что именно гражданская война в Таджикистане вызвала раскол внутри страны, но сформировала определенную степень единства и чувство общей цели среди большинства других руководителей государств Центральной Азии, которые были готовы на военное вмешательство (и не противились таковому со стороны России) для обуздания беспорядков в соседней стране. Она также привела к более тесному сплочению наиболее радикальных элементов среди исламских лидеров в регионе.

Каримов опасался, что в случае формирования в Узбекистане излишнего «крена» в сторону ислама, его могут выдавить те, кто по-прежнему отождествлял его с атеистической Коммунистической партией, которой он служил много лет. Он также опасался, что мусульманские призывы вызывали отчуждение у представителей европейских и европеизированных групп населения, многие из которых уже покидали страну, лишая ее крайне необходимых квалифицированных кадров; не менее опасно было и то, что это могло отпугнуть потенциальных иностранных инвесторов.

Далее автор продолжает: государство было лишь одной из многих сторон, заинтересованных в оказании влияния на развитие ислама. В Центральной Азии религия всегда являлась одной из важных сил в обществе, однако теперь она выросла до таких размеров, что начала приобретать политическое измерение, что повышало опасность того, что сторонники «фундаментализма», «ваххабизма», «радикального» или «экстремистского» ислама попытаются завладеть государственной властью. Все эти термины используются неточно, как теми, кто хорошо знаком с ролью, которую в Центральной Азии ислам играет в обществе, так и теми, кто располагает лишь ограниченными знаниями в этой сфере. Призрак «исламской» Центральной Азии, будь то находящейся под фактической властью исламских партий или при мирном участии исламских групп в управлении государством, пугает многих как внутри региона, так и за его пределами.

С первых дней независимости правящей элите Узбекистана стало ясно, отмечает Олкотт, что религия станет по определению одной из важных, но потенциально изменчивых составных частей складывающейся государственной идеологии. Однако содержание идейного послания об исламе и кому доверено нести это идейное послание со временем менялись, в зависимости от того, какую угрозу, в восприятии лидеров Узбекистана, представляли собой неконтролируемые или неуправляемые исламские элементы. Религиозные лидеры Узбекистана также стремятся определить роль религии в узбекском обществе.

Автор обращает внимание, что усиление публичной роли исламских лидеров воспринимается как угроза не только государством, но и многими представителями светской элиты, которых беспокоит, что косвенная связь между моралью и религией приведет к тому, что светские деятели лишатся ведущих социальных и экономических позиций. Это создает дилемму для узбекских властей, которые опасаются использовать религиозных лидеров для пропаганды своих идей, при этом сознавая, что без дозированного использования религиозных лидеров невозможно заручиться лояльностью населения. По этой причине режим Каримова всегда стремился выявлять и затем работать с сочувствующими священнослужителями, которые, по мнению государства, будут нести идеи, полностью поддерживающие государство.

Государственные инициативы также направлены на дискредитацию считающихся опасными религиозных идей. Это достигается через контроль лицензирования и аккредитации религиозных учреждений и их служителей, издания и распространения религиозной литературы, содержания СМИ, чествования исторических фигур. Смысл – в том, чтобы бороться с идеями так называемых ваххабитов, проповедующих политизированную форму ислама, многократно подчеркивая значение «Нашего (узбекского) ислама», или с помощью лозунгов «Защитим нашу религию!», «Защитим нашу религию от всех врагов!» и «Никогда не откажемся от нашей священной религии!».

Немало внимания М.Олкотт уделяет истории ИДУ. Большинство воевавших на стороне таджикских исламистов узбеков также возвратились домой, но основной костяк руководителей ИДУ «спрятались» в районе Тавильдара. После года настойчивого давления со стороны властей Узбекистана, они были вынуждены уехать, бежав в Афганистан в марте 2000 года. Большая часть оставалась там вплоть до начала бомбардировок, организованных под руководством США после нападений на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября 2001 года. Ряды ИДУ то редели, то снова пополнялись за счет новобранцев из Центральной Азии, многие из которых вступали в ИДУ в обмен на обещание регулярного жалования. Материальная поддержка в адрес ИДУ (к тому времени основная часть таджикских бойцов была реинтегрирована в общество) существенно выросла после 2000 года, предположительно, за счет расширения связей с Аль-Кайдой.

Автор не согласна с рядом устоявшихся стереотипов. Так, она отмечает, что власти Узбекистана возлагают на ИДУ и отколовшиеся от нее организации вину за все террористические вылазки на территории Узбекистана, совершенные в 1999, 2000, 2001, 2004, 2005, и 2009 годах,

а также за налеты на территории Кыргызстана. Однако самые массовые беспорядки, произошедшие в Андижане, могли быть лишь самым косвенным образом связаны с ИДУ в лице нескольких человек, участвовавших в вооруженном нападении на тюрьму, с чего и начались волнения. Основной силой было движение «Акромия», названное в честь его лидера Акрома Юлдашева, который вышел из движения «Хизб ут-Тахрир» в 1993 году и не имел никакого отношения к ИДУ.

М.Олкотт обращает внимание на следующее противоречие. Идея с национальной уникальности узбекского варианта ханафитского ислама вступает в противоречие с глобальными силами, которым независимость помогла встать на ноги.

Говоря об отношениях между властью и религией, она делает вывод, что наиболее заинтересованные иностранные стороны, как и ведущие политические фигуры, связанные с руководством Узбекистана, хотят направить события таким образом, чтобы это играло на руку светским сторонам в Центральной Азии. Именно это намерение кроется за многими решениями каримовского режима, как усилия по социализации, чтобы показать доброжелательное отношение государства к религии, при условии правильного понимания ислама, так и жесткое обращение с теми, кто отказывается признать право государства устанавливать такие рамки. В этом отношении Каримов весьма схож со многими своими предшественниками на протяжении долгой истории региона. Обычно правители в Центральной Азии прикрывались исламом, чтобы оправдать волю правителя, а не в качестве источника собственной власти.

По мере развития Узбекистана в постсоветский период, большая часть населения страны уже не помнит Советскую власть, заключает автор. Это новое поколение получило образование в обществе, в котором разрешается исповедовать ислам, в рамках светского образования преподаются уважение к ценностям ислама, допускаются относительно нестесненные контакты с более широким мусульманским миром.

И наконец, исследовательница пишет в заключение: в какой-то мере, освобожденный от идеологических социальных ограничений советского времени, Узбекистан стал более традиционным обществом, причем гораздо сильнее привязанным к своему мусульманскому наследию, чем на протяжении большей части 20-го века. Но в то же время, Узбекистан – страна, живущая в 21-м веке, и узбеки, независимо от их политической идеологии, способны, если захотят, установить связи с мировым сообществом через интернет, телевидение и радио, выезжая за границу. Как все это будет развиваться в Узбекистане после Каримова, остается только гадать. Многое будет зависеть от событий последних лет правления Каримова, от

того, сохранится ли государственность в соседнем Кыргызстане, от мира и стабильности в Афганистане, а также от того, насколько экономические возможности для узбеков будут соответствовать их экономическим ожиданиям.

Безусловно, перед нами далеко неординарный труд. Большую ценность монографии придет не только богатый фактический материал, но и замечательные эссе, посвященные крупным религиозным лидерам узбекского общества; материал, который был доступен далеко не всем исследователям, и которым после выхода книги они могут оперировать. Но все же ряд замечаний к работе М.Олкотт остается.

Самое основное касается ее оценки сути происходящего. По-видимому, автор склоняется в большей степени к позитивной оценке феномена ренессанса и возвращения ислама в постсоветскую эпоху. Она полностью игнорирует и замалчивает тот факт, что подъем ислама фактически означает демодернизацию узбекского общества, его архаизацию и в конечном счете – деградацию. С помощью ислама (государственного ли, или неофициального) смываются последние остатки советской модернизации, успехами которой так гордились когда-то и в центре, и в самом Ташкенте. Данный вывод в полной мере относится и к другим центральноазиатским соседям Узбекистана, и Казахстан, как показывают последние тенденции и события, к сожалению уже не является исключением.

Как все это происходило в Таджикистане, М.Олкотт рассказала нам в другой книге, посвященной этой республике и также увидевшей свет в 2012 году.

1.9. Центральная Азия и региональные игроки

С обретением центральноазиатскими республиками независимости в Японии, как и в других странах мира, резко возрос интерес к этому региону. Соответственно увеличился спрос на информацию, но из-за нехватки специалистов изучение Центральной Азии нередко проводилось в виде «побочной работы» экспертами по другим регионам. Через десятилетие появилось новое поколение ученых, которые специализируются на изучении Центральной Азии и обладают знанием не только русского, но и местных языков. Помимо истории объектами исследований стали иные вопросы, которые освещались с позиции других научных дисциплин.³⁵

³⁵ См.: *Нацуко О.* Исследования Центральной Азии в Японии: современное состояние и задачи // Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее. Материалы IX Ежегодной Алма-атинской конференции. – Алматы: КИСИ, 2011. – С. 29-35.

Следует отметить одно фундаментальное противоречие японской политики в отношении региона ЦА. Это противоречие является результатом дуального, двойственного геополитического положения Японии. С одной стороны Япония традиционно – с эпохи «холодной войны» это часть Запада, один из трех столпов наряду с США и Западной Европой. США, ЕС и Япония – это три центра экономического развития. В 1990-е годы, когда уже «холодная война» была закончена Япония по инерции продолжала выступать как часть Запада, была участницей трехсторонних проектов с американской и европейской сторонами, то есть участвовала в выработке согласованной позиции Запада в отношении ЦА. В тоже время на протяжении последних 15 лет происходили заметные, а где скрытые очень серьезные изменения в геополитическом, экономическом, политическом положении японского государства.³⁶

При этом одним из важнейших факторов внешней политики Токио является китайский. Россия является другим элементом и объектом японской стратегии в Евразии. В японско-российских отношениях переплелись исторические проблемы, энергетические, экономические интересы и региональные противоречия

Энергетические интересы Японии в СНГ тесно связаны с ее интересом к Центральной Азии. Однако в своей политике в регионе Япония сталкивалась с рядом субъективных и объективных факторов. В 1997 г. Япония сформулировала свою политику в отношении Центральной Азии в доктрине т.н. «Евразийской дипломатии». Однако новая концепция не способствовала активизации японской внешней политики в отношении региона. Некоторые исследователи считают, что у политики Японии (как и Южной Кореи) в Центральной Азии есть одна общая характеристика: большой территориальный разрыв и отсутствие исторических традиций сотрудничества обрекает их на преимущественное использование экономических инструментов. При этом у обеих стран есть в регионе общие геоэкономические интересы с Китаем: направить вектор развития Центральной Азии в сторону АТР.

³⁶ См.: *Акихиро И.* Геополитика в Центральной Азии: взгляд из Японии // Казахстан-Спектр. 2007. № 1. С. 9-19; *Лаумулин М.Т.* Стратегия Японии в Евразии // Казахстанско-японское сотрудничество: состояние и перспективы. – Алматы: КИСИ, 2007. – С.33-47; или: // Казахстан-Спектр. № 1. 2007. С. 24-34; *Нурғалиев М.Е., Шаймергенов Т.* Новый трек японской дипломатии в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2007. № 6. С. 146-157; *Усубалиев Э.Е.* Политика Японии в новых геополитических условиях: центрально-азиатский вектор // Япония 2001-2002. Ежегодник. – М.: Издательство «МАКС-Пресс», 2002. С.195-208; *Чжан Яо.* Внешняя политика Японии в Центральной Азии // Политика в XXI веке: вызовы и реалии: Аналитический альманах / Под ред. к.и.н. Е.С. Хотьковой; Рос. ин-т стратегич. исслед. – М.: РИСИ, 2009. – № 11 (21). – С. 116-125.

В отношении мотивов и целей политики Японии в ЦА ряд замечает, что Центральная Азия может интересовать японцев в плане расширения Азиатско-Тихоокеанского региона и создания новых маршрутов, связывающих его с Европой. Кроме того, Страна восходящего солнца желает позиционировать себя в качестве лидера в этой части мира. Она, например, пролоббировала предоставление странам Центральной Азии статуса наибольшего благоприятствования в торговле с США. В свою очередь, Японию интересует увеличение числа государств, поддерживающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН. Начало XXI века знаменуется постепенным созданием организационной базы для продвижения исследований и подготовки специалистов по Центральной Азии.

Говоря с Японии как с внерегиональным игроком (и в чем-то части коллективного Запада), следует также назвать коллективную монографию «Японская дипломатия на Шелковом пути».³⁷ Данная работа, которую возглавили в качестве редакторов Уяма Томохико и Хиросе Тецуя (в сотрудничестве с К.Леном), посвящена предыстории и современной политике Токио в Центральной Азии и охватывает практически все аспекты сотрудничества Страны Восходящего солнца с нашим регионом.

Авторы исходят из того, что Японии пора отходит от своей прежней политике в регионе, когда Токио, формально действуя солидарно со всем Западом, делал акцент на экономическую помощь, благополучно закрывая глаза на демократическую тематику, которой придавали такое важное значение США и Европа. Авторы считают, что Японии пора подключиться к процессу демократизации региона. В качестве второго важного тезиса авторы предлагают Токио отказаться от геополитического подхода к Центральной Азии в пользу политики поддержки развития, т.е. делать упор на экономическую составляющую своих отношений со странами региона. К слову, центральноазиатская политика Японии и раньше никогда не демонстрировала тягу к какой-либо геополитизации.

Исследователи признают, что Центральная Азия никогда не рассматривалась японскими правящими кругами в качестве критически важного аспекта их дипломатической и внешнеэкономической стратегии. И по-видимому положение дел и останется на этом уровне, хотя создается впечатление, что авторам хотелось бы обратного. В качестве важнейшего условия продолжения японской политики в регионе они ставят отказ Токио от конкуренции с Россией и Китаем в какой-либо форме. Но Япония могла бы, по их мнению, найти конструктивный путь для налаживания совместного сотрудничества с этими державами.

³⁷ *Len C., Tomohiko U., Tetsuya H. (eds.). Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 206 p.*

В книге подчеркивается, что уже невозможно закрывать глаза на растущее экономическое влияние в этом регионе КНР и Южной Кореи. Будучи также северо-азиатской державой, Япония могла бы предложить своим соседям некую концепцию совместной стратегии в регионе, т.е. фактически выступать единым фронтом. Авторы не скрывают, что главным (если не единственным мотивом) стратегической активности Японии является фактор заинтересованности в энергетических ресурсах, и таким он и останется на перспективу.

Исследователи признают, что Центральная Азия никогда не рассматривалась японскими правящими кругами в качестве критически важного аспекта их дипломатической и внешнеэкономической стратегии. И по-видимому положение дел и останется на этом уровне, хотя создается впечатление, что авторам хотелось бы обратного. В качестве важнейшего условия продолжения японской политики в регионе они ставят отказ Токио от конкуренции с Россией и Китаем в какой-либо форме. Но Япония могла бы, по их мнению, найти конструктивный путь для налаживания совместного сотрудничества с этими державами.

В книге подчеркивается, что уже невозможно закрывать глаза на растущее экономическое влияние в этом регионе КНР и Южной Кореи. Будучи также северо-азиатской державой, Япония могла бы предложить своим соседям некую концепцию совместной стратегии в регионе, т.е. фактически выступать единым фронтом. Авторы не скрывают, что главным (если не единственным мотивом) стратегической активности Японии является фактор заинтересованности в энергетических ресурсах, и таким он и останется на перспективу.

Другой важный сюжет, затрагиваемый в монографии, это взгляд на центральноазиатскую политику Японии в контексте ее паназиатской стратегии и стратегических отношений с США. Первый (паназиатский) фактор наглядно проявился в новой концепции Токио в отношении региона. Если по началу она строилась по формуле диалога – «ЦА плюс Япония», затем на основе т.н. «Евразийской стратегии», то в настоящее время Токио разрабатывает новое видение своего отношения к региону в рамках т.н. «Арки свободы и процветания». Уже одно это название говорит само за себя и заставляет вспомнить геополитические проекты Японии для Азии первой половины XX в. Таким образом, паназиатский подход в политике Токио к Центральной Азии налицо.

Авторы оставляют для Японии возможность сформулировать собственный геополитический подход. По их мнению, это могли быть проекты «Расширенной Восточной Азии (совместно с Китаем и Южной Кореей) или «Восточной Евразии» (те же и Россия). Эти проекты могли бы теоретически

стать совместной площадкой и для Японии, и для Центральной Азии, включая всех заинтересованных игроков. Таким образом, в своей центральноазиатской политике Япония вновь сталкивается с дилеммой (как и на многих других внешнеполитических направлениях): подчинить ее своим интересам (что неизбежно придаст ей азиатский характер), или следовать в русле американской стратегии, что делает ее заложницей геополитики США со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Dadabaev T. Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives and Neighboring Powers. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – VIII+190.

В Великобритании в 2016 г. увидела свет книга Т.Дадабаева «Япония в Центральной Азии: стратегии, инициативы и отношения с соседними государствами». Это далеко не первая работа с политике Токио, которого мы относим к коллективному Западу, в нашем регионе. В русле идей своих предшественников автор трактует и анализирует отношение Японии к Центральной Азии, которое во многом диктовалось не экономическими императивами, а геополитическими соображениями, завязанными на соседние державы (Россия и Китай, а также США и ЕС). В конце концов, упущенные Японией возможности в регионе использовала в свою пользу Южная Корея, которая и сыграла историческую роль экономического и инвестиционного локомотива, предназначавшуюся Японии в начале 1990-х годов.

Индия с географической и геополитической точек зрения является сама по себе целым континентом, хотя сфера ее геополитического влияния ограничивается лишь Индостаном и частью Индийского океана. При этом надо учитывать, что индийская цивилизация не склонна к геополитической динамике и территориальной экспансии. В последние годы с уверенностью можно говорить с динамике технологической, развитии отраслей программного обеспечения и т.д. Все это способствует расширению торгово-экономических связей Индии, их выплескиванию за пределы государства.

С исторической перспективы Индия всегда была тесно связана с Центральной Азией. В недавнем прошлом Дели был близким и верным союзником СССР. На сегодняшнем этапе эти отношения между Индией и Россией восстанавливаются. Кроме того, политика Индии не может не затрагивать интересы Китая, США и Запада в целом, и наоборот, не влиять на ситуацию в Афганистане и Иране. Таким образом, прямо или косвенно Индия, тем не менее, должна рассматриваться в качестве геополитической силы в Центральной Азии.

В исторической перспективе Индия всегда была тесно связана с Центральной Азией. Наш регион частично и Северная Индия входили в состав различных империй Среднего Востока (Персия, держава Газневидов, Хорезм, держава Сасанидов, Делийский султанат и др.). В недавнем прошлом Дели был близким и верным союзником СССР. На современном этапе эти отношения между Индией и Россией и другими странами СНГ восстанавливаются. Кроме того, политика Индии не может не затрагивать интересы Китая, США и Запада в целом, и наоборот, не влиять на ситуацию в Афганистане и Иране. Таким образом, прямо или косвенно Индия, тем не менее, должна рассматриваться исторически в качестве геополитической силы в Центральной Азии.

Проблемы отношений Центральной Азии с Индией имеют обширное освещение в зарубежной, преимущественно индийской и частично в западной, литературе, несмотря на узкую в реальности область для исследований. Индийская тематика имеет вторичный характер и вытекает из влияния, которое мог бы потенциально оказать на регион Пакистан, который в свою очередь связан с регионом в силу своего влияния на Афганистан.

Индия традиционно, с советских времен располагает сложившейся школой русистов, из которых сформировался современный корпус специалистов по Центральной Азии. Это такие авторы как ветеран политологии Д.Каушик, а также А.Сангупта, П.Мани, С.Чаттерджи, С.Муни. Нетрудно заметить у этих исследователей довольно сильный антиамериканизм.

Среди ранних индийских изданий с регионе можно назвать сборники «Этничность и политика в Центральной Азии»³⁸ и «Возникновение нового порядка в Центральной Азии»³⁹. Индийское видение своих интересов в регионе изложили в своих работах М.Пури – «Центральноазиатская геополитика»⁴⁰ и Дж.Бакш – «Геополитическая конвергенция России, Индии и центральноазиатских республик»⁴¹.

Одной из наиболее активных индийских экспертов по региону является Анита Сенгупта, автор многочисленных статей и книг по самым различным проблемам Центральной Азии. Среди последних этнические отношения и положение нацменьшинств, регионализм, геополитика, пан-тюркизм,

³⁸ *Warikoo K., Dawa Norbu (eds.) Ethnicity and Politics in Central Asia.* – New Delhi: South Asian Publishers, 1992. – 291 p.

³⁹ *Warikoo K. (ed.). Central Asia. Emerging New Order.* – New Delhi: Har-Anand Publications, 1995. – 352 p.

⁴⁰ *Puri M.M. Central Asian Geopolitics: the Indian View // Central Asian Survey.* 1997. Vol.16. No. 2, pp. 237-268.

⁴¹ *Baksh J. Russia, India and the Central Asian Republics: Geopolitical Convergence // Strategic Analysis.* 1996. Vol.XIX. No 5.

исламское наследие и др. В 2002 г. индийская исследовательница опубликовала крупную монографическую работу – «Трансформация идентичности в Центральной Азии»⁴², в которой рассматривала процесс формирования государств-наций в регионе (в основном на примере Таджикистана и Узбекистана).

Другими крупными исследователями индийско-центральноазиатской проблематики являются такие исследователи как Н.Вохра – автор книги «Культура, общество и политика в Центральной Азии и Индия»⁴³, С.Гопал – «Индия и Центральная Азия»⁴⁴ и Девендра Каушик – ветеран индийской школы изучения СССР и Советской Средней Азии. Большинство индийских авторов являются последователями марксистского направления в науке, обучались в Советском Союзе и своих работах после распада СССР в целом сохранили подходы и воззрения, полученные ранее. Геополитические процессы в Евразии они, как правило, рассматривают в ракурсе желательного объединения Индии, России и центральноазиатских республик для совместного противостояния Пакистану и в целом исламскому давлению, Китаю и Соединенным Штатам.

Среди западных авторов по индийской тематике писали С.Блэнк в работе «Рост индийского фактора в Центральной Азии»⁴⁵ и Д.Ритц в «Соперничестве Индии и Пакистана в Центральной Азии»⁴⁶. Еще ранее французский политолог Г.Этьен посвятил политике Пакистана в регионе работу «Пакистан и Центральная Азия»⁴⁷. Южно-азиатская проблематика затрагивается также в книге «Новая Центральная Азия и ее соседи» под ред. П.Фердинанда⁴⁸.

Индийские исследователи проблем Центральной Азии уделяют большое внимание проблеме ислама. В начале 1990-х гг. они предсказывали рост исламского фундаментализма в постсоветских республиках региона. Они отмечали, что вполне возможно слияние исламского возрождения

⁴² *Sengupta A.* Frontiers into Borders. The Transformation of Identities in Central Asia. – Kolkata: Hope India Publications, 2002. – 224 p.

⁴³ *Vohra N.N.* (ed.) Culture, Society and Politics in Central Asia and India. – New Delhi: Shipra Publications, 1999.

⁴⁴ *Gopal S.* (ed.) India and Central Asia. – New Delhi: Shipra Publications, 2000.

⁴⁵ *Blank S.* India's Rising Profile in Central Asia // *Comparative Strategy*. 2003. Vol.22. No 2, pp. 139-157.

⁴⁶ *Reetz D.* Der Wettstreit Indiens und Pakistans um Zentralasien: Kulturdialog, Machtpolitik, Globale Interessen // *Die sicherheitspolitische Entwicklung in Südasien*. Hrsg. von P.Hazdra und E.Reiter. – Wien: Landesverteidigungsakademie, 2002.

⁴⁷ *Etienne G.* Le Pakistan et l'Asie Centrale // *Central Asian Survey*. 1994. Vol. 13. No.1, pp.33-36.

⁴⁸ *Ferdinand P.* (ed.) The New Central Asia and its Neighbours. – London: RIIA and Pinter Publishers, 1994. – 120 pp.

со всплеском посткоммунистического национализма. «Если это произойдет, то результатом будет изменение ситуации в Синьцзяне, а затем в Тибете». Вполне понятен интерес индийских политологов к развитию исламских тенденций в Центральной Азии. С одной стороны, Индия опасалась, что центральноазиатские республики будут ориентированы в своем внешнеполитическом развитии на мусульманский мир, прежде всего на Пакистан. Но с другой стороны, в интересах Индии, если рост исламизма приведет к подрыву китайских позиций во Внутренней Азии.

Исламская тематика занимает большое место в книге Д.Хиро, который дал ей броское название «Между Марксом и Мухаммедом»⁴⁹, подчеркивая исламскую идентичность региона, которая существует на коммунистическом субстрате, обязанном своим появлением советской эпохе. В сосуществовании ислама и коммунизма этот автор видит главный парадокс современной Центральной Азии.

Д.Рец⁵⁰ писал, что прошедшие годы отмечались все более нарастающим вызовом со стороны Индии. Политика Дели в отношении Кашмира, в Афганистане и собственно в Центральной Азии носила ярко выраженный антипакистанский характер; Индия делала все возможное, чтобы не допустить укрепления Исламабада в регионе. Автор с тревогой пишет, что пока Индия и Пакистан заняты соперничеством между собой из-за влияния в регионе, другие государства – ЕС, новые индустриальные страны, Китай и Турция – экономически и политически укрепляются в регионе. Немецкий автор К.Фриче считает, что в реальности Центральная Азия представляет незначительный интерес для индийской внешней политики и внешней торговли. Индийская стратегия строится на использовании соперничества между Пакистаном и Ираном за влияние в регионе; таким образом, Иран выступает союзником Дели, и вся индийская риторика об угрозе исламского фундаментализма становится не более чем элементом политической игры⁵¹.

Д.Каушик (ун-т им.Дж.Неру) в работе «Евразийская перспектива азиатской структуры безопасности»⁵² исходит из того, что угрозы в основном

⁴⁹ *Hero D. Between Marx and Muhammad. The Changing Face of Central Asia.* – London: Harper Collins, 1994. – 402 p.

⁵⁰ *Reetz D. Central Asia and Pakistan – A Troubled Coutship for an arranged Marriage: Conflicting Perceptions and Realities // Central Asia (Peshawar).* No 37. Winter 1995, pp. 17–38.

⁵¹ *Fritsche K. India as Actor in Central Asia // Halbach U. (Hrsg.) The Development of the Soviet Successor States in Central Asia. Its Implications for Regional and Global Security.* – Koln: BIOIS, 1995. S. 111–119.

⁵² *Kaushik D. Eurasian Perspective of Asian Security Structure: New Chances for Indian-Chinese Cooperation // Asia Annual.* 2003. Ed. by M.Singh. – New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 70-83.

являются побочным продуктом агрессивной политики односторонних действий США для получения контроля над огромными природными ресурсами развивающегося мира. Д.Каушик останавливается на проблеме безопасности в Азии с середины XX в., подробно анализирует деятельность Шанхайской организации сотрудничества, в состав которой входят Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Узбекистан, особо отмечает, что эта организация открыта для новых участников или наблюдателей. Монголия, Индия, Иран, Пакистан и США выразили заинтересованность в ее деятельности. Автор уделяет большое внимание вопросам нормализации отношений между Индией и Китаем, а также подчеркивает целесообразность сотрудничества в треугольнике Россия-Индия-Китай. То есть, Д.Каушик с точки зрения геополитики близок к концепции российского политика Е.Примакова многополярного мира и формирования «Большого Азиатского Треугольника».

П.Мани (Институт оборонных исследований и анализа, Дели) в работе «Центральная Азия: роль Индии»⁵³ пишет, что после событий 11 сентября в США и американской военной операции в Афганистане началась не только новая эпоха в мировой политике, но и новая фаза в борьбе за влияние в Центральной Азии. США глубоко вовлеклись в дела региона, который раньше считался «маргинальным» для их национальных интересов. Индия не смогла серьезно обозначить свое присутствие в Средней Азии в первые годы после образования здесь независимых государств с мусульманским населением. Опасность того, что они создадут «исламский альянс», вызывала озабоченность Индии. Тем более что Пакистан предпринимал шаги по расширению влияния в Средней Азии, подчеркивая необходимость мусульманского единства. После поражения талибов в Афганистане и установления правительства Хамида Карзая геополитическая ситуация резко изменилась, в том числе и в пользу Индии. Стратегическое положение Центральной Азии и потребность Индии в энергетических ресурсах способствуют активизации ее сотрудничества со странами этого региона.

Анита Сенгупта (Институт азиатских исследований) в работе «Россия в Евразии: дебаты продолжаются»⁵⁴ считает, что отношения России со странами Центральной Азии завершили полный круг: от окончательного отделения последних сразу же после распада СССР до попыток реинтеграции перед лицом растущего западного влияния в Центральной Азии,

⁵³ *Mani P.* Central Asia: Role of India // *Asia Annual*. 2003. Ed. by M.Singh. – New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 84-96.

⁵⁴ *Sengupta A.* Russia in Eurasia: the Debates continue // *Asia Annual*. 2003. Ed. by M.Singh. – New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 110-121.

от согласия России допустить военное присутствие Запада в этом регионе после 11 сентября 2001 г. до стремления восстановить там свое влияние. Политику России в отношении Средней Азии А. Сенгупта характеризует как двойственную. С одной стороны, Россия признает наличие различий между ней и данным регионом, с другой – подчеркивает его важность для своих национальных интересов. С этим во многом связаны и дебаты в России с ее будущим и национальной самоидентификации. Отсюда возникают, в частности, такие вопросы: является ли Россия исключительно европейской страной или она должна учитывать двойное наследие, которое признает евразийскую идеологию? как в будущем должны развиваться отношения между Москвой и бывшими азиатскими республиками? Рассматривая ход событий в отношениях между Россией и странами Центральной Азии в течение последнего десятилетия, автор отмечает, что российская политика в Центральной Азии существенно изменилась: фактически России пришлось признать, что покинув этот регион, она позволила другим странам, особенно западным, а также Китаю, Турции, Ирану, Пакистану и Саудовской Аравии заполнить вакуум. Поворот России лицом к Центральной Азии связан, кроме того, с интервенцией НАТО на Балканах и активизацией деятельности этой организации в странах СНГ.

С.Чаттерджи (Институт азиатских исследований) подчеркивает⁵⁵, что модернизация в постсоветских республиках Центральной Азии измеряется как темпом экономических и политических реформ, так и отношением общества к ним. По ее мнению, роль внешних факторов в модернизации более существенна, чем роль внутренних. За время независимости этих стран фактически не было каких-либо структурных преобразований в их экономике. На деле произошла переориентация политики данных стран, которая привела к таким негативным результатам, как упадок промышленного производства, рост безработицы, деградация в сфере здравоохранения и образования. Первоначальная волна поддержки демократизации стала угасать по мере того, как переход к рыночной экономике становился все более болезненным. Для создания устойчивой демократии в Средней Азии необходимо построение основ гражданского общества.

Индийский исследователь А.Моханти анализирует внешнюю политику России. После дезинтеграции СССР она прошла через несколько этапов⁵⁶ Российская внешняя политика, по его мнению, сыграла критическую роль во внутренних преобразованиях страны. В сложившихся условиях после

⁵⁵ Chatterji S. The Development Trends in Kyrghyzstan // *Asia Annual*. 2003. Ed. by M.Singh. – New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003, pp. 97-109.

⁵⁶ *Asia Annual*, 2003, pp. 210-225.

раздела СССР эта политика могла быть только прозападной, проамериканской. С середины 1990-х годов во внешнюю политику России были внесены существенные коррективы, которые отразили политический и экономический прагматизм в ее отношениях с Западом. Активизировалась ее деятельность на иных внешнеполитических направлениях – связях с Индией, Китаем, другими азиатскими странами. Россия при В.В. Путине в целом проводит многовекторную внешнюю политику по защите своих национальных интересов на Западе и Востоке, хотя имеются и определенные колебания в этом курсе. Например, стали более прагматичными отношения с США. Одним из главных элементов нынешней внешней политики России является курс на создание многополюсного мира. Россия как евразийская страна пытается найти баланс между западным и восточным направлениями своей политики. Недостаток ресурсов остается самым серьезным ограничителем в достижении ее внешнеполитических целей.

С.Д. Муни (Школа международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Дели) пишет⁵⁷, что расчленение СССР и возникновение однополюсного мира потрясли всю прежнюю структуру индийской внешней политики. Индия была вынуждена искать новые возможности на глобальном и региональном уровнях для защиты своих интересов. Страны АСЕАН, Япония, Корея, Китай, как наиболее динамично развивающиеся, представляют собой многообещающий рынок для сотрудничества. Индия также проявила заинтересованность в развитии связей с Центральной Азией. Автор отмечает, что активизация сотрудничества с этими регионами не должна наносить ущерб деятельности Индии в рамках СААРК. Индии не следует выступать в роли конкурента Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а лучше сосредоточиться на сотрудничестве с КНР и Россией в создании демократического многополюсного мира. Она могла бы взаимодействовать с Китаем на таких форумах, как Шанхайская организация сотрудничества.

Таким образом, легко заметить, что геополитические воззрения индийских экспертов сохраняют во многом инерцию прежних времен. Так, в них доминирует антиамериканизм и антипакистанизм, хотя они отдают дань современным тенденциям, в частности – борьбе с «международным терроризмом». Но для индийских политологов эта борьба означает в первую очередь борьбу с радикальным исламизмом. Именно под этим углом зрения в Дели трактуют стратегию Индии, политику США и Пакистана, в том числе и в Центральной Азии. По их мнению, для Дели главной

⁵⁷ Asia Annual, 2003, pp. 141-150.

геополитической задачей является не допустить установления в этом регионе доминирования Пакистана, за спиной которого могут стоять Соединенные Штаты. Для этого даже не исключается, и это является совершенно новым для индийских авторов, участие Индии в треугольнике Пекин-Москва-Дели. Однако, их допущения такой перспективы являются крайне осторожными. В 2003-05 гг. в индийской политологической мысли начинают курсировать идеи с возможности установления полноценного стратегического партнерства с США.

Всплеск геополитической активности Индии в Центральной Азии приходится на период 2002-03 гг. после проведения антитеррористической операции в Афганистане и изменения всей геополитической ситуации в регионе. Интересы Индии можно разделить на две группы: собственно геополитические, которые включают в себя соперничество с Китаем и Индией, партнерство с Россией; и экономические, которые включают в себя в первую очередь энергетические интересы, а также торгово-экономические.

Стратегическая цель Индии, которая по многим параметрам схожа с политикой, проводимой США в Центральной Азии. То есть деятельность Дели направлена не только на стабилизацию ситуации в Центральной Азии, но и на формирование условий, позволяющих Индии занять более значимую роль в регионе. Это может быть и экономическое и военно-политическое сотрудничество, преследующее цель установления стратегического партнерства со странами региона. На первых этапах это, возможно, будет партнерство «равных», но в последующем не исключено, что Дели захочет быть «первой скрипкой» в «центрально-азиатском оркестре».

После присоединения к российско-иранскому проекту по созданию торгового и энергетического коридора «Север-Юг», Индия обеспечила на ближайшую перспективу доступ к торгово-энергетическому потенциалу стран центральноазиатского региона.

Испытывая острую потребность в энергии, Индия намерена направить экономические ресурсы на развитие отношений с Центральной Азией. Ряд визитов в страны региона премьер-министров Индии, министров обороны и иностранных дел свидетельствуют с том, что Индия в своей внешней политике все чаще стремится выйти за пределы традиционной ориентации на Китай и Пакистан. Таким образом, энергетические потребности Индии приводят ее в Центральную Азию.

Вашингтон начал с начала 2000-х гг. рассматривать Индию как будущего потенциально важного стратегического партнера в Евразии, т.е. в проведении своей стратегии в отношении Пакистана, Афганистана,

Центральной Азии, Китая и, возможно, России. В перспективе не исключается толерантное отношение США к возможности создания индийских военных баз в Центральной Азии (в частности, в Таджикистане), замена Исламабада на Дели в качестве основного стратегического партнера в регионе (в том числе с учетом китайско-индийской конфронтации). Вашингтон был бы также заинтересован в определенном ослаблении российско-индийского военно-технического и военно-стратегического сотрудничества. В любом случае, активизация индийской политики в Центральной Азии больше не рассматривается в США как враждебная, пророссийская или антиамериканская.

Укрепление индийско-американских связей вызывает озабоченность в политических кругах КНР. Индия должна брать во внимание озабоченность Китая своей безопасностью, согласно принципу «чувствительности к беспокойству друг друга». Параллельно Китай стремится наращивать экономическое сотрудничество с Индией и призывает Дели найти пути увеличения вложений в Китай и повысить объем взаимной торговли.

Таким образом, Индия с начала 2000-х гг. постепенно включалась в «Большую игру» в Центральной Азии. Не вызывает сомнений, что эта держава имеет свои геополитические интересы в регионе, которые детерминированы рядом факторов. К ним относятся следующие: партнерство с Россией; китайское присутствие в Центральной Азии; сближение Индии с Западом и США; соперничество с Пакистаном; угроза распространения воинствующего исламизма; транспортно-энергетические и торгово-экономические интересы Дели в Центральной Азии и соседних регионах.

Проблема состоит в том, в какой форме и какими средствами будут реализовываться индийские интересы в Центральной Азии. Геополитическая картина в регионе остается чрезвычайно сложной. Ведущую роль по-прежнему играют три ведущих силы – Россия, США и Китай. Напрашивается вывод, что усиление индийских позиций в регионе готова приветствовать, прежде всего, Москва, которая видит в Дели своего традиционного стратегического партнера. Учитывая новый характер американо-индийских отношений, можно предположить, что Вашингтон будет согласен с расширением индийского присутствия, поскольку укрепление связей между странами Центральной Азии со светским и демократическим государством Азии, которой является Индия в глазах Запада, является, безусловно, стабилизирующим фактором.

Неясно, какова будет реакция Китая, но легко предположить, что Пекин не заинтересован в широком индийском присутствии в регионе, также и в возвращении российско-индийского стратегического партнерства к формату советской эпохи. Аналогичной является и позиция Пакистана,

который каждый внешнеполитический шаг Индии рассматривает в строго в антипакистанском контексте. Но Исламабад не представляет собой значимого партнера для Центральной Азии и фактически представляет интерес только с точки зрения его влияния на ситуацию в Афганистане.

Таким образом, потенциал Индии для расширения своего экономического, военно-стратегического и геополитического присутствия в Центральной Азии существует. Как он будет реализован, зависит в первую очередь от состояния индийско-российских отношений, реализации ряда крупных коммуникационных и энергетических проектов, а также от объективных геополитических и географических факторов. Несмотря на кажущуюся географическую близость Индостана к Центральной Азии, прямая транспортно-коммуникационная связь между двумя регионами затруднительна.

И наконец, Индия является державой, прямо заинтересованной в расширении экономических связей с регионом и сохранении здесь стабильности. Аналогичными интересами руководствуются и сами государства Центральной Азии. Данный фактор является фундаментом для дальнейшей интенсификации связей между странами региона и Индией. Кроме того, по мере роста экономической и геополитической мощи Индии, как это происходит сейчас с Китаем, расширение ее влияния и амбиций неизбежно затронет в той или иной форме и Центральную Азию. Важно, чтобы в Дели помнили, что Центральная Азия всегда будет сохранять свои традиционные связи с Россией, будет оставаться частью «Евразии» как геополитического феномена, а также частью европейского (ОБСЕ) политического пространства.

Joshi N. (ed.) Reconnecting India and Central Asia: Emerging Security and Economic Dimensions. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. – IX+182 pp.

Появление коллективного труда «Воссоединение Индии и Центральной Азии: растущее значение факторов безопасности и экономики» под руководством проф. Нирмалы Джоши вновь возвращает в повестку дня тему индийско-центральноазиатских связей. Характерно, что данная монография появилась не в Дели, и не в одной из столиц стран региона, а в Вашингтоне – в рамках исследовательской программы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джона Гопкинса, возглавляемой в течение многих лет проф. Ф.Старром. Это означает, что проблема выросшего геополитического значения Индии и ее влияния на регион Центральной Азии вызывает самое пристальное внимание в США и на Западе в целом.

Монография посвящена, строго говоря, двум основным проблемам, обозначенным в заглавии работы – безопасности и экономике. Но в книге присутствует и третье измерение: положение двух партнеров в мире в контексте новых изменившихся геополитических реалий.

В целом, авторы книги, несмотря на выбранные для себя сюжеты своих разделов, проповедуют один подход: они рассматривают отношения между Индией и регионом ЦА в контексте существования «Большой (Расширенной) Центральной Азии», в которую включают помимо собственно нашего региона также Южную Азию, Афганистан, Иран и Турцию. Выбранный метод распространяется не только на сферу геополитики и безопасности, но и на область экономических связей. Тем самым взаимодействие Индии с центральноазиатскими государствами, само по себе достаточно скромное, в данном контексте приобретает совсем другое, более весомое измерение.

Таким образом, на концептуальном уровне все вышеизложенное вполне укладывается в известную концепцию Ф.Старра с БЦА, который и задал тон всей книге в своем предисловии к ней. Рассмотрим теперь то, как видят авторы книги общность интересов Индии и стран ЦА в контексте общего понимания угроз и вызовов.

Авторы исходят из того, что геополитическое значение ЦА для Индии не вызывало сомнений в прошлом, не вызывает оно сомнений и в настоящем. Для индийского стратегического мышления ЦА представляет собой часть широкого стратегически важного для Индии пространства. В Дели считают, что меняющаяся геополитическая и стратегическая обстановка в Евразии требует индийского участия для «восстановления» той роли, которая (якобы – М.Л.) была присуща Индии в этом регионе в прошлом. При этом Дели будет стараться играть «конструктивную роль» в ходе той геополитической борьбы за ресурсы региона, которые влекут сюда глобальных игроков.

«Большая игра» вокруг региона с точки зрения Дели выглядит следующим образом. Налицо две тенденции – сотрудничество и соперничество между двумя парами геополитических игроков: США и ЕС с одной стороны, Россией и Китаем – с другой. При этом Индия (по инерции) сотрудничает с Россией, но перед лицом растущего влияния Китая все больше склоняется к партнерству с Соединенными Штатами. Любопытно, что в Дели уверены, что в Центральной Азии разделяют индийскую точку зрения с недопустимости доминирования какой-либо одной державы. В то же время, индийские эксперты также уверены, что позиции России и Индии на будущую роль КНР в регионе совпадают. И она представляется им как внушающая озабоченность.

Другая озабоченность Дели вытекает из опасений, что Центральная Азия может стать частью стратегически опасного для Индии соседства, т.е. сферой влияния расширенного Аф-Пака. В дальнейшем все внимание авторов сосредотачивается на проблеме Афганистана, который должен стать, по их мнению, предметом общей заботы Индии и государств региона. Авторы позволяют себе критиковать политику администрации Б.Обамы в Афганистане в той ее части, которая предполагает заигрывание с т.н. умеренными талибами и поощрение в Пакистане тех сил, которые стояли за терактом в Бомбее в 2008 г.

Сердцевиной индийских интересов в ЦА, как явствует дальше из текста, являются энергические ресурсы региона. Эпицентром этих интересов становится Казахстан, с которым Индия заключила Соглашение с стратегическом партнерстве. Благодаря этому факту, а также возможному вхождению Афганистана в СААРК (Ассоциация по региональному сотрудничеству Южной Азии), Индии удастся сформировать некое подобие регионального блока в духе своей осуществляемой с начала 1990-х гг. политики «поворот лицом к Западу». Подобное развитие событий вывело бы Дели в лидеры (в т.ч. и перед лицом Запада) БЦА. В свою очередь, реализация проекта БЦА позволило бы наладить торговые и транспортные связи Индии с ЦА, которые столь жизненно ей необходимы.

Далее авторы переводят абстрактные геополитические конструкции на более понятный язык цифр. Так, ожидается, что к 2015 г. уровень торговли Индии с Евросоюзом, СНГ, Ираном, Афганистаном и Пакистаном достигнет 500-600 млрд. долл. ежегодно. Если даже 20% товаропотока пойдет через Афганистан и Центральную Азию, это выразится в 100-120 млрд. долл. выгоды для соответствующих сторон (за транзит? а как же стоимость самих товаров? – М.Л.). Некоторые индийские штаты на севере страны напрямую заинтересованы в географически более выгодном маршруте через Афганистан и Пакистан. И наконец, Индия по-прежнему заинтересована в трубопроводном проекте, который связал бы ее с Туркменистаном через Афганистан и Пакистан.

Впрочем, авторы вполне отдают себе отчет в том, что проект БЦА носит в большей степени экономически-гипотетический характер, в то время как на его пути лежат практически непреодолимые политические препятствия: нестабильность в Афганистане, индийско-пакистанские противоречия и др.

В этой связи авторы берут на себя смелость сформулировать обновленную геополитическую повестку дня для Дели (подразумевается, что таковая уже вызрела в недрах стратегического истеблишмента страны). Понимание стратегических реалий должно толкать Индию к тому, чтобы

способствовать стабилизации Афганистана и Пакистана и в первую очередь, чтобы наладить прямое транспортное сообщение с Центральной Азией и с выгодой для себя использовать энергетические богатства региона.

В качестве партнера по реализации данного геополитического проекта (объединение Центральной и Южной Азии) Индия могла бы заинтересовать и привлечь США. На практическом уровне участие Америки выразилось бы оказании своего влияния по стабилизации Пакистана. Кроме того, как предполагают авторы, стратегическое партнерство между Дели и Вашингтоном из Афганистана могло бы быть распространено и на Центральную Азию. В этом случае стратегическая ось могла быть превращена в геополитический треугольник США-Индия-Россия.

В качестве ближайшего объекта для совместных действий авторы называют Таджикистан, который обладает пугающе близкими к Афганистану и Пакистану топографическими, религиозными и социально-экономическими характеристиками. На стратегическую перспективу эксперты советуют Индии больше внимания уделять молодежи региона и активнее участвовать в формировании будущих элит стран региона. В целом центральноазиатская политика Индии должна встраиваться в общий контекст ее азиатской стратегии.

В дальнейшем Индия могла бы вполне реально рассмотреть возможность принятия некоторых государств региона (Таджикистан и Узбекистан) в руководимый ею региональный союз СААРК. Но Индия, заключают авторы, не должна целиком ставить себя в зависимость от того, насколько успешно удастся интегрировать или стабилизировать Афганистан и Пакистан. Для связей с ЦА у нее существует альтернатива в виде иранских портов и железнодорожной сети на территории Ирана.

По ходу текста авторы сами называют Индию «опоздавшим актором» в ЦА. Это объясняет их некоторую зацикленность вокруг геополитических вопросов. Авторы явно стремятся представить Индию в качестве глобального игрока и тем самым мотивировать ее интересы в регионе. Отсюда также стремление привязать Индию к неким стратегическим треугольникам (с участием США, России или Китая). Однако в реальности интересы Индии скромнее и носят, скорее, региональный характер. Этот факт ставит Дели в один ряд с такими игроками как Тегеран, Исламабад или Анкара. Складывается впечатление, что местами авторы отдают себе в этом отчет.

Но и без этого вывода данная книга, несомненно, представляет интерес, поскольку дает представление о процессе формирования индийского геополитического мышления, который стартует прямо на наших глазах вместе с Индией, которая ищет достойное для себя геополитическое место в мире.

И это тем более интересно, поскольку для этих целей выбран именно наш регион, который уже давно стал своего рода геополитическим объектом (или призом) номер один в Большой Игре на Евразийской шахматной доске. И Индия не хочет и не может стать исключением.

Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies.

Eds. by M.Laruelle and S.Peyrouse. – Farnham: Ashgate, 2011. – 248 p.

Несомненный интерес представляет коллективная монография французских и индийских ученых «Карта Центральной Азии в восприятии и стратегии Индии». Книга издана под редакцией известных французских востоковедов Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза, которые в свою очередь привлекли к работе таких ветеранов индийского центральноазиатского изучения как А.Патнаик, К.Варико, С.Чаттарджи, А.Сенгупта, С.Гопала и других.

С композиционной точки зрения книга состоит из трех частей. Первая часть посвящена общей истории Индии и Центральной Азии как связующему мосту к настоящему. Отношения между двумя цивилизациями и регионами показаны с точки зрения их исторического соседства, интенсивности контактов и последующей «разорванности» связей. В этой связи любопытно, как в исторической памяти новой постколониальной индийской элиты в мифологизированном виде отразились исторические связи с Центральной Азией, которые без сомнения повлияли на формирование представлений и стратегических подходов уже в современное время. Главный вопрос этой части состоит в следующем: будет ли работать механизм исторических связей двух регионов в 21-м веке?

Вторая часть «Контекстуализация индо-центральноазиатских отношений» рассматривает данный период именно как период надежд, разочарований и постепенного перехода к взаимному прагматизму. В данной части признается, что Индия по своему геополитическому весу и влиянию все-таки не дотягивает до остальных четверых игроков в регионе (РФ, США, ЕС и КНР). Третья часть монографии обращена к геополитическим проблемам, оказывающим влияние на политику Индии в отношении ЦА – пакистанский фактор, Кашмир, Афганистан и Синьцзян. В этой части подспудно угадывается мысль авторов с том, что «геополитическая неопределенность» вокруг Центральной Азии оставляет Индии шанс встать вровень с другими геополитическими тяжеловесами.

Авторы подчеркивают, что основными причинами появления данного издания были два парадокса. Первый касается того факта, что проблема отношений между Индией и странами Центральной Азии стала традиционным сюжетом с точки зрения классической геополитики. Но парадокс

состоит в том, считают авторы, что по-настоящему данный вопрос фактически не исследовался на политическом, экономическом, стратегическом и культурном уровнях взаимодействия. Основным связующим звеном в области безопасности для обеих сторон остается Афганистан («отсутствующая связь», как называют его авторы). Вторым парадоксом является тот факт, что, несмотря на относительно высокий уровень развитости центральноазиатских исследований в Индии, индийская политологическая школа игнорируется на Западе и практически находится в изоляции. Индийские достижения в этой сфере признаются в основном под эгидой востоковедения.

По-видимому, стремление познакомить западное академическое сообщество с индийской точкой зрения и было основным побудительным мотивом для М.Ларюэль и С.Пейруза. По их мнению, данную книгу следует рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, в качестве классического академического труда, в котором выражается коллективная точка зрения на стратегию Дели в регионе. Во-вторых, на уровне отдельных разделов каждый индийский автор сохраняет собственную индивидуальность при рассмотрении контекста отношений Индии и Центральной Азии.

Выводы из данного труда следуют неутешительные для индийской стороны. Исследователи констатируют пропасть между немалым потенциалом для создания индо-центральноазиатского альянса и той слабостью своего присутствия в регионе, который демонстрирует Дели к концу первой декады 21 столетия. Очевидно, что Индия осталась в стороне от той схватки в жестком стиле, которую вели Россия и США на геополитическом уровне, и Россия, США и Китай за обладание энергоресурсами. Тем самым Индия могла бы встать в один ряд с державами, использующими для влияния экономические рычаги – Евросоюзом, Южной Кореей и Японией.

В качестве потенциала для наращивания своего влияния в Центральной Азии Индия располагает демократическим багажом, который рано или поздно будет востребован народами региона, а также своими хорошими отношениями с Россией. Индия, как и центральноазиатские республики, заинтересована в преодолении маргинального положения Ирана в регионе и его более тесной интеграции в региональные дела. Но, констатируют авторы, Индия никогда не сможет заменить Китай в экономическом смысле. Среди всех стран региона первоочередной интерес для Индии представляет Казахстан. Стороны могли бы успешно сотрудничать в самых разных областях: космосе (особенно после ухода России из Байконура), атомной энергетике и информационных технологиях. В целом три государства – Индия, Казахстан и Россия -могли бы составить, по мнению авторов, успешный геоэкономический треугольник.

Если в будущем удастся направить основные потоки энергоресурсов (газ, электроэнергия, в меньшей степени нефть и уран) из Центральной в Южную Азию, экономическое значение Индии для региона неизмеримо возрастет, и наоборот. Но авторы не исключают, что геополитическая ситуация в регионе может стагнировать; хуже того, события могут развиваться далеко не в пользу Индии. Такой сценарий предусматривает установление экономического протектората Китая в регионе, или исламизацию стран Центральной Азии. В целом же, звучит финальный вывод, отношения между Индией и Центральной Азией зависят от сторонних факторов, которые не поддаются манипулированию и контролю.

К предыдущему изданию тематически примыкает коллективная монография (под ред. К.Варико, университет Дж.Неру) «Религия и безопасность в Южной и Центральной Азии».⁵⁸ Авторский коллектив рассматривает проблему в широком международном контексте: возрождение Талибана в Афганистане, талибанизация Пакистана, политика и практика исламского терроризма в Индии, исламский экстремизм в Кашмире, исламский экстремизм и террористическая сеть в Бангладеш, дестабилизирующая роль Хизб-ут-Тахрир в Центральной Азии, роль мусульманских лидеров в Таджикистане, этно-религиозный сепаратизм в Синьцзяне и др.

Как мы видим, руководитель проекта К.Варико сделал попытку максимально внедрить центральноазиатскую проблематику в расширенную региональную повестку дня, рассматривая оба региона через призму растущей угрозы радикального исламизма. Он исходит из того, что исламисты принципиально не согласны с концепцией демократии и секуляризма. В то же время риторика политического ислама представляет собой ответную реакцию на растущее экономическое неравенство, коррупцию, политическое бессилие внутри мусульманских обществ, а также на моральное банкротство современной западной материалистической культуры и ее системы ценностей. Не остались в стороне от этих процессов и страны Центральной Азии. Но основной причиной нестабильности с исламистским подтекстом Варико видит в близости региона к Афганистану; по этой же причине данная угроза затрагивает Пакистан и Индию.

Индийский исследователь вполне резонно предполагает, что общая угроза должна сплотить заинтересованные стороны – Индию, Китай, Россию и ее центральноазиатских союзников. В качестве другого инструмента для сопротивления воинствующему исламизму Варико называет суфизм и в более широком смысле – общее культурно-религиозное наследие некогда обширного и связанного между собой региона Северного

⁵⁸ Religion and Security in South and Central Asia. Ed. by K.Warikoo. – London, New York: Routledge, 2011. – 217 p.

Индостана, Среднего Востока и Центральной Азии. Фактически, к созданию альтернативы в форме умеренного ислама (в форме суфийской традиции) в качестве официальной политики ученый и призывает режимы Центральной Азии. Представляется очевидным, что после недавних событий в регионе над этой идеей стоит призадуматься.

Warikoo K. Eurasia and India. Regional Perspectives. – London, New York: Routledge, 2017. – 174 p.

Вышедшая в 2017 г. коллективная монография «Евразия и Индия – региональные перспективы» под редакцией К.Варико⁵⁹ (Ун-т Дж.Неру) в составе индийских, российских и казахстанских авторов посвящена, как очевидно следует из названия, широкому спектру отношений Индии с постсоветскими государствами – участниками процесса евразийской интеграции, в т.ч. и на региональном уровне – районы распространения буддизма в Южной Сибири РФ (Бурятия, Хакассия, Тува и Алтай). К.Варико отмечает, что евразийство близко Индии в историко-культурном, политическом и экономическом контексте. Помимо России следующим важным игроком в Евразии является Казахстан, которого также многое сближает с Индией. Ученый подчеркивает, что евразийский вектор во внешней политике РФ и РК логически подводит их к участию в ЕАЭС и что Индия не может оставаться безучастной к евразийской интеграции в силу исторических и всех остальных выше перечисленных причин.

В работе большинство статей посвящено индийскому культурному влиянию на народы Евразии, на их религиозные культы (шаманизм), музыку и искусство. Отдельный раздел посвящен творчеству Н.Рериха как связующему звену между двумя культурами. Книга также содержит фотографии памятников индийской культуры в Южной Сибири, что отмечается редактором как первый подобный пример в историографии. В политико-экономической области в работе рассматриваются транспортные вопросы и внешнеполитические задачи Казахстана в контексте евразийского вектора.

⁵⁹ К.Варико является также автором или редактором следующих книг: *Warikoo K. Himalayan Frontiers of India. – London, New York: Routledge, 2009*; *Warikoo K. Religion and Security in South and Central Asia. – London, New York: Routledge, 2011. – 217 с.*; *Warikoo K. China's North West Frontier. – London, New York: Routledge, 2016.*

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭТНОГРАФИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

2.1. Внутривполитические процессы в Центральной Азии

Подготовленное организацией по международному сотрудничеству с азиатскими странами «Каса Асия» при МИД Испании издание «Ситуация с системой управления в Центральной Азии» при активном участии французских, центральноазиатских и испанских экспертов, посвящено внутреннему развитию региона.¹ В книге рассматриваются следующие вопросы: характер возникших в регионе политических режимов и социально-экономических отношений с точки зрения исторических и структурных особенностей региона; экономическая и социальная эволюция постсоветского Казахстана; проблема эффективного управления в Узбекистане; экономические и политические отношения между Испанией и Центральной Азией. В книге также дается статистический обзор экономического и политического положения в каждой из республик региона.

Другой работой более широкого формата Э.Марат стало исследование «Армия и государство в Центральной Азии».² Судя по подзаголовку книги (От Красной Армии до независимости), автор планировала нарисовать широкое историческое полотно. Интересен сам выбор темы, поскольку подобная проблема никогда, насколько нам известно, не ставилась

¹ La situation de la gouvernance en Asia Central. Coordinada pro G.M.Tabener, E.Soms Bach. – Madrid: Casa Asia, 2009. – 101 p.

² Marat E. The Military and the State in Central Asia. From Red Army to Independence. – London: Routledge, 2009. – 176 p.

в западной политологии применительно к нашему региону. Речь идет, с точки зрения политической науки, не о военной истории и не военных традициях в советском духе в среднеазиатском обществе, а бонапартистском потенциале армии. То есть, в какой мере армия и венные являются политическим фактором на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности.

Для решения этой задачи Э.Марат поставила для изучения следующие вопросы: положение среднеазиатских военных в советское время; противоречивые оценки итогов афганской кампании («мы выиграли войну»); военные институты как часть государственно-национального строительства в постсоветское время; соперничество между различными региональными структурами в сфере безопасности; присутствие НАТО и Запада в Центральной Азии; трансформация от «интернационалистских» вооруженных сил к националистическим. Как мы видим, Марат смешала в одной работе исторические, социально-политические, организационно-технические и геополитические проблемы.

Лейтмотивом исследования является идея о том, что военные как политический фактор играли «осевую» роль в политической жизни, государственном строительстве, внешней политике и повседневной жизни центральноазиатского общества с самого начала XX века и до настоящего времени. С этим тезисом (при всем высоком уровне исследовательской компетенции автора) вряд ли бы согласились советские лидеры, начиная с Л.Д.Троцкого и И.В.Сталина и заканчивая их преемниками, современными президентами новых независимых государств, которые столько сделали и делают для того, чтобы армия никогда не смогла играть заметную политическую роль, а оставалась «верным мечом партии», т.е. инструментом правящих режимов. Но при всей спорности некоторых выводов автора, данная книга представляет несомненный интерес, и прежде всего в силу неординарности выбранного сюжета исследования.

Проблемы экологии в Центральной Азии затрагиваются в работе одного из этих французских экспертов Р.Летолля «Аральское море».³ С.Пейруз также поднимает в небольшом эссе проблемы сельского хозяйства в регионе.⁴

Книга И.Д.Звягельской (ИВ РАН) «Становление государств Центральной Азии: политические процессы»⁵ не является политологическим или ана-

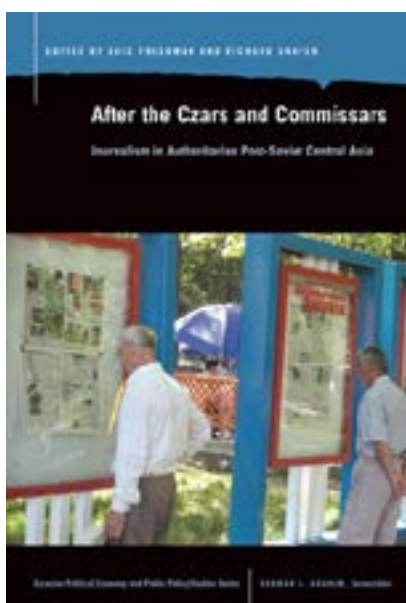
³ *Létolle R.* La mer d'Aral. – Paris: L'Harmattan, 2009. – 318 p. (аналогичные проблемы поднимает другой автор: MacKay J. Running dry: international law and the management of Aral Sea depletion // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 1, pp. 17-27.)

⁴ *Peyrouse S.* The Multiple Paradoxes of the Agriculture Issue in Central Asia. EUCAM Working Paper No. 6. – Bruxelles: EUCAM, 2009. – 14 p.

⁵ *Звягельская И.* Становление государств Центральной Азии: политические процессы. – Москва: Аспект пресс, 2009. – 208 с.

литическим исследованием в полном смысле. Первые три главы носят исторический характер и посвящены истории региона, начиная с завоевания Российской империей; далее следует колонизация Туркестана и развитие Средней Азии и Казахстана в составе СССР. Таким образом, автор тесно привязывает парадигму исторического движения Центральной Азии к России. Рассматривая развитие центральноазиатских государств после обретения независимости, российская исследовательница останавливается на таких проблемах как нацстроительство, политическая культура, роль исламского фактора, этническая и трудовая миграция, влияние внешних сил, потенциальные и реальные угрозы и конфликты.

Большое внимание в книге уделяется истории гражданской войны в Таджикистане начала 1900-х гг. Это объясняется тем, что И.Звягельская была в эти годы участником переговорной группы по налаживанию межтаджикского диалога и вместе со своими коллегами внесла немалый вклад в урегулирование конфликта. Кроме того, в книге содержится специальный раздел, посвященный праздникам и обрядам среднеазиатских народов. В заключении автор приходит к выводу, что дальнейшее развитие региона предсказать сложно; скорее всего, оно будет носить диверсифицированный характер. Россия не хочет и не может препятствовать контактам региона с внешним миром. Но автор подчеркивает, что культурно-историческая связь народов региона с российским необходимо сохранить. Как она отмечает, «нельзя допустить, чтобы с уходом советского поколения порвались естественные и взаимно необходимые связи». И с этим выводом проф. Звягельской нельзя не согласиться.



Freedman Eric, Shafer Richard (eds.). After the Czars and Commissars: Journalism in Authoritarian Post-Soviet Central Asia. – East Lansing: Michigan State University Press, 2011. – 300 p.

В данной книге после краткого обзора советской системы прессы описаны некоторые политические ограничения, которые выдаются авторами за советское наследие и с которыми приходится сталкиваться журналистам и информационным агентствам в тогдашней Центральной Азии. В первые годы независимости правительства названных пяти стран вполне понятным образом увидели в прессе инструмент национальной консолидации, способный помочь сформировать у разнородного в этническом и языковом

образом увидели в прессе инструмент национальной консолидации, способный помочь сформировать у разнородного в этническом и языковом

отношении населения общую идентичность и чувство принадлежности к единому государству. Вполне естественным был этот подход и для новых национальных лидеров: все они до провозглашения независимости были первыми лицами в соответствующих советских республиках. Но, с другой стороны, такое понимание прессы как инструмента рекламы и пропаганды не позволяло активным журналистам, стремящимся как можно лучше выполнять свой профессиональный долг, – в особенности тем, кто только пришел в профессию или кого в советские времена не удовлетворяла функция пропагандистов, – заниматься объективной журналистикой.

Авторы обращают внимание, что при поддержке властей и университетов западных стран, международных информационных агентств, зарубежных средств массовой информации и неправительственных организаций (НПО) в Центральной Азии осуществлялось множество программ подготовки и повышения квалификации журналистов. В течение двадцати лет западные университетские преподаватели и инструкторы-практики разными способами пытались стимулировать появление, а иногда и непосредственно создавать экономически жизнеспособные независимые СМИ и распространять профессиональные методы, навыки и ценности западной журналистики. Одновременно правозащитники и защитники свободы печати стали пристально следить за политикой властей и окол властных структур, законодательством и практическими мерами, ограничивающими возможность журналистов собирать и распространять информацию.

По их мнению, чтобы понимать государственную политику в отношении средств массовой информации в Центральной Азии, необходимо отдавать себе отчет в ее истоках, относящихся к временам до провозглашения независимости. Советские корни во многом объясняют тот факт, что национальные лидеры, которые пришли к власти еще до 1991 года, после получения независимости всеми силами противились превращению прессы в инструмент демократии, каким ее стремятся видеть и сами журналисты, и сторонники гражданского общества.

Из-за долгой истории господства в Центральной Азии сперва царской России, а затем Советов, историю печати собственно стран региона трудно отделить от истории печати более долгой царской эпохи и советского времени. Полученный в советское время опыт жесткого контроля создает дополнительные препятствия для развития СМИ в постсоветской Центральной Азии. До 1990 года вся пресса целиком принадлежала государству и была крайне централизована. В 1920-х и 1930-х годах пресса также усиленно занималась изменением языка, культуры и сознания народных масс советской Средней Азии с тем, чтобы превратить ее жителей в политически

сознательных граждан нового советского государства. Журналисты давали гражданам рациональные разъяснения политики партии, вдохновляли их на героические жертвы, внушали идею ценности социально однородного, бесклассового общества.

Как вполне справедливо отмечается в книге, журналисты в Средней Азии были полностью включены в советскую систему и часто превращались в щедро вознаграждаемых представителей партийной элиты. Они действовали как эффективные агенты, мобилизующие народ на проведение социалистических экспериментов, включая коллективизацию промышленности и сельского хозяйства и распространение и популяризацию предназначенной для рабочего класса производственной литературы и искусства. Так, в Центральной Азии прочно сохраняется важный аспект советской журналистской практики – интерпретирующий стиль информационных сообщений. После провозглашения независимости, пять национальных систем прессы не являются точными копиями друг друга, но имеют немало общих черт, таких как сильный или полный контроль со стороны государства либо уполномоченных государством агентов или низкий уровень общественного доверия к СМИ и неспособность – иногда абсолютная – выжить в рыночных условиях. Кроме того, во всех странах эти системы с опаской или прямой враждебностью относятся к принятой на Западе функции журналистов как «сторожевых псов».

Объектом ограничения в странах Центральной Азии становятся не только местные СМИ, которые обслуживают аудиторию внутри страны или в пределах региона, но и международные СМИ, освещающие события в Центральной Азии для зарубежной аудитории. Правительство жестко контролирует СМИ благодаря наличию закона, запрещающего оскорбление президента и других должностных лиц, высокому уровню государственной собственности в сфере СМИ и большим субсидиям тем частным СМИ, которые пользуются расположением властей.

Затем следует анализ политики в отношении СМИ по отдельным республикам. В стране, когда-то самой открытой для свободы прессы во всей Центральной Азии, два последовательно смещенных президента – сперва А.Акаев, затем К.Бакиев – по мере того как их режимы делались все более и более авторитарными, оказывались все более враждебно настроены к СМИ. Во время межэтнических столкновений в южной части страны летом 2010 года неоднократно сообщалось, что власти преследовали журналистов из оппозиционных средств массовой информации, критиковавших государственных чиновников. Таджикистан при президенте Э.Рахмоне остается авторитарным государством, где президент наделяет властью своих сторонников – выходцев из пользующейся его особым

расположением области. Правительство ограничивало свободу слова, печати, собраний и вероисповедания.

В Туркменистане власти строго предупредили своих критиков, чтобы те воздерживались от обсуждения проблем с правами человека в беседах с зарубежными журналистами и другими иностранцами. Сотрудники правоохранительных органов преследовали и задерживали журналистов, сотрудничающих с иностранными СМИ. Фактически все печатные СМИ по-прежнему финансируются властями. Правительство поддерживает жесткие ограничения на ввоз в страну иностранной печатной продукции.

В Узбекистане журналистам приходится работать в условиях правовой системы, которая возлагает на каждое СМИ ответственность за «объективность» его сообщений. Крупнейшие вещатели и печатные СМИ непосредственно и жестко контролируются политическими партиями, которые, в свою очередь, жестко контролируются государством. В этой системе журналистам постоянно грозят преследования, запугивания и арест. Что касается содержания СМИ, то среди других ограничений на предполагаемую тематику сообщений закон ограничивает возможности для критики президента, запрещает пропаганду и оправдания фундаментализма и религиозного экстремизма и объявляет противозаконным разжигание вражды по религиозному и этническому признаку.

Авторы поделились также следующим наблюдением. Многие в позиции журналистов и в их готовности считаться с ограничениями способны объяснить и такое явление, как самоцензура. Даже в тех странах, где официальная цензура отменена, самоцензура нередко сдерживает профессионалов, не позволяя повысить роль печати как ответственного, независимого контролера правительственных, коммерческих, а также преступных организаций и других политических и экономических сил.

И в заключении в работе делается вывод, что наплыв зарубежных инструкторов после получения независимости, как и массовый приход различных фондов развития СМИ, отражает глубинную веру Запада в роль свободной прессы как краеугольного камня демократического общества. Не приходится удивляться, что преподаватели и практики с Запада, которые выступают в регионе с лекциями и проводят тренинги, часто прибывают в Центральную Азию со всем рвением миссионеров и стремлением помочь переменам – как можно более быстрым и, разумеется, к лучшему. При этом зарубежные инструкторы часто не в состоянии понять и принять тот факт, что для журналистов Центральной Азии остаются актуальными культурные, исторические и религиозные ценности их общества; пробуждающийся национализм; потребность в государственной идентичности; традиции авторитарного правления; слабость рыночной поддержки

независимых СМИ; сохраняющиеся с советских времен практика и отношение к работе; а также факт эмиграции или изгнания многих талантливых, независимо мыслящих журналистов.

И наконец, многие представители зарубежного университетского сообщества и инструкторы-практики предполагают, что идеи гражданского общества и независимости прессы, столь сильно укорененные в демократических государствах Запада, можно без особых потерь перенести в иную культурную, политическую и экономическую среду, что авторам представляется глубинным заблуждением. И с таким выводом трудно не согласиться любому неангажированному исследователю.

Shishkin Ph. Central Asia's Crisis of Governance. – Washington, DC: Asia Society, 2012. – 40 p.

В 2012 г. увидел свет обзор – «Кризис управления в Центральной Азии», выпущенный Азиатским обществом в Вашингтоне. Его автор Ф.Шишкин (обозреватель «Уолл-Стрит Джорнал») рассматривает регион в двух плоскостях: с точки зрения развития каждой республики, и с позиции влияния геополитических игроков (России, Китая, США и ЕС). Для каждого из государств региона обозреватель находит емкое определение: Казахстан – это образчик электорального авторитаризма; Киргизия – страна вечной революции; Таджикистан – провальное государство; Туркмения – подпитываемое газом королевство в песках; и, наконец, Узбекистан у него – это полицейское государство стратегического значения.

Как следует из текста (хотя автор прямо об этом не говорит), регион испытывает кризис управления как с общепринятой, внутривнутриполитической точки зрения (т.е. эрозия государственных институтов и системы управления), так и с геополитической, что более интересно. По-видимому, регион не обретет своего «внешнего управления». Соединенные Штаты и НАТО (что скажется и на позициях Евросоюза) вскоре покинут Афганистан, что неминуемо означает снижение геополитического влияния Запада. По идее, от этого должны выиграть Россия и Китай, но этого может и не произойти. Россия на глазах теряет свои позиции, уступая их Китаю, который в свою очередь не намерен устанавливать в регионе своего управления в духе прежнего колониализма, империализма или тоталитаризма.

Таким образом, в скором будущем Центральную Азию ждет не обострение геополитической борьбы (которая уже возобновилась, как считают многие наши эксперты), а наоборот – затухание и недостаток внешнего давления. Как ни парадоксально звучит данный вывод американского исследователя и насколько глубоко он противоречит привычным нам взглядам на геополитическое значение Центральной Азии, если ему следовать,

то приоритетное значение в недалеком будущем должен иметь кризис внутривластного управления, т.е. кризис государственных институтов, обострение межэлитной, межклановой и межрегиональной борьбы в ряде республик региона, схватки за политическое лидерство, наследование власти и т.д.

McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty. Politics and Islam in Central Asia. – Pittsburgh (Pa): Pittsburgh University Press, 2011. – XIV+216 pp.

Книга американского исследователя (Университет Дж.Мэйсона) Эрика Макглинчи носит претенциозное название «Хаос, насилие и династичность: политика и ислам в Центральной Азии». В тоже время содержание книги не вполне соответствует названию, которая в большей степени посвящена проблемам авторитаризма (на примере нашего региона). Первая глава монографии посвящена исключительно проблемам авторитаризма в широком международном контексте. Попутно автор затрагивает сопутствующие вопросы, способные оказывать влияние на формирование различных авторитарных моделей, геополитику, экономику, ислам и др.

Вторую главу своей книги Макглинчи посвятил поиску советских корней постсоветского авторитаризма, что давно уже не является новаторством в мировой политологии. Три последующие главы посвящены непосредственно трем моделям и трем режимам Центральной Азии. Для каждого из них автор пытается найти емкую характеристику. Так, киргизскую модель он обозначает как «хаос»; узбекскую – «насилие»; казахстанскую – «династичность» (в смысле преемственности). Автор ставит на один полюс тотальную политическую нестабильность в Киргизстане (события начала 1990-х гг., 2005 и 2010 гг.); на другом полюсе – более чем стабильный Узбекистан, чей режим стоит на фундаменте репрессий 1990-х гг. и подавления андижанского мятежа в 2005 г. В центре между ними находится Казахстан, где угрозу стабильности режима, по мнению Макглинчи, несет именно его династичный характер.

Как считает автор, три ключевых фактора сыграли решающую роль в диверсификации различных моделей авторитаризма в Центральной Азии: степень вовлеченности (или, соответственно, невовлеченности) Москвы в местные дела; наличие или недостаток экономических (природных) ресурсов и разная степень влияния ислама. В целом, делает вывод исследователь, на диверсификацию режимов и их стабильность повлияла совокупность факторов. К ним он относит наследование прочного партийно-административного аппарата (Казахстан и Узбекистан); чрезмерная зависимость от иностранной помощи (Киргизия), которая делает правящий класс уязвимым; нехватка экономических ресурсов, что обрекает режим

на применение насилия или на неизбежную децентрализацию, клановый регионализм и т.д. (Киргизстан и Узбекистан); в свою очередь наличие богатых ресурсов (Казахстан) позволяет режиму избежать дилеммы между децентрализацией и насилием.

И последнее, на чем останавливается автор: политическая нестабильность, нехватка ресурсов, положенные на прочные исторические традиции исламо-ориентированных обществ, делает неизбежным превращение исламского фактора в фактор социальной и политической гравитации. Впрочем, данный вывод Э.Макглинчи далеко не нов. О превращении ислама в политическую силу западные политологи заговорили еще в начале девяностых годов. В дополнение следует отметить, что издание снабжено многочисленными диаграммами и таблицами, призванными наглядно продемонстрировать различия в развитии между тремя центральноазиатскими республиками.

Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. – Москва: ИВ РАН/ЦСПИ, 2011. – 406 с.

Картина историографии, посвященной Центральной Азии, была бы неполной без упоминания работ наших немецких и российских коллег. В 2011 году в рамках совместного проекта германского Фонда им. Розы Люксембург и Института Востоковедения РАН увидела свет третья в этой серии коллективная монография «Политический процесс в Центральной Азии».⁶

Предыдущее исследование «Годы, которые изменили Центральную Азию» увидело в свет в 2009 году под руководством и директора Института Востоковедения РАН В.В.Наумкина (в качестве соруководителя проекта выступал немецкий эксперт П.Линке).⁷

Российские ученые выделяют пять групп основных проблем, с которыми сталкивается, по их мнению, регион. Первая группа касается процесса трансформации в Центральной Азии: получил ли завершение этот процесс, или же он все еще продолжается; а если завершен, то какие государственные модели получены на выходе? Авторы приходят к выводу, что трансформация центральноазиатских политических систем и моделей происходит в русле консолидации национальных государств.

Вторая проблема посвящена идеологии и исследовательскому инструментарию, с которыми те или иные эксперты и даже целые школы

⁶ См.: Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991-2006). – Москва: ЦСПИ, 2006. – 270 с. Годы, которые изменили Центральную Азию. – Москва: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009 с. – 331 с.

⁷ Годы, которые изменили Центральную Азию. – Москва: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009 с. – 331 с.

подходят к изучению региона. Данная глава содержит немало критики в адрес западных идеологов, что не является неожиданным со стороны российских ученых. Главный тезис авторов состоит в том, что западные подходы носят в лучшем случае умозрительный характер, а в худшем – злонамеренный, т.к. ставят целью оторвать Центральную Азию от России, для которой данный регион не геополитическая абстракция, а вполне реальное продолжение собственной территории.

Третья глава книги наиболее обширная; она посвящена конкретным государствам региона, их политической эволюции и социально-экономической трансформации. В отношении Казахстана делается вывод, что в нашей республике основные цели трансформации не достигнуты. То есть, не произошло главного – трансформации собственности на средства производства, которая была призвана решить задачу формирования класса свободных персонифицированных собственников – двигателя экономики и основы гражданского общества. Вместо этого создан симбиоз власти и собственности. С точки зрения политической модели в Казахстане построен красивый фасад демократического институционального набора, который отнюдь не тождественен самой демократии.

Ситуация в Киргизстане оценивается с точки зрения концепции т.н. «авторитарного отката». Имеется в виду сворачивание демократических завоеваний режимом К.Бакиева и попытка выстроить в Киргизии собственный вариант вертикали власти. Однако с учетом последних событий в этой республике, практически все выводы в отношении результатов развития Киргизстана устарели. Бурные события апреля-июня 2010 г. означают, как минимум, что Киргизстан вступил в новую фазу нестабильности. Однако в книге весьма прозорливо отмечается, что продолжение существующих тенденций грозит распадом государства и его поглощение более мощными соседями, что мы сегодня и наблюдаем.

В отношении Таджикистана основное внимание уделяется главным неблагоприятным факторам, осложняющим его развитие. К ним авторы относят клановый фактор, оказывающий пагубное влияние на политику и экономику, низкий уровень экономического развития и бедность, а также сильное влияние внешнего фактора. Что касается Туркменистана, то выделяется его уникальность в ряду постсоветских государств, что, впрочем, не мешает анализировать его трансформацию с точки зрения поиска общего и особенного с другими республиками Центральной Азии. К числу доминирующих факторов, определяющих развитие Туркмении, относят тоталитарный характер политического режима и углеводородный фактор, оказывающий прямое воздействие на экономическое состояние страны и ее внешнюю политику.

Раздел, посвященный Узбекистану, носит скорее описательный характер и не содержит каких-либо аналитических выводов. Отмечается, что Узбекистан представляет собой «осевое государство» региона, что накладывает неизбежный отпечаток как на его собственное развитие, так и на международное положение республики. В целом, основной вывод состоит в том, что Узбекистан еще не реализовал свой обширный потенциал как в социально-экономическом и политическом плане, так и на международной арене. Данный тезис далеко не нов, мы сталкиваемся с ним по меньшей мере десять лет.

Эта глава содержит также рекомендации и оценки роли внешних игроков. Рекомендации выделяют среди первостепенных задач такие, как борьба с бедностью в регионе, поддержку роли русского языка, отказ от недооценки местной специфики и политической культуры, отказ от двойных стандартов, а также не превращать НПО и различные фонды в источники финансирования оппозиции, предостерегать правящие режимы от проведения политики, которая исключает нормальную конкуренцию элит, и меньше полагаться на формализованные оценки, не отражающие реальную ситуацию в регионе.

В книге также отмечается, что в ходе трансформации региона произошла дифференциация стран: Казахстан встал на путь превращения в региональную державу, Киргизстан и Таджикистан расположились на другом полюсе, полюсе бедности. Основная мысль данного раздела заключается в том, что несмотря на все провалы и недостатки, государства Центральной Азии не пополнили ряды т.н. провальных государств (опять-таки события в Киргизстане, похоже, делает этот вывод преждевременным). В отличие от постсоветских государств Кавказа центральноазиатские республики проявили достаточную степень устойчивости. Но проблемы остаются. Не решен вопрос, останутся ли эти государства светскими по характеру или станут мусульманскими (имеется в виду – исламскими). У исламистов существует мощный резерв: ухудшение социально-экономического положения населения и давление Запада. Но главная проблема всего региона и местных режимов (которая носит объективно-исторический характер) состоит в том, что власть не отделена от экономики.

Говоря о роли Запада в развитии региона, авторы констатируют, что его стратегия, направленная на уничтожение всех элементов социализма, завершилась полным триумфом. Также уничтожена советская система управления, что оценивать можно двояко. Главная цель Запада – недопущение восстановления советского строя и социализма (а также «советской империи») в любой их модификации; при этом интересы Запада и крупных корпораций, а также местных режимов в этом совпали. Но в реальности

проектировщики преобразований добились формирования такой действительности, которую изначально стремились не допустить.

Отдельно в книге выделяется тесная взаимосвязь Европы и Центральной Азии. Эти регионы не являются друг для друга перифериями, и дело не только в членстве государств ЦА в ОБСЕ. Фактически, Европа из всего западного мира наиболее тесно связана с Центральной Азией.

Четвертая глава монографии посвящена фактору радикального ислама в регионе. Политический ислам в Центральной Азии – реальность, возникшая на закате советской власти. Местные режимы выработали три модели поведения с исламистами: тотальное подавление всех исламистов (Узбекистан и Туркменистан); подавление радикальных групп и осторожный диалог с умеренными представителями (Казахстан и Киргизстан); сотрудничество и включение во властные структуры (Таджикистан).

И наконец, пятая глава работы освещает влияние внешних факторов на политическую трансформацию и безопасность Центральной Азии. Основные внешние силы для региона включают в себя Россию, Китай, США и Евросоюз роль других игроков – Турции, Ирана, Индии, Пакистана, Японии – в работе не рассматривается.

Положение России оценивается однозначно: она ключевой игрок в регионе. Причем ее отношения с Центральной Азией невозможно отнести к исключительно межгосударственным; слишком сильны исторические, культурные, социально-экономические, цивилизационные и географические связи бывшей метрополии с регионом. Колоссальное значение по-прежнему имеет человеческий (гуманитарный) фактор. Цели России в регионе сводятся к трем основным параметрам: обеспечение стабильности в регионе, использование геополитического потенциала региона для повышения своего международного статуса, международное признание роли России в регионе. Хотя аспект российско-американского соперничества не афишируется сторонами, оно существует. Цель США – выдавливание России из региона (как и из всего постсоветского пространства). При этом возникает парадоксальная ситуация: если Россия действует преимущественно из прагматических соображений, то Вашингтоном двигают (по крайней мере, в эпоху Дж.Буша) идеологические мотивы.

Выгодное положение России в регионе вытекает из ее политики: Москва не занимается морализаторством в отличие от США и ЕС, не использует двойных стандартов, не флиртует с антиправительственными силами, является для местных режимов понятным и предсказуемым партнером. В качестве неприемлемой стратегической перспективы для России является исламская альтернатива в развитии региона, поэтому

она жестко противостоит тем силам, за которыми стоят определенные силы в Пакистане и арабских странах.

В отношении Китая в работе отмечается, что КНР предпочитает действовать крайне осторожно в своих отношениях со странами региона. Пекин полностью и с успехом взял на вооружение американскую концепцию «мягкой силы». Однако США стремятся, по мнению авторов, испортить политику Китая, всячески раздувая теорию «китайской угрозы», у которой так много сторонников в России и в самих государствах Центральной Азии. Заглядывая вперед, авторы прогнозируют, что Китай вряд ли останется в роли стороннего наблюдателя, если какие-либо радикальные изменения в регионе затронут его интересы.

В предыдущих разделах авторы уже давали оценки политики США в регионе, но в данной главе озвучиваются еще более резкие выводы. Фактически, вся политика США в регионе направлена на безраздельное управление всеми политическими и экономическими процессами в регионе. Любых потенциальных соперников необходимо отсеять от процесса влияния на развитие региона, имеются в виду Россия и Китай. На эти цели работает и проект «Большой (Расширенной) Центральной Азии», взятый на вооружение администрацией Дж.Буша в 2005 г.

В отличие от Соединенных Штатов роль и возможности ЕС оцениваются более высоко. Отношения Европы с Центральной Азией не отягощены прошлыми амбициями. В отличие от США, практикующих экспорт демократии, в Европе оценивают демократию как культурную ценность, которая должна эволюционировать самостоятельно. В целом политика Евросоюза в ЦА оценивается как «осторожная сдержанность». По мнению европейских экспертов, на которых ссылаются авторы, активное присутствие ЕС было бы неплохим противовесом чрезмерной активности США, России и Китая, способствовало бы укреплению стабильности и демократических ценностей в регионе.

В целом, политика Запада оценивается как «демократическое мессианство», которой предлагается региону отсутствие альтернатив и которая предусматривает только такие варианты развития, которые выгодны Западу и лояльным ему местным элитам. Такая апробированная в Латинской Америке модель допускает высокий уровень бедности населения на фоне очень высокого уровня благосостояния местных элит.

В конечном итоге авторы приходят к следующим выводам. Во-первых, политическая либерализация не должна опережать либерализацию экономическую. Во-вторых, в Центральной Азии не была решена задача трансформации собственности; государство заменило гражданское общество, а само общество оказалось расколотым по принципу прав-привилегий.

В-третьих, наличие демократического институционального набора заменило в регионе демократию. Но главный вывод состоит в том, что исторический пример постсоветской Центральной Азии опровергает устоявшиеся политологические модели транзита: от авторитаризма к консолидированной демократии либерального типа. Наоборот, в регионе возникли политические режимы нового типа. В будущем, скорее всего, заключат авторы, каждому из государств Центральной Азии придется нащупывать собственную модель дальнейшей трансформации.

В новой работе интернациональный авторский коллектив анализирует политические процессы в странах региона, особенностям социально-экономического развития государств Центральной Азии, коренным переменам, затронувшим все сферы жизни общества.

Во вступительной статье авторы (Арне К. Зайферт, Ирина Звягельская) исходят из того, что в государствах Центральной Азии наблюдаются устойчивость авторитарной модели правления, специфический тип кланово-бюрократического капитализма, обслуживающего весьма ограниченную по численности группу, сложное взаимодействие традиции и модерна, усиление влияния религии в общественной жизни. Они считают, что развивающийся в государствах Центральной Азии политический процесс воспроизводит незападную модель или набор ее элементов, которая в основном определяется формой общественных личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния.

Авторы утверждают, что консервативная политическая культура обусловила своеобразные принципы функционирования политических институтов. После обретения независимости и развала партийно-советской системы пришедшая ей на смену многопартийность снова стала подвергаться влиянию устойчивых общественных взаимосвязей. Политические партии не являются идеологическим – важным фактором их формирования остаются региональные, клановые, родоплеменные интересы; большинство партий и движений не являются общенациональным, а борются исключительно за обеспечение более высокого статуса своим соплеменникам.

В этой связи авторы затрагивают крайне важный вопрос. Он отмечает, что существуют еще два варианта конфигурации региона, которые были предложены как альтернативное видение его истории, культуры и политических интересов. Один именуется «Центральная Евразия», другой – «Большая Центральная Азия». Главный довод такого переименования заключается в том, что прежняя «Центральная (или точнее –

Средняя) Азия» несет на себе явные следы российского и советского геополитического и геоэкономического проектирования – между тем, после распада СССР советское наследие постепенно стирается на первый план выступают новые геополитические конфигурации или, наоборот, более старые более фундаментальные отношения, связанные с культурой, языком религией. Следовательно, как считают сторонники новых названий, необходимо присоединить к Центральной Азии другие страны региона рассматривать их как историческое геополитическое целое. Такой аргумент уже получил популярность в экспертном сообществе и институциональную поддержку в названиях разного рода сообществ, мероприятий и департаментов.

По мнению автора, проблема нового взгляда на регион и его название (в данном случае разница между «Центральной Евразией» «Большой Центральной Азией» носит второстепенный, скорее стилистический характер) заключается в том, что его проектировщики весьма неопределенно рисуют границы провозглашаемой ими культурно-географической конструкции. Помимо пяти названных стран, в нее более или менее единодушно включают Афганистан, остальной список может включать в себя, в зависимости от фантазии конкретного автора, Монголию, китайский Синьцзян, восточные районы Ирана северо-западные районы Пакистана, Западную Сибирь, Южный Урал Поволжье, Закавказье и Крым.

Авторы приходят к выводу, что типологизируя разные возможные используемые способы описания Центральной Азии, можно обнаружить, что не существует и вряд ли может существовать какой-то единый взгляд на регион. Напротив, обнаруживается, что имеется множество разных мнений подходов, которые применяются при анализе или просто в суждениях. То, как видят сегодня Центральную Азию, сильно зависит от того, откуда эксперт смотрит на регион, какие реальные или воображаемые интересы он отстаивает, какой методологический аппарат предпочитает.

Один из руководителей проекта А.Зайферт посвятил свой раздел проблеме политического ислама в Центральной Азии. Немецкий эксперт исходит из того, что ислам в настоящее время не является фактором, порождающим конфликты в регионе Центральной Азии. В целом нет оснований полагать, что исламисты возьмут власть. Ситуация, однако, может измениться, если верующие, религиозные деятели политические представители от ислама столкнутся со стратегией подавления. На этой почве могут разразиться религиозные войны, в этом случае фактор ислама сам по себе станет причиной конфликтов. До сих пор подобная ситуация не складывалась. Региональные местные группы исламских элит используют ислам – на данном этапе – пока только в роли «инструмента» для того,

чтобы реализовать свои интересы и/или реагировать на объективно существующий конфликтный материал в обществах своих стран.

В контексте решения поставленной задачи Зайферт предлагает концепцию т.н. эволюционной «горизонтальной» исламизации и политизации религиозной среды. Исламизация и политизация проходят под определяющим влиянием трех факторов: первый – влияние социального вопроса; второй – углубление религиозности (ислам «национализирует себя»); третий – политизация (политический ислам, вплоть до требования создания исламского государства). Обращение к религии как реакция на бедность, обнищание и социальную бесперспективность – известное повсюду на земном шаре в разные исторические периоды явление. Однако особенность его в Центральной Азии заключается в том, что здесь на такую реакцию населения влияют сразу два фактора – взрывоопасный нерешенный социальный вопрос и быстро «национализирующийся» ислам. Они как бы сливаются в один сильный поток. Тем самым одновременность этих двух факторов и их слияние в форме религиозности придает необыкновенную динамичность всем общественно-политическим процессам, в особенности в религиозной сфере. Этому содействует почти полное отсутствие на политической сцене Центральной Азии социальных левых движений, партий, профсоюзов, достаточно сильных, чтобы выразить неудовлетворенность населения путем выдвижения альтернатив и организацией борьбы за социальную справедливость.

Зайферт отмечает, что настало время вывести понятие «политический ислам» из его анонимного употребления. На практике он выступает в лице конкретных партий, политиков, активистов. Где между ним проходит водораздел относительно их целей намерений? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости их отношения, с одной стороны, к собственно религиозности мусульманских верующих, а с другой – к ее возможной инструментализации.

Зайферт уверен (и эту мысль он не раз высказывал в других своих работах), что для Европы, наверное, наиболее понятной злободневной причиной решиться на создание доверия с центральноазиатским политическим исламом, могло бы стать реальное приближение конца военного присутствия Запада в Афганистане. При этом особая роль отводится ОБСЕ. Она должна заботиться о том, чтобы существующий на латентном уровне конфликт между светской властью и исламским политическим исламом не перерастал в антагонизм, которым внешние силы могли бы воспользоваться в своих интересах. Он вновь подчеркивает, что Европа должна осознать, что ислам и исламские политические движения в азиатской части ОБСЕ являются стратегической константой, а не переменной величиной.

Немецкий специалист в качестве предложения выдвигает следующую мысль: изменению отношений между Европой центральноазиатским политическим исламом мешает сегодня главным образом то, что как европейские политики, так и правящие режимы Центральной Азии недопонимают ключевое значение демократического обращения с «исламским фактором», который куда важнее ценнее конститутивной составляющей в формировании молодых национальных государств. В результате этого ряд основных проблем остается нерешенным. Главное – необходимо признать, что достижение мирного сосуществования между секуляризмом и исламом в Центральной Азии является жизненно важным аспектом стабилизации как внутри стран в процессе государственного строительства, так в масштабах взаимоотношений всего региона со светской Европой.

Кроме того, Европе надо учитывать, что, хотя наличие мусульманского большинства сред населения не ведет автоматически к образованию исламского государства, светские элиты не могут гарантировать, что эти государства впредь всегда будут носить секулярный характер. Отсюда вывод, что до тех пор, пока вопрос об общественно-политической ориентации этих стран, т.е. будет ли в них светский или исламский государственный строй, остается открытым, исламский фактор будет находиться в центре политической борьбы в Центральной Азии. Ее результат совершенно однозначно зависит от того, удастся ли удержать светско-исламские отношения на таком уровне взаимного приспособления, чтобы совместное государство являлось для обеих сторон в равной степени общественно-политической родиной.

Зайферт в заключение выступает с резкой критикой капиталистической системы и применения ее принципов на практике в Центральной Азии. Он подозревает, что изначально (у западных элит) существовал план по полному уничтожению социалистической альтернативы либеральному капитализму. По его мнению, главная цель западной стратегии трансформации – искоренение политических и экономических основ общества советского типа – была достигнута.

Он заключает: пока Западу не удалось добиться создания политических систем по своему подобию. На самом деле происходящие в регионе процессы свидетельствуют о том, что транзит рядом государств уже завершен, в них сформировались вполне консолидированные политические режимы «нового типа», не учтенные в укоренившихся западных представлениях о транзите.

Финальный вывод размышлений А.Зайферта посвящен международным и геополитическим перспективам региона. Немецкий ученый вполне справедливо отмечает, что на развитие политических процессов

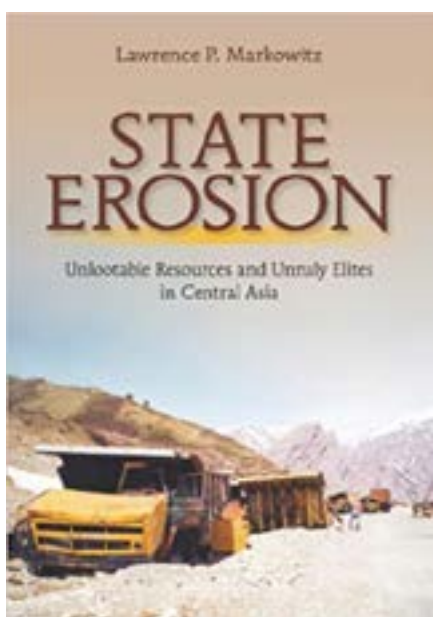
в Центральной Азии влияет также соперничество основных геополитических игроков – России, США и Китая. В силу своих экономических, военных и политических возможностей государства региона, очевидно, не смогут воспользоваться политической тактикой более самостоятельных геополитических игроков. Они не могут, да и не должны однозначно принимать позицию лишь одной из сторон. В основе их политики, по-видимому, должен лежать принцип равноудаленности от прямой поддержки интересов той или иной стороны.

Таким образом, перед нами настоящий фундаментальный труд по Центральной Азии, хотя и нелишенный некоторой доли противоречий. Главы, посвященные отдельным странам региона, представляют собой фактически самостоятельные исследования и должны рассматриваться отдельно. Остановимся на концептуальной составляющей данной монографии. Очевидно, что она задана линией А.Зайферта в трех написанных им разделах. Как и его западные коллеги, восточногерманский исследователь оперирует устоявшимися стереотипами о Центральной Азии и авторитарном характере существующих здесь режимов. Но к его чести следует отметить, что он не абсолютизирует данное обстоятельство, а делает попытку проанализировать причины и главное – все возможности и альтернативы для стабильного и эффективного развития народов региона. В отличие от западных экспертов (в основном англосаксонских) его критика центральноазиатских реалий идет не справа, а слева (что вполне объяснимо тем, какой фонд он представляет).

Внешнеполитический процесс в странах Востока. Под ред. профессора Д.В. Стрельцова. – Москва: Аспект Пресс, 2011. – 336 с.

Соавтор А.Зайферта И.Д. Звягельская (ИВ РАН) в главе о Центральной Азии в книге «Внешнеполитический процесс в странах Востока» рассматривает внешнеполитический процесс центральноазиатских государств в контексте общего становления и развития региона в последние десятилетия и роли внешних игроков в Центральной Азии. Среди специфических черт принятия внешнеполитических решений автор выделяет общие параметры сложившихся в регионе политических режимов (закрытый характер принятия решений), схожие особенности политической культуры, в которой сочетаются современные и традиционные элементы (роль социальной иерархии, групп солидарности и т.д.), многофакторное влияние внешних событий на ситуацию в регионе и внешнюю политику центральноазиатских государств.

Автор обращает особое внимание на следующее существенное обстоятельство: то, что сейчас делается (и программируется) ресурсно-прагматичным Западом в отношении арабского Востока (смена постаревших лидеров, изменение внешней ориентации, структурные экономические перемены и др.) ожидает через какое-то время и Центральную Азию, и к этому, видимо, надо готовиться. По длительности правления некоторые руководители центральноазиатских республик приближаются к Мубараку, Бен Али, Салеху, Каддафи, режимы которых однотипны, например, с казахстанским, узбекским, таджикским авторитарными режимами, во многом имитирующими демократию. Иными словами, как они сами не могли не постареть, так и созданные ими режимы – в постсоветский период особенно – постарели и изнасились. То есть в 1991 г., например, они могли возбуждать даже какой-то энтузиазм, но в бурном 2011-м их власть может опираться только на страх репрессий, перемен, застойную апатию и постсоветский конформизм. Мирный планомерный переход от подобных режимов к демократии настолько сложен, что трудно даже указать на пример успешных переходов, заключает автор.



Markowitz Lawrence P. State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia. – New York: Columbia University Press, 2013. – 224 p.

Книга Лоуренса Марковица (**Университет Джорджа Мейсона, США**) «Эрозия государства: не разграбляемые ресурсы и неподвластная элита в Центральной Азии» представляет собой уникальный труд. Она богата материалами полевых исследований, учитывая сложности, связанные с исследованием автократий Центральной Азии. Л.Марковиц описывает свой опыт с сурхандарьинской милицией

Узбекистана – пример, позволяющий читателю понять охват узбекистанского аппарата обеспечения безопасности.

Как считают критики, книга «Эрозия государства» продуктивно использует два вида литературы: литературу о политике постсоветской Центральной Азии и литературу сравнительной политики о переменах в автократических режимах. Таким образом, «Эрозия государства» будет интересна и специалистам по региону и специалистам в области теории сравнительной политики. Основной вывод Марковица в том, что ресурсы играют свою роль; они важны по своему типу и концентрации.

Экономика, основанная на сельском хозяйстве, требующая участия государства в поставке товаров на рынок, а значит экономические системы, требующие соответствующую инфраструктуру и инвестиции, такие как имеют место в хлопковой индустрии Узбекистана и Таджикистана, создают почву для «патрон-клиентских» отношений. В Узбекистане, где выращивание хлопка широко распространено по всей стране; эти патрон-клиентские отношения и поиск возможностей для извлечения выгоды связывают местную элиту и местные силы безопасности с центральной властью. В Таджикистане же, где выращивание хлопка сосредоточено лишь в нескольких регионах, местная элита в районах с низким производством хлопка, отрезана от патрон-клиентских отношений с аппаратом правительства и, как следствие, имеет мало стимулов для исполнения директив центрального правительства. Эти элиты опираются на местные силовые структуры для того чтобы, по словам Марковица, «вести альтернативные политические заказы, которые открывают новые возможности для извлечения финансовой выгоды».

В то время как разница в концентрации ресурсов и соответствующие структуры извлечения выгоды могут помочь понять, почему Таджикистан пережил гражданскую войну в 1990-х годах, тогда как Узбекистан остается стабильным с момента распада СССР. Но Марковиц не ограничивается структурными понятиями. Он справедливо отмечает роль элит. Президент Таджикистана Э.Рахмон стратегически смешал патронаж и принуждение к сотрудничеству, а также заставил молчать бывших оппонентов, где это возможно. Тем не менее, тщательно продуманная стратегия Рахмона по принуждению и кооптации, оказалась успешной в предотвращении повторения государственного распада и гражданской войны.

По другую сторону границы, игроки местного уровня представляли угрозу центральной власти Узбекистана. Это было наиболее очевидно в Андижанском восстании 2005 года. Л.Марковиц демонстрирует, как выстраивание экономической элиты Андижана привело к ситуации, в которой в середине 2000-х годов влияние Обидова в Андижане не имело аналогов и представляло угрозу для центрального правительства» В конце 2004 и в начале 2005 года, Президент Ислам Каримов снял Обидова с должности и посадил видных бизнесменов региона. Эти действия стали причиной протестов, которые позже были подавлены.

Л.Марковиц правильно подчеркивает роль определенных игроков в восстановлении таджикской государственности после гражданской войны 1992-1997 годов. Он также правильно определяет вызов стабильному автократическому правлению президента И.Каримова со стороны губернатора Обидова в начале 2000-х годов. Однако, поднимая вопрос

о правлении элит, Марковиц оставляет читателя с вопросами о том, когда и где структурные переменные – виды и концентрация ресурсов – являются броскими и когда эти переменные могут быть затемнены элитой. Автор правильно характеризует структурно индуцированные ограничения таджикской патронажной политики и, в равной степени, структурно индуцированные сильные стороны узбекской патронажной политики. Говоря критически, его анализу помогло бы изучение того, когда и как, под давлением элит, определенные игроки могут превалировать над этими структурными переменными.

«Эрозия государства» Л.Марковица предлагает обширные знания инсайдерского уровня в области постсоветской политической экономики Узбекистана и Таджикистана и калибровки обсуждения этих двух стран, чтобы привязать его к теории падения государств. Несмотря на сложность задачи, книга остается ценным активом для читателей, ищущих объяснений процессов, происходящих в Центральной Азии.

Л.Марковиц предлагает теоретическую модель, которая могла бы объяснить контрастные результаты (сплоченность и фрагментацию) деятельности органов безопасности в слабых государствах с низкой мобильностью капитала, таких как Узбекистан и Таджикистан. Ключевыми переменными являются пространственная концентрация ресурсов и характер доступа местных элит к политической протекции. Государства с принудительной системой извлечения финансовой выгоды возникают, когда ресурсы распределяются равномерно по всей стране и существующая система политического патронажа позволяет местным элитам безопасно становиться кормушкой правящего режима. Когда же ресурсы распределяются неравномерно, государство рискует не состояться, так как нарушается вертикаль политического покровительства, и местным элитам не хватает возможностей для извлечения выгоды из доступных. Модель относится к странам с такими ресурсами как хлопок, где извлечение выгоды для местных элит возможно только при участии государства.

Подобные различия наблюдаются в распределении политической власти. Руководство Узбекской ССР представляло все районы страны, несмотря на то, что некоторые регионы были более активны, у местной элиты был примерно равный доступ к государственным активам в пределах республики. В отличие от этого, политическая власть в Таджикистане в советский период была монополизирована элитой Ленинабада. Не прилагались усилия для привлечения представителей областей в высшее руководство страны. Наоборот, ленинабадская элита установила прочный политический и экономический надзор за другими регионами,

в том числе за хлопковой экономикой южных областей. Политическое покровительство Душанбе было ограничено одной группой, в то время как остальные (Горно-Бадахшанская автономная область, Гарм и другие) были вынуждены искать покровительство центральных органов через элиту Ленинабада.

Это советское наследие распределения ресурсов и политического патронажа сформировало разные отношения между местными элитами Таджикистана и Узбекистана и соответствующими центральными органами власти. В этом контексте, коррупционные скандалы 1980-х годов, чистки и дух перестройки привели к различным последствиям для обеих республик. В Узбекистане чистки на закате советской власти прошли почти во всех областях, не создавая «особенных» регионов. Кроме того, короткий, но кровавый этнический конфликт в Ферганской долине в 1989 году помог закрепить статус правоохранительных органов, а также подтолкнул нового лидера, Ислама Каримова, к более охотному «расширению возможностей местных элит для преобразования их ресурсов в финансовую выгоду». В Таджикистане из-за уже существовавших региональных диспропорций, политические репрессии быстро приняли форму борьбы между властвующей элитой Ленинабада и претендентами на власть из других регионов, особенно Гарма и ГБАО. Государственные правоохранительные органы начали фрагментироваться сначала в бедных регионах, далеко от столицы. Логика конкуренции затем заставила и другие регионы последовать этому примеру, что привело к полной фрагментации правоохранительных органов по региональной линии.

Книга Л.Марковица рассказывает о взаимосвязи между ресурсами, извлечением выгоды, коррупцией и патронажем, что основано на обширных полевых исследованиях и предлагает столь необходимую тонкость понимания этих явлений и их взаимосвязь в государствах Центральной Азии.

Л.Марковиц практически намеревался продемонстрировать, что его теоретическая модель выстроена не только в отношении Узбекистана и Таджикистана. В отдельной главе, автор предлагает подробное обсуждение нескольких парных стран из различных регионов мира, которые тоже являются схоже слабыми, но отличаются условиями извлечения выгоды для местных элит. Особенно интересным для ученых в области Центральной Азии/Евразии может быть раздел, сравнивающий Беларусь и Кыргызстан.

Но есть и слабые стороны. Так как книга направлена на разработку относительно сжатой теории, читатели, стремящиеся получить эмпирическую информацию, могут быть не совсем удовлетворены. Таким образом,

в книге нельзя найти историй, освещающих то, как именно местные элиты превращают ресурсы в ренты (системы извлечения выгоды) в различных частях Узбекистана, или как политика и личности известных президентов формируют (если вообще формируют) отношения между государством и местной элитой.

Автор видит события и процессы через призму элиты. Но было бы полезно вскрыть «черный ящик» местной элиты и ее контекст в рамках местного общества: как местная элита относится к людям, кто формирует то, что «народ» думает о ренте, коррупции, элите и власти; как, в каком контексте, люди развили восприятие других вплоть до вооружения, как в случае с Таджикистаном. Книга не обсуждает распределение ресурсов и покровительство, две основные независимые переменные, связанные друг с другом. Модель явно требует взаимосвязи между распределением ресурсов и наличием политического патронажа.

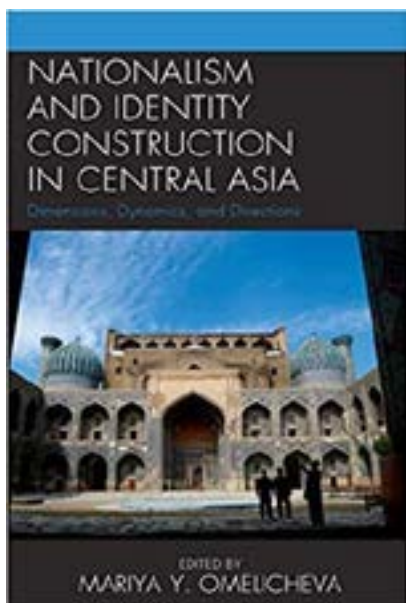
Таким образом, сосредоточившись на формировании патрон-клиентских отношений на субгосударственном уровне, Л.Марковиц предлагает убедительный и эмпирически богатый анализ того, почему некоторые государства страдают от упорной борьбы центра с периферией. В заключении, Л.Марковиц утверждает, что прогнозирование падения государственности в бедных странах является возможным. Подчеркивая структурные экономические условия падения государства, автор не освещает роль отдельных лиц, других толкований и внешних факторов. Тем не менее, степень структурализма и экономизма делает модель не восприимчивой к интервенционным (и интерпретационным) переменным и внешним факторам.

То, что отличает Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Беларусь от Сирии, Ливана, Сомали и Зимбабве – как рассматривается в «Эрозии государства» – это историческая и социальная конструкция государства в советский период. Четыре постсоветских республики хорошо защищены от государственной неспособности дискурсом и практикой государственности, которые было гораздо сложнее установить в других регионах и странах, как в случае с сильным государством, как Сирия, и слабым, как Сомали. В заключение, Лоуренс Марковиц выявил важный структурный и экономический фактор в позднем формировании современного государства, что имеет более широкие политические последствия для моделей отношений центра с периферией. Тем не менее, он переигрывает значение «не разграбляемых ресурсов», предполагая, что их объем и распределение определяет долгосрочные модели государственного падения или консолидации.

Государства Центральной Азии регулярно входят в перечень самых слабых государств мира, но есть очень слабое понимание того, что это определение значит. Через сравнительный анализ Таджикистана и Узбекистана, книга «Эрозия государства» пытается сделать именно это, развивая аргумент о «не разграбляемых ресурсах», ренте и недисциплинированных элитах – факторы, подпитывающие теорию падения государственности, которая предназначена для применения в отношении примерно 40 слабых государств с аграрной экономикой.

В то же время, книга рассматривает два конкретных вопроса по Таджикистану и Узбекистану: почему государственный аппарат обеспечения безопасности фрагментировал в одной стране, доводя государство до падения и гражданской войны в 1990-х годах, в то время как второе государство сумело выстроить один из самых крупных и сплоченных государственных аппаратов обеспечения безопасности в постсоветской Евразии. Почему оба государства избежали прогнозы неизбежного краха в 1990-х годах, несмотря на чрезвычайно высокий уровень коррупции, очень слабые государственные институты и огромные диспропорции в распределении ресурсов. Используя качественные и количественные данные, собранные в обеих странах – районные и областные газеты, различные печатные материалы, более 100 интервью, углубленный опрос 100 экспертов, и несколько оригинальных баз данных, книга исследует то, как государственные аппараты обеспечения безопасности в районах и областях фрагментировали или сплотились вокруг возможностей извлечения финансовой выгоды, предоставленных местной элитой.

Чтобы выполнить обе эти задачи, однако, книга ориентировалась на два направления. С одной стороны, она стремится индуктивно вывести обобщаемую теорию, которая является простой, экономной и продвигает дискуссию (пусть не очень активную) о слабых и несостоявшихся государствах. Она явно подчеркивает несколько причинных факторов, локальную концентрацию ресурсов, открытые и закрытые возможности для извлечения финансовой выгоды и закономерности кооптации и конкуренции среди местных элит в сложной политической и социальной среде населенных пунктов Центральной Азии. С другой стороны, книга пытается предоставить эмпирически богатое описание событий в обеих странах. Для этого были использованы глубинные региональные исследования в Андижане, Навои и Самарканде в Узбекистане; и Хатлонской области и Раштской долине Таджикистана, в дополнение к детальным анализам событий на государственном уровне в обеих странах.



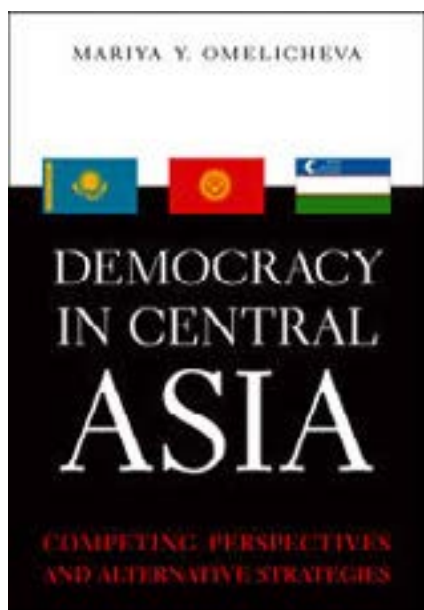
Omelicheva Mariya Y. (ed.). Nationalism and Identity Construction in Central Asia: Dimensions, Dynamics, and Directions. – London: Lexington, 2014. – 222 p.

Еще в 2014 г. М.Омеличева выступила редактором коллективного издания «Национализм и идентичность в Центральной Азии». Основной мотив исследования – непрекращающиеся дебаты между республиками региона по вопросам идентичности. Авторы изучают процесс строительства наций в трех аспектах: измерения, динамика и направления. В первой части рассматриваются те измерения, в которых вызревает новый формат национализма и делается заявка на идентичность. Вторая часть посвящена динамике процесса, налаживанию идеологической (национальной) связке с прошлым, что дает право на легитимность новых базирующихся на национализме режимов. Это требует идентификации основных действующих лиц, выработки стратегии и тактики, определения интересов и т.д. В третьей части работы в большей степени изучаются внешние факторы на региональном и международном уровне. В качестве методов достижения поставленных задач в книге приводятся такие как социальная инженерия с использованием исторических сюжетов, этнический символизм, религия, дожившие до современности общественные обычаи и исторические травмы народов.

Все вновь образованные национальные идентичности в форме правящих режимов апеллируют к некой якобы существовавшей в великом прошлом «Центральноазиатской цивилизации». Все представленные в монографии и разбитые на отдельные главы исследования объединяет единый подход в трактовке современного и постмодернистского понимания наций и национализма. Они рассматриваются как «сконструированные» и «воображаемые». То есть, говоря привычным нам языком, речь идет об изучении некоего исторического и этно-социального эксперимента.

Omelicheva Mariya Y. Democracy in Central Asia: Competing Perspectives and Alternative Strategies. – New York: Columbia University Press, 2015. – V+232 pp.

В своей следующей книге «Демократия в Центральной Азии» Мария Омеличева рассказывает о том, как правительства стран Центральной Азии эффективно используют язык демократии для легитимизации своих режимов, почему продвижение демократии оказалось неэффективным



в Центральной Азии и смогут ли недемократичные государства стать демократичными. В книге речь идет о двух вопросах. Возможно, Центральная Азия является регионом, где помощь Запада в сфере демократии, оказалась самой неэффективной. Другая тема, которая менее очевидна в книге, ищет ответ на вопрос – смогут ли недемократичные государства стать демократичными?

Автор придерживается своей главной мысли, что лидеры государства ЦА разработали и активно продвигали собственную «модель» демократии, предлагая ее под видом президентской демократии в Казахстане, консультативной демократии в Кыргызстане, и «узбекской модели» демократии в Узбекистане. Такие альтернативные понимания демократии оказывают сильное воздействие на население. Идеи, ценности и практики, продвигаемые США и ЕС в регионе, имели небольшую отдачу в культурном плане, были непоследовательными, малозначительными, и поэтому не вызвали доверие населения и правительств в Центральной Азии. Эти режимы постоянно проводят выборы, в то же время игнорируют реальную политическую борьбу.

Местные системы позволяют официальным демократичным институтам существовать, но они, однако, остаются под строгим контролем государства. Они объединяют риторическое принятие демократии с важными элементами авторитаризма. Все государства в ЦА ввели и реформировали целый ряд институтов, связанных с демократией, такие как всеобщие выборы, конституционные системы сдержек и противовесов, а также многопартийная система. Они также принимают законодательства в пользу прав человека, свободы слова и гражданского общества. В то время как характер государственной власти и стабильности в странах региона варьируется под влиянием различных моделей патронажной политики, политического руководства, наличия природных ресурсов, а также международного участия.

Автор аргументирует, что социальный капитал является ключом к высоким показателям институционального развития и демократии. В Центральной Азии чрезмерная поддержка традиционных и коллективистских ценностей, которые распространены намного шире, чем западное понятие «гражданского общества», вызывает трудности в принятии главных столпов либеральной демократии – независимости, равенства,

взаимности, и доверия вместе с верой в естественную иерархию и общественные обязательства. Даже те, кто продвигают демократию со стороны Запада, сами понимают, что единственный способ сдвинуть с места программы по предоставлению помощи в сфере демократии в регионе лежит через долгосрочные и болезненные усилия по изменению видения и подхода людей. Такое изменение займет время и происходит через поколения, хотя современные СМИ и телекоммуникации несколько облегчают задачу.

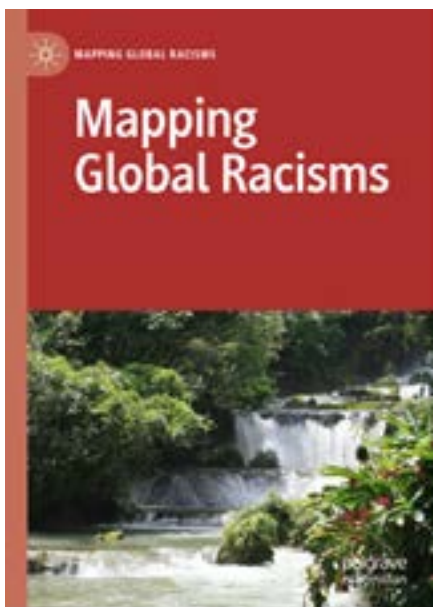
Элиты Центральной Азии часто обвиняют в том, что они и есть главный тормоз на пути к демократии, но это так только частично, считает исследовательница. В деле демократизации региона существуют и другие препятствия, включая наследие советского авторитаризма и слабое гражданское общество, которое чтит силу власти и неспособно продвигать реформы. Влиятельные традиционные институты в этих странах и менталитет населения также затрудняют продвижение демократии. Распространенность патронажных и клановых сетей заменяет неопытное гражданское и политическое общество в этих странах.

По мнению автора, внешняя политика западных правительств и институтов страдает от вечной проблемы конфликта краткосрочных стратегических интересов и долгосрочных нормативных обязательств. В Центральной Азии, как это произошло во многих других частях мира, интерес к прагматичной безопасности и проблемы, связанные с энергетикой, вытеснили цели демократизации. Отношения правительства США со странами Центральной Азии, принимающими американские военные базы или представляющими другую важность для национального интереса США, обычно политизированы. США подвергались критике за пренебрежение к отступлению демократии в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане из-за стремления к стратегическому пребыванию в регионе, особенно на фоне растущего влияния России и Китая в этих государствах, что привело к подрыву усилий по демократизации в этих государствах. Сосредоточив внимание на оказании краткосрочной помощи в сфере безопасности авторитарным режимам, правительство США невольно создало благоприятные условия для экстремизма и антиамериканизма, а также вызвало и негативную реакцию против самой демократии.

Окончательный вывод исследовательницы сводится к тому, что «второе» поколение лидеров ЦА продолжит курс авторитаризма, что ослабит государство, но в то же время может открыть возможность для изменений.

Elgie R., Moestrup S. Semi-Presidential in the Caucasian and Central Asia. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 245 p.

Работа Роберта Элджи (Ун-т Дублина) и Софии Мёstrup (Ин-т Арлингтона, США) «Полупрезидентские режимы на Кавказе и в Центральной Азии» посвящена характеру политических систем, возникших после распада СССР на бывшем «советском Юге». Авторы относят все восемь республик этих регионов к полупрезидентским, но с существенными отличиями. К таким исследователи относят существующие формы власти в условиях, когда глава государства – президент и кабинет министров во главе с премьером осуществляют правление. В чистом виде к этим формам правления они относят Армению, Азербайджан, Грузию и Киргизию. Для доказательства своей теории авторы сравнивают данные четыре режима с формой правления в Казахстане, в которой формальное конституциональное устройство прикрывает реальную вертикаль власти. Таким образом, «полупрезидентство» в качестве теории призвано, по замыслу авторов, объяснить сосуществование и отношение между исполнительной и законодательной ветвями власти. Казахская модель в книге представлена в качестве некоей переходной формы от полупрезидентских к авторитарным режимам, замаскированным под полупрезидентские.

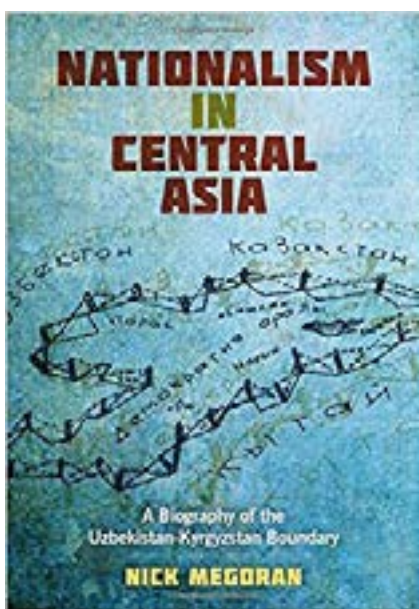


Zakharov Nikolay, Law Ian. Post-Soviet Racisms. – Leeds: University of Leeds, 2017. – XI+250 pp.

С 2012 по 2019 гг. Лидский университет (Великобритания) опубликовал серию из 13 томов, посвященных проблеме современного расизма. В томе, освещающем постсоветское измерение данного феномена, отдельная глава посвящена Центральной Азии (авторы – Н.Захаров и М.Шмидт). Авторы и издатели рассматривают расизм как феномен глобального масштаба, затрагивающий практически все государства и общества на планете. При этом они различают по форме и существу расизм советской и постсоветской эпохи. Основой для проявлений этого отношения требуется существование внутренних и внешних «чужих». По мнению экспертов, в данной ситуации расизм (назовем его этнической враждебностью) служит на пользу морального оправдания и консервации неравенства и авторитаризма.

Heathershow John, Schatz Edward (eds.). Paradox of Power. The Logics of State Weakness in Eurasia. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – 328 p.

Коллективный труд западных исследователей под ред. Д.Хизершоу и Э.Шатца (известного своей книгой о т.н. клановой системе в Казахстане «Власть крови» – 2004 г.) «Парадокс власти: логика слабости государства в Евразии» призван рассмотреть феномен постсоветской государственности. По сути, это попытка низвергнуть миф о евразийской цивилизации, базирующейся на традиционном господстве государства и его сильных институтов над индивидуумом – в противовес западной цивилизации, опирающейся на представительную демократию. Однако, в реальности дело обстоит сложнее. Сами авторы именуют данный вопрос «парадоксом». Они рассматривают его с позиции глобального процесса заката национального государства. В качестве наглядных примеров процесса ослабления государства приводятся многочисленные цветные революции на постсоветском пространстве. В целом исследователи рассматривают данный процесс в качестве имманентной части и неизбежного следствия распада социалистических институтов. В результате авторы для объяснения парадокса находят парадоксальную формулу для данного феномена, которая звучит как «сильно-слабое государство» для стран постсоветской Евразии.



Megoran Nick. Nationalism in Central Asia. A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – 368 p.

Книга Ника Мегорана «Национализм в Центральной Азии: история узбекско-киргизской границы» посвящена, как утверждает автор, самой сложной составляющей комплекса политических и даже геополитических проблем в регионе. Он рассматривает вопрос в качестве элемента сложного процесса становления постсоветской государственности Узбекистана и Киргизстана как часть политического, культурного, исторического, этнографического и географического императивов. При этом Н.Мегоран отказывается от «казуалистических» (причинных) теорий, объясняющих в качестве причин обострения пограничной проблемы, такие как отсутствие советского контроля, запутанность прежних административных границ, претензии на природные

ресурсы, этнические противоречия на исторической почве. Проблему ферганской границы автор изучает с 1998 года, считая эту дату отправной точкой ее обострения. По его мнению, граница стала заложницей «территориальных, национальных и геополитических фантазий узбекской и киргизской элит». Главная цель четкого проведения границы состояла в фиксации этничности складывающейся государственности этих постсоветских республик.

Первые две главы носят компаративистский характер и сравнивают антилиберальный характер строительства государства-нации в Узбекистане и полулиберальный в Киргизии. Третья глава книги рассматривает насилие как основной инструмент укрепления границ складывающихся государств-наций. Четвертая глава посвящена ошским событиям 2010 г. как апофеозу данного процесса. Большое внимание в работе уделяется историческому контексту вопроса в дореволюционное и советское время. Отдельное место в исследовании уделяется феномену национализма как ядру государства-нации. И именно эту границу автор рассматривает в качестве «географической манифестации национализма». Следует отметить, что Н.Мегоран в своем исследовании опирался на многочисленные интервью, воспоминания и свидетельства очевидцев и местных жителей, которым в повседневной жизни приходилось и приходится сталкиваться с реалиями узбекско-киргизской границы в Фергане. При этом автор, владея киргизским и узбекским языками, обходился без русского, которым не владеет (что большая редкость для современных советологов и чего ранее невозможно было представить).

Постсоветские государства: 25 лет независимого развития.

Сб. ст. в 2-х тт. / Отв. ред. – А.Б. Крылов. Том 1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 197 с.

В 2017 году в ИМЭМО РАН начал работу специализированный Центр постсоветских исследований (ЦПИ), в задачи которого входит комплексный и систематический анализ широкого спектра актуальных вопросов становления и развития постсоветских государств, включая изучение идущих в этих странах процессов политического, социального, экономического и культурно-цивилизационного характера, состояния межэтнических отношений и влияния на них религиозных факторов. Важное место в статьях сборника занимает также рассмотрение этно-религиозных факторов развития постсоветских стран, имеющих особое значение для судеб полиэтничных республик Центральной Азии и становления их национальной идентичности.

Авторы отмечают, что политический ландшафт Центральной Азии, странам которой с завидной регулярностью предсказывают разного рода беды, в 21 веке оставался в целом относительно мирным. В пользу сохраняющейся в республиках ЦА стабильности говорит и то, что их приоритетом остается укрепление суверенной государственности. компонентов политических систем традиционные институты, а исторические неформальные клановые отношения под влиянием современности начали здесь модифицироваться. Сложившиеся политические режимы отличает светский характер, хотя религия и традиции сохраняют свою роль существенного компонента духовной жизни, культуры, менталитета социума. Повсеместно распространенные в ЦА сильные президентские республики, где главы государств фактически концентрируют большую часть властных полномочий и прерогатив, являются демократическими по форме, но авторитарными или традиционными по своей сути.

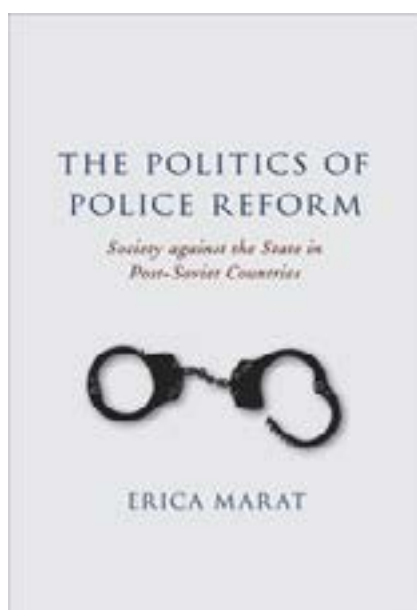
В исследовании отмечается, что наряду с традиционными каналами рекрутирования политических элит (государственный аппарат, политические партии, армия, органы местного самоуправления и пр.), большую роль в системе элитообразования в Центральной Азии играют неформальные связи и отношения.

В заключении авторы приходят к выводу, что во всех центральноазиатских постсоветских государствах происходит процесс исламского возрождения. Сохраняя конституционные принципы светского государства, провозглашая отделение от религии, власти принимают различные меры для того, чтобы регулировать и контролировать религиозную сферу, негласно вмешиваясь в деятельность официальных мусульманских структур. Все эти процессы идут параллельно с усилением деятельности государственных органов, имеющих отношение к борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом.

Ayoob Mohammed, Ismayilov Murad. Identity and Politics in Central Asia and the Caucasus. – London, New York: Routledge, 2017. – 212 p.

Авторы и редакторы книги «Идентичность и политика в Центральной Азии и на Кавказе» Аюб Мухаммед (Мичиганский университет) и Мурад Измайлов (Кембридж) исследовать теории идентичности и внешней политики в неевропейском контексте. Для этого изучаются политики соответствующих государств Центральной Евразии сразу же после приобретения независимости. С этой целью авторы разделили монографию на две части. Первая посвящена собственно процессу национального строительства и формированию новой идентичности. Здесь авторы затрагивают такие вопросы как роль ислама, образования и языка в данном

процессе. Вторая часть рассматривает влияние новой идентичности на внешнеполитическую ориентацию ННГ. В этом случае авторы делают попытку (во многом искусственную, на наш взгляд) вписать ординарные международные связи ННГ в ткань их новой идентичности. При этом они вынуждены признать особую роль России в истории и международном положении постсоветских государств и объективное влияние постсоветской идентичности. Немалое место в исследовании занимает Казахстан в качестве своеобразного и уникального примера синтеза старой и новой идентичности, своих связей с Востоком и Западом, использования исламских финансовых институтов и особых отношений с Россией и советским прошлым в контексте общей евразийской судьбы.



Marat Erica. The Politics of Police Reform: Society against the State in Post-Soviet Countries. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 264 p.

Эрика Марат (проф. Университета национальной обороны в Вашингтоне) посвятила свою работу «Политика реформирования полиции: общество против государства в постсоветских странах» роли полицейских институтов власти на постсоветском пространстве. Э.Марат исходит из тезиса, что полиция (милиция, или органы МВД и КГБ) при советском режиме служила политической элите, существовала для

того, чтобы защищать ее и предотвращать массовые акции протеста среди населения и преступность. При этом наследие, когда полиция политически лояльна к действующей власти, сохранилось и в постсоветское время. Очень немногие постсоветские страны, за исключением балтийских государств, смогли отказаться от этого. Даже политикам, которые были избраны в результате конкурентных выборов, как в Украине, Грузии или Кыргызстане, выгодно не нарушать это устоявшееся советское наследие, когда полиция абсолютно предана власти и готова подавлять любые народные протесты.

По мнению автора, на постсоветском пространстве наиболее серьезные полицейские реформы проходили в странах с сильным гражданским обществом. Происходит некий диалог в Грузии, Украине, Молдове и Кыргызстане – там, где гражданское общество наиболее сильное. Но в таких странах, как Казахстан, Азербайджан или Таджикистан, где власть более авторитарна и не готова к диалогу с общественностью, особых

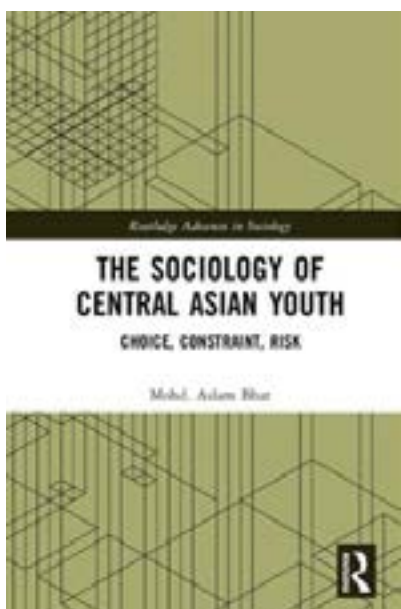
реформ якобы не происходит. В авторитарных режимах можно наблюдать изменения в форме увеличения материального обеспечения полиции, но сама суть ее более интенсивно изменяется в странах с развитой демократией.

Э.Марат считает, что в каждой постсоветской стране власти и президенты обещали амбициозные полицейские реформы. Но чаще всего заявления сводились к тому, что давались указания сверху, опять-таки улучшалось материальное положение полицейских – новые машины и экипировка – но не менялась суть их работы. Во-первых, для этого нужен диалог между властями, МВД и общественностью. При этом руководству МВД нужно услышать голоса не только политически активной части общественности, но и рядовых граждан, которые ежедневно сталкиваются с работой полицейских. Во-вторых, дискуссия о том, как реформировать, должна быть публичной и открытой, с широким освещением в СМИ. И, в-третьих, нужно искать консенсус между требованиями общественности и целями МВД, который в последующем выразится в форме законов, в поведении полицейских, в стратегии развития самого МВД.

Автор уверена, что улучшать материально-техническую базу – это не есть сама реформа. Суть реформы в том, как ведет себя полицейский по отношению к гражданину. Изменение сознания полицейского очень длительный процесс. Но, тем не менее, он возможен и, опять-таки, через диалог с общественностью и через установление подотчетности работы полицейских перед обществом. Когда полицейские чувствуют, что за их работой наблюдают, что на нее влияет общественность, их поведение должно измениться.

Согласно наблюдениям исследовательницы, главная ошибка международных организаций, на мой взгляд, заключается в том, что они работают с МВД и политическими силами, которые на самом деле не хотят реформироваться, и не заинтересованы в этом. Вместо этого им нужно работать на установление диалога и каналов обмена мнениями между обществом и государством. Это очень сложная работа, и многие международные организации этого не делают. У них есть какое-то собственное виденье того, что нужно для страны. Например, они считают, что каждый полицейский должен знать о правах человека. Но вместо теоретических знаний о правах человека, полицейского нужно просто научить навыкам общения с наиболее уязвимыми группами населения. Международные организации должны подходить к нуждам полиции в разных странах именно на основе процессов, которые отличаются даже на местном уровне. Например, в городах у полиции проблемы одного рода, а в селах – совершенно иного.

При этом Э.Марат установила, что есть позитивные изменения на уровне городов в некоторых странах с наиболее развитым гражданским обществом, где общественность смогла «проникнуть» в МВД и вывести интересы общественности на первый план, установив механизмы подотчетности полиции. Зачатки такого диалога и подотчетности видны в Бишкеке, где очень активное гражданское общество, которое всячески пытается убедить МВД следовать интересам общественности, а не власти. Но по большому счету – и Казахстан, к сожалению, в этой группе большинства – политические силы на постсоветском пространстве не заинтересованы в глубинных реформах. Всё, что они презентовали как полицейские реформы, на самом деле заканчивалось расширением материальной базы или некими «косметическими» изменениями. Советское наследие же политической лояльности полиции к власти сохраняется. Кроме того, в Казахстане сейчас наблюдается интересная динамика в связи с акциями протеста, заключает автор.



Bhat M. The Sociology of Central Asian Youth. – London, New York: Routledge, 2018. – 160 p.

Сравнительно небольшое исследование М.Бхата (Колледж Магам, Джамму и Кашмир) «Социология центральноазиатской молодежи» посвящено «периферийному» (по выражению автора) сегменту нового поколения молодежи в глобальном масштабе, которое живет в XXI веке и уже заявляет о себе в качестве имманентной части нового мира. Исследование состоит из шести разделов, освещающих соответствующую проблематику: место молодежи в местном обществе, молодежная культура, столкновение молодежи с реалиями «постсоветского» государства. В своей работе ученый делает особый акцент на узбекской молодежи, что должно способствовать его главной цели: ввести молодежный дискурс в социологические дебаты о природе современного общества в ЦА.

Starr S.F., Cornell S. Modernization and Regional Cooperation in Central Asia: A New Spring? – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 66 p.

Помимо работы по Узбекистану Ф.Старр и С.Корнелл подготовили в 2018 году еще одно исследование – «Модернизация и региональная кооперация в Центральной Азии: новая весна?». Авторы исходят из того,

что за последние два года «над регионом пронесся новый ветер регионализма». Центральноазиатские лидеры стали более охотно и свободно координировать свои действия в области региональной интеграции. В качестве важнейшего события авторы рассматривают встречу лидеров РК и РУ в Астане в марте 2018 г. Они делают смелое предположение, что корни региональной кооперации следует искать в позднесоветский период еще с брежневских времен, поскольку лидеры среднеазиатских республик были якобы вынуждены координировать свои действия в ответ на растущее давление со стороны Москвы.

Исследователи обращают внимание на тот факт, что попытки региональной интеграции в 2001-2005 гг. были фактически сорваны Россией, развернувшей свой проект евразийской интеграции. Однако через десять лет ситуация изменилась. В качестве благоприятных факторов, повлиявших на ускорение региональной интеграции, авторы указывают на такие, как стартовавшие в 2015 в Казахстане серьезные политические и экономические реформы, приход в 2016 г. в Узбекистане нового лидера Ш.Мирзиёева, а также изменившуюся роль Афганистана в регионе, который в 1990-е годы был источником озабоченности, а сегодня представляет собой потенциальный мост для сотрудничества стран региона с Южной Азией.

Чтобы подчеркнуть глубокие исторические корни общей судьбы региона, авторы по ходу изложения материала делают экскурс в происхождение и суть терминов «Центральная Азия», «Средняя Азия», «Туран/Туркестан» и др. В целом, исследователи ищут корни региональной интеграции в глубокой древности, начиная с противостояния и взаимосвязи кочевого и оседлого миров. Но реальное начало интеграции в Средней Азии они видят в советской эпохе во время правления Л.Брежнева, Ю.Андропова и К.Черненко. К событиям, повлиявшим в той или иной степени на развитие региональной интеграции, ученые относят такие как первые робкие попытки создать некие формы объединения в конце 1990-х – начале 2000-х годов (ЦАС, ОЦАК, Центразбат, ЗСЯО). К этому разряду относится попытка в 2005 г. создать некое подобие организации ЦА+Япония, а также выдвинутая в том же году самим же Ф.Старом идея «Расширенной Центральной Азии».

Важнейшей особенностью данного издания является сравнительный анализ и поиск оптимальной формы интеграции для региона ЦА. Авторы последовательно рассматривают такие интеграционные формы как АСЕАН, Северный Экономический Совет, Вышеградская группа и МЕРКОСУР. Наиболее предпочтительной формой для Центральной Азии исследователи считают АСЕАН, хотя, по их мнению, кое-что полезное страны региона

могли бы заимствовать из опыта других организаций, в первую очередь Северного Совета. Но центральную и первоочередную задачу эксперты видят в создании необходимой институциональной базы для успешной региональной интеграции в Центральной Азии.

Ciesléwska A. Islam with a Female Face: how Women are changing the Religious Landscape in Tadjikistan and Kyrgyzstan. – Krakow: Księgarnia Akademicka, 2017. – 276 p.

Работа Анны Числевской (Ягеллонский университет) «Ислам с женским лицом: как женщины меняют религиозный ландшафт Таджикистана и Киргизстана» посвящена месту и роли женщин из числа религиозных лидеров в изменении социальных и политических реалий в этих республиках Средней Азии. Исследование построено на эмпирических наблюдениях автора в период 2010-2014 гг. в Ферганской долине. В фокусе внимания А.Числевской духовный мир этого типа женщин и их влияние на местные сообщества. Книга освещает вклад женских религиозных авторитетов в помощь другим женщинам, а также содержит теоретический экскурс о формировании исторических традиций женской религиозности в регионе, которая, как доказывает автор, оказала сильное влияние на трансформацию ислама в Средней Азии.



Sadyrbek Mahabat. Legal Pluralism in Central Asia: Local Jurisdiction and Customary Practices. – London, New York: Routledge, 2018. – 238 p.



Книга М.Садырбека (Ин-т М.Планка в Галле, ФРГ) «Правовой плюрализм в Центральной Азии» представляет собой историческое, антропологическое и юридическое исследование традиционной правовой практики в Кыргызстане и связывает ее с более широкими социальными изменениями в Центральной Азии и за ее пределами. Используя термин «правовой плюрализм», книга М.Садырбека демонстрирует широкий спектр подходов, доступных способов, форм местного права и народного правосудия в преимущественно сельских общинах Кыргызстана, которые могут быть названы «живым законом». Основываясь на своих обширных оригинальных исследованиях, автор показывает, как современные люди систематически решают сложные проблемы, такие как споры, насилие, аварии, преступления и другие трудности, и тем самым

добиваются справедливости, возмещения, наказания, компенсации и т.д. Таким образом, книга раскрывает динамичный, меняющийся и живой характер закона в определенном контексте и регионе, до сих пор недостаточно изученном в рамках правовой антропологии.

Isaacs R., Frigerio A. (eds.). Theorizing Central Asia: The State, Ideology and Power. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – XIX+319 pp.

Как это следует из названия, совместная работа Р.Исаакса и А.Фригейро «Теоретизирование Центральной Азии» носит теоретический характер и посвящена толкованию и расшифровке различных концепций, затрагивающих формирование и взаимодействие в регионе таких важнейших институтов как государство, идеология и власть в постсоветский период. Авторы убеждены, что изучение опыта государств региона может внести свой вклад в развитие политической теории. В качестве ключевых составители данного труда такие темы как исследование моделей государственного управления, поиск идеологического правового обоснования, обновления государства и правовых институтов.

Авторы выделяют с точки зрения процесса легитимизации власти в паре два государства региона – Казахстан и Туркменистан. При этом они считают, что казахстанское государство находится в промежуточной стадии – между государственным и неопатримониальным капитализмом. Киргизстан, с точки зрения авторов, представляет собой сложную конструкцию из т.н. «менеджериализма» и неолиберализма. Отдельная глава в книге посвящена поиску государствами региона национальной идеи и отражению этого процесса в теории и практике. Причем в Казахстане произошло четкое отделение режима личной власти и ее легитимизация и сакрализация, что вплотную приблизило ее к монархической концепции. Указанный феномен скомбинирован, по мнению исследователей, из мифов и фантазий, главный из которых создание новой столицы Астаны (ныне – Нур-Султан, что еще раз подтверждает догадки авторов).

Данный процесс поиска государственной идентичности носит не только внутривнутриполитический характер, но и самым прямым образом влияет на международное положение стран региона, их положение в мировой иерархии и стратификации в рамках СНГ. В книге точно подмечено, что местные режимы берут на вооружение любые более или менее значимые теории международных отношений, в частности – известную геополитическую концепцию хартленда Х.Макиндера. В работе высказывается мысль, что регион стал своего рода полигоном для экспериментирования международных теорий реализма и либерализма. В целом, заключают

авторы, страны Центральной Азии можно с полным основанием отнести к разряду т.н. «недоукомплектованных» государств, которые так и смогли найти достаточное идеологическое обоснование для достижения компромисса между государственными моделями и глубинными интересами своих обществ. Данный фактор еще сыграет в будущем, как можно предположить, свою негативную роль.

O'Neill Borbieva Noor. Visions of Development in Central Asia. Revitalizing the Culture Concept. – New York: Lexington Books, 2019. – 254 p.

Исследование Н.О'Нил-Борбиевой (доцент антропологии Пердского ун-та, Форт Уэйн) «Видение развития Центральной Азии с точки зрения пересмотра культурной концепции» и возвращения давней традиции анализа культурных процессов в контексте параллельного роста интеллектуальной и политической проблематики. Автор видит в этом часть общего процесса трансформации культурных ценностей по мере под влиянием социально-экономической и политической траектории государства. Опираясь на данные политической теории, экологической психологии, комплексного научного подхода постструктурализма, Н. О'Нил-Борбиева призывает социо-антропологов пересмотреть повестку дебатов по роли и месте культуры. В этих целях автор использует в основном собственный этнографический материал, наработанный ею в рамках участия в деятельности Корпуса мира в Киргизии. Фактически, исследовательница предлагает альтернативное видение глубинных процессов человеческой социализации и вытекающих отсюда культурных различий. По мнению критиков, новизна авторского подхода сводится всего лишь к тому, что она рассматривает типичное взаимодействие между западной культурой и местными архетипами, переживающими период сложной адаптации и трансформации после советской демодернизации, взрывного роста исламизации и традиционной культуры, и все это на фоне вторжения западного влияния. Особенно это заметно в главах, посвященных влиянию политической демократии на общественные и культурные процессы.

Beyer Judith, Finke Peter (eds. by). Practices of Traditionalization in Central Asia. – London, New York: Routledge, 2020. – 126 p.

Книга под редакцией востоковедов-тюркологов Ю.Байер и П.Финке (казаховеда из ин-та М.Планка) «Практика традиционализации в Центральной Азии» сфокусирована на эволюции традиций в современной ЦА, включив в этот исторический регион даже Татарстан и Тибет. Исследователи наблюдают, как вчерашние промышленные рабочие, горожане и представители

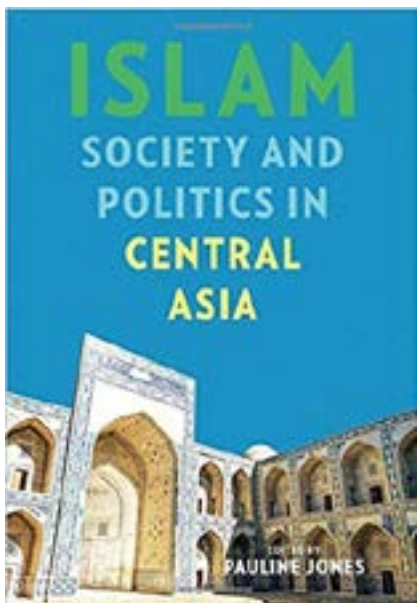
светской интеллигенции обращаются к религиозному образованию, возвращению к общинному существованию, свадебным и другим церемониям, и что парадоксально – все это происходит на фоне широкого распространения интернета.

В современной Центральной Азии развитие традиции как аналитической концепции канула навсегда в прошлое с приходом капиталистического модернизма, хотя она прекрасно уживалась с социализмом в предшествующие десятилетия. Традиции были возрождены и спущены «сверху» властями новых независимых государств с целью установления новых национальных нарративов. При этом традиция одновременно выступает как практика и институты, заменяя собой культурную модель. В то же время традиция как инструмент затрагивает многие важные сферы политической и социальной жизни, к которым авторы относят гендерные и религиозные отношения. И главное – традиция освящает новую систему власти в отсутствие и при отмирании прежних советских институтов.

Авторы рассматривают, таким образом, традицию как попытку приспособить прошлое к нуждам современности. В то же время традиция несет функции продолжающейся практики в сфере материальной культуры и своим существованием поддерживает историческую память и национальную мифологию, которые в свою очередь являются национальными проектами со своими особенностями у каждой постсоветской нации и одновременно народными культурными стратегиями.

Таким образом, основная идея книги состоит в том, что традиции утратили свои прежние исторические черты в новых условиях и синтезируются с новым образом жизни. В Центральной Азии, подчеркивают редакторы, практика традиционализма тесным образом связана с эрозией социалистического образа жизни и формированием высоко стратифицированных обществ. Практически, монография затрагивает широкий круг вопросов в области (социальной) антропологии, истории, политологии и социологии.

2.2. Исламский вопрос в Центральной Азии и отдельных государствах региона



Jones Pauline (ed.). Islam, Society, and Politics in Central Asia. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – XVII+392 p.

Ряд изданий, увидевших свет в 2017 году, посвящен религиозной (точнее, исламской) проблематике. Первым следует упомянуть коллективный труд (под ред. П.Джонс) «Ислам, общество и политика в Центральной Азии». Составитель монографии П.Джонс исходит из того, что регион в 1990-е годы вошел в фазу т.н. «возрождения ислама». Сегодня, спустя четверть века, наступило время подвести итоги данного процесса, его влияния на социумы и политику в регионе. Книга состоит из четырех частей, первая из которых посвящена влиянию ислама на общество – «взгляд снизу». Вторая часть – «Ислам и государство» рассматривает проблему как «взгляд сверху». Третья часть «Источники религиозной власти в ЦА» – это «взгляд изнутри». И наконец, четвертая часть посвящена «взгляду извне» – «Международный ислам и Центральная Азия».

Авторы констатируют тот факт, что распространенное стремление «очистить ислам» в ЦА есть продукт его специфического развития в советских условиях. Отношение постсоветских государств к исламу являются фактически продолжением государственной политики советской эпохи. Из этого же времени в постсоветскую эпоху перекочевали неформальные институты и источники формирования механизма религиозных авторитетов. Отношение к внешнему исламу со стороны местных властей было различным, но в целом возобладала тенденция враждебности. Транснациональные группы, представляющие иностранный ислам, рассматриваются в регионе как идеологические и политические конкуренты, а главное – как источник террористической угрозы и нестабильности. Как заключают авторы, ситуацию спасает от монополизации идеологии и политики каким-либо одним радикальным движением факт плюрализма в этой области.

McBrien Julie. From Belonging to Belief. Modern Secularisms and the Construction of Religion in Kyrgyzstan. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – 248 p.

Данную тему на конкретном примере продолжает работа Джулии Макбрайен (Вашингтонский университет, Сент-Луис) «От принадлежности к вере: современный секуляризм и религиозное строительство в Киргизстане». Книга представляет собой этнографическое исследование на примере небольшого городка Базар-Корган в южном Киргизстане. На многочисленных примерах автор доказывает, что религиозная ситуация в этом городе носила в большей степени секуляристский характер, поскольку ислам играл не религиозную роль, а этнографическую – использование в различных церемониях, как то свадьбы, похороны и т.д. Тем самым, поведение современных мусульман и применение ислама в настоящее время формируются наследием советского атеизма и постсоветского секуляризма.

Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. – М: Аспект пресс, 2019. – 219 с.

Монография ведущего российского востоковеда И.Д.Звягельской, о которой мы упоминали выше, изданная под эгидой Института Востоковедения РАН, отметившего в 2018 г. свое 200-летие, совместно с МГИМО МИД РФ, посвящена анализу воздействия основных факторов и трендов мирового развития на Ближний Восток и Центральную Азию. Работу можно смело назвать еще и анатомией конфликтов и конфликтности в этих двух регионах, поскольку в книге подробно и структурно анализируются как внутренние сдвиги (факторы разъединения и консолидации), так и внешние факторы воздействия, включая вызовы технотронного века и глобализации.⁸

Несмотря на все различия между двумя рассматриваемыми регионами, включение в общие рамки исследования как Ближнего Востока, так и Центральной Азии выглядит достаточно органичным вследствие наличия в обоих регионах общих парадигм развития и схожих проблем. Сегодня многие специалисты относят оба региона к так называемому Большому Ближнему Востоку, другие склонны включать их в «дугу нестабильности». Оба региона также являются составными частями исламского мира.

⁸ Пути к миру и безопасности (ИМЭМО). 2019. № 2.

Композиционно монография состоит из семи глав, посвященных наиболее существенным, по мнению автора, вызовам развития и проблемам роста, с которыми сталкиваются государства обоих регионов. Первая глава поднимает проблему, наиболее характерную для переходных этапов и систем. Речь идет о состоянии государственности стран региона, которое неизбежно сказывается как на повестке международных отношений, так и на внутривнутриполитической ситуации. Во второй главе рассматривается проблема государственного суверенитета, а точнее то, в каких рамках и до какого предела органы государственной власти, включая силовые структуры, имеют право наводить порядок «в собственном доме», а в каких условиях такое «наведение порядка» объявляется нелегитимным. Третья глава посвящена современному международному терроризму на примере Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ); четвертая – процессам гибридизации в войне и политике; пятая – проблемам архаики и традиционализма в восточных обществах; шестая – соотношению путей революционного и эволюционного развития; седьмая – традиционным форматам и новому измерению конфликтов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

В условиях болезненного формирования нового миропорядка требуется осмысление новых мегатрендов и их воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Возвышение Китая и Индии, активизация роли России, набирающие силу изоляционистские тенденции во внешней политике США, ориентализация мирового развития, внутренние противоречия в ЕС, кризис элит, всплеск этносепаратизма, – все это оказывает сильное воздействие на государства Ближнего Востока и на выбор ими парадигм внутреннего развития и внешней политики. Как отмечает автор, разочарование в рецептах переустройства общества на социалистических началах, распад СССР и крушение коммунистической идеологии стали на Арабском Востоке драйверами поиска новой утопии всеобщего благоденствия, но на этот раз в контексте радикальных исламистских идей. При этом реализация альтернативного проекта демократизации, особенно по западным образцам, имела результатом ослабление и разрушение управляемости вплоть до распада государственности.

Закономерно, что одна из ключевых проблем Ближнего Востока и Центральной Азии связана с теми испытаниями, которым подвергается государственность стран региона. Органичный для мусульман Ближнего Востока дуализм на сегодня выражается в борьбе между сторонниками условно светской модели и представителями политического ислама. Исламисты считают религиозную веру главным фактором идентичности, а наиболее радикальные из них в разной степени используют насильственные методы в процессе достижения своих целей.

Хотя национализм в государствах региона складывался на основе антизападничества, заимствование западных идеологий одновременно с неприятием западных образцов организации общества стало одной из важнейших особенностей построения независимых государств на Арабском Востоке. В рамках этого процесса безопасность общества в широком смысле подменялась безопасностью режима. В силу этого, например, усиление и многочисленность спецслужб была нужна режиму, но бесполезна для общества. Как полагает И.Д.Звягельская, предшествующая эра становления и развития государственности дала обычным людям немало, но вместе с тем не привела к формированию таких институтов, которые представляли бы их интересы и давали бы им голос в политическом процессе. При этом идея свободы, особенно индивидуальной, в арабском дискурсе не находилась в центре общественной мысли (с. 18), в отличие от идей справедливости и национального освобождения. В результате элиты освободившихся государств были в основном представлены бывшими армейскими офицерами и довольствовались созданием одной партии и «ручного» парламента. Исключением оказался проект государственного строительства Израиля, сформированный под сильным воздействием национализма западного типа.

Однако отказ правителей от таких «правил игры», как сменяемость власти и развитие институтов (прежде всего, судебной и законодательной власти), лишил их легитимности не только в глазах немногочисленной оппозиции, но и довольно широких слоев населения. Ниспровергатели же правящих режимов преследовали такие далекие от революционной романтики прошлого века цели, как получение доступа к власти и ресурсам. В результате побочным, а возможно, и главным продуктом «арабской весны» начала 2010-х гг. стало ослабление управляемости и нарастание хаоса. При этом автор отмечает, что монархические режимы на Ближнем Востоке оказались крепче республиканских, поскольку функционировали в рамках де факто всеми признанной системы династической передачи власти. Там, где культурное влияние Запада было относительно низким или более жестко отвергалось, архаичные формы государственности продержались значительно дольше.

Что касается государств Центральной Азии, то для них поиск государственности заключался в возвращении к неким «древним» корням, попытках представить современную государственность как наследие цивилизаций прошлого. В самом деле обоснование современной независимости легче найти в далеком прошлом, среди героев и завоевателей. Его можно идеализировать, представить как золотой век государственности,

традиции которой были насильственно прерваны в эпоху колонизации и существования СССР.

Во второй главе – «Классика суверенитета и региональный пейзаж» – ставится вопрос о том, в какой степени государство обладает суверенитетом для наведения порядка на собственной территории. Автор полагает, что суверенитет как абсолютная власть государства на определенной территории постоянно подвергается вызовам. На Ближнем Востоке особую роль в этом плане традиционно играют внешние силы – еще со времен соглашения Сайкса-Пико 1916 г., когда они обозначили границы новых государств и поделили сферы влияния. По сути эти внешние силы присвоили себе право судить о том, что дозволено местным правителям, а что – нет.

По мнению автора, особенность современной ситуации заключается в том, что суверенитет и легитимность больше не являются препятствиями для вторжений иностранных войск. Однако проблема в данном случае заключается не только в произвольности трактовки ситуации зарубежными акторами. Степень суверенитета региональных государств обуславливается и иными факторами, включая условность границ. В частности, обширные пустынные территории невозможно оградить укрепленными рубежами, а границы в нынешнем виде не служат препятствием для племен, кочующих из одного государства в другое. Прозрачность рубежей также открывает дополнительные возможности для террористических организаций, которые могут ради сохранения своего потенциала передислоцироваться, скрываться в пустынных зонах или перекочевывать в другие государства, примером чему служит удивительная подвижность ИГИЛ.

Ситуация усугубляется еще и тем, что армии на Ближнем Востоке нередко используются для осуществления государственных переворотов, а порой и против собственных граждан. Это происходит на фоне непродуманной политики правящих режимов, коррупции и колоссального разрыва в доходах. Социально-экономические проблемы во многом связаны с такими фундаментальными факторами, как ограниченность водных ресурсов в условиях, когда 80% региона занимают пустыни, а также быстрым приростом населения. Внутренняя слабость государств стала главной причиной появления многочисленных негосударственных акторов, нередко приватизирующих государственные функции и подкрепляющих свои притязания силой оружия. Уже в силу этого всякие договоры о разоружении имеют сомнительную или печальную перспективу.

Что касается Центральной Азии, то вследствие неразвитости взаимных связей между ее государствами в экономической сфере такие связи обращены не внутрь региона, а вовне. Ни в одной из региональных организаций,

включая организации с участием России, страны региона не присутствуют «в полном составе». Предшествовавший сложный процесс территориального размежевания породил проблему разделенных этносов, которая может обостриться при неблагоприятном развитии ситуации.

Терроризм, которому посвящена третья глава, является одной из самых сложных проблем региона. Террористическую активность, которая носит трансграничный характер, осуществляют хорошо известные организации, центральное место в ряду которых занимает ИГИЛ. Как отмечает И.Д.Звягельская, его формирование оказалось быстрым и неожиданным для многих наблюдателей и экспертов. Оно стало побочным продуктом американского вмешательства и реформирования Ирака за счет маргинализации суннитов, роспуска армии и ликвидации партии «Баас». Появление ИГИЛ создало для некоторых слоев населения альтернативу жалкому прозябанию. Автор указывает на то, что выдвигаемые террористами лозунги оказались востребованными различными в культурном и этническом планах обществами, слоями и группами как на Востоке, так и на Западе. Многие мусульмане восприняли «халифат» как форму если не идеального государственного устройства, то, по крайней мере, устройства, рассчитанного на обеспечение минимальной справедливости. Более того, салафитская идеология, делающая упор на очищение веры и приверженность принципу единобожия, – это своего рода ответ на то, что мусульманские фундаменталисты считают разгулом либерализма на Западе и пренебрежением принципами тысячелетней морали и человеческой нравственности.

Деятельность международных террористов распространяется и на Центральную Азию. Страны региона испытывают все больший нажим со стороны экстремистских группировок. Перед центральноазиатскими государствами также стоит своего рода идеологический вызов, исходящий с Ближнего Востока и Афганистана. При этом в них идет непростой процесс поиска идентичности, и еще не сложились самостоятельные направления исламской мысли. В регионе имеется клубок социальных проблем в виде имущественного расслоения, демонстрации богатства в условиях крайней бедности, отсутствия социальных лифтов, несправедливости в связи с невозможностью защитить свои права в судебном порядке, т. е. добиться защиты от государства. Активность радикального подполья объясняется еще и тем, что в странах региона нет возможностей для деятельности легальных исламистских партий, а отправляющиеся в другие страны (преимущественно в Россию) на заработки люди особенно подвержены джихадистской пропаганде. Впрочем, степень чувствительности к такой пропаганде остающегося на местах населения тоже высока. При этом особую

опасность представляет идеологическое влияние поборников экстремизма на военнослужащих и сотрудников силовых структур.

Тема гибридизации войны и политики (глава 4) особенно значима для Ближнего Востока, где во многих государствах уровень внутренней нестабильности высок, активно действуют террористы и рушится система управления. Технологический прогресс, наличие обширного рынка современных вооружений (доступный не только государствам, но и разного рода негосударственным игрокам), высокие требования к профессионализму – все это стирает грань между отрядами боевиков и регулярной армией. Налицо фрагментация конфликтов. Поскольку в основе любого вооруженного конфликта лежит желание заинтересованных сил получить доступ к власти и ресурсам, а также стремление контролировать события и создать односторонние преимущества в сфере безопасности, факторов для гибридизации такого рода конфликтов более чем достаточно.

В Центральной Азии, с одной стороны, крушение советской системы и установление отношений рыночной экономики открывали двери внешнему влиянию. Однако, с другой стороны, тенденции демократизации вызывали раздражение местных элит. Элементы либерализации, как полагает автор, были продуктом верхушечных реформ, что создало саму возможность появления таких элементов и предопределило их относительно утилитарный, приспособленный к интересам властей характер. Местные политические партии так и не стали идеологическими, а главным фактором их формирования остаются клановые и родоплеменные интересы, стремление обеспечить более высокий статус своим соплеменникам.

В пятой главе разбираются типичные для регионов понятия архаизма и традиций. Западные исследователи нередко называют ближневосточные общества архаичными. Однако, как, напоминает И.Д.Звягельская, архаизация носит инструментальный и манипулятивный характер. Вместе с тем она может быть отражением общественного запроса и даже определенной альтернативой слишком сложной современной действительности, предлагая более простые и понятные ответы на вызовы современности, выстраивая черно-белую картину мира. По мнению автора, традиционализм в сравнении с архаикой носит более устойчивый характер, а поведение индивидуумов в нем подчинено групповому интересу: интересам семьи, клана, племени, общины. Разочаровавшись в когда-то соответствовавших общественным ожиданиям светских режимах, местные общества обратились к поиску ответов в прошлом, начав поиск альтернативы в политическом исламе, позиционировавшем себя как силу, способную обеспечить порядок и справедливость.

В контексте анализа ситуации в рассматриваемых регионах не менее интересен и вопрос о соотношении между революционными и эволюционными преобразованиями. В случаях недовольства населения «старыми элитами» перспектива их смены в арабском мире и в Центральной Азии гораздо менее реалистична, нежели в развитых странах. Даже тогда, когда верхушечные перевороты, мятежи и социальные движения являются частью революционного процесса, они, по мнению автора, могут и не носить характер «революции». На Ближнем Востоке революции XX в. преследовали цели борьбы за национальное освобождение и новую государственность, а появившиеся в результате этого «государства мечты» на деле не оправдывали возлагавшиеся на них надежды. Появление же независимых государств в Центральной Азии не было результатом всплеска национально-освободительного движения: к нему привело разрушение того государства, которое многих устраивало.

В настоящее время особую роль в политической ситуации на Востоке играют два фактора. С одной стороны, отсутствие у правящих режимов четких и понятных механизмов смены власти может стать одним из импульсов к революционным изменениям. С другой стороны, в условиях долголетнего несменяемого лидерства в обществе вырабатывается страх перед неизвестностью в случае ухода лидера.

В монографии упоминается о 50-летних циклах, в течение которых должны произойти либо преобразования, либо смены режимов. В транзитных обществах переход от полной сервильности к массовому противостоянию происходит особенно быстро, ввиду чего причины порой ускользают от взгляда стороннего наблюдателя. К социальному взрыву в арабских странах приводили накапливавшиеся годами проблемы: резкое омоложение общества, увеличение числа образованных, но неспособных найти себе должное применение людей, бедность, вытеснение сельского населения в города и его маргинализация, системная коррупция и неэффективные экономические модели. Хотя в каждой арабской стране имелись и собственные причины для недовольства, общим знаменателем служило стремление избавиться от дискредитировавших себя режимов.

Применительно к Центральной Азии, где в процессе развития сложился эксклюзивный тип властных структур, имитационный характер выборов и весьма условная многопартийность, автор подмечает интересный нюанс: защиту и неприкосновенность частной собственности обеспечивает не существующая законодательная база, а только нахождение у власти. Утрата существующей бюрократической системой механизмов обратной связи представляет значительную опасность.

Вместе с тем правящие режимы обладают определенной устойчивостью, что может объясняться влиянием различных факторов: наличием институтов, отражающих особенности местной культуры, легитимностью власти в глазах определенной или даже значительной части населения, умелым реагированием властей на возникающие проблемы, готовностью к проведению дозированных реформ, финансовыми возможностями по «умиротворению недовольных» и, наконец, эффективностью репрессивных мер. Автор обращает внимание на стабилизирующую роль среднего класса, который по своей природе стремится к переменам, дающим ему возможность развиваться и ограждающим от чрезмерной опеки со стороны государства.

В условиях слабости власти особую роль приобретает феномен полевых командиров, контролирующих небольшие территории, сочетая силу и патронаж. Они часто опираются на нелегальный бизнес (торговлю наркотиками, нефтью и оружием) и поддерживают ситуативные связи с иностранными державами, готовыми воспользоваться их услугами, исходя из своих соображений. Подобная схема может использоваться и в Центральной Азии. В Таджикистане времен гражданской войны формирования полевых командиров пытались установить контроль над участками границы с Афганистаном.

Как отмечается в книге, столкновения между конфессиональными идентичностями в рамках одного религиозного течения (сунниты – шииты, джихадисты – салафиты) становятся важной особенностью политических конфликтов. Подобные противоречия усугубляются более частными: так, противоречия между шиитами и суннитами сочетаются с расколом внутри суннитского лагеря. Судьбы формируемых на региональном и местном уровнях коалиций выглядят далеко не безоблачными, и подчас отсутствие реальной координации усилий и общей стратегии их участников делает цели подобных коалиций декларативными.

Заключительная часть книги посвящена вопросам урегулирования конфликтов. Отмечая, что гражданские войны и внутренние конфликты в наименьшей степени поддаются урегулированию, автор все-таки видит возможность достижения компромиссов, особенно при условии, когда максималистские требования сторон недостижимы. К перелому в пользу мирного урегулирования в общественном мнении страны, погруженной в конфликт, может привести и конструктивное влияние внешних сил. В качестве примера такого позитивного участия зарубежных акторов в решении сирийского конфликта упоминается Астанинский процесс. Достояния внимания логика урегулирования гражданской войны в Таджикистане

1990-х гг., состоявшая в разделе власти между правительством и оппозицией, представители которой получили должности в исполнительной власти, судебных и правоохранительных органах.

Подводя итог исследованию, И.Д.Звягельская справедливо отмечает, что, по сравнению с глобальными игроками, государства Ближнего Востока и Центральной Азии обладают меньшими ресурсами для обеспечения собственной безопасности, при этом сталкиваясь с более острой необходимостью обеспечивать эту безопасность в условиях конфликтов, нестабильности и неопределенности.

Книга И.Д.Звягельской рассчитана на читателей, интересующихся ситуацией на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а также на экспертов, специализирующихся на региональной политике, проблемах конфликтологии, разоружения и т. п.



Зайферт Арне К. Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии – с чего начинать? Отв. ред. В. А. Кузнецов; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 69 с.

Данное исследование констатирует острую необходимость выдвижения политических ненасильственных методов предупреждения религиозной радикализации, ведущей к экстремизму и терроризму в Центральной Азии. В целом, силовые методы борьбы с терроризмом и политическим исламом не дают продолжительного эффекта в искоренении как внутренних, так и внешних истоков терроризма. Его глубинные причины не только сохраняются, но подчас даже усиливают свое пагубное воздействие. В контексте разработки ненасильственных методов противодействия радикализму особого внимания заслуживают вопросы религиозной политики и отношений государства с исламскими кругами. В работе рассматриваются превентивные социальные ресурсы, методы, инструментарий такой работы.

Данное исследование констатирует острую необходимость выдвижения политических ненасильственных методов предупреждения религиозной радикализации, ведущей к экстремизму и терроризму в Центральной Азии. В целом, силовые методы борьбы с терроризмом и политическим исламом не дают продолжительного эффекта в искоренении как внутренних, так и внешних истоков терроризма. Его глубинные причины не только сохраняются, но подчас даже усиливают свое пагубное воздействие. В контексте разработки ненасильственных методов противодействия радикализму особого внимания заслуживают вопросы религиозной политики и отношений государства с исламскими кругами. В работе рассматриваются превентивные социальные ресурсы, методы, инструментарий такой работы.

Внутриполитическое развитие Узбекистана

Большую группу составляют исследования последних лет, посвященные Узбекистану. Работа Ирен Хильгерс «Почему узбеки должны быть мусульманами?» (2009) затрагивает широкий комплекс вопросов, связанных с ролью ислама в постсоветском Узбекистане. Затронутая ею тема касается

истории, культурных традиций, этнографии и политики.⁹ Монография Лауры Адамс «Постановочное государство: культура и национальная идентичность в Узбекистане» (2010) рассматривает особенности формирования новой идентичности постсоветского Узбекистана. В книге используется исторический и культурологический материал для иллюстрации протекающего политического процесса.¹⁰

К числу специализированных изданий относится работа Софи Хоманн «Власть и здоровье в Узбекистане: от русской колонизации до постсоветской трансформации» (2014). Автор, давно работающая на стыке истории и этнографии, поставила своей задачей показать в сравнении состояние систем здравоохранения в Узбекистане в различные эпохи. Однако критика упрекала С.Хоманн в чрезмерном увлечении этнографией (традиционной системой лечения табибов) в ущерб реальному изучению советского вклада в развитие здравоохранения в республике и ее неизбежной деградации в постсоветскую эпоху.¹¹

В 2014 г. Сиракузский университет опубликовал исследование С.Пешковой, написанное на базе полевых исследований в Ферганской долине – «Женщины, ислам и идентичность: публичная жизнь в частном пространстве узбекского общества». Следует отметить, что в работе имеется социо-исторический анализ местного общества. В результате исследования автор сделала попытку расшифровать социальные коды и мировоззренческие установки ферганских женщин.¹²

В свою очередь издательство «Лексингтон» выпустило в 2014 году работу узбекской исследовательницы З.Турсуновой «Жизнь и источники существования женщин в постсоветском Узбекистане». Книга описывает роль женщин в социальной, экономической и духовной жизни в сельской местности республики. Книга готовилась в рамках проекта ЮНЕСКО по Хорезмской и Ташкентской областям. По мнению критики, исследование представляет интерес для современной этнографии и социологии тем, что показывает выработку сельскими женщинами своеобразной «стратегии выживания», а также роль ислама в семье. В качестве критических замечаний работа вызвала нарекания за идеализацию дореволюционного уклада

⁹ *Hilgers I.* Why do Uzbeks have to be Muslims? Exploring Religiosity in the Ferghana Valley. – Berlin: Lit Verlag, 2009. – 151 p.

¹⁰ *Adams L.L.* The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. – Durham, London: Duke University Press, 2010. – 242 p.

¹¹ *Hohmann S.* Pouvoir et santé en Ouzbékistan: De la colonisation russe aux transformations post-soviétiques. – Paris: PETRA, 2014. – 321 p.

¹² *Peshkova S.* Women, Islam, and identity: public life in private spaces in Uzbekistan. – Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2014. – VIII+352 pp.

жизни и необъективные идеологизированные в духе современного узбекского официоза нападки на модернизацию советской эпохи. Но в целом книга рисует достаточно полную картину жизни современной сельской узбекской женщины – опоры и зачастую кормилицы семьи.¹³

Работа Й.Шмоллера «Мотивация в жизни молодых узбекских мужчин» также носит социологический характер и близка по тематике к предшествующему исследованию. Данная работа – результат наблюдений автора в 2008-10 гг. за повседневной жизнью, работой и карьерами молодых людей, жителей Ташкента в возрасте от 20-35 лет.¹⁴

В том же году увидело свет монографическое издание П.Финке «Вариации узбекской идентичности», в котором автор рассматривает широкий исторический контекст и влияние на процесс формирования узбекской идентичности монгольской, тимуридской, царской и советской эпох. При этом Финке различает узбекскую и таджикскую идентичности, не синтезируя их в рамках некой «узбекистанской» идентичности. Критики данного издания отмечают тот момент, что Финке делает умозаключения лишь относительно тех регионов, где ему удалось побывать лично во время полевых исследований.¹⁵

Жизни узбекской общины в Ошской области Киргизстана посвящено исследование Моргана Лю «Под тронем Соломона» (2012). В работе рассматриваются межэтнические отношения между узбеками и киргизами, крайне осложненные известными событиями в 2010 году, а также широкий спектр вопросов, связанных с дальнейшим сохранением этнической идентификации узбекской общины в непростых условиях.¹⁶

Среди изданий, посвященных Центральной Азии, появился ряд публикаций, которые сложно охарактеризовать – являются ли они работами политологического (публицистического) характера или их можно отнести к жанру исторических исследований. Имеется в виду ряд изданий, выпущенных в серии программы по изучению Шелкового пути под эгидой Института Центральной Азии и Кавказа (Университет Джонса Хопкинса, Вашингтон) и под руководством широко известного специалиста по нашему региону – проф. Ф.Старра. Речь идет об исследованиях, посвященных трагическим событиям 2005 года в Андижане (Узбекистан) и 2010 года в Оше (Киргизстан).

¹³ *Tursunova Z.* Women's lives and livelihoods in post-Soviet Uzbekistan: ceremonies of empowerment and peacebuilding. – New York., London: Lexington Books, 2014. – 248 p.

¹⁴ *Schmoller J.* Achieving a career, becoming a master. Aspirations in the lives of young Uzbek men. Studien zum Modernen Orient No 26. – Berlin: Klaus Schwarz, 2015. – 238 pp.

¹⁵ *Finke P.* Variations on Uzbek Identity: Strategic Choices, Cognitive Schemas and Political Constrains in Indentification Processss. – Oxford: Berghahn, 2014. – XV+271 pp.

¹⁶ *Liu M.* Under Solomon's Throne: Uzbek Visions of Renewal in Osh. – Pittsburg: Pittsburg University Press, 2012. – 280 p.



MacFadyen David. Russian Culture in Uzbekistan. One Language in the Middle of Nowhere. – London, New York: Routledge, 2009. – 208 p.

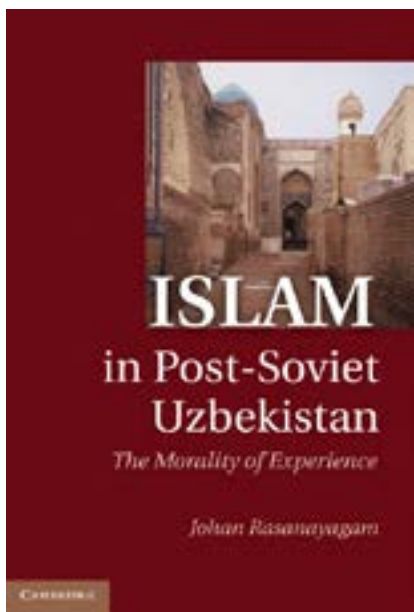
Исследование Дэвида Макфадьена «Русская культура в Узбекистане» (проф. в Школе славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета) посвящено судьбе носителей русского языка в этой республике. Эти люди, по мнению автора, которые некогда были носителями прогрессивной европейской культуры в сфере литературы, музыкального искусства, кинематографа и журналистики, в постсоветский

период столкнулись с двумя вызовами своему статусу – в лице носителей местных языков и американской культуры. Автор опирается на широкие социологические данные, которые показывают, что на текущий период (первая половины 2000-х гг.) русский язык занимал достаточно прочные позиции в Узбекистане. Но количество русскоязычных детей в постсоветский период резко уменьшилось, особенно в сельской местности. С 2003 г. руководство РУ уже почти открыто выражало опасения по поводу драматического падения владения русским языком, что должно было ударить по уровню образованности граждан республики.

Свою роль, которую автор называет «иронией проникновения интернета», внес последний, способствуя всеобщему падению грамотности и образованности. Книга британского ученого доказывает, что советское прошлое в плане культурного влияния было более сложным (и благотворным), чем это изображали на Западе в годы холодной войны. Время после написания данной книги, неоднократно переиздававшейся, показало, что указанные опасения не только не исчезли, но и выросли.

Rasanayagam J. Islam in Post-Soviet Uzbekistan: The Morality of Experience. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – XIV+281 pp.

Джохан Расанаягам (преподает антропологию в Абердинском университете) еще в 2011 г. подготовил исследование «Ислам в постсоветском Узбекистане: морально-этические аспекты преобразований». Автор рассматривает морально-этические аспекты становления мусульманства в Узбекистане. Речь идет о процессе морально-этического осмысления,



который проходят верующие в Узбекистане при формировании более глубокого понимания ислама и того, что представляет собой – быть мусульманином. В данном контексте, считает автор, морально-этическое осмысление основывается на трансцендентности и строится на основе суждений, осмысления и оценки, применяемых в отношении различных аспектов окружающего мира, в том числе вне границ конкретной личности. По его мнению, трансцендентная основа жизненного опыта становится фундаментом для морально-этического осмысления, которое не ограничивается лишь рефлексией в отношении объективных ценностей или осмысленных уси-

лий по развитию добродетели в себе. Этот процесс протекает не только и не сколько в сознании. Морально-этическое осмысление является неотъемлемой чертой жизни, является составной и непрекращающейся частью контакта с социальным и материальным миром. У многих верующих в Узбекистане формируются самые разнообразные и индивидуальные представления о своей идентичности как мусульманина, но это не мешает им при этом вести продуктивный диалог и общение с другими мусульманами-членами той же духовной общины. Это достигается не за счет того, что верующие разделяют одни и те же ценности или обладают схожим пониманием ислама. Зачастую трактовки отличаются фундаментально.

Д.Расанаягам принимал участие в масштабных полевых исследованиях в Узбекистане по вопросам того, как воспринимают и представляют себе государство верующие в Узбекистане на основе своих ежедневных контактов с государственными структурами. В своей работе автор концентрируется на вопросах ислама и общественной морали в Узбекистане, на работе государственных органов Узбекистана по определению критериев того, что является законопослушным мусульманством и по реализации этих критериев на практике и на том, как сами верующие формируют представление о том, что представляет собой быть мусульманином.

Fumagalli M. Violence and Resistance in Uzbekistan. – New York, London: Routledge, 2013. – 256 p.

Маттео Фумагальи (ЦЕУ, Будапешт), специализирующийся на политических и социальных процессах в странах Центральной Азии, посвятил свою работу «Насилие и сопротивление в Узбекистане» процессам общественно-политической активности в этой республике с применением

сравнительных методов по изучению авторитаризма, политической идентичности и этничности. Автор считает, что легитимность режима, созданного президентом И.Каримовым, базировалась в основном на противостоянии исламскому фундаментализму как внутри государства, так и с внешними агентами. С конца 1990-х гг. в республике отмечается рост протестных настроений и социального недовольства. Автор особое внимание обращает на происхождение и истоки каждой волны общественных протестов. По его мнению, Андижанские события 2005 г. были всего лишь эпизодом в цепи протестных акций и соответствующих репрессий (а не инспирированной извне попыткой начать масштабный мятеж с прицелом на всю Ферганскую долину, а может быть – и весь Узбекистан, как считают компетентные специалисты). Основная мысль исследователя состоит в том, что в республике среди недовольного населения господствует сочетание страха, политической беспомощности и экономической незащищенности, что заставляет его метаться между мирными и насильственными акциями протеста. Единственный выход для властей, считает М.Фумагальи, это направление политической активности в легальное русло.

Turaeva R. Migration and Identity in Central Asia. The Uzbek experience. – New York: Routledge, 2015. – 236 p.

Исследование Р.Тураевой (Институт М.Планка по социальной антропологии) посвящено внутренней миграции в РУ и этнографическому и социолингвистическому изучению положению мигрантов в Ташкенте. Ситуация рассматривается с точки зрения известной концепции «мы и они». Мигранты оказываются в чужой среде, где существует сложная сеть родственных, клановых, социальных и региональных связей. В результате среди мигрантов вырабатывается некая коммуникационная стратегия, формируется собственная солидарность. Автор констатирует наличие противоречий как внутри узбекской общины, так и между различными этническими группами. Следует отметить, что за годы после выхода этой книги в республике произошло немало важных и серьезных изменений, которые не могли не коснуться положения мигрантов. К ним следует отнести смену высшего руководства в стране, запуск широкомасштабных социально-экономических реформ, ослабление полицейского режима (в плане контроля за внутренней миграцией) и смягчение административных барьеров, религиозные послабления и ряд других. Таким образом, книга Р.Тураевой приобретает исторический характер, и в будущем будет служить источником для изучения внутренней политики в последние годы правления И.Каримова.

Hartman J. W. The May 2005 Andijan Uprising: What We Know. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. – 65 p.

Работа Джеффри Хартмана «Андижанское восстание в мае 2005 г.: что мы знаем», который служил военным атташе США в Ташкенте в 2007-09 гг., поставил целью осветить неизвестные или малоизвестные детали и трактовки событий тех дней и ответить на центральный вопрос: было ли происшедшее восстанием (или мирным протестом) на самом деле или нет.

Напомним вкратце канву событий того времени. В ночь с 12 на 13 мая 2005 года группа вооруженных членов полурелигиозной-полупредпринимательской организации «Акромийя» с оружием в руках, захваченных со складов МВД и из армейских запасов, атаковали городскую тюрьму, где содержались их единомышленники по Акромийи», а также ряд других объектов, включая здание областной администрации, с целью освобождения членов своей организации. Как пишет автор, они ожидали начала повсеместного восстания по всей республике. Но эта попытка была жестоко подавлена властями. Погибло – помимо повстанцев – большое количество гражданских лиц.

Официальный Ташкент утверждал, что мятежники, которые были объявлены террористами, стремились (при поддержке неких сил извне) к свержению государственного строя в стране, что оправдывает жесткость при подавлении сопротивления. Кроме того, наблюдались серьезные противоречия в количестве погибших, озвученном правительством РУ, и информацией, тиражируемой западными масс-медиа. Дж.Хартман поставил целью раскрыть истинные масштабы трагедии.

В своей работе исследователь подчеркивает тот факт, что город Андижан и область в целом еще с советских времен славились не только своей религиозностью, но и толерантностью: здесь мирно сосуществовали представители самых различных направлений в исламе. Но в начале 1990-х гг. окрестности Намангана попали под контроль экстремистов-ваххабитов. Свою деструктивную роль в подготовке андижанской трагедии сыграла и организация «Хиб-ут тахрир», считает автор. Он также, как и другие западные и некоторые российские наблюдатели, обращается к версии событий, согласно которой среди причин ареста акромистов, а следовательно и нападения, доминировали не религиозные мотивы, а протест против действий местного хакима, который в своих интересах арестовал конкурентов.

Затем исследователь детально описывает ход событий, пытаясь хронологически точно воспроизвести действия и перемещения повстанцев.

Апофеозом мятежа стало утро 13 мая, когда толпы людей собрались на площади Бабура, скандируя «Аллах Акбар». Автор отмечает, что мятежники захватили заложников из числа сотрудников МВД и государственных чиновников. Некоторых из них они застрелили или забили насмерть. Далее, автор описывает многочасовое стояние на площади, провал переговоров, и анализирует видео-съемки, в которых отражены детали расправы над митингующими.

После андижанских событий, пишет автор, российские и западные СМИ, правозащитные организации и вслед за ними западные правительственные структуры утверждали, что жертв было от 500 до 1500 чел. Узбекские власти опубликовали в ноябре поименный список погибших в 211 чел., в т.ч. 43 военнослужащих, около 40 мятежников. Ранее в июне-июле назывались меньшие данные (173, 189 чел.). Делая свои выводы из анализа событий в Андижане, Хартман заключает, что случившиеся не было резней со стороны армии и МВД против безоружных и незащищенных людей, как это утверждает «Хьюман райтс уотч» и другие западные правозащитные организации. Невооруженных гражданских поставили на грань риска, как официальные силовые ведомства, так и сами «Братья-акромисты».

Очевидно, заключает автор, что это был вооруженный мятеж. Официальная власть слишком медленно отреагировало, долгое время не могло установить полный контроль над событиями и прибегло при подавлении к помощи не профессионалов, а плохо подготовленных солдат. В этом кроются причины массовой гибели гражданских лиц, считает полковник Дж.Хартман, проведший фактически в течение десяти лет собственное детальное расследование.

Daly J.C. K. Rush to Judgment: Western Media and the 2005 Andijan Violence. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. – 82 p.

Эту тему продолжает работа Дж.Дейли «Поспешное осуждение: западные СМИ о событиях 2005 года в Андижане». Британский исследователь является постоянным комментатором на CNN, популярных радиоканалах и в некоторых известных газетных изданиях, а также приглашенным экспертом в ряде аналитических структур.

Дж.Дейли исходит из того, что слишком быстрая реакция западных средств массовой информации, ведомая правозащитными организациями, которая оперативно и глубоко повлияла на формирование в общественном мнении Запада оценок этих событий, имела самые серьезные последствия, причем негативного характера. Автор считает, что они

фактически нанесли непоправимый ущерб американо-узбекскому стратегическому сотрудничеству и привели к долгой изоляции Ташкента от Запада, его сближению с Москвой и Пекином и усилению исламистской угрозы в регионе.

Во вступительном разделе Дейли излагает свою версию случившегося, мало отличающуюся от общепринятой официальной хронологии событий. Затем исследователь переходит к анализу сообщений западных масс-медиа за 12-13 мая 2005 г. В этой главе автор выделяет следующие сюжеты: первый доклад с оценками СМИ при правительстве США с официальными оценками событий, вопрос о создании комиссии по расследованию, инициализация неправительственной реакции по Андижану, официальная реакция Вашингтона и вовлечение конгрессменов в процесс расследования. Собственно говоря, считает автор, это и была та схема, по которой раскручивалась спираль пропаганды против действия официального Ташкента.

Во второй главе подробно освещается столкновение официальной узбекской интерпретации событий с оценками, навязываемыми поборниками прав человека и возобладавшими в конце концов на Западе. В третьей главе исследователь рассматривает эволюция оценок андижанских событий с 2006 года по 2015-й. На положительный для Ташкента характер эволюции повлиял ряд расследований и докладов, особенно автор выделяет расследование, проведенное Ширин Акинер в мае 2005 г. сразу же после этих трагических событий (опубликован в серии изданий Института Центральной Азии и Кавказа в 2006 г.). В свою очередь Ш.Акинер, которая приняла сторону официальной версии, превратилась для правозащитников в мишень для обвинений. Ей ставили в упрек, что она своим докладом льет воду на мельницу каримовской пропаганды; в частности об этом заявлял К.Мюррей (бывший посол Соединенного Королевства в РУ).

В качестве ответной меры на острую критику со стороны западных НПО узбекские власти пошли на массовое закрытие их представительств на территории республики. Но результат их деятельности по насаждению односторонних оценок андижанских событий был налицо: в прессе и политологических изданиях Запада на андижанских событиях укрепились ярлыки «резня» и «узбекский Тяньаньмэнь».

Как считает Дж.Дейли, основной смысл дискуссий по оценкам андижанских событий сводился в течение десяти прошедших лет к выяснению точного или приблизительного числа жертв. Диапазон оценок чрезвычайно широк: 187 чел. (официальные данные), 745 чел. (Азад Дехканлар), 1500 чел. (информация бывшего офицера СНБ И.Якубова), 20 тыс. чел. (Хизб-ут-Тахрир).

Основной вывод, к которому пришел исследователь, сводится к следующему: андижанские события были, бесспорно, ужасной трагедией вне зависимости от реального количества погибших. В отношении поведения властей и применения ими силы можно найти как осуждающие, так и оправдывающие аргументы. Но суть борьбы, развернувшейся на протяжении более чем десятилетия вокруг интерпретации этих событий, отражала «тектоническое столкновение» двух позиций: с одной стороны, полное осуждение Ташкента Западом, который оказался в ловушке, созданной правозащитными организациями, собственными стереотипами и своей негибкой политикой, а с другой – тотальное отрицание какой-либо вины руководством Узбекистана, апеллирующего к необходимости борьбы против вооруженных исламистов любой ценой.

В финале исследования Дейли приводит цитату из работы узбекского оппозиционера и правозащитника А.Полата (движение «Бирлик»), смысл которой состоит в том, чтобы и Вашингтон, и Ташкент, руководствуясь задачами борьбы против терроризма, обнародовали свои данные, которые могли бы пролить свет на истинную подоплеку и масштаб событий.

От себя добавим, что ни американская, ни узбекская сторона никогда не затрагивали суть вопроса в публичных дискуссиях: кто, как и когда подготовил и забросил в Андижан группу вооруженных боевиков-профессионалов, спровоцировавшую вооруженный и гражданский мятеж в городе. Существовала обрывочная информация (со ссылкой на радиостанцию «Немецкая волна»), что якобы в целях организации данной операции в конце марта 2005 г. имела место встреча представителей пакистанской разведки, западных спецслужб и руководства ИДУ в Пешаваре. Конечной целью этой операции было бы полномасштабное восстание в Ферганской долине, которое могло бы охватить весь Узбекистан. Но в дальнейшем данная версия больше не фигурировала на политическом поле.

В связи с кончиной президента РУ И.Каримова можно высказать предположение, что тем самым открывается новая глава в постсоветской истории Узбекистана. Это касается и отношений Ташкента с Западом. Скорее всего, андижанская трагедия, как раздражающий фактор, уйдет с повестки дня этих отношений. Таким образом, правду об этих событиях до конца мы так и не узнаем.

2018 год был провозглашен в Республике Узбекистан (РУ) «Годом предпринимательства, инновационных идей и технологий». В свою очередь, центральноазиатская политология могла бы с полным основанием провозгласить этот год годом Узбекистана, который привлек к себе пристальное внимание со стороны западных исследователей. Результатом стала

целая серия (назовем ее «узбекской») работ, посвященных реформам, инициированных новым лидером страны Шавкатом Мирзиёевым.

Собственно говоря, этот фактор и стал основной причиной повышенного внимания к Ташкенту со стороны зарубежной, преимущественно – западной политологии. Первой в ряду экспертов стала Марлен Ларюэль, которая еще в декабре 2017 года подготовила в качестве редактора издание, в котором попыталась отразить первые результаты и основные направления проводимых вторым президентом РУ реформ. Но основной массив исследований вышел из недр Института Центральной Азии и Кавказа университета Дж.Хопкинса под руководством проф. Ф.Старра. Они представляют собой ряд отдельных работ, результаты которых затем Ф.Старр объединил в цельную монографию. Данные работы отразили практически все направления – внешнеполитическое, внутривнутриполитическое, экономическое, правовое и религиозное – реформ узбекского общества и политики государства.

Laruelle M. (ed.) Constructing the Uzbek State. Narratives of Post-Soviet Years. – New York, London: Lexington Books, 2017. – XVI+384 pp.

Серию изданий, представляющих так называемую узбекскую серию публикаций, открыла еще в 2017 году книга под ред. М.Ларюэль «Строительство узбекского государства». В работе над этой коллективной монографией принял участие широкий интернациональный коллектив авторов – французских, немецких, итальянских, узбекских и российских.

Эксперты исходят из того факта, что почти тридцать лет Узбекистан привлекал внимание к себе со стороны политиков и политологов благодаря своему важному геостратегическому положению, демографическому весу по сравнению с соседями по региону, экономическому и торговому потенциалу. Но и сейчас – после 25 лет независимого развития – постсоветская эволюция страны остается сложной. На это указывают многочисленные источники и статистические данные, ставшие доступными с начала 2000-х годов.

Уход президента И.Каримова, находившегося у власти четверть столетия, открыл новые возможности для дальнейшего развития страны. Авторы исходят из такого факта: чтобы понять вызовы и проблемы, с которыми сталкивается посткаримовский Узбекистан, необходимо рассмотреть историю республики отдельно в течение каждого из трех десятилетий. В первой части эксперты показывают процесс политического строительства под эгидой Каримова, суть которого заключалась в расшифровке характера отношений между государством, элитой и населением, а также

взаимосвязи экономики и политики. Вторая часть работы рассматривает те социальные и культурные изменения, которые относятся к проблеме трудовой миграции и крайне специфической проблеме, связанной с трудностями проведения аграрной реформы. Третья часть монографии посвящена месту и роли религии в Узбекистане, как на государственном, так и на общественном уровне. В заключении книги ставится (пока открытый) вопрос о формировании под воздействием всех указанных факторов коллективной идентичности постсоветского Узбекистана. В целом, данная работа представляет собой, скорее, не подведение исторических итогов эволюции каримовского Узбекистана, а исследовательский задел на будущее, которое ждет страну уже в посткаримовскую эпоху.

Starr S. Frederick, Cornell Svante E. (eds.), Uzbekistan's New Face. – Lanham (MD), Boulder (CO): Rowman & Littlefield, 2018. – 247 p.

Своего рода продолжением монографии М.Ларюэль является коллективный труд под редакцией проф. Ф.Старра и С.Корнелла «Новое лицо Узбекистана». В исследовании, в котором приняли участие ведущие специалисты по нашему региону (Р.Вайц, А.Бойер, Дж.Дейли и др.), рассматривается новое статус-кво, сложившееся уже постфактум после начинающегося демонтажа каримовского наследия. С.Корнелл, следуя устоявшейся западной традиции (восходящей еще к З.Бжезинскому и к старой советологии), по-прежнему рассматривает Узбекистан как центр Центральной (Средней – ?) Азии. Сам Ф.Старр посвятил свою главу преемственности и изменениям каримовской эпохи в 1991-2016 гг. Другие авторы изучают отдельные направления внешней, внутренней и экономической политики нового руководства государства. Они будут представлены ниже в отдельных брошюрах данных авторов, которые были изданы Институтом Центральной Азии и Кавказа и вошли полностью или частично в данную монографию.

Bowyer Anthony C. Political Reform in Mirziyoyev's Uzbekistan: Elections, Political Parties and Civil Society. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 69 p.

Энтони Боуер (Международный фонд электоральных систем) продолжил исследования своих коллег по цеху в работе «Политические реформы в Узбекистане при Мирзиёеве». Исследование охватывает выборную и политическую системы, а также роль гражданского общества. Автор считает, что с момента прихода к власти в 2016 году Ш.Мирзиёев стал преследовать цель радикально изменить механизм принятия политических решений

и сам политический процесс в республике. Побудительным мотивом для проведения такой политики, по мнению Боуэра, стал тот факт, что свыше половины населения страны составляет молодежь до 30 лет. С этой целью новый лидер наметил пять приоритетов, легших в основу его программы на 2017-2021 гг., а также концепцию реформирования юридической, правовой и административной систем, либерализацию экономики и развитие социальной сферы. Для реализации данных шагов были привлечены ученые, практики-администраторы, представители международных и гражданских организаций (свыше 500 специалистов). На начальном этапе Мирзиёев даже предложил прямые выборы глав областей и городов. Чтобы оживить политическую жизнь и парламентаризм, он попытался возродить существовавшую до середины 1990-х годов практику взаимодействия пяти легальных узбекских политических партий с зарубежными контрапартнерами.

Первые контуры последовавших затем реформ проявились уже на выборах в декабре 2016 года, когда Узбекистан пригласил наблюдателей ОБСЕ, и которые носили внешне состязательный характер с участием представителей четырех официально зарегистрированных партий. ОБСЕ признала прошедшие выборы относительно прозрачными. В ближайшие годы, предсказывает автор, мы увидим изменения местного и центрального управления. Он также уверен, что возрождение партийной конкуренции является ключевой задачей реформ, инициированных лично Ш.Мирзиёевым. В отношении его позиции по НПО (НГО) Боуэер находит следующую формулу: «союзник, но не советник». В результате нового подхода мирные демонстрации признаются одной из форм (наряду с социальными сетями в интернете) коммуникации между правительством и гражданами. По мнению автора, концептуальной основой реформ нового лидера является понимание того факта, что «молодежь – ключ к будущему Узбекистана».

Помимо указанных целей, одной из главных остается недопущение радикализации молодежи. Поэтому в отношениях с молодежью правительство комбинирует либеральные идеи с национальными. Руководство республики уделяет также внимание маргинализированным слоям населения, прежде всего – инвалидам, а также либерализует законодательство в отношении гомосексуалистов. Как считает исследователь, успех или провал реформ Ш.Мирзиёева будет зависеть от того, найдут ли общий язык такие социальные институты как махалля и гражданские организации. Автор рассматривает также международный аспект проводимых Ташкентом реформ. Эксперт не говорит напрямую, но в подтексте

дает понять, что объявленные реформы имели целью в первую очередь достичь внешнего эффекта.

Однако, отмечает автор, даже при полной поддержке своих реформаторских действий со стороны ключевых политических фигур в стране, новый президент сталкивается с серьезными проблемами, которые заложены в политической культуре и ментальности простых узбеков, в политической пассивности и социальной инерции населения. Кроме того, автор указывает на две влиятельные организации, оказывающие сопротивление проводимым реформам и способные свести на нет их эффективность. Это служба национальной безопасности и министерство финансов. В заключении Боулер вынужден сделать вывод, что реформы сталкиваются со сложной системой, в основе которых лежат неформальные связи и специфические отношения в социальной структуре самого населения, и которые, как показывает практика во всех республиках Центральной Азии, далеко не всегда подвластны воле своих лидеров, несмотря на их реальное или кажущееся могущество и всевластие. И изменить эту систему будет совсем нелегко.

Sever Mjuša. Judicial and Governance Reform in Uzbekistan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 65 p.

Тему политических реформ, в т.ч. в правовой сфере РУ продолжает следующая работа, написанная М.Север (директор НПО «Региональный диалог», Словения) «Юридическая и административная реформа в Узбекистане». В качестве методологической основы автор выбрала сравнительный анализ с аналогичными процессами, имевшими место в странах Восточной Европы. Исследовательница считает, что попытки реформировать правовую систему начались еще при И.Каримове. Этот этап (2005-2016 гг.) начался сразу после андижанских событий, которые и подтолкнули режим к признанию необходимости подобных реформ. На этот период, утверждает автор, пришлось обострение противоречий между старшим поколением, выросшим при советской системе, и новым, испытывавшим влияние Запада. Приход к власти нового лидера придал новый импульс давно назревшим изменениям. Основной посыл своего исследования М.Север сводит к тому факту, что средний возраст населения республики составляет 26 лет, и цель всех начатых реформ – удовлетворить потребности молодежи в политических и социальных изменениях. Однако, на пути к реформам стоит долгая традиция коррупции и всевластия криминальных сетей, сросшихся с местной бюрократией. Поэтому оптимизм автора в отношении перспектив начатых реформ достаточно умерен.

Tsereteli M. The Economic Modernization of Uzbekistan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 54 p.

Исследование М.Церетели «Экономическая модернизация Узбекистана» освещает те изменения и реформы в экономической сфере республики, которые обозначались с приходом нового лидера. Автор (Институт Центральной Азии и Кавказа) отдельную главу посвятил предыстории развития узбекской экономики в постсоветский период с 1991 по 2016 гг. Исследователь особо отмечает, что Ш.Мирзиёев унаследовал от своего предшественника систему, которая базировалась на симбиозе прежней советской модели управления народным хозяйством (во многом – командной) с робкими попытками ввести постепенные рыночные отношения. Однако, попытки властей диверсифицировать экономику привели (наряду с ухудшением мировой конъюнктуры) к ухудшению ситуации с занятостью населения уже в начале нового века. В результате миллионы гастарбайтеров из РУ были вынуждены искать работу за границей (в основном в России).

В 2010-е годы положение в экономике страны начало приобретать состояние, близкое к катастрофическому. Поэтому принятая в феврале 2017 года «Стратегия национального развития» под непосредственной инициативой и руководством нового лидера была призвана скорректировать, в экономической области – радикально поменять, прежнюю политику. Изменения коснулись как внешнеэкономической политики государства, так и внутренней. Наиболее важным шагом в этой сфере автор считает принятую в сентябре 2017 г. унификацию обменного курса узбекской валюты. В результате этого давно назревшего шага удалось привлечь внимание внешних финансовых институтов и выиграть на внешних рынках до 1 млрд. долл. Помимо этого, Ташкент начал проводить активную транспортную политику, поставив целью сделать страну крупным логистическим центром между Европой и Азией. В тоже время, международные финансовые институты и ВТО стали получать сигналы, что Узбекистан открыт для внешних инвестиций.

Автор считает, что если проводимый курс реформ будет продолжать базироваться на принципах либерализации всех цен, политике поощрения прямых внешних инвестиций, открытой торговли и улучшения отношений в торгово-экономической области со своими соседями, результаты такой политики могут стать впечатляющими и способствовать занятости населения и повышению его уровня жизни.

М.Церетели считает в качестве немаловажного фактора тот факт, что Ш.Мирзиёев, будучи премьер-министром республики с 2003 года, не понаслышке был знаком с проблемами экономики и поэтому его первые

шаги были активными и направлены как раз на исправление ситуации в этой области. Узловым местом финансово-экономической стратегии Ш.Мирзиёева автор считает, и неоднократно это подчеркивает, либерализацию экономической жизни страны. Главными бенефициариями этой политики должны будут стать, по замыслу реформаторов, предприятия малого и среднего бизнеса. Всемирный Банк со своей стороны сделал все, чтобы направить стратегию реформ в аграрную сферу РУ.

В целом, автор оценивает ситуацию в Узбекистане, сложившуюся в первые месяцы 2018 года, как позитивную. В течение 2017 года внешние инвестиции удвоились. Ташкент существенно продвинулся в своих переговорах с ВТО по вступлению в Организацию. Но, как точно замечает исследователь, успех или крушение экономических реформ нового руководства будет зависеть не только от шагов в собственно финансово-экономической сфере, а от всего комплекса начинаний, прежде всего в законодательной и юридической области. Собственно говоря, данная взаимозависимость и взаимосвязь нашли отражение в упоминавшейся «Стратегии 2017-2021». Таким образом, подытоживает политолог, перспективы с судьбой начатых реформ в Узбекистане, носят крайне драматический характер и будут иметь не только сильнейшее влияние на дальнейшую судьбу республики, но и на состояние дел во всем регионе Центральной Азии.

Cornell Svante E., Zenn Jacob. Religion and the Secular State in Uzbekistan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 43 p.

В рамках пристального изучения реформ нового руководства РУ команда Ф.Старра взяла в том числе и проблему ислама в работе «Религия и светское государство в Узбекистане», которую авторы – С.Корнелл и Я. Зенн оценивают как наиболее чувствительную в социально-политической и духовной жизни постсоветского Узбекистана. Именно в связи с этим она не нашла отражение в структуре озвученных новым руководством республики реформ конца 2016 – начала 2017 гг. В историческом экскурсе о роли ислама в культурно-цивилизационном наследии Узбекистана и всего региона авторы достаточно банальны, описывая известные всем востоковедам и исламоведам сюжеты. Это касается и советского периода, когда, по мнению советологов прежнего поколения, регион продолжал якобы оставаться верным своей исламской идентичности. Как представляется, данные авторы в своем слишком коротком эссе взяли освещать неподъемную для работ такого масштаба проблему, которая уже давно освещена в фундаментальных трудах таких востоковедов и советологов как А.Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькежей, М.Олкотт, И.Сванберг, А.Рашид и многих других.

Отдельное место в работе занимает вопрос об «узбекистанской модели» секуляризма. Что под этим понимают авторы, становится ясным далее, по мере изучения эволюции отношений между государством и религией в республике. Еще в Узбекской ССР методом проб и ошибок была выбрана (во многом неосознанно) французская «лаицистическая» модель отношения государства к религии (т.е. предпочтение традиционной, официальной с исторической точки зрения религии). В дальнейшем курс был взят на то, что стало именоваться персидским словом «дуниювийе», т.е. светскость, но в рамках исламской исторической традиции. Следствием стал запрет на прозелитизм со стороны христианской церковью, олицетворяемых русской и корейской общинами. Еврейскую общину спало от давления со стороны властей драматическое падение численности (с 100 тыс. до 10 тыс. чел.) в период с 1991 по 2016 гг. В конечном итоге, считают авторы, Ташкенту удалось сплотить традиционные религии (ислам, православие, иудаизм) для противодействия «импортируемым из-за рубежа» конгрегациям (протестантизму и сектантским движениям).

Естественно, что немало внимания авторы уделяют проблеме роста исламского экстремизма в контексте поставленной проблемы. Рассадником проблемы они считают Ферганскую долину, где наложились друг на друга внутренние и внешние факторы. К последним они относят деятельность иностранных исламских миссионеров из стран Персидского залива, Афганистана и Пакистана. Особое внимание в работе уделяется именно в данном контексте Андижанским событиям 2005 г. Как заключают исследователи, Ш.Мирзиёев постарался сохранить прежнюю правительственную линию на сдерживание распространения экстремизма. Это коснулось таких областей общественной жизни как образование и поддержка т.н. «традиционного ислама». В рамках данной линии в июле 2017 года был обнародован декрет о создании Международного научно-исследовательского центра Имама Бухари. В дальнейшем этот курс был продолжен путем создания новых исламских академий и центров.

Авторы оценивают как историческое выступление Ш.Мирзиёева перед представителями исламского клира 1 сентября 2017 года, в котором президент объявил об освобождении от 16 тыс. до 17 тыс. человек из списков религиозных радикалов. В заключении ученые отмечают, что несмотря на принятые экстренные меры исламистская угроза Узбекистану не снята в повестки дня. Джихадистские группы выходцев из Узбекистана все еще активно действуют на территории Афганистана и Сирии. Поэтому, делается заключительный вывод в исследовании, окончательный выбор еще не сделан. От нового руководства будет зависеть, какую форму сосуществования выберет узбекское государство с религией: светская модель,

при которой умеренная ханафитская модель могла бы благополучно существовать? Альтернативой этому могла бы быть только дальнейшая радикализация ислама в республике.

В этой связи автор уповает на «активную и конструктивную роль Запада» и его институтов, которые могли бы оказать поддержку трансформационным процессам в Узбекистане. Однако, из недавней истории мы все знаем прекрасно знаем, чем это может закончиться «конструктивное вмешательство» Запада (хотя бы на примере Андижана). Тем более, что президент Ш.Мирзиёев своим сближением с Москвой и поданным сигналам участвовать в евразийской интеграции уже дал повод для соответствующей геополитической реакции Запада. Остается надеяться, что новый лидер извлечет опыт из ошибок своего предшественника, и не будет играть – подобно И.Каримову – в «движение маятника» между Россией – СНГ/ОДКБ/ЕАЭС и Западом – США/НАТО/ЕС. Чем это заканчивается, все хорошо помнят, в том числе по Андижану и событиям эпохи «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Laruelle M. (ed.) Uzbekistan: Political Order, Societal Changes, and Cultural Transformations. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 170 p.

Предваряя свое следующее страновое издание – «Узбекистан: политическое устройство, социальные изменения и культурная трансформация» – М.Ларюэль подчеркивает, что политологические исследования по Узбекистану, активно развернувшиеся поначалу в 1990-е годы, в 2000-е и 2010-е гг. сталкивались с серьезными трудностями в силу тех препятствий, которые делали невозможным проводить полноценные полевые (социологические) исследования вследствие позиции официального Ташкента. Тем не менее, изучение республики продолжалось, где на местах, а где-то силами узбекской диаспоры и эмигрантского сообщества. Исследовательница считает, что лишь после кончины «отца нации» И.Каримова в 2016 г. открылись двери для внешних наблюдателей, а также для участия РУ в процессах региональной кооперации и взаимодействия с внешним миром. Данное исследование освещает историю Узбекистана до ухода Каримова.

Первая часть издания посвящена истории, историографии и мемуарной литературе, освещающей постсоветский период развития республики. Ключевыми вопросами авторы ставят такие проблемы как формирование государства-нации, строительство гражданского общества и демократических институтов. Вторая часть исследования охватывает сферу взаимодействия общества и культуры. Проблематика данной части охватывает достаточно широкий круг вопросов: роль праздника Новруз

в возрождении национальной культуры, религиозное образование, положение русского языка, проблемы миграции и др.

Третья часть работы включает в себя изучение того политического порядка, который сложился и существовал при И.Каримове. Основной смысл статей этого цикла заключается в том, что авторы увязывают характер сложившегося при первом лидере независимого Узбекистана политического режима с особенностями созданной им же экономической модели. Четвертая часть освещает сложные отношения Ташкента с соседями по региону и трудности региональной интеграции. К данным проблемам относится ситуация в Ферганской долине, водные отношения с Таджикистаном, провалы региональной интеграции и т.д. Заключительная часть книги посвящена международной политике РУ, которая характеризуется в одном из разделов вопросом – «Что есть внешняя политика Узбекистана: гибкость или стратегический конфуз?». Отдельной темой идет освещение стратегии национальной безопасности на различных этапах развития страны и поиска Ташкентом стратегических ответов на соответствующие вызовы. Ряд разделов освещает непростые отношения РУ с КНР, ИРИ и Афганистаном.

Bukharbayeva Bagila. The Vanishing Generation: Faith and Uprising in modern Uzbekistan. – Bloomington: Indiana a University Press, 2019. – XI + 229 pp.

Книга Б.Бухарбаевой (бывший репортер агентства «Ассошиэйтедпресс», после андижанских событий 2005 г. эмигрировавшая в Казахстан, а затем в США, обвиненная на родине в причастности к восстанию) «Исчезающее поколение: вера и восстание в современном Узбекистане» посвящена завершению длительной главы постсоветской истории Узбекистана – противостоянию государства и ислама. Символом этого события, по мнению автора, стало закрытие в 2019 году лагеря для заключенных исламистов Жаслык. Журналистка в своем эссе прослеживает непрекращающуюся борьбу этого диссидентского движения против режима И.Каримова в период с 1991 по 2016 гг. Ее репортажи в этот период и легли в основу данной книги. Обращая внимание на закрытие лагеря Жаслык, автор первой начинает бить тревогу: в общественную жизнь республики возвращаются люди обозленные, по-прежнему верящие в парадигме «свои-чужие» (т.е. «мы против неверных») и тотально криминализованные.

По мнению западных критиков, исследование Б.Бухарбаевой выходит далеко за рамки узбекской и региональной проблематики и затрагивает широкий контекст взаимоотношений современного (читай: светского) мира с чуждой реальностью в мировом масштабе.

Внутриполитическое развитие Киргизстана

Переходя к изучению Киргизии, можно назвать ряд исследований стыке востоковедения и политологии. Серьезные проблемы, связанные с клановым устройством киргизского общества, что имеет прямое отношение к историко-этнографической проблематике востоковедного характера, поднимаются в работе Д.Гуллита «Генеалогическое устройство Киргизской Республики: родство, государство и «трайбализм». Автор поставил себе целью показать истинную роль кланов в политической жизни Киргизии. При этом Гуллит открыто оппонирует концепциям К.Коллинс (2006) и Э.Шатца (2004). То есть, исследователь отделяет собственно генеалогию и систему родства в форме традиции от политических связей как таковых.¹⁷ Социологические проблемы затрагиваются также в работе А.Деюнга «Утраченный переход», посвященной изменению статуса университетского образования в постсоветской Киргизии.¹⁸

Книга А.Иджмена «Говоря по-советски с акцентом: культура и власть в Киргизстане» (2012) посвящена формированию раннесоветской киргизской идентичности.¹⁹ Заслуживает внимания также работа С.Кирмзе, посвященная религиозному влиянию на молодежь современного Киргизстана. Исследование базируется на полевых исследованиях в Ошской области. Автор подчеркивает, что несмотря на трагические события 2010 года, в молодежной среде сохранились доброжелательные межэтнические отношения.²⁰ В аналогичном ключе описываются современные события в Киргизии в книге П.Стобдана «Демократия, нестабильность и стратегическая игра в Киргизстане».²¹

Крупное исследование немецкого ученого Матиаса Шмидта «Человек и окружающая среда в политической экологии Киргизстана в постколониальном и пост-социалистическом контексте» (2013) посвящено не только экологическим проблемам, но также и экономическим и этнографическим (изучение эволюции альпийского полуномадизма в горах

¹⁷ *Gullette D.* The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic: Kinship, State and "Tribalism". – Folkenstone: Global Oriental, 2010. – XII+219 pp.

¹⁸ *DeYoung A.J.* Lost Transition: redefining Students and Universities in the Contemporary Kyrgyz republic. – Charlotte (NC): Information Age Publisher, 2010. – XIV+171 pp.

¹⁹ *Igmen A.* Speaking Soviet with an accent: Culture and Power in Kyrgyzstan. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012. – XI+236 pp.

²⁰ *Kirmse S.B.* Youth and globalization in Central Asia: everyday life between religion. – Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2013. – 377 p.

²¹ *Stobdan P.* Central Asia: democracy, instability and strategic game in Kyrgyzstan. – New Delhi: Pentagon Press, 2014. – 276 p.

Тянь-Шаня). Хронологически Шмидт рассматривает значительный исторический период (с 1880-х гг. до современности).²²

Работа турецких авторов П.Акджали и Э.Дженнета «Политика, идентичность и образование в постсоветском Киргизстане» (2014) рассматривает три указанных проблемы в комплексе. Акцент также делается на роли зарубежного образования (в частности, турецкого) на формирование новой идентичности молодежи центральноазиатского региона, в первую очередь киргизской.²³

Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. – A Joint Transatlantic Research and Policy Center. – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. – 101 p.

Киргизский сюжет продолжается в работе Дж.Энгвела «Флирт с провалом государства: власть и политика в Киргизстане со времен независимости». Издание, несмотря на свой относительно небольшой объем, носит концептуальный характер, и как это следует из названия, призвано объяснить, почему государственное строительство в этой республике носило провальный характер. Автор оценивает первые годы правления А.Акаева как прогрессивные, когда тому удалось внедрить в республике демократия и рыночные отношения. Но инструменты (правительство, государственные институты), которыми пользовался Акаев при внедрении реформ, была не пригодны для их реализации в реальной жизни. Вскоре развитие событий, отмечает автор, привело к хаосу и падению до минимума системы государственного управления.

Во второй половине 1990-х гг. А.Акаев вступил на путь строительства авторитарной модели. К сожалению, констатирует Энгвел, президент и его семья стали рассматривать государство и его экономические ресурсы как свои собственные. Повсеместный рост недовольства привел к событиям 2005 г., известным как «революция тюльпанов». Но надеждам на демократизацию не суждено было сбыться. Новый президент К.Бакиев создал клептократический режим, который по злоупотреблениям превзошел акаевский. Результат известен: в 2010 г. Бакиев был свергнут.

Дж.Энгвел исходит из того, что рассматривает политическую историю Киргизии с позиции борьбы между отдельными персонами, а не организованных по интересам групп. Элиты конкурируют за власть не в рамках

²² Schmidt M. Mensch und Umwelt in Kirgistan Politische Ökologie im postkolonialen und postsozialistischen Kontext. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013. – 400 S.

²³ Akcali P. Cennet E.-D. Politics, Indentity and Education in Central Asia: Post-Soviet Kyrgyzstan. – London, New York: Routledge, 2014.

формальных политических институтов, а используя патроно-клиентистскую пирамиду. Возникший здесь политический порядок имеет три существенных характеристики. Первая заключается в чрезмерно персонализированном влиянии (Энгвел имеет в виду «близость к телу»). Вторая характеристика киргизской политической системы – постоянное перераспределение экономической ренты. Третья характерная черта подразумевает, что государство организуется по принципу рынка. Это включает в себя регулярную приватизацию госсобственности, создание различных фондов, компаний и т.д., через которое происходит перераспределение ресурсов и финансовых потоков. При очередной смене режима и повороте политики все отбрасывается и процесс начинается снова.

Автор подчеркивает, что к Киргизстану нельзя подходить с обычными мерками формального управления. Энгвел испытывает большие сомнения, что переход Киргизстана к парламентской системе сможет исправить положение вещей. Ситуация усугубляется тем фактом, что за годы независимости криминальная среда вышла из неорганизованной фазы и превратилась в группу хорошо организованных преступных синдикатов, контролирующих государственные предприятия, сельское хозяйство, легкую промышленность и транзит наркотиков (по оценкам исследователя, 15-20% афганских наркотиков проникает на мировой рынок через Киргизию). Естественно, поход криминальных авторитетов в официальную политику был лишь вопросом времени.

В целом автор дает республике следующую характеристику – «неорганизованный остров демократии Центральной Азии». Критически важным для Киргизстана, заключает автор, является вопрос, сможет ли полупарламентская система, созданная после последнего переворота, работать на практике и увести политическую элиту из цепкой хватки прошлого.

Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan. –Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013. – 135 p.

Институт Центральной Азии и Кавказа (Университет Джонса Хопкинса) издал в этом году работу киргизского эксперта А.Бугазова «Социально-культурные характеристики формирования гражданского общества в Киргизстане», выполненную в рамках программы этого института, возглавляемой проф. Ф.Старром. Следует отметить, что книга ориентирована в первую очередь на западного читателя.

Основную цель своего исследования автор сформулировал следующим образом: почему после крушения советского тоталитаризма в республике вместо гражданского общества возникла система, построенная на

симбиозе традиционных связей и патриархальных ценностей? Пытаясь ответить на этот вопрос, ученый последовательно анализирует различные аспекты социального устройства киргизского общества. Следует отдать должное А.Бугазову, который не считает (в отличие от официальной риторики) политический режим, сложившийся в республике, демократическим. Отдельный раздел в книге посвящен месту и роли традиционализма в системе социальных отношений в Киргизстане. Основной проблемой автор считает отсутствие в киргизском обществе цивилизованных форм социальных отношений. Он связывает этот факт с доминированием (возрождением) кочевых традиций и племенных отношений.

Другой серьезной проблемой эксперт считает дихотомию город-деревня (аул), между которыми мечется киргизское общество. «Киргизизация» городов страны в последние десятилетия привела к тому, что новоявленные горожане принесли с собой в город руральную культуру и патриархальные отношения. Он отмечает, что во времена правления А.Акаева (который в книге в целом упоминается в комплиментарном духе) соблюдался паритет между традиционализмом и модерном. Сегодня же вчерашние сельские жители активно пополняют бюрократический аппарат и политический класс, куда привносятся клановые отношения и связи. Другой стороной социальной жизни автор называет семейственность как проявление того же трайбализма и патриархальности. В целом автор приходит к выводу, что киргизское общество в своей массе является традиционным, базирующимся в большей степени на механической, чем органической солидарности.

В настоящее время, с тревогой упоминает автор, киргизское общество переживает момент, когда неписанные правила («по понятиям») вскоре возьмут верх над писанными законами, включая конституцию страны. Повсеместно растет правовой нигилизм. Сложившаяся партийно-политическая система в республике также является подтверждением доминирования традиционных отношений. Зачастую происходит слияние понятий «партия» и «род». Помимо родоплеменных особенностей на социально-политическую ткань страны накладывается диверсификация общества по региональному признаку (Север – Юг). И большое количество зарегистрированных партий в республике (82 партии в 2006 г.) отнюдь не является подтверждением многопартийности существующей системы, а скорее наоборот. Кроме того, в стране действуют от 5 до 10 тысяч НПО, которые также используются в политической (т.е. межклановой) борьбе.

Еще одной особенностью киргизской политической системы эксперт считает персонализацию власти (притом, что в Киргизии в отличие от соседей так и не сформировался эффективный авторитарный режим).

Другой стороной сложившейся системы он называет приватизацию государственной машины и превращение экономики страны в семейный бизнес очередного правящего президента. Фактически, в республике сложились две параллельные системы власти. Одна – официальная, которая не способна контролировать ситуацию в стране; другая – неофициальная (зачастую криминальная), обладающая реальной властью, особенно в регионах. Одной из причин сложившейся ситуации автор называет ужасающее падение стандартов образования и культуры (по-видимому, по сравнению с советской системой, которую он упорно клеймит на страницах своей работы как «тоталитарную»).

В контексте данного вопроса автор касается проблемы места ислама в киргизском обществе и отмечает процесс возрастания его роли. Но ислам не заменил идеологию. Ее роль после падения коммунизма в Киргизстане пытались придать пантюркизму, но в целом безуспешно. Превалирующей идеологией остается стремление к построению демократического общества. Тем не менее, Киргизия (особенно ее южные регионы) остается единственной страной в Центральной Азии, где исламисты способны прийти к власти.

Отдельный раздел автор посвятил рассмотрению проблемы президентской и парламентской республики и привлек аргументы за и против этих моделей. Критикуя президентские модели в Центральной Азии как авторитарные, автор не совсем удачно называет их «евразийскими» (в отношении Узбекистана и Ирана). В заключении эксперт констатирует, что киргизское общество еще не достигло понимания, в каком направлении оно движется в своем развитии. Автор видит три сценария, по которым может идти развитие. Первый позитивный вариант развития подразумевает постепенную ассимиляцию патерналистских отношений и трансформацию традиционного общества в гражданское. К сожалению, для реализации подобного сценария осталось очень мало времени.

Второй (пессимистический) вариант включает в себя окончательное преобладание традиционных взглядов в политической и правовой системе, формирование авторитарного общества и криминализацию социальной жизни. По третьему сценарию общество будет двигаться по инерции и миновать радикальных изменений, но неясно, как долго такая ситуация сможет продолжаться. Автор придерживается точки зрения, что решающую роль (при всем понимании важности экономических аспектов) должны все-таки сыграть социально-культурные факторы. Процесс глобализации также может рассматриваться как позитивный в контексте размывания традиционных ценностей в пользу гражданских. Еще одним положительным фактором эксперт считает толерантность, которая должна способствовать эволюции политической системы.

В этой связи автор вынужден затронуть проблему межэтнических отношений. Несмотря на трагедию 2010 года, он уверен, что полиэтничность (наряду с толерантностью) может и должна способствовать формированию гражданского общества. Важным элементом этого процесса автор считает межкультурное взаимодействие. Но в целом, делает вывод Бугазов, без помощи международного сообщества Киргизстану будет сложно построить полноценное гражданское общество.

Оценивая данную работу, следует отметить ее глубокий философский подтекст (автор имеет классическое советское философское образование), сильное влияние диалектического учения (автор часто ссылается и цитирует Гегеля и Маркса). И наконец, необходимо отдать должное А.Бугазову, который в своем исследовании не лакирует действительность, как это нередко бывает, когда центральноазиатские авторы пишут о своих собственных странах, а честно пишет об особенностях и проблемах, перед которыми стоит современное киргизское общество.

Shishkin Ph. Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia. – New Haven, London: Yale University Press, 2013. – XI+316 pp.

Книга Филиппа Шишкина «Мятежная долина: революция, смерть и интриги в сердце Центральной Азии» продолжает киргизскую тематику и носит далеко не академический характер. Это скорее сборник репортажей о бурных событиях последних лет, которые пережила Киргизия и Ферганская долина. Автор много лет работал на «Уолл-стрит джорнал», и это не первая его книга, посвященная нашему региону.

Ф.Шишкин затрагивает практически все болезненные сюжеты этих событий: тайны т.н. «революции тюльпанов», секреты наркотрафика, «анатомию резни» (в Ошской области в 2010 г.). Другие главы также носят типично газетный характер названий: период «темных лет» (2005-10 гг.), страна «перманентной революции», «мятежная долина» и т.д. Текст книги носит также типично репортажный характер. Отдельное место в книге занимает интрига вокруг судьбы базы «Манас» в контексте российско-американского стратегического соперничества. Журналист подозревает, что именно здесь во многом кроется причина переворотов, которые сотрясали эти годы Киргизстан.

В целом книга Шишкина дает западному читателю типичное представление о нашем регионе как о нестабильном, а о Киргизстане – как очередном «-стане», тем более, что Центральная Азия уже давно ассоциируется с Афганистаном. Единственным положительным моментом является тот факт, что автор как выходец из русскоязычной среды не плохо разбирается

в местном менталитете и соответственным образом интерпретирует свой текст для западного читателя, далекого от реалий постсоветского бытия. Но работа Ф.Шишкина, конечно же, далека от политологической литературы о ЦА и рецензируется в данном случае лишь как очередная новинка историографии о нашем регионе.

Laruelle M., Engvall J. (eds.) Kyrgyzstan beyond “Democracy Island” and “Failing State”: Social and Political Changes in a Post-Soviet Society. – New York: Lexington Books, 2015. – 288 p.

В 2015 году увидела свет также очередная коллективная монография с ярко выраженным историко-политологическим контекстом «Киргизстан не как «Остров демократии» и «Провальное государство»: социальные и политические изменения в постсоветском обществе» под редакцией известной французской специалистки по нашему региону М.Ларюэль и ее шведского коллеги Й.Энгвела. Редакторы книги считают Киргизию наиболее известной (для Запада) республикой Центральной Азии благодаря многочисленным публикациям в академическом сообществе и масс-медиа, докладам НПО и т.д. Популярность Киргизстана подкреплялась открытостью западному влиянию и благодаря революциям 2005 и 2010 годов. В результате республика на долгие годы заслужила славу как «островок демократии в Центральной Азии», а затем – как «провальное государство» (*“failing state”*). Данная работа имела своей целью, прежде всего устранение подобных клише, а также формирование реального образа постсоветской Киргизии. Анализ происходивших процессов касается политической динамики в республике, социальной трансформации сельского и городского населения, роли международных организаций. В целом, редакторы издания стремились дать не просто комплексный анализ социально-политической эволюции республики, но и предоставить слово новому поколению исследователей, включая местных авторов, которые могли бы дать новую оригинальную интерпретацию этому процессу.

Akiner Sh. Kyrgyzstan 2010: Conflict and Context. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. – 142 p.

Центральная фигура в расследовании по свежим следам андижанских событий известная исследовательница Центральной Азии Ширин Акинер (1943-2019 гг.)²⁴, которую западный истеблишмент фактически обвинил

²⁴ Ширин Акинер была одним из учредителей Британско-узбекского общества, часто выступала с общественных трибун по вопросам политики современной Центральной Азии. Акинер оказалась одной из немногих западных экспертов, поддержавших действия пре-

в оправдании действия официального Ташкента, на этот раз решила обратиться к событиям 2010 года в Киргизии в своей работе – «Киргизстан 2010: конфликт и контекст».

Это сложное многоплановое исследование, несмотря на относительно небольшой объем, которое рассматривает события 2010 года в контексте назревших к этому времени в Киргизии комплекса проблем. В первой части работы Акинер анализирует все составляющие компоненты будущего кризиса – социально-экономические, упадок системы управления, провал экономических реформ, криминальные и коррупционные, рост исламского радикализма в республике, эрозию гражданской идентичности, регионализацию страны по линии Север-Юг. В отдельную группу проблем автор выделяет конфликтные точки: Ош (1990 г.), Баткен (1999-2000 гг.), Аксы (2002 г.), Джалал-Абад (2005 г.). Здесь же исследовательница определяет геополитические тенденции, способствовавшие обострению внутривластной ситуации, которые были связаны с такими державами как Россия, США, Китай и Узбекистан. К этой группе проблем примыкает развернувшаяся борьба вокруг закрытия военной базы Манас.

Во второй части, посвященной непосредственно конфликту, автор хронологически (с апреля по июнь) рассматривает его траекторию – от публичного недовольства через протесты к смертельным столкновениям. В отдельный раздел исследовательница помещает такие вопросы как реакция внешних игроков, оказание гуманитарной помощи Киргизстану, эвакуация иностранцев, действия региональных организаций, стратегических партнеров и соседей по региону и т.д. Третья часть книги носит теоретико-аналитический характер и посвящена анализу всех версий происшедшего, включая конспирологические теории. Имеются в виду версия о том, что причиной «наждачной революции» стало скрытое соперничество между великими державами. То есть, Соединенные Штаты сделали попытку свергнуть К.Бакиева и тем самым удержать под своим контролем Манас, а также вывести Киргизию из орбиты влияния России и Китая. К числу таких теорий она относит и версию о некоей «третьей силе», под которой подразумеваются исламские радикалы как виновники беспорядков и кровопролития.

зидента Каримова и силовиков. Ее выводы были прямо противоположны результатам исследований организации Human Rights Watch и других независимых правозащитников. Именно публикация этого доклада и сделала Ширин Акинер неукоснительной во многих академических кругах, связанных с изучением Центральной Азии. Показательно то, что она на протяжении по крайней мере последних 15 лет не приглашалась ни в международный, ни в редакционный совет ведущего академического журнала Central Asia Survey.

В четвертой части Ш.Акинер рассматривает постконфликтные тенденции в развитии республики, уделяя особое внимание растущей исламизации. Рассматривая всю постсоветскую историю Киргизстана, автор исходит того посыла, что причины конфликта нельзя понять, не принимая во внимание всего комплекса проблем: социальную напряженность и разочарование населения, растущую анархизацию общества и государственной системы. Кроме того, стабилизации ситуации отнюдь не способствовала конкуренция между Россией и США за Бишкек. Как считает Акинер, только поняв весь комплекс причин, приведших к бурным и трагическим событиям 2010 года, можно понять степень и уровень гроз и вызовов, стоящих перед республикой сегодня. Тем самым, исследовательница предполагает, что эпоха бурных революционных потрясений Киргизстаном еще не завершена.

Ш.Акинер считает, что в основе утраты гражданской идентичности (в той форме, в какой она существовала в позднесоветскую эпоху) лежали два процесса: растущая исламизация, причем в радикальных формах; а также рост этно-националистических тенденций в обществе. Подробно излагая предысторию свержения К.Бакиева, автор особенно обращает внимание на тот факт, что конфликт стартовал на юге (в Джалал-Абаде), то есть в родном регионе бывшего президента. Так как он опирался на этнических киргизов (Бакиев принадлежит к киргизской ветви племени кипчак), конфликт вскоре после бегства бывшего главы государства на юг приобрел национальный характер.

Трактовка событий 2010 г., которую предлагает Ш.Акинер, базируется на трехфазовом анализе. Первая фаза (место действия – Бишкек, время – апрель) включала в себя исключительно политическую борьбу (между частями киргизской элиты). Вторая фаза (место действия – Джалал-Абад, время – май) еще носила преимущественно политический характер, но Временное правительство использовало против окопавшегося в своей вотчине К.Бакиева уже этнический (узбекский) фактор. И наконец, третья фаза (место действия – Ош, время – июнь) приобрела полностью неконтролируемый характер и вылилась в побоище на этнической основе.

Автор придерживается точки зрения, что этническое насилие началось с выступлений вооруженных представителей узбекской общины, которые атаковали (при поддержке Временного правительства Р.Отунбаевой) резиденцию местного акима, а затем обстреляли родной дом К.Бакиева и его родственников, включая родного 90-летнего дядю президента. Акцией руководил некий Кадыржан Батыров, один из лидеров узбекской общины. Таким образом, констатирует Акинер, политический конфликт между сторонниками и противниками Бакиева с самого начала приобрел на юге характер этнической конфронтации между киргизами и узбеками.

Столкновения продолжились в мае, а в июне они вступили в третью фазу, самую кровопролитную. Автор связывает их начало с вмешательством криминальных элементов, в частности – наркобарона К.Мирсыдыкова («Черного Айбека»), близкого к семье Бакиевых. Всего в конфликт были вовлечены порядка 400 тыс. чел.; 300 тыс. чел., преимущественно этнических узбеков, вынуждены были бежать из области. Как и в случае с андижанскими событиями, данные по погибшим заметно разнятся. В середине июля по официальным данным называлась цифра в 470 погибших, но неофициальные оценки (в т.ч. со стороны Р.Отунбаевой) достигали 2000 чел. Количество раненых и пострадавших оценивалось в 1900 чел. 2800 жилых домов были уничтожены полностью и еще около 400 серьезно повреждены. С финансовой точки зрения, потери оценивались свыше 70 млн. долл., а расходы по восстановлению – в 450-500 млн. долл.

В заключение, исследовательница задается вопросом – был ли 2010 год поворотным пунктом в современном развитии Киргизии? В качестве последствий событий 2010 г. Акинер называет слом Р.Отунбаевой и А. Атамбаевым долгой традиции политической системы Киргизстана: будучи представителями Севера республики, они использовали для достижения своих политических целей Юг страны. Другим последствием этих событий стало приобретение всем регионом Центральной Азии перед внешним миром репутации «пороховой бочки» (*tinderbox*). Другим следствием (внешнеполитическим) свержения режима Бакиева стало доминирование промосковской части политической элиты над прозападной (Акинер называет ее «провашингтонской»).

Но главной цели, отмечает автор, достичь не удалось: какой путь должна выбрать Киргизия – переход к парламентской республике или к президентской. Эту проблему не удалось решить окончательно ни одному из четырех президентов страны. Следовательно, можно заключить, продолжая мысль Ш.Акинер, впереди республику ждут новые потрясения, связанные с хронической разбалансированностью политической системы и постоянной борьбой двух начал – парламентского и президентского, которые используются сторонниками обеих систем в конкурентной борьбе за власть и ресурсы.

Engvall J. The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. – 240 p.

Йохан Энгвелл, автор книги «Киргизстан в сравнительной перспективе: государство как рынок для инвестиций», посвятил свою монографию, как это следует из названия, нашему ближайшему соседу. Й.Энгвелл является

«птенцом гнезда Старровым», т.е. уже много лет сотрудничает (и плодотворно) с Институтом Центральной Азии и Кавказа, возглавляемым проф. Ф.Старром. Он также является научным сотрудником Шведского института по международным делам. Его сферой деятельности является государственное строительство, политическая экономия, коррупция и организованная преступность, с особым акцентом на Центральной Азии. Он – соавтор работ «Утверждение государственности: роль Казахстана в международных организациях» (2015 г.) и «Как Грузия боролась с коррупцией, и что это означает» (2012 г.).

Основной темой новой работы Энгвелла является рассмотрение проблемы экономической коррупции в глобальном контексте, но на конкретном материале одного из центральноазиатских государств. На протяжении восьмилетнего периода из истории современной Киргизии автор детально показывает, как работает сложившаяся за годы независимости политико-экономическая система в КР. Й.Энгвелл исходит из того, что данная система может быть реинтерпретирована, исходя из организации самого государства. Метод «от обратного», используемый автором, состоит в том, что феномен киргизкой коррупции подразумевает не получение преференций путем коррупции частными лицами (частным бизнесом), а наоборот – политики и чиновники из госаппарата контролирует деятельность экономических субъектов, оказывая протекцию или напротив, контролируя общественную (но временно приватизированную) или отбирая частную собственность. После каждой смены власти в Бишкеке возобновляется процесс перетекания одной и той же собственности в новые руки.

По мнению коллег Й.Энгвелла на Западе, его работа дает возможность коренным образом пересмотреть устоявшиеся представления о роли государства в Центральной Азии.

Pelkmans M. *Fragile Conviction: Changing Ideological Landscapes in Urban Kyrgyzstan.* – Ithaca: Cornell University Press, 2017. – XVI+213 pp.

Книга М.Пелкманса «Гибкая убежденность: изменение идеологического ландшафта в киргизской городской среде», по мнению многих критиков, носит амбициозный характер. Автор поставил целью на концептуальном уровне показать исторический процесс, в ходе которого «коллективные идеи набирают силу, а затем теряют ее». В качестве объекта исследования выбрал постсоветскую Киргизию. В рамках своей проекта Пелкманс немало места уделяет исламской и в целом религиозной проблематике. На восприятие автором подобного контекста повлиял его собственный опыт: в первой половине 2000-х годов он работал в составе группы Института М.Планка по заданию ЮНДП по изучению социальной

антропологии. Исследователь связывает возникновение коллективной идеологии в разлухе 1990-х годов, ее усиление проявилось в «революциях» 2005 и 2010 гг., а спад – с разочарованием их результатов в 2010-е гг. В качестве наглядного примера социального разочарования и политической апатии социолог выбрал Кокджангак, бывший некогда развитым угледобывающим центром и типичным примером социалистической модернизации. Данный пример автор распространяет на всю республику, хотя этот метод может вызвать немало нареканий в академической среде, поскольку политические и социальные процессы в Киргизстане в постсоветскую эпоху носили сложный и комплексный характер, вытекающий из сочетания регионально-географического, демографического, этнического и экономического факторов.

Laruelle M. (ed.) Kyrgyzstan: Political Pluralism and Economic Challenges – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 105 p.

Для характеристики современного положения Киргизии М.Ларюэль нашла следующее определение – «Киргизстан: политический плюрализм и экономические вызовы». По ее мнению, Киргизстан является наиболее изученной республикой Центральной Азии, благодаря своей открытости западным наблюдателям и постоянному присутствию иностранных институтов в своей образовательной системе. В тоже время, в республике сложилась парадоксальная внутренняя политика, сочетающая в себе политический плюрализм, разнообразную парламентскую жизнь с государственным насилием, проникновением в государственную администрацию криминальных групп и нарастающее давление улицы. Киргизская экономика разрывается между разными магистральными направлениями – курсом на получение ренты с добывающей промышленности, возрождение аграрного сектора и получение миграционных поступлений. В последние годы киргизские власти начали следовать узбекскому пути, ощущая растущее давление процесса исламской радикализации.

Первая часть издания посвящена упомянутым парадоксам политической жизни республики. К ним авторы относят наличие огромного числа политических партий, политическое представительство женщин на киргизском политическом поле, место организованных криминальных групп и религиозных экстремистов в политической жизни, соотношение свободы и государственного насилия в стране и рост антилиберальных настроений в среде киргизской молодежи. Во второй части рассматриваются основные источники экономики Киргизстана, к которым относятся золотonosный рудник Кумтор, провоцирующий в последнее время рост

т.н. ресурсного национализма в республике; трудовая миграция (как способ выжить), ситуация в животноводческом секторе в качестве перспективной отрасли экономики.

Наиболее интересная часть – это заключительная, в которой рассматриваются ислам и исламизм в контексте взаимодействия общества и государства. По мнению авторов, киргизская модель места ислама в государственном и общественном устройстве имеет дуалистичный характер, разрываясь между умеренностью и экстремизмом. В другом разделе рассматривается реакция общества и государства на ИГИЛ. Отдельный раздел посвящен тому, как киргизская элита манипулирует потенциальной угрозой терроризма со стороны ИГИЛ для приобретения политических выгод для себя. В целом, подборка материалов в данном издании дает, хотя и не совсем полное, но все же достаточно ясное представление о положении и сложном развитии Киргизстана в 2010-е годы.

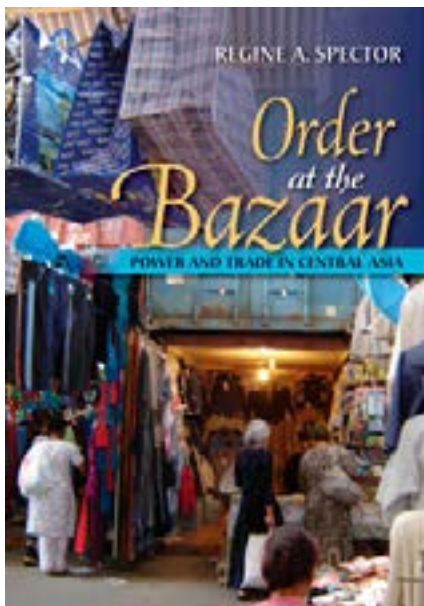


Féaux de la Croix Jeanne. Iconic Places in Central Asia: the Moral Geography of Pastures, Dams and Holy Sites. – New York: Columbia University Press, 2017.

Книга Жанны Фо де ла Круа с непривычным названием «Священные места в Центральной Азии: моральная география пастбищ, дамб и святых мест» посвящена анализу необычной ситуации, сложившейся в постсоветской Киргизии вследствие пересечения трех моделей – социалистической (система ГЭС), нелиберальной (свободное пользование пастбищами) и неисламской (культ хазретов – святых мест). Фактически, работа де ла Круа – это дискуссия о приоритете трех важнейших элементов в жизни современного Киргизстана – постсоветского наследия (или памяти о нем), жизненного пространства и права на свободное владение собственностью.

Spector Regine A. Order at the Bazaar. Power and Trade in Central Asia. – Ithaca: Cornell University Press, 2017. – 266 p.

Исследование социологического характера о Киргизстане, – «Порядок на базаре: власть и торговля в Средней Азии» Регины Спектор – рассматривает «базар» как политико-экономический феномен хозяйственной и рыночной жизни региона, возникший и развивавшийся в постсоветских условиях. Р.Спектор показывает (на примере известного базара «Дордой»,



а также Ошского базара) эволюцию данного объекта – от рыночной стихии к централизованному управлению (в том числе – внешнему), формирования власти местных авторитетов, их отношения с торговыми посредниками и местными властями, и в результате выходит на концептуальный уровень – формирование некой прото-теории о возникновении и существовании постсоветских базаров в качестве некоего уникального феномена. Комментаторы данной работы говорят о том, что Р.Спектор показывает среднеазиатский постсоветский базар в качестве «микрокосмоса» экономики постсоветской республики, ввергнутой в хаос в результате распада советской хозяйственной системы.

В тоже время работа Р.Спектор затрагивает многие важные аспекты политической экономики, экономического транзита, роли формальных и неформальных институтов, коррупции и моральных аспектов экономики. В целом, как читают западные комментаторы, ее работу следует рассматривать в качестве фрагмента более широкой картины трансформации постсоветской экономики и наглядного примера того, как протекал данный процесс.

Schröder Ph. Bishkek Boys: Neighbourhood Youth and Urban Change in Kyrgyzstan's Capital. – New York and Oxford: Berghahn, 2017. – 258 p.

В своем исследовании немецкий этнограф Филипп Шрёдер (долгое время работавший в Академии ОБСЕ в Бишкеке) сосредоточился на социальных изменениях в среде киргизской городской молодежи. В западной социологии данное исследование считалось на момент выхода пионерским. Автор попытался охватить широкий круг вопросов: отношение молодого поколения к власти, политическим процессам и насилию, социальное и географическое происхождение, межэтнические отношения и национализм, вхождение и существование постсоветской молодежи Бишкека в новых либеральных экономических условиях, сельская миграция в город и адаптация вчерашних молодых выходцев из села в новых для них городских условиях, социализация, внутренняя солидарность, иерархичность внутри этой социальной группы.

Engvall Johan. Religion and the Secular State in Kyrgyzstan. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020. – 55 p.

Исследование Йохана Энгвала (Ин-т Центральной Азии и Кавказа, Вашингтон) «Религия и светское государство в Киргизстане» продолжает начатую в 2018 г. серию аналогичных изданий, посвященных отдельным республикам региона. Автор освещает религиозный вопрос в Киргизии, начиная с первых лет независимости. Для этой республики на начальном этапе развития характерно такое положение вещей, которое характеризовалось максимальным либерализмом (свободная деятельность миссионерских и прозелитских организаций) и относительной независимостью местного муфтиата от государства. Позднее к данной картине добавился новый элемент – увеличение исламистских настроений и рост угрозы со стороны радикального ислама. Как считает автор, рано или поздно неизбежен конфликт между различными поколениями и переход власти от советского поколения к следующему, выросшему в постсоветских условиях.

История Киргизии в постсоветский период демонстрирует неуклонный рост политического и социального влияния на общественную жизнь страны. Киргизская модель секуляризма имеет три аспекта. Первый вытекает из доминирующих позиций политической, экономической и интеллектуальной элиты в Бишкеке. По мере сворачивания светского характера киргизского общества неизбежно будет падать влияние этих кругов. Второй аспект состоит в том, что национально-ориентированная часть общества превратили ханафистский ислам в составную часть национальной идентичности. И наконец, третий аспект отражает попытки некоторых кругов конвертировать умеренный ислам в более консервативную версию. В данном случае шариат противопоставляется светской модели законодательства.

Конфликт между секуляристами, умеренными мусульманами и консервативными исламистами носит пока латентный характер. Данная ситуация вытекает из самой модели киргизского секуляризма, которая в свою очередь является продуктом синтеза досоветских кочевых традиций, советской атеистической эпохи и поиска национальной идентичности после независимости. Как прогнозирует исследователь, на нелегком пути сохранения своей светской и национально-ориентированной модели Киргизстан и его народ ждут несколько ловушек. К ним относятся поколенческий разрыв (отмирание вместе с советским поколением светских традиций и рост в молодежной среде влияния различных джамаатов); географическое противостояние между умеренным с религиозной точки зрения Севером республики и более исламизированным сельским

Югом; и наконец, уже на самом Юге постоянно тлеет этно-религиозный конфликт между киргизским и узбекским населением. Ко всему прочему к проблемам, негативно влияющим на религиозно-политическую ситуацию, относятся внешнее влияние, политическая нестабильность, криминализация общества и перманентно ухудшающееся экономическое положение.

Внутриполитическое развитие Таджикистана

Таджикистан – республика с самой трудной судьбой среди других государств Центральной Азии. Еще в советские времена это была союзная республика с самым низким уровнем жизни, высокой рождаемостью, недостаточно развитой инфраструктурой и высокой степенью сохранения традиционных и архаичных общественных институтов. В период перестройки именно в Таджикистане впервые в СССР появилась исламистская партия – Исламская Партия возрождения (ИПВ).

В отношении Таджикистана доминируют, что вполне естественно, работы, посвященные драматическим событиям гражданской войны начала 1990-х гг. К ним относятся: «Идеология и исламское сопротивление в Таджикистана» Х.Эмади (1994), коллективная монография на французском языке (под ред. М.Джалили и Ф.Грара) «Таджикистан на пороге независимости» (1995), «Забытая война в Таджикистане» Н.Джавада (1995), «Гражданская война в Таджикистане» Й.Рейсснера (), «Испытание независимостью в Таджикистане» (Djalili, Akiner, 1998), «Таджикская война – вызов России» (Jonson, 1998) и «Таджикистан: вызов или примирение» Ш.Акинер (1998).

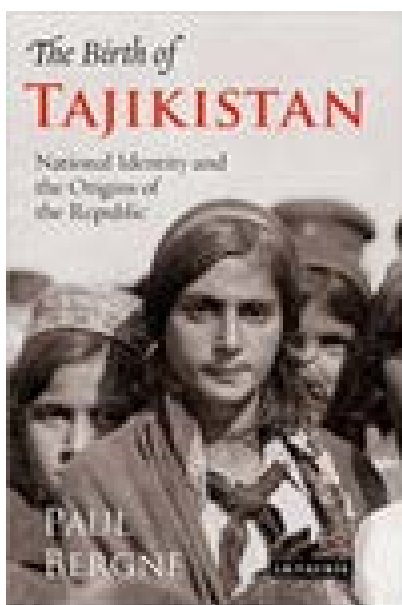
После нормализации ситуации и создания коалиционного правительства в РТ на Западе и в странах Востока появился ряд работ, посвященных качественно новой ситуации в этой республике. Это исследования А.Зейферта «Риски трансформации в Центральной Азии на примере Таджикистана» (2002), П.Форуги «Национализм, этничность, конфликт и социально-экономическое неравенство в Таджикистане» (2002), С.Чаттерджи «Политика и общество Таджикистане после гражданской войны» (2002), К.Коллинса «Плохой мир в Таджикистане» (2003), коллективная монография (под ред. А.Крейкемейер и А.Зейферта) «О согласии между политическим исламом и безопасностью на пространстве ОБСЕ» (2002).

Пристальное внимание Таджикистану уделяет М.Олкотт в книге «Второй шанс Центральной Азии».²⁵ Она отмечает, что в Таджикистане сформировалось уникальное для Центральной Азии постконфликтное

²⁵ См.: *Олкотт М.* Второй шанс Центральной Азии /Моск. Центр Карнеги; Фонд Карнеги за Международный мир. – Москва; Вашингтон, 2005. – С. 145-150.

общество, возглавляемое президентом, получившим власть благодаря тому, что его сторонники взяли верх в расколовшей страну гражданской войне. Хотя Таджикистан вышел из этой войны, не утратив территориальной целостности, его политическая и экономическая структура претерпела существенные изменения: власть на местных уровнях была перераспределена, а всю власть на национальном уровне, естественно, получили победители.

Таджикская проблематика представлена в книге Ш.Акинер «Таджикистан – дезинтеграция или примирение?» (1998). Среди работ, посвященных Таджикистану, следует назвать исследование «Международной кризисной группы» (2003) и К.Страчоты «Период испытаний для Таджикистана» (2004). Представляют интерес выводы автора о судьбе ислама в Таджикистане. Несмотря на то, что воинственный исламизм в республике потерпел поражение, он не был полностью разгромлен. За десятилетие гражданской войны и ее последствий таджики в целом стали более мусульманизированными, хотя радикальные обертоны политического ислама исчезли.



Bergne P. The Birth of Tajikistan: National Identity and the Origins of the Republic. – London: B. Tauris, 2006. – XIV+207 pp.

Книга Пола Бернье «Рождение Таджикистана: национальная идентичность и возникновение республики» носит исключительно исторический характер. Она охватывает период с крушения последних полунезависимых государств Бухары и Хивы в Средней Азии в 1920-24 гг. и провозглашения Народной Республики до 1930 г. В работе тщательно анализируется процесс размежевания узбекской и таджикской советских протонаций, межэтнические и внутрирегиональные отношения, этнолингвистическое развитие, вопросы границ, переход Таджикистана от автономии

в составе УзССР в полноценную союзную республику. Сразу после этого акта советской институализации, уверен автор, стартовал процесс формирования новой национальной таджикской идентичности. Он коснулся языковой сферы и культуры («национальной по форме, социалистической по содержанию»).



Heathershaw J. Post-Conflict Tajikistan: The Politics of Peace Building and the Emergence of Legitimate Order. – London: Routledge, 2009. – 236 p.

Джон Хизершоу (ун-т Эксетера, Великобритания) своей работой «Постконфликтный Таджикистан» открыл новую страницу в изучении республики после завершения кровопролитной гражданской войны. Автор фокусирует свое внимание на процессах мирного строительства и формирования новой легитимности. Многим наблюдателям казалось, что после окончания войны Таджикистан мог бы стать успешным примером строительства либерального мирного

порядка, однако страна вступила на путь строительства авторитарного режима по примеру своих соседей. Исследователь уделяет немало внимания таким предметам как вклад демократизации и политико-партийной институализации в процесс мирного строительства. Диапазон исследования достаточно широк: сфера безопасности и строительство новых (пока еще совместных) вооруженных сил РТ; положение разрозненных в ходе военных действий общин, роль ислама и секуляризация режима, проблемы бедности, эмиграции и внешней политики. Автор не забывает отметить, что процесс перетекания либерализации в укрепление авторитарного режима происходил при молчаливой реакции внешних наблюдателей, западных доноров и международных организаций, зачарованных успехом достижения мира и относительной стабильности.

Heathershaw J. The Transformation of Tajikistan. – London: Routledge, 2012. – 224 p.

В следующей книге «Трансформация Таджикистана» Д.Хизершоу вновь возвращается к итогам гражданской войны. По его оценкам, она унесла жизни свыше 50 тыс. чел. И хотя мирное соглашение было подписано в 1997 г., политическое вооруженное насилие продолжалось до 2001 г. Многие наблюдатели и эксперты опасались возобновления междоусобной войны. Автор рассматривает процесс трансформации в широком контексте с учетом роли советского и постсоветского наследия на местном и глобальном уровне. Вновь в поле зрения Д.Хизершоу попадет сфера ислама и секуляризма, а также гендерных отношений, экономики, международных отношений вокруг Таджикистана и вопросы безопасности.

Olcott M. B. Tajikistan's difficult development path. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – VIII+455.

Известная американская специалистка по Центральной Азии Марта Олкотт создала в 2012 году фундаментальный труд, посвященный Таджикистану. Книга «Трудный путь развития Таджикистана» рисует детальную картину социально-экономической эволюции страны в постсоветскую эпоху.

Рассматривая развитие республики во всех аспектах, Олкотт дает ей определение «страна риска». С первых страниц автор повествует о начале, причинах и перипетиях гражданской войны в Таджикистане. Главным результатом гражданской войны автор считает создание такой ситуации, когда ислам смог играть широкую публичную роль, и в первое время сложилось впечатление, что республика может прийти к (исламской – ?) демократии под руководством Э.Рахмона. Но в дальнейшем политический режим стал развиваться по общей для центральноазиатских государств траектории, ведущей к системе единоличного правления. В результате сформировала модель, представляющая собой нечто среднее между Узбекистаном и Казахстаном.

Несмотря на свое маргинальное положение и низкий уровень экономического потенциала, Таджикистан способен оказывать серьезное влияние на весь регион с точки зрения проблем безопасности, отмечает Олкотт. После начала операции Запада в Афганистане международное положение Таджикистана заметно улучшилось, а внутреннее – стабилизировалось. Свое положительное влияние на экономическое развитие республики оказал экономический рост в России и Казахстане. Международная помощь была нацелена на проведение экономических реформ, старая советская система в сельском хозяйстве была сломана, но перехода к рыночной экономике не произошло. Большое значение для экономики республики играют вопросы развития энергетики, и не только в экономическом смысле, но и в политическом. Они показывают взаимозависимость Таджикистана и Узбекистана (газ и гидроэнергетика).

Начавшийся слабый подъем таджикской экономики пострадал в конце 2000-х годов вследствие удара мирового кризиса по экономическому росту России и Казахстана. Вследствие обострившихся экономических проблем таджикский режим столкнулся с кризисом легитимности власти. С 2009 года, когда боевики ИДУ и других исламистских группировок возобновили рейды на территорию республики, международное положение страны также ухудшилось. В тоже время в эти годы наметилась позитивная тенденция – сближение с Китаем и странами Персидского залива.

Однако в плане проведения реформ такой поворот событий вряд ли будет способствовать их завершению, считает автор.

Долгое время важным политическим ресурсом Э.Рахмона были воспоминания в таджикском социуме об ужасах гражданской войны, которые позволяли консолидировать общество и пользоваться достаточно широкой социальной базой. Но с приходом в общественную жизнь нового поколения, и особенно после начала «арабской весны», значимость данного фактора упала. Олкотт отмечает, что всегда существовал высокий риск того, что Таджикистан превратится в классическое «несостоявшееся» государство (*failed state*), но благодаря «общественной летаргии», по выражению автора, правительству удалось выправить курс и удержаться у власти.

В главе «Политика и религия» М.Олкотт рассматривает широкий круг взаимосвязанных проблем, среди которых формирование монархического стиля правления (автор именуется его «династийным»), особенности таджикского парламентаризма, система управления на местах, правоохранительная система, свобода прессы и, наконец, место религии в политике и обществе. Автор выделяет совершенно особое место Таджикистана в регионе, т.к. только в этой республике по итогам гражданской войны и подписания соглашения о примирении существует официально зарегистрированная религиозная партия, представленная в парламенте и правительстве. Но положение ИПВ и ислама в целом меняется: после выборов 2006 г. и принятия нового закона о религии в 2007 г. давление на религиозные институты возросло. Были введены различные ограничения и регулирующие правила, в т.ч. на количество мечетей, характер и объем религиозной литературы. К экстремистским группам были отнесены салафиты и Хизб-ут-Тахрир. В последние годы Душанбе стал отзываться и сокращать количество студентов, обучающихся теологии в странах исламского Востока. В 2008 г. хиджаб был объявлен чужеродным видом одежды, а женщин практически изолировали от посещения мечетей.

В другой главе Олкотт задается вопросом: а стремятся ли таджикские власти в действительности к реформам? Отвечая на данный вопрос, автор всю главу посвящает проблеме коррупции, в которой она находит причину неуспеха любых реформ и истинную сущность режима. С проблемой коррупции тесно связана система наркоторговли. Олкотт приводит данные антинаркотического комитета ООН, что через территорию республики ежегодно проходит порядка ста тонн афганского героина. А эта проблема в свою очередь связана с вопросом контроля над наркотрафиком, позициями полевых командиров и в конечном итоге – с борьбой за власть.

Четвертая глава посвящена исключительно экономическому развитию страны. Автор рассматривает данный вопрос с позиций изучения макроэкономики и развития банковской системы. В этом же ракурсе ставится вопрос о роли приватизации в развитии малого и среднего бизнеса в стране. Параллельно исследовательница изучает сопутствующие проблемы, такие как безработица, участие женщин в экономической жизни и, конечно, миграция. Олкотт подчеркивает колоссальный социальный, экономический и демографический эффект миграции на жизнь таджиков в постсоветскую эпоху. Автор обращает внимание на парадокс этой эпохи: если советские власти безуспешно пытались вовлечь местное население в освоение депопуляционных районов РСФСР, то после распада советской системы таджики по собственной воле устремились широким потоком в Россию на заработки.

Отдельная глава книги посвящена реформам в сельском хозяйстве. Олкотт признает, что таджикский аграрный сектор находится в плачевном состоянии и так не смог оправиться от потрясений в результате распада советской системы хозяйствования и гражданской войны. К многочисленным проблемам прибавились такие как регулярные природные катаклизмы (засухи, заморозки), эрозия почв, разрушение технической базы сельского хозяйства. Американская исследовательница считает, что ключом к возрождению аграрного сектора в стране является увеличение доходности и эффективности мелких семейных хозяйств. Особняком стоит проблема хлопковой отрасли, которая с советских времен требовала создания крупных плантационных хозяйств.

В целом производство хлопка в республике упало с 1992 по 2010 гг. на 30%; доля хлопка в экспорте снизилась в 3,5 раза. Олкотт подметила, что таджики начали избегать производства хлопка в пользу культивирования продуктов питания еще в позднюю советскую эпоху, и это явление характерно для всех хлопководческих республик региона. То есть, автор подводит к мысли, что хлопководство было чуждой культурой в регионе, навязанной извне колониальными, а потом советскими властями, исходившими из собственных имперских нужд. В целом, делает вывод автор, крайне трудно будет сделать таджикское сельское хозяйство рентабельным в силу того факта, что дехкане в жестких условиях рынка озабочены, прежде всего, собственным выживанием и обеспечением пропитанием своих семей.

Шестая глава монографии рассматривает промышленный сектор страны. Автор обращает внимание такие сектора как алюминиевый и урановый. Относительно первого она отмечает, что алюминиевое производство было постоянным раздражающим фактором в отношениях с Узбекистаном.

В дальнейшем в борьбу за алюминиевое наследство вступила Россия, пытавшаяся взять под контроль производство бокситов. Индия также стала участницей «бокситовой игры». И наконец, последним включился в эту игру Китай. Урановый потенциал также привлекает широкий международный интерес. Олкотт с ходу отмечает подозрения в какой-то особой заинтересованности Ирана в сотрудничестве с Таджикистаном в этой области как необоснованные. Другой важной добывающей отраслью является золотодобыча. Но запасы золота были исчерпаны еще в советское время, поэтому Таджикистан остается аутсайдером в регионе по золотодобыче. Автор резюмирует, что за прошедшие двадцать лет правительство не сумело реализовать промышленный потенциал республики. Э.Рахмон, стремясь привлечь иранские, китайские и индийские инвестиции в металлургический сектор, сталкивается с необходимостью избавиться от зависимости от международных финансовых институтов, находящихся под контролем Запада.

В седьмой главе работы Олкотт рассматриваются проблемы развития энергетики и инфраструктуры. В первом случае в качестве центральной она выделяет проблему Рогунской ГЭС. Для дальнейшего развития энергетической инфраструктуры Таджикистану могут помочь потребности в электроэнергии в Афганистане и Пакистане, а также заинтересованность КНР в энергетическом обеспечении своих добывающих компаний. Восьмая глава целиком посвящена социальной сфере Таджикистана во всей ее полноте: демографическим проблемам, ситуации в системе образования и здравоохранения, пищевой промышленности, проблемам нелегальной миграции и принудительного труда.

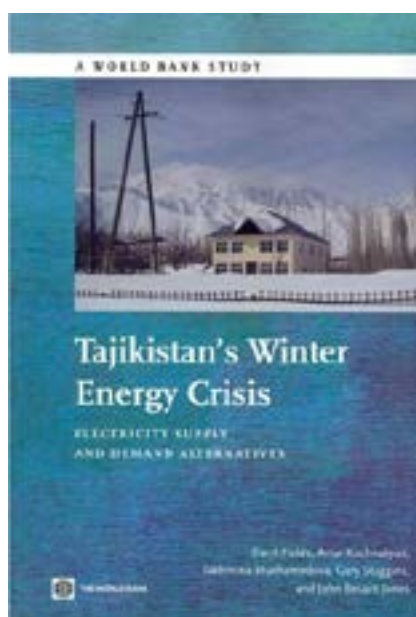
Олкотт затрагивает также такой деликатный вопрос: насколько Запад сможет проявить политическую волю для оказания помощи Душанбе, если Рахмон продолжит сопротивление прессингу со стороны России (речь идет в первую очередь о судьбе натовского вооружения из Афганистана), которая якобы препятствует тому, чтобы западная техника осталась на вооружении у центральноазиатских армий.

В заключении автор рассматривает вызовы, угрозы и риски будущего развития Таджикистана. Они носят многообразный характер: после вывода коалиционных сил из Афганистана автоматически возрастает внешняя угроза дестабилизации. Транспортная и коммуникационная зависимость от Узбекистана, проблемы в гидроэнергетике с Ташкентом делают Душанбе уязвимым перед ним. Стремление Таджикистана вступить в Таможенный союз и другие евразийские интеграционные структуры неизбежно поставит под вопрос его торговые отношения с Афганистаном и Китаем. Огромные риски создают экологические проблемы, в частности

ускоренное таяние ледников и опустынивание. Олкотт сравнивает положение Таджикистана с ситуацией «идеальный шторм». То есть, все, которые могут существовать, внешние и внутренние проблемы, испытывают и преследуют республику с первых дней независимости.

Фактически непреодолимыми представляются проблемы в экономике и демографии. И все же, завершает автор, если таджикская правящая элита не примет необходимости проведения реформ и не поднимается над своекорыстными интересами, страну ждет дальнейшая деградация и неизбежные социально-политические потрясения. Первостепенной задачей на ближайшую перспективу, завершает эксперт, является борьба со связкой, в которой представлены политический патронаж (непотизм), коррупция и криминальная сфера.

Таким образом, очередная работа М.Олкотт имеет фундаментальный характер, что выражается в чрезвычайном обилии фактического и статистического материала. В монографии широко представлены таблицы и графики, демонстрирующие различные аспекты социально-экономического развития Таджикистана. Характерно, что в данной книге отсутствует присущая обычно работам Олкотт идеологическая ангажированность. Выводы и комментарии, как правило, носят объективный и выдержанный характер. Автор избегает апокалиптичности в описании проблем Таджикистана, хотя сам выбранный сюжет подталкивает к этому. Таким образом, М.Олкотт пополнила свою библиографию книгой еще об одной республике Центральной Азии.



Fields D., Kochnakyan F., Stiggins G.
Tajikistan's Winter Energy Crisis. – Washington: World Bank, 2013. – 87 p.

В 2013 г. Всемирный Банк посвятил небольшое исследование зимнему энергетическому кризису в Таджикистане. Кризис затронул 70 процентов населения республики и обошелся в 3% ВВП РТ. Несмотря на краткосрочный характер кризиса, последний выявил и отразил как в капле воды весь комплекс сложных и трудно разрешимых энергетических, экономических и инвестиционных проблем, стоящих перед страной. То есть, кризис поставил руководство страны перед необходимостью выбирать, по какому

пути следует развивать энергетику республики. Сама география подсказывала продолжение советского курса на развитие ГЭС. Однако данная

техническая и финансовая проблема вскоре приобрела острое политическое региональное значение (имеется в виду завершение строительства Рогунской ГЭС). Западные организации советовали развивать новые технологии энергосбережения и опираться на возобновляемые ресурсы, в т.ч. термальные воды. Всемирный Банк призвал Душанбе делать ставку на экспорт электроэнергии в качестве важного инвестиционного инструмента.

Roche S. Domesticating youth: The youth bulges and their sociopolitical implications in Tajikistan. – N.Y.; Oxford: Berghahn, 2014. – XX+271 pp.

Исследование Софии Рош (Центр Центральноазиатских исследований и социальной антропологии в Берлине) «Доместикация молодежи: демографический взрыв и его социополитические последствия в Таджикистане», несмотря на приличный временной разрыв с сегодняшним днем, далеко не утратило свою актуальность, учитывая сохраняющиеся тенденции в этой республике. Продолжительное полевое исследование в Таджикистане было выполнено ею в 2005–2010 гг., во время специализации в Институте социальной антропологии Макса Планка в Галле (Германия). Разнообразный материал, включая объемные выдержки из полевого материала, данные статистики, историографические штудии, структурирован в специальном теоретическом исследовании.

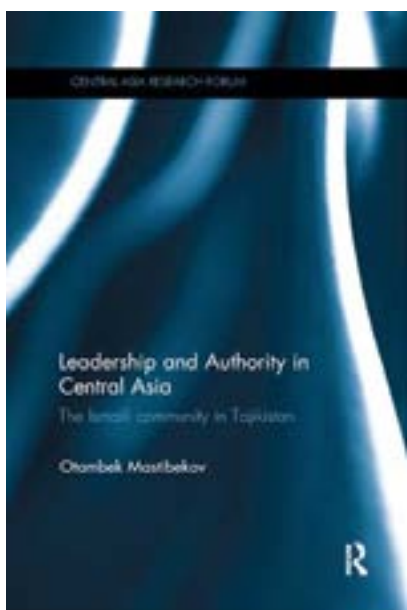
Автор исходит из того, что возможность обзаведения собственной семьей откладывается на неопределенный срок. Такие условия сложились в Таджикистане в 1990–2000 гг. (автор называет это время периодом гражданской войны и поствоенным). «Доместикацией» назван способ сделать подрастающего мужчину членом дома (лат. *domus*), т.е. «предписать» ему определенную роль в домохозяйстве и семейном цикле демографического воспроизводства. В основу своего постулата С.Роше положила сомнительный тезис, что якобы к советскому периоду восходит начало процесса, который и привел к современной демографической ситуации – наличию многочисленной молодежной возрастной страты, создающей реальные социальные и политические вызовы в стране. На наш взгляд, Таджикистан просто позже (примерно на 15-20 лет) вступил в фазу демографического взрыва, которые пережили Казахстан и Узбекистан в 1950-60-е гг.

Исследовательница отмечает, что показателем уровня развития для сельских регионов Таджикистана остается характеристика места проживания семьи, домохозяйства, его жилых и хозяйственных построек и помещений и, конечно, совместно проживающих родственников с их сложными иерархическими отношениями. Институт родственных связей оказывается в силу общепризнанности действенным механизмом контроля

над большей частью молодежи на уровне семьи и сельского поселения. В этом смысле сениоро-центричное таджикское общество устойчиво сохраняет не только гендерную оппозицию, но возрастную иерархию сиблингов-мужчин. Такая модель воздействия обеспечивает социальную безопасность семьи и ее гарантированное воспроизводство. Усиление этой модели достигается дополнительными средствами: созданием идеологических сиблинговых связей, исламским братством.

Широкое распространение исламского идеологического «родства» произошло в годы гражданской войны и в поствоенный период. Трудовая миграция в Россию также внесла свой вклад в выстраивание особых связей, релевантных родственным, и их оформление. Участие в трудовой миграции позволяет молодым людям найти альтернативный путь включения в общество. Постепенно с ростом числа участников миграций формируются группы, претендующие на собственную роль в политической жизни Таджикистана. Потенциальным ресурсом новых политических сил, готовых расширить коридор возможностей для молодых, и становится демографическая молодежная масса Таджикистана. Государство выстраивает свою политику с молодежью как с социальной категорией, и в таджикском случае, как с проблемной категорией в силу относительной численности и абсолютной безработицы.

Таким образом, заключает автор, главной проблемой противостояния молодежи и государства становится традиционное понимание роли молодежи и глобальный дискурс молодости, основанный на западных политических реалиях и западных ценностях и жизненном опыте. Становление организованного политического движения молодежи в Таджикистане является только вопросом времени.



Mastibekov Otambek. Leadership and Authority in Central Asia. The Ismaili Community in Tajikistan. – London, New York: Routledge, 2014. – XVI+202 pp.

Книга О.Мастибекова (Лондонский университет) «Лидерство и власть в Центральной Азии: исмаилитская община в Таджикистане» построена на изучении Бадахшанского района и живущего там преимущественно исмаилитского населения. История региона в XIX и XX вв. в книге рассматривается через призму соперничества Британии, России и Китая. Автор исходит из того, что лидерство и власть в регионе строятся на

авторитете религиозного лидера, каким для Нагорного Бадахшана всегда безусловно являлся институт ага-ханов. Исследователь рассматривает положение лидеров исмаилитов и в целом общины в царский, советский и постсоветский период, специально выделяя период гражданской войны для судьбы местных исмаилитов.

Epkenhans T. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism, and Violent Conflict in Post-Soviet Space. – New York: Lexington Books, 2016. – 414 p.

К ретроспективной литературе следует отнести работу Т.Эпкенханса «Происхождение гражданской войны в Таджикистане: национализма, исламизм и насильственный конфликт на постсоветском пространстве». Автор достаточно детально исследует причины возникновения конфликта в этой среднеазиатской республике СССР. Он исходит (безосновательно, на наш взгляд) из того, что их следует искать в советской трансформации Средней Азии в 1920-х годах. Но в целом, по его мнению, причины лежат в роковом сочетании таких факторов как регионализм, возросшая роль политического ислама и различных военизированных группировок полу-уголовного характера. В качестве спускового механизма выступили слишком быстрые темпы перестройки. Исследователь исходит из того, что проблему следует рассматривать комплексно – т.е. в контексте постсоветской деколонизации, исламского возрождения и националистического ренессанса.

Kassymbekova B. Despite Cultures: Early Soviet Rule in Tajikistan. – Pittsburg (PA): University of Pittsburg Press, 2016. – VIII+272 pp.

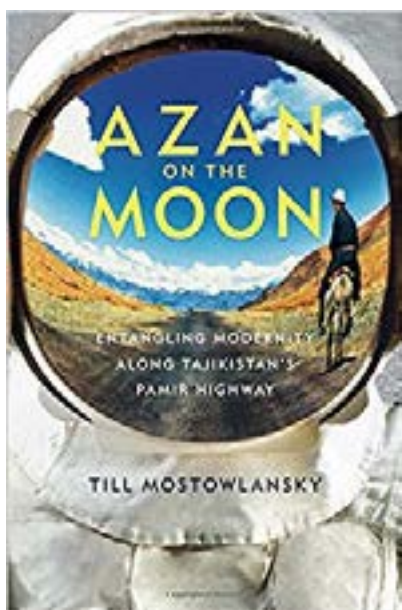
Исследование Ботагоз Касымбековой (Гумбольдовский университет, Берлин) «Вопреки культуре: ранний период советского правления в Таджикистане» также затрагивает проблемы начального советского периода в истории Средней Азии. Как отмечает автор, в 1924 году советский режим приступил к (искусственному) конструированию административно-государственного устройству для этноса, который принял самоназвание «таджики». При этом большевики отталкивались от идеи, что подобные этно-государственные эксперименты носят антиколониальный и антикапиталистический характер. Но исследовательница сосредоточилась не на идеологических вопросах, а на том, как на практике осуществлялась подобная национальная политика. Автор избегает понятий «колониальный» в качестве противопоставления «модерну» (современному, прогрессивному) и вместо этого сосредотачивается на сущности советского режима и его идеологии. Автор считает, что он фактически стер границы между социализмом и империализмом, колониализмом и государственным строительством.

То есть, советская система создала универсалистскую модель управления – удобную как в практическом смысле, так и в идеологическом применении. Б.Касымбекова рассматривает систему как подлинно «революционную».

Laruelle M. (ed.) Tajikistan: Islam, Migration, and Economic Challenges. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 125 p.

Сборник, посвященный Таджикистану – «Таджикистан: ислам, миграция и экономические вызовы», посвящен в основном исламу, как следует из названия. Авторы считают, что в последние годы власти страны приложили усилия для того, чтобы максимально сократить политическое поле Партии исламского возрождения (ПИВТ), и в конце концов запретили данную политическую силу в 2015 г. Однако, предполагают авторы, антиисламистская политика привлекла внимание внешних игроков, в первую очередь Ирана. Но в тоже время, общая картина современного Таджикистана представляется более сложной: будущее таджикского общества будут определять такие процессы как миграция и положение молодежи как главного мотора социальной трансформации страны. В совокупности эти факторы отражаются на трех основных составляющих экономического положения Таджикистана – энергетика, сельское хозяйство и финансовые вливания зарубежной миграции.

Исламской проблематике посвящены две первые части данного издания. Авторы поднимают такие проблемы как связь ислама с демократией, отношения ислама с государственной идеологией, вопрос ислама в отношениях Ирана и Таджикистана. В целом, сборник охватывает в большей степени не только исламскую проблематику, но и зависимость РТ от внешних вливаний.



Mostowlansky Till. Azan on the Moon. Entangling Modernity along Tajikistan's Pamir Highway. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – 240 p.

Исследование Т.Мостовланского «Азан (вечерняя молитва) при луне: вводящая в заблуждение модернизированность памирского шоссе в Таджикистане» является исключительно этнографическим по характеру. Автор на богатом полевом материале показывает, как повлияло на традиционную жизнь местного населения строительство транспамирского шоссе, и как сложилась жизнь памирцев в этом районе после ухода

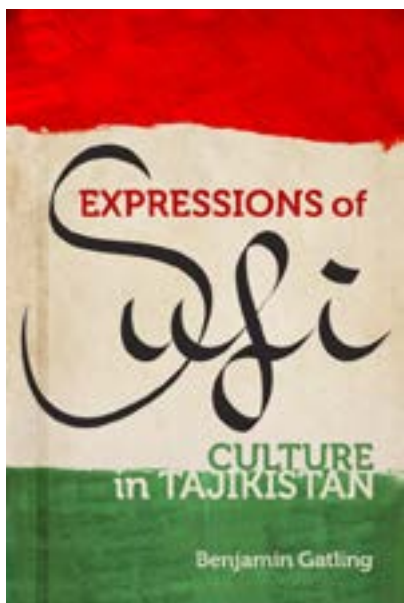
советской власти в сфере экономики, религии и социально-политической маргинализации. Ученый подчеркивает, что шоссе стало символом советской модернизации в регионе. Его стратегическое и транспортное значение сохраняется до сих пор. Процесс демодернизации, начавшийся вследствие распада СССР, в этом районе был приостановлен благодаря приходу Китая, который, как ранее и Советский Союз, делает ставку на модернизацию в ее технологическом и технократическом понимании.

Laruelle M. (ed.) Tajikistan on the Move. State Building and Societal Transformations. – New York, London: Lexington Books, 2018. – 336 p.

М.Ларюэль вновь вернулась к таджикской проблематике в новой коллективной монографии под ее редакцией – «Таджикистан в движении: государственное строительство и социальная трансформация». В работе дается краткий экскурс в новейшую историю республики, причем потери в гражданской войне оцениваются в 50 тыс. чел. Рассматривая геополитическое и международное положение Таджикистана, исследовательница исходит из того, что, несмотря на свою языковую и историческую близость к Ирану, страна разделила общую судьбу всех государств региона. То есть, Россия остается основным проводником в сфере безопасности, а Китай – главным инвестором.

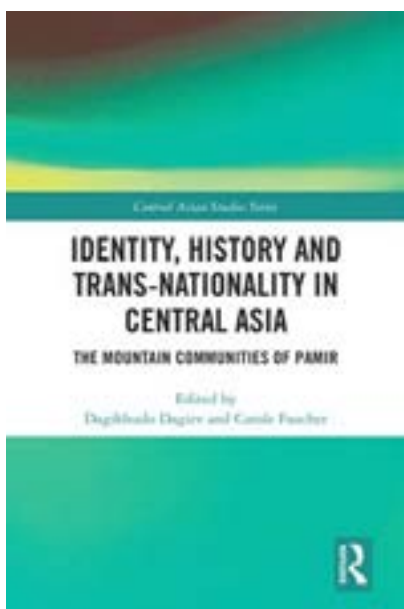
Другой спецификой Таджикистана является массовая трудовая миграция в Россию. Ее уровень (1 млн. чел. из 8 млн. населения) остается одним из самых высоких в мире. Данное явление самым прямым образом влияет на экономическую структуру страны (миграция обеспечивает половину ВВП) и социальные процессы. Еще одной важнейшей специфической чертой является роль ислама в жизни населения.

Первый раздел монографии рассматривает наиболее критические вопросы, касающиеся природы таджикского политического режима, его стабильности, механизмы легитимизации власти и условия для ее централизации. Во второй части работы изучается то, что авторы называют «социальной фабрикой», подразумевая под этим термином местную руральную специфику, социальную незащищенность населения, бедственное положение в здравоохранении и гендерные отношения. Третья часть книги посвящена проблемам идентичности и ее эволюции. До тех пор, пока таджикский режим продолжает контролировать национальные нарративы, включая собственную интерпретацию причин и хода гражданской войны, будет обеспечиваться его относительная стабильность. В этих условиях, заключают авторы, сфера миграции и ее представители остаются практически единственными носителями тенденции к трансформации социальной структуры и культурных ценностей.



Gatling B. Expressions of Sufi Culture in Tajikistan. – Madison (MI): University of Wisconsin Press, 2018. – V+248 p.

Книга Бенджамина Гатлинга «Впечатления о суфийской культуре в Таджикистане» носит скорее характер зарисовок – и даже не этнографического, а журналистского (т.е. в реальности – дилетантского) характера. Она рассказывает о повседневной религиозной жизни таджикских мусульман, готовящих себя к роли суфиев-мистиков. Автор затрагивает многочисленные детали и элементы экспрессивного суфизма – воспоминания, различные исторические легенды, поэтические произведения, артефакты, ритуалы и другие виды суфийской практики. Гатлинг поставил целью показать, как выживший в советское время суфизм становится частью религиозной политики современного Таджикистана и манифестом сакрального персидского прошлого. И главное, чего смог добиться автор, по его мнению, в мире, где господствует воинствующий ислаимизм, суфийство смогло вполне сосуществовать с авторитарными режимами, занимающими бескомпромиссные позиции в отношении ислаимизма в целом.



Dagiev Dagikhudo, Faucher Carole (eds. by). Identity, History and Trans-Nationality in Central Asia. The Mountain Communities of Pamir. – London, New York: Routledge, 2019. – XVI+300 pp.

Исследование «Идентичность, история и транснациональность в Центральной Азии», увидевшее свет в 2018-19 гг. под ред. Д.Дагиева (Институт исмаилитских исследований, Лондон) и К.Фоше (Университет Монреаля) посвящено феномену этно-региональной группы исмаилитов, живущих на территории современного Таджикистана в памирском Бадахшане, а также в Афганистане, Китае и Пакистане. Памирцы или бадахшанцы в популярном дискурсе образуют небольшую группу иранских народов, населяющих горный регион Памира и Гиндукуша, являющегося историческим регионом Бадахшана.

Данная книга является итогом конференции, которая была проведена в Астане в 2014 году. В ней представлены различные аргументы, обсуждающие процессы идентификации и идентичности памирцев. Книга состоит из трех частей: 1) первая часть посвящена географии региона и недавней истории памирских общин; 2) во втором разделе критически исследуется богатое философское, религиозное и культурное наследие памирцев через произведения известных исторических деятелей; 3) в третьем разделе рассматриваются вопросы, касающиеся современного распространения традиций, миростроительства, внутренних связей, а также того, что означает быть таджиком/памирцем для нового поколения региона.

Согласно исследованиям авторов, памирскость – это эволюционирующая концепция и ей еще предстоит дальнейшее развитие. Пока она развивается без того, чтобы деградировать в сторону сепаратистских движений, у нее есть шансы остаться в рамках национальных дебатов для памирских таджиков и таджикского государства. в настоящее время «памирцы» относятся к определенной группе людей, которые говорят на разных языках коренных народов ГБАО и в более широком Памирском регионе. Они имеют тесные языковые, культурные и религиозные связи с народом провинции Бадахшан Афганистана, с сарыколийцами и ваханцами в Таджикском автономном округе Ташкурган в провинции Синьцзян в Китае, а также с говорящими на языке вахи в Афганистане и в Верхней Хунзе, Годжалский район, северных горных районах Пакистана.

Для авторов важно отметить, что Памир населяют и другие группы, в том числе киргизы, которые живут в восточной части ГБАО Таджикистана. Книга не предназначена для охвата всех общин, проживающих в регионе Памира, а фокусируется на памирских общинах, которые объединяют общее религиозное исповедание, исмаилизм, ветвь шиитского ислама, присутствие которого в регионе датируется еще с X-го и XI-го веков и связано с деятельностью Насира Хусрава (1004-1088). Кроме того, памирцы говорят на гетерогенных языках, включенных в восточно-иранскую группу иранской ветви индоевропейской языковой семьи.

Персидский язык был общим языком для всех народов, говорящих на иранских языках в Центральной Азии, но когда этот язык был переименован в таджикский, официальный процесс чего завершился в 1936 году, тогда он стал исключительно применим к одной группе ираноязычных народов Центральной Азии – тем, кто говорил на таджикском (персидском). Как следствие, считают авторы, другие группы ираноязычных народов в Центральной Азии, такие как памирские таджики (говорящие на памирских языках), начали считаться «другими». То есть, главным выводом коллективного исследования является тезис о том, что памирцы являются

неотъемлемой частью таджикского народа, и их выделение в отдельную этническую группу носит искусственный характер и является следствием большевистской национальной политики 1930-х гг.

Внутриполитическое развитие Туркменистана

Развитие ситуации в Туркменистане всегда являлось одной из наиболее закрытых тем для любого стороннего наблюдателя. Тем не менее, известно, что в этой центральноазиатской республике был создан экзотический режим во главе с бывшим первым секретарем Туркменской ССР, затем первым президентом Сапармурадом Ниязовым. Он сам, его личность и его внутренняя и внешняя политика не раз становились центром внимания мирового общественного мнения в силу их необычности.

Политологическая историография, посвященная Туркмении, относительно скромна, но, тем не менее, и здесь можно назвать ряд работ. Это исследования турецкого автора Г.Турана «Вызов человеческого фактора в Туркменистане» (2001), Б.Браун «Управление в Центральной Азии на примере Туркменистана» (2003), исследование Международной кризисной группы «Закат диктатуры в Туркменистане» (2003) и политически нейтральное страноведческое исследование, изданное в Англии (2003).

В рамках программы исследований Принстонского университета в 2006 г. были изданы работа А.Л.Эдгар «Племенная нация: создание Советского Туркменистана». В книге, носящей преимущественно исторический характер, делается попытка найти истоки родоплеменной системы ниязовского Туркменистана, легшей в основу его одиозного режима, в недавнем советском прошлом Туркмении. Многие выводы этого исследования представляются спорными специалистами по Туркменистану.²⁶

Peyrouse S. Turkménistan. Un destin au carrefour des empires. – Paris: Edition Belin, 2007. – 184 p.

Французский востоковед – специалист по Центральной Азии (сотрудник INALCO – Национального института восточных языков и цивилизаций) Себастьян Пейруз подготовил в серии «Многоликая Азия», издаваемой фондом «Докумэнтасьон франсез», свою новую работу, которая посвящена нашему соседу Туркменистану. С.Пейруз известен нам своими исследованиями по казахстанско-китайским отношениям и политике КНР в Центральной Азии, постсоветскому Казахстану, исламу и др. Новая книга «Туркменистан: судьба на перекрестке империй» написана в 2007 г., но уже после смены власти в Ашхабаде, поэтому ее актуальность с точки зрения исторического анализа режима С.Ниязова не вызывает сомнений.

²⁶ *Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. – XVI+296 pp.*

В стремлении привлечь внимание читателя, Пейруз пишет, что эта страна является самой неизведанной в Центральной Азии. Ее древняя культура была выпестована великими империями на знаменитых дорогах Великого Шелкового пути. После более чем вековой русско-советской власти, страна вступила в 1991 г. на путь независимости, о которой она и не помышляла. Населенный пятью миллионами жителей, Туркменистан располагает значительными запасами газа и занимает стратегическую позицию в центре этого континента. Далее он продолжает, но в течение 15 лет туркмены находились под тяжестью одного из самых диктаторских режимов нашей планеты, который привел к быстрому обнищанию общества. Кончина Президента Сапармурата Ниязова в декабре 2006 г. открыла новую страницу в истории Туркменистана, который надеется обрести наконец свое истинное политическое и экономическое место на международной арене.

Французский исследователь исходит из того, что Туркменистан относится к тем странам, которые призваны своей историей и местоположением занять соответствующую нишу в XXI в, что и вызывает к ним живой интерес. Как он отмечает, интегрированная в Советский Союз под сенью «старшего славянского брата» и на многие десятилетия оставаясь на задворках бывшей Российской империи, эта страна утратила собственную древнюю историю, которая тем не менее изобилует славными эпизодами, которые разворачивались на ее территории задолго до посягательств ее могущественного русского соседа.

Пейруз сводит концепцию своей книги к ряду следующих проблем. Он задается вопросом, была ли будущая нация творцом своей собственной истории? Центральное геополитическое положение страны означает ли автоматически ее политическую и культурную значимость? Для него не вызывает сомнений, что запоздалое формирование туркменской нации под влиянием радикальных социальных и политических процессов, внедренных советским режимом, делает затруднительным любое размышление об идентичности народа, внедренной таким образом. Как поделить и распределить исторические моменты и великие личности, одинаково относящиеся ко всему региону и как их вписать в национальное достояние каждой страны? Какое место отвести русско-советскому наследию, которое хотя и поносится, но тем не менее еще зримо присутствует? Какую роль суждено играть исламу, делению по клановой и региональной принадлежности, по национальным меньшинствам? И это далеко не умозрительные вопросы; в определенной степени они относятся и к другим республикам региона.

В своей книге французский ученый делает попытку ответить на эти вопросы, поставленные, по его мнению, самой историей. Он пишет, что

«хотя власти не перестают вещать, что XXI век сделает Туркменистан хозяином своей судьбы, действительность оказывается более мрачной, чем можно было предположить». В отношении экономической системы, созданной С.Ниязовым, автор более чем критичен: советская экономическая система, в большей своей части сохраненная, утратила весь смысл, поскольку связующие ее государственные звенья были разорваны. Туркменская республика уже была одной из самых отсталых в Советском Союзе, но два десятилетия независимости довели население до полного обнищания: преобладание хлопковой культуры, отсутствие частного сектора, экологические бедствия, ликвидация общественных служб. Что касается политической системы, то она обрела наиболее карикатурные формы сталинизма: культ личности, почти полная культурная автаркия, изоляция на международной арене, националистическая мегаломания в общественной риторике, гигантомания госпроектов в архитектурной области, массовая коррупция государственных структур, неумное желание переустройства природы.

Но автор указывает, что при всей своей карикатурности, с режимом Туркменбаши считались на международной арене, поскольку все вышеизложенное не умаляет стратегической роли Туркменистана в международном плане: Каспийское море обречено быть возрастающим энергетическим полюсом, Россия продолжает доминировать экономически над регионом, и появляются новые соседи, доселе остававшиеся в тени, и теперь заявляющие о себе. Иран, верный партнер Туркменистана, так же как и Китай, все более входящий на авансцену, а также Пакистан и Индия. Все это свидетельствует о том, насколько центрально-азиатское поле становится местом неизбежных игр для восходящих азиатских держав. Соседство с нестабильными Афганистаном и с Узбекистаном, воспринимаемым как «котел» Центральной Азии, заставляют пересмотреть региональную роль, которую мог бы сыграть Туркменистан, которого все хотят вывести из изоляционизма, негативно влияющего как на него самого, так и на его соседей. Смерть Президента Ниязова в декабре 2006 г. и создание нового правительства более открытого для внешнеполитического сотрудничества высветили неведомые до этого международные ставки и приоткрыла завесу большой энергетической игры.

И так, утверждает Пейруз, современное туркменское общество находится на перепутье дорог. Справедливо гордясь своей древней и славной историей, но оставаясь молодой политической нацией, Туркменистан, обретший свои границы, создавший свой литературный язык и развивший свое национальное чувство в XX в., неистово обличает русский колониализм, который и сформировал эту страну. Официальная историография

ругает советский режим как чужеродный феномен, в то время как туркменская элита якобы смогла обуздать систему и привязать ее к собственным нуждам и перспективам. Оставаясь глубоко отмеченным русификацией и советизацией, туркменское общество по-прежнему зиждется на иерархических традициях и клановых отношениях. Проводя политику изоляционизма со времен обретения независимости, тем не менее власти призывают на Родину миллионы туркмен, проживающих диаспорой в соседских странах и на Ближнем Востоке.

Далее французский исследователь переходит к самой интересной части истории постсоветского Туркменистана – личности Туркменбаши. Он отмечает, что первые пятнадцать лет независимости Туркменистана неразрывно связаны с амбициозной личностью президента С.Ниязова (1940-2006). Именно он смоделировал как политические институты страны, так и культурную жизнь и оставил негативный след, длительные последствия которого до сих пор трудно измерить. С 1991 г. первое постсоветское поколение выросло полностью в атмосфере, отмеченной культом личности, отсутствием государственных структур, которые были бы дифференцированы от личности президента, запретом на независимые СМИ, ограничением любого доступа к внешнему миру и культурой, сведенной к творениям «Отца всех туркмен». Таким образом, независимость означала для основной массы населения сохранение идеологического контроля над обществом, достойного сталинских лет правления. Брежневские годы у власти и несколько лет перестройки по сравнению с этим кажутся периодами подлинной свободы. В течение 15 лет неограниченный культ личности С. Ниязова оставался вездесущим по всему Туркменистану, начиная от изображений его лица во всех присутственных местах до отпечатка на банковских билетах и монетах. Культ дошел даже до возведения его к происхождения как к пророку Мухаммеду, так и к Александру Македонскому. Ниязов сам себя провозглашает пророком, создает периодизацию возрастов жизни, затем чисто туркменский календарь и наконец публикует собственные сборники поэтических виршей. Свой собственный культ он распространяет также на своих родителей.

Затем С.Пейруз переходит к анализу политической системы, созданной Туркменбаши. Во время правления Ниязова никто не мог представлять угрозу его власти. Вездесущее государство гасило малейшую попытку общественного протеста. Разрозненная оппозиция могла действовать только в изгнании, а кланы не могли организовать против президента. Гражданского общества не существовало, а каждый индивид был под нессыпным контролем полицейского и судебного самоуправного ока. И все же с кончиной диктатора закончилась первая фаза истории независимого

Туркменистана, и открываются новые перспективы в политической и социальной перестройке. Как уверен автор, наличие различных кланов составляет значительный элемент политической жизни Туркмении. Если в Узбекистане распределение постов происходит путем квотирования по регионам, в Казахстане принадлежность к власти определяется принадлежностью к тому или иному жузу (оставим на совести автора это утверждение), то в Туркменистане доступ к политической элите зависел, прежде всего, от личной преданности Ниязову.

У автора не вызывает сомнений, что после Казахстана Туркменистан – это следующее государство в Центральной Азии по запасам углеводородов. Экономический бум в Китае, а также развитие соседних держав, таких как Иран, Пакистан и Индия могли бы оказать определяющее воздействие на освоение подземных богатств Туркмении. Потенциальных клиентов достаточно, но в данный момент страна не смогла разыграть с успехом геостратегическую карту, в отличие от Казахстана и Азербайджана, которые опередили Ашхабад по интеграции в мировой углеводородный рынок. Политическая изоляция страны и волюнтаристские решения, принимавшиеся С. Ниязовым, создали в итоге негативный имидж его республике, что и заморозило инвестиции. К тому же чрезвычайная зависимость страны от углеводородов (что составляет около 80% экспорта) является источником потенциальной нестабильности, т.к. валютные доходы привязаны к мировым рыночным ценам и глобальной геополитической ситуации. Так, после финансового кризиса в России в 1998 г., который задержал выплаты Москвы, Туркменистан вынужден был сократить свои внутренние расходы, урезать госбюджет, который и так был в плохом состоянии. Ниязов надеялся на скорый подъем производства газа и нефти, чтобы реализовать свои фараоновские проекты. Но даже если его последователи будут более разумными, им также придется рассчитывать только на эти подземные ресурсы для обеспечения будущего страны с соблюдением многочисленных подписанных контрактов. Однако, проекты новых транспортных путей предполагают серьезные финансовые инвестиции, а иностранные компании согласятся на это, только будучи уверенными в скорейшем развитии туркменской газовой индустрии.

Пейруз не делает открытия, говоря, что внешняя политика страны определяется в основном обладанием углеводородами и тем местом, которое Туркменистан желает занять на международной арене. До 2006 г. отношения с западными державами, и в частности с США, ухудшались по мере возрастания отдаления между требованиями «демократизации» и политической реальностью ниязовского режима. Отношения с центрально-азиатскими республиками также оставляют лучшего, напряженность

с Узбекистаном грозит региональной нестабильностью. Ввиду анклавности своего положения, Туркменистан в своем экономическом развитии особым образом зависит от наличия умения сотрудничать с соседями, невзирая на их политический режим. И все же стране удалось установить некое подобие интеграции с такими непосредственными соседями как Иран, или более отдаленными – как Турция и Китай. Контакты с Россией остаются сложными, поскольку туркменский режим все еще таит обиду на «старшего брата» в плане ущемления его независимости, но в то же время оставляет Москве контроль над экспортом своего газа. Смена режима предоставила этой стране новую возможность маневрирования: выполняя принятые обязательства, Туркменистан, смягчая политику изоляционизма, имеет возможность обрести свое место в структурах региональной интеграции и возобновить контакт с западными странами.

Затем С.Пейруз делает небольшой экскурс в историю постсоветского Туркменистана. После распада СССР, объявленного тремя славянскими республиками 8 декабря 1991 г. под Минском, Туркменистан официально вступает в Содружество Независимых Государств, провозглашенное в Алма-Ате 21 декабря того же года. Это объединение позволяло бывшим республикам СССР сохранить хотя бы временно единое военное командование и обеспечить минимальный общий рынок между новыми государствами. Но вскоре Ашхабад демонстрирует свой изоляционизм и отказ от любой региональной структуры, проповедуя вместо многосторонних связей двусторонние. С.Ниязов категорически не приемлет общую интеграцию, «навязываемую», по его мнению Москвой, и предпочитает видеть СНГ, ограниченным только консультативными функциями. Туркменистан также отказывается вступить в Договор о коллективной безопасности 1992 г. Он не участвует в коллективных силах центрально-азиатских республик для предотвращения гражданской войны в Таджикистане. Страна практикует «политику пустого стула» на большинстве собраний СНГ. В 1996 г. он отказывается войти в Таможенный Союз, созданный Казахстаном, Киргизстаном, Россией и Белоруссией. В июне 1999 г. он выходит из Соглашения по безвизовому прохождению для граждан СНГ, подписанному 9 июля 1992 г. В августе 2005 г. в ходе совещания глав государств СНГ в Казани, Ниязов торжественно заявляет, что Туркменистан оставляет свой статус члена СНГ и ограничивается ролью ассоциативного члена.

Отдельное внимание автор уделяет проблеме российско-туркменских отношений. Двусторонние отношения с Россией основаны в основном на экспорте углеводородов. Изоляция страны сокращает сельскохозяйственный товарооборот. Россия остается одним из основных потребителей и ре-экспортером туркменского хлопка. В стратегическом плане Москва

желала бы сохранить свое военное влияние на Туркменистан, в частности, вдоль прежней южной границы СССР с Афганистаном и Ираном. Кремль считает ее «периметром безопасности» России перед лицом потенциальной опасности исламистской дестабилизации. Именно поэтому российские войска присутствовали от имени СНГ на южных границах Туркменистана до ноября 1999 г. В течение 1990-х годов дипломатические отношения между Ашхабадом и Москвой оставались неважными: Россия неодобрительно реагировала на громогласные заявления С.Ниязова против «старшего брата». Пейруз допускает даже, что его желание повернуть транспортировку газа в обход российских трубопроводов побуждало даже Кремль на некоторые проекты ликвидации Ниязова, политическим или физическим путем. Но все же после соглашений, подписанных с Газпромом в апреле 2003 г, Россия предстает как верный союзник Туркменистана в борьбе против влияния Запада. Нельзя не согласиться с таким наблюдением Пейруза, что Москва предпочитала даже свои газовые интересы выше защиты прав своей диаспоры в этой стране.

Как считает автор, переходя к современности, новый президент Г.Бердымухамедов намерен вернуть России важное место во внешней политике страны. От энергетического сотрудничества эти отношения могли бы расширяться до геополитических. Москва не отказывается от намерения вовлечь Туркменистан в интеграционные евразийские структуры и региональное сотрудничество.

Для С.Пейруза совершенно очевидно, что после независимости республика не могла развиваться по «европейской модели», постоянно представляемой Западом как единственной для эволюционного развития демократических институтов и рыночных отношений. Но с другой стороны, нельзя снимать ответственность с президента С.Ниязова за проводимую им политику якобы особого туркменского пути развития. Порой это принимало анекдотический и даже патологический характер, но это было драмой для тех, кто это перенес. Целое поколение выросло в атмосфере охаивания советского наследия и всего положительного, что оно дало. Ситуация с правами человека ставит Туркмению в один ряд с Северной Кореей, одной из самых карикатурных стран в этой области. Политика Ниязова не способствовала также благоприятному развитию окружающей среды и усугубила экономическую и экологическую ситуацию в стране.

Что ждет постниязовский Туркменистан? – задается вопросом автор. Он считает, что на сегодняшний день предстоит практически полностью восстановить отношения с великими державами – такими как США или Европейский Союз, а также с международными и постсоветскими организациями. Чисто прагматическое экономическое партнерство, далекое

от проблем «демократизации», было сохранено Ашхабадом с крупными региональными соседями Туркменистана. Новое туркменское правительство, готовое выполнять уже подписанные контракты предшественника, вероятно будет углублять региональное сотрудничество и со своими среднеазиатскими соседями.

По его мнению, новая «энергетическая игра» сталкивает интересы крупных международных игроков, к которым относятся США, Европейский Союз, Россия, Китай, Иран, Индия, Пакистан. То есть, Центральная Азия становится стратегическим местом, где державы «соревнуются в силе и связях». Остается надеяться, заключает Пейруз, что в этой трудной игре Туркменистан использует свою выгодную ситуацию и будет способен решать собственные стратегические цели на благо своего многострадального народа. Эта страна достойна вызывать интерес не только своими подземными сокровищами, но и богатым историческим прошлым и самобытной культурой.

С последним выводом в отношении нашего соседа трудно не согласиться. Очевидно, что Туркменистан и его народ переживали в данный момент период «оттепели», если можно обратиться к аналогиям нашей общей советской истории. Хотелось бы, чтобы этот период не перешел в новый застой, а открыл перед туркменским народом возможность достойно существовать, на что ему дают право его недавняя история и богатые природные ресурсы.

Через два года после выхода крупного исследования французского востоковеда С.Пейруза, посвященного Туркменистану, мы вновь видим работу по этой республике Центральной Азии. На этот раз научно-аналитическую экспертизу провели чешские политологи Славомир Горак и Ян Шир в книге «Высвобождение от тоталитаризма? Туркменистан при Бердымухамедове». Если Пейруз в своей книге («Туркменистан: судьба на перекрестке империй») довел описание событий вплоть до смерти туркменского лидера С.Ниязова, то чешские ученые посвятили свою работу непосредственно правлению его преемника.²⁷

Авторы исходят из того, что сравнение реалий, в которых жила Туркмения накануне смерти Туркменбаши и сегодня, создает поразительный контраст. Действительно, Туркменистан стал заметно более открытым и либеральным обществом. Внутри страны исчезли наиболее одиозные запреты и дикие эксцессы ниязовской эпохи, во внешней политике республика все больше открывается миру. В основу своего исследования авторы кладут посылку, что мы имеем дело с качественно новым (и стабильным) политическим режимом во главе с Г.Бердымухамедовым.

²⁷ Horák S., Šír J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 97 p.

Исследуя пост-ниязовский режим, авторы выделяют три основных направления, которые были затронуты изменениями при новом руководстве: это внутренняя, внешняя и социальная политика. Во внутренней политике чешские политологи особое внимание уделяют кадровым и идеологическим изменениям. С одной стороны, Бердымухамедов сохранил доминирующие позиции рода Ахал-Теке (но при этом уменьшив влияние группы марыйских теке); а с другой стороны, новый лидер оставил без изменений установившийся еще в период Ниязова контроль за стратегически важным нефтегазовым сектором полностью в руках представителей теке из западных вelayетов. Но не обошлось и без чисток, которые в основном коснулись наиболее одиозных фигур (трудно сказать, считают ли таковыми авторы отца и сына Реджеповых, а также олигарха Агаева), ассоциировавшихся с правлением Туркменбаши. Практическим результатом кадровых перетрясок стала инкорпорация в верхний слой элиты представителей родного региона президента – Гёкдепе.

Другим важным сигналом был иммунитет от репрессий, который Бердымухамедов предоставил русским советникам прежнего лидера (А.Жадану, В.Умнову и В.Храмову), контролировавших некоторые важные сферы бизнеса и имевших тесные связи с Россией, хотя их влияние и несколько упало. Тем не менее, эти деятели приняли активное участие в формировании культа нового лидера и доказали свою лояльность. В идеологической области начались медленные и крайне осторожные, но неизбежные шаги по «детуркменбашизации» страны и демонтажу прежнего культа.

В целом, как приходят к выводу авторы, новому режиму понадобился всего год для полной стабилизации. При всех происшедших изменениях и робких реформах неизменным остался главный принцип – режим личной власти. На второй фазе стабилизации Бердымухамедов приступил к консолидации своих позиций на международном уровне. Авторы даже предполагают, что в сфере внешней политики Туркменистана произошли более значительные изменения. Первое из них – это отказ от изоляционистского поведения Ашхабада. Борьба за углеводородные ресурсы республики сразу же втянула молодого президента в самую гущу геополитической борьбы с участием великих держав. Вновь, и прежде всего для Запада, на первый план вышло стратегическое значение Туркменистана, соседствующего с Афганистаном и Ираном.

К числу приоритетных партнеров Ашхабада авторы относят помимо России другие славянские республики – Украину и Беларусь. Другим важным направлением туркменской внешней политики авторы называют кавказское. Среди центральноазиатских партнеров Ашхабада авторы

выделяют в первую очередь Узбекистан, отношения с которым существенно улучшились при новом президенте. Главное, что заслуживает внимания, это бросающееся в глаза вовлечение Туркменистана в механизм региональной кооперации, чего совершенно не наблюдалось при С.Ниязове. Отношения со странами Азии (Пакистаном, ИРИ, Турцией, КНР) также характеризуются позитивной динамикой и расширением сотрудничества, особенно это относится к Китаю.

Г.Бердымухамедов очень быстро усвоил тактику лавирования и балансирования между всеми заинтересованными сторонами – Россией, Европой, США и Китаем. Такое кажущееся внезапное открытие Туркмении внешнему миру породило у западных партнеров чрезмерные, но как считают авторы, совершенно неоправданные ожидания в отношении либерального характера нового режима. Они предупреждают, что такие ожидания иллюзорны, а любое внешнее вмешательство с целью усиления внутривластной либерализации и смягчения социального климата могут только усилить риск нестабильности в этой стране.

Peyrouse Sebastien. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development. – Armonk, New York: Sharpe, 2012. – 248 p.

Среди страноведческих книг следует отметить работу С.Пейруза «Туркменистан: стратегия власти, дилемма развития». Эта монография является продолжением его книги «Туркменистан: судьба на перекрестке империй» (2007 г.) и во многом ее повторяет, особенно на концептуальном уровне.

Пейруз сводит концепцию своей первой книги к ряду следующих проблем. Он задается вопросом, была ли будущая нация творцом своей собственной истории? Центральное геополитическое положение страны означает ли автоматически ее политическую и культурную значимость? Для него не вызывает сомнений, что запоздалое формирование туркменской нации под влиянием радикальных социальных и политических процессов, внедренных советским режимом, делает затруднительным любое размышление об идентичности народа, внедренной таким образом. Как поделить и распределить исторические моменты и великие личности, одинаково относящиеся ко всему региону и как их вписать в национальное достояние каждой страны? Какое место отвести русско-советскому наследию, которое хотя и поносится, но тем не менее еще зримо присутствует? Какую роль суждено играть исламу, делению по клановой и региональной принадлежности, по национальным меньшинствам?

На эти вопросы он пытается ответить и в этой книге. Монография состоит из трех частей и 10 глав. Первая часть достаточно подробно для

западного читателя описывает географию, историю и образование туркменского народа. Особое внимание уделяется российско-советскому периоду. Французский исследователь исходит из того, что Туркменистан относится к тем странам, которые призваны своей историей и местоположением занять соответствующую нишу в XXI в, что и вызывает к ним живой интерес.

Вторая часть работы Пейруза посвящена изучению технологии власти в Туркмении и всем аспектам режима С.Ниязова. Он отмечает, что первые пятнадцать лет независимости Туркменистана были неразрывно связаны с амбициозной личностью покойного президента. Именно он смоделировал как политические институты страны, так и культурную жизнь и оставил негативный след, длительные последствия которого до сих пор трудно измерить. В конце части автор подводит читателя к периоду, когда власть унаследовал Г.Бердымухамедов. Французский исследователь ставит вопрос так: а была ли оттепель? (о ней он говорил в предыдущей книге). В результате размышлений автор приходит к выводу, что начало правления Бердымухамедова оказалось всего лишь «иллюзией оттепели».

Третья часть книги посвящена дилеммам, с которыми сталкивается современный Туркменистан в экономике и внешней политике. Здесь можно наблюдать некоторые парадоксы и резкие метаморфозы туркменской политики, в частности появление своеобразного газового треугольника Россия-Украина-Туркмения, использование Ирана для сдерживания Москвы, повышенный интерес к проекту ТАПИ, переориентация на Китай и Евросоюз. Пейруз не обходит такие острые и деликатные вопросы как, например, превращения Туркмении в транспортный хаб для афганских наркотиков, и отмечает растущую синофилию в политике Ашхабада.

Пейруз говорит, что внешняя политика страны определяется в основном обладанием углеводородами и тем местом, которое Туркменистан желает занять на международной арене. Ввиду анклавности своего положения, Туркменистан в своем экономическом развитии особым образом зависит от наличия умения сотрудничать с соседями, невзирая на их политический режим. И все же стране удалось установить некое подобие интеграции с такими непосредственными соседями как Иран, или более отдаленными – как Турция и Китай. Контакты с Россией остаются сложными, поскольку туркменский режим все еще таит обиду на «старшего брата» в плане ущемления его независимости, но в то же время оставляет Москве контроль над экспортом своего газа. Смена режима в 2006 г. предоставила этой стране новую возможность маневрирования: выполняя принятые обязательства, Туркменистан, смягчая политику изоляционизма, получил возможность обрести свое место в структурах региональной интеграции и возобновить контакт с западными странами.

Автор считает, что на сегодняшний день практически полностью восстановлены отношения с великими державами – такими как США или Европейский Союз, а также с международными и постсоветскими организациями. Чисто прагматическое экономическое партнерство, далекое от проблем «демократизации», было сохранено Ашхабадом с крупными региональными соседями Туркменистана.

По его мнению, новая «энергетическая игра» сталкивает интересы крупных международных игроков, к которым относятся США, Европейский Союз, Россия, Китай, Иран, Индия, Пакистан. То есть, Центральная Азия остается стратегическим местом, где державы «соревнуются в силе и связях». Остается надеяться, заключает Пейруз, что в этой трудной игре Туркменистан использует свою выгодную ситуацию и будет способен решать собственные стратегические цели на благо своего многострадального народа.

Laruelle M. (ed.) Turkmenistan: Changes and Stability under Berdimuhamedow. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 55 p.

Следующая коллективная монография – «Туркменистан: изменения и стабильность при Бердымухамедове» – посвящена «самой закрытой и неизученной стране Центральной Азии», как отмечает М.Ларюэль (хотя ее бывший супруг и коллега С.Пейруз написал немало работ, в том числе монографий, по этому предмету). Составители сборника исходят из того факта, что при Г.Бердымухамедове возникли новые шансы для развития среднего класса, а также открылись новые возможности для либерализации в системе высшего образования. В международном положении Ашхабад по-прежнему делает ставку на нейтралитет, но ему приходится сталкиваться с новыми угрозами и рисками т.н. «посткрымской эпохи», особенно исходящими из Афганистана.

Другой стратегический поворот Туркменистана связан с переориентацией на Китай в сфере энергетической политики. Но в результате Ашхабад оказался роли заложника китайской стратегии в этой сфере. Однако, развитие китайско-туркменских отношений в данной области меняет общий континентальный контекст мировой энергетической политик.

Clement Victoria. Religion and the Secular State in Turkmenistan. . – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020. – 45 p.

Работа Виктории Клемент (ун-т Морского корпуса в Квантико, США) «Религия и светское государство в Туркменистане», как и предыдущие аналогичные издания, посвященные Казахстану (2018), Узбекистану (2018)

и Киргизстану (2020) в серии публикаций Института Центральной Азии и Кавказа в Вашингтоне, построена по аналогичной схеме. Автор знает предмет исследования не понаслышке: еще в 2018 г. ею была опубликована книга «Становление туркмен: литература, язык и власть». В новом исследовании автор сосредоточивается на положении религии в республике.

Ислам у туркмен (внедрен примерно в IX-X вв.) принял обычные для кочевников формы и превратился поначалу в формальный институт. Но по прошествии тысячелетия в современном Туркменистане ислам рассматривается как элемент национальной идентичности и народной культуры, но со своими особенностями. При этом власти поощряют т.н. «туркменский ислам». Но в тоже время Туркменистан рассматривается собственной конституцией как «светское» государство. Автор ставит целью раскрыть данное противоречие. Уже с самого начала независимости новая власть активно поощряла классические исламские институты. Этот период связывают с первой фазой правления (золотой век) С.Ниязова – Туркменбаши. Граждане нового государства могли свободно обсуждать любые вопросы, включая религиозные, образовательные и политические.

Но в 1996 по 2003 гг. республика вошла в новую фазу развития, когда режим Ниязова поставил две задачи для укрепления субординации между государством и религией – внедрение этничности и государственный контроль. Этот процесс связывают с созданием культа Рухнаме. Иностранные религиозные миссии (печально известные школы Гюлена) были закрыты. С.Ниязов в своей конфронтации с внешним влиянием пошел в 2002 г. на неслыханный в мусульманском мире шаг: приказал сжечь партию Корана, присланную из Саудовской Аравии, под предлогом пропаганды ваххабизма и салафизма.

После прихода к власти его преемника Г.Бердымухамедова в 2007 г. постепенно начался курс по сворачиванию культа личности С.Ниязова, который коснулся и отношения власти к исламу в сторону некоторого смягчения. Система государственного образования в Туркменистане фактически избегает какого-либо уклона в сторону религиозности, активно поддерживая местную форму ислама, представляющую собой (как и у казахов) причудливую смесь традиционного ислама, кочевых культов, остатков язычества и суфизма.

2.3. Социально-экономическое развитие

Starr S.F. (ed.). Ferghana Valley. The Heart of Central Asia. – Armonk, New York, London: M.E.Sharpe, 2011. – XX+442 pp.

В 2011 году известный американский специалист по нашему региону Фредерик Старр (Университет Джонса Гопкинса) собрал интернациональную команду для подготовки проекта «Ферганская долина: сердце Центральной Азии». По мнению ученого, с населением 12 млн. чел. Фергана представляет собой один из самых населенных районов мира. Уникальность региону придают также такие факторы как этническая и лингвистическая пестрота населения и политическая раздробленность, т.к. долина принадлежит сразу трем среднеазиатским государствам. При этом с географической точки зрения их части долины являются периферийными для столиц этих республик.

Данное фундаментальное издание состоит из 14 глав, которые охватывают историю региона с древнейших времен и до современности, при этом отдельные проблемы выделены в специальные главы, посвященные экономике, экологии, культуре, исламу и международному положению Ферганы. Но концептуальную линию задает введение и заключение, написанное проф. Старром. Ученый считает, что экономический вклад Ферганской долины в экономику каждой республики невероятно высок. Это самый крупный рынок во всей Центральной Азии; хлопководство делает долину вторым производителем «белого золота» в мире. С историко-географической точки зрения, подчеркивает Старр, Фергана остается наследницей древних маршрутов, соединявших Европу с Китаем и Индией. Развитая сеть железных дорог и газопроводов вполне может вернуть Фергане прежнее международное значение.

Уже только одних этих фактов достаточно, чтобы привлечь к себе внимание мирового сообщества, отмечает исследователь. Однако долина завоевала себе печальную славу одного из центров нестабильности вот уже на протяжении более чем двух десятилетий. Это относится в первую очередь к узбекскому и киргизскому секторам долины. Но Ф.Старр убежден, что слава одного из самых нестабильных регионов получена Ферганой незаслуженно. Для того, чтобы понять реальную суть проходящих в регионе процессов, необходимо комплексное изучение на стыке социологии, политологии, истории, лингвистики, экономики и т.д. Старр выделяет два самых сложных сюжета ферганской проблемы: вопрос о правомерности существующих границ и проблему использования водных ресурсов.

Американский ученый считает, что для понимания феномена Ферганы необходимо прояснить девять вопросов. Эти вопросы следующие:

1) какие периоды и какие эпизоды в истории долины продолжают оказывать влияние на ее современность; 2) является ли Фергана центром или же периферийной зоной в отношении других центров; 3) можно ли говорить о гомогенной и единой истории и культуре Ферганской долины, или же она мозаична; 4) чего больше в истории и современности долины – изоляции или контактов; 5) каково соотношение влияния религии и светского начала в истории и в сегодняшней жизни долины; 6) какие факторы в большей степени преобладают в социо-культурной жизни региона – внутренние или внешние; 7) что происходило в реальности в последние десятилетия в долине – стагнация или ускоренные изменения; 8) каков подлинный механизм управления в регионе – внешний или внутренний; 9) каково соотношение между центробежными и центростремительными силами в регионе; между координацией, интеграцией и дезинтеграцией? Ответив на эти вопросы, заключает Старр, можно не только понять Ферганскую долину, но и всю Центральную Азию в целом.

К каким выводам приходит американский эксперт со своей интернациональной командой? Они не утешительны. Регион страдает многочисленными социально-экономическими и экологическими проблемами, что и так хорошо известно. Главная проблема состоит в другом – Фергана стремительно утрачивает свою историческую гомогенность, и все три сектора долины развиваются в центробежном духе. И это результат скорее не советской эпохи (хотя именно ей регион обязан созданием административных барьеров), а постсоветской, т.к. только после получения независимости новые независимые государства приступили к активному строительству наций, что не могло не отразиться на культурно-исторической общности местного населения.

Ф.Старр, давно известный своими новаторскими идеями, в качестве панацеи от всех проблем региона предлагает создать нечто вроде коллективного международного органа, для которого он уже подыскал подходящее название – «Координационный совет Ферганской долины». Такой совет мог бы, по замыслу ученого, стать основой для более широкого взаимного сотрудничества всех стран региона.

Central Asia: Decay and Decline. Asia Report N°201.

3 February 2011. – Bishkek/Brussels: ICG, 2011. – III+42 pp.

Авторы небольшого обзора, подготовленного международной кризисной группой и посвященного региону, считают, что в Центральной Азии происходят «разложение и упадок». Чтобы прийти к подобному выводу, авторам пришлось внимательно изучить подробные статданные в социально-экономической сфере – здравоохранении, образовании,

энергетике и транспорте. Проблемы охватывают практически все сферы социальной инфраструктуры каждой из республик (оговорки делаются для Казахстана), но в каждой стране есть своя специфическая область, которая поражена особенно сильно. В Киргизстане и Таджикистане процесс упадка гражданской инфраструктуры подошел к краю пропасти и уже практически не остановим (хотя энергетика демонстрирует признаки выживания). В Узбекистане и Туркменистане особенно поражены здравоохранение и образование (но в упадке энергетика).

Казахстан, по мнению составителей обзора, играет сам в собственной лиге. Это отнюдь не комплимент; он означает, что в Казахстане семимильными шагами продолжается процесс дифференциации между элитными и обычными сферами (образование и здравоохранение) или регионами, и обычными, куда не попадают или мало попадают довольно внушительные государственные субсидии. То есть, в республике существуют объекты, вполне отвечающие среднемировым стандартам, и есть находящиеся в упадке, что вполне сравнимо с положением у южных соседей. Тем не менее, авторы признают, что в отличие от своих соседей Казахстан или сумел добиться частичного прогресса, или хотя бы сохранить советский уровень.

Азиатские энергетические сценарии 2030. Под ред. С.В.Жукова. – Москва: Магистр, 2012. – 336 с.

Проблемы энергетики и значения Центральной Азии в мировом экспорте энергоресурсов рассматриваются в книге «Азиатские энергетические сценарии», подготовленной в рамках изданий ИМЭМО. В книге отмечается, что опираясь на богатые запасы нефти, газа и урана Казахстан, Туркменистан, Узбекистан и Азербайджан встроились в международное разделение труда в качестве энергоэкспортеров. Но каких-либо существенных инвестиций в модернизацию энергетического сектора и транспортной инфраструктуры во многих из этих стран не делалось, поэтому повсюду сохраняется повышенная энергоемкость производства и потребления, что вскоре станет тормозом и для экспортных возможностей этих стран.

Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. The World Bank. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 246 p.

Promoting Economic Growth and Resilience in Europe and Central Asia. The World Bank. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 220 p.

Martin Mercedes Vera; Jardak Tarak; Tchaidze Robert; Trevino Juan P., Wagner Helen W. Building Resilient Banking Sectors in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 49 p.

Kunzel Peter J.; Imus Phil De; Gemayel Edward R.; Herrala Risto; Kireyev Alexei P., Talishli Farid. Opening Up in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 59 p.

Gemayel Edward R.; Ocampos Lorraine; Ghilardi Matteo, Aylward James. A Growth-Friendly Path for Building Fiscal Buffers in the Caucasus and Central Asia. International Monetary Fund. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 55 p.

Tamirisa Natalia T. and Duenwald Christoph. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. – Washington: Bernan Distribution, 2018. – 90 p.

Следует отметить, что в течение 2018 года такие международные финансовые институты как Всемирный Банк и МВФ регулярно публиковали собственные аналитические и статистические обзоры, посвященные социально-экономическим процессам, состоянию и развитию финансово-банковской сферы, потребительским рынкам, торгово-экономическим отношениям и инвестиционной политике в странах Центральной Азии, Кавказа и Восточной Европы. С научной и политологической точки зрения данные издания представляют мало интереса, но являются полезными источниками и статистическим подспорьем для исследователей соответствующих областей экономического развития государств ЦА.

Irnazarov Farrukh, Vakulchuk Roman. Discovering Opportunities in the Pandemic? Four Economic Response Scenarios for Central Asia. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2020. – 47 p.

Политология и экономическая наука на Западе уже откликнулись на кризис, связанный с распространением эпидемии коронавируса. Фарух Ирназаров (Институт развития ЦА) и Роман Вакульчук (Норвежский институт международных отношений) издали в стенах Ун-та Дж.Хопкинса в рамках возглавляемого проф. Ф.Старром Ин-та ЦА и Кавказа исследование «Четыре сценария экономического ответа для Центральной Азии и поиск возможностей в условиях пандемии». Авторы считают, что существуют четыре возможных выхода из надвигающегося экономического кризиса в регионе, вызванного ущербом от эпидемии и принимаемых контрмер.

Первый сценарий – протекционистская автаркия, которая включает в себя сохранение стабильности путем ограниченных реформ, растущей роли государства и внедрение практики протекционизма. Второй сценарий – инфраструктурная диверсификация – подразумевает растущую социальную поддержку, расширяющуюся за этот счет роль частного сектора и эффективную регионализацию. Третий сценарий носит название инерционная асимметрия, под которой авторы имеют ввиду выборочные меры поддержки, вызывающие рост неравенства, ограниченную диверсификацию и ограниченные реформы, внедрение принципа «только бизнес, как всегда», резко возрастающую регионализацию. Для последнего сценария исследователи нашли выражение «неконтролируемый базар», при котором происходят радикальные реформы, полная открытость экономики и полная трансформация существовавших прежде рынков и условий.

Авторы не сомневаются, что происходящий кризис неизбежно вызовет изменение экономических стратегий центральноазиатских государств. При этом каждое из них вольно или невольно выберет свой сценарий перестройки экономики и проведения назревших (по мнению этих экспертов) реформ. Они даже не исключают возвращения к ситуации «назад в 1991 год». В тоже время авторы высказывают вполне здравые мысли; в частности о том, что кризис ударит и по представителям теневой экономики, которые вынуждены менять тактику и приспособливаться к новым условиям, в том числе за счет государства, и играть по его правилам. В заключении авторы вынуждены признать, что в любом случае экономическое (и просто физическое) выживание вызовет к жизни резко возросшую роль государства как основного актора и регулятора социальной жизни, а также усиление всех государственных институтов.

2.4. Этнография

Кадыров Ш. Элитарные кланы: штрихи к портретам. – Oslo: University of Oslo, 2010. – 108 с.

Шохрат Кадыров, являющийся в настоящее время ведущим экспертом Института востоковедения РАН, далеко не новичок в этнографии. Девять его предыдущих монографий (с 1986 по 2009 гг.) посвящены в основном этнографии туркмен, а также теоретическим проблемам социальной антропологии.²⁸ Книга «Элитарные кланы: штрихи к портретам», также в основном построенная на туркменском материале, является по многим параметрам политологическим исследованием.

²⁸ См. например: *Кадыров Ш.* Тайны туркменской демографии. – Москва: ИВ РАН, 2009. – 333 с.

Автор исходит из того, что элитные кланы как институт не вымирают, а постоянно адаптируются к новым условиям. Расширение функций такой структуры (между родственниками), когда ее патроны садятся на ключевые государственные должности, равносильно созданию параллельного легитимного управления обществом и государством прежде всего в своих клановых интересах. В книге исследован вопрос о социальной природе, метагенетике и демографии элитарных кланов Туркменистана, Азербайджана, Казахстана, Грузии, Абхазии, а также для сравнения – Норвегии и других стран Европы. В приложении – уникальный туркменский материал о генеалогиях старых и новых элит, биографии «патронов – клиентов».

Главное внимание автором уделено т.н. метагенетической природе элитарного клана, в котором над прочими формами и принципами сплочения группы главенствует идея кровного родства в конкретной группе людей. Автор отмечает, что, по сути, эти родственные связи играют второстепенную роль в формировании группы. То есть, человек может иметь десятки и сотни родственников, но не иметь клана, т.е. не вступать с ними в социальные отношения, при которых родственные отношения становятся дополнительным, иногда и самодовлеющим фактором укрепления социальной группы.

Кланы и в традиционном, и в современном обществах типологизируются на элитарные и не элитарные (т.е. демографические). В книге встречается понятие «демографический клан». Он отличается от «традиционного» тем, что в нем может быть много побочной родни, но (из-за высокой детской смертности) мало детей. Есть и другие отличия, например, современные многодетные кланы являются частью городского населения, в то время как традиционные сохраняются в нетронутом виде исключительно в сельской местности.²⁹ Демографические кланы есть продолжение традиционных, но уже в современных условиях. По ходу знакомства с книгой читатель узнает о т.н. номинально-традиционной многодетной семье, чем она отличается от традиционной и что ее сближает с семьей современной.

Автор исходит из того, что элита и клан имеют сходство по тяготению к самовоспроизводству своих членов с определенными культурными или социально статусными признаками, а также по наличию (и даже преобладанию) в структуре внутренних связей особого типа неродственных

²⁹ Русское слово «клан» (от кельтского *clann*) означат род или группу родственников, мини-род, объединенный хозяйственными узами. Кстати, исконно русские понятия «род», «родинка», «рожать» показывают нам, что первоначально понятие «родина» было связано не с территорией, а с кровным родством, т.е. принадлежностью человека к клану.

отношений «патрон – клиент». Оба института формируются избирательно и стремятся к династичности. И если клан изначально – это родня, то и элитарный клан также включает в себя, помимо патрона и клиентов, еще и их семьи. В этом главная причина, почему даже социализированные (искусственные) негенетические корпорации с преобладанием неродственных клиентов-партнеров нередко же именуется кланом, т.е. организацией, в структуре которой важное место занимает «генетическое» ядро – родственники – прямые наследники или долевые хозяева собственности патрона корпорации и его партнеров-клиентов.

По мнению автора, цели клана можно назвать эгоцентристскими: обогащение и защита своих членов, самовоспроизводство демографическое и социального статуса, а также расширение влияния на общество и государство. В современных научных и околонучных публикациях под элитарным кланом нередко понимают не просто группу родственников, имеющих общее дело, не только неформальную, но еще и тайную (непрозрачную), построенную в форме паутины, с многоуровневыми связями и размытыми внешними границами структуру. Теоретически, члены такой организации не имеют общего хозяйства, могут жить в разных местах, служить в разных учреждениях, но они родственники и потому почти безоговорочно помогают друг другу.³⁰

В книге Ш.Кадырова часто используется словосочетание «метагенетический клан». В нем, при первом приближении, присутствует оттенок тавтологии. Однако клан как собрание родственников и клан как собрание генетических родственников – не одно и то же. Клан включает в себя и родственников по боковым линиям, родственников жены и саму жену, искусственно породненных, усыновленных и удочеренных членов клана. Отсюда возникает необходимость в употреблении термина «метагенетический клан», который понимается нами как устойчивое сообщество прямых, не прямых и условных, номинальных родственников.

Автор отделяет понятие метагенетический клан, с одной стороны, от чисто социальных корпораций неформального происхождения (духовных, экономических, политических, земляческих), а с другой (при нарушении экзогамии) – от генетического клана, в котором нет строгих запретов на брачные связи между родственниками. Метагенетические группировки в политической и других сферах жизни общества и государства нельзя недооценивать, ибо, по его убеждению, кланы, элиты, элитарные кланы невозможно уничтожить. С ними нужно не столько бороться, сколько

³⁰ На языке советского слэнга быть «клановым человеком» означало «иметь блат», т.е. иметь где-либо большие связи, знакомства.

считаться и даже легитимировать, передав им часть функций государства. Именно в результате незавершенности процесса институализации, заключает автор, характерной особенностью современных элитарных кланов является параллельное использование клиентальных и персоналистских сетей, которые зачастую вытесняют формальные институты.

Значительную часть данной книги составляют схемы родства кланов нового и новейшего времени, а также биографии их членов. Эти материалы, дополненные новыми источниками, открывают возможность ретроспективного изучения клановой жизни элит, освещают новые аспекты функционирования и развития общества, служат базой для типологизации кланов и понимания их роли в структуре общественных отношений.

Автор исходит из того, что родственники, дети, внуки, невестки и другая родня – это первые клиенты патрона клана. Через многодетность расширялась первичная ячейка клана во главе с патриархом, для нее наиболее характерна традиция уважения, послушания, подчинения этому патриарху со стороны его же сородичей, соседей, общества в целом. При прочих равных условиях у многодетной семьи всегда больше предпосылок и мотивации стать кланом, чем у малодетной. Они состоят не столько в числе метагенетических родственников, сколько в том, что многодетная семья, особенно в городе, не получает достаточной помощи. Она вынуждена искать свои особые способы существования и конкурентирования с малодетными семьями. Причем в тех случаях, когда малодетная семья пробивается вверх по социальной лестнице быстрее, она становится «заложницей» окружения многодетных родственников, которые обращаются к малодетному, социально более мобильному, патрону за помощью и, в свою очередь, расплачиваются за эту помощь всевозможными услугами.

Но главное наблюдение Ш.Кадырова состоит в том, что чувство коллективизма, вырастающее на клановой солидарности, забота старших о младших и подчинение младших старшим, патриархальные традиции, уважение к предкам, взаимовыручка и взаимопомощь, коммуникабельность и приспособляемость к жизненным трудностям развиты в многодетной семье сильнее, чем в малодетной. Последняя больше ориентирована на внешнюю помощь государственных институтов, чем на внутренние клановые ресурсы. Отмеченные выше качества многодетной семьи играют не главную, но важную роль для развития кланов и их сплоченность. Именно многодетная семья воспитывает в человеке знание своей родословной, ближних и дальних родственников, понимание структуры отношений и роли большой родни.

На этот счет, отмечает автор, у многих народов существует богатая терминология. Именно для таких семей характерны шумные торжества

и прочие коллективные церемониалы, на которые несколько раз в году собираются сотни представителей родственных семей. В традиционном обществе главное условие превращения патронимии в элитарное семейство – не дети, а взрослые, обладающие определенным статусом боковые родственники и свойственники. Войти с ними в связь можно по-разному, в том числе и путем бракосочетания своих детей. И чем больше детей, тем больше таких родственников. Не случайно в традиционной системе кланового родства огромную роль играет институт свекра-свекрови, если по-норвежски, – свигеря-свигерины, т. е. брата невесты-мужа или сестры невесты-мужа. Причем в старое время этот термин в Норвегии покрывал значительное большее число родственников – ближайших, после жены или мужа, представителей породненных кланов.

Таким образом, делает вывод автор, клан – это, как правило, не одно семейство, а альянс (брачный), как минимум, двух семей. Более того, в отдельных случаях, укрепление клана и позиций патрона в нем может осуществляться как путем полигинии (многоженства), так и вне брака, посредством внебрачных половых контактов, в условиях, когда многоженство морально осуждается или запрещено законом. Однако эта специальная тема возникающих при этом неформальных патронажно-клиентальных связей не входит в круг его исследования. Автор напоминает только, что внебрачные связи это не только вопрос удовлетворения человеком своих естественных желаний, но и попытка решения проблемы дополнительного доминирования (патронирования), и не обязательно мужчины, но и женщины над мужчиной. Этим, кстати, также отличаются демографические кланы от традиционных, в которых, с одной стороны, прелюбодеяние жестко карается, но санкционирована полигиния (реже полиандрия).

В отношении Центральной Азии автор видит специфику ситуации в том, что в ней большую роль играют родственные связи, т.к. республики Центральной Азии сравнительно недавно пережили бурный рост рождаемости. При прочих равных условиях многочисленность дает клану важные преимущества. Чем многочисленнее семейство, тем больше ресурсов у клана для распределения своих людей в разных сферах жизни общества и государства и продвижения по службе своих сородичей, или заключению брака с «большим» человеком. Другими словами, демография клана формирует основу, определяет потенциальный диапазон связей элитарного клана, а еще чаще, связей клана демографического с элитарным.

В отношении собственного народа и его социальной структуры автор пишет, что нациям, подобным туркменской, свойственны клановые альянсы и, вместе с тем, стремление кланов властвовать друг над другом. При детальном рассмотрении, это не общества, а субэтнические клановые

сообщества. Для них характерны авторитаризм, вырастающий из традиций патриархальной многодетной семьи, монархии, вырождающиеся в деспотию, внутриворцовые заговоры и государственные перевороты. Тенденции политогенеза в таких обществах (сообществах) изначально базируются на организации управления по принципу этноклановых ханств и аморфных конфедераций, а культурная антитеза «мы или они», в отличие от обществ-наций, направлена преимущественно вовнутрь этноса.

Автор повсеместно отмечает неформальное деление на субэтноты, землячества, кланы у современных «наций»: в Казахстане (северные, южные, западные), в Кыргызстане (северные и южные), в Узбекистане, где клан президента ведет борьбу то с джизакским, то с бухарским и ферганскими клановыми группировками. Всюду положение усугубляется сохранением деления территориальных общностей на субэтнические группы при одновременном превращении территориальных групп (кулябцев, гиссарцев, ходженцев, бухарцев, балканцев, дашогузцев, лебапцев, марыйцев и др.) в этнизированные общности, каждая из которых считает себя этнически более «чистой», чем другие.

Далее автор раскрывает механизм функционирования клановой системы «изнутри». Клановые структуры могут формироваться на земляческой основе, и так происходит довольно часто. Однако, это типическое, но не видовое свойство, определяющее клановый феномен. Видовым отличием кланов от других теневого неформальных структур является кровное родство, дальнее или близкое. Группа кланов (сицилийских) может сформироваться из земляков, но внутри кланы состоят из родственников, а если быть еще точнее – из союза, как минимум, двух родственных семей патронов. При этом преобладание кланов, связанных по общности территориального происхождения (клановые землячества), нередко кажущееся. В Узбекистане, как и в других республиках Центральной Азии, запрещена работа родственников в одном учреждении, поэтому родственные связи стараются не афишировать, скрыть, не демонстрировать, хотя это удается далеко не всегда и, опять-таки, именно поэтому, т.е. в силу конъюнктурных обстоятельств, а не потому, что метагенетический клан отмирает, патрон старается показать, что опирается на земляков-неродственников.

Вместе с тем, желание патрона опираться в кругу земляков своей корпорации на родственников всегда сохраняется. Оно обусловлено более высоким уровнем подчинения родственников «по умолчанию», особым типом групповой морали и доверительностью, характерными для близких родственников. Человек может сменить место работы, сменить состав земляков, но сменить семью, отказаться от своих детей, родителей не так просто. Исследователь выделяет земляческие кланы, кланы по интересам,

кланы по профессиям, кланы культурной элиты и прочее. К такого же типа корпорациям, образно именуемых кланами, автор относит команды политических лидеров.

Ш.Кадыров отмечает парадокс системы клановости. Так, разложение многодетной семьи ведет не к ослаблению, а усилению земляческого единства и клановых связей внутри землячества. Так, во всех независимых государствах Центральной Азии происходит обвальное снижение рождаемости. Этот процесс, безусловно, является индикатором ослабления метагенетических патронажно-клиентальных связей. Однако важно учитывать, что исторически ослабление потребности иметь много детей начинается не с разочарования родителей в идеале большой семьи, а, прежде всего, из-за ущемления репродуктивной активности тяжелыми экономическими условиями. Вслед за этим происходит психологическое замещение неудовлетворенной потребности иметь много родственников в своей семье ощущением родства с членами субэтнической группы. Неудовлетворенная потребность в собственных детях компенсируется усилением связей индивидуума с метагенетическим коллективом, «племенем», земляческой группой.

Это особенно характерно для групп кланов из статусной элиты, оказавшихся в составе элиты благодаря, главным образом, протекции, а не личным качествам и интеллектуально-образовательному уровню. Таких кланов в составе городской элиты южных республик бывшего СССР, особенно в советское время, было большинство. Механизм смены родственных связей земляческими еще достаточно не исследован. Однако, именно интимная семейная жизнь является источником воспроизводства форм клановой культуры, клише, образцов повседневного поведения, отношений людей друг с другом и к государству, которые затем становятся эталоном при строительстве неформальных корпораций, связанных псевдородством. К таким сообществам, прежде всего, относятся землячества, состоящие из кланов с определенным типом культуры взаимоподдержки, корни которых восходят к метагенетике патронимий.

По главному сюжету своей книги автор заключает, что в отличие от демографического клана, основой элитарной семьи является высокий социальный статус одного или его нескольких его членов. Вне этого статуса породненные семьи – лишь группа родственников, демографический клан. Многодетных семейств в Центральной Азии много, однако элитарными кланами такие группы становятся не благодаря количеству родственников (высокой рождаемости). Главным условием является успешная карьера патрона. Развитие элитарного клана осуществляется не только путем роста численности детей, сколько через брачные альянсы, прежде всего,

династические, межклановые, элитарные, через рекрутирование в состав клана неродственников-клиентов, которые приобретают статус номинальных родственников. Утрата патроном социального статуса зачастую сопровождается и ослаблением элитарного клана.

Клан состоит из семей, но не всякая семья становится кланом. Каждая семья мечтает стать кланом, т.е. стать элитарной семьей, вокруг которой будут консолидироваться другие родственники. Современный клан включает в себя понятия семья, большая семья, патронимия, и является модификацией древнего рода, в которой представление о кровном родстве является важнейшей характеристикой сплоченности, независимо от того, какие родственники входят в клан (дальние или близкие, по отцовской или материнской линии).

Понятие «клановая корпорация» шире, чем все остальные виды неформальных корпораций. Наряду с общностью экономических, идеологических и прочих интересов, корпорация почти всегда имеет в качестве связующего элемента кровное родство своих членов, хотя бы потому, что родственники входят в число потребителей благ неформальной корпорации по умолчанию. В отличие от реального семейного родства, клан состоит преимущественно из дальних родственников и неродственников, он более метагенетичен, чем семья, генетическое родство в нем больше идеология, чем реальность.

Далее автор делает замечательный вывод: клановые отношения выступают той частью общественных отношений, которые способны тормозить и направлять развитие общества в угоду, прежде всего, небольшой группы людей, а затем уже общества в целом. Высокие формы демократии, как и крайние формы недемократии (сталинизм, туркменский башизм и т.п.) оказывают на кланы губительное влияние, разрушая кровнородственные связи. Однако и демократия, теоретически, не уничтожает кланы, а лишь не дает им застояться, укорениться, противопоставляя им выборность и заставляя одни элиты делиться властью с другими. На практике мировое сообщество все еще далеко от совершенства и потому клановая жизнь и теневая роль кланов продолжают играть важную роль во всех обществах и государствах мира, будь то социалистические, капиталистические, более или менее развитые страны.

В виду молодости государств постсоветской Центральной Азии, несовершенства их демократических институтов, клановая жизнь продолжает развиваться, приобретая новые земляческие очертания и этническую окраску. Конкуренция кланов, их смена не происходят мирным путем, это результат жесткой борьбы, порой с кровавыми результатами. Автор не исключает, что при нефорсированных темпах развития демократии и,

вместе с тем, переходе от монархического к олигархическому правлению, характерному для многих государств бывшего СССР, клановая жизнь получит стимулы для развития, возникнут новые формы приспособления кланов к государственной системе.

Автор уверен, что кланы – составная часть общества и его разновидности – этноса. Как политический феномен кланы постоянно находятся в движении, одни кланы (неизвестные ранее) возвышаются, другие отмирают или уходят на вторые и третьи роли. Революциями движут классовые противоречия и столкновения, но в повседневной жизни перемены во властных структурах происходят из-за скрытой конкуренции кланов внутри элиты. Дворцовые перевороты или верхушечные революции, часто упоминаемые именно в связи с традициями политической жизни Востока, а также смена правителя в результате его естественной смерти – результат и стимул перегруппировки сложившейся структуры кланов.

В этническом обществе, разделенном на землячества, клановая революция заканчивается не уничтожением института кланов, а сменой одних кланов другими. Проведение даже демократических реформ для политика, не опирающегося на кланы, а точнее, не умеющего балансировать между ними, проводя свой стратегический курс, равносильно его скорому поражению. Опора президентов стран бывшего СССР на свои кланы скорее закономерность, чем их личная прихоть.

Кланы – это конкретный, внешне трудно отслеживаемый механизм внутренней поддержки кандидата на власть, а привилегии им – расплата за эту поддержку и инструмент укрепления власти. Ну, а после укрепления власти клановая политика не отменяется, а перегруппировывается, ибо устранение конкурентов позволяет легимизировать произвольное обеспечение должностями «своих людей», включая раздачу «хлебных» мест своим родственникам.

Автор с уверенностью утверждает, что при самой мощной внешней поддержке, игнорирующий кланы президент-демократ имеет больше шансов расстаться со своим креслом, чем правитель-недемократ, опирающийся на кланы. А поскольку наиболее прочными в клане являются родственные отношения, то можно заключить, что при одинаковом уровне политического профессионализма своей команды, не имеющий в своем кругу близких родственников президент потеряет власть скорее, чем имеющий таковых.

Во всяком случае, его реформы закончатся вместе с его уходом, ибо даже утопическая программа полной ликвидации кланов потребует времени много крат больше, чем сроки правления отдельно взятого президента. Задержка же на своем высоком посту будет означать не успех

в борьбе с кланами, а замену слоя старых клановых элит, на начинающих карьеру, как правило, из нижнего, традиционалистского этажа этно-социальной структуры. Примером тому является Туркменистан, где первый президент С. Ниязов постоянно «тасовал колоду» с клановыми патронами, не давал засидеться на высокой должности никому из них, зачастую отправляя отставников из министерских кресел прямо в исправительно-трудовые лагеря. Тем не менее, формирование кланов в Туркменистане не останавливалось ни на один день, после внезапной и во многом загадочной кончины Туркменбаши, новая команда президента пополнилась, в отличие от сироты Ниязова, реальными родственниками высшего должностного лица. Сходная ситуация, заключает автор, возможно, ждет и Грузию, хотя, казалось бы, невозможно сравнивать прозападно настроенного М. Саакашвили и восточного деспота, консерватора и изоляциониста Туркменбаши.

Таким образом, новая работа Ш.Кадырова представляет собой, бесспорно, крайне интересное и - с теоретической точки зрения - фундаментальное исследование. Лишенное псевдодемократического и социального морализаторства, оно заставляет нас, благодаря логике автора, прийти к выводу, что кланы представляют собой малоизученную, но вполне естественную социальную среду обитания. То есть, человеческому социуму предстоит и дальше на необозримую перспективу жить и сосуществовать с клановым феноменом.

Alymbaeva A.A. (ed.) Food and Identity in Central Asia. – Halle: CASCA, 2017. – XII+178 pp.

Исследование под редакцией Аиды Алимбаевой (уроженки Киргизии, аспирантки Института М.Планка по социальной антропологии) «Пища и идентичность в Центральной Азии» посвящена не совсем обычной проблематике и, естественно, стоит особняком от основной политологической литературы и ближе к этнографической историографии. Авторы поставили целью показать роль еды в качестве некоего этнического и социального маркера. В работе отмечается, что на формирование местной гастрономии оказали влияние исторический и географический факторы через влияние китайской, иранской, монгольской, арабской и турецкой (ближневосточной), русской кухни, а также влияние ислама. Так, в первой части рассматривается (на примере Казахстана) пища этнических меньшинств и превращение казахской кухни в явление интернационального характера. В нее гармонично влились узбекская, уйгурская, дунганская и другие кухни (автор забывает татарскую). Во второй части работы показаны ритуальные аспекты местной кухни (праздничная, гостеприимная,

траурная, этикет подачи и раздачи еды и др.). В работе также рассматриваются вопросы региональных (внутри каждой из республик) различий пищевых традиций, особенности городской и сельской кухни, гендерные и возрастные особенности, и даже особенности кулинарных традиций в Западной Монголии (т.е. некогда казахоязычного региона) и Туве.

Таким образом, основная идея книги состоит в том, чтобы на примере гастрономической ситуации в Центральной Азии доказать, что в регионе пища значит больше, чем «услада желудка». Она носит социальный и статусный характер, а также играет идентификационные функции. Состав стола местных жителей на протяжении всей известной истории региона отражал помимо прочего и их экономическую дифференциацию. Фактор еды оказал также колоссальное влияние на фольклор и развитие литературной культуры местных народов. И наконец, книга снабжена богатым («аппетитным») фотографическим материалом. Все авторы являются опытными исследователями этнографами и лингвистами, проведшими немалое время в полевых условиях. В этой связи мы рекомендуем данную книгу в качестве важного фактологического документа, фиксирующего возвращение пищевых традиций народов региона и те изменения, которые произошли после исчезновения скудного рациона советской эпохи, с которым, впрочем, местные жители легко справлялись в те времена, сохраняя верность пищевому культу своих предков.

2.5. Демография и миграция

В рамках исследований ИЦАК еще в 2009 г. увидела свет индивидуальная работа сотрудницы этого центра Эрики Марат. Первая посвящена влиянию мирового кризиса на процессы трудовой миграции в Центральной Азии.³¹ Э.Марат рисует следующую картину: основными странами – донорами рабочей силы являются три республики – Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан; странами-реципиентами – Россия и Казахстан. Если путинская Россия у автора – враждебное и ксенофобское для среднеазиатских мигрантов пространство, то Казахстан – «новый дом». Среди миграционных проблем Марат отмечает почти полное отсутствие межгосударственного сотрудничества в области скоординированной миграционной политики, а также социально-экономические проблемы, среди которых крайне низкий уровень оплаты, ужасающие условия труда и быта, узаконенное рабство и бесправие трудовых мигрантов, нелегальную миграцию.

³¹ *Marat E. Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis.* Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2009. – 48 p.

Э.Марат приходит к выводу, что глобальный кризис вовсе и не так сильно сказался на рынке гастарбайтеров. Большинство из присутствовавших остались там, где их застал кризис, хотя приток новых рабочих рук заметно сократился. Автор предлагает ряд мер, чтобы снизить зависимость экономик региона от экспорта рабочей силы, а также минимизировать его негативный эффект. Среди этих мер развитие малого и среднего бизнеса на родине; укрепление межгосударственного сотрудничества в этой области, особенно между Узбекистаном и Казахстаном; помощь со стороны международных организаций и структур (надо полагать, западных) в подготовке персонала, компетентного в сфере трудовой миграции; расширение информационной кампании против нелегального трафика рабочей силы; инвестирование в средне-техническое образование; поддержка образования среди женщин; борьба с коррупцией.

Laruelle M. (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. – Leiden, Boston: Brill, 2013. – VII+413 pp.

Неутомимая исследовательница нашего региона Марлен Ларюэль (дир-р программы по ЦА Университета Дж.Вашингтона) выпустила под своей редакцией в 2013 году коллективное исследование «Миграция и социальные потрясения как проявления глобализации в Центральной Азии». Напомним, что несколько ранее французская ученая (совместно с С.Пейрузом) уже писала о последствиях глобализации для этого региона в контексте международного положения ЦА.³² На этот раз исследуются внутри- и межрегиональные последствия глобализации, в первую очередь в форме усиления миграционных процессов.

Для решения поставленных фундаментальных задач М.Ларюэль собрала широкую интернациональную группу авторов, в том числе и центральноазиатских. В предисловии к изданию эксперт отмечает, что миграция уже давно является глобальным социальным феноменом. Она добавляет, что территория бывшего Советского Союза не стала исключением в планетарной картине крупных миграционных потоков. Наоборот, население постсоветских государств само активно включилось в процессы миграции. А внутри СНГ регион Центральной Азии, по ее мнению, занимает уникальное положение. Центральная Азия не только стала крупнейшим «поставщиком» славянского и русскоязычного населения в другие регионы, но и источником мощных потоков трудовой миграции. По оценкам автора, порядка 5 млн. чел. из Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана

³² Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. – New York, Armonk: M.E. Sharpe, 2013. – 376 pp. См.: Казахстан-Спектр (КИСИ). 2013. № 3. С. 113-116.

являются постоянными и временными трудовыми мигрантами в России и около 1-2 млн. – в Казахстане. Выходцев из Центральной Азии в качестве гастарбайтеров можно также встретить в США, Канаде, Израиле, ФРГ, Южной Корее и арабских странах Персидского залива.

Редакция издания поначалу планировала включить в исследование Азербайджан, но учитывая специфику и различия между двумя регионами – Центральной Азией и Южным Кавказом – в целом отказалась от этого намерения (за исключением главы А.Бро об азербайджанских мигрантах в России). В качестве основного побудительного мотива для создания данной монографии Ларюэль указывает на относительный недостаток исследований по указанной тематике. В структурном плане исследование разделено на четыре основные группы проблем. В первую часть входят проблемы такие как изучение основных потоков миграции, объема денежных переводов и политики правительств государств, вовлеченных в миграционные процессы.

М.Ларюэль обращает внимание на то, что массовая миграция оказывает влияние на отношения между индивидуумами, между ними и государством, а также влияет на экономическую стратегию государства. Е.Садовская (международный консультант по проблемам миграции) пишет в широком контексте о современной международной миграции из ЦА и образовании миграционных диаспор. Основной спецификой центральноазиатской миграции автор вполне справедливо считает тот факт, что она прежде всего базируется на этнических и родовых связях. Но модернизация неизбежно проникает в эту среду и совершает ее эрозию в русле адаптации новых поколений мигрантов внутри постоянных диаспор к окружающей среде.

Э.Марат (Американский университет в Вашингтоне) посвятила свой раздел влиянию глобального экономического кризиса на центральноазиатскую миграцию в 2008-09 гг. Вывод, сделанный исследовательницей, звучит следующим образом: экономический кризис показал, что миграция является мощным стабилизирующим фактором для экономик ряда республик региона. Это выражается в том, что миграция компенсирует нехватку рабочих мест дома. Кроме того, кризис заставил Россию, как страну – реципиента, упорядочить систему двусторонних и многосторонних соглашений со странами – миграционными донорами. С.Олимова (Центр Шарк, Таджикистан) исследует указанную проблему на примере своей республики. Эксперт приходит к выводу, что увеличение обратного потока мигрантов домой во время кризиса в большей степени было следствием не самого кризиса как такового, а целенаправленной протекционистской и нетолерантной политики российской власти. Любопытно, что

в ходе кризиса различные группы мигрантов выработали собственную тактику и стратегию поведения с целью выживания и адаптации перед лицом негативных изменений. Фактически, произошел раскол на активных и пассивных индивидуумов, причем к первым относятся те, кто предпочел остаться во время кризиса в России и выживать любым способом. Свою роль в дифференциации гастрабайтеров сыграли такие факторы как возраст, уровень образования, уровень владения русским языком и т.д.

Завершает первую часть монографии раздел М.Ларюэль о Казахстане как о «новом перекрестке миграционных процессов». Уникальность Казахстана заключается в том, что, с одной стороны, страна заняла девятое место в мире в качестве реципиента иностранных трудовых ресурсов, а с другой – сама остается крупным источником миграции вовне. Но миграция в Казахстан является скорее вынужденной для узбекских и таджикских гастрабайтеров, поскольку власти РК долгое время не могли или не желали упорядочить на законодательном уровне их положение. Мигранты сосредотачиваются в основном в южных областях республики, способствуя тем самым ускорению процессов «центральноазиатизации» (по выражению автора) и дерусификации в этих регионах. Казахстан привлекателен для своих соседей с точки зрения географической и транспортной близости, а также вследствие этнической близости и отсутствия ксенофобии. М.Ларюэль проводит сравнения между узбекской и киргизской миграцией в Казахстан и обращает внимание, что важным фактором на юге республики остается существование крупной узбекской диаспоры, выступающей в роли посредника между мигрантами и властями. Однако последние в купе с общественным мнением нервно реагируют на численный рост узбекской общины. С другой стороны, культурно-этническая близость между казахами и киргизами снимает данную проблему (за исключением периодов революционных потрясений в Киргизстане). Таким образом, заключает автор, на фоне репатриации русскоязычного населения или его старения внутри республики, роста внешней миграции и притока оралманов основной проблемой, с которой в перспективе столкнется Казахстан, станет «центральноазиатизация» состава его населения со всеми вытекающими из данного факта проблемами – деевропеизацией, исламизацией, руризацией и архаизацией общественных отношений.

Вторая часть книги «Миграционные стратегии как примеры адаптации к социальным пертурбациям» носит в большей степени иллюстративный характер. Авторы показывают на конкретных примерах, как в зависимости от конкретной политической или социально-экономической ситуации развивались миграционные процессы. А.Алымбаева (докторант Института М.Планка, ФРГ) пишет о внутренней миграции

в Киргизии, т.е. о переселении сельского населения в города. С.Хофманн (Центр российских, кавказских и центрально-европейских исследований, Париж) в своем разделе изучает последствия гражданской войны в Таджикистане для здравоохранения и как причину массовой миграции из республики. Французская исследовательница А.Бро ставит в своем эссе вопрос: азербайджанцы в России – воображаемая диаспора? И наконец, А.Долоткельдиева (Университет Эксетера, Великобритания) в заключительной главе исследует киргизских мигрантов в Москве.

Каждая глава этой части интересна по-своему. Трудно не согласиться с мнением А.Бро, которая считает, что в силу исторических причин (азербайджанцы начали осваивать российские города еще в советское время) это во многом условная диаспора; азербайджанцы интегрированы в российское общество порой в большей степени, чем российские граждане из числа северокавказских этносов. А.Алымбаева описывает фактически процесс историко-драматического характера – закат городской цивилизации в Киргизии под демографическим давлением села. Впрочем, в той или иной степени аналогичные процессы в скрытой форме протекают во всех центральноазиатских республиках. В тоже время А.Долоткельдиева, исследуя униженное положение своих соотечественников в Москве, приходит к выводу, что столица современного российского государства заслужила наименование «нового центра политики в духе неоимпериализма».

Третья часть книги, названная «Формирующаяся социальная фабрика», повествует о гибкости национальных и индивидуальных идентичностей мигрантов. С.Пейруз (проф. Ин-та европейских, российских и евразийских исследований Университета Дж.Вашингтона) посвятил свою главу «Бывшие колонисты в движении» миграции русскоязычного населения из Центральной Азии. О.Феррандо (дир-р Французского института центральноазиатских исследований в Бишкеке) пишет о политике в отношении своих диаспор и репатриационных программах центральноазиатских государств. С.Массо (Французский лицей в Кали, Колумбия) в одной главе изучает смену социальной и этнической идентичности в результате массовой депопуляции узбекских кишлаков и переселения в города. Другая глава этого автора посвящена экономической миграции узбеков в Москву, Сеул и Нью-Йорк. Основной посыл данной части книги состоит в том, что все центральноазиатские государства находятся на стадии национально-государственного строительства, причем на основе этнической консолидации. Данный фактор неизбежно оказывает серьезное влияние на другие стороны социальной жизни, включая миграционную политику. Таким образом, местные государства сталкиваются с необходимостью возвращения мигрантов, или хотя бы укрепления их связей с исторической родиной.

С.Пейруз выделяет тот факт, что массовый исход т.н. русскоязычного населения в широкой степени способствовал моноэтнизации городской культуры Центральной Азии. Вторая фаза этого процесса – подключение к миграционным потокам из региона автохтонного населения в европейскую часть СНГ. То есть, делает вывод ученый, Центральная Азия стала основным центром миграции на евразийском пространстве, и с распадом СССР связи региона с Россией отнюдь не исчезли, как это предрекали многие наблюдатели в начале 1990-х гг., но приобрели новое качество, превратив центральноазиатские государства и их народы в акторов геополитической, социальной и демографической рекомпозиции Евразии.

Четвертая часть монографии посвящена влиянию миграционных процессов на гендерную сферу. М.Ривз (Манчестерский университет) рассматривает эту проблему на конкретном примере долины Сох в Узбекистане. Л.Пиар (Бернский университет) посвятила свою главу изучению челночной торговли турецкими товарами, которой вынуждены заниматься узбекские женщины. Н.Хусенова (дир-р представительства французского НПО GERES в Душанбе) в качестве объекта исследования выделила проблему феминизации таджикской трудовой миграции в России. С.Белуэн (Университет Пуатье) возвращается к роли узбекских женщин в миграционных процессах, на этот раз на примере ташкентской интеллигенции. Концепция данной части книги состоит в том, чтобы показать, что современные миграционные процессы фактически продолжают процесс модернизации в гендерной области, запущенный еще советским режимом, хотя и в других формах. На основе изученных материалов и данных социологии, авторы в той или иной степени склонны видеть в узбекских и таджикских женщинах, вовлеченных против своей воли в миграционные процессы, жертв тех социально-экономических потрясений, которые обрушились на постсоветское население в 1990-е годы, и той экономической модели и экономических отношений, которые сформировались на обломках социалистической системы.

Таким образом, перед нами фундаментальный труд, призванный осветить всю сложнейшую ткань миграционных процессов, затрагивающих политические, социально-экономические и демографические аспекты развития не только Центральной Азии, но и более значительного географического и геоэкономического пространства. Проще отметить, чего не хватает в данной работе. В небольшой степени (только у О.Феррандо) затрагивается проблема оралманов, которая также является частью миграционной проблематики. Кроме того, в книге полностью отсутствует (по-видимому, по сознательным соображениям) освещение проблемы китайской миграции в страны ЦА, которая в последнее десятилетие из

спекулятивной сферы перешла в реальную область, особенно для таких государств как Киргизстан, Таджикистан и Казахстан.

И наконец, в работе полностью отсутствует Туркменистан как объект или субъект миграционных процессов. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, тотальной закрытостью этой страны в академическом и социологическом плане; во-вторых, оторванностью Туркмении от всех социально-экономических и демографических процессов в регионе и в целом в СНГ. Однако, личный опыт рецензента показывает, что этнические туркмены (в т.ч. из Ирана) все же участвуют в миграционных передвижениях. Их можно встретить в России, Казахстане и Узбекистане, а также в странах Евросоюза. То есть, тема туркменской миграции еще ждет своих исследователей. Все это несколько не умаляет в высшей степени научного и политологического значения данного коллективного труда.

2.6. Экология

Eisenman S., Struwe L., Zaurov D. (eds.) Medicinal Plants of Central Asia: Uzbekistan and Kyrgyzstan. – Berlin: Springer, 2013. – XI+340 pp.

Группа исследователей из Рутгерского университета и их коллеги из Узбекистана и Киргизии подготовили в 2013 г. совместное издание «Медицинские заводы Центральной Азии», в котором изучили работу и состояние более 200 предприятий в этих республиках, производящих лекарственные предприятия и медоборудование. Первые две главы посвящены географии, климату и флоре указанных стран с точки зрения произрастания лекарственных растений. В третьей главе приводится краткая история применения лекарственных растений в медицине и науке; в четвертой дается общая информация фитохимического характера. Следующая глава освещает особенности двухсот восьми медицинских фитопрепаратов. Самой сложной задачей, как отмечали редакторы издания, стало сочетание и унификация специфических технических и ботанических терминов (на местных языках, латыни, русском и английском). В целом данное, несколько необычное исследование содержит информацию, которая может быть полезна как гуманитариям, прежде всего – историкам, так и представителям естественных наук – географам, биологам и т.д. Но данные материалы также могут быть использованы специалистами в области политологии и стратегической безопасности, т.к. содержит информацию, применимую при разработке бактериологического оружия, или средств защиты от него.

State of Forests of the Caucasus and Central Asia. Overview of Forests and Sustainable Forest Management in the Caucasus and Central Asia Region. Edited by United Nations Publications. – New York, Geneva: UNECE/FAO, 2019. – 112 p.

Обзор, подготовленный ЮНИСЕФ и посвященный состоянию лесных массивов на Кавказе и в Центральной Азии. Оно рассматривает все аспекты вопросов лесов – экологический, технический, юридический, страновой, экономический и климатический. В исследовании анализируется лесная политика восьми государств в двух регионах. Отдельный раздел посвящен состоянию лесов в Казахстане. В докладе отмечается, что, несмотря на существование специального Лесного Фонда, в республике мало лесных покровов. К докладу прилагается основательная статистическая база данных.

Freedman Eric, Neuzil Mark. Environmental Crises in Central Asia: From Steppes to Seas, from Deserts to Glaciers. – New York, London: Routledge, 2018. – 214 p.

Эрик Фридмэн (ун-т Мичигана) и Марк Нейзил (ун-т Сент-Томаса в Миннесоте) посвятили свою книгу «Экологический кризис в Центральной Азии» всеобъемлющему, с их точки зрения, кризису окружающей среды в регионе – «от степей до морей, от пустынь до гледзеров». Авторы исходят из той посылки, что экологические условия не существуют в вакууме, а являются производными от науки, политики, истории, общественных отношений, смены приоритетов и человеческих решений. Сегодняшние проблемы с экологией авторы традиционно относят в основном к советскому наследию с его масштабной ирригацией и использованием химикатов. Ситуация усугубляется тяжелым положением в бассейнах Каспийского и Аральского морей, влиянием климатических изменений на состояние ледников, опустыниванием, исчезновением растительности, разрушением обитаемой среды и биологического разнообразия. Параллельно происходит нарастание других угроз, исходящих от роста радиоактивного заражения и количества опасных отходов, падения качества питьевой воды, повсеместного применения пестицидов.

Данные угрозы не признают национальных границ и создают опасность для жизни населения, а также всей системе политических, экономических и социо-культурных отношений на всем обширном пространстве Центральной Азии. Местные правительства, по мнению авторов, мало делают для решения этих проблем. Таким образом, книга Э.Фридмана и М.Нейзила воспроизводит стереотипы и представления об экологии региона эпохи

двадцати-тридцатилетней давности и подтверждает тот факт, что авторы практически мало знакомы с реальным положением дел в указанной области. Хотя все вышесказанное отнюдь не умаляет серьезности экологической ситуации в нашем регионе, которая, тем не менее, не была статичной или столь катастрофичной, как это подается в настоящей работе.

Squires Victor R. and Lu Qi (eds. by). Sustainable Land Management in Greater Central Asia: an Integrated and Regional Perspective. – London and New York, Routledge, 2018. – XXIV+310 pp.

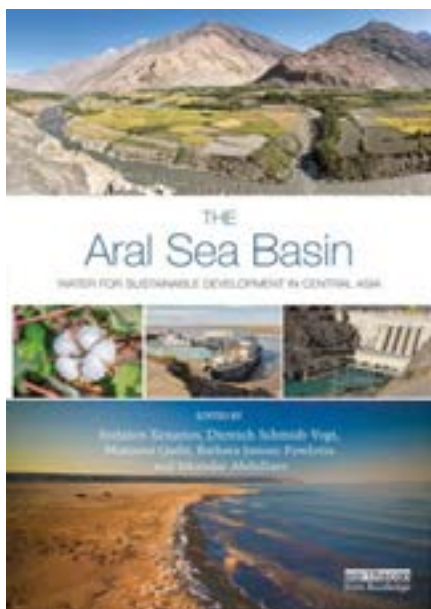
Совместная книга Виктора Сквайрса и Лью Ки (Ин-т по изучению опустыниванию АН КНР) «Устойчивое управление земельными ресурсами в расширенной Центральной Азии» посвящена, как это следует из заглавия, процессам опустынивания и борьбе с ним в пяти республиках ЦА, Монголии, Западном Китае (СУАР) и Афганистане. Авторы исходят из того, что экосистема в регионе вследствие человеческой хозяйственной деятельности испытывает деградацию. Исследование состоит из пяти частей. В первой вводной части рассматриваются вопросы исторического, географического и природного характера (биография и ресурсы), а также судьба животноводческих систем (на примере Узбекистана). Вторая часть посвящена собственно проблемам управления земельными ресурсами с точки зрения соблюдения баланса между экономическими и экологическими императивами.

В третьей части исследуются причины и природа деградации почв в регионе, а также возможности для смягчения последствий этих процессов. Четвертая часть рассматривает исключительно водные проблемы, включая падение притока горных рек. В заключительной части ставятся вопросы международной кооперации в решении данных экологических проблем, в том числе с участием России и Китая. Это предполагает, по мнению авторов, социально-экологический подход на уровне технических методов и институциональном уровне. Эксперты предлагают также решать проблему в более широком интернациональном контексте с привлечением Ирана, Пакистана и Индии и обязательно в контексте продвигаемой Китаем инициативы «Один пояс, один путь». Исследование завершается вполне конкретным перечнем предложений и мер по техническому и инвестиционному решению данного сложного комплекса проблем.

Peterson Maya K. Pipe Dreams: Water and Empire in Central Asia's Aral Sea Basin. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 416 p.

Ряд работ, увидевших свет в последнее время, посвящены аральской проблеме. Это, в частности, работа Майи Петерсон (Калифорнийский ун-т, Санту-Круз) «Мечты о трубе: вода и империя в бассейне Аральского моря».

Здесь изложена долгая история крупных инженерных проектов, связанных с орошением Средней Азии и Аральского бассейна, начиная с конца XIX столетия, в т.ч. за счет переброски по гидропроводам вод северных рек России. Автор считает это время эпохой наивных надежд на всеисцеляющую науку, универсального знания и инженерных чудес; веры в то, что путем грандиозных научно-технических работ можно преобразовать обширные регионы планеты из пустынь в продуктивные аграрные земли. М.Петерсон сравнивает в этом смысле агрополитику царского и советского управления в Средней Азии и не находит особых различий между ними. Исследование М.Петерсон представляет собой ценность не только в экологической и экономической оценке российской политики в регионе, но и в признании ее далеко идущих социальных последствий, а также как части великого модернизационного проекта, навсегда изменившего лицо региона.

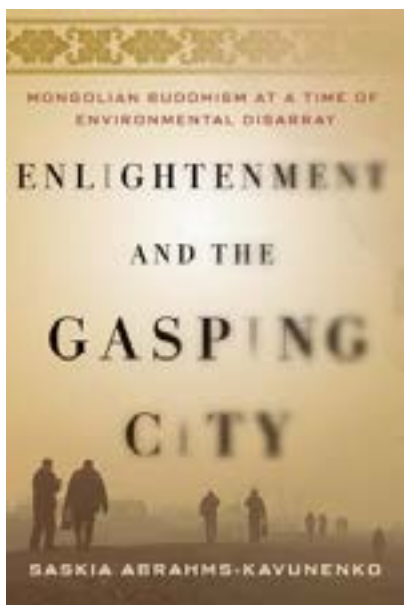


Xenarios S. (a.o. eds.) The Aral Sea Basin. – London: Taylor and Francis, 2019. – 228 p.

Коллективное исследование ряда авторов во главе с С.Сенариоса «Бассейн Аральского моря» посвящено изучению водных ресурсов и управления в бассейнах рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Авторы считают данную проблему крайне важной, поскольку в регионе этих бассейнов проживает 70 млн. чел. Книга изучает современное состояние, тенденции в развитии и будущее значительной части ЦА. Значительное место уделяется международно-правовой области (трансграничные реки) и экологии (опустынивание) и экономическим проблемам, в т.ч. вызванным агрополитикой местных режимов. Авторы сравнивают роль и значение региональных и международных структур, в т.ч. участников программ ООН по Устойчивому развитию.

Следует отметить серию изданий, предпринятую немецким издательством Шпрингер и посвященную многочисленным аспектам аральской проблемы. Исследования были подготовлены в основном учеными из стран СНГ из числа географов, экономистов и экологов, более глубоко знающих проблему на практическом уровне.³³

³³ Zavalov P.O. Physical Oceanography of the Dying Aral Sea. – Berlin: Springer, 2005. – 178 p.; Zonn Igor S., Glantz M., Kostianoy A., Kosarev A. The Aral Sea Encyclopedia. – Berlin: Springer, 2008. – 298 p.; Breckle S.W., Wucherer W., Ogar N. Aralkum – a Man-Made Desert. – Berlin: Springer,



Abrahams-Kavuchenko S. Enlightenment and the Gasping City: Mongolian Buddhism at a Time of Environmental Disarray. – Ithaka, London: Cornell University Press, 2019. – 243 p.

Саския Абрамс-Кавученко (Нью-Йоркский университет в Шанхае, Ин-т М.Планка) посвятила свое несколько необычное исследование экологическим проблемам современной Монголии в сочетании с положением буддизма в условиях разрушения окружающей среды. Автор выдвигает тезис о том, что массовые выбросы загрязняющих веществ в атмосферу мегаполиса, которым фактически стал современный Улан-Батор, становятся стеной между физическим и нематериальным мирами. Исследовательница показывает, как буддизм пытается на уровне своих идей и практики решать вопросы очистки, регенерации и охраны экологии. В целом, считает автор, данная проблема сфокусировала на себе целый комплекс сложнейших вопросов: буддистский церемониал на открытом воздухе, нарастание урбанизма, массовое загрязнение атмосферы, экономическая неразбериха в условиях пост-социалистической экономики, вспышки национализма, в т.ч. религиозного, и влияние глобальных климатических изменений. Книга С.Абрамс-Кавученко представляет собой интерес для нас в Центральной Азии в следующем ракурсе: возможно ли аналогичное влияние ислама на проблемы экологии и весь сопутствующий комплекс социальных процессов в общественной жизни. Особенно важна актуальность такого тренда будет нарастать по мере реиндустриализации региона и строительства новой промышленной инфраструктуры, что станет неизбежным в ближнесрочную перспективу.

2.7. М.Ларюэль и «Центральноазиатская программа»

Начать раздел необходимо с того вклада, который в 2010-е годы внесла известная французская исследовательница Центральной Азии Марлен Ларюэль, многократно фигурировавшая в наших обзорах и рецензиях на протяжении последних двух десятилетий. М.Ларюэль окончила Национальный институт восточных языков и культур (1994, специальность

2011. – 509 p.; *Letolle Rene. Aral.* – Berlin: Springer, 2012. – 358 p.; *Kostianoy A., Kosarev A. The Aral Sea Environment.* – Berlin: Springer, 2012. – 332 p.; *Micklin Ph., Aladin A.V., Plotnikov I. (eds.) Destruction of the Aral Sea.* – Berlin: Springer, 2013. – 600 p.; *Micklin Ph., Aladin N.V., Plotnikov I. The Aral Sea.* – Berlin: Springer, 2016. – 453 p.

«Постсоветские исследования»), Университет Париж Дидро (1995, специальность «История»), Университет Париж II Пантеон-Ассас (1996, специальность «Политические науки»).³⁴

После нескольких лет, на протяжении которых академический и творческий тандем Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза публиковал большую серию статей, посвященных отношениям стран Центральной Азии с Китаем и политике КНР в регионе, стало очевидно, что скоро авторский союз подготовит фундаментальную монографию. Так и произошло в 2009 году, когда свет увидела их совместная книга «Китай как сосед: центральноазиатские стратегии и перспективы».

М.Ларюэль также известна своими фундаментальными трудами о Казахстане, в частности – монографией «Русские в Казахстане (2004), а также своими работами по истории российского евразийства. Ее бывший супруг С.Пейруз – автор книг о Туркменистане (2007) и современной истории Центральной Азии. Кроме того, оба автора являются профессиональными востоковедами, русистами и политологами.

³⁴ L'Idéologie eurasiste russe ou Comment penser l'empire, Préface de Patrick Sériot. – Paris: L'Harmattan, 1999.

Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux États dans l'espace post-soviétique, écrit avec Sébastien Peyrouse, Préface de Catherine Poujol. – Paris: Maisonneuve et Larose – IFEAC, 2004.

Mythe aryen et rêve impérial dans la Russie du XIXe siècle, Préface de Pierre-André Taguieff. – Paris: CNRS-Éditions, 2005.

La question des Russes du proche-étranger en Russie (1991-2006). – Paris: CERI, 2006.

Asie centrale, la dérive autoritaire. Cinq républiques entre héritage soviétique, dictature et islam, écrit avec Sébastien Peyrouse. – Paris: Autrement – CERI, 2006.

Aleksandr Dugin: a Russian version of the European radical right? – Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2006.

La quête d'une identité impériale. Le néo-eurasisme dans la Russie contemporaine. – Paris: Petra, 2007 (англ. пер. 2008).

Beyond the Afghan trauma: Russia's return to Afghanistan. – Washington, D.C.: The Jamestown Foundation, 2009/

Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale. – Paris: éditions Petra, 2010.

Le nouveau nationalisme russe: des repères pour comprendre. – Paris: L'Œuvre éditions, 2010.

Книги на русском языке:

Идеология русского евразийства. Мысли о величии империи. – М.: Наталис 2004.

«Русский вопрос» в независимом Казахстане. История, политика, идентичность. М.: Наталис, 2007 (в соавторстве с С.Пейрузом).

Сборники:

Современные интерпретации русского национализма. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2007.

Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму). – Москва: ИНИОН, Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007.

Русский национализм: социальный и культурный контекст. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

В настоящее время политолог работает директором Центрально-азиатской программы Университета Дж.Вашингтона (США). В 2017 году исследовательница осуществила в рамках проекта грандиозную задачу, выпустив в качестве редактора и соавтора 9 монографий, посвященных Центральной Азии и отдельным республиками региона.

Laruelle Marlene, Peyrouse Sebastien. Regional Organisations in Central Asia: Patterns of Interaction, Dilemmas of Efficiency. – Bishkek: Institute of Public Policy and Administration, 2012. – 56 p. (Working paper no.10)

Исследование М.Ларюэль и С.Пейруза «Региональные организации в Центральной Азии» стало первым подобного рода изданием, содержащим на тот момент полный реестр международных организаций и программ, действовавших в регионе. Авторы классифицировали их по группам: центральноазиатские организации и соглашения; постсоветские группы; созданные под эгидой КНР; созданные под эгидой Евросоюза и НАТО; исламские организации; организации под эгидой Западной и Южной Азии; программы и институты ООН; региональные финансовые институты. Авторы рассматривают также причины неуспеха большинства международных организаций и препятствия на пути их деятельности. Они объясняют эти причины действием таких факторов как отсутствие признанного лидера из числа государств ЦА, влиянием и противодействием со стороны РФ и КНР любым попыткам закрепиться в регионе внешним игрокам, включая международные организации; недоверие к этим организациям со стороны местных режимов и т.д. В конечном итоге исследователи резонно ставят вопрос: а является ли Центральная Азия единым регионом – настолько здесь пересекаются, взаимодействуют и вступают в противоречие различные тенденции, отражающие интересы и деятельность разнообразных международных организаций.

Laruelle M. (ed.) New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 1. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 175 p.

Первой в этом ряду можно назвать первый том издания «Новые голоса Центральной Азии: политические, экономические и социальные вызовы и шансы». В этом издании М.Ларюэль целенаправленно дает слово молодым исследователям из Центральной Азии (и Азербайджана), стипендиатам программы в лице политологов, начинающих ученых и активистов правозащитного движения. По замыслу ученой, данное издание должно сплотить новое поколение политологов из региона и американских

специалистов по Центральной Азии, также делающих первые шаги в этом направлении. То есть, замысел данной серии изданий, а судя по всему, следует ожидать продолжения, носит стратегический характер.

Следует отметить, что Центральноазиатская программа (The Central Asia Program – CAP) университета Дж.Вашингтона охватывает не только регион, состоящий из пяти бывших советских республик Средней Азии, но включает в себя в качестве объектов исследования также Азербайджан, Афганистан, СУАР КНР, Монголию, Волжско-Уральский регион, Кашмир и Белуджистан. Таким образом, речь идет не о Центральной Азии, а Центральной (или Внутренней) Евразии. По замыслу создателей программы, она должна охватывать широкий спектр дисциплин, включая социальную антропологию, экономику, историю, проблемы глобализации, теорию развития и проблемы безопасности. Помимо указанных стран и регионов, создатели программы намерены привлечь ученых из стран Евросоюза, России и азиатских государств.

В целом, если данный проект получит продолжение, настоящее издание следует считать неплохим заделом на будущее. Открытым остается вопрос об идеологической и геополитической ориентации будущего поколения молодых ученых. Очевидно, что создатели программы делают ставку на формирование прозападного видения у следующего поколения исследования.

Laruelle M., Kourmanova A. (eds.) Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia. – Central Asia Program Institute for European, Russian and Eurasian Studies. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 110 p.

Следующая коллективная работа в этой серии – книга «Центральная Азия – 25: оглядываясь назад, двигаясь вперед». Книга призвана осветить путь, пройденный республиками региона за прошедшие четверть века, прошедшие с момента распада СССР. Для этого М.Ларюэль собрала внушительный коллектив, состоящий сплошь из местных авторов – всего 31 исследователь.

Сама М.Ларюэль так видит постановку проблемы в издаваемом ею сборнике. По ее замыслу, публикация исследований местных авторов должна компенсировать недостаток знаний о регионе в США непосредственно из первых рук, так как во внешнем мире доминирует влияние западных ученых, а также исследователей из Китая, Индии, Ирана и Турции. Первая часть монографии затрагивает три ключевых проблемы раннего периода постсоветского развития: 1) интеграция в международное сообщество;

2) развитие идеологии, основанной на национальном суверенитете как квинтэссенции государственного строительства; 3) внутривнутриполитическое развитие, основанное на доминировании президентской модели власти и враждебном основании к политическому плюрализму.

Вторая часть книги, по замыслу исследовательницы, должна способствовать пониманию сути процесса трансформации местной идентичности и центральноазиатских обществ в фазу т.н. «пост-советскости». Здесь ключевую роль играет поиск национальной идеологии. Однако, он наталкивается на двойственный процесс столкновения ретрадиционализации и модернизации. Судя по всему, автор склоняется к выводу, что в данном противоборстве победу одерживают – вследствие разрушения советской системы образования – антимодернизационные силы.

В третьей части монографии рассматриваются новые социальные факторы. К числу важнейших М.Ларюэль относит трудовую миграцию, которая самым драматическим образом изменила целые сельские регионы, провинциальные города и даже некоторые столицы в Центральной Азии. Данный процесс имеет также и международный аспект, а именно – взаимоотношения основных доноров трудовой миграции – Киргизии и Таджикистана с Россией. В этой же части исследования рассматриваются проблемы, связанные с экспортом (радикализированного) ислама, как частью миграционного процесса.

Четвертая часть работы изучает идеологические тренды в современной Центральной Азии. Политический плюрализм мало затронул страны региона – за исключением Киргизстана. Но тенденция все яснее указывает на рост популярности этой идеологической модели среди молодого поколения. Другая тенденция показывает на рост у некоторых социальных слоев норм шариата как идеологической и юридической системы. Остальные течения протекают в русле таких концепций как евразийство, пантюркизм и этнонационализм. Согласно заключению автора, данный идеологический арсенал демонстрирует несомненный рост антилиберальных ценностей. В целом, большинство населения в странах региона искренне верят в сильную власть, защиту традиционных культурных ценностей и суверенитет государства, консервацию привычного образа жизни, особенно в сфере гендерной политики.

Среди многочисленных статей местных авторов, опубликованных в данном концептуальном сборнике, следует назвать «Строительство государства-нации в Казахстане» А.Сарыма, «Махалля как прототип гражданского общества?» С.Султана, «Среднеазиатские диаспоры в России» П.Мухамадиева и Д. Мухамадиева, «Узбекская диаспора в США» Д.Абдуллаевой и ряд других. В целом, вывод М.Ларюэль звучит оптимистично: будущее Центральной

Азии открыто, и, несмотря на авторитарный характер правящих режимов, центральноазиатские общества пройдут свой путь и найдут свою собственную судьбу.

Laruelle M. (ed.) Strategic Nodes and Regional Interactions in Southern Eurasia. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 120 p.

Следующее коллективное издание – «Стратегические узлы и региональные взаимодействия в Южной Евразии» – примечательно тем, что здесь впервые в современной геополитической политологии вводится термин «Южная Евразия» (видимо, в противовес недавно утвердившемуся с подачи российских исследователей понятию «Северная Евразия»). Представляет интерес также географический охват исследования, которое включает – помимо Центральной Азии, Каспийского и Кавказского регионов, также Монголию, Средний Восток и Западную Азию (т.е. Пакистан, Афганистан, Иран, Турцию и некоторые арабские страны Залива). Поэтому круг проблем, охватываемых в этом издании, широк и многообразен. Помимо собственно геополитических и геоэкономических вопросов, авторы рассматривают проблему исламского банкинга и финансирования не только как инструмент религиозного, но и политического влияния арабо-исламского мира на постсоветский Юг.

Но, подводя итоги, составители сборника вынуждены констатировать общепризнанные факты: ожидаемого ухода России из Центральной Азии и Закавказья не произошло в тех масштабах, которые прогнозировались ранее. Усиление влияния Китая в регионе было вполне предсказуемо. На перспективу участники проекта прогнозируют резкое усиление влияния на регионы постсоветского Юга исламских государств – от Пакистана до монархий Залива. Неожиданным выглядит прогноз будущего вовлечения Монголии в дела региона Южной Евразии. Вероятно, это может произойти через более глубокое вовлечение Улан-Батора в ШОС и усиление взаимодействия с Москвой и Пекином. Это означало бы выпадение Монголии из стратегического узла Северо-Восточной Азии, региона, принадлежность к которому (с ориентацией на Японию, Южную Корею и США) было официальной внешнеполитической доктриной страны в пост-социалистический период. Таким образом, данное издание примечательно, прежде всего, неординарной постановкой геополитической проблематики.

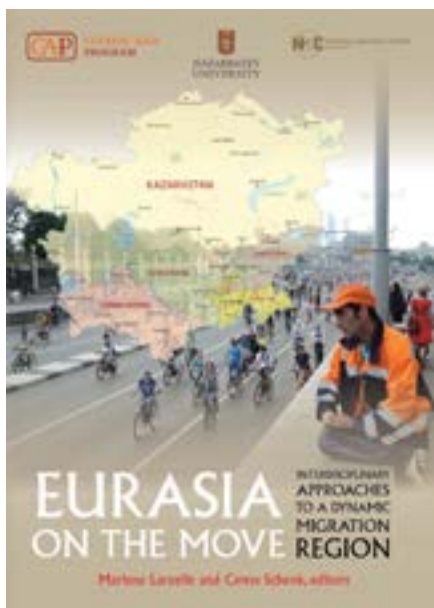
Laruelle M. (ed.) Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Changes. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2017. – 85 p.

«Казахстан: национальный бренд, экономические проблемы и культурные изменения» – так назвала М.Ларюэль сборник, посвященный нашей стране. В основу коллективной монографии исследовательница положила тезис о том, что Казахстан, будучи экономическим драйвером Центральной Азии, сумел создать из своего образа на международной арене удачный бренд, осуществляя при этом многовекторную политику. Но, несмотря на свои многочисленные успехи, республика столкнулась с трудностями в отношениях с иностранными инвесторами, пытаясь ускользнуть от нефтяной зависимости, но наращивая в тоже время долги своих крупных национальных компаний.

Казахстану не удалось избежать социальных волнений (имеются в виду события в Жанаозене в 2011 г.), связанных с глубокими диспропорциями в региональном развитии, и пришлось столкнуться с реальным экономическим кризисом в 2014 г. и в дальнейшем с падением национальной валюты. В тоже время, роль ислама в публичном пространстве, равно как городском и сельском, выросла за два последних десятилетия самым драматическим образом, резюмирует исследовательница.

Первая часть работы посвящена внутривнутриполитическому развитию республики и включает в себя такие вопросы как национальные стратегии развития, политические и экономические тенденции последнего времени, роль и характер иностранных инвестиций, уроки Жанаозеня. Вторая часть – «Сила и слабость казахстанской экономики» -акцентирует внимание на т.н. «ресурсном национализме» (подразумевается чрезмерная зависимость от нефтедобычи), развитии аграрного сектора за последние 20 лет, падении тенге в 2015 году и «невидимом долге» нацкомпаний. Третья часть посвящена поведению РК на международной арене как суверенного государства. Здесь связываются вместе такие проблемы как формирование национальной идентичности, строительство государства-нации и осуществление на их основе суверенной внешней политики, тупиковая ситуация вокруг трансграничных рек из Китая в Казахстан, и наконец – афганская политика Астаны как компонент долгосрочной стратегии.

Четвертая часть включает исключительно исламскую проблематику (на примере ТВ-канала «Асыл Арна» и роли религиозного комплекса Ак-Коль близ Экибастуза). Оценивая данное издание, к сожалению, следует констатировать, что оно дает отрывочное описание современного Казахстана. Поэтому западный читатель вряд ли создаст себе полноценное впечатление о стране только на основе этой книги.



Laruelle M., Schenk C. (eds.). Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region. The George Washington University. – Washington, DC: George Washington University, 2018. – XI+190 p.

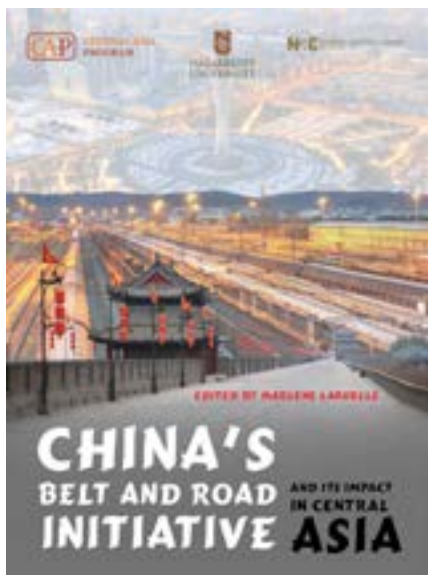
В 2018 г. в рамках своей серии изданий по Центральноазиатской программе редакторы Марлен Ларюль и Каресса Шренк несколько вышли за пределы региона ЦА, назвав очередной коллективный и интернациональный труд «Евразия в движении», в основном за счет подключения к объекту исследования Россию. Исследование состоит из четырех частей, каж-

дое из которых указывает на определенные тенденции и направления в области миграции. К ним относятся миграция и государственная политика, новые пределы миграции, применение международного опыта («копирование стратегий») и влияние переводов со стороны мигрантов на экономическую ситуацию в своих странах.

Обращение к данной проблематике было вызвано новым феноменом мирового уровня: именно Евразия (в основном – постсоветское пространство) стала территорией интенсивного движения мигрантов. В основе данного процесса лежали следующие факторы: 1) безвизовое передвижение внутри СНГ; 2) создание ЕАЭС и зоны свободного передвижения рабочей силы. Однако, отмечают авторы, при этом сохранились запреты и барьеры на передвижение еще с советских времен (прописка, регистрация и т.д.), что стало мощным политическим инструментом для России в целях регуляции трудовой миграции из стран ЦА в т.ч. и в политических целях.

Для авторов сборника не прошло незамеченным то, что постсоветская (евразийская) миграция стоит особняком от аналогичных процессов по линии Север-Юг с участием развитых западных государств. Она начиналась в 1990-е годы как этническая репатриация русскоязычного населения. В 2000-е годы в действие вступил в силу тяжелый экономический фактор в бывших республиках, к которому прибавилось демографическое давление, растущее как минимум с 1970-х гг. Таким образом, подводят итоги авторы монографии, евразийская миграция ограничивается в основном коридором Центральная Азия – Россия. По мере ухудшения экономической ситуации в РФ и ужесточения там антимиграционной политики гастарбайтеры нашли альтернативу в лице Турции и стран Восточной Азии (прежде всего, Южной Кореи). Все это в будущем неизбежно отразится

на двусторонних и многосторонних отношениях России с государствами Центральной Азии, а также на судьбе любых интеграционных проектов, инициированных Россией на евразийском пространстве.



Laruelle M., Schenk C. (eds.). China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia. The George Washington University. – Washington, DC: George Washington University, 2018. – XII+170 p.

В 2018 г. М.Ларюэль (совместно с К.Шенк в качестве соредатора) пополнила свою серию центральноазиатских исследований, а также собственную широкую синологическую историографию новым коллективным изданием группы международных экспертов «Китайский проект 'Один пояс, один путь' и его влияние на Центральную Азию». Отобрав из 130 статей 15, редакторы разделили их на три части. Первая посвящена общим геополитическим последствиям реализации ОПОП и его влиянию на других участников проекта. Вторая часть рассматривает экономические аспекты проекта. В третьей части изучается «мягкая сила» Китая в приложении к ОПОП. И во всех частях прямо или скрыто присутствует анализ политического влияния КНР на страны региона.

М.Ларюэль (автор вводной концептуальной статьи) подчеркивает, что проект ОПОП является уникальным по своему размаху (около 60 государств, так или иначе, вовлечены в него) и финансово-инвестиционному планированию. Проект также имеет две геоэкономических составляющих – сухопутную, или континентальную, и морскую. Проект настолько грандиозен, что вызывает бурные дебаты и законные сомнения не только в странах-участницах, но и в самом Китае. По мнению ученой, для КНР данный проект имеет и другой потаенный смысл: перейти из униженной категории стран с дешевой рабочей силой (по принципу – «сделано в Китае») к экономической модели с высоко-добавленной стоимостью («разработано в Китае»), т.е. в разряд высокоразвитых экономик Запада и некоторых своих азиатских соседей. Но существует и геополитический подтекст проекта: бросить вызов Соединенным Штатам в АТР и зоне Южно-Китайского моря (ЮВА).

В целом, Пекин предлагает партнерам систему отношений помощи, неотягощенной никакими политическими требованиями в противовес западной модели и созданной им международных финансовых институтов. Но свои цели Китай достигает отнюдь не безвозмездно, стремясь в обмен получить новые рынки и источники минеральных ресурсов.

В Центральноазиатском регионе (а также в Беларуси и ряде стран СНГ) навязывает модель связанных кредитов: китайские займы идут на оплату китайских технологий и продукции, рабочей силы и специалистов. Несмотря на грандиозный размах проекта ОПОП с технологической точки зрения, Пекин отнюдь не заинтересован в создании в этих странах прочной и глубокой инфраструктуры. Своими кредитами КНР втягивает страны региона в «долговую спираль», считает М.Ларюэль. Но в рамках реализации своих глобальных амбиций Китай неожиданно (или ожидаемо?) столкнулся с проблемой почти полного отсутствия своего культурного влияния и роли притягательного культурного центра, в отличие от европейской цивилизации (Европа/ЕС, Россия/СССР и США), которые играли такую роль для народов Евразии на протяжении многих столетий.

В своей вводной статье М.Ларюэль возвращается к теме соотношения синофилов и синофобов в государствах и общественном мнении стран ЦА, чему она (совместно с С.Пейрузом) в свое время посвятила целую книгу.³⁵ В трех приграничных республиках – Казахстане, Киргизии и Таджикистане – существуют два основных опасения. Первое заключается в страхе перед массивным китайским демографическим нашествием. Второй вид вытекает из страха, что Пекин в один прекрасный день захочет пересмотреть границы, закрепленные в рамках Шанхайской пятерки в 1990-е годы.

Основной вывод книги, на наш взгляд, состоит в том, что в привлечении Китая, его кредитов и инвестиций заинтересованы в первую очередь правящие элиты государств ЦА. Интерес носит не только экономический характер, но имеет и геополитический подтекст (противовес чрезмерному влиянию России и политическому давлению Запада), а также внутриполитический резон (Китай как заслон на пути радикального исламизма и внутренней нестабильности в этих странах, новых «Тяньаньмэней»). Но в отличие от правящих классов, обычное население крайне негативно настроено к росту китайского присутствия в своих республиках в демографическом ракурсе, с экономической точки зрения (оскорбительные системы оплаты в компаниях, участвующих в ОПОП), социально-бытовой (смешанные браки, чайна-тауны и т.п.) и в международном плане – симпатии и надежды простого населения по-прежнему связаны с Россией.

И если США и Запад, следуя своему антикитайскому курсу, поймут это, дальнейшие события в Евразии могут развиваться в ином русле, отнюдь неблагоприятном для Пекина. Но традиционная для Запада русофобия, скорее всего, не допустит такого сценария. Но не стоит забывать, что в противовес ШОС и ОПОП Россия развивает проект «Большой Евразии» и располагает такими инструментами как ЕАЭС и ОДКБ.

³⁵ См.: *Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor.* – London: C. Hurst & Co., 2012. – VII+271 pp.



Laruelle M. (ed.) New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities. Vol. 2. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2018. – IV+195 p.

Второй том коллективного издания «Новые голоса из Центральной Азии» под ред. М.Ларюэль вновь объединяет новое поколение молодых исследователей и экспертов по различным областям социальных наук. Книга состоит из четырех частей. Первая часть «Политики и политика – взаимодействие государства и общества»

посвящена исключительно Казахстану и охватывает такие вопросы как роль искусства в качестве общественного форума, миграции (казахского) населения с юга на север республики, борьба с экстремизмом. Вторая часть освещает проблемы положения и влияния религии (ислама) на общество и политику на примере Азербайджана, Узбекистана и Казахстана. В третьей части рассматриваются вопросы социально-экономического неравенства и управления (Киргизия и Казахстан). Четвертая часть посвящена этническим и пограничным проблемам в Ферганской долине, на таджикско-киргизской границе и на Кавказе. Таким образом, новое издание, как и первое, является достаточно объемлющим по охвату и глубине изученных проблем, что, несомненно, есть заслуга его многоопытного редактора М.Ларюэль.



Marlene Laruelle (ed.) New Voices from Central Asia. Vol. 3. Societal Transformations. – Washington, DC: George Washington University, 2020. – 244 p.

Третий том коллективного издания «Новые голоса из Центральной Азии» под ред. М.Ларюэль вновь объединяет новое поколение молодых исследователей и экспертов по различным областям социальных наук. Книга состоит из четырех частей. Первая часть «Рост общественного активизма» рассматривает вопрос под различными углами зрения: городской активизм (Киргизстан), вклад в рост социально-политической активности учившейся на западе молодежи (Казахстан), взаимосвязь масс-медиа и политики и вклад казахстанской молодежи, укрепление казахского языка в политической повестке молодежи. Во второй

политической активности учившейся на западе молодежи (Казахстан), взаимосвязь масс-медиа и политики и вклад казахстанской молодежи, укрепление казахского языка в политической повестке молодежи. Во второй

части, как и в предыдущих изданиях, возвращается тема неравномерного регионального развития систем образования в РК и КР. Применительно к Казахстану в качестве отдельной проблемы рассматривается положение молодежи на юге Казахстана, которая в основном не может получить полноценного образования и профессиональной подготовки и работы (т.н. принцип *not in employment, education, or training* – NEET).

Третья часть включает в себя гендерную проблематику и роль культуры и языка на примере РУ, РТ, КР и даже Туркменистана (который обычно отсутствует в подобного рода исследованиях). В отношении этой республики авторами используется термин «банальный национализм» и его влияние на торговую культуру, фольклорные промыслы и ковроткачество. Заключительная часть «Сталкиваясь с глобализмом» показывает глобальное влияние технологической революции на различные стороны общественной жизни и госуправления в республиках региона и Азербайджане. Таким образом, третье издание, как и первые два, является достаточно объемлющим по охвату и глубине изученных проблем, что, несомненно, есть заслуга его многоопытного редактора М.Ларюэль.

Laruelle M. (ed.). New Voices from Uzbekistan 2019. Institute for European, Russian and Eurasian Studies. The George Washington University. – Washington, DC: George Washington University, 2019. – 102 p.

Аналогичную работу «Новые голоса из Узбекистана» М.Ларюэль подготовила о развитии РУ. Молодые узбекские исследователи попытались осветить широкий круг вопросов, стоящих перед посткаримовским Узбекистаном. В поле зрения экспертов попали такие сюжеты как социальные инновации в системе госуправления, первые признаки обратной миграции в республику в сфере «утечки мозгов», развитие туризма, интернационализация системы образования и появление частных школ. В коллективном труде рассматриваются также проблемы соотношения секуляризма и ислама в контексте ношения хиджаба, появление в узбекских масс-медиа новых лидеров как выразителей определенных тенденций в общественном мнении, постепенный слом барьеров перед женским предпринимательством и его место в экономическом развитии, интеграция национальных меньшинств и их вклад в человеческий капитал в Узбекистане (на примере среднеазиатских цыган (люли)). Появление данного издания позволяет сделать несколько выводов: в республике действительно происходят важные социально-экономические и политические изменения; на авансцену выходит молодое поколение исследователей, свободных от идеологического давления и стереотипов предшествующей эпохи; страна все более – в политическом, экономическом и интеллектуальном смысле открывается внешнему миру.

КАЗАХСТАНИКА: ИСТОРИЯ, ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РК

Современный Казахстан, расположенный в самом центре великого Евразийского континента, представляет собой страну, в которой сплелись и синтезировались разнородные и порой противоречивые явления. Эта страна одновременно принадлежит Востоку и Западу. Рудименты кочевого образа жизни в форме наследия древних номадов соседствуют здесь с космическими программами. Широко распространившийся среди населения светский образ жизни не перечеркивает исламское наследие в истории казахов, которое представлено многочисленными памятниками преимущественно на юге страны. Север Казахстана по своим географическим, культурным и лингвистическим особенностям напомнит вам о близости Сибири. На западе Казахстан выходит к крупнейшему озеру мира – Каспийскому морю, а на востоке примыкает к самой грандиозной горной системе Азии.

Эту страну населяют люди, принадлежащие к разным народам и культурам. В ходе непростой истории Казахстана здесь сложился своеобразный характер предприимчивых и стойких индивидуумов, которые в то же время помнят о традиционных ценностях коллективизма. Их главная черта – толерантность и открытость. Каждое поколение и каждая социальная группа в Казахстане дорожат своим личным опытом и имеют свои достоинства: старшее поколение черпает силы в кочевых традициях и древней культуре; среднее поколение опирается прежде всего на прекрасное образование, которым оно обязано советской системе; молодежь все больше ориентируется на Запад, свободно овладевая европейскими языками, впитывая демократические навыки и широко пользуясь Интернетом.

3.1. Ранняя история казахов

До недавнего времени казахи были малоизвестны внешнему миру, хотя их самоназвание на слуху у европейцев как минимум с XVIII века, правда, в несколько искаженном варианте – как «казак», или в украинизированной версии – «козак». Речь идет о степной вольнице, наводившей ужас своей воинственностью. Позже «казаки» были приняты на службу Российской империи, и уже оттуда стали известны Западу. Они говорили на диалекте русского языка и исповедовали христианство.¹ Те же, у кого восточноевропейские «казаки» заимствовали самоназвание, многие обычаи, военную организацию и лексику, манеру скакать и воевать, то есть «подлинные казахи», были совсем другим народом. И таковым остаются до сих пор. Наш рассказ о прошлом и настоящем этого народа – народа, который привлекает к себе всеобщее внимание размерами своей страны, ее природными богатствами, неординарными экономическими успехами, а главное – особым национальным характером, который является сплавом тюрко-мусульманской культуры, степной традиции и постсоветской ментальности.

Казахи, безусловно, являются по своему происхождению «детьми степей». Степь и кочевой образ жизни наложили неизгладимый отпечаток на их представления, язык, обычаи и поведение. Даже сегодня потомки кочевников, переселившихся в города в третьем и четвертом поколении, тоскуют по бескрайним степным просторам. Вы легко заметите эту тоску в глазах своего казахского собеседника. Но только не вглядывайтесь в них слишком пристально, иначе он вспомнит о боевом прошлом своих предков.

Археология идентифицирует остатки около 200 неолитических поселений, разбросанных по всей территории Казахстана. В середине второго тысячелетия до н.э. здесь развилась добыча и обработка меди и бронзы. Жители региона разделились в этот период на земледельцев и скотоводов. В первом тысячелетии до н.э. о своем появлении заявили кочевые племена. В третьем столетии до н.э. в регион пришли новые, прототюркские группы кочевых скотоводов и изменили иранский субстрат местного населения.

Итак, в течение, по меньшей мере, двух-трех тысячелетий на пространстве, которое занимает сегодняшний Казахстан, происходили события, определившие впоследствии лицо современного мира. Так, во всяком случае, думает часть казахов, и не пытайтесь их в этом разубедить.

¹ Ситуация примерно такая же как с названием «франки», которое перешло от чисто германского племени к романо-язычным французам.

Они полагают, что именно здесь человек впервые приручил лошадь и оседлал ее. Здесь первые протокочевники отделились от своих аграрных братьев и перешли к воинственному кочевому образу жизни. Здесь впервые выплавляли железо и стали производить оружие, наводившее ужас на обладателей бронзовых мечей от Китая до Рима. Именно здесь были изобретены мужские штаны и стремяна.

Здесь рождались и аккумулировали свои силы огромные орды воинственных кочевых племен; отсюда они шли штурмовать Великую Китайскую стену, Валы Адриана, городские укрепления Византии, Рима, Багдада и Дамаска. Саки, гунны, тюрки, кипчаки, огузы, татары – всех их современные казахи считают своими антропологическими предками.

Существует предположение, что дальние предки казахов и других пастушеских народов Центральной Евразии говорили на языках восточно-персидской группы. И до сих пор в казахском языке можно найти корни слов, которые роднят их с другими индоевропейскими народами – иранскими, германскими и славянскими. Отдаленные предки казахов по своему внешнему облику напоминали больше европейцев, чем монголоидов, о чем говорят многочисленные археологические находки. Но со временем, когда стала нарастать экспансия тюркских племен Алтая и Сибири, язык, внешний облик, обычаи и культура местных племен начали необратимо меняться. Язык стал тюркским², внешний облик – монголоидным, то есть более азиатски выраженным, обычаи изменились в сторону большей солидарности и организованности.³ Одно осталось неизменным – их воинственность.

Новая этническая группа – тюрки – создали в центре Евразии много государств, великих степных конфедераций и империй с V по XV века. Это многочисленные были каганаты, ханства и орды, которые носили разные названия, но неизменно в центре их территорий лежала казахская степь. Самым великим потрясением Евразии стало создание Монгольской империи, простиравшейся от Тихого океана до Черного и Средиземного морей, от Кореи до Триеста, от Сибири до Месопотамии. Хронистам домонгольской эпохи были хорошо известны названия всех племен, вошедших впоследствии в состав казахской нации. Часть из них противостояла монголам, другие составили их боевую мощь. К моменту вторжения в Европу армия Чингисхана на 95% состояла из племен, чьи кочевья находились в Казахстане и Южной Сибири.

² Его еще называют алтайским, т.е. тюрко-монгольским.

³ Такую внешность некоторые тюркские племена, в частности кипчаки, сохраняли вплоть до 13 в.

Относительно быстро по историческим меркам тюркским племенам удалось избавиться от владычества монголов, но к тому времени произошли необратимые изменения: от Чингисхана и монголов они унаследовали политическую организацию, правящие династии и принципы экономического и политического управления. Так происходило зарождение казахской нации.⁴

В ходе многочисленных войн, столкновений, аннексий и трансформаций в начале XV века части племен удалось отколоться от основной Орды узбеков и создать в Семиречье, в регионе современной Алма-Аты, собственное ханство, которое впоследствии получило название Казахского, а племена, вошедшие в него, стали гордо именоваться казахами.⁵ Очень вскоре они вышли за пределы Семиречья, объединив вокруг себя десятки племен и родов, принявших общее название «казах», но сохранивших свою родоплеменную идентичность.

Таким образом, в середине XV века несколько племенных группировок образовали на территории Моголистана, между Трансоксианией и озером Балхаш, сердцевину того, что стало известно потом под названием Казахское ханство. Классическое казахское общество (с XVI по XIX вв.) базировалось на кочевом образе жизни, обычном праве (адат) и исламском законодательстве (шариат). Главным занятием оставалось животноводство. Казахское ханство делилось на три крупные части: Старший, Средний и Младший жузы. Традиционное казахское общество характеризовалось структурной иерархией, основанной на племенной и родовой организации, включающей в себя аристократию, общинников и духовенство.

Казахами правили хан и султаны, возводившие свою родословную к «Великому Потрясателю Вселенной», то есть Чингисхану. На удивление большинство соседей казахов в Средней Азии и на Среднем Востоке (за исключением, быть может, правившей в Индии династии Великих Моголов и правителей ханств в Восточной Европе, завоеванных Россией) утратили эту династическую преемственность. Самое удивительное, что ее утратили даже сами монголы. После их перехода в буддизм в его ламаистской форме они уже мало чем напоминали прежних воинственных монголов эпохи Чингисхана. Поэтому казахские султаны были желанными (а порой и нежеланными) гостями в те эмираты, султанаты и ханства, где появлялись вакансии на трон. Вот почему потомки казахских чингизидов правили от Крыма до Кашгара.

⁴ И вновь напрашивается параллель: после Чингисхана править в Евразии мог только представитель (пусть даже формально) созданной им династии чингизидов. Аналогичную картину мы видим в средневековой Европе, где царствовать легитимное право имели только потомки Карла Великого.

⁵ Казахи придали своему этнониму новый смысл – «свободный, независимый».

В XVI и XVII веках казахи столкнулись с соперником, мечтавшим восстановить монгольскую империю в ее первоначально виде. Это были западно-монгольские племена ойратов, или джунгар⁶, исповедовавших буддизм, которые обрушились на казахов-мусульман и попытались овладеть их городами-оазисами, горными пастбищами и степными просторами. В определенный период времени, как уверяют историческая традиция и все учебники, над казахами нависла угроза физического уничтожения.

Но история распорядилась так, что практически полностью истребленными оказались джунгары, вытесненные казахами в горы современного Синьцзяна. Там эпидемии и мечи новых хозяев Китая – маньчжуров – довершили свое дело. Казахи смогли перевести дух и заняться экономикой. Очень быстро они поняли, что торговать скотом выгоднее, чем завоевывать и обкладывать данью оседлые народы. Довольно быстро казахи приспособились к соседству с Россией, которая стала для них основным рынком сбыта скота, кожи и шерсти.

Всего лишь за одно столетие воинственные кочевники трансформировались в мирных пастухов, и в XIX веке Россия, подавив несколько кровопролитных восстаний, присоединила казахские степи к себе. В качестве предлога для завоевания Петербург использовал тот факт, что наиболее воинственные и не подчинявшиеся никому племена Западного Казахстана продолжали жить набегами и работоторговлей, поставляя подданных Российской империи на невольничьи рынки Хивы, Бухары, Тегерана, Стамбула и Каира.

Россия использовала казахские степи как базу для военного вторжения в Среднюю Азию, которую они вслед за англичанами стали называть Туркестаном. Очень скоро русские войска вошли в соприкосновение с британскими в Афганистане и китайскими в Синьцзяне. Началась острая геополитическая борьба, которую с легкой руки американского журналиста Юджина Скайлера (назовут Большой Игрой (The Great Game)).⁷ Казахи в то время не подозревали, что русские втянули их в широкое геополитическое соперничество, в результате которого они в 1991 г. получают третий в мире по своей мощи арсенал ядерного оружия. Но пока до этого было далеко, и казахи охотно участвовали в военных экспедициях русских против других «неверных», оговорив, однако, для себя иммунитет на случай войны России с Турцией, во главе которой стоял султан, бывший, как известно, одновременно и Халифом, то есть духовным властителем всех правоверных.

⁶ Казахи называли их калмыками. Под этим именем они и известны в России и Европе.

⁷ Некоторые политологи, в частности, Збигнев Бжезинский считают, что Большая Игра возобновилась после распада Советского Союза.

Один раз русские проигнорировали эту договоренность. Это произошло в 1916 г. во время великой войны в Европе, когда Турция воевала на стороне австро-германского блока. В результате призыва казахов в действующую армию началось грандиозное восстание, приведшее к крушению колониальной власти за год до Великой русской революции.⁸ Этот эпизод заставляет нас вспомнить о роли ислама в жизни казахов.

По иронии судьбы, казахи всегда считались среди своих более набожных соседей плохими мусульманами. Казахи продолжали поклоняться, как и их предки тысячи лет назад, духам предков и святым гробницам, Солнцу и Небу, то есть следовали тому, что в Аравии принято считать язычеством. К счастью, казахи об этом не подозревали, и до сих пор продолжают культивировать доисламские культы, нисколько не интересуясь мнением Эр-Рияда по этому поводу. В конце XVIII века русская императрица Екатерина II, будучи по происхождению протестанткой, перешедшей в православие, наслышавшись о слабой религиозности казахов, возжелала укрепить нравственность и устои власти в степи путем насаждения в казахской степи ислама. Нельзя сказать, что попытки Екатерины Великой и ее преемников увенчались особым успехом: исламизация коснулась в основном элиты. Изменилась география религиозного миссионерства: в степь вместо среднеазиатских мулл с юга стали прибывать татарские с севера, которые, впрочем, очень быстро проникались языческими обычаями, ассимилировались и растворялись среди казахов.

Жизнь в казахской степи накануне революции кипела и бурлила. Казахи оказались втянутыми во все модные политические движения того времени, заимствованные из Турции, России и Европы. Одни выступали за реформированный и светский ислам, другие проповедовали либерализм в его чистом виде, третьи, начитавшись Карла Маркса, грезил о мировой революции для всех угнетенных. Последним вскоре удалось на практике применить свою доктрину. Остальным казахам этот эксперимент дорого обошелся.

История казахов и Казахстана и в более широком контексте – Центральной Азии и Евразии, а также история номадизма и роли кочевых народов ставила перед мировыми исследователями длинный ряд вопросов, на многие из которых до сих пор не найдено ответа.

В мировом казаховедении представлена самая широкая проблематика: ранние источники и сведения о казахах Нового времени; записи и наблюдения европейских путешественников и исследователей о казахах

⁸ Правда, наиболее вдумчивые историки отвергают эту «героическую» версию и считают причиной восстания банальное стремление казахов вернуть отнятые русскими колониальными властями пастбищные земли.

и Казахстане. В историческом контексте словами иностранных исследователей (преимущественно современных) изложена история Казахского ханства, которая включает в себя такие сюжеты, как Средняя Азия после тимуридов, образование и расцвет Казахского ханства, закат ханства, присоединение Младшего жуза к России, завоевание Среднего жуза, сопротивление в степи, подчинение Старшего жуза и завоевание Средней Азии.

Отдельное направление рассматривает феномен казахского нomaдизма в контексте таких научных проблем как географический фактор и природная среда, социальная структура, политическая система и кочевая культура казахов. Не оставлена без внимания и такая животрепещущая и актуальная до сих пор проблема как модернизация традиционного кочевого казахского общества. В этой связи представляют несомненный интерес западные взгляды на следующие вопросы – русское влияние, культурные изменения: европеизация и русификация, а также социально-экономическая модернизация. Другое направление совершает экскурс в изучение западными исследователями казахов за границей, в основном в Китае, Турции и Монголии.

Необходимо также показать преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. История казахов и Казахстана и в более широком контексте – Центральной Азии и Евразии, а также история нomaдизма и роли кочевых народов ставила перед мировыми исследователями длинный ряд вопросов, на многие из которых до сих пор не найдено ответа. Казахи, безусловно, являются по своему происхождению «детьми степей». Степь и кочевой образ жизни наложили неизгладимый отпечаток на их представления, язык, обычаи и поведение.

Акимбеков С.М. История: степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. – Алматы: Центр Азии, 2011. – 640 с.

2011-й год начался с крупного события в казахстанской исторической и востоковедной науке – выходом в свет книги известного публициста и политолога Султана Акимбекова «История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии». Данное издание следует рассматривать шире, чем только исторический труд или историографический обзор заявленной проблемы. Фактически, автор своей работой ставит перед аудиторией вопросы политического наследия и политического развития современного казахстанского общества.

Концептуальный заряд книги сконцентрирован в обширном введении, где обозначены основные вопросы, на которые делает попытку

ответить автор: что есть «монгольская проблема» в контексте истории казахов и в целом кочевников Евразии, каково историческое и политическое влияние монгольского наследия на дальнейшую эволюцию кочевников Великой степи, в чем причина появления казахских жузов и много других проблем. Немало места ученый уделяет евразийству как историческому течению и идеологическому явлению.

С первых страниц книги автор предупреждает читателя, что рассматриваемая проблема не является далекой от нас историей; наоборот, она имеет прямое отношение к исторической идеологии в условиях формирования в Казахстане национального государства. То есть, существует прямая политическая востребованность в исторической идеологии, и данное издание является попыткой ее удовлетворить. Исследуя истоки казахской государственности, любой ученый неизбежно приходит к «монгольской проблеме». Кроме того, по ходу исследования автор затрагивает такую важную для науки проблему как феномен номадизма.

Для автора не вызывает сомнений, что государство, созданное Чингисханом, оказало решающее влияние на всю последующую историю Евразии – как политическую, так и этническую. Историю многих народов Евразии, включая казахов, необходимо соотносить с унаследованной ими монгольской традиции управления. Нарушая устоявшиеся традиции и стереотипы, С.Акимбеков исходит из того, что главные вопросы истории Евразии тесно связаны с взаимоотношениями кочевых и оседлых обществ. Это истина, хорошо знакомая большинству ориенталистов и этнологов, вызывает порой протест со стороны традиционных историков, сконцентрированных прежде всего на изучении «цивилизованных» систем. Марксистская историческая наука в этом смысле не являлась исключением, т.к. она также была по сути европоцентристской.

Основное содержание книги – это достаточно подробное изложение исторических событий, связанных с зарождением, формированием, расцветом и гибелью Монгольской империи. Автор не обходит практически ни один из исторических эпизодов, имеющих отношение к исследуемому сюжету. Он считает, что истоки Монгольской империи следует искать в китайской истории. То есть, именно события в Китае подтолкнули и спровоцировали генезис монгольской государственности. Автор делает предположение, что эволюция государственной системы Китая стали одним из главных катализаторов процессов формирования имперской кочевой государственности (в качестве реакции на появление сильных государственных режимов в Поднебесной).

Большое внимание в книге уделяется этимологии термина «монгол», в т.ч. в контексте формирования древнемонгольской нации. Автор

приходит к выводу, что термин носил искусственный характер и был продуктом сознательного политического решения со стороны Чингисхана с целью легитимизации своей власти и создаваемой им новой государственности. То есть, речь идет о создании новой идентичности. Автор считает, что сутью реформы Чингисхана (и шире – сутью всей т.н. монгольской проблемы) было торжество военной организации над традиционной племенной структурой. Поэтому можно с полным основанием считать Монгольскую империю уникальным проектом, не имевшим аналога ни до, ни после в истории степной Евразии. Как заключает исследователь, Монгольская империя изменила характер внутренних связей во всех кочевых сообществах, попавших на ее орбиту, что в свою очередь изменило этническую историю центральной Евразии.

В работе делается новаторское, по сути, открытие механизма формирования постмонгольской этнонимии степных племен бывшего Дешти-Кипчака. Автор выдвигает версию, которую вполне можно принять в научный оборот, откуда в казахской степи появилось такое большое количество монгольских названий при фактическом отсутствии массового переселения монгольских племен (что противоречит устоявшейся точки зрения многих маститых востоковедов прошлого). Автор делает предположение, что в рамках проведенной Чингисханом реформы племенная принадлежность командира вновь созданных «тысяч», заменивших прежние племена, приводила к ее присвоению всей военной единице. А в будущем монгольские военные единицы эволюционировали в племенные группы, в своей основной массе имевшие монгольские названия.

Большое внимание в работе уделяется феномену монгольских улусов, которые автор рассматривает в качестве основных элементов государственного строительства империи. В дальнейшем, как показано в книге, именно улусы перехватывают функции государства у разваливающейся империи. В рамках улусов происходит формирование новых этносов на основе военно-политической организации, созданной Чингисханом. Большое место в книге занимает история улуса Джучи как наиболее отвечающего задачам монгольского имперского строительства. Отдельным сюжетом располагается в книге т.н. русский вопрос. Вполне логично автор переходит к истории возникновения Казахского ханства, в котором он видит последний сколок Монгольской империи, ее прямого наследника с точки зрения организации и идеологии.

И наконец, завершает монографию раздел, посвященный «самой большой загадке казахской истории» – появлению казахских жузов. С.Акимбеков достаточно подробно излагает существовавшие исторические концепции на этот счет, не присоединяясь ни к одной из них. В духе

предлагаемой им интерпретации развития монгольской истории и государственности после революционных изменений Чингисхана автор предлагает видеть в казахских жузах не территориальные объединения (основной постулат прежних концепций), а типичные монгольские улусы – т.е. объединения кочевников на политической основе.

В результате сопоставления различных фактов и процессов из истории XVII века автор приходит к заключению, что образование казахских жузов, которое он относит к концу этого столетия, было сложным компромиссом между казахами с одной стороны, и ногаями и могилами – с другой. Все три группы племен объединяли такие факторы как общность языка, религии и способ ведения хозяйства. Дополнительными факторами было враждебное ойратское окружение и сохранение у казахов традиций чингизидской государственности.

Следующий сложный вопрос, с которым столкнулся автор, как и все исследователи до него: как появилось разделение жузов на Старший, Средний и Младший? С.Акимбеков предлагает следующее объяснение, отталкиваясь от собственной теории монгольской традиции управления: термин «Старший» жуз остался за племенами, населявшими улус Чагатая, поскольку Чагатай был хранителем основного правового документа – Ясы. То есть, потомки Чагатая имели преимущество перед потомками Джучи (хотя тот формально являлся старшим сыном). Название «Средний» жуз появилось для определения его местоположения между Старшим и Младшим. Последний получил свое название не в силу подчиненного положения, а из-за того факта, что племена этого жуза долгое время управлялись нечингизидами.

Но как подчеркивает автор, данное распределение по старшинству носило крайне условный характер и было данью традиции, а реальное управление ханством оставалось у ханов-джучидов. Они распространили свою власть и на племена Младшего жуза, оттеснив потомков Едигея. Таким образом, автор предлагает рассматривать систему жузов не как форму разъединения казахских племен, а прямо противоположным образом – как форму объединения.

С.Акимбеков считает, что в бурной политической истории степной Евразии большую роль играл фактор случайности (хотя он не мог поменять сути происходящих объективных процессов), по крайней мере, в отношении этнонимии. Исследователь считает, что случайный фактор может оказать влияние на исторический процесс только тогда, когда он затрагивает систему организации различных обществ.

Помимо несомненной теоретической ценности данной книги, которая в настоящий момент предлагает единственное удовлетворительное

объяснение происхождения казахских жузов и освещает раннюю историю Казахского ханства под совершенно новым углом зрения, следует отметить следующее. В монографии задействован колоссальный фактический материал; автор не будучи профессиональным ориенталистом, использовал в максимальной степени все доступные источники на русском и других европейских языках. При этом вызывает уважение та легкость, с которой автор излагает достаточно сложный исторический материал.

Отметим, что существовавшая ранее у историков традиция опоры на древние и средневековые источники делала знакомство с политической историей Евразии крайне сложным делом с точки зрения выявления логики повествования. Оно было запутанным и тяжелым для восприятия (подобным изъяном страдал даже великий Бартольд). Книга С.Акимбекова читается легко и интересно, при этом автор не навязывает свою концепцию, а логически подводит к ней, пользуясь ею при решении самых сложных исторических задач. В этом несомненная ценность рецензируемой книги, которую мы охотно рекомендуем всем, кому интересна не только история Казахстана и Евразии, но и история вообще.

Lee J. Qazaqlik, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Eurasia. – Boston: Brill, 2016. – XIV+238 pp.

Для нас несомненный интерес представляет исследование Дж.Ли «Казаклык, или амбициозный разбой, и формирование казахов: государство и идентичность в постмонгольской Евразии».

Книга канадского тюрколога Дж.Ли посвящена истокам истории одного из крупнейших тюркских народов современного мира. Казахи – титульная и самая многочисленная нация 9-го по величине территории государства мира – Республики Казахстан. Этот народ дал название своей стране. Но в истории бывает и так, что земля дает название населяющему ее народу. В свою очередь, название страны может быть и просто географическим термином (Австрия, Америка, Испания, Нидерланды, Азербайджан, Грузия, Украина, и т.п.), а может происходить и от предшествующего населения, которое не обязательно было прямым, или единственным предком современных насельников (Британия, Румыния, Франция, Болгария). Иногда самоназвание народа и имя, под которым его знают соседние народы, могут быть совершенно разными: цыгане (самоназвание: романы, или рома), финны (суоми), венгры (мадьяры), албанцы (шкип) и др.

Термин «казаклык» (казакование) автор использует как синоним разбойного бродяжничества, столь характерного для Евразии в постмонгольскую эпоху. Исследователь связывает этот феномен, распространенный

вплоть до причерноморских степей среди смешанного славяно-тюркского населения, с политическим аспектом. В результате «политического бродяжничества», говоря словами автора, сложилась казахская нация как особый феномен, а не отколовшаяся часть узбекского улуса. Появление казахов, считает автор, (как и многих других народов и государств Евразии) было бы невозможно без распада жестко централизованной и иерархизированной системы монгольского правления.

Аналогичный лингво-исторический анализ термина *казак* в основу исследования автора положен лингво-исторический анализ термина *казак*. Главное исходное теоретическое положение книги основано на том, что в фундаменте общественного устройства кочевых сообществ Евразии была клановая организация. А сами кланы больше были связаны своими внутриклановыми узами и достаточно гибкими рамками межклановой дисциплины. Это предоставляло клановым единицам в составе племенной конфедерации достаточную свободу по отношению к централизаторским усилиям в Евразии. Сопротивление отдельных родов центральной власти в степи часто приводили к появлению новых ранних государственных образований.

В книге обстоятельно исследуется социально-политическое явление отпадения, ухода отдельных групп кочевников во главе с харизматическим клановым лидером из межклановой политической структуры, племенной конфедерации. Это явление получило название *казаклык*, или вольница (свободное перемещение). Если новое независимое политическое ядро могло обеспечить лидерство в организации походов за трофеями, то оно притягивало новые роды и могло привести к появлению нового государства. По мнению автора, путь этой кочевнической вольницы до государства проходит через три этапа: отпадение политически амбициозного кланового лидера, организация успешных военных походов против соседей-кочевников и жителей соседних земледельческих областей и создание новых государственных структур.

Автор книги приводит многочисленные примеры подобных центробежных явлений в истории Евразии, приведших к образованию кочевнических государств жужаней (или жоужаней: тюрков-теле, тюрков Ашина, тюрков-шато, кара-китаев. Он видит кочевническую вольницу в основе практически всех кочевых империй евразийских степей. Вместе с тем у автора имеется и логическое обоснование такому феномену: он считает, что важнейшим условием создания и выживания кочевнических государств и империй является успешная организация набегов против земледельческого населения и справедливая система распределения добычи. Нарушение этих условий приводит к упадку кочевнического государства.

Важное теоретическое значение книги состоит также и в том, что автор четко проводит разграничительную линию между методологическое базой советской историографии кочевых народов Евразии и собственным подходом. Он обоснованно критикует идеологически навязанное положение советской историографии об автохтонности каждого современного народа на его сегодняшней национальной территории и противопоставляет ему свое теоретическое видение, согласно которому идентичности современных народов начинаются с использования современного этнического имени, совпадающего с эпохальными историческими сдвигами в истории этноса. На эту теоретическую платформу он ставит свое изложение истоков этнической истории казахов и узбеков. Для обоих современных народов на чальным событием их этнической идентичности было отпадение харизматических лидеров Абул-Хаир хана и двух других групп под водительством Джанибек-хана и Гирей-хана от улуса золотоордынского Узбек-хана. Орда Абул-Хаир-хана именовалась узбеками, но Джанибек и Гирей, отколовшиеся от Абу-ль-Хаир хана стали называться узбек-казаками. Именно слово казак отличало их от узбеков, последователей Абул-Хаир-хана и его потомков Шибанидов. Впоследствии это слово и стало названием казахского народа.

Поставив в центре исследования институт кочевнической вольницы (казаклык) автор последовательно рассматривает проявление этой практике на широком пространстве Евразии. Для многих читателей и начинающих исследователей связь этого института и термина с категорией вольного населения в восточно-славянских государствах и началом их национальной государственности не кажется очевидной. Дж.Ли на основании красноречивых свидетельств источников убедительно показывает, что российские и украинские казаки также берут свое начало от аналогичного феномена кочевнической вольницы. Более того, этническим ядром формирования российского и запорожского казачества были тюрки-татары.

Казаки и казахи, связанные друг с другом через институт вольницы (казаклык), оказались единственными, для кого их социально-политический статус стал этническим именем. Продолжая эту логику изложения, автор посчитал возможным утверждать, что два народа, казахи и украинцы, являются потомками казакской вольницы – первые происходят от казаков Джанибека и Гирея, а вторые от запорожских казаков и Запорожского гетманства XVII-го века. Безусловным преимуществом книги является последовательная и полная подборка свидетельств разнообразных источников о феномене *казаклык* и семантических нюансах этого термина. Читателю интересно будет узнать о происхождении и использовании таких широко известных терминов как тюрк, монгол, узбек, казах, татар.

Отмечая убедительность изложения авторской концепции происхождения и обозначения современных народов Центральной Азии, следует, вместе с тем, отметить что распространенность института вольницы и бродяжничества и его значение в создании государств Центральной Азии не является исключительно евразийским феноменом, как можно думать, следуя изложению автора. Подобные истоки имели и другие государства Ближнего и Среднего Востока в древности и средневековье. Концентрация внимания автора на материалах истории кочевников-казаков иногда приводит к неоправданным обобщениям. Вряд ли можно считать корректным утверждение, что казахи и монголы – единственные прямые наследники великих империй хунну, кок-тюрок и монголов Чингиз-хана.

Именно в империях евразийских кочевников происходил процесс освоения достижений земледельческих цивилизаций, которые в свою очередь влияли на формирование новой идентичности тюркских народов. В том числе и на стадии кочевничества успех тюркских государственных образований, их экономическое благополучие зависело не только и не столько от организации грабительских походов в земледельческие области, сколько от умения организовать международную торговлю на Шелковом пути, обезопасить своевременную обработку земли и снятие урожая на подконтрольных пашенных угодьях и ремесленное производство в торговых центрах.

Публикация книги Дж.Ли, вместе с тем, знаменательное событие в историографии кочевых народов Евразии. Эта книга в красочной и убедительной форме показывает общественные механизмы развития этнической и политической картины центрально-евразийских степей в пост-монгольский период, объясняет появление этнических названий на карте современной Центральной Азии и одновременно показывает насколько взаимосвязано происходило историческое развитие современных народов этого региона – узбеков, казахов, татар, кыргызов, уйгуров, монголов и других евразийских народов.

3.2. Изучение современного Казахстана

Здесь уместно перейти к исследованиям, посвященным современному Казахстану (хотя в большинстве из них историческая проблематика, как правило, представлена широко). К данной проблематике нас возвращает работа Р.Исаака «Формирование партийной системы в Казахстане: между формальной и неформальной политикой». В контексте занимающих нас вопросов данное исследование представляет интерес тем, что

поднимает проблему влияния клановой системы на политическую жизнь республики.⁹

В 1980-е гг. исследования о Казахстане в США связаны с именем Марты Брилл Олкотт (р.1949). М.Олкотт училась в США, Франции и СССР и была одной из самых талантливых учениц крупнейшего французского советолога А.Беннигсена. В ходе подготовки своего главного труда – монографии «Казахи» (1987) Олкотт неоднократно посещала Казахстана, начиная с 1975 г. С начала 1980-х гг. она регулярно публикует исследования по истории Казахстана советского периода. Работы Олкотт были написаны в классических традициях западного советологического среднеазиеведения и ставили целью подтвердить на примере Казахстана концепцию национализма, разработанную ее учителем Беннигсеном. События, приведшие к распаду Советского Союза и появлению независимого Казахстана заставили Олкотт расширить книгу и выпустить вторым изданием в 1995 г. В 2002 г. увидела свет ее новая книга: «Казахстан – непройденный путь», посвященная большей частью независимому Казахстану.

Как известно, в дальнем зарубежье наиболее значительные казахские диаспоры представлены в Китае, Монголии и Турции. Можно встретить также казахов в таких странах как Индия, Пакистан, Афганистан и Иран, в арабских государствах, а также в Западной Европе – Франции, Германии, Швеции. Шведский ученый И.Сванберг давно известен как неутомимый исследователь казахов. Свои исследования в этой области он начал еще в начале 1980-х гг. с изучения казахской диаспоры в Швеции. Этот интерес привел его к необходимости искать корни европейских казахов в Турции. А после знакомства с казахской общиной в Турции он неизбежно пришел к выводу, что нужно продолжить изучение синьцзянских казахов, из которых в основной массе сформировалась казахская община в Анатолии. Результатом его исследований стали такие книги как «Казахи Китая» (1988, совместно с Линдой Бенсон), «Казахские беженцы в Турции» (1989) и «Последние кочевники Китая: история и культура китайских казахов» (1998). В этих книгах Сванберг и его коллеги дали развернутую историческую и этнографическую картину жизни казахов в Восточном Туркестане, а затем в СУАР.

Примечательным явлением является тот факт, что Центральной Азией и Казахстаном продолжили (после значительного перерыва) заниматься в Южной (романо-язычной) Европе; имеются в виду Италия и Испания, в то время как в традиционных центрах Франции, Великобритании и Германии интерес к нашему региону все это время не ослабевал.

⁹ *Isaacs R. Party system formation in Kazakhstan: between formal and informal politics.* – London, New York: Routledge, 2011. – XV+218 pp.

В Милане в 2008 г. увидел коллективный труд «Народ юрты: Казахстан от возникновения до современности», выпущенный в свет болонским фондом «Касса ди Риспармио» (под редакцией Ф.Фаччини).¹⁰ Это фундаментальное историко-этнографическое и социо-политологическое издание, призванное дать максимально полное представление о нашей стране итальянскому читателю.

Пять из тринадцати глав этой книги написаны казахстанскими историками, археологами, этнографами и социологами. Идеологи издания поставили себе целью осветить генезис культуры и цивилизации на территории Казахстана с учетом богатого археологического и кочевого прошлого страны. Однако в сборнике не оставлены без внимания и проблемы современности, в частности модернизации казахского (казахстанского) общества. Но в целом данная книга будет интересна в первую очередь итальянским социо-антропологам.

Возвращаясь к проблеме государственного строительства и роли формирования эффективного государственного аппарата в условиях современных тенденций и вызовов, следует заключить, что внешняя и внутренняя политика Казахстана в первое десятилетие после обретения независимости формировалась в жестко детерминированных условиях. В условиях геополитического, экономического и политического хаоса начала 1990-х годов логика выживания и сохранения стабильности толкала Казахстан к созданию такой модели поведения, которая с минимальными потерями позволяла бы выходить из сложных ситуаций, в которые загоняла нас геополитика и противоречивые интересы крупных игроков.

Со временем лидеры Казахстана сумели овладеть дипломатическим мастерством и внешнеполитическим умением. Как правило, Казахстану удается находить общий язык с различными державами и более или менее держаться на равных даже при очевидном неравенстве политического веса. Казахстан смог генерировать из своих рядов таких политиков, которые сумели провести государственный корабль через бури и рифы мировой политики. Пока штурвал находится в надежных руках.

У казахов, как у других национальностей в советском обществе, иерархия складывалась прежде всего на основе профессиональной и корпоративной солидарности. Крушение прежней социально-экономической системы и внедрение рыночных отношений имели своим следствием два результата: во-первых, был нанесен сокрушительный удар по привилегиям и социальному статусу прежней советской элиты. Но принципы устойчивости традиций и воспроизводства элиты в основных чертах были сохранены.

¹⁰ *Facchini F. (a cura di). Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernita. – Milano: Jaca Book, 2008. – 320 p.*

В целом же, казахская элита должна была в новых условиях выполнить ту же задачу, которая стояла перед ней и в советское время при плановой экономике, – сохранить свой контроль над ресурсами, и это ей удалось.

В советское время казахская элита была вынуждена подчиняться Москве, и этот фактор ограничивал ее возможности в контроле над экономическими ресурсами. Однако западная социология утверждает, что помимо т.н. экономического капитала существуют еще «культурный капитал» и «символический» капитал, под которыми подразумеваются обладания знаниями, специфическими навыками, аккумуляция престижа и уважения. После исчезновения контроля из Москвы казахская элита в полной мере воспользовалась своим обладанием культурным и символическим капиталом.

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о лидере Казахстана, его первом президенте Нурсултане Назарбаеве. Президент Казахстана популярен как на Западе, так и на Востоке. Его ценят как казахи, так и русские внутри Казахстана. Лидеру Казахстана, о чем он сам неоднократно говорил, ближе такие политики как Томас Джефферсон и генерал Шарль де Голль. Такой выбор политических симпатий говорит о многом.

Политику, в том числе и внешнюю, делают конкретные люди. Очевидно, что наш внешнеполитический курс формировался и направлялся непосредственно высшим руководством страны. Но большую роль в успешной реализации многовекторного внешнеполитического курса сыграли руководители, которые легко находили общий язык как с Западом, так и с Востоком. Большой удачей для Казахстана было то, что после независимости во внешнеполитическое ведомство и другие структуры, отвечавшие за безопасность страны пришло поколение евразийских по духу и патриотически настроенных специалистов, энтузиастов своего дела, открытых миру и, главное, преданных интересам своей страны.

За годы независимости на Западе был издан ряд книг о современном Казахстане (с богатым историческим контекстом). Среди наиболее крупных работ: «Казахи» Марты Олкотт в США (второе и дополненное издание 1995 г.), «Формирование казахской идентичности – от племени к государству» Ширин Акинер в Великобритании (1995 г.), «Современные казахи» под ред. Ингвара Сванберга в Швеции и Великобритании (1999 г.), «Казахстан» Катрин Пужоль (2000 г.) во Франции, «Казахстан: отношения между центром и периферией» Салли Каммингс (2000 г.) в Великобритании, «Казахстан: 1993-2000» группы немецких экономистов (2001 г.), «Строительство государства и нации в Казахстане» (2002 г.) Мари-Карин фон Гумпенберг в Германии, «Смена элит и политическая динамика в Казахстане» Андреи Шмитц (2003 г.) в ФРГ, и наконец, вновь

книга Марты Олкотт «Казахстан: непройденный путь» в США и России (2002 и 2003 гг. соответственно).

Кроме того, за эти годы увидело свет большое количество работ менее крупного формата. Казахстан также фигурирует практически во всех коллективных и монографических изданиях, посвященных Центральной Азии в целом. В данной части мы ограничились обзором наиболее крупных работ о нашей стране. В 1997 г. в Осло в рамках исследований Норвежского института городских и региональных исследований увидела свет книга Й.Хольм-Хансена «Территориальное и этнокультурное самоуправление при строительстве государства-нации в Казахстане». Подробный сравнительный анализ конституционного устройства Казахстана дает немецкий исследователь О.Люхтерханд (Гамбургский университет). В серии публикаций ИФО-Института в Мюнхене с 1992 по 1998 гг. увидели свет книги по экономическому развитию Казахстана. Проблемами внутренней политики Казахстана много занимались Б.Эшмент и М.К. фон Гумппенберг. Перу первой исследовательницы принадлежат такие труды как «Внутриполитическое развитие в Казахстане» (1996), «Русская проблема в Казахстане» (1998), «Астана» (2001), «Российская политика в Центральной Азии» (2001) и многие другие.

В рамках Федерального института увидели свет такие ее работы как «Свобода слова и оппозиция в Казахстане» (1998), «Президент Казахстана между коллективистскими воспоминаниями и видением будущего» (1998), «Смена элит в Казахстане» (1999) и «Регионы Казахстана» (2001). Ее многолетние исследования о Казахстане завершились в 2002 г. фундаментальной монографией «Строительство государства и нации в Казахстане».

В своей книге «Формирование казахской идентичности: от племени к национальному государству» (1995) Ш.Акинер изложила свою концепцию происхождения и развития казахского государства. Она обращается к проблеме национальной (государственной) идентичности современного Казахстана и казахов. Согласно Акинер, в течение XIX-XX вв. казахское общество пережило ряд глубоких трансформационных процессов, сутью которых была эволюция от народа-племени к нации-государству. Средневековая история казахов была только прелюдией к этому рывку. Однако истоки казахской истории, как считает Акинер, следует искать за две тысячи лет раньше до создания современного государства.

Работа немецкой исследовательницы Андреи Шмитц «Смена элит и политическая динамика в Казахстане» (2003) является продолжением научных исследований германского Фонда науки и политики по Центральной Азии. В работе предпринимается попытка определить направления политической трансформации в Казахстане после обретения независимости.

Концептуальной основой работы А.Шмитц является идея, что в ходе реформ в Казахстане сформировалась или формируется качественно новая элита, которая неизбежно займет место прежней, вышедшей из недр советской системы.

Попытку ответить вопрос, поставленный А.Шмитц и другими исследователями Казахстана, сделал в 2004 г. американский ученый Эдвард Шатц (Университет Южного Иллинойса) в своей книге «Власть крови в Казахстане»: современная клановая политика». ¹¹ Данное издание является прекрасным примером попытки комбинирования традиционной антропологии (т.е. направления востоковедения) с политологией. В аналогичном духе выстроена книга Р.Уэллера «Пересмотр казахской и центральноазиатской национальной идентичности», изданной в рамках программы Азиатской Исследовательской Ассоциации. Автор делает попытку отойти от традиционных взглядов и клише на характер местных обществ в ЦА, распространенных на Западе, делая это в основном на пример Казахстана. Современное казахстанское общество предстает в работе более динамичным, более современным и более вестеринизированным, чем это принято думать в западных СМИ и общественном мнении. ¹²

В свое время казахстанские СМИ обратили внимание на появление книги американского автора К.Роббинса «В поисках Казахстана: страна, которая исчезла». ¹³ Впрочем, название книги можно перевести и как «страна, которая разочаровала». Автор в основном опирается на собственные впечатления, накопленные во время его путешествия по республике. Роббинс следовал по следам знаменитых россиян, так или иначе связанных с Казахстаном (Достоевский, Троцкий, Солженицын). В 2008 году три исследования ИЦАК посвящены непосредственно Казахстану. Первое – это работа Энтони К.Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане». ¹⁴ Автор вначале дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному политическому ландшафту. К данной проблематике нас возвращает работа Р.Исаака «Формирование партийной системы в Казахстане: между формальной и неформальной политикой». В контексте занимающих нас вопросов данное

¹¹ *Schatz E.* Modern Clan Politics: the Power of 'Blood' in Kazakhstan and Beyond. – Seattle, London: University of Washington Press, 2004. – XXVI + 250 pp.

¹² *Weller R.Ch.* Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. – a Challenge to Prevailing Western Views. – Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

¹³ *Robbins Ch.* In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. – London: Profile Books, 2007. – 296 p.

¹⁴ *Bowyer A.C.* Parliament and Political Parties in Kazakhstan. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 71 p.

исследование представляет интерес тем, что поднимает проблему влияния клановой системы на политическую жизнь республики.¹⁵

Другой работой по Казахстану стало исследование Джона Дэйли «Становление казахстанского среднего класса».¹⁶ В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Еще одной работой в этой серии стало исследование Ричарда Вайца «Казахстан и новая международная политика в Евразии».¹⁷ Это фактически первое исследование на Западе, посвященное преимущественно международным связям и внешней политике РК. Написать данное исследование автора побудил, как он пишет, тот факт, что Казахстан выдвинулся в число лидеров региональной экономической и политической интеграции в Евразии. Книга известного американского политолога Ариэля Коэна «Казахстан: дорога к независимости», у которой есть подзаголовок – «Энергетическая политика и рождение нации», это фундаментальный труд, посвященный современной истории Казахстана. Книга охватывает всю основную проблематику постсоветской истории республики с упором на энергетические проблемы.¹⁸

В 2008 году современная зарубежная казахстаника пополнилась новой работой о нашей стране. Это увидевшая свет в рамках Центральноазиатской серии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета книга английской (индийского происхождения) исследовательницы Бхавны Дэйв (Деви) – «Казахстан: этничность, язык, власть».¹⁹ Книга Джонатана Айткина «Назарбаев и создание Казахстана» была призвана ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии. Следующая книга британского исследователя Дж.Айткена «Казахстан: сюрпризы и стереотипы» является логическим и тематическим продолжением его предыдущего труда. В новом, фактически²⁰ документальном

¹⁵ *Isaacs R.* Party System Formation in Kazakhstan: between Formal and Informal Politics. – London, New York: Routledge, 2011. – XV+218 pp.

¹⁶ *Daly J.C.K.* Kazakhstan's Emerging Middle Class. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 100 p.

¹⁷ *Weitz R.* Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. – 189 p.

¹⁸ *Cohen A.* Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. – . – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 287 p.

¹⁹ *Dave B.* Kazakhstan – Ethnicity, Language and Power (SOAS). – London, New York: Routledge, 2008. – XIV+256 p.

²⁰ *Aitken J.* Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. – London, New York: Continuum, 2009. – IX+256 pp. Рус. пер.: *Айткен Дж.* Нурсултан Назарбаев и созидание Казахстана. – М.: Художественная литература, 2010. – 384 с. См. также: *Айткен Дж.* Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. – Москва: Художественная литература, 2011. – 208 с. См.: *Айткен Дж.* Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. – Москва: Художественная литература, 2011. – 208 с.

исследовании Айткен развивает сюжеты, заложенные в предыдущем издании, но уже без акцентирования на личности казахстанского лидера. Главный персонаж новой книги – это сам современный Казахстан, его двадцатилетний опыт независимости.

Книга Джонатана Эйткена «Назарбаев и создание Казахстана» призвана ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии.²¹ Это результат многочасовых бесед автора с нашим президентом, в которых глава Казахстана делился своими воспоминаниями и идеями. Данная работа представляет несомненный интерес для всех нас, поскольку содержит немало информации, ранее неизвестной как широкой публике, так и специалистам. Кроме того, здесь иной уровень конфиденциальности и откровенности, который позволил себе президент страны в беседах с иностранным собеседником. Очевидно, что данная книга не останется незамеченной в нашей стране.

Автор делает попытку не только показать жизненный путь своего героя, но и выяснить, какие обстоятельства и какие личные качества казахстанского лидера привели его не только к вершине власти, но и определили ему роль «творца нации», создателя современного Казахстана. Определяющими качествами характера своего героя Эйткен считает сочетание «твердости сталевара и прозорливости реформатора». Автор отмечает в предисловии к своей работе, что Назарбаев остается над скандалами, хотя его репутация не напрямую и страдает от их последствий. В заслугу своему персонажу автор ставит тот факт, что в плане прогресса в области религиозной свободы, СМИ, прав человека и либерального образования Казахстан «при Назарбаеве добился большего, чем Россия, Китай и все соседи по региону вместе взятые». Суть его политики автор видит в медленном движении от автократии к демократии и вполне поддерживает лозунг своего героя: сначала экономика, потом политика.

Во внешней политике Назарбаеву удалось сохранить и поддерживать прекрасные отношения с Москвой, Пекином и Вашингтоном, что само по себе заслуживает восхищения. Этот фактор обеспечивает внешнюю стабильность республики. Внутри страны возник средний класс, что гарантирует стабильное развитие Казахстана с внутривнутриполитической точки зрения. Эти достижения на Западе далеко не всегда связываются с именем первого президента Казахстана, поэтому, подчеркивает Эйткен, он взял на себя смелость поведать западной аудитории о роли и вкладе Н.Назарбаева в становление современного Казахстана, без которого, как уверен автор, молодое государство могло и не состояться.

²¹ *Aitken J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan.* – London, New York: Continuum, 2009. – IX+256 pp. Подробнее см.: Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2010. № 1.

Книга Эйткена состоит из 14 глав, ровно первая половина из которых посвящена советскому периоду в жизни героя, а вторая – постсоветскому. Вторая половина книги Эйткена, в которой рассматривается деятельность его героя после обретения Казахстаном независимости, наполнена драматизмом, и это объяснимо: собственного говоря, с этого момента Н.Назарбаев приступает к своей исторической миссии. А она, в чем несомненно убежден автор, состояла в создании современного Казахстана. Восьмую главу он назвал «Родовые муки независимости». Эйткен вполне точно и справедливо описывает все трудности, с которыми столкнулось молодое казахстанское государство. Ключевую главу книги – «Вступая в 21-й век», подводящую читателя непосредственно к современности, автор разделил на две части: одну он назвал «Домашний президент», вторую – «Международный президент». Они соответственно посвящены внутренней и внешней проблематике.

В этой связи автор задается вопросом: «стакан демократии» Назарбаева наполовину полон или наполовину пуст? Здесь Эйткен пытается понять сам и объяснить западному читателю, почему в стране, жившей десятилетиями (если не столетиями) под авторитарным правлением невозможно в сравнительно короткие исторические сроки построить демократию в западном стиле. То есть, автор как бы понимает и извиняет своего героя. Но среди болезненных тем в книге затрагивается не только проблема демократии, но и сложные отношения внутри большой семьи президента. Эйткен не скрывает от читателей всех перипетий, связанных с бурной и не всегда законной деятельностью бывшего зятя президента Р.Алиева.

Во внутренней политике в качестве важнейшего объекта внимания Назарбаева автор называет сферу образования. Автор задается вопросом о целях такой активной политики и находит ответ: фактически, Назарбаев готовит лидеров завтрашнего дня, формирует элиту нации, которой предстоит продолжить его дело.

Характеризуя внешнеполитический стиль Н.Назарбаева, Эйткен отмечает, что казахстанский лидер – это непревзойденный мастер балансирования и активный энтузиаст участия в различных международных организациях. Кроме того, автор отмечает чувство юмора своего героя, которое он зачастую демонстрирует в международных делах (имеется в виду нашумевший фильм Б.Коэна о Борате и публичную реакцию Н.Назарбаева). Но говоря серьезно о международной репутации президента Казахстана, автор отделяет его образ и реальное лицо. Он решительно призывает отказаться от таких стереотипов и клише прошлого века как «экс-коммунистический диктатор» и «воспитанный в московском стиле автократ». Настоящее лицо Назарбаева как международного политика гораздо сложнее. Как считает

автор, сложность и противоречивость его внешней политик проявилась в полной мере в реализации т.н. многовекторной политики и особенно во время опасного балансирования между Москвой и Вашингтоном. Но стратегическая цель была достигнута: Казахстан стал председателем ОБСЕ, несмотря на сопротивление госдепа США и первоначальное охлаждение отношений с Д.Медведевым.

Завершающая глава книги Эйткена посвящена новой столице Казахстана Астане. Автор подчеркивает любовное отношение президента к городу как своему детищу. Для него Астана больше, чем столица, больше, чем удачный проект и больше, чем символ. нелегко далось решение расстаться с Алма-Атой, которую Назарбаев любил и любит за ее красоту, интернациональную культуру, динамичный стиль жизни и непревзойденный горный пейзаж. Но те же горы являются объективным и непреодолимым препятствием к дальнейшему развитию города. То есть, Алма-Ата разделила судьбу таких мегаполисов как Манхэттен и Гонконг. Кроме того, автор повторяет хорошо известные причины переноса, среди которых экологические проблемы, угроза разрушительного землетрясения, опасная близость к китайской границе и т.д., а также называет причину, о которой не принято было говорить вслух – чрезмерно «советская» (или русифицированная) атмосфера бывшей столицы. Повторяя путь Петра I, Дж.Вашингтона и К.Ататюрка, Назарбаев исходил не из «прихоти властителя» (Эйткен употребляет французское выражение – *folie de grandeur*), и не из желания дистанцироваться от оппозиции, которая в основном базировалась в Южной столице. Автор приходит к выводу, что это решение было верным со стратегической точки зрения; оно подтвердило прозорливость и мудрое предвидение казахстанского лидера и доказало его волю и настойчивость как действительно национального лидера.

В эпилоге книги Эйткен не делает фундаментальных выводов относительно исторической роли своего героя, а наоборот – подчеркивает актуальный и животрепещущий характер своего повествования, которое базировалось на 23 часах персональных интервью, взятых автором у Н Назарбаева. И по мнению биографа, Назарбаев уверен, что его миссия далеко не завершена и будет еще продолжаться. И все же автор задается вопросом: какое наследие оставляет Назарбаев своему народу, своему региону и мировому сообществу? Возвращаясь к дискуссии о стакане с демократией и свободами, Эйткен приходит к выводу, что «стакан Назарбаева полон более чем наполовину», т.е. дает позитивную (хотя и с оговорками) оценку деятельности своего героя. Экономическая политика Н.Назарбаева также говорит сама за себя. На международной арене

политика президента также доказал свою эффективность, венцом чего стало председательство в ОБСЕ.

Затрагивая вопрос о некоторой двойственности личности своего героя и его деяний, Эйткен приводит слова бывшего советского лидера М.С.Горбачева о своем коллеге и товарище, данные в ходе подготовки этой книги: «никогда не забывайте, что Назарбаев является человеком двух культур – русской и азиатской». Эйткен добавляет к этой сентенции от себя, что именно такой бикультуризм многое объясняет в успехах Н.Назарбаева как политика и личности исторического масштаба. А в том, что Назарбаев как творец современного Казахстана уже занял свое место в истории, автор не сомневается, о чем он и заключает на последней странице своей книги. Благодаря доверительным беседам автора со своим персонажем и допуску к личному архиву, книга содержит много материала, прежде неизвестного, который был бы крайне интересен отечественным исследователям.

В заключение следует упомянуть такие работы, посвященные Казахстану, как переработанное и расширенное издание книги Дагмар Шрайбер о Казахстане.²² Это классический путеводитель для германоязычных туристов по РК, содержащий максимально полный объем полезной и познавательной информации. Надо отметить, что не всякое аналогичное казахстанское издание может похвастаться подобным уровнем. Фон им.Ф.Эберта издал для немецкоязычного читателя книгу «Центральная Азия: взгляд вовне» на немецком и русском языках. Издание должно показать немецкой аудитории, как видят внешнюю политику своих стран местные эксперты.²³ Это уже третья книга в этой серии.

В 2008 году три исследования ИЦАК посвящены непосредственно Казахстану. Первое – это работа Энтони К.Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане».²⁴ Автор вначале дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному политическому ландшафту, выделяя т.н. пропрезидентские партии – в первую очередь Отан, «мягкую» и «жесткую» оппозицию. Вторая часть исследования посвящена изучению казахстанского парламента как государственного и политического института. Бойер считает, что 2010 г., когда Казахстан займет кресло председателя ОБСЕ, может

²² *Schreiber D.* Kasachstan. Nomadenwege zwischen Kaspischem Meer und Altaj. – Berlin: Trescher Verlag, 2009. – 430 S.

²³ Zentralasien: der Blick nach Aussen. Internationale Politik aus zentralasiatischer Sicht. – Berlin: Fridrich Ebert Stiftung, 2008. – 615 S.

²⁴ *Bowyer A.C.* Parliament and Political Parties in Kazakhstan. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 71 p.

стать критическим для однопартийного парламента РК. Автор генерирует две группы рекомендаций.

Первая обращена к властям Казахстана и включает в себя следующие пункты: модифицировать выборное законодательство, включить прямые выборы хотя бы в одну из палат; вернуть право партиям формировать политические блоки; снизить 7-процентный барьер до 5% и ниже; диверсифицировать ЦИК в плане политического плюрализма; развивать политический диалог, в котором уважались бы прав и интересы всех участников политического процесса; расширить доступ оппозиционных сил к СМИ; оппозиции следует отказаться от принципа группироваться вокруг отдельных политических персон и необходимо выходить на общенациональный уровень; усилить транспарентность в работе парламента.

Вторая группа рекомендаций своим адресатом имеет правительство США и включает в себя следующее: усилить взаимодействие и сотрудничество между Конгрессом США и Парламентом РК; осуществлять тщательный мониторинг реальных изменений в законодательстве и практической деятельности Казахстана как будущего председателя ОБСЕ в контексте принятых Астаной обязательств; больше внимания уделять изучению Парламента РК как перспективного института и нового растущего центра силы; оказывать прямую помощь Парламенту в техническом и академическом плане, создавать совместные комитеты по глобальным проблемам (всемирное потепление, продовольственный голод, глобальная миграция, безопасность и т.д.); оказание профессиональной помощи ЦИК в реформировании выборного законодательства и на процедурном уровне; продолжать оказывать поддержку политическим партиям, независимым СМИ, способствовать развитию гражданского общества.

Второй работой по Казахстану стало исследование Джона Дэйли «Становление казахстанского среднего класса».²⁵ В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Пытаясь ответить на него, Дэйли изучает практически все сферы потребления – стиль жизни, жилье, питание, досуг, моду, политику, бизнес и т.д. Параллельно автор анализирует другие стороны казахстанской экономики, ее феноменальный рост в последние годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовую и банковскую систему. Автор приходит к выводу, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономической политики. Дальнейшее задачей правительства является защита этого класса от многочисленных

²⁵ *Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 100 p.*

вызовов и проблем, среди которых коррупция, разрыв между сельским и городским уровнем жизни, инфляции и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Крупные валютные накопления в Казахстане позволяют автору сделать оптимистический прогноз, что у государства остается резервы для поддержки среднего класса в будущем.

Третьей работой в этой серии стало исследование Ричарда Вайца «Казахстан и новая международная политика в Евразии».²⁶ Это фактически первое исследование на Западе, посвященное преимущественно международным связям и внешней политике РК. Написать данное исследование автора побудил, как он пишет, тот факт, что Казахстан выдвинулся в число лидеров региональной экономической и политической интеграции в Евразии. Он считает, что способность Казахстана достичь своих целей по региональной интеграции зависит от нескольких факторов. К ним автор относит транзит к «пост-назарбаевскому» поколению политических лидеров, успешность председательства РК в ОБСЕ и состояние экономик евразийских государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что на этот процесс будут оказывать решающее влияние великие державы – Россия и Китай, но прежде всего – Соединенные Штаты.

Книга состоит из четырех глав. Первая глава «Институциональные рамки» рассматривает участие Казахстана в таких организациях как СНГ, ОДКБ, ШОС и сотрудничество республики с НАТО, ЕС и ОБСЕ. В этом разделе Вайц достаточно подробно рассматривает взаимодействие Астаны со всеми перечисленными организациями, делая особый упор на будущее председительство Казахстана в ОБСЕ. Автор анализирует причины, побудившие западные государства снять свои возражения против кандидатуры Казахстана. По его мнению, эти причины носили геополитический, экономический и энергетический характер. Исследователь считает, что Астана обязательно использует свое предстоящее председительство для развития транзитных и транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с другими частями пространства ОБСЕ.

Вторая глава книги посвящена проблемам региональной безопасности. Здесь автор особо выделяет вклад Казахстана в борьбу с ОМУ, терроризмом и экстремизмом, а также инициативу по созыву СВМДА. При этом Вайц отмечает, что последовательная политика РК в сфере безопасности носит вполне осознанный и принципиальный характер, так как нестабильность в регионе угрожает экономическим интересам страны. Автор останавливается помимо прочего на каспийской проблеме, отнеся ее также

²⁶ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. – 189 p.

к сфере безопасности. Логичнее было бы данный сюжет отнести в компетенцию третьей главы «Экономика и энергетика». Здесь автор внимательно рассматривает «экстраординарный экономический рост» Казахстана и его влияние на международное положение страны. Энергетическую проблематику Вайц рассматривает с точки зрения развернувшейся геополитической конкуренции за углеводородные ресурсы региона. В поле зрения исследователя попадает и атомная энергетика и международные связи РК в этой области.

В качестве нового фактора, имеющего глубокий интернациональный и социально-экономический эффект, автор берет трудовую миграцию. Естественно, что американский ученый не может обойти такую проблему как развитие торговых и транспортных связей и участие в этом процесс Казахстана. Он приходит к выводу, что подход Астаны к этой проблеме очевидно носит стратегически выверенный характер. Казахстанское руководство продуманно осуществляет стратегию по превращению республики в своеобразный транспортный хаб, связывающий Азию и Европу. В этом контексте автор рассматривает другие вопросы, среди которых роль иностранных инвестиций, развитие авиации, формирование региональной сети услуг, банковской системы, использование СМИ, поддержка культуры и развитие туризма и т.д.

Четвертая глава, самая обширная и по сути ключевая, посвящена двусторонним отношениям Казахстана с другими государствами. Их автор подразделяет на четыре группы. Первая группа – это великие державы – Китай, Россия и США. Свой анализ Вайц начинает с китайско-казахстанских отношений. По его мнению, наблюдающееся сближение Казахстана с восточным соседом во многих областях носит вынужденный для казахстанской стороны характер. Над элитой и всем населением страны тяготеет груз исторической памяти, которая однозначно рассматривает Китай как угрозу. Но беспрецедентный экономический рост КНР и его влияние на весь мир и соседние регионы не оставляют Астане альтернативы кроме как развивать сотрудничество с Пекином.

Переходя к российско-казахстанским отношениям, автор считает положение РК уникальным, поскольку Казахстан представляет собой единственное государство в Центральной Азии, которое граничит с Россией и в котором проживает крупнейшая в СНГ русскоязычная община. Вайц анализирует в основном период правления В.Путина и до прихода на президентский пост Д.Медведева, выделяя сферы, в которых два государства время от времени выступают конкурентами, хотя в целом он признает, что отношения между двумя государствами носят беспрецедентный характер по уровню и степени партнерства и сотрудничества.

По мнению исследователя, Казахстан сумел установить и поддерживать в равной степени хорошие отношения с Америкой – как при демократах, так и во время правления республиканской администрации. Стратегия США в отношении Казахстана была заложена еще при У.Клинтоне, когда была взята на вооружение концепция новых транспортных и коммуникационных коридоров в Евразии в обход России. После 11 сентября значение Казахстана для Запада только возросло с учетом нужд антитеррористической операции в Афганистане. Важное символическое значение для Вашингтона имело участие РК в миротворческой операции в Ираке. Как считает автор, два фактора ограничивают американское влияние на Казахстан. Во-первых, США как супердержава глобального масштаба не могут – в глазах казахстанского руководства – полноценно конкурировать по степени влияния с непосредственными соседями – Китаем и Россией в силу своей удаленности от региона. Для Астаны не ясно, насколько долго продлится присутствие США в Евразии. Во-вторых, отношения постоянно отравляются доктринальной позицией США в области соблюдения прав человека.

Далее автор переходит к изучению отношений РК с региональными державами. К ним он относит Индию, Иран, Пакистан и Турцию. Много места уделяет автор стратегии Индии в Центральной Азии, которая, как он считает, предопределила политику Дели в отношении Казахстана. Для Индии наибольший интерес в регионе представляют Казахстан и Туркменистан с точки зрения ее энергетических интересов. При этом политика Дели носит стратегический характер и рассчитана «не на годы, а на десятилетия» (Вайц цитирует Ансари). Роль и значение Ирана для Центральной Азии и Казахстан заключается, по мнению автора, в том что ИРИ представляет собой естественный выход для стран региона к мировому океану. Проблемными моментами в двусторонних отношениях Вайц считает такие как участие РК в трубопроводах в обход Ирана; присоединение Астаны к международному давлению на Тегеран по поводу его атомной программы; нежелание Казахстана поддержать прием ИРИ в ШОС.

На политику Пакистана в регионе решающее значение оказывает индийский фактор. Исламабад рассчитывал в свое время на поддержку государств Центральной Азии по кашмирскому вопросу. Другим фактором, имевшим негативный характер, был афганский, точнее – та роль, которую сыграл Исламабад в установлении режима талибов. В отличие от Тегерана, Пакистану не так важно стать членом ШОС. Но Исламабад также стремится связать Центральную Азию со своими незамерзающими портами. Наиболее значительным шагом в установление транспортно-

коммуникационных связей между двумя странами стало присоединение Казахстана и Пакистана к четырехстороннему соглашению по использованию Каракорумского шоссе.

В отличие от предшествующего периода 1990-х гг., когда были сильны иллюзии пан-тюркистского единства, сегодня, отмечает Вайц, интересы Турции в регионе в целом и в отношении Казахстана в частности, детерминированы энергетическими и экономическими интересами. Но если экономические интересы и инвестиции Турции в Казахстане значительны, то и казахстанские инвестиции в Турции растут. Автор оценивает их в 350 млн. долл. Он отмечает, что в последние годы Казахстан неожиданно взялся за политическую реанимацию идеи создания «тюркского сообщества с населением 200 млн. чел.» для расширения и укрепления региональной интеграции.

К группе центральноазиатских государств-партнеров РК Вайц относит помимо собственно четырех постсоветских республик также Афганистан и Монголию. Интересы РК в отношении Афганистана вполне логичны и не отличаются от интересов других стран: это заинтересованность в экономически стабильном и политически безопасном Афганистане. Вмешательство Казахстана в афганские дела происходит в форме гуманитарной помощи и обеспечении транспортных коридоров для союзников через свою территорию. Отношения Казахстана с Киргизией носят глубоко интегрированный характер. Но Астану беспокоит размах коррупции и политическая нестабильность у южного соседа – точка зрения, которую разделяют АБР и другие международные финансовые институты.

Что касается Монголии, то отношения Казахстана с этой страной, отмечает автор, развивались неровно. В торговле доминирует казахстанский экспорт, а Монголия заинтересована в казахстанских инвестициях. Вопросами, представляющими взаимный интерес, являются установление транспортных коммуникаций, которые бы связали две страны, прежде всего железнодорожное сообщение, но эту проблему невозможно решить без России, а также проблема казахских оралманов. Тот факт, что Монголия не является участником постсоветских интеграционных объединений, ограничивает рамки взаимодействия Астаны и Улан-Батора такими организациями как СВМДА и в меньшей степени ШОС.

Казахстанских инвестиций ждут не только в Монголии: Таджикистан также стал объектом интереса для казахстанского бизнеса. Зимой 2008 г. Казахстан стал наряду с РФ одним из главных поставщиков гуманитарной помощи в эту республику. Душанбе официально заявил, что «рассматривает для себя Казахстан как модель». Отношения РК с Туркменией при С.Ниязове носили сложный характер, но обрели второе дыхание при

новом туркменском лидере Г.Бердымухамедове, который проявил живой интерес к участию в различных интеграционных структурах, считает Вайц, в частности в отношении ШОС. Казахстан и Туркменистан выступают более или менее скоординированно в сфере газовой политики и трубопроводов. Сблизились позиции сторон и по проблеме делимитации Каспийского моря. Автор допускает, что именно благодаря позиции Казахстана удалось добиться принципиального согласия Ашхабада по принятию решения в пользу прикаспийского трубопровода, т.е. согласиться на российский вариант.

Американский исследователь считает, что Узбекистан является ключевой страной в казахстанской схеме региональной интеграции. И для этого есть все основания: Узбекистан остается самым крупным торгово-экономическим партнером Казахстана в Центральной Азии, обе республики связывают около ста двусторонних соглашений. Но эта картина омрачается скрытым и порой открытым соперничеством между двумя государствами за региональное лидерство, а также пограничными инцидентами и претензиями узбекских националистов на южные территории РК. Тем не менее, уровень взаимного инвестирования и многочисленная сеть совместных предприятий представляют собой крепкий фундамент для интеграции. К проблемным явлениям двусторонних отношений автор относит узбекскую трудовую миграцию в РК, восстановление Аральского моря. Но позиции сторон полностью совпадают в отношении реакции на угрозу исламского экстремизма. В последнее время Астана и Ташкент начали координировать свои позиции в отношении экспорта газа в Россию и через Россию в Европу. Но И.Каримов упорно продолжает игнорировать призывы казахстанского руководства к созданию Центральноазиатского союза. Фактически, продолжается соперничество за то, чтобы занять лидирующее место в прокладке трансевразийских транспортных линий. Главной причиной нежелания Ташкента изменить свое отношение к региональной интеграции является, по мнению автора, скрытое опасение узбекской стороны, что региональный союз закрепит доминирование Казахстана.

Последней группой стран в дипломатическом окружении Казахстана в книге представлены государства Южного Кавказа. Армения занимает более периферийное место в международной активности РК по сравнению с Баку и Тбилиси. Положение начало меняться в последние годы, когда казахстанский бизнес стал проявлять интерес к этой республике. Крупным препятствием на пути реализации казахстанской стратегии в Евразии является карабахский конфликт, поэтому Астана прилагает усилия (на декларативном уровне) по его урегулированию. Иначе картина выглядит в отношениях РК с Азербайджаном. Здесь краеугольным камнем выступает

энергетика, точнее общая заинтересованность сторон в реализации крупных транспортных и трубопроводных проектов. Астана и Баку совместно выступают против попыток Тегерана навязать свою схему раздела каспийского шельфа. И обе стороны остаются заложниками давления со стороны Москвы по вопросу прокладки любых трубопроводов по дну Каспия. Еще одной областью взаимного интереса является обеспечение безопасности в акватории Каспия.

2005-й год стал наиболее насыщенным в истории казахстанско-грузинских отношений и положил начало крупномасштабным инвестициям казахстанского бизнеса в грузинскую экономику. Но для Астаны Грузия представляет интерес прежде всего как выход к Черному морю. Тбилиси заинтересован в свою очередь в казахстанском газе и прокладке транскаспийского газопровода по своей территории, а также в инвестировании казахстанской стороной строительства железной дороги Баку-Тбилиси-Карс. Важным моментом автор считает тот факт, что несмотря на свои тесные связи с Россией Казахстан не следует ее антигрузинской линии. В скобках отметим, что книга была завершена до конфликта между Грузией и Россией из-за Южной Осетии в августе т.г., иначе его выводы были бы несколько иные.

В заключении Р.Вайц повторяет свои базовые тезисы, о которых говорилось выше. На пути реализации евразийской стратегии Казахстана лежат сложные препятствия, над которыми он не властен. Не сняты угрозы исламского экстремизма и распространения ОМУ, использование богатых углеводородных ресурсов региона имеет неясную перспективу, и во многом по причине нестабильности в Афганистане. Сложно выработать стратегию в условиях, когда такие державы как Россия и Китай осуществляют собственные. Пример Киргизстана показал, что внутривнутриполитическая стабильность в любой момент может быть взорвана в любой из стран Центральной Азии, что безусловно будет иметь обще-региональный эффект. Кроме того, даже небольшое замедление темпов роста казахстанской экономики сразу же поставит под вопрос претензии Астаны на лидерство. Автор указывает, что огромные риски для стабильности политической системы несет неизбежная в будущем смена власти в стране. Усиление экономической и политической мощи Казахстана пугает его соседей по региону и толкает их к укреплению связей с Россией, Китаем, США и даже Ираном. И наибольшую угрозу интеграционным планам Астаны несет именно геополитическое соперничество, о чем прекрасно догадываются в Ак-Орде. На перспективу, резюмирует Вайц, усилия казахстанской дипломатии будут направлены на то, чтобы предотвратить установление российско-китайского кондоминиума в Центральной Азии,

Коллективный труд «Казахстан в процессе становления: легитимизация, символы и социальные изменения» (под ред. М.Ларюэль) посвящена стране, которую сами авторы называют единственной известной в Центральной Азии историей с хорошим концом, а может быть, даже во всей Внутренней Евразии.²⁷ Книга «Народ юрты: Казахстан от возникновения до современности» (2008), выпущенная в свет болонским фондом «Касса ди Риспармио» ставит себе целью осветить генезис культуры и цивилизации на территории Казахстана с учетом богатого археологического и кочевого прошлого страны.²⁸ Следует назвать коллективное совместное индийско-казахстанское издание «Современный Казахстан», посвященное текущему внешнеполитическому положению нашей республики.²⁹ «Ислам без вуали: казахстанский путь умеренности» – так назвал свою книгу о нашей республике американский обозреватель и журналист Клод Салани (Международный институт стратегических исследований).³⁰

В 2009 году в Венеции состоялся симпозиум, посвященный религиозной истории Казахстана. На базе материалов этого мероприятия в 2013 г. Был издан сборник «Ислам, общество и государства Казахской степи – 18-нач. 20 вв.». В сборнике освещается (В.Девизом) религиозная история Дешт-и Кипчака с 13 по 18 века, которая базировалась, по мнению автора, на духовном наследии суфизма Яссауи. В сборнике также подробно описывается религиозная политика царского правительства, роль религии в росте национального самосознания на рубеже 19-20 вв. (Т.Уяма). В материалах дается также сравнительный анализ политики российских властей в отношении мусульман-казахов и буддистов-бурят.³¹

Несколько ранее (2012) тот же Т.Уяма издал отдельную монографию «Азиатская Россия: империя в региональном и международной контексте», в которой немало места уделено завоеванию, колонизации и колониальному управлению Казахстана.³²

Совместная работа проф. Ф.С.Старра, Й.Энгвала и С.Корнелла «Казахстан – 2041: следующие 25 лет», написанная явно к 25-летию независимости

²⁷ *Laruelle M.* (ed.) *Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes.* – London, New York: Lexington Books, 2016. – 304 p.

²⁸ *Facchini F.* (a cura di). *Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernita.* – Milano: Jaca Book, 2008. – 320 p.

²⁹ *Contemporary Kazakhstan: the Way Ahead.* Eds. by A.Mohanty and S.Swain. – New Delhi: Axis Publications, 2009. – XV+314 pp.

³⁰ *Salhani C.* *Islam without a Veil. Kazakhstan's Path of Moderation.* – Washington, DC: Potomac Books, 2011. – XV+203 pp.

³¹ *Piancola N., Sartory P.* (eds.) *Islam, society and states across the Qazaq Steppe (18th–early 20th centuries).* – Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2013. – 352 S.

³² *Uyama T.* *Asiatic Russia: imperial power in regional and international contexts.* – London: Routledge, 2012. – XIII+296 pp.

РК, одновременно подводит предварительные итоги четверть векового развития республики и дает прогноз на следующие 25 лет. В тоже время она своим названием перекликается с последней стратегической инициативой руководства страны «Казахстан-2050). «Казахстан: национальный бренд, экономические проблемы и культурные изменения» – так назвала М.Ларюэль сборник 2017 года, посвященный нашей стране. В основу коллективной монографии исследовательница положила тезис о том, что Казахстан, будучи экономическим драйвером Центральной Азии, сумел создать из своего образа на международной арене удачный бренд, осуществляя при этом многовекторную политику. Традиции Большой игры продолжает издание под ред. Ф.Старра «Казахстан и США», как некое практическое пособие по сохранению республики в зоне американского влияния перед лицом растущей евразийской мощи путинской России.

Оставаясь в русле казахстанской проблематики, необходимо назвать работу шведских авторов Сванте Корнелла и Йохана Энгвалла «Казахстан в Европе: почему бы и нет?» возвращает нас в 2008 год, когда руководство РК провозгласило «Путь в Европу».

Нельзя обойти вниманием историческую работу Ю.Маликова, изданную в Берлине в 2011 г. – «Цари, казаки и кочевники. Формирование пограничной культуры в Северном Казахстане в 18-19 веках». Данное исследование базировалось на диссертации автора, защищенной им в университете Санта-Барбары в 2006 г. и посвященной отношениям между казахами и казаками вдоль Сибирской линии. Это добротное историческое исследование с использованием обширного комплекса источников из омских и алма-атинских архивов. Книга расценивается западными критиками как оппонирование известной работе М.Ходарковского «Степная империя России». Основной смысл выводов Маликова состоит в том, что и российская, и казахская историографии неверно трактуют истинную роль казачества в отношениях с казахами, которое играло собственную роль в пограничной зоне и не было ни послушной марионеткой Петербурга, ни врагом казахов, который помогал колонизации последних империей.³³

В области археологии заслуживает внимания коллективное издание «Кочевники и древняя история и культура Казахстана», которое базировалось на выставке Института древней истории Нью-Йоркского университета в 2012 году, которая охватывает период бронзового века и эпоху т.н. ранних кочевников. Помимо богатого иллюстративного материала

³³ *Malikov Y. Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteen and Nineteenth Centuries.* – Berlin: Klaus Schwarz verlag, 2011. – 321 p.

издание содержит информативные разделы, написанные казахстанскими и американскими учеными.³⁴

К исторической литературе с полным основанием следует отнести издание (под ред. Б.Тейссье) «Миссия Джона Кэстла к хану Абулхаиру – 1736)». Книга построена на интерпретации и изучении дневника английского путешественника Дж.Кэстла, в которой упор делается на этнографическую составляющую источника.³⁵

На стыке востоковедения и политологии находится книга А.Бустанова «Советский ориентализм и создание центральноазиатских наций». Рассматривая вклад советского востоковедения в (идеологическое) формирование идентичности наций в Центральной Азии, автор уделяет особое внимание казахам. Ученый исследует комплексный характер советского востоковедения, как наследника российской дореволюционной ориенталистики, подчеркивая ее тесную связь с немецким востоковедением (особенно тюркологией). По мнению автора, активное поощрение советским востоковедением развития научных школ на местах немало способствовало росту национализма в республиках путем прямого знакомства с источниками на родных языках (или через арабский и персидский), свидетельствовавших об исторической «древности» и «величии» того или иного народа.

Как ни парадоксально, этому процессу способствовала марксистская методология, которую использовали адепты будущего национализма. Кроме того, при изучении и трактовке собственной истории ученые из Средней Азии столкнулись с дихотомией национального и регионального. В качестве примеров автор приводит судьбу этнической интерпретации таких фигур как Аль-Фараби (казахский или узбекский) или Бируни (узбекский или таджикский) и т.д. В конечном счете, все решала Москва. Но этот процесс способствовал формированию (наряду с национальной) и региональной идентичности. Как ученик С.Кляшторного, С.Бустанов в споре между ориенталистами-эмигрантами и Ю.Брегелем – мэтром советской этнографии, занял позицию в стане первых. Книга А.Бустанова интересна тем, что сам автор некогда принадлежал к востоковедной среде, будучи выходцем из национальной (татарской) среды и лично участвовал в этом процессе (см.ниже).

Среди работ, посвященных международной проблематике, следует назвать исследование Й.Энгвела и С.Корнелла «Роль Казахстана в между-

³⁴ Stark S., Rubinson R.S. (eds.) *Nomads and networks: the Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 200 p.

³⁵ Teissier B. (ed.) *Into the Kazakh Steppe: John Castle's Mission to Khan Abulkhair (1736)*. – Oxford: Signal Book, 2014. – XIV+196 pp.

народных организациях (2015). Авторы достаточно подробно описывают историю вхождения республики в систему международных отношений и различные организации. Большое внимание при этом они уделяют многочисленным инициативам Казахстана: СВМДА, Съезд мировых религий и др. Эти инициативы составил содержание первого направления внешней политики РК; ко второму авторы относят евразийскую интеграцию. И наконец, третье направление внешней политики Астаны подразумевает участие и отношения с разнообразными мировыми игроками и институтами: ЕС, НАТО, ВТО, АСЕМ, Всемирный банк, МВФ и т.д. Как отдельный успех рассматривается председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году. Его повторило, по мнению исследователей, вхождение на два года в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН.

Авторы отмечают, что успех внешней политике Казахстана принесла доктрина многовекторности, обеспечив ей гибкость и разнообразие выбора, в отличие от, например, Узбекистана, который своей ставкой на стратегическое партнерство не однократно загонял себя в тупик. Выгоды многовекторности также наглядно проявились во вхождении в многочисленные международные организации. Однако с реализацией евразийского проекта В.Путина и созданием ЕАЭС казахстанской многовекторной политике был брошен реальный вызов, считают исследователи. Цементирующим фактором для единства Казахстана и России стали события на Ближнем востоке, связанные с угрозой, исходящей от ИГИЛ. Помимо этого, из-за событий на Украине казахстанская многовекторная политика оказалась в деликатном положении. Таким образом, делают вывод авторы, для некогда процветающей многовекторной политики Казахстана наступил период сделать вынужденную интерлюдия (перерыв).

В области археологии заслуживает внимания коллективное издание «Кочевники и древняя история и культура Казахстана», которое базировалось на выставке Института древней истории Нью-Йоркского университета в 2012 году, которая охватывает период бронзового века и эпоху т.н. ранних кочевников. Помимо богатого иллюстративного материала издание содержит информативные разделы, написанные казахстанскими и американскими учеными.³⁶

И так, перед нами достаточно полная картина западных исследований о Казахстане за последние два с половиной десятилетия. За рамками этой части остались работы, посвященные геополитической борьбе вокруг Центральной Азии, в которых Казахстан фигурирует в качестве одного из

³⁶ Stark S., Rubinson R.S. (eds.) *Nomads and networks: the Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 200 p.

основных персонажей и объектов этой борьбы. Практически, последние работы американских и других западных авторов охватывают все стороны политической и экономической жизни нашей республики. Не является исключением и история. Не со всеми выводами и рекомендациями этих исследователей можно согласиться, но постановка ими сложных и даже болезненных для Казахстана проблем носит в целом конструктивный характер и является для нас сигналом к их изучению и решению.

Laruelle M., Peyrouse S. Les Russes du Kazakhstan. Identités nationales et nouveaux États dans l'espace post-soviétique. Institut français d'études sur l'Asie centrale – Paris, Maisonneuve & Larose, 2004. – 354 p.

Используя новые виды источников, французские исследователи Института французских исследований Центральной Азии М.Ларюэль и С. Пейруз смогли завершить монографию «Русские в Казахстане: национальные идентичности и новые государства в пост-советском пространстве» (2003 г.). Когда стало возможным беспрепятственное посещение страны, с 1999 г., они объездили страну с юга на север, с запада на восток, посетив две столицы – Алматы и Астану, для понимания той ставки, которая была поставлена реконструкцией постсоветского общества. Изучение ранее недоступных российских и казахстанских источников (например, журналы «Социологические исследования», «Диаспоры») позволило авторам представить полный анализ положения русских в Казахстане.

Dave B. Kazakhstan – Ethnicity, Language and Power (SOAS). – London, New York: Routledge, 2008. – XIV+256 p.

Современная зарубежная казахстаника пополнилась новой работой о нашей стране. Это увидевшая свет в рамках Центральноазиатской серии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета книга английской (индийского происхождения) исследовательницы Бхавны Дэйв (Деви) – «Казахстан: этничность, язык, власть». Вот как объясняет сама исследовательница, в течение многих лет проводившая полевые исследования в нашей республике, свой интерес, побудивший ее написать эту книгу. По ее мнению, эволюция и исторический опыт советского и постсоветского Казахстана уникален: республика последовательно пережила ряд исторических экспериментов над своей идентичностью, сохранив при этом свою этничность (посредством системы власти).

Чтобы найти решение проблемы, автор выделяет в истории и современном развитии Казахстана несколько ключевых проблем, которые соответственно образом представлены в отдельных главах. Вот они, и их

всего семь. Первая проблема связана с процессами, сопровождавшими интеграцию казахов в советскую систему. Здесь автор выделяет в качестве ключевого вопрос о том, как им удалось сочетать этно-национальный по сути процесс сохранения (возрождения) идентичности с интернациональным характером советской системы. Дэйв видит данный процесс через триаду: вхождение в империю, сотрудничество и транзит. Другая глава носит более конкретный характер и непосредственно освещает судьбу казахского нomaдизма в ходе указанных исторических пертурбаций. Здесь она отмечает, что в дореволюционном Казахстане уже были заложены базовые элементы антиколониальной идентичности казахов, но одновременно происходило и формирование пророссийской части казахской элиты, которая сыграла (и играет до сих пор) столь важную роль в истории и политической жизни страны.

Третья проблема тесно связана с результатами этого исторического эксперимента (имеется в виду чрезмерная русификация). Автор открыто говорит о феномене «манкуртизма» как результате модернизации казахов на советский манер. Четвертая глава исследования выходит за рамки собственно Казахстана: здесь автор пытается обобщить весь центральноазиатский опыт в комплексе. Как считает британская ученая, для всех обществ региона характерно крушение попыток их политических элит и местной интеллигенции обрести национальную идентичность посредством отказа от заданных в советскую эпоху параметров. Поэтому для всех без исключения республика региона (и для большинства постсоветских государств других регионов бывшего Союза, добавим мы вслед за Дэйв) характерна метаморфоза следующего содержания: это трансформация от «коммуниста к националисту».

Пятая глава книги посвящена объяснению удивительного, по мнению автора, парадокса: почему политика насаждения казахского языка в качестве единственного не привела к острым конфликтам на национальной почве в республике или к сопротивлению среди неказахской части населения. Как считает исследовательница, ключ к разгадке лежит в разрыве (и очень значительном) между статистическими успехами распространения казахского языка и степенью его реального применения. Шестая глава продолжает предыдущую проблему и затрагивает причины низкой активности и малой политической мобилизации русскоязычного населения против, как выражается автор, «националистического проекта». Причина кроется в поразительной стойкости и живучести заложенных в советское время институтах интернационализма и этнической толерантности, в полной мере сохранившихся в казахстанском обществе.

И наконец, в последней главе делается попытка выяснить истинную природу современного Казахстана в качестве «национального государства» (государства-нации). Исследовательница сравнивает казахстанский опыт национального строительства с индийским и малайским и приходит к выводу, что в Казахстане содержание этого процесса свелось в первую очередь к укреплению власти и могущества местной элиты. В результате – по мере укрепления патрона-клиентистской системы – республика совершила трансформацию по превращению в патримониальное государство. А если посмотреть на проблему с зрения результатов процесса этничности, то казахи получили статус «первых среди равных», который, впрочем, не закреплен на конституционном или законодательном уровне. В целом же, казахи как этническая группа не располагают особыми экономическими преимуществами перед другими национальностями, если брать среднестатистические показатели (а не уровень жизни казахской элиты). Преимущество казахов в их собственной стране, заключает Дэйв, свелось к обладанию некими психологическими символами (как например, статус государственного языка), но не дающими реальных привилегий основной массе населения.

Таким образом, построения «национального» государства в Казахстане носит фактически символический (имитационный) характер. Лакмусовой бумажкой в этом историческом эксперименте является полное отсутствие какой-либо общенациональной идеи, которая объединяла бы все социальные слои и этнические группы населения, и попытки создать которую не раз предпринимались в ходе строительства государства.

Cohen A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 287 p.

Именно такое название напрашивается в связи с новой книгой известного американского политолога Ариэля Коэна «Казахстан: дорога к независимости», у которой есть подзаголовок – «Энергетическая политика и рождение нации». С первого взгляда бросается в глаза, что это фундаментальный труд, посвященный современной истории Казахстана. Книга охватывает всю основную проблематику постсоветской истории республики с упором на энергетические проблемы. Репутация автора общеизвестна: Коэн давно зарекомендовал себя в качестве одного из самых стойких критиков российской политики и поведения других режимов на постсоветском пространстве, включая Центральную Азию. Однако в данном случае мы видим совсем другого Коэна – внимательного и снисходительного наблюдателя.

Выходу данной книги в свет сопутствует интересный факт: еще годом ранее была выпущена аналогичная работа, но на русском языке, хотя и в Нью-Йорке.³⁷ Обычно в (пост)советологическом мире на Западе происходит наоборот: сначала появляется оригинал, а затем он переводится на русский язык. В чем отличие двух изданий? Во-первых, в объеме: англоязычный вариант почти в два раза больше. Во-вторых, книга существенно расширена за счет разделов, которых вообще не было в русскоязычной версии и которые посвящены сложным моментам внутривнутриполитической эволюции Казахстана. Здесь автор получил возможность высказать те критические замечания в адрес политик казахстанского руководства, которые он почему-то счел нужным замолчать в первом издании.

И в третьих, английский вариант исследования заметно выиграл благодаря обширным главам (прежде отсутствовавшим), посвященным международным связям и внешней политике РК в контексте казахстанской трубопроводной и энергетической политики. Таким образом, англоязычное издание представляет собой законченный и завершённый труд, подробно освещающий стратегию и тактику Казахстана на мировой арене в качестве одного из ведущих игроков в нефтегазовой сфере – или позиционирующим себя таковым. Поэтому обратимся к английской версии.

Основная мысль книги Коэна и квинтэссенция его концепции состоит в том, что Казахстан не мог состояться как независимое и успешное государство, не будучи тем, что западная политология называет *petro-state* (нефте-государство). И если обычно в это название вкладывают негативное значение, то Коэн находит здесь положительный смысл. Автор обращает внимание на такой факт, что помимо внутривнутриполитической стратегии (сначала экономика, потом политика) и внешнеполитической доктрины (многовекторность и евразийство) у создателя современного Казахстана имелась и глубоко разработанная энергетическая стратегия. Ее смысл состоял в том, чтобы избежать ловушек, в которые попадали в свое время многие нефтедобывающие страны, или осуществившие тотальную национализацию нефтяной отрасли в ущерб производству, или бездумно раздавшие свои природные богатства транснациональным компаниям. Казахстан сумел, по мнению Коэна, найти золотую середину в виде баланса интересов между заинтересованными геополитическими силами, с одной стороны, а с другой – в виде баланса между внешними игроками и национальными интересами страны. Кроме того, был найден баланс

³⁷ Коэн А. Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. – New York: Global Scholarly Publications, 2007

между элитами и основной массой населения, получившими свою долю национального богатства.

Трубопроводы из Каспийского региона, вокруг которых было сломано столько копий в ходе большой геополитической игры, Коэн метко называет «трубами независимости», вкладывая в них особый метафорический смысл. Если для большинства политологов трубопроводы символизируют зависимость от того или иного геополитического актора, сумевшего навязать свой маршрут, то Казахстан сумел превратить их – вне зависимости от направления – поистине в трубы своей экономической и политической независимости, считает автор. Следует отдать должное автору, он не замыкается исключительно на нефтяной проблематике, а рассматривает в своей книге другие вопросы энергетики – газовый, угольный и урановый.

Какие выводы делает Коэн, изучив короткую, но столь насыщенную историю независимого Казахстана? Исследователь склонен видеть в нашей стране будущего «евразийского тигра», хотя эту мысль он ставит в качестве заголовка к последней части книги под вопросом. Его выводы адресованы к тем, кто определяет стратегию и политику Запада и звучат следующим образом: Казахстан представляет собой уникальный феномен в сердце Азии, совмещающий элементы Востока и Запада. Поэтому, резюмирует Коэн, «слишком важно не позволить ему упасть в руки ностальгических реставраторов империи». Как представляется, намек слишком прозрачен и не нуждается в комментариях.

Но другой вывод американского политолога содержит более существенную мысль: Казахстан – это гораздо большее, чем источник углеводородов. Это успешная модель развития для всего евразийского пространства, для мусульманского мира и стран с переходными экономиками. Казахстан до сегодняшнего дня успешно балансировал между Севером, Востоком и Западом. И нет оснований, считает Коэн, менять этот оправдавший себя путь. Запада должен способствовать сохранению сложившейся казахстанской модели как светского, прогрессивного и дружественного ему государства.

После выхода в свет книги А.Коэна ситуация в мире и в самом Казахстане радикально изменилась: начался мировой финансовый кризис, который сделал эту работу во многом исторической по характеру. В истории Казахстана открылась новая глава: страна стоит перед очередными вызовами истории. Тем не менее, хотелось надеяться, что рекомендации и выводы американского ученого не потеряют своей актуальности на новом этапе наших отношений с внешним миром.

Vuillemenot A.-M. La yourte et la mesure du monde: avec les nomades au Kazakhstan. – Louvain-la-Neuve: Academia, 2009. – 281 p.

Этнографическое исследование Анны-Мари Вюймено «Юрта и измерение мира: с кочевниками по Казахстану» посвящено ее полевым изысканиям в Юго-Восточном Казахстане. Французскую ученую интересовали в первую очередь такие вопросы как повседневная жизнь кочевников в юрте с материальной стороны, а с социальной – отношения между поколениями, между мужчинами и женщинами; с духовно-мировоззренческой – культ шанырака. Согласно ее наблюдениям, именно юрта остается символом традиционного мировоззрения казахских номадов. Исследовательница сравнивает степных и горных кочевников, их отношения с природой и между собой, а также восприятие угроз и солидарности, отношение к создателю и религиозные воззрения. Автор отмечает доминирование в религиозном сознании казахов доисламских, языческих представлений, связанных с культом предков. Основной вывод ученой базируется на том, в какой степени модернизация последних десятилетий в советскую эпоху коснулась трансформации традиционных кочевников. После жизни в совместно с ними в юрте автор приходит к выводу, что в своей основе традиционная социальная модель казахов уже необратимо изменилась в сторону модернизации.

Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. – Москва: Художественная литература, 2011. – 208 с. Aitken J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. – London, New York: Continuum, 2009. – IX+256 pp.

Новая книга британского исследователя Дж.Айткена «Казахстан: сюрпризы и стереотипы» является логическим и тематическим продолжением его предыдущего труда «Нурсултан Назарбаев и создание Казахстана» (2009). По-видимому, объем информации, идей и впечатлений был настолько велик, что потребовал продолжения. Сравним обе книги.

Книга Джонатана Айткена «Назарбаев и создание Казахстана» была призвана устранить недостаток знаний внешнего мира – и прежде всего Запада – и ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии. Это результат многочасовых бесед автора с нашим президентом, в которых глава Казахстана делился своими воспоминаниями и идеями. Благодаря доверительным беседам автора со своим персонажем, а также полному доступу, который получил автор в государственные архивы, книга содержит много материала, прежде неизвестного, который был бы крайне интересен отечественным исследователям. Автор в то время сделал попытку не только показать жизненный путь своего героя, но и выяснить, какие обстоятельства

и какие личные качества казахстанского лидера привели его не только к вершине власти, но и определили ему роль «творца нации», создателя современного Казахстана.

В новом, фактически документальном исследовании Айткен развивает сюжеты, заложенные в предыдущем издании, но уже без акцентирования на личности казахстанского лидера. Главный персонаж новой книги – это сам современный Казахстан, его двадцатилетний опыт независимости. Основная мысль автора книги состоит в том, что на Западе и в целом в мире «ширится осознание того, в степи зреет новая держава. На стратегическом перекрестке, где сходятся вместе российская, китайская, среднеазиатская и западная цивилизация, Казахстан утвердил себя стабильное и значимое суверенное государство».

Британский ученый считает, что механизм государственного управления и политические процессы в Казахстане заслуживают пристального внимания, и западным СМИ и части политологов следует отказаться от стереотипов и клише в духе характеристики страны как диктатуры, полицейского государства или жесткого авторитарного режима. По его мнению, несмотря на богатые природные ресурсы, главным богатством Казахстана являются люди, в которых «сочетаются таланты и традиции, амбиции и крепкая историческая память». Основная идея книги Айткена состоит в том, что для лучшего понимания прошлого и будущего Казахстана чрезвычайно важно учитывать три взаимосвязанные составляющие: движение через «страдания и невзгоды, выживание и успех». Как уверен автор, понимание тяжелых испытаний, выпавших на долю республики в XX веке, дает более ясное представление о ее будущем в XXI столетии.

С экономической точки зрения, пишет Айткен, многообещающим признаком стабильности и роста является появление в стране молодого и амбициозного среднего класса. В тоже время автор не проходит мимо проблем современного Казахстана, среди которых он называет советское наследие, однопартийность (книга писалась до выборов в декабре 2011 г.), высокий уровень коррупции, низкую квалификацию судебной-юридической системы, ограниченность свободы СМИ. И хотя полноценная демократия остается делом будущего, по мнению автора, все-таки в большинстве указанных сфер реальный прогресс очевиден. Особенно Дж.Айткена поразил один факт: если на Западе общественность склонна проявлять цинизм по отношению к власти и там высок уровень недоверия к политическим лидерам, то казахстанское общественное мнение сохраняет противоположную тенденцию.

В качестве главной политической интриги последнего времени Айткен называет отмену референдума, когда, по его мнению, «новый

Казахстан победил старый». То есть, отказ от проведения референдума по продлению полномочий действующего президента (весной 2011 г.) стал поражением старой элиты, предпочитающей статус-кво, которое гарантирует ей стабильное существование в рамках действующей системы под покровительством президента. Подобное решение Н.Назарбаева снискало ему поддержку тех слоев населения, которые автор называет «новым Казахстаном» и к которым относит либеральную интеллигенцию, студенчество, молодежь, прогрессивную часть предпринимательского класса и чиновничества и простых тружеников.

В целом Дж.Айткен затрагивает широкий спектр проблем внутренней и внешней политики Казахстана. Не вызывает сомнений, что книга написана от лица доброжелателя и друга Казахстана, хотя в ней немало места уделено объективной и справедливой критике. Но это конструктивная критика, которая не вызывает раздражения, а призывает устранять недостатки и решать проблемы.

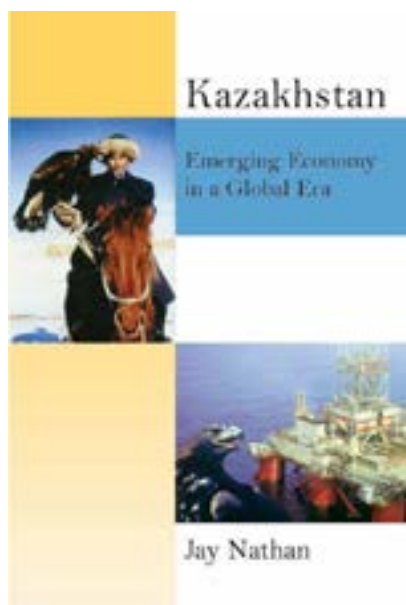
Salhani C. Islam without a Veil. Kazakhstan's Path of Moderation. – Washington, DC: Potomac Books, 2011. – XV+203 pp.

«Ислам без вуали: казахстанский путь умеренности» – так назвал свою книгу о нашей республике американский обозреватель и журналист Клод Салани (Международный институт стратегических исследований). Книга стала результатом полугодовой командировки Салани в РК в качестве корреспондента «Вашингтон таймс» в 2010 г. Книга очевидно написана в журналистском стиле и носит явно репортажный характер.

Автор подает современную историю Казахстана под углом зрения исламского вопроса. В этой связи он ставит ряд проблем: могут ли сосуществовать ислам и модернизация, ислам и демократия, каково влияние салафитов на современное казахстанское общество, возможна ли конвергенция Ближнего Востока и Центральной Азии не только с культурной и цивилизационной точек зрения, но и с политической и экономической. Любопытно, что автор еще за год поставил в своей работе вопрос о том, столкнется ли казахстанское общество вскоре с проблемой исламского терроризма. Салани много внимания в своей книге уделяет проблемам безопасности, и не только под углом угрозы терроризма, но и председательства Казахстана в ОБСЕ. В аналогичном ракурсе рассматриваются проблемы геополитики в регионе (влияние ситуации в Афганистане, распространение радикального ислама). Немало внимания автор уделяет специфике казахстанских реформ – «сначала экономические реформы, затем политические».

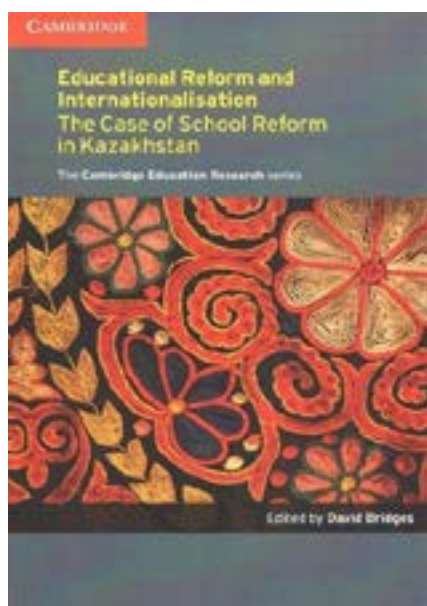
Безусловным украшением издания является интервью, которое взял автор у президента РК Н.Назарбаева для своей газеты, посвященное

проблемам исламизма и председательства Казахстана в ОБСЕ. По-видимому, многие из своих идей для книги журналист почерпнул из интервью с нашим президентом. В целом основной лейтмотив издания Салани звучит следующим образом: действительно, существует особый казахстанский путь – как в экономике, так и в политике. Это путь умеренности, постепенных реформ и толерантности. С таким выводом талантливого журналиста нельзя не согласиться.



Jay Nathan. Kazakhstan`s New Economy: Post-Soviet, Central Asian Industries in a Global Era. – New York: Wiley, 2013. – 512 p.

Работа Дж. Натана «Новая экономика Казахстана» впервые была издана еще в 2007 г., после чего неоднократно дополнялась и переиздавалась. Автор на примере нашей республики поставил целью показать судьбу промышленных отраслей в Центральной Азии, созданных в советскую индустриальную эру, после распада единой страны и единой некогда экономики. Исследователь рассматривает девять отраслей, включая нефтегазовую и угледобывающую промышленность, металлургию, финансовую систему, телекоммуникации и транспорт. Достоинством работы является подход автора, который изучает предмет своего исследования в динамике и пытается найти признаки, определить причины и возможности предстоящего экономического роста.



Bridges David (ed.). Educational Reform and Internationalisation: The Case of School Reform in Kazakhstan. – Cambridge: Cambridge Education, 2014. – 382 p.

Дэвид Бриджес (Оксфордский университет) подготовил в 2014 г. под своей редакцией книгу «Образовательная реформа и интернационализация: школьная реформа в Казахстане». На протяжении пяти лет Д. Бриджес работал в Казахстане (в Назарбаев- Университете и Назарбаев-Интеллектуальные школы, где являлся членом высшего Попечительского Совета. Его редакционное издание «Образовательная

реформа» представляет собой двустороннее сотрудничество и является результатом данного взаимосотрудничества. В работе, состоящей из 3 частей, сведенных в 16 глав, и написанной международным коллективом, школьная реформа рассматривается через призму начавшегося в то время в республике экономического роста. Центральное место в исследовании занимают такие вопросы как роль и использование в ходе реформы постсоветского наследия и казахских традиций. Но главный вопрос состоял в целесообразности и эффективном применении зарубежного опыта.

По словам Д.Бриджеса, работа была направлена на защиту учителей от критического подхода, а также на защиту департаментов образования от излишней критики, на изучение образовательных условий, включая этические нормы, высказанные суждения и интеллектуальное достоинство. То есть, составитель книги как бы априори был готов к тому, что слепленная по чужеродным лекалам образовательная реформа (доказавшая к настоящему времени свою несостоятельность) неизбежно подвергнется критике со стороны здравомыслящего поколения, получившего образование в советскую эпоху.

Laruelle M. (ed.) Kazakhstan in the Making. Legitimacy, Symbols, and Social Changes. – London, New York: Lexington Books, 2016. – 304 p.

Коллективный труд «Казахстан в процессе становления: легитимизация, символы и социальные изменения» (под ред. М.Ларюэль) посвящена стране, которую сами авторы называют единственной известной в Центральной Азии историей с хорошим концом, а может быть, даже во всей Внутренней Евразии. Занимая стратегически важную позицию между Россией, Китаем и Средней Азией, Казахстан был вынужден самой географией и геополитикой разрабатывать далеко идущие стратегии своего развития. При этом страна сталкивается с непростыми проблемами, такими как слабая институализация, патронаж, авторитаризм и региональные ловушки социально-экономических стандартов, постоянно ставящие под угрозу стабильность и достигнутый уровень процветания, о которых заботится Президент Н.Назарбаев. При этом происходит постоянная трансформация казахстанского общества, что и является, по-видимому, основной целью данного исследования.

Первая часть работы посвящена становлению института государства в Казахстане через формирование механизмов управления и символов. Здесь рассматриваются такие вопросы как борьба за установления верховенства закона, сопротивление со стороны неопатримониального режима, баланс между правящей семьей, олигархами и технократами и региональные особенности в южно-казахстанском разрезе. Вторая часть книги

рассматривает становление государства-нации через конфликт между законностью и традициями, процесс национализации элиты, проблему формирования «казахстанской» нации в противовес титульной; дает обзор формам и проявлениям казахского национализма; и в отдельной главе рассматривается «казахстанский Техас – страна ковбоев, гангстеров и деревенщин», как преподносят эту знаменитую область РК авторы – Н.Кох и К.Уйат.

В третьей части изучаются культурные изменения в казахстанском обществе, которые включают в себя проблему ислама, формы и уровень публичной религиозности, «дух Тенгри», под которым авторы подразумевают такие явления как сочетание духовности, национализма и их проявления в казахском этно-попе. Эта часть включает также такой феномен как реэмиграция из США в качестве измерительного прибора для динамики культурных изменений в Казахстане. В целом, книга написана на стыке политологии, социальной антропологии и социологии. Она четко фиксирует тот факт, что в республике происходит, или уже произошла быстрая смена национальной идентичности на фоне деликатно освещаемой проблемы сохранения баланса между казахским большинством и русскоязычным меньшинством. В результате данного процесса создается новый гибрид из местных и глобальных культурных явлений.

Starr S. Frederick, Engvall J., Cornell Svante E. Kazakhstan 2041: The Next Twenty-Five Years. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2016. – 67 p.

Совместная работа проф. Ф.С.Старра, Й.Энгвала и С.Корнелла «Казахстан – 2041: следующие 25 лет», написанная явно к 25-летию независимости РК, одновременно подводит предварительные итоги четверть векового развития республики и дает прогноз на следующие 25 лет. В тоже время она своим названием перекликается с последней стратегической инициативой руководства страны «Казахстан-2050».

Авторы отмечают, что Казахстан прошел долгий путь за 25 лет своего суверенитета. Руководство страны может отметить впечатляющее экономическое развитие, стабильность, укрепленный суверенитет и уважение бренда «Казахстан» на международной арене. Заглядывая на 25 лет вперед и далее, казахстанские власти сформировали амбициозную концепцию по превращению страны в одну из самых развитых государств в мире. На предстоящем пути будут встречаться старые проблемы и, несомненно, будут появляться новые. Исследователи прогнозируют, что в ближайшие 25 лет население Казахстана вырастет на 20%, но соотношение

иждивенцев к трудоспособному населению, скорее всего, увеличится в два раза. Устойчивый экономический рост будет способствовать дальнейшему ускорению процесса урбанизации, и к 2041 году 70% населения могут проживать в городской местности. Для Казахстана не существует никакой альтернативы защите принципа светского государства, светской системы законов, светских судов и светского образования.

В сфере экономического развития авторы прогнозируют, что долгосрочное экономическое развитие потребует трансформации экономической структуры и системы управления Казахстана. Казахстан имеет потенциал стать житницей Евразии. Тем не менее, несмотря на недавние улучшения, сектор сельского хозяйства нуждается в коренной перестройке. Новые возможности для развития современной экономики производства и обслуживания будут возникать ввиду расположения Казахстана в самом центре огромного континентального экономического пространства. Для того, чтобы обеспечить становление Казахстана и остальной части Центральной Азии в качестве сухопутного моста, соединяющего Китай и Индию с Европой, Казахстан должен укрепить внутри региональные контакты и взаимодействие на всех уровнях. В последующий период до 2041 года Казахстан и его регион будут неизбежно и сильно подвержены глобализации, а также встречным течениям по отношению к ней.

В области международного положения Казахстана эксперты называют две важные переменные – это судьба радикальных тенденций в мусульманском мире и глобальная позиция Соединенных Штатов. На региональном уровне Казахстану следует ожидать важных, даже судьбоносных изменений в Китае и в России. Россия является страной с демографическим и экономическим спадом, чье население будет гораздо меньше русским и гораздо больше тюркским и мусульманским к 2041 году. Это должно оказать существенное влияние на внешнюю политику России в отношении РК. Еще задолго до 2041 года Китай станет страной со средним доходом или доходом выше среднего, пережившей резкий подъем в развитии, чье внимание будет сосредоточено на поддержании центрального контроля над обширной и разнообразной территорией и удовлетворении потребностей стремительно стареющего населения. Европа вряд ли станет ведущим игроком в сфере безопасности в Центральной Азии до 2041 года. Тем не менее, ввиду ее экономической роли, Европа будет продолжать играть важную роль в сбалансированной внешней политике Казахстана.

Авторы дают глубокий анализ возникшей в республике системе принятия решений. Они пишут, что в основе подхода Казахстана к национальному развитию лежат принципы эволюции, органического развития и политического процесса, основанного на национальном консенсусе.

На этой основе политические решения повсеместно управляются государством, спускаются сверху и зарождаются в процесс внутриэлитных обсуждений. Это отличается от подхода западных стран, где политические решения, как правило, формируются в более конкурентной и конфликтной среде, которая характерна конфронтацией разных идеологий, групп и интересов и ведет к переговорам и компромиссам. Как и в большинстве постсоветских государств Евразии, большинство политических и экономических лидеров Казахстана воспринимают преждевременную децентрализацию политической власти как рискованный шаг, пропитанный потенциалом выведения государства из строя.

Исследователи отмечают, что с конца 1990-х годов внешняя политика Казахстана была сознательно основана на принципе достижения позитивных отношений со всеми соответствующими крупными державами с целью сбалансировать их таким образом, чтобы ни один из них или группа этих стран смогла представлять угрозу для суверенитета и самоопределения Казахстана. Казахстан разработал эту концепцию сбалансированной или «многовекторной» внешней политики таким образом, чтобы строить прочные экономические и политические отношения со всеми соответствующими силами, в частности с Россией, Китаем, США и Европой, не позволяя ни одному из них доминировать в отношениях и не наживая врагов в этом процессе. Благодаря ряду благоприятных факторов в период с 2002 по 2012 годы эта стратегия работала хорошо. Ввиду этой меняющейся геополитической динамики Казахстану становится все труднее сохранять прежний баланс в своих отношениях с различными крупными державами. Тот факт, что эта новая проблема возникла от действий партнеров Казахстана, а не от какой-либо деятельности Астаны, усложняет поиск решения на нее.

Вот еще одно интересное заключение, которое делают авторы: к счастью для Казахстана, число граждан, выступающих за введение законов шариата, намного меньше, чем в других странах Центральной Азии, и еще больше тех, кто полностью осуждают экстремизм. Это может отражать продолжающееся влияние толерантной бывшей веры казахов, тенгрианства, а также свидетельствовать об успешности проводимой правительством политики светской толерантности. При условии совершенствования подхода, как это было изложено ранее, мы не наблюдаем вероятности прорастания нетерпимой исламизации в Казахстане в следующую четверть века.

Самый важный прогноз (или пожелание) экспертов, на наш взгляд, выглядит следующим образом: в долгосрочной перспективе, энергетика перестанет быть основным локомотивом роста страны. Один из неуглеродных

секторов, способный развить экспортный потенциал, это сельское хозяйство. С целью стать лидером в экспорте сельхоз продукции, Стратегия 2050 предусматривает пятикратное увеличение доли ВВП сельского хозяйства к 2050 году. Авторы рекомендуют создание единого сельскохозяйственно-образовательного и исследовательского центра как ведущего учреждения, способствующее трансформации сельского хозяйства Казахстана, и получающее достаточное финансирование для достижения своих целей.

Наиболее противоречивые, точнее – тенденциозные наблюдения авторов содержатся в геополитическом обзоре. Они отмечают, что первая четверть века независимости Казахстана совпала с быстро ускоряющейся глобализацией. Для молодой страны без выхода к морю это создало значительные возможности для интеграции с миром. В самом деле, Казахстан является движущей силой сотрудничества и интеграции на региональном уровне и за его пределами. Общий уровень глобального участия Америки, в частности его интересы к Центральной Азии, во многом будет формировать глобальные и региональные условия на ближайшие двадцать пять лет. Как показали последние два десятилетия, Америка может оказать решающее влияние, присутствуя в регионе; если нет, его отсутствие также существенно повлияет на формирование международной среды Казахстана. Наиболее сложный период взаимоотношений Китая с Казахстаном, скорее всего, будет в следующие два десятилетия, до начала спада демографического пика. Экономическая и демографическая ситуация в России свидетельствует об упадке в стране.

Нынешнее поколение власть имущих в Казахстане и других странах Центральной Азии имеет общее советское прошлое и соответствующую систему взглядов. Это общее понимание определенным образом объясняет отсутствие реальных рисков войны между государствами в регионе. Такая сдержанность может быть не столь очевидна для будущего поколения лидеров, чей бюрократический аппарат станет продуктом национальных образовательных систем, а не общей советской системы. С региональной точки зрения еще предстоит выяснить, будут ли эти новые лидеры придерживаться более националистических взглядов, нежели их предшественники, или же будет превалировать региональный дух сотрудничества. Управление водными ресурсами вероятнее всего станет большой проблемой для долгосрочной будущей стабильности и развития Казахстана и Центральной Азии.

Наконец, эксперты заключают, что решающее значение имеют отношения Казахстана с Узбекистаном. В то время как Ташкент откровенно скептически относился ко многим региональным инициативам, последние события показывают, что эта ситуация вполне может измениться

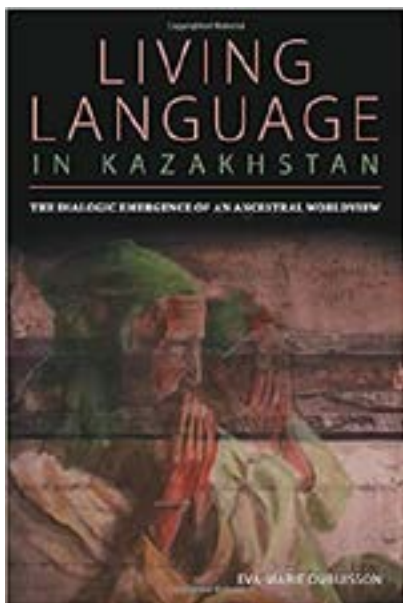
в течение следующих двух десятилетий. В ближайшие 25 лет будущая жизнеспособность внешней политики Казахстана будет зависеть как от политических выборов самого Казахстана, так и от более масштабных событий за пределами страны. В то время как Россия, очевидно, по-прежнему останется доминирующим политическим игроком в большинстве стран Евразии, а Китай, очевидно, продолжит инвестировать в энергетические и инфраструктурные проекты в Центральной Азии, успех в поддержании открытости Евразии будет зависеть от готовности западных и азиатских партнеров сотрудничать с регионом.

Blum D. The Social Process of Globalization: Return Migration and Cultural Change in Kazakhstan. – New York, Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – V+214 pp.

Книга Дугласа Блюма «Социальные процессы глобализации» посвящена влиянию глобализации на культурные изменения в Казахстане в результате миграционных процессов, а именно – из США в РК. Исследование следует отнести к разряду тех, которые изучают проблемы культурной глобализации. Д.Блюм изучает социальные процессы и механизмы через призму отношения и поведения той части казахстанской молодежи, которая после обучения на Западе возвратилась на родину. Автор, опираясь на данные социологии и собственных наблюдений и интервью, приходит к выводу, что налицо критическое отношение со стороны представителей этой части казахстанской молодежи, а также признаки социо-культурных различий, касающихся идентичности. Исследователь констатирует у этой части молодежи сложное смешение привитой на Западе культуры потребления и либеральных взглядов с традиционными и консервативными установками (особенно в той части, которая касается гендерных представлений). В целом, Д.Блюм признает данное явление в качестве специфического культурного феномена в рамках более широкого процесса культурной глобализации.

Dubuisson Eva-Marie. Living Language in Kazakhstan. The Dialogic Emergence of an Ancestral Worldview. – Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2017. – 200 p.

Еще одна работа этнографического характера Евы-Мари Дюбиссон «Живой язык в Казахстане: диалогическое возникновение мировоззрения предков» представляет собой попытку, говоря словами самого автора, нарисовать «эмоциональный ландшафт казахской духовности». Речь идет о взаимодействии разных поколений (традиционного) казахского общества, как на семейном, так и общественном уровне. Дюбиссон пытается показать,



что культ умерших предков играет центральную роль в социальной жизни казахов, являясь особой формой мировоззрения, что исторически находит корни во всей системе верований Внутренней Азии. В исследовании также делается попытка доказать, что культ предков в современных условиях представляет собой реакцию на авторитаризм и экономическую неопределенность, когда многие люди обращаются за советами и поддержкой к своим предшественникам, чтобы сильнее связать себя с прошлым и заложить прочный фундамент для настоящего. Таким образом, согласно теории (довольно экстравагантной) автора, диалог с предками затрагивает вечные

вопросы о вере и морали, дает указания к поведению и открывает механизм социально-политической критики, грядущих изменений и формирования образа мыслей. При этом Дюбиссон вполне сознательно игнорирует в данном контексте исламскую проблематику.

Laszcowski M. "City of the Future": Built Space, Modernity and Urban Change in Astana. – New York: Burghahn Press, 2016. – XII+205 pp.

«Город будущего» – так назвал свою книгу польский исследователь М.Лашковский, посвященную феномену создания в Казахстане новой столицы. Данный вопрос автор рассматривает с точки зрения освоения пространства, модернизации и градостроения (в большей степени, чем чисто технологического). М.Лашковский вполне справедливо отмечает в своей работе, что столицы бывших советских республик Средней Азии первыми стали объектом переустройства в рамках нацстроительства. Если в Ашхабаде и Ташкенте данный процесс коснулся в основном смены символов (памятник Ленина на статую эмира Тимура), то казахстанское руководство пошло на крайне радикальный шаг – перенос столицы из Алма-Аты в бывший Целиноград (Акмола). Автор считает, что основной причиной и главным следствием такого решения, потребовавшего колоссальных инвестиций, стала массовая миграция в новую столицу. Астана, обретшая новое имя в 1997 г., сыграла двойную роль, став символом новой государственности и одновременно – статуса лидера обновленного государства. Автор также изучает этнографические изменения в структуре населения города, в частности – судьбу недавних целиноградцев (т.е. русского и русскоязычного населения). Эта дихотомия, утверждает

автор, решила с переносом государственного аппарата на левый берег Ишима. Таким образом, заключает исследователь, возникло фактически два города: первый на правом берегу символизирует советское прошлое, и второй – модернистский, в котором воплотились смелые мечты лидера республики, построить «город будущего», который олицетворял бы новый Казахстан. И строительство Астаны (теперь Нур-Султана) стало весомым вкладом в этот процесс.

Laruelle M. (ed.). Kazakhstan: Nation-Branding, Economic Trials, and Cultural Change. Institute for European, Russian and Eurasian Studies. The George Washington University. – Washington, DC: George Washington University, 2017. – 86 p.

В рамках своих многочисленных проектов Марлен Ларюэль в 2017 году вновь собрала интернациональный коллектив с целью осветить развитие Казахстана на современном этапе – т.е. в 2010-е годы. Книга состоит из четырех частей, включающих работы специалистов за предшествующие годы. Первая часть посвящена синтезу политики, социальных вопросов и управлению ресурсами. Вторая часть исследования освещает сильные и слабые стороны казахстанской экономической модели. В третьей части рассматриваются вопросы взаимосвязи нациестроительства и их влияние на внешнюю политику РК. И наконец, заключительная часть посвящена исключительно проблемам ислама в республике.

Таким образом, концептуальная идея издания состоит в том, что Казахстан использовал свой бренд многовекторности боли или менее успешно. Однако со временем начались трудности с внешними инвесторами, особенно после национализации крупных компаний в нефтедобывающей сфере. Усложнение ситуации повлекло нарастание социальных проблем (жанаузенские события), спровоцировало очередное падение национальной валюты. Все это происходило на фоне расширения исламистских настроений в городском и сельском обществе.

Cornell Svante E., Starr S. Frederick, Tucker Julian. Religion and the Secular State in Kazakhstan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2018. – 96 p.

В рамках многолетних исследований Института Центральной Азии и Кавказа (Ун-т Джонса Гопкинса) группа исследователей во главе с проф. Ф.Старром (а также в лице соавторов – С.Корнелла и Дж.Таккера) подготовила помимо Узбекистана аналогичное (но более развернутое) исследование, посвященное уже Казахстану – «Религия и светское государство

в Казахстане». Первая часть книги носит название («Развитие религии и государственности в Казахстане»), имеющее, безусловно, исторический характер и затрагивает широкий круг проблем – исламизация, российская колонизация, рост казахского национализма, ситуация в советскую эпоху. Как отмечалось, исламская проблематика напрямую связана с востоковедением.

Авторы исходят из того, что все проблемы, связанные с религиозным экстремизмом в РК, порождены влияем из таких регионов как Северный Кавказ, регион «Афпак» (Афганистан-Пакистан) и сирийско-иракская зона (ИГИЛ). Они отмечают, что казахстанская модель секуляризма противоположна американской, занимающей нейтральную позицию по отношению к различным религиозным сообществам. Казахстанская модель, скорее всего, вдохновляется французским и турецким опытом. Более того, согласно данной модели, религии подразделяются на традиционные и нетрадиционные, причем предпочтение отдается первым. То есть, в республике взята на вооружение концепция «доминирующей религии». Главная дилемма, с которой сталкиваются власти страны, состоит в противоречии на грани конфликта между ханафийским исламом и т.н. «народным исламом», испытывающим влияние суфизма.

Общую линию исследования задает первая часть книги, носящая ретроспективный характер. При этом авторы в самом начале исходят из довольно спорного посыла, что религиозная жизнь казахов (и других народов) на протяжении своей исламской истории испытывала тяжелое давление со стороны сначала российских властей, а затем советского режима. Как следует из материалов книги, основной вопрос в этой проблеме состоит в следующем: как давно и как глубоко укоренился ислам в казахском обществе? В этом вопросе авторы не оригинальны. Еще со времен Чокана Валиханова утвердился тезис (охотно поддержанный советской историографией) о том, что по сути казахи (широкие массы населения, а не элита) никогда не были истинными мусульманами, оставаясь по сути язычниками (культ святых мест, доисламские праздники, шаманизм и т.д.). Речь идет только об элите, которую с большей натяжкой можно было назвать исламизированной. Особенно это касается рода хаджи (кажи), возводящего свое происхождение к основателю ислама и первым халифам. В целом, авторы признают казахский ислам как очень специфический, и как своеобразный синтез с тенгрианством и суфизмом.

Относительно российско-имперского периода истории Казахстана, то авторы придерживаются концепции М.Олкотт, базирующейся на идее, что ислам целенаправленно внедрялся в казахской степи Екатериной Второй (силами татарского клира в противовес радикальному среднеазиатскому

исламу) как некая цивилизирующая сила. В итоге в середине XIX века казахи стали объектом двойной исламизации – с севера и юга. Главным событием царской эпохи исследователи считают утверждение казахского национализма. Возникает вопрос о его соотношении с исламским вопросом. Они отмечают появление среди казахской элиты группы светских интеллектуалов (Ч.Валиханов, И.Алтынсарин, А.Кунанбаев), симпатизировавших российскому правлению; второй волной уже в XX веке стали будущие алашордынцы – А.Букейханов, А.Байтурсунов, М.Тынышбаев, М.Дулатов, М.Чокаев и др. В период накануне I мировой войны на авансцену политической и духовной жизни края выходят исламистские интеллектуалы – Б.Каратаев, Дж.Сейдалин, С.Лапин. По мнению авторов, в сложные годы революции и гражданской войны победило как идейное течение светское видение будущего для казахского общества. И это не было результатом насильственной большевизации, подчеркивают авторы.

Анализируя советский период в истории Казахстана и всего региона, авторы вольно или невольно повторяют все известные стереотипы прежней советологии. И подводя итоги этой эпохи, прибегают к некоей разновидности академического трюка, делая общие для Казахстана и других республик Средней Азии выводы, несмотря на разный, а порой противоположный культурно-исторический и социально-политический контекст между ними. Содержанием следующего постсоветского периода, по мнению исследователей, станет религиозное, идеологическое и политическое соперничество между традиционным ханафитским исламом и салафизмом.

Но на территории Казахстана борются не только «мириады», по выражению авторов, исламских и мусульманских течений и учений. Республика стала также полем для экспансии различных направлений христианства. В такой ситуации православная церковь становится скорее союзником, чем соперником, официального ислама и покровительствующего ему государства. Здесь авторами отмечается феномен «христианского возрождения» в Советском Казахстане. Еще в 1989 году количество зарегистрированных организаций протестантского толка и нетрадиционных течений достигло 671 на фоне всего лишь 46 мусульманских ассоциаций. В этих условиях официальный суннитский ислам ханафитского толка и православие превращаются в естественных союзников друг друга и государства.

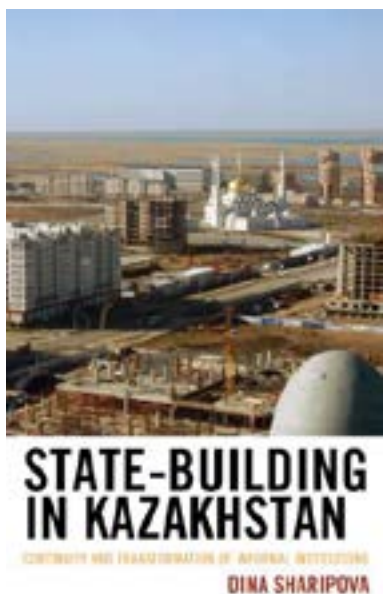
Со временем обозначилась тревожная тенденция: проникновение и распространение салафизма было следствием мощной финансовой поддержки со стороны фондов и физических лиц из стран Персидского залива. В данном контексте в книге выделен отдельный раздел, посвященный росту террористической исламистской угрозы с начала 2010-х гг.

По оценкам авторов, «вклад» казахстанских исламистов в джихадизм ИГИЛ составляет порядка 400 чел. В качестве противодействия подобным тенденциям стали действия правительства, в том числе и на законодательном уровне, против т.н. нетрадиционных религий и решительная поддержка со стороны государства «традиционных» конфессий, под которыми подразумеваются в первую очередь официальный ислам под юрисдикцией ДУМК и РПЦ, а также иудаизм, буддизм и в меньшей степени – католицизм, подозревающийся в прозелитизме наряду с протестантскими течениями.

Авторы отдельную главу посвятили системе поддержки и защиты государственного секуляризма, на что работают конституционные устои, многочисленные законы и официальные институты: Министерство по делам религий, муфтиат, КНБ, Съезд лидеров мировых и традиционных религий, образовательные учреждения. Резюмируя эту главу, исследователи приходят к выводу, что казахстанская модель секуляризма еще окончательно не сформировалась и находится в процессе эволюции. Эта модель базируется на принципах французского республиканства и антиклерикализма (как советское наследие), включив в себя и пример турецкой светской модели. Но тревожные события последнего десятилетия продемонстрировали, что власти недооценивали степень террористической угрозы и постарались придать динамизм процессу формирования и укрепления светской системы страны.

Ученые отмечают, что казахстанская модель секуляризма привлекает пристальное внимание со стороны Запада в силу геополитической важности этой республики для него. В заключение авторы сравнивают Казахстан с социально-культурной лабораторией по испытанию работающей модели отношений государства и религии. Но, как и влиятельные внешние (прежде всего, западные) силы, так и ведущий сегмент казахстанской элиты, заинтересованы в сохранении светского характера страны. В этой связи стратегической целью становится задача сохранения светского характера законодательства, судебной системы и системы образования.

Что касается уровня религиозности среди казахского и казахстанского населения, то в основной своей массе оно охотно поддерживает либеральный характер религии, межконфессиональный мир и межрелигиозный диалог. От себя добавим, что это и является самым драгоценным наследием советской интернационалистской системы, которую так любят критиковать наши западные коллеги.



Sharipova D. State-Building in Kazakhstan. Continuity and Transformation of Informal Institutions. – London, New York: Lexington Books, 2018. – XX+190 pp.

В 2018 году в издательстве Лексингтон увидела свет работа нашей соотечественницы Д.Шариповой (проф. КИМЭП) «Государственное строительство в Казахстане: преемственность и трансформация неформальных институтов». Автор выступает, фактически, против стереотипа, заключающегося в том, что якобы по мере укрепления либерализации экономики, быстрой урбанизации и индустриализации происходит отмирание таких «архаичных» общественных институтов как клиентелизм, различные неформальные и традиционные социальные сети. Но пример Казахстана, утверждает автор, показывает, что подобные институты продолжают играть важную роль в повседневной жизни населения. Либерализация экономики и уход государства из социальной сферы резко снизил уровень социальной инфраструктуры, защищенности и поддержки населения в постсоветский период. Именно данный фактор подтолкнул массовое вовлечение населения к более активному участию населения в системе неформальных связей.

Свой интерес в качестве объекта изучения Д.Шарипова (помимо того факта, что Казахстан остается для автора далеко не чужим) автор объясняет рядом причин. Во-первых, ранее внимание исследователей в этой области привлекали такие регионы как Африка, ЮВА, Латинская Америка, Восточная Европа (тезис, с которым можно поспорить), но никогда Центральная Азия. Во-вторых, в республике широко распространены, по спорному мнению автора, такие явления как патронаж, nepotism, клиентелизм, клановость и ряд других видов неформальной практики. В-третьих, Казахстан представляет собой идеальный объект для проведения и изучения т.н. «квази-эксперимента», т.е. сочетание богатых традиций неформальных связей в сочетании с имитацией западных институтов открытости, демократии и верховенства правовых институтов.

Особенность исследовательского подхода Д.Шариповой состоит в изучении неформальных каналов и механизмов получения населением доступа к качественному образованию, жилью и здравоохранению. Сравнивая советский и постсоветский периоды, автор показывает, что граждане охотнее прибегают к использованию семейных и клиентелистских отношений,

чем рассчитывают на помощь государства. В целом, по мнению, критиков, исследование Д.Шариповой представляет собой важный вклад в социологию неформальных связей. Данная книга рассчитана, безусловно, на западную аудиторию, слабо знакомую с повседневными реалиями жизни на постсоветском пространстве, особенно после крушения социальних основ социализма.

**Новейшая история Центральной Азии:
Проблемы теории и методологии. Сб. статей. Вступ. ст., подгот.,
отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов. Российская акад.
наук. Ин-т востоковедения. Ин-т истории АН РУз. –
М.: Институт востоковедения РАН, 2018. – 304 с.**

Данная монография представляет собой сборник статей, который включает в себя исследования по теории и методологии исторической науки на основе материалов новейшей истории Центральной Азии, выполненные в рамках научной программы Института истории Академии наук Республики Узбекистан, «Центра новейшей истории» по проведению научных конференций, международных и региональных «круглых столов» и экспертных встреч с участием исследователей из различных стран Европы и Азии. Проект издания книги осуществлен с участием Института востоковедения РАН (Москва) при финансовой поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра (ФРГ).

Данная книга представляет собой специфический проект, в котором в достаточной мере нашли отражение самостоятельные методологические поиски исследователей новейшей истории народов Центральной Азии. В этой книге материалы объединены в рамках трех разделов. Первый раздел включает в себя общетеоретические исследования. Второй раздел демонстрирует сочетание теоретического и эмпирического материалов на примере стран Центральной Азии. Завершающий раздел о междисциплинарном поле новейшей истории, точнее, исторического знания, представлен материалами по архивистике, этнологии, дипломатии, международным отношениям, истории искусства.

Редакторы данного сборника видели свою задачу в максимально точном сохранении всего объема ценного эмпирического материала по новейшей истории Центральной Азии, самостоятельных теоретических подходов и системы аргументации.

По понятным причинам нас интересует в первую очередь материал, посвященный Казахстану. Это сдвоенный раздел, в котором рассматривается формирование политических систем Кыргызстана и Казахстана. Автор (И.Фукалов, Кыргызский национальный университет

им. Жусупа Баласагуна, Бишкек) пишет, что на длительном историческом этапе развития жизнедеятельность киргизского и казахского народов разворачивается в условиях кочевой цивилизации. В условиях господства патриархальной психологии общественное мнение в Степи ориентировалось на ценности прошлого, на «завещанные предками» порядки. Процессы социальной интеграции и властного доминирования имели в кочевом обществе сложную многоуровневую природу. Была создана такая государственная идеология, которая гармонично влилась в существующий мировоззренческий императив. Дальнейший генезис института власти, появление его государственной формы потребовало идеологического оформления. Появилась настоятельная потребность интерпретации культа предков как государственного.

По мнению автора, основное системообразующее ядро новой политической элиты независимого Казахстана составили представители старой партийно-государственной номенклатуры, рекрутированные большей частью из сельских маргиналов и являющиеся носителями многих органически присущих данному социокультурному типу мировоззренческих представлений, ценностной ориентации, политических убеждений и идеалов, впитавшие в себя и специфические черты советской политической культуры и политического поведения. Тем самым политическая культура Казахстана сэволюционировала в обратном направлении, характерном для традиционного общества.

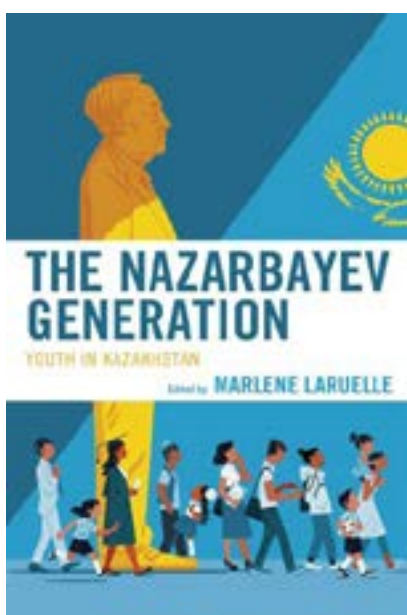
Как отмечает исследователь, в начале 1990-х годов произошла культурная реабилитация и легализация казахского трайбализма, которые создавали благоприятные условия для усиления казахских клановых элит. Действующие политические институты превратились в орудие оживления традиционного общества, для которого характерен коллективизм, принцип подчинения интересов индивида интересам общины. Отсюда проистекают такие явления, как неприятие разделения общества по партийному признаку, почитание власти, основанной на принципе уважения старших. Основной причиной возвращения Казахстана и Кыргызстана к традиционному обществу выступает цикличность культурно-воспроизводственного процесса, которая в силу исторических обстоятельств осуществлялась не естественно-эволюционным путем, а односторонне регулировалась государством.

В настоящее время в массовом сознании постсоветского человека в Кыргызстане и Казахстане разворачивается противостояние двух типов систем политической культуры: культуры подданничества и культуры гражданственности, тоталитарно-авторитарной культуры и либерально-демократической культуры. Поэтому здесь, в новых исторических условиях

рыночной экономики и политической демократии, по-прежнему новое содержание изменяющейся жизни отторгается и принимается лишь его видимая оболочка. Иначе говоря, старое традиционное содержание вкладывается в новую демократическую форму. В этой связи, вероятнее всего, политическая культура в современном Кыргызстане и Казахстане еще длительное время будет носить «смешанный» характер, представляя собой комбинацию традиционных и современных элементов, общинно-коллективистской и индивидуально-личностной ориентации сознания и поведения людей.

Институционализация политической культуры разворачивается по инновационной форме, а наполняется традиционным содержанием. Слабость политической системы в целом как в странах Центральной Азии, так, в частности, в Кыргызстане и Казахстане, выражается в том, что она пока не смогла найти такой эффективный механизм регулирования социально-экономических отношений в обществе.

Данный раздел страдает двумя изъянами. Во-первых, автор опирается (судя по сноскам на оппозиционные издания 1990-нач. 2000 гг.) на давно устаревшие оценки с явным идеологическим уклоном. Во-вторых, киргизскую политическую действительность, с которой И.Фукалов близко знаком, автор экстраполирует на казахстанские реалии. В целом же, издание переполнено панегириками в адрес Узбекистана и его общественной и политической жизни, что вполне объяснимо, учитывая происхождение данного исследования. Но для любителей теоретических изысканий оно может вполне представлять интерес, хотя в отношении Центральной Азии – в наименьшей степени.



Laruelle M. (ed.) The Nazarbayev Generation. Youth in Kazakhstan. – London, New York: Lexington Books, 2019. – 354 p.

Адам Смит считал, что мировой экономикой и, соответственно историческим развитием, правит рынок; Карл Маркс пришел к выводу, что мотором развития является капитал и стремление к суперприбыли (помимо социально-политических революций – «повивальных бабок истории»). Хелфорд Макиндер делал ставку на геополитические императивы. Самюэль Хантингтон и Эмманюэль Тодд, считающиеся также крупными современными исследователями геополитики, пришли в эту область из социологии. Таким

образом, приходится констатировать, что миром правят география и демография. Первый фактор, задающий общие рамки, является базовым и относительно неизменным; второй фактор действует медленно и скрытно, но когда его результаты проявляются, возникает новая социальная, политическая, экономическая и культурная (иногда – даже цивилизационная) реальность.

Эту тему затрагивает новое коллективное издание под ред. неутомимой Марлен Ларюэль под претенциозным названием «Поколение Назарбаева: молодежь в современном Казахстане». В качестве центральной идеи в основу монографии положена мысль, что половина населения республики родилась за те почти три десятилетия, которые Н.Назарбаев находился у власти. Примерно с начала 2000-х годов это поколение живет в условиях политической стабильности и относительного материального достатка и вносит свой вклад в развитие потребительской культуры. Несмотря на жесткие ограничения со стороны режима в отношении СМИ, религии и открытой публичной деятельности, оно выросло в сравнительно свободной обстановке. Исходя из этого, М.Ларюэль поставила целью показать разницу между поколениями и осветить трансформацию социальных и культурных норм в течение прошедших трех десятилетий.

Книга состоит из четырех частей, в которых делается попытка отразить все многообразие такой трансформации. Первая часть посвящена теме взаимосвязи казахстанской молодежи с национальной идентичностью. Здесь затрагиваются такие проблемы, как то: является ли молодежь единым целым или состоит из различных групп; влияние на молодежь гражданской национальной идентичности; и саамы острый вопрос – сохраняется ли внутри современной молодежи групповое деление на «манкуртов», казахизированных русских и русскоязычных и т.н. «шала казахов». Автор раздела (Т.Кудайбергенова) приходит к выводу, что идет (или уже прошел) процесс в положении казахского языка (в сторону его усиления), рост национальной идентичности и этничности.

Вторая часть построена на оценке мнения молодежи о моральных ценностях. В этой части затрагиваются такие проблемы как гендерность, национализм, соотношение и влияние консервативных и либеральных ценностей; а также делается социо-культурный срез этно-националистического ландшафта в трех крупнейших городах страны с точки зрения перспектив этнической и социальной интеграции (видимо, сельской) молодежи в городскую среду. В третьей части рассмотрена с разных ракурсов проблема влияния глобализации на процесс культурного смешения в молодежной среде. Авторы очевидно подмечают рост национальной (казахской) идентичности среди молодежи как в городах и на селе, так и за

границей. Этот процесс проявляется в основном в музыкальной эстрадной культуре. И наконец, последняя глава завершает изучение данного феномена через рост молодежной активности и ее вклад в СМИ, политическую среду, арт-сообщество и сексуальную проблематику как снятие прежних табу.

И так, исследование ясным образом констатирует рождение, становление и выход на авансцену современного Казахстана нового поколения, которое авторы вполне справедливо связывают с целенаправленной политикой Первого Президента РК Н.Назарбаева. Это поколение пронизано взаимосвязью достоинств и противоречий: консьюмеризм и национализм, технологическая продвинутость при отсутствии фундаментальных научных знаний, открытость миру и новым идеям; верность национальным традициям и вольнолюбие, преданность семейным ценностям и патриотизм при отсутствии политической логики. Этот список можно было бы продолжать еще долго, но подобные процессы историки наблюдают во многих обществах на различных этапах исторического развития, когда идет резкая ломка старого и внедрение нового. И результат не всегда бывает положительным и завершенным.

Настоящее исследование выходит в свет в сложный период политического развития страны, когда на смену Н.Назарбаеву приходит в качестве его политического преемника и духовного наследника К.Токаев. И если новое поколение, которое авторы по праву называют «назарбаевским», связывает с его именем свою идентичность, то фигура второго президента независимого Казахстана вольно или невольно притягивает к себе многочисленных представителей старшего и среднего поколений – «кунаевского поколения». И тогда мы можем получить проблему «отцов и детей» в ее классическом варианте противостояния поколений. В этом контексте данная книга приобретет новое значение и новый смысл.

НОВАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Данный раздел является продолжением цикла обзоров литературы, посвященной Центральной Азии. Он имеет свои особенности: она рассматривает преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. Эта проблема содержит вопрос о роли дореволюционной истории региона в трудах зарубежных исследователей. Применительно к Центральной Азии возобладало звание политологов, для которых характерны эпигонство и вторичность, если говорить именно об историко-востоковедных исследованиях. Вся литература за рубежом о Центральной Азии постсоветского условно можно разделить на несколько групп. К первой группе нужно отнести политологические исследования концептуального уровня. Вторая группа представляет собой исследования традиционного академического характера. К третьей группе мы бы отнесли работы политологического и социологического направления, затрагивающие проблемы трансформации традиционных структур в современный период (советский, постсоветский), т.е. имеющие отношение к востоковедной проблематике. Четвертая группа публикаций о регионе – это различного рода просветительская литература общепопулярного характера.

Этот подход содержит вопрос о роли дореволюционной истории региона в трудах зарубежных исследователей. Здесь доминировали две наиболее крупных проблемы: присоединение Средней/Центральной Азии (Туркестана) к России и связанная с ней т.н. «Большая Игра». Но основное место занимает изучение Центральной Азии и ее истории в современной политологии. Это связано с тем, что многочисленные публикации о регионе и отдельных государствах ЦА включают в себя, как правило, исторический экскурс.

Не секрет, что в последние десятилетия классическая ориенталистика была взята на вооружение политологией и геополитикой (и этот вывод касается не только Центральной Азии). в некоторых случаях даже можно утверждать, что традиционная наука была оттеснена на второй план политическими исследованиями.

Как представляется, такое положение дел связано не только с идеологической экспансией, геополитической борьбой и вмешательством мозговых центров в деятельность академических институтов, что было характерно для всей второй половины XX века. Постепенный закат классической ориенталистики, который в последние десятилетия принял ускоряющийся характер, имеет и объективные причины. Востоковедение XX столетия имело под собой прочный фундамент в лице заложенных еще в предыдущем веке традиций, методов, теорий и т.д. Однако изменение картины мира, исчерпание естественного поля для исследований, деколонизация и другие объективные факторы, в том числе физический уход с научной сцены и из жизни целых поколений ученых, получивших классическое востоковедное образование в первой половине и в середине XX века, когда еще были живы традиции классической науки XIX века, все это вместе привело к неизбежному упадку той ориенталистики, которую мы знали по блестящим трудам классической эпохи.

Применительно к Центральной Азии возобладало засилье политологов, для которых с точки зрения классической науки характерны, как правило, эпигонство и вторичность, если говорить именно об историко-востоковедных исследованиях. Тем не менее, и в этих условиях литература XXI века демонстрирует приятные исключения. Так, нельзя не сказать о работе проф. Ф.Старра «Утраченное просвещение» (см. ниже), который гармонично соединил в своей книге востоковедные знания с политическим заказом. в этом же ряду следует назвать интереснейшую работу М.Олкотт «В вихре джихада», о которой нам уже приходилось писать и которую благодаря обширному собранному полевому материалу и глубокому использованию исторических материалов вполне можно отнести к работам из разряда историко-востоковедных. Но оба исследователя уже являются ветеранами науки с блестящей подготовкой, и все меньше остается шансов, что их сменит поколение со сравнимым багажом знаний и методологий (и с тем же запасом академического энтузиазма).

Всю литературу за рубежом о Центральной Азии постсоветского периода (вольно или невольно, мы берем эту дату в качестве исторической и историографической межи) условно можно разделить на несколько групп. к первой группе нужно отнести политологические исследования концептуального уровня, посвященные как региону в целом, так и отдельным

республикам (от древности до современности, или как говорили в наше время – «от палеолита до Главлита»). Их авторы, как правило, не ставят перед собой целью (за редкими исключениями) дать развернутую историческую картину предмета исследования, но считают для себя обязательным ввести читателя в исторический контекст. Поэтому их работы имеют или введение, или первый раздел (главу, часть) исторического характера. с научной точки зрения эти разделы обычно являются полностью компилятивным изложением давно известных исследований. в крайне редких случаях некоторые авторы делают попытку приспособить исторический контекст под собственную теорию или концепцию, если таковые у них имеются. в этих случаях мы освещаем такие исследования отдельно.

Вторая группа представляет собой исследования традиционного академического характера. Это могут быть широкомасштабные проекты, как например, длившийся десятилетиями французский проект по изучению архивов Османской империи, в том числе и по Центральной Азии. к этой же категории относятся различные этнографические, археологические и другие подобного рода полевые проекты исследований. Они стали возможными после падения железного занавеса, когда драматическое крушение СССР открыло свободный доступ на нашу территорию западным ученым. Однако в последние годы подобные проекты (по-видимому, вследствие недостатка финансирования), постепенно сходят на нет. Изучение ислама, музейных коллекций, лингвистические исследования – все это, безусловно, попадает под категорию востоковедного знания.

К третьей группе мы бы отнесли работы политологического и социологического направления, затрагивающие проблемы трансформации традиционных структур в современный период (советский, постсоветский), т.е. имеющие отношение к востоковедной проблематике. Круг изучаемых вопросов включает в себя изменения в традиционном обществе (клановой системе, ауле, кишлаке, махалле и т.д.), исламский вопрос, рост религиозного самосознания, проблемы национализма, этнического и национального самосознания, особенно после распада советской системы, и в более широком контексте – вопросы демодернизации, архаизации, роста религиозного мракобесия и социальной деградации постсоветских обществ Центральной Азии (хотя порой складывается впечатление, что многие западные авторы, констатируя эти процессы, в глубине души приветствуют их).

Четвертая группа публикаций о регионе – это различного рода просветительская литература общепопулярного характера, порой на грани туристических справочников. Наиболее солидными среди них являются издания в рамках различных серий: например, «Оксфордская мировая

история», серии издательств «Пэлгрейв», «Макмиллан» и других. Естественно, подобные издания в научном плане не представляют никакой ценности, хотя в роли подробных источниковедческих и историографических справочников они могут быть полезными серьезным исследователям.

Среди типичных изданий, которые можно отнести к первой группе, можно отнести коллективный сборник, изданный в США, «Центральная Азия в исторической перспективе» (1998) под ред. Б.Манц.¹ Во Франции в этот период основным источником информации о регионе для академических кругов и широкой публики служила монография Ж.-П.Ру «Центральная Азия: история и цивилизации» (1997).² в Великобритании просветительскую функцию в отношении Центральной Азии несли работы М.Уайтлока по истории региона. Это книги «За Оксом» (2002) и «Нерассказанная история Центральной Азии» (2003).³

К этой же категории изданий относится фундаментальная по своей направленности монография Дилипа Хиро «Внутри Центральной Азии: политическая и культурная история Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, Турции и Ирана» (2009). Как мы видим, автор сделал попытку связать глубокий историко-цивилизационный контекст региона с событиями новейшей истории, включая исламскую революцию в Иране. При этом Д.Хиро рассматривает историю и современное положение каждой из республик региона.⁴

Вторую группу изданий представляет фундаментальное исследование А.Франка «Бухара и мусульмане России: суфизм, образование и парадокс исламского престижа» (2012). Книга базируется на изучении источника «Тарих-и Барангави» (История Баранги), который повествует о выходцах из Волго-Уральского региона – татар и башкир, которые в XVIII-XIX вв. по политическим или экономическим мотивам нашли пристанище в Бухаре. с точки зрения серьезных критиков, это интересное и глубокое историческое исследование, проливающее свет на многие аспекты религиозной истории обширных мусульманских регионов Российской империи.⁵

¹ *Manz B.* (ed.). *Central Asia in Historical Perspective.* – Boulder (Co): Westview Press, 1998. – X+245 pp.

² *Roux J.-P.* *L'Asie centrale. Histoire et civilisations.* – Paris: Fayard, 1997. – 520 p.

³ *Whitelock M.* *Beyond the Oxus. The Central Asians.* – London: John Murrey, 2002. – 290 p.
Whitelock M. *Land beyond the River: the Untold Story of Central Asia.* – New York: Thomas Dunne, 2003.

⁴ *Hiro D.* *Inside Central Asia. A Political and Cultural History of Uzbekistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkey, and Iran.* – New York, London: Overlook Duckworth, 2009.

⁵ *Frank A.J.* *Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education and the Paradox of Islamic Prestige.* – Leiden: Brill, 2012. – VII+215 pp.

к данной работе примыкает книга А.Купера «Бухарские евреи и динамика глобального иудаизма», которая рассматривает историю этой общины в исторической перспективе.⁶ Параллельно в монографии затрагиваются проблемы истории региона.

В данном ряду также можно назвать работу под ред. П.Сартори «Исследования социальной современной истории Центральной Азии: 19-нач. 20 вв.», в которой фокус делается на изучении отношений между российской колониальной администрацией и местными элитами. Помимо этого поднимается широкий круг проблем, связанный с противоречиями в сфере земельно-водной политики, отношениями между простым населением и новой элитой, связанной с колониальным режимом. Затрагиваются также вопросы ислама и подъема национального самосознания на рубеже веков.⁷

Классическое востоковедение представляет монография Т.Уэлсфорда, посвященная короткому периоду в истории Маверенахра и сложившейся там системе правления. Фактически, автор исследует механизм перехода власти и легитимности от Шейбанидов к их двоюродной ветви – Тукай-Тимуридам в короткий период 1598-1605 гг. данный сюжет представляется крайне важным с точки зрения изучения механизма власти в средневековом периоде истории региона.⁸

К числу востоковедной историографии, безусловно, можно отнести монографию Агнесс Нилюфер «Быть мусульманином в Имперской России» (2014). Автор исследует (в основном на примере Татарстана) политику Петербурга в отношении нацменьшинств по христианизации части населения (кряшенов).⁹

Основательно подготовленная монография Уильяма Хоничерча «Внутренняя Азия и пространственная политика империй: археология, мобильность и культура» (2015) написана как ответ тем западным «исследователям», которые делали попытки в последнее время принизить роль кочевников Внутренней Евразии в качестве строителей собственных цивилизаций. в конечном итоге участие автора в данной дискуссии, последняя вспышка которой имела место с выходом работ А.Хазанова, Н.Крадина,

⁶ Cooper A.E. *Bukharian Jews and the Dynamics of Global Judaism*. – Bloomington: Indiana University Press, 2012. XXIV+305 pp.

⁷ Sartori P. (ed.) *Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th – early 20 Century)*. – Leiden: Brill, 2013. – XIII+333 pp.

⁸ Welsford Th. *Four Types of Loyalty in Early Modern Central Asia: the Tukay-Timurid takeover of Greater Ma Wara al-nahr, 1598-1605*. – Leiden: Brill, 2013. – XX+365 pp.

⁹ Nilüfer A. *Becoming Muslim in Imperial Russia: conversion, apostasy and literacy*. – Ithaca, London: Cornell University Press, 2014. – XV+289 pp.

Т.Барфилда и других в 1980-90-е годы, возвращает нас к проблеме кочевой государственности.¹⁰

В четвертой группе изданий обращает на себя внимание книга К.Таброна «Потерянное сердце Азии» (1994), построенная на собственных впечатлениях автора, полученных во время путешествия по республикам региона вскоре распада Советского Союза, и одобренных историческими экскурсами. Кстати говоря, это широко распространенный прием по написанию такого рода работ, характерный для многих публикаций данной группы.¹¹

В «Оксфордской серии мировой истории» можно выделить две книги. Это издание С.Лю «Шелковый путь в мировой истории» (2010), посвященный роли Центральной Азии в функционировании на протяжении тысячелетий великих торговых путей древности и средневековья.¹² Другой работой такого рода является книга П.Голдена «Центральная Азия в мировой истории» (2011), которая в географическом плане охватывает более обширный ареал, чем собственно Центральная Азия. Автор включил в регион под этим названием значительные территории Сибири, Китая, Южной Азии и Среднего Востока. То есть, речь идет фактически о Центральной Евразии в духе трактовки Д.Синора.¹³ в серии издательства «Пэлгрейв» в 2008 г. увидела свет книга нашего бывшего соотечественника Р.Абазова «Исторический атлас Центральной Азии», представляющее собой культурологическое издание с обширным этнографическим материалом.¹⁴

Тему Шелкового пути в Оксфордской серии еще ранее затрагивал К.Бекуиз в своей монографии «История империй Шелкового пути: история Центральной Евразии с бронзового века до настоящего времени». По своим критериям данное издание вполне отвечает основным характеристикам подобных публикаций.¹⁵ и завершает эту серию небольшое издание Дж.Милворда «Краткое введение в история Шелкового пути» (2013).¹⁶ Р.Фолиц еще ранее в своем исследовании «Религии Шелкового пути»

¹⁰ *Honeychurch W.* Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archeology, Mobility and Culture. – New York: Springer Science, 2015. – XI+321 pp.

¹¹ *Thubron C.* The Lost Heart of Asia. – New York: Harper Perennial, 2008 (1994). – 400 p.

¹² *Xinru Liu.* The Silk Road in World History (The New Oxford World History). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 154 p.

¹³ *Golden P.B.* Central Asia in World History. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – X+178 pp.

¹⁴ *Abazov R.* The Palgrave Concise Historical Atlas of Central Asia. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – XVII+124 pp.

¹⁵ *Beckwith C.I.* The Empires of the Silk Road. A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present. – Oxford, Princeton: Princeton University Press, 2009. – XXV+504 pp.

¹⁶ *Millward J.* The Silk Road: a very short introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 160 p.

поднял тему роли трехтысячелетней истории религиозной экспансии в регион различных мировых конфессий и их роли в цивилизационной ориентации региона, в которой в конце концов возобладала исламская.¹⁷

К этой группе изданий относится начатая издательством «Таурис» многотомная серия «История Центральной Азии», из которой нам пока известно только о 1 томе – «Эпоха степных воинов» Ч.Баумера (2012). Данный том посвящен периоду бронзового и железного века, античной эпохе и началу эллинистической эпохи. Остается надеяться, что в следующих томах найдут отражения, связанные с появлением в регионе тюрко-монгольских (алтайских) номадов.¹⁸

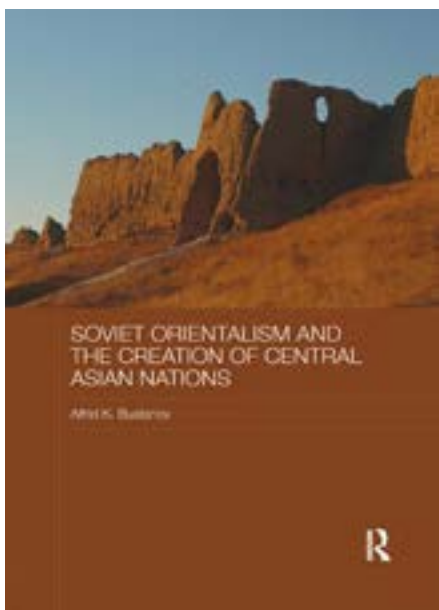
Отдельное место занимает коллективная монография (под ред. Н.Грина) «Письменные описания путешествий в центральноазиатской истории», выпущенная Индианским университетом. Издатели собрали восемь нарративов, принадлежавших самым разнообразным авторам. Среди них мемуары среднеазиатского поэта о беседах с императором Великих моголов; доклад российских коммерсантов XVII века, совершавших дипломатическую миссию в Хиву и Бухару; иллюстрированный китайский альбом о западных соседях Цинской империи; персидские записи об участии туркменов в работоторговле, относящиеся примерно к 1860 г.; материалы британских экспедиций к северу от Оксуса и японские археологические доклады об экспедициях для раскопок буддистских памятников в Восточном Туркестане. в целом эти собранные вместе различные по характеру, содержанию и целям материалы охватывают исторический период с 1500 по 1940 гг. и дают представление о культурно-исторических связях региона с внешним миром и соседними цивилизациями на протяжении продолжительного исторического периода.¹⁹

¹⁷ *Folitz R.* Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization. – New York: Palgrave, 2010. – 139 p.

¹⁸ *Baumer Ch.* The History of Central Asia, Volume 1: the Age of the Steppe Warriors. – London, New York, 2012. – 384 p.

¹⁹ *Green N.* (ed.) Writing Travel in Central Asian History. – Bloomington: Indiana University Press, 2014. – IX+220 pp.

4.1. Теория и методология



Bustanov Alfrid K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. – London, New York: Routledge, 2014. – XXIV+144 pp.

Альфريد Бустанов (проф. факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге и доктор Амстердамского университета) посвятил свое исследование «Советская ориенталистика и создание центральноазиатских наций» истории советского востоковедения в Средней Азии (2015). в рецензируемой работе Бустанов ставит целью осветить роль ориентализма в создании центральноазиатских наций, уделяя основное внимание каза-

хам. Бустанов изучил и проработал свою собственную научную генеалогию, идущую через его учителя, видного тюрколога Сергея Кляшторного, который боролся против национального партикуляризма в исторической науке. в книге Бустанова также всесторонне исследованы тексты историков из русского академического сообщества. Освещены происхождение и судьба академического нациестроительства как на службе советскому государству, так и вопреки его политике.

А.Бустанов начинает с краткого введения в понятие ориентализма в контексте Центральной Азии, характеризуя западное и русское понимание этого термина. Бустанов относит себя к школе советского тюрколога-эмигранта Ю.Брегеля и утверждает, что не всякий ориентализм служит государственным целям. Московские востоковеды были в основном политически мотивированными.

Книга А.Бустанова состоит из трёх небольших информативных глав и общего заключения. в первой главе Бустанов ставит вопрос о сложной природе ориентализма в Советском Союзе как преемнике Российской Империи, чьи учёные находились под влиянием немецкого востоковедения. Молодое советское государство спонсировало издательский проект, целью которого было предоставить учёным ранее недоступные материалы. в течение 1920-30-х гг. источники были поделены между соответствующими народами, которые Бустанов описывает в следующем порядке: узбеки, таджики, туркмены, киргизы (кыргызы) и казахи. Как он отмечает, впервые учёные центральноазиатского региона стали читать старые документы «через этническую призму». в тот же период различные учёные регионалистской направленности публиковали русские переводы

арабо- и персоязычных источников по Центральной Азии. Эти масштабные проекты показали, что исторические нарративы «с трудом поддавались национализации», поскольку обращались к широкой многоэтнической (или, возможно, следует сказать «многонациональной») аудитории и опирались на сильную государственную поддержку. в рамках подобных проектов советская академическая наука демонстрировала комбинацию филологических методов с марксизмом, в частности, показывая, каким образом марксист-ленинист должен применять теорию исторического материализма к трудам таких авторов как Рашид ад-Дин.

Во второй главе автор развивает дихотомию национальной либо региональной интерпретации источников и нарративов, перечисляя силы, действующие в том и другом направлениях. Он также характеризует проблематичную природу националистических версий истории. Например, современная идентификация аль-Фараби как казаха или Бируни как узбека подчеркивает политическую природу национальной интерпретации. Бустанов предполагает, что регионализм как концепт написания центральноазиатской истории восходит к В.В. Бартольд – данная методология была им использована ещё в его докторской диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Автор признаёт, что советская историография не была разделена настолько жёстко, но всё-таки выдвигает сильный тезис о том, что Москва поддерживала националистические интерпретации в собственных политических целях, а Ленинград поощрял более объективный подход и критиковал националистическую разбивку исторических событий, фигур и процессов. А.Бустанов подкрепляет свой тезис о дихотомии националистической и регионалистской школ, показывая их различные подходы к источникам. Например, националистические нарративы демонстрируют зависимость от русского языка.

В последней главе представлена историография современного Казахстана на основе персонального подхода к её авторам. Говоря конкретнее, Бустанов прослеживает процесс изменения точек зрения авторов на средневековую историю казахов. Он утверждает, что сдвиг в восприятии произошёл на почве неопределённости вокруг дискуссии между московской/националистической и ленинградской/регионалистской школами изучения казахской истории. Попытки вывести генеалогические исследования на передний край науки и судьба подобных проектов находилась в руках институтских руководителей, распределявших скудные государственные бюджеты. Особый интерес для историков Казахстана представляет хроника взлётов и падений вышеупомянутого проекта публикации генеалогий-шежире. Собираание семейных и родовых генеалогий началось в 1970-х гг. незаметно и без особой поддержки институтов,

а затем столкнулось с сопротивлением с их стороны. Генеалогические проекты противоречили националистическому подходу к истории тем, что выявляли межнациональные брачные связи казахов с их соседями. Коротко говоря, государство обходило проблему неопределённости казахской родовой и племенной истории путём осторожного замалчивания, а не собирания и сличения многочисленных родовых документов. Генеалогический проект ограничился локальными казахоязычными публикациями, незаметными для не владеющих языком москвичей, но также труднодоступными для учёных-регионалистов Ленинграда.

Таким образом, работа А.Бустанова весьма полезна тем, что наполняет жизнью образы историков Центральной Азии. Издатель и автор снабдили книгу полезным указателем, но библиография за пределами весьма подробных сносок отсутствует. Это ценный вклад в изучение советской историографии, русского ориентализма и широкого спектра теорий. Используя как частный пример советскую историографию казахского народа, учёный показал историю институциональных споров между Ленинградом и Москвой, повлиявших на создание националистической истории на руинах дореволюционной науки, отчасти сохранённых учёными Ленинграда.

Quenzer K, Syed M, Yarbakhsh E. Emerging Scholarship on the Middle East and Central Asia. Moving from the Periphery. – New York, London: Lexington Books, 2018. – 224 p.

Написанная рядом авторов в рамках Лексингтонской серии работа «Возникающая школа по Среднему Востоку и Центральной Азии: движение с периферии» носит достаточно необычный характер. Она показывает, как трактуют исторические и современные события в этом обширном регионе различные научные (или религиозные) школы в странах Перидского Залива, Саудовской Аравии, Иране, Турции, Афганистане (афганские переселенцы в ИРИ), Сирии, Центральной Азии и Китае. в целом данный коллективный труд носит мозаичный, бесконцептуальный характер.

Горшенина С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – VIII+119 с.

Эпистемологические дебаты о том, как правильнее определить наименование и границы региона, называемого Средней / Центральной / Внутренней Азией или же Евразией, не затихают с момента изобретения

этих терминов в первой половине XIX века.²⁰ Стандартные аргументы циклично выстраиваются на пересечении научных рассуждений и псевдонаучных конструкций, политики и геополитики, устоявшихся литературных оборотов и вкусовых пристрастий.

Предлагаемая в книге Светланы М. Горшениной (Ин-т истории АН Узбекистана; Институт восточных языков и цивилизаций (INALCO, Париж) история начальных этапов выработки концепта Средней / Центральной Азии демонстрирует неоднозначность многих привычных определений, показывая, что все существующие именованья относятся не к объективному географическому порядку, а к географии репрезентаций. Декодируя воображаемые критерии, автор показывает связь этих топонимов с географическим детерминизмом, принципом «центричности», геополитическими интересами национальных государств и транснациональных группировок, а также с линейным позитивизмом, связанным с европоцентризмом и западным империализмом.



С.Горшенина не ищет точного ответа на вопрос, где может находиться Центральная Азия, ни что «это такое». Она скорее анализирует, как появились различные ответы на эти вопросы, которые со временем стали чрезвычайно запутанными и несвязанными. Горшенина убедительно демонстрирует, каким образом Центральная Азия формировалась в ходе дебатов и под влиянием различных практик, зависимых от исторических

²⁰ Данная публикация является адаптированным переводом части книги: *Gorshenina Svetlana. L'invention de l'Asie centrale. Histoire du concept de la Tartarie à l'Eurasie.* – Genève: Droz, 2014. – 702 p.

мифов, физической географии и политического дискурса. Монография представляет собой важный вклад в центральноазиатские исследования. Избранный Горшениной специфический фокус на исторических связях, преемственности и разрывах в процессе изобретения Центральной Азии и поставивший под сомнение линейность ее генеалогии, несомненно, поможет исследователям лучше понять, как возник этот концепт.

Как отмечает автор, точкой отсчета этого исследования служит, на первый взгляд, простой факт: многообразие терминов, которые использовались для обозначения того региона, который мы называем то Средней, то Центральной Азией, связано не только с влиянием политических и идеологических факторов, но и с различием национальных традиций: «Евразия» или «Азия»? «Центральная» или «Средняя», «Inner» или «Middle». в этой перспективе предстоит рассмотреть два фундаментальных процесса: членение гео-культурных пространств и именование образовавшихся совокупностей.

В научном словоупотреблении термин центрально-азиатский подразумевает пространство, которое лежит к востоку и югу от Урала, к северу и западу от Индии и Китая и обладает рядом климатических, географических, геологических, лингвистических, этнологических, религиозных и исторических характеристик. Отличительные черты этого региона часто воспринимаются как не нуждающиеся в доказательстве имманентные факторы, определяющие единство центральной части Азии.

С тех пор как на заре XIX в. русские путешественники, для которых «центр Азии» располагался где-то на середине их пути в Индию и Китай, впервые ввели в оборот выражение Средняя Азия, его точные географические очертания постоянно варьировались у разных натуралистов и географов, которые использовали его одновременно как имя собственное и как обозначение сконструированного ими географического ареала. Границы этой Средней / Центральной Азии, а также представления о том, где находится ее собственный центр, были предельно изменчивы и зависели от расходящихся, а то и противоположных политических и идеологических перспектив.

Потенциально к Центральной Азии могли относить все пространство, включающее Кавказ, постсоветские республики Средней Азии (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизстан), Афганистан, Синьцзян, Монголию, Сибирь, возможно даже северо-восточную Турцию, северные регионы Ирана, Пакистана, Индии и Тибета. в некоторые периоды эти территории рассматривали как несомненные и неотделимые «составляющие» Центральной Азии, а их совокупность воспринимали как однородное пространство, которое завоеватели, мигрирующие

народы и путешественники могли пересечь, не обращая внимания на древние или актуальные политические границы. Сосуществование разнородных подходов привело к формированию множества представлений о Центральной Азии, которые напоминают пеструю смесь из наблюдений и мнений, лишенных каких-либо внутренних связей между собой.

В терминологии, которую используют специалисты по Центральной Азии, соседствуют географические названия с историческими коннотациями – чаще всего они взяты из трудов античных авторов (Ария, Бактриана, Согдиана, Хорезмия, Серика и др.); с коннотациями лингвистическими (тюркоговорящая, ираноговорящая, монгологоворящая Азия); мифологическими (отсылки к Гогу и Магогу или противопоставление Турана и Ирана); этническими (Скифия, Тартария-Татария, Туркестан); культурными (мусульманский, буддистский, тюркский, иранский миры и т. д.); экономическими (страны Великого шелкового пути, Центрально-азиатский макро-экономический регион); географическими (Мавераннахр, Трансоксиана, Семиречье и др.) или метагеографическими (Центральная Азия, Средняя Азия, Внутренняя Азия, Высокая Азия); наконец, политическими и административными (Бухария, афганский / русский / китайский Туркестан, Туркестанское генерал-губернаторство, Самаркандская провинция, Автономный уйгурский район или Синьцзян, Казахстан, Киргизстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и др.). Эти обозначения лишь частично пересекаются, и ни одно из них целиком не охватывает весь центрально-азиатский ареал, как его в расширительном духе определяет ЮНЕСКО (1992–2005).

Разнообразие географических названий, конечно, еще больше возрастает из-за множества языков и различных национальных школ. Подобные терминологические сложности усугубляются тем, что между терминологией, используемой в различных языках, нет точного соответствия. в частности, во французском языке с разной частотой применяются следующие обозначения: *Asie centrale*, *Asie moyenne*, *Asie médiane*, *Asie intérieure*, *Haute Asie*; в английском: *Middle Asia*, *Central Asia*, *Inner Asia*; в немецком: *Mittelasien*, *Zentralasien-Centralasien*; в русском: Средняя Азия, Центральная Азия, Внутренняя Азия, Нагорная Азия. Основная доля неопределенности в том, что касается номенклатуры и границ этого ареала, связана с альтернативой Средняя Азия – Центральная Азия. Выбор в пользу одного из этих терминов, которые также присутствуют в немецкой традиции (*Mittelasien*, *Zentralasien-Centralasien*), принципиально важен для понимания того, как пространство этого региона осмысливается в России (где для этого выработаны особо тонкие инструменты), в бывших республиках СССР, где многие все еще говорят по-русски, а также

в некоторых странах бывшего коммунистического лагеря, например, в Китае.

В соответствии с русско-советской моделью, единственными легитимными вариантами служат Средняя Азия и Центральная Азия, в то время как использование какого-либо глобального термина, способного охватить это пространство в его совокупности, как считается, чревато неизбежной библиографической путаницей. Русско-советская пара Средняя Азия / Центральная Азия, которая предназначена в первую очередь для внутреннего использования и продиктована как географическими, так и строго политическими соображениями, в западных языках превращается в источник неразберихи, поскольку каждая из составляющих этой оппозиции переводится множеством разных способов. Ключевой вопрос о том, как следует именовать Центрально-азиатский регион, привлек внимание исследователей уже в 1960-е гг.

Хотя споры и не привели ни к какому консенсусу, исследователи попытались провести грань между Central Asia и Inner Asia и предлагали включать или не включать в этот географический ареал такие территории, как Маньчжурия, Монголия, Пакистан и Афганистан. в любом случае эта дискуссия продемонстрировала, что после того, как южные республики бывшего СССР стали открываться миру, а различные формы европоцентризма попали под все более активную критику, вопрос о географических именовании приобрел в сообществе специалистов особое значение.

Автор заключает, что на первых этапах кристаллизация понятия Средняя / Центральная Азия проходила в условиях сосуществования двух (русской и западной) моделей описания этого региона, которые были несовместимы друг с другом, но одинаково демонстрировали прямую зависимость между этим термином и господствовавшими тогда геополитическими теориями. На рубеже XIX–XX вв. политико-стратегические теории, которые часто проецировались на Среднюю / Центральную Азию, утверждали, что, дабы установить свою власть над миром, необходимо овладеть сердцем континента, а следовательно, и мира. Рассчитывая, куда им выгоднее направить свои экспансионистские устремления, колониальные державы стали рассматривать географические наименования как важный фактор. Так Средняя / Центральная Азия в силу своего имени приобрела метафизический статус центра мира и превратилась в осевую зону, где вершится История.

Именно геополитический контекст позволяет понять, почему российские элиты сначала отказывались именовать русскую Среднюю Азию Тураном, а потом, напротив, стали активно использовать этот термин. Кроме того, споры о слове Туркестан демонстрируют еще один,

строго наступательный аспект внешней политики, которую проводила Российская империя. в конечном счете разделение региона на две половины со своими названиями (Средняя Азия для территорий, лежавших внутри империи, и Центральная Азия для приграничных земель, которые еще предстояло завоевать), а также обозначение русских владений в Азии как Туркестана позволили очертить границы русского Туркестана, при этом отделив его от лимитрофных регионов: китайского Туркестана и афганского Туркестана, которые в будущем тоже могли быть присоединены к империи, чтобы собрать Туркестан воедино. Пара Средняя Азия – Центральная Азия также стала в обязательном порядке использоваться во всех публикациях, переведенных на русский с европейских языков.

Несмотря на крайне политизированное наполнение, оппозиция Средняя Азия – Центральная Азия оставалась и остается отличительной чертой русской, а затем советской и постсоветской традиций, хотя смысл обеих составляющих постоянно пересматривался. При этом ни один из альтернативных терминов, введенных в XIX – начале XX в., так и не сумел прижиться. Выражение Средняя Азия и Казахстан, в котором под Средней Азией подразумевались новообразованные республики Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан и Туркменистан, соседствовало со среднеазиатским экономическим регионом, где к этим четырем республикам добавлялись южные районы Казахстана. Такая конфигурация систематически применялась в советских гуманитарных науках, где к 1936 г. это выражение было заменено на более краткую версию – Средняя Азия. в естественных же науках под термином Средняя Азия нередко понимали все азиатские республики Советского Союза, включая весь Казахстан целиком.

Параллельно дебатам среди советских ученых в западной науке с 1920-х по 1960-е гг. произошел переход от архитектоники «континентов», в соответствии с которой ранее строилось все научное знание, к логике «культурных регионов». в ходе этой эпистемологической революции внутренние территории азиатского континента были, по критериям Area Studies, разделены между русским, иранским, тюркским и китайским мирами и оказались практически невидимыми для научного сообщества и политического истеблишмента. Развал Советского Союза и стремление независимых республик отказаться от советского наследия на первых порах привели к появлению множества скороспелых гибридов.

Еще одним распространенным вариантом стало наименование всех бывших азиатских республик СССР, включая Казахстан, единым термином Центральная Азия. Он был при единогласной поддержке официально одобрен в 1993 г. на саммите глав новых независимых республик. Заявив своей «центральной роли в азиатском регионе», их лидеры символически

заявили о своем намерении отказаться от российской опеки и одновременно противопоставили постсоветское азиатское пространство другим геополитическим объединениям, как Большая Турция или Большой Китай.

Первые теракты, случившиеся в Узбекистане в 1999 г., привели к возвращению термина Средняя Азия как обозначения всех бывших республик этого региона. с помощью такого терминологического жеста они стремились отмежеваться от стран, причисленных Джорджем Бушем к «оси зла», и закрепить за собой место во «Втором» (постсоветском) мире, дистанцировавшись от «Третьего» (развивающегося). с той же целью в обиход вновь ввели термин Евразия («большая», «центральная» или «внутренняя»), который легко заменялся на Внутреннюю Азию (при этом контуры обозначаемого так пространства оставались крайне расплывчаты). Кроме того, вновь оказались востребованы теории Маккиндера, породившие выражение Eurasia's Heart. При этом в качестве приблизительного синонима любого из перечисленных выше терминов продолжала применяться Центральная Азия.

В качестве вывода и рекомендации С.Горшенина предлагает, что средне-/центрально-азиатский регион в первую очередь должен быть определен как «культурно-исторический», а не как «естественно-географический» или «политический». Вместе с тем константным остается определение Средней / Центральной Азии как региона, который, будучи трансконтинентальным перекрестком для нескольких соседствующих «миров» (тюркского, иранского, индийского, китайского, русского), в прошлом был представлен главным образом тюрко-монгольской и иранской культурой. Его облик определялся взаимодействием пасторализма и оазисной агрокультуры, многовекторным культурным трансфером и широкой палитрой религиозных верований, с доминантами буддизма и ислама.

Средняя / Центральная Азия не нуждается в изобретении новых терминов, более или менее подкрепленных «научными критериями». Более продуктивной на сегодняшний момент представляется мысль о том, что уже существующие термины должны использоваться как своеобразные этикетки, которые в каждом исследовательском случае приобретают несколько иное наполнение.

Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография. Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. – М.: ИВ РАН, 2020. – 264 с.

Настоящая коллективная монография, написанная в рамках проекта «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии» (рук. А.К. Аликберов) программы фундаментальных исследований

Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (рук. акад. В.А. Тишков), развивает перспективное направление коммуникативных исследований, расширяющее пространство формирующейся научной дисциплины – истории коммуникаций. Базовой категорией для истории евразийских коммуникаций является евразийское историко-культурное пространство, как она понимается в концепциях евразийства, поэтому для изучения евразийских идей и коммуникаций можно использовать методологические принципы перекрестной истории.

По мнению авторов, проблему межкультурных коммуникаций в Центральной Евразии в существенной мере актуализируют интеграционные процессы, связанные прежде всего с появлением и развитием такого важного геополитического проекта современности, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), и его сопряжением с другими геополитическими проектами (ОДКБ, ШОС, «Один пояс – один путь» и др.). Евразийское пространство, бывшее на протяжении почти ста лет утопией или интеллектуальным вызовом для исследователей и философов, пытавшихся осмыслить симбиоз культур, возникший в географических границах северо-восточной части евразийского континента, сегодня стало социально-экономической реальностью.

Как утверждается в исследовании, регион становится местом пересечения интересов различных стран и альянсов, зоной оживленной транснациональной торговли и сотрудничества, и перспективным транспортным хабом, объединяющим Россию, Китай, Индию, Японию, Евросоюз, другие страны в общую сеть взаимодействия и обмена, сотрудничества и конкуренции. Эта новая ситуация требует переопределения задач и осмысления вызовов, возникающих в ходе выстраивания эффективных моделей взаимодействия отдельных сегментов огромного полотна евразийского пространства, сотканного из многочисленных актов человеческой коммуникации.

Связующая роль Центральной Евразии в отношениях глобального Запада и глобального Востока выражается в концепции «коннективности», взаимосвязанности и взаимозависимости различных обществ, народов, культур, которые складываются на этой территории вследствие ее особого географического положения между Европой и Азией. Коннективность в Центральной Евразии подразумевает в первую очередь восстановление исторических связей, в том числе торговых и транспортных, в том числе сквозных, которые бы соединили Европейский Союз с активно развивающимися странами Востока – Китаем, Индией, здесь без посредничества Евразийского экономического союза и стран Центральной Евразии не обойтись.

Следуя концепции Хартленда (Heartland) Х.Дж. Маккиндера, обнаруженной в самом начале XX в., еще до Первой мировой войны, политологи часто называют Центральную Евразию «сердцевинной землей». в поисках «географической оси истории» Маккиндер определял «сердцевинную землю» в пределах центральной части Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай, т.е. вся Юго-Восточная Азия, но без Океании) и периферийная дуга (Северная и Южная Америка – Африка – Океания).

В концепции евразийцев (Г.В. Вернадского, Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева и др.) Евразия понимается как особое географическое и историко-культурное пространство, а не просто место соединения Европы и Азии. Отделяя этот мир как от Европы, так и от Азии, Г.В. Вернадский, по существу, предлагал расширительное толкование Центральной Евразии, которая совпадала у него с территорией Российской империи, сферами ее влияния и землями, на которые империя имела виды. в более детальных описаниях это территория культурного синтеза «славянских и туранских» (или монгольско-тюркских) народов, Срединный Материк, расположенный между западной Евразией и восточной Евразией, иначе говоря, между западноевропейской цивилизацией (Pax Romana) и «китайским миром» (Pax Sinica).

Противопоставление Европы и Азии как частей света самого большого в мире континента, Востока как места восхода солнца (как раз именно это значение и фиксируется в этимологиях «пограничных» восточных топонимов: Хорасана, Хорезма, Анатолии и др.) и Запада как места захода солнца во многом исторично и культурно обусловлено. Это также результат разделительных концепций, в реальности евразийский континент в физико-географическом смысле представляет собой единое целое. в западной научной литературе определение «Центральная Евразия», подчеркивающее особую связующую роль «сердцевинной земли» Евразии, одним из первых предложил Д. Синор в 1969 г. в своей работе «Внутренняя Азия: История – Цивилизация – Языки». М. Россоби высказал мнение, что недостатком общепризнанного термина «Внутренняя Азия», внешние контуры которого довольно подвижны и нестабильны, является отсутствие для него понятной дихотомии в виде «Внешней Азии».

В истории евразийских коммуникаций Внутренняя Азия рассматривается как восточная часть Центральной Азии, соответственно, и Центральной Евразии. Помимо Монголии, в его состав включаются не только такие сопредельные ей территории, как Алтай, Бурятия и Тува, но и Восточный Туркестан (Синьцзян), Внутренняя Монголия, Тибет и Маньчжурия, завоеванные Китаем и ставшие частью Pax Sinica. Верхней

Азией обычно называются Монголия и Тибет, но в это определение могут быть включены также Тянь-Шань, Памир и даже Гималаи.

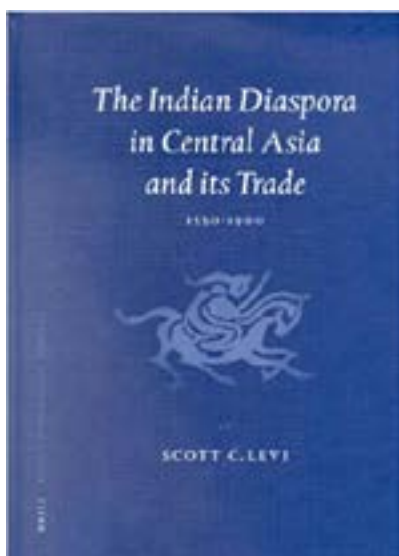
С.Сучек определяет пределы Внутренней Азии в узком смысле пятью постсоветскими странами Центральной Азии (историческим Мавераннахром), а также Монголией и Синьцзяном, а в широком смысле – добавляет к ним такие субъекты РФ, как Татарстан, Башкортостан, Калмыкию, Горный Алтай, Туву, Бурятию и Якутию, а также Внутреннюю Монголию (Китай). Западная часть Центральной Евразии, которая охватывает Урал, Поволжье вплоть до Калмыкии, а также весь Кавказ, может быть доведена до Крыма, с которой связана история Крымского ханства, а северо-восточная – до Западной Сибири, где в свое время сформировались Сибирское западноевропейской и китайской цивилизациями представляется, по крайней мере, вполне оправданным.

В советской историографии Казахстан традиционно отделялся от Средней Азии. в новейших разработках темы исследователи различают Большую Центральную Азию (ЦА + Афганистан и Монголия) и Большую Центральную Евразию, в состав которой включаются все постсоветские республики. в рамках данного коллективного исследования Центральная Евразия не совпадает полностью с Внутренней Азией, поскольку население в самой Монголии, Тибете и тем более Цинхае и Маньчжурии, в целом в гораздо большей степени сохраняет аутентичность своей культуры, чем смешивает ее с основными евразийскими культурами (здесь не учитываются общие для всего мира процессы вестернизации).

В составе этого региона мы видим Синьцзян как неразрывную в историко-культурном отношении часть Туркестана, Северный Афганистан, в котором живут родственные для ЦА народы, северные области Ирана, заселенные иранскими азербайджанцами, часть Турции, в которой прежде обитало армянское население. Это деление совершенно не политическое, а историко-культурное, основанное на исторической и культурной общности народов, исторической памяти и исторических коммуникациях.

В любом случае, делают вывод авторы, для изучения широкой проблематики культурно-сложных обществ в рамках истории евразийских коммуникаций Центральная Евразия представляется одним из важнейших регионов на континенте.

4.2. Дореволюционная история Туркестана



Levi S.C. The Indian Diaspora in Central Asia and its Trade, 1550-1900. – Leiden: Brill, 2002. – IX+319 pp.

Levi S. C. Caravans: Indian Merchants on the Silk Road. – New York: Penguin, 2015. – 208 p.

Скотт К.Леви (ун-т Восточного Иллинойса; затем – ун-т Огайо, проф. центральноазиатской истории) специализируется на истории индийского присутствия в регионе. Его первая работа «Индийская диаспора и ее торговля в Средней Азии в 1550-1900 гг.» (2002) анализирует ранний период торговых отношений, их зарождение, экономические функции, социальную организацию диаспоры и, в конце концов – закат индийской (правильнее было сказать индостанской, включая нынешний Пакистан) диаспоры как коммерческого и культурно-цивилизационного проекта. Данная диаспора состояла в различные времена из десятков тысяч торговцев и менял, проживавших на обширных территориях собственно Средней Азии, Афганистана, Ирана, Кавказа и значительной части России. в работе исследуется механизм функционирования сети индийских фирм, базировавшихся на семейном принципе и кастовой системе и финансировавших трансрегиональную торговлю и комплексную систему сельских и промышленных кредитов. Автор приходит к выводу, что основной причиной заката индийской торговли и соответственно диаспоры стала политика российской колониальной администрации, опасавшейся усиления через эти институты британского влияния в Туркестане.



В своей следующей работе «Индийские купцы на Шелковом пути» (2015) С.К.Леви продолжает заданную в предыдущей работе тему – индийская торговля в Евразии. в книге рассматриваются транспортно-технические возможности этой торговли, державшейся на караванном передвижении и дислокации сети торгово-кредитных лавок в городах и поселениях вдоль великого торгового пути через Афганистан, Среднюю Азию, Иран и Россию. в исследовании изучается исторический вызов евразийской континентальной торговле со стороны европейской в результате использования морских коммуникаций в Индийском океане,

что привело к экономической изоляции торгово-экономического ареала Великого Шелкового пути (ВШП). Однако, автор затрагивает и другую сторону сложившейся геоэкономической ситуации: невольное сближение индийской и среднеазиатской экономик. Данное сближение базировалось на экспансии индийских торговых кланов Мултани и Шикарипури в Средней Азии и на более широком пространстве бывшего ВШП.

С.Леви начинает свое повествование с разоблачения исторического мифа о том, что Голландская и Британская Восточно-Индские компании первыми открыли торговое взаимодействие Северной Индии с другими рынками. Автор считает началом торговых связей между Средней Азией и Европой с эпохи Газневидов в 900-е годы н.э. Торговцы из Мултана (пакистанская провинция Синд) использовали свое мусульманское происхождение для экономического проникновения на территории современных Ирана, Афганистана, Азербайджана, Узбекистана и частично России. Экспансия охотно поддерживалась правящими династиями Делийского Султаната и не забывших о своем среднеазиатском происхождении Великих Могулов, особенно в эпоху Акбара. Защита со стороны правящих династий всегда имела важное значение для безопасности функционирования торговых путей.

Индийские коммерсанты со временем прибывали в растущей прогрессии и предпочитали селиться отдельными «индотаунами» в таких городах как Бухара, Ишрафан, Баку, Самарканд и др. Они торговали текстильной продукцией, индиго, сахаром, рисом, рабами, получая взамен лошадей, шерсть, сухофрукты. Со временем преобладание среди торговцев индусов (а не мусульман) не стало препятствием такой растущей экспансии. По мере проникновения европейских путешественников в эти регионы росло число письменных свидетельств и источников о масштабах пребывания индийской торговой диаспоры. Ее представители в сфере ростовщичества даже опережали по активности и масштабам деятельности выходцев из среды еврейской диаспоры. Роковым для сворачивания индоостанского присутствия в Средней Азии стали такие события середины XIX столетия как российское завоевание Туркестана, вторжение в Мултан сикхов, маратхов и британцев, подавление восстания сипаев и общая дестабилизация Афганистана.

Sartori P. Visions of Justice: Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. – Leiden, Boston: Brill, 2016. – XVI+392 pp.

Паоло Сартори посвятил свою работу «Взгляды на правосудие: законы шариата и культурные изменения в Русской Средней Азии» сложному периоду в истории Туркестана второй половины XIX столетия после завоевания региона Российской империей. Во вновь образованной колонии –

Туркестанском генерал-губернаторстве в противоречие вступили сразу несколько юридических традиций: шариатская, обычное право (адат) и принесенное Россией европейское право. Автор использовал широкий круг источников на чагатайском, персидском, арабском и русском языках из фондов ЦГА РУ. По мнению автора, российские власти сознательно допустили одновременное функционирование в Туркестана различных правовых школ с целью постепенной адаптации прежней системы к колониальной. Поводом для арбитража российской стороной (отмена или разрешение судебных заключений) обычно было противоречие между мусульманской (шариатской) традицией и теми судами кадиев, которые ориентировались на обычное право и традиции коллективной ответственности.



Poullada S. Peter. Russian-Turkmen Encounters: The Caspian Frontier before the Great Game. Trans. Claora E. Styron. – London: I.B. Tauris, 2018. XXX. – 181 pp.

Питер Пуллада – автор книги «Русско-туркменские контакты: каспийская граница до наступления Большой игры» (2017). Эта книга опирается на официальные журналы двух экспедиций, переведенные на английский язык, которые фиксируют встречи капитанов Тебелева и Копытовского (в 1741 и 1745 годах) с туркменскими племенами приграничной зоны Каспия.

П. Пуллада провел детство на Среднем Востоке в семье американского дипломата в Иране и Афганистане и специализируется в истории и культуре народов Центральной Азии. Он много путешествовал по бывшим советским республикам и западному Китаю, читал лекции на тему ковров и текстиля в Центральной Азии. Он также выпускник Принстонского университета по специальности «Ближневосточные исследования» и Калифорнийского университета в Беркли по специальности «История и экономика Центральной Азии».

Один из основных моментов, на который автор обращает внимание, заключается в том, что русские фактически инициировали прямые контакты с туркменскими старейшинами-«старшинами» и купцами еще в середине XVI века, то есть сразу же после завоевания Астрахани войсками Московии. До наступления эпохи Петра I большинство русских чиновников (и об этом говорят архивные документы) считали туркменские племена

неким раздражителем. Они были подданными узбекских правителей и считались маргинальными «племенами варваров», проживавшими в пустыне между Каспийским морем и оазисами Хорезма (Хивы). До прихода экспедиции Тебелева-Копытовского практически нет никаких доказательств того, что русские располагали знаниями о туркменских племенах или обладали пониманием того, что туркмены, которые ассоциировались с караванными набегами, отличались от узбеков или казахов.

Большую часть информации можно почерпнуть в дипломатической переписке узбекских правителей Хорезма и Бухары. в этой переписке туркмены упоминаются в связи с проблемными ситуациями, когда они нападают на караваны или нарушают торговлю между Астраханью, Хивой и Бухарой. в целом, крайне сложно понять, каким объемом информации или знаний располагали русские о туркменских племенах Закаспия. Также затруднительно выяснить, какие намерения преследовали царские чиновники, налаживая контакты с туркменами. Установление контактов – одна из целей экспедиций Тебелева и Копытовского. Предпринимая экспедицию, русские власти намеревались познакомиться с туркменскими племенами и наладить взаимодействие с туркменскими «старшинами».

В своем исследовании автор пытается показать, что начиная переговоры с туркменами, русские уже обладали неблагоприятным опытом взаимодействия с другими племенными кочевыми группами в Центральной Азии, а именно с калмыками и казахами. Модель имперских отношений, политика, отношение и ожидания русских были в значительной степени обусловлены их собственным опытом взаимодействия с калмыками и казахами. Многие аспекты переговоров с туркменами были непродуктивны, о чем свидетельствуют документальные нарративы. Русские представители не придавали значение существенным различиям в организации и характере туркменской общины и их лидеров – старшин. в результате возникали многочисленные недоразумения, которые значительно ограничивали возможности русских в развитии прочных контактов с туркменами.

Автор показывает, что например, с точки зрения русских представителей, основой для любых отношений было подчинение туркмен, принятие царя как своего повелителя и их превращение в царских «подданных». Только подчинение могло принести выгоду племенным народам Центральной Азии, выразившись в торговле и защите от врагов. Но туркмены рассматривали «подчинение» как временную ситуацию, чья необходимость обуславливалась извлечением краткосрочной выгоды и не предусматривала перехода в статус «подданных».

Основная проблема для исследователей состоит в том, что кроме писем «старшин», большая часть которых были написаны под диктовку

и по определенному шаблону, нет никаких доказательств того, что действительно ожидали или желали от взаимодействий с русскими туркменские старейшины или их соплеменники. Отчасти именно это повлияло на сложность переговоров Тебелева и Копытовского. Основная сложность, по мнению автора, заключалась в непонимании социально-политической организации туркмен. Русские считали, что политическое устройство и племенная структура туркмен схожи с аналогичными у калмыков и казахов. Однако у туркмен была гораздо более индивидуалистическая, даже можно сказать, анархическая система. Фактически старейшины располагали крайне малой властью для репрезентации туркменского сообщества, даже на уровне кланов, не говоря уже о целых племенах, поэтому письмо о подчинении от старейшины из одного клана племени салоров, не имело никакой силы для другого клана из того же племени, не говоря о других племенах, проживавших на Мангышлаке: чоудор, абдал и бузачи. Расплывчатый характер принятия решений и политического управления у туркменских племен и кланов затруднял переговоры. Такая ситуация продолжалась на протяжении 140 лет после экспедиций Тебелева и Копытовского, вплоть до завоевания Закаспия в 1880-х годах, сражения при Геок-тепе и осады Мерва.

Пуллада приходит к выводу, что из существующих российских архивных источников трудно понять, извлекли ли русские чиновники уроки из проведенных экспедиций и были ли полученные знания полезны для последующих политических решений и действий. Безусловно, на протяжении 50 лет после экспедиции число контактов между Астраханью и туркменами постоянно росло. Русские неоднократно пытались установить более долговременные отношения с племенами Закаспия, за исключением Мангышлака. с 1755 по 1820 годы предпринимались попытки возведения фортов и торговых постов на побережье Каспия. Политика в отношении туркмен начинает активизироваться с отправкой дипломатической миссии Муравьева в Хивинское ханство в конце XVIII века. Дипмиссия была организована по поручению кавказского губернатора Ермолова (штаб-квартира в Тбилиси). Задача дипмиссии состояла в изучении юго-восточных районов Каспия и степей между Астарабодом и Гурганом. Именно тогда регион становится частью «Большой Игры».

Во-первых, царица Екатерина Великая поручает графу Войновичу построить форт на западе от Астрабада (вблизи персидской границы), однако это намерение было сорвано противостоянием Ага Мохаммеда Каджара. Журналы экспедиции Муравьева содержат богатый массив информации о туркменских племенах юго-восточного Каспия, но следует понимать, что сфера компетенций Муравьева заключалась в ведении переговоров

с узбекским ханом, а не с туркменскими племенами. Предположительно это означает, что русские либо признавали независимость действий туркмен Закаспия, либо их подчинение узбекским «властям».

Исследование П.Пуллады не пыталось вникнуть в историю взаимодействий России и туркмен в XIX и XX веках. Основной вывод автора состоит в том, что активность России началась не во время «Большой Игры» (с 1820-х по 1890-е годы), а уже с середины 16-го века. Советская версия была противоречива: с одной стороны, завоевание было страшным ударом по туркменам, но в то же время оно рассматривалось как логическое завершение длительной истории взаимоотношений. Истории, которая начинается в далеком XVI веке, когда русские предлагали туркменам защиту от многочисленных врагов: калмыков, казахов, узбеков, персов. и именно тогда, большевистская революция предоставила туркменам возможность создать собственную республику и сформировать свою «этнонациональность».

Однако советский опыт разрушил традиции туркменских скотоводов-кочевников и мусульман, многие были вынуждены стать хлопководами. в постсоветское время, Туркменистан тяготеет к антироссийской позиции, с точки зрения геополитического курса, нефтегазовой и энергетической политики. Из всех бывших центральноазиатских советских республик, Туркменистан наименее расположен к Российской Федерацией. Отчуждение от России соответствует нарративу национальной самоидентификации и независимости.

Основная проблема в исследовании туркмен, по мнению ученого, заключается в том, что за исключением поэзии Махтум-Кули-хана, у исследователей нет доступа к другим туркменским источникам. Все письма, написанные туркменскими старейшинами, и которые можно найти в русских документах, нуждаются в тщательном изучении и анализе. Даже несмотря на то, что они были продиктованы или переведены со старотуркменского языка, нельзя быть уверенными в достоверности перевода.

В заключение автор высказывает мысль, что история туркмено-иранских взаимоотношений насчитывает много лет. Незученные историками, персидские документы содержат богатые сведения по истории этих взаимоотношений, истории набегов, торговли и рабовладения. Особенно интересно то, что именно при Сафавидах, в XVI и XVII веках, кизил-баши, восточно-анатолийские и азербайджанские туркменские группы (объединившиеся при Сафавидах в племена под названием Оймак) становятся основными противниками туркмен Центральной Азии на территории Хорасана. Этот особый тип связей между туркменами и туркменами, придает абсолютно особый характер пограничным столкновениям.

Malikov Yuriy. Modern Central Asia. A Primary Source Reader. – New York: Lexington Books, 2019. – XIII+378 pp.

Данное издание «Современная Центральная Азия», подготовленное Ю.Маликовым (автора книги «Формирование пограничной культуры в Северном Казахстане в XVIII-XIX вв.²¹), представляет собой, прежде всего сборник тщательно отобранных исторических документов, разделенных на 15 глав в трех частях. Оно является продолжением другого сборника документов – «Исламская Центральная Азия».²²

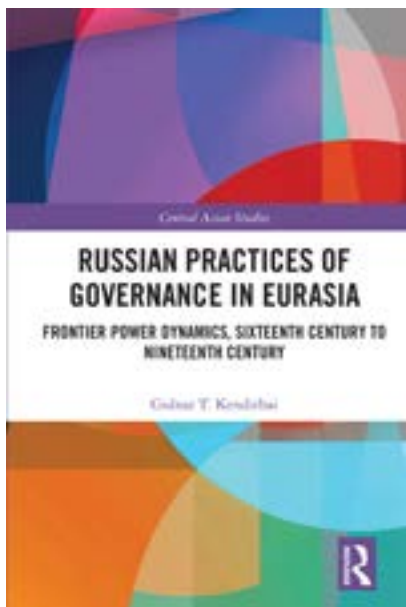
Первая часть сборника соответственно посвящена истории региона в царский период; вторая – советской эпохе, и третья – постсоветскому периоду. Причем обозреватели относят и первый, и второй периоды к колониальной эпохе, игнорируя достижения советской модернизации. Акцент в характере подборки документов делается на сопротивлении традиционных обществ и влиянии на них политики имперского центра, а также роли ислама в регионе и строительстве национальных государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что регион на протяжении своей «колониальной» истории являлся лишь пассивным реципиентом принимаемых имперским центром решений. Это наблюдение демонстрирует некомпетентность автора (или его предвзятость) в отношении советского периода истории, когда местные нацкадры активно участвовали в революции, преобразовании своих традиционных обществ в духе советской модернизации и строительстве советской супердержавы. Таким образом, подчеркнута идеологический подход данного издания не вызывает сомнений, которое призвано убедить аудиторию (книга является учебным пособием для студентов) в brutальном и неоколониальном характере советского режима.

Автор ставит в своем исследовании пять задач. Первая – сравнить царскую и советскую политику в отношении народов Центральной Азии. Вторая – осветить трансформацию социальной, политической, экономической и гендерной структур местных обществ при имперском и советском правлении. Третья – изучить сопротивление и приспособление данных обществ имперскому центру; проследить эволюцию и реакцию различных групп местного населения на царское и советское управление. Четвертая – сравнить и выделить наиболее характерные особенности причин, хода и последствий восстаний против центральных властей во

²¹ *Malikov Y. Tsars, Cossacks and Nomads. The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteen and Nineteenth Centuries. – Berlin: Klaus Schwarz verlag, 2011. – 321 p.*

²² *Levi Scott C., Sela Ron – eds. Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources. – Bloomington: Indiana University Press, 2009.*

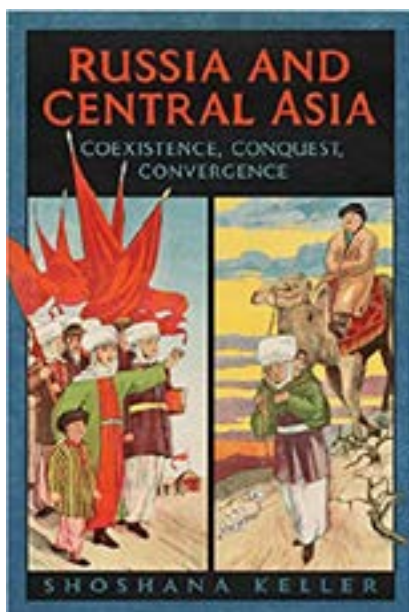
время имперского и советского правления. Пятое – проследить зарождение и подъем национализма у народов Центральной Азии и его взаимосвязь с исламской идентичностью.



Kendirbai Gulnar T. Russian Practices of Governance in Eurasia. Frontier Power Dynamics, Sixteenth Century to Nineteenth Century. – London, New York: Routledge, 2020. – 232 p.

Книга Гульнары Кендырбай (Колумбийский университет, США) «Русская практика управления в Евразии» носит исторический характер и охватывает период с XVI по XIX вв. Исследование анализирует роль мобильного фактора в распространении российской системы управления в Евразии в эпоху роста империи и характер взаимоотношений между русскими властями и их кочевыми партнерами. Автор сравнивает общее значение мобильного фактора для царской России и Цинского Китая в отношениях с номадами. в результате обе державы сформировали гибкую систему институтов, которая позволяла извлекать максимум выгоды из складывающейся политической ситуации. Автор выбрала в качестве объектов для исследования калмыков и казахов в указанный период, благодаря которым России удавалось держать руку на пульсе всех событий на огромной территории и отслеживать динамику изменений границ на политической карте Внутренней Азии.

Такая политика делала Россию и Цинский Китай соперниками перед лицом джунгарской экспансии. Исследование наглядно демонстрирует, как каждая из держав начала применять ключевые элементы существовавшей в степи политической культуры. Но российская тактика отличалась от китайской тем, что Петербург (с 1820-х годов) начал инкорпорировать кочевую элиту в состав имперской. Исследовательница вполне резонно приходит к выводу, что комбинация ключевых элементов этой культуры с новой политической практикой позволила России создать новые инновационные формы управления, которые удачно маскировали колониальный характер Российской империи. Данная книга, безусловно, будет весь полезной для историков, ориенталистов, источниковедов и политологов, включая особенно сторонников евразийской идеи.



Keller Sh. Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence. – Toronto: Toronto University Press, 2020. – 360 p.

Новое исследование Ш.Келлер (Гамильтон Колледж, США/Канада) «Россия и Центральная Азия: сосуществование, завоевание, конвергенция» уже в своем названии отражает узловые моменты в истории взаимоотношений России (имперской и советской) со среднеазиатским регионом.²³ Автор исходит из динамики внешнего влияния, которое на регион оказывали Европа, Азия и Средний Восток. и хотя Россия сама была проводником европейской модернизации в Средней Азии, она также подвергалась

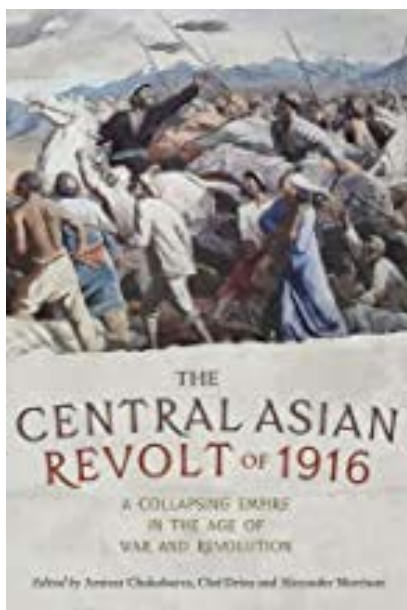
европейскому влиянию. Это сосуществование, по мнению исследовательницы, началось еще в XVII веке. Автор показывает, каким испытаниям подвергался этот процесс синтеза двух цивилизаций в ходе истории отношений, самым тяжелым из которых была сталинская эпоха. Ш.Келлер связывает ее с потерей местной идентичности, построенной на исламе. Данную проблему исследовательница фундаментально исследовала в соответствующей работе 2001 года.

В качестве несомненного достоинства издания необходимо назвать обширный глоссарий и другие приложения, отражающие период в 500 лет взаимного взаимодействия Средней Азии с Россией и внешнем миром через колонизацию и модернизацию.

Chokolbaeva A., Cloé D., Morrison D. The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 384 p.

История XX столетия по-прежнему не отпускает нас и продолжает влиять на наше политическое мировоззрение и восприятие нами исторических событий, уже казалось бы весьма отдаленных в хронологическом плане. Речь идет о коллективной монографии под редакцией трех авторов – «Среднеазиатское восстание 1916 года: рушащаяся империя накануне войны и революции». Работа над книгой объединила таких исследователей как Аминат Чокобаева (постдокторант в Назарбаев-университете, Астана/Нур-Султан), Хлоя Дрю (Центр османских, балканских и среднеази-

²³ Ранее автор выпустила следующую монографию: *Keller Sh. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917-1941. – New York: Praeger 2001. – 277 p.*



атских исследований при Национальном центре научных исследований Франции) и Александр Моррисон (руководитель исторических исследований в Нью-Колледже, Оксфорд). Помимо указанных ученых работа над книгой объединила усилия широкого круга исследователей (преимущественно представителей нового поколения историков) из США, Канады, Японии, Евросоюза, России и стран Центральной Азии. Для достижения поставленной цели привлечены значительные архивные ресурсы, а также устные источники и поэтические произведения на киргизском и казахском языках, отражающие драматизм ушедшей эпохи.

Редакторы положили в основу книги тезис о том, что восстание 1916 года стало ключевым событием для Средней Азии и Российской империи в эпоху I-й мировой войны и определило судьбу региона на последующие шестьдесят лет. в качестве поставленных в монографии задач ставится цель выяснить причины, ход и последствия восстания. Выяснению причин восстания посвящены три первые главы книги: кризис колониальной системы управления и влияние мировой войны; введение всеобщего военного призыва в Туркестане; нарастание экономических противоречий и рост политических требований) на примере Джизакского региона). Четвертая глава рассматривает «виртуальную реальность», созданную российскими властями при освещении участия местного населения в восстании. Пятая глава – «Страхи, слухи и насилие» показывает опасения со царского режима участия в восстании кочевого населения.

Шестая глава целиком сфокусирована на ходе восстания в Семиречье и отношении туземного кочевого населения к войне. Глава 7 охватывает несколько более широкий временной диапазон – с 1914 по 1923 гг. и показывает нарастание градуса насилия во время восстания, падения империи и развертывания гражданской войны. Восьмая глава раскрывает характер «культуры насилия», внедренной в Туркестане во времена правления генерал-губернатора А.Куропаткина, и ставшей продолжением «длинной тени» эпохи завоевания региона. Следующая глава изучает судьбу беженцев и их массовое переселение из Семиречья после 1916 года и начало нового, уже революционного насилия в регионе. Десятая глава – «Связи сквозь время» более детально и предметно проводит параллели между насилием 1916 года и антирусской резней 1918 гг. в иссык-кульском регионе с участием дунган.

11-я глава рассматривает события 1916 года как составную часть длинной цепи многочисленных восстаний в степи и политических мятежей в период 1840-1930 гг. Двенадцатая глава показывает отражение трагических событий 1916 г. в устной поэзии как составную часть народной памяти. в главе 13 анализируется участие киргизов в восстании и их бегство из Русского Туркестана в китайский Синьцзян. Завершает книгу глава историей о судьбе и создании мифологического апокрифа об Амангельды Иманове как основы для формирования Казахской ССР вплоть до 1939 г.

Таким образом, перед нами многостороннее и цельное исследование крупнейшего события столетней давности, связавшего эпоху колониального Туркестана второй половины XIX – начала XX веков с последовавшей затем советской эрой. к сожалению, молодое поколение – в отличие от советологов классической школы – меньше влиянию уделяют такой важной составляющей политической жизни Туркестана как сосуществование и конкуренция различных духовных и политических движений (в частности, джадидизма и ислама) и зарождение марксизма, без которого трудно представить дальнейшее развитие модернизационной парадигмы XX века в Советской Средней Азии. Все последовавшие вслед за восстанием 1916 года (и многие предшествующие ему) события тесно связаны с ним.

4.3. Большая игра: прошлое и настоящее

В свое время последней из крупных работ фундаментального характера, посвященных проблематике «Большой игры», стала монография работа П.Хопкирка «Большая игра: имперская борьба в Центральной Азии» (1992).²⁴ Автор подробно – и с использованием новых архивных материалов – описывает перипетии англо-русского соперничества на протяжении длительного исторического периода, начиная с трагической гибели капитана Артура Конолли в Бухаре с 1842 году. в качестве интересного концепта Хопкирк предлагает следующую идею: т.н. «Большая игра» была для России ее версией американского «Манифеста судьбы» для того, чтобы доминировать на континенте с учетом геополитических реалий и проблем обеспечения своей безопасности. Этот крайне важный для России фактор не учитывался или игнорировался Британией. Это и стало основной причиной того противостояния, которое вошло в историю под названием «Большой игры».

²⁴ Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. – New York, London: Kodansha Globe. – 1992. – 542 p.

В качестве противовеса классической работе Хопкирка рассматривается монография Е.Сергеева «Большая игра 1856-1907: русско-британские отношения в Центральной и Восточной Азии», переведенная на английский язык и изданная Центром Вудро Вильсоном в 2013 году.²⁵ Считается, что ценность труда Сергеева состоит в том, что автор комплексно применил анализ всех стратегических, экономических и политических факторов в рамках принятия политических решений в Британской и Российской империй, что выгодно отличает его исследование от работы Хопкирка.

В 2014 году увидела свет книга Т.Минассияна (в переводе с французского) «Самый секретный агент Империи», посвященная деятельности Реджинальда Тиг-Джонса, которого автор называет «виртуозным шпионом Большой игры». Этот британский разведчик, который, по выражению автора, «носился из Ирана по всему Шелковому пути», маскировался под художника, фотографа, чертежника и кинооператора, завершил свою карьеру консулом в Нью-Йорке, где настраивал американскую общественность, манипулируя ею, в поддержку Британии во Второй мировой войне.²⁶

На этих работах, собственно говоря, историография Большой игры на нынешнем этапе завершается. Традиции Большой игры продолжает издание под ред. Ф.Старра «Казахстан и США», как некое практическое пособие по сохранению республики в зоне американского влияния перед лицом растущей евразийской мощи путинской России.²⁷

В той или иной степени данную проблематику затрагивает совместное (под ред. Ф.Старра) исследование «ЕС, Центральная Азия и развитие континентального транспорта и торговли» (2015).²⁸ Авторы внимательно изучают реальные процессы, связанные со строительством транспортной инфраструктуры в регионе и особенно вокруг него. Явным фаворитом становится китайский проект Экономического пояса Великого шелкового пути, ВТО время, как западные (американский Шелковый путь и ТРАСЕКА Евросоюза) становятся аутсайдерами. Тем не менее, исследователи убеждены в том, что, несмотря на все перипетии геополитической

²⁵ *Sergeev S. The Great Game 1856–1907: Russo-British relations in Central and East Asia.* – Washington, DC: Johns Hopkins University Press, 2013. – XIX+552 pp. Рус.изд.: *Сергеев Е. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии.* – М.: КМК, 2012. – 454 с.

²⁶ *Minassian T.T. Most Secret Agent of Empire: Reginald Teague-Jones, Master Spy of the Great Game.* – London: Hurst, 2014. – XIII+273 pp.

²⁷ *Looking Forward: Kazakhstan and the United States. S.F.Starr, B.Sultanov, S. E.Wimbush, F.Kukeyeva, S.E. Cornell, As.Nursha.* – Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2014. – 52 p.

²⁸ *Starr S. F., Cornell S., Norling N. The EU, Central Asia, and the Development of Continental Transport and Trade.* – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2015. – 64 p.

борьбы и рост конкуренции, Евросоюз как конечный пункт всех проектов, связывающих Азию с Европой, останется в игре при любом раскладе участников. Хотя основного спонсора – Китай Центральная Азия интересует больше как коридор к Ирану и на Средний и Ближний Восток. Характерно, что у авторов практически выпадает Россия как более-менее весомый игрок в транспортной игре в Центральной Евразии (хотя именно она располагает единственным на сегодняшний день реальным и действующим транспортным коридором).

4.4. Советский период в истории Средней Азии



Keller Sh. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign Against Islam in Central Asia, 1917-1941. – New York: Praeger 2001. – 277 p.

Ш.Келлер в основу своей ранней работы «Советская кампания против ислама в Центральной Азии: 1917-1941 гг.» положила тезис о том, что в регионе столкнулись в непримиримой борьбе две социально-политических системы, каждая из которых претендовала на истину в последней инстанции. Автор рассматривает довоенный период как насаждение светской модернизации и секуляризма в самой агрессивной форме. Местные функционеры столкнулись со сложной проблемой, то защищая, то атакуя ислам с целью его и своего собственного выживания. к 1941 году, отмечает автор, настало некое подобие баланса в борьбе двух сил. Многие мусульманские обычаи, церемонии и нравы ушли в вынужденное подполье, включая такие как обрезание, калым и многоженство. Основным объектом исследования в книге является Узбекистан, где, согласно выводам автора, так и не произошло смены фундаментальной идентичности с мусульманской на марксистско-ленинскую (хотя, на наш взгляд, личный пример И.Каримова и его окружения демонстрирует прямо противоположное). Автору монографии повезло в том смысле, что для подготовки своего исследования она успела использовать архивы компартии Узбекистана, в дальнейшем закрытые. От себя добавим, что они содержат слишком много скелетов в шкафу в виде документов, которые могли бы кардинально и даже полностью изменить или разрушить рассуждения Ш.Келлер о судьбе «мусульманской идентичности» в жизни и карьере многих видных представителей правящей элиты УзССР.

Dudoignon S., and Noack C. (eds.) Allah's Kolkhozes: Migration, De-Stalinisation, Privatisation and the New Muslim Congregations in the Soviet Realm (1950s-2000s). – Berlin: Klaus Schwarz, 2014. – 541 p.

«Колхозы Аллаха» – это книга о возрождении, трансформации и политизации ислама в Советском Союзе, написанная в жанре постсоветских сборников с делением на территориальные кейсы как результат международного проекта, поддержанного немецким фондом Фольксваген. Главы сборника писались на основе полевой и архивной работы в (бывших) колхозах известными специалистами по истории мусульманских окраин Российской империи, а во вводной статье редакторы сборника Стефан Дюдуаньон и Кристиан Ноак изложили основные гипотезы проекта и предложили синтез находок, более детально представленных в отдельных главах.

Здесь следует сделать некоторое отступление. в середине 1990-х гг., когда стало возможным сотрудничество бывших советских ученых и их зарубежных коллег, появился особый жанр описания истории ислама в Северной Евразии – это сборники статей, географически охватывающие то, что называют «Исламом на территории бывшей Российской империи». Такой жанр исходит из положения, что историческая динамика развития исламских общин в этом пространстве была во многом схожей, поскольку определялась общим колониальным опытом в рамках Российской империи, а затем Советского Союза. Однако такой детерминизм задается во многом лишь государственными границами и академической традицией, диктующей разделение сложной мозаики культурного опыта на административные островки и ментальные конструкторы – Кавказ (чаще всего Дагестан и Азербайджан), Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан и иногда Казахстан) и Поволжье (обычно ассоциируется с Татарстаном). Очевидно, что такое разделение, сплошь и рядом встречающееся в современных исследованиях, следует лишь советским представлениям о границах, не обязательно совпадавших с тем, как видели мир сами деятели истории.

На наш взгляд, несколько важных положений составляют сердцевину исследования. Во-первых, ислам не только продолжал существовать в советском обществе, но и активно взаимодействовал с политическими, социально-экономическими демографическими факторами советской системы. Особое внимание привлекает очень продуктивное замечание о том, что мусульмане не только были «жертвами» советской модернизации, но и пользовались ее благами. Это положение можно считать продуктивным, поскольку оно позволяет нам отказаться от привычного черно-белого нарратива о советском опыте мусульман, в котором нет места для широкого

набора практик диалога, уступок и обхода советской системы. Некоторая экзотизация советского случая, отраженная в заглавии сборника, кажется вполне уместной для преодоления антагонистического восприятия истории религиозности в атеистическом государстве.

Во-вторых, «возрождение» ислама в Советском Союзе авторы проекта видят в контактах между зарождающимися местными группами протестного характера и проникающими нонконформистскими идеологиями Ближнего Востока и Индии и Пакистана уже с 1960-х гг. Если так, то оказывается, что фундаменталистские и радикальные движения, ставшие известными после развала Советского Союза, имели свои корни в том числе в местных общинах, поэтому аргумент об «импортном» радикализме, противостоящем «традиционному исламу», не имеет под собой серьезных оснований.

В-третьих, для автором книги «Колхозов Аллаха» очень важны миграции, обычно инспирированные советскими властями: массовые переселения на уровне сельских общин, особенно с гор на равнину. Переселение горцев на равнину в Дагестане, например, кардинально изменило картину религиозной жизни в регионе: советская политика невольно способствовала распространению суфийского братства Махмудийа.

Наконец, в-четвертых, именно сельские общества (джама'ат) были центрами зарождения политической активности мусульман, заявившей о себе в самом конце советской эпохи и опиравшейся на экономическую специализацию. Именно поэтому большинство глав в сборнике состоит из двух частей (не всегда явно связанных друг с другом): характеристики экономического развития в колхозах и собственно локальной исламской истории через призму биографий и развития институтов. Вообще джама'ат оказывается ключевым словом для этого исследования, поскольку это как раз та религиозно окрашенная социальная единица, которая объединяла в разных контекстах вынужденных переселенцев или посетителей одной и той же мечети, а также членов колхоза как общины.

Очень спорным для критиков данного издания является возникающее на страницах сборника мнение, что в советские годы благодаря разным институтам сохранялась дореволюционная исламская традиция, получившая возможность для расцвета в постсоветское время. Такое упрощение противоречит установке авторов проекта, акцентирующей трансформации, а не преемственности с неким идеальным прошлым. То же можно сказать и о фактической изоляции выбранных примеров друг от друга: кроме фокуса исследования, их практически ничто не объединяет.

Корпус источников, привлеченных к исследованию, действительно впечатляет. Это многочисленные интервью, архивные документы на разных

языках, рукописи из частных архивов, фотографии, статистические данные, районная пресса и т.п. Безусловно, такой богатый набор материала станет опорой для дальнейших работ по истории ислама в макрорегионе. Тем не менее, нигде в книге нет серьезного обсуждения методов критики источников и места исследователя в исследовательском поле, его влияния на полученные результаты. Между тем это важно, поскольку большинство авторов сборника сами имеют прямое отношение к поздней советской эпохе и во многом видят колхозную историю как знакомую им область из недавнего прошлого.

Таким образом, «Колхозы Аллаха» – это, по сути, энциклопедия советского опыта адаптации советских мусульман на уровне сельских общин. Эта книга – очень важный шаг на пути к пониманию динамики интеллектуального и социального развития внутри исламских обществ, трансформировавшихся на протяжении всего XX в. под влиянием множества факторов, внимательно учтенных авторами сборника. Новаторское внимание к социально-экономическим аспектам исламского «возрождения» может быть особенно полезным для продолжения и развития в последующих исследованиях, и не только советского периода.

Levin Z. Collectivization and social engineering: Soviet administration and the Jews of Uzbekistan, 1917–1939. – Leiden, Brill, 2015. – XVII+254 pp.

Исследование З.Левина «Коллективизация и социальное инжиниринг: советская администрация и евреи Узбекистана в 1917-1939 гг.» призвано показать, каким образом интегрировались представители местного еврейского населения в советскую систему. Местное еврейское население – т.н. бухарские евреи – начали успешно сотрудничать в ряде организаций с евреями-ашкенази, дореволюционными выходцами из европейской России, а также делегированными Москвой в Среднюю Азию в качестве красных комиссаров, для улучшения жизни своих соплеменников в регионе. Автор отмечает, что на тот момент существовали серьезные (культурные и социальные) различия между бухарскими евреями и ашкенази, не говоря уже о евреях-большевиках. в книге отмечается тот факт, что советская политика была направлена не против простых верующих-иудеев, а в большей степени против религиозных иерархов. При этом советская власть в своей репрессивной политике относилась к иудаизму мягче, чем к исламу. Ядром монографии являются главы с третьей по пятую, в которых З.Левин рассматривает усилия советского режима по вовлечению еврейского населения в советские экономические структуры – артели и колхозы. Автор проводит любопытные параллели с аналогичными процессами по

коммунизации (под эгидой Комзета) общественно-экономической жизни в еврейском социуме, которые происходили в этот период в Палестине (кибуцы), а также в Крыму и Азовском регионе. Таким образом, узбекистанские евреи, которые ранее стояли особняком от основной массы еврейского населения Российской империи, при новой власти волей-неволей были вовлечены в процессы советизации, и в дальнейшем разделили судьбу всех советских евреев (репрессии, модернизация, ассимиляция, эмиграция в Израиль).

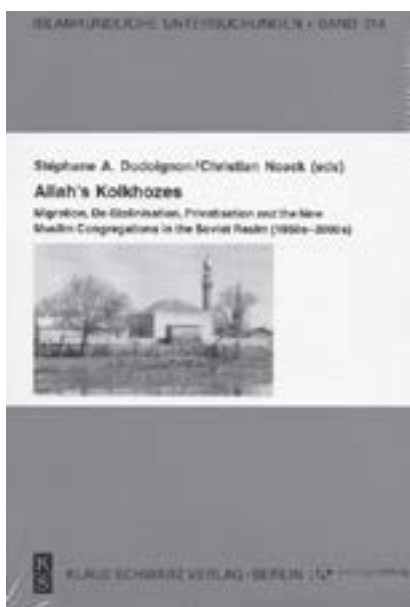
Kim K. Borderland Capitalism: Turkestan Produce, Qing Silver and the Birth of an Eastern Market. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – VIII+299 pp.

Историко-этнографическое исследование Кванмина Кима «Пограничный капитализм: продукция Туркестана, серебро Цинов и рождение восточного рынка» рассматривает торгово-экономические отношения между Восточным Туркестаном и Китаем на основе китайских источников, начиная с XVI века. в книге демонстрируется подъем производящей экономики региона на основе роста продукции, интенсификации товарного обмена и притока серебра из Китая в рамках данных процессов. При Цинском Китае привязанность китайского рынка к синьцзянскому стала еще выше. Возможно, делается предположение в исследовании, данный факт привел к экономическому слиянию империи с «Западным краем» задолго до формального завоевания цинами этого региона. в любом случае, Пекин был заинтересован в прекращении оттока серебра из империи, т.к. Восточный Туркестан был связан торгово-экономическими отношениями с другими рынками – среднеазиатским, российским, иранским и ближневосточным. Востребованность в китайском серебре была налицо, особенно на фоне утечки благородного металла в руки британских торговцев опиумом после известных войн европейцев с цинской монархией. Таким образом, мы имеем дело с еще одной версией событий, связанных с отношениями Поднебесной со своей будущей самой неспокойно провинцией.

Chomentowski G. Filmer d'Orient: Politique des Nationalités et cinema en URSS (1917-1938). – Paris: Editions PETRA, 2016. – 250 +16 pp.

Книга французской исследовательницы, известной специалистки по российскому и советскому кино Габриэль Шоментовски «Снимая Восток: политика и национальности в советском кинематографе 1917-1938 гг.» посвящена истории зарождения и развития кино в молодых советских республиках Средней Азии в довоенную эпоху. Автор отмечает, что кинематограф стал частью политики еще в царском Туркестане. с созданием

регионального объединения «Востоккино» в 1926 г. местный кинематограф превратился в неотъемлемый атрибут по советизации региона. Это объединение производило разнообразную продукцию – художественные фильмы по истории и современности, политобразовательные и просветительские ленты. с 1935 г. в центральной власти усилилась тенденция по борьбе с национализмом и одновременно был взят курс на формирование республиканских кинематографических школ. Автор считает, что внимательное изучение истории местного кинематографа дает прекрасную возможность изучить такие области, как межнациональные отношения в период раннего сталинизма, зарождение национализма в сфере культуры, организационные вопросы подготовки артистических школ, точечное применение пропагандистских приемов посредством кинематографа, и понять причины, характер и глубину чисток конца 1930-х годов, которые неизбежно коснулись и среднеазиатского кино.



**Dadabaev Timur, Komatsu Hisao (eds.)
Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Life
and Politics during the Soviet Era. – New York:
Palgrave Macmillan, 2017. – VIII+147 pp.**

Т.Дадабаев (ун-т Цукубы, Япония) и Хисао Комацу (ун-т Токио) в 2017 г. издали совместно с турецкими коллегами коллективный труд «Жизнь и политика в Советскую эпоху» на примере трех республик региона – Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Работа состоит из семи глав: коллективная память, устная история и изучение Центральной Евразии в Японии; социальная память в постсоветской ЦА; голод

в Киргизстане 1930-40-х гг.; освоение целинных земель в Казахстане; религиозная жизнь киргизского этноса (по устным материалам); воспоминания о сталинской эпохе; пересмотр исторических взглядов в эпоху перестройки. в первой главе (которая писалась накануне визит С.Абэ в регион) немало внимания уделяется Японии, которая занимает хорошие позиции для политического продвижения в регионе. Как отметил Т.Дадабаев, «Центральная Азия является одним из немногих регионов в Азии, где нет какой-либо истории японского империализма, и это делает Центральную Азию более доступной для Японии». Япония уже давно мастерски использует политику «мягкой силы» в Центральной Азии. Японские власти поддерживали проекты по очищению воды и проекты в сельском хозяйстве, помогали в финансировании строительства школ,

улучшения систем здравоохранения, дорог, систем поставки энергии и многих других аспектов центральноазиатской инфраструктуры. в ходе визита в Таджикистан Синдзо Абэ предложил, например, помощь в борьбе с саранчой. Т.Дадабаев считает, что это приносит свои плоды, и пояснил, что, согласно недавнему исследованию министерства иностранных дел Японии, Центральная Азия, как ему кажется, хорошо относится к Японии. в целом, данное издание (весьма эклектичное) можно отнести к числу полезных источников с точки зрения использования этно-лингвистического материала.

Kudaibergenova D.T. Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature. Elites and Narratives. – New York: Lexington Books, 2017. – XVIII+258 pp.

Ряд изданий, увидевших свет в последнее время, носит в большей степени исторический характер, чем политологический. в частности, в 2017 году в серии издательства «Лексингтон» была опубликована монография нашей соплеменницы Дианы Кудайбергеновой «Переписывание истории народа в современной казахской литературе». Книга предваряется посвящением великому патриоту казахской словесности Герольду Бергеру (и бабушке исследовательницы Р.Хасановой). Данное исследование изначально имело целью развенчание мифов, связанных с классиками казахской советской литературы, поэтому ее антисоветская направленность не вызывает сомнений (иначе работа и не была бы опубликована на Западе). Автором отмечается, что казахские писатели советской эпохи волей или неволей были вовлечены в процесс формирования казахской идентичности и тем самым заложили основы неких канонов в литературе. Основной фокус исследования направлен на культурное формирование казахской нации.

В книге подтверждается тот бесспорный факт, что уже с конца XIX века казахская литературно-культурная элита способствовала быстрой трансформации традиционного устного творчества казахов в письменную литературу. Она и составила костяк и основу городской урбанизированной колониальной и советской интеллигенции. в книге не ставится под сомнение то обстоятельство, что казахская советская литература до войны стала флагманом и символом быстрой модернизации. Так, накануне войны в КазССР печатали до 6 млн. экземпляров печатной продукции. в 1960-70-е годы, считающиеся золотым веком казахской литературы, только журнал «Жулдуз» выходил тиражом 50 тыс. экземпляров. То есть, отмечает автор, литература стала проводником знания о прошлом, настоящем и будущем для казахской нации. Фактически, казахоязычные (и русскоязычные также)

литераторы той эпохи удовлетворяли по мере возможности и своего уровня знаний потребность казахской нации в знании своей истории, досоветского прошлого и славных моментах казахской истории в прозе, поэмах, эссе и исторических повестях.

В монографии выделяются основные направления интересов казахских писателей: нomaдизм, археология, культурные аспекты орального творчества и др. Среди знаковых фигур казахской литературы разных периодов советской эпохи автор называет такие имена как М.Ауэзов («Путь Абая» оценивается как энциклопедия казахской нации), С.Сейфуллин (революционная модернизация казахов). Магауин (культурная археология), А.Алимжанов, И.Есенберлин (концепция «кошпендилер» – кочевников), С.Санбаев, О.Сулейменов и Г.Бергер. Следует отметить, что Д.Кудайбергенова справедливо оценивает значение советской эпохи для развития казахской национальной литературы. Это и билингвизм, и многочисленные переводы с литературной классики с европейских языков. Подавляющее большинство казахских писателей в той или степени были вовлечены в процесс советской модернизации.

И наконец, главный вывод, который следует при знакомстве с данным трудом, звучит следующим образом. Автор приходит к выводу, что советская модернизация во многом привела к созданию (поначалу на уровне образа, который в дальнейшем получил свое физическое воплощение) казахской нации. Причем это было характерно не только для Казахстана, замечает автор, но и для других советских республик, где в условиях советской культурной политики состоялся феномен формирования (сначала на уровне культурных матриц) новых наций. Очевидным симптомом завершения этого процесса, затянувшегося более чем на полстолетия, стали события декабря 1986 года. в финале своего интересного исследования Д.Кудайбергенова обращает внимание на литературное наследие Г.Бельгера, который, будучи носителем казахского языка и казахских культурных традиций, как этнический немец, тем не менее, смог со стороны зафиксировать основные рубежные и знаковые моменты в развитии советской казахской литературы, которые в его интерпретации помогают объяснить многое в сложном процессе формирования современной (постсоветской и постмодернистской) казахской нации.

Obertreis Julia. Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. – 538 pp.

Монография немецкого историка Юлии Обертрайс (Геттингенский университет) «Имперские мечты пустыни: роста хлопководства и ирригации

в Центральной Азии в 1860-1991 гг.» охватывает, как следует из названия, дореволюционный и советский периоды в истории региона. Автор связывает вклад российских и советских инженеров в развитие и модернизацию ирригационной системы (на примере будущих Узбекистана и Туркмении) и рост хлопководства в регионе вплоть до 19189 года, когда наметился спад производства «белого золота».

Заслугой царского режима было само внедрение хлопководства (как следствие Гражданской войны в США), советского – освоение т.н. голодной степи и Каракумов благодаря внедрению массовой ирригации. Но данные меры вызвали далеко идущие последствия экологического и социального характера. в первой части Ю.Обертрайс рассматривает политику имперской России в Туркестане, базировавшейся на «цивилизаторской роли» этой державы. Автор считает, что русские власти практически не использовали для реализации своих целей достижения европейской агрокультуры. Поэтому исследовательница предполагает, что рост хлопководства в Туркестане стал результатом инициативы частного бизнеса, включая строительство первых дамб и каналов.

Вторая часть охватывает период с 1917 по 1945 годы, для которого характерно тесное сочетание экономических интересов большевистского режима с социально-идеологическими. Наибольший урон, по ее мнению, нанесли 1920-30-е годы, унесшие треть населения региона. Мало декларируемая дореволюционным режимом цель достичь «хлопковой независимости» стала при советской власти настоящей идеей фикс. Автор отмечает и позитивные стороны советского правления: становления городской элиты из числа местного населения, эмансипацию женщин, реальные плоды индустриализации, урбанизации и модернизации, внедрение социальной инфраструктуры в образовании и здравоохранении.

Наибольший вклад, по мнению автора, изложенное в третьей части, в дело модернизации Средней Азии внес послевоенный период, который продолжался до начала 1970-х гг. Он включал в себя высокие стандарты ирригационных систем и широкую урбанизацию. Сюда она относит и механизацию сельского хозяйства, и развитие «Большой химии». Кульминацией этой модернизационной политики стала хрущевская кампания освоения целинных земель. Местное население было повсеместно вовлечено в данный процесс благодаря высоким стандартам образования и науки. Негативными сторонами процесса стали не всегда умелое планирование, нехватка стройматериалов, начавшееся в ту эпоху засоление почв, нехватка питьевой воды и ряд других. в четвертой главе освещаются 1980-е (кризисные, согласно автору) годы – 1970-91 гг., когда высыхание Аральского моря стало очевидным фактом, данные процессы

приобрели не только ярко выраженный экологический и социально-демографический фактор с национальным подтекстом, но и приняли общесоюзный характер (поворот сибирских рек). Более того, учитывая растущую роль коррупции, они начали превращаться в политический фактор в отношениях центра и республик.

Основной вывод, к которому приходит автор, сводится к тому, что Великий модернизационный проект советской власти ставил целью, прежде всего, легитимизацию режима. Но непреодолимым препятствием нехватка «трансформационного потенциала» власти, как она называет тающие ресурсы режима. Научной заслугой исследовательницы ее западные коллеги считают выбранный ею подход, базирующийся на охвате широкой исторической перспективы. Она находит много общего в среднеазиатском модернизационном проекте с аналогичными проектами, имевшими место в Чехословакии и Румынии. Традиционное антисоветское крыло уходящей советологической школы ставит в вину автору, что она мало уделила внимания таким явлениям как рост напряженности в межэтнических отношениях, отсталость советской технологической школы и застенелость системы принятия решений, засоление, Аральская проблема, символический характер инвестирования в процесс освоения «голодной степи», приближение экологической катастрофы и т.д. Англосаксонские советологи видят в этом принадлежность автора к немецкой «инфраструктурной (т.е. инженерной) школе».

В результате признания заслуги советской системы в деле модернизации региона Ю.Обертрайс получила от этого направления обвинения в некоем оправдании и легитимизации советского режима. Источниковая база исследования, по мнению этих критиков, носит эклектичный характер. Некоторые российские рецензенты считают, что из трех возможных подходов (экономический, глобальный, исторический) Ю.Обертрайс выбрала последний, что и ставится ей в заслугу. и наконец, в заключение добавим, что для поколений, выросших в советскую эпоху, работа Ю.Обертрайс не открывает ничего особо нового: процесс модернизации Средней Азии и Казахстана со всеми позитивными и негативными составляющими они наблюдали, особенно во второй половине XX века, собственными глазами.

Dadabaev T., Komatsu H. (eds.) Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan: Life and Politics during the Soviet Era. – New York: Palgrave Macmillan, 2017. – VII+147 pp.

Коллективная работа (под ред. Т.Дадабаева и Х.Комацу – Токийский университет) «Казахстан, Киргизстан и Узбекистан: жизнь и политика

в советскую эру» охватывает, хотя и отрывочно, широкие пласты исторической картины в указанных республиках. к важнейшим событиям, по мнению издателей, относятся такие как описание повседневной жизни в советский период в воспоминаниях постсоветской эпохи, голод 1930-40-х годов, освоение целины, религиозная жизнь, роль И.Сталина, как-таклизмы перестройки. Открывает издание эссе Х.Комацу, посвященное центральноазиатским исследованиям в Японии. в целом данная книга страдает отсутствием концептуальности, что сразу бросается в глаза.

Norling N. Party Problems and Factionalism in Soviet Uzbekistan: Evidence from the Communist Party Archives. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2017. – 130 p.

Данную тему, но на примере только одной республики, продолжает монография Н.Норлинга (Институт Центральной Азии и Кавказа, унта Дж.Хопкинса) «Партийные проблемы и фракционность в Советском Узбекистане», построенная на аутентичных источниках архивов КПУ. Автор выделяет четыре главных, по его мнению, вопроса исторического пути узбекской компартии. к ним он относит следующие: формирование партийной элиты Узбекистана (сквозь призму конфликтов и взаимной солидарности, роли географического фактора); эпоха У.Юсупова (завершение процесса складывания партийной иерархии и номенклатуры, партийные чистки, роль регионализма, доминирование в Таджикистане узбекской по этническому происхождению партийной группы из Ленинабада); период правления Ш.Рашидова (окончательное формирование поздней партийной элиты хрущевско-брежневского периода, победа принципа лояльности по карьерным соображениям); «хлопковое дело» (борьба Центра с «трайбализмом» в Средней Азии, политика «молчаливой реабилитации» узбекской партийной элиты, мифы о клановом факторе). Н.Норлинг в ходе исследования склоняется к выводу, что, несмотря на распространенные мифы, кланы как тесно организованные группы на основе региональной солидарности в республике отсутствовали. к распространенному заблуждению об их существовании и доминировании клановой системы многих видных коллег Норлинга (Карлайл, Кричлоу и др.), как он заключает, привело чрезмерно доверие и увлечение разоблачительными публикациями периода горбачевской гласности.

Kalinovski A. The Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization on Soviet Tajikistan. – Ithaca (NY): Cornell University Press, 2018. – XVI+336 pp.

Книга А.Калиновского (Амстердамский университет) рассматривает историю Таджикистана во второй половине XX столетия – в период между Второй мировой войной и распадом Советского Союза. Характерной особенностью работы является прием, с помощью которого автор погружает историю развития республики в глобальный контекст. Опираясь на многочисленные свидетельства представителей самых различных социальных групп (колхозников, рабочих, ученых и инженеров), А.Калиновский показывает данный процесс в качестве поступательного и прогрессивного, как элемент глубокой деколонизации и модернизации таджикского общества и как часть грандиозного советского культурного проекта. Данный постулат становится очевидным благодаря сравнению автором трансформации Таджикистана (как и других республик Средней Азии) с соседями по региону – Индией, Ираном и Афганистаном.

А.Калиновский делится интересной теорией: в 1950-е годы перед Соединенными Штатами и Советским Союзом стояли схожие задачи – в целях улучшения своего имиджа в третьем мире провести деколонизацию собственных внутренних колоний. в США ее роль играло черное население; в СССР – периферия бывшей Российской империи. Вторая глава исследования посвящена тем группам населения, а это в основном техническая и культурная интеллигенция, которые стали проводниками социальной трансформации своих республик. Здесь наблюдаются две волны: первая, романтическая, относится к послереволюционной эпохе; вторая состоит из представителей послевоенного поколения т.н. «бэби-бумеров». Таким образом, автор приглашает западных читателей к сравнению социалистического варианта с более знакомой им капиталистической версией деколонизации и модернизации.

Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. – Ithaca: Cornell University Press, 2018 p. – 294 p.

Монография Сары Камерон (доц. Мэрилендского университета) «Голодная степь: голодомор, насилие и создание Советского Казахстана» повторяет и воспроизводит все известные стереотипы старой советологии о трагедии эпохи коллективизации, восходящие еще к Роберту Конквесту и его «Жатве скорби». По ее утверждениям, от голода погибло порядка полутора миллионов человек, т.е. четверть тогдашнего населения Казахстана; в результате территория размером с континентальную Европу пережила радикальную трансформацию. Но подлинная история голода, считает

автор, все еще скрыта от исследователей. Исследовательница опиралась на партийные документы, устную традицию и воспоминания на русском и казахском языках.

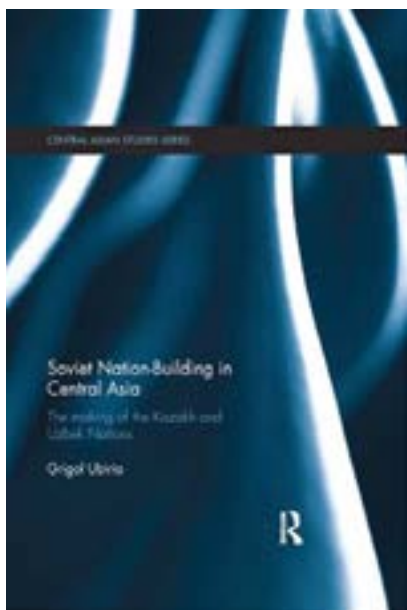
Основным результатом этих brutальных перемен С.Камерон называет тот факт, что был создан новый Советский Казахстан с четко очерченными границами и устоявшейся территорией, которая превратилась в интегральную часть советской экономической системы, и главное – возникла новая казахская (казахстанская) идентичность. Но, как пишет автор, ни сам Казахстан, ни казахское население не были интегрированы в советскую систему с тем результатом, на который первоначально надеялась Москва. Но факт голодомора навсегда остался маркером, напоминающим о советской эре в истории народа, и способствовавшим трансформацию казахов в независимую нацию в 1991 году. Именно появление новой казахской идентичности, приведшей к созданию современной казахской нации, С.Камерон считает историческим следствием спровоцированного советским режимом великого голода в Великой Степи.

Kindler R. Stalin's Nomads: Power and Family in Kazakhstan. – Pittsburg (PA): Pittsburg University Press, 2018. – 328 p.

Данный сюжет продолжен Робертом Киндлером (Гумбольдтовский университет) в книге «Номады Сталина: власть и семья в Казахстане». Как отмечает автор, его работа посвящена принудительной седентаризации и коллективизации казахских родов. Автор утверждает, что рассматривая кочевую систему как непродуктивную с экономической точки зрения, Сталин и его ближайшее окружение сделали ставку на проведение насильственной и агрессивной кампании в ущерб диалогу в духе культурной ассимиляции. Однако, результаты носили катастрофический характер: голод 1931-33 гг. унес приблизительно одну треть кочевого казахского населения. Сотни тысяч вчерашних кочевников превратились в беженцев, а номадическая культура и базировавшийся на ней социальный порядок были безвозвратно утрачены в течение последующих пяти лет. в ходе своего исследования Киндлер провел глубокий анализ системы советского управления, экономической и политической мотивации в ее рамках, а также роли советских чиновников, в т.ч. из числа этнических казахов, в ходе данного кризиса.

Clement V. Learning to become Turkmen”: Literacy, Language and Power, 1914-2014. – Pittsburgh PA): Pittsburgh University Press, 2018. – XII+254 pp.

Исследование Виктории Клемент «Учиться стать туркменами: литература, язык и власть с 1914 по 2014 гг.» носит одновременно и исторический, и политологический характер. Монография построена по хронологическому принципу и включает семь глав. Автор делает попытку связать в историческом контексте политику с трансформационными процессами в культурной и социальной сферах. По мнению В.Клемент, туркменский эксперимент в языковой и образовательной (распространение грамотности и смена алфавита) области медленно, но верно менял повседневную жизнь и в конечном итоге кардинально отразился на социальных процессах. Автор показывает, как политические соображения и интеллектуальная борьба способствовали концептуализации туркменской идентичности, ее модернизации – во многом через распространение грамотности. Истоки данной трансформации лежали в синтезе идей, суть которых Клемент формулирует следующим образом: оставаться мусульманами и тем самым стать «гражданами мира». Данный процесс занял, как показывает автор, целое столетие. Особое внимание автор уделяет периоду советской культурной революции – 1920-30 гг., т.е. эпохе ликвидации безграмотности и внедрения массовой грамотности населения, что и стало отправной точкой в процессе консолидации современной туркменской нации. На него даже не повлиял и не смог остановить страшный период репрессий национальной интеллигенции. в принципе, в той или иной форме и с другими вариациями аналогичные процессы протекали в других республиках Средней Азии и в других «национальных» регионах СССР.



Ubiria Grigol. Soviet Nation-Building in Central Asia. The Making of the Kazakh and Uzbek Nations. – London, New York: Routledge, 2018. – 272 p.

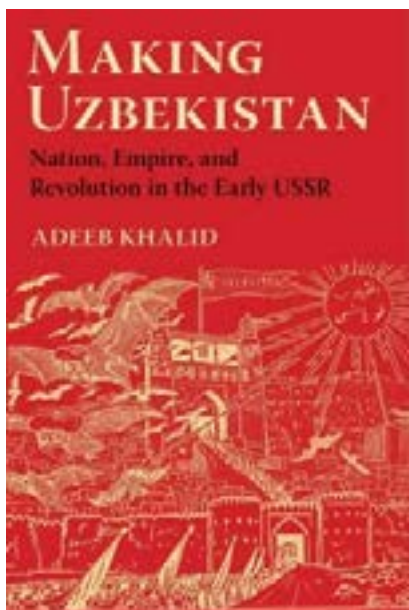
Австралийский ученый Григол Убирия (Австралийский Национальный университет, Центр арабских и исламских исследований) посвятил свою монографию «Советское строительство наций в Центральной Азии: создание казахской и узбекской наций» длительному процессу формированию современных национальных государств на месте бывших КазССР и УзССР, растянувшегося на весь XX век. Книгу

предваряет пространное теоретическое вступление, посвященное национализму. Вторая часть исследования посвящена дореволюционной истории Туркестана вплоть до революций 1917 года. Третья часть книги «От Ленина до Горбачева» охватывает соответственно советский период истории двух вновь образованных республик и фактически является ключевой. Автор опирается на этапные и переломные моменты в истории Казахстана и Узбекистана: размежевание, коренизация, деисламизация, эмансипация женщин, экономическая политика, аккультуризация и т.д. Основная цель исследования состояла в том, чтобы сравнить роль центральных советских органов и местных национальных властей в процессе обособления и формирования этих среднеазиатских наций.

Drieu Cloé. Cinema, Nation, and Empire in Uzbekistan (1919–1937). – Bloomington, Indiana University Press, 2018. – XIV + 293 pp.

Книга Хлои Дриё «Кинематограф, нация и империя в Узбекистане: 1919-1937 гг.» формально посвящена становлению кинематографической школы советского Узбекистана и роли кино в начальный период правления советской власти в республике. Но автор книги, первоначально изданной на французском языке, рассматривает данный процесс в контексте становления советского государства в УзССР. Поэтому она рассматривает кино в качестве социально-политического феномена. В своем исследовании автор использует архивы РУ и РФ и анализирует 14 полнометражных фильма. В результате вырисовывается картина деколонизации бывшего Туркестана и возникновения нового стиля управления со стороны сталинской системы.

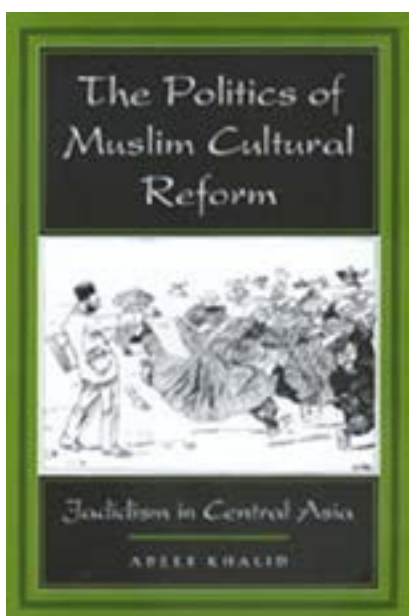
Первая часть монографии «Деколонизация Средней Азии» охватывает период 1919–27 гг. и освещает первые шаги внедрения кино. Вторая часть «Культурная революция и ее парадоксы (1927-31 гг.)» показывает превращение кинематографа в инструмент пропаганды. Это время появления уже собственных фильмов, снятых первыми узбекскими режиссерами (в частности, отцом узбекского кино называется Наби Ганиев) и начало борьбы национализма с интернационализмом. Волна репрессий против националистов в различных сферах национальной культуры и внутри компартии Узбекистана положила конец попыткам внедрения национального элемента и заложила основу для полувекового господства социалистической идеологии.



Khalid Adeeb. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. – Cornell: Cornell University Press, 2019. – 444 p.

Известный исследователь (профессор истории колледжа Карлтон в Миннесоте) Адиб Халид, выпустил в 2019 новое расширенное и дополненное своей последней книги «Рождение Узбекистана: нация, империя и революция в раннем СССР»). Область научных интересов А.Халида – история оседлых обществ Центральной Азии со времен российского завоевания 1860-х годов до настоящего времени. Его особенно интересуют преобразования культуры и идентичности, произошедшие в результате исторических изменений. Судьба ислама во времена царской и советской власти занимает центральное место в его исследованиях.

Он является автором двух книг: «Политика мусульманских культурных реформ: джадидизм в Центральной Азии» (1998) и «Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии» (2010). Последняя выиграла премию Уэйна Вучинича 2008 года Американской ассоциации содействия развитию славистики «За самый важный вклад в российские, евразийские и восточно-европейские исследования».²⁹



В рецензируемой книге А.Халид приводит хронику бурной истории Центральной Азии в эпоху русской революции. Тяжелые потрясения – войны, экономический крах, голод – трансформировали местные общества и привели к власти в регионе новые группы, а новое революционное государство начало создавать новые же институты. в регионе стали создаваться национальные республики, среди которых Узбекистан приобрел важнейшее значение. Используя архивные источники из Узбекистана и России, а также прессу и беллетристику того периода на узбекском и таджикском языках, Халид дает первое содержательное описание политической истории

²⁹ *Adeeb Khalid. Politics of Muslim Cultural Reform. – New York: Wiley, 1999. – 400 p. Adeeb Khalid. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. – Cornell: Cornell University Press, 2019. – 444 p.*

1920-х годов в Узбекистане. Он исследует сложные отношения между узбекской интеллигенцией, местными большевиками, а также Москвой, демонстрирующие, как развивалась ситуация в ранней советской Средней Азии. Фокус на узбекской интеллигенции позволяет ему изложить новую трактовку советской национальной политики.

Узбекистан, утверждает автор, не являлся созданием советской политики, но стал проектом мусульманской интеллигенции, возникшей в советском контексте этого периода. В это же время сложился современный узбекский язык. А.Халид ставит центральный вопрос своей книги – что такое Узбекистан, откуда он появился? Столетие назад карта Центральной Азии выглядела совершенно иначе, не предполагая появления здесь новых национальных государств. Поэтому, когда в эпоху «холодной войны» исследователи стали искать объяснение тому, как образовывались республики Средней Азии, стало популярным утверждение о том, что их возникновение – это результат произвольной политики И.Сталина, следовавшего принципу «разделяй и властвуй». Разделение региона по этническому принципу и своевольное определение границ было направлено, таким образом, по мнению большинства, на укрепление этнических особенностей каждой республики и упреждение возникновения здесь сильного, объединенного какой-либо идеологией (например, пантюркизм, панисламизм) региона, способного бросить вызов советской власти.

А.Халид утверждает, что границы современного Узбекистана были очерчены не советскими этнографами, а мусульманской интеллигенцией, к которым идея о нации пришла и укоренилась за некоторое время до революции. Если до 1917 года они (представители, в первую очередь, оседлого населения Центральной Азии) идентифицировали себя как «мусульмане Туркестана», то в 1917 произошел настоящий взрыв этнического сознания и подъем тюркизма. Теперь интеллигенция представляла себя как «тюрки Туркестана», гордо открыв для себя свои тюркские корни. При этом подъем тюркизма не означает. Тюркизм давал возможность мусульманам Центральной Азии вступить на мировую арену как тюрки.

При этом наследницей тимуридов стала Бухара – последний пример мусульманского государства, которое пережило российское правление и было разрушено приказом Фрунзе. Союзником Фрунзе были т.н. младобухарцы – молодые бухарские реформаторы, которые три года управляли Бухарской Народной Советской Республикой и проводили политику тюркизации Бухары (в частности, через переход от персидского к узбекскому языку, который они объявили государственным сразу после прихода к власти). По плану младобухарцев, Бухара должна была быть базой создания Узбекистана, который включал почти все области, заселенные

оседлым и полуседлым населением – «народ узбеков» – но исключал кочевые народы, таких как казахи или туркмены.

Ф.Ходжаев, другой известный младобухарец, в своем «узбекском проекте» аргументирует, что «народ узбеков», сплоченный ранее в государство тимуридов, распался из-за экономического разложения, утраты государственного единства, физического разрушения народа под господством ханства, эмирата, царизма. Задачей советской власти, писал Ходжаев, является объединение узбекского народа. После национально-территориального размежевания в 1924 году вновь образованная Узбекская Советская Социалистическая Республика включала в себя почти все исторические города Центральной Азии. Джалалабад и Ош были отданы Кыргызстану по советской логике, где крупные урбанистические центры должны поддерживать экономику отсталого, сельского населения, а Хива была эксклавом. Узбекистан виделся как Великая Бухара, обособленная от входящей в нее Таджикской АССР.

Кроме того, в «славном прошлом» воспевались Улугбек и Алишер Навои, поддерживая чагатайский принцип узбекской идентичности. Поэтому неудивительно, что в 1991 году Тимур стал символом нового узбекского государства, а Узбекистан претендует не на наследие узбекских племен Шейбани-хана, но на единое наследие оседлой культуры всей Центральной Азии.

Таким образом, особенно важен вывод автора о том, что эпоха 1920-х гг. было ничем иным, как культурной революцией. Другой вывод книги состоит в том, что прежние утверждения избыточно фокусируются на советской национальной политике и мало принимают во внимание роль местной дореволюционной мусульманской интеллигенции (т.н. джадидов). По мнению автора, чагатаизм стал формой идентичности Узбекистана, вобравшей культуру, ислам, тюркизм, наследие тимуридов. То есть, тюркизм в Центральной Азии стал развиваться из Бухары, а не из Ташкента. в течение советского периода узбекская идентичность развивалась и поддерживалась в рамках советских правил и ограничений. и хотя многие утверждения автора носят спорный характер, работа А.Халида открывает многие закрытые прежде страницы истории нашего южного соседа и частично дает ответ на вопрос: как появился современный Узбекистан, который многие в Казахстане рассматривают в качестве «искусственного советского республики-проекта».

De Magistris Alessandro, Buttino Marco. Soviet Modernist Architecture in Central Asia . Ill. by Roberto Conte , Stefano Perego. – London: Fuel, 2019 г. – 192 p.

«Советская модернистская архитектура в Центральной Азии» – альбомное издание А.Магистриса (проф. Миланского университета) и М.Бутино (проф. Туринского университета), чьим главным достоинством является коллекция сделанных с любовью фотографий советских зданий в Средней Азии эпохи 1950-1980-х гг. итальянских фотографов Р.Конте и С.Перего в четырех республиках региона (за исключением Туркменистана). Авторы снимков сделали, по мнению критиков, открытие для западного читателя, запечатлев советскую архитектуру той эпохи и влияние на нее восточных мотивов. Сам стиль советской архитектурной школы авторы называют «брутальным и модернистским».

Объектами съемок выступили музеи, жилые комплексы, вузы, цирки, ритуальные здания. Строительство в Советской Средней Азии, основанное на навеянными из далекой Москвы идеями, развивалось под влиянием двух факторов: первое – оно было стандартизированным и носило массовый характер; второе – здания декорировались с учетом местных национальных характеристик и культуры. Таким образом, от Прибалтики до Тихого Океана и от Северного Ледовитого Океана до Афганистана реализовывался один и единообразный архитектурный проект (хотя и с небольшим местным колоритом). Авторы отмечают противоречие, наблюдавшееся в Средней Азии: традиционно большие семьи с трудом адаптировались в тесных квартирах советских жилых блоков. На перестройку старых городов повлияли такие события и процессы как землетрясения (в Ашхабаде 1948 г. и Ташкенте в 1966 г.) и индустриализация, требовавшая массового расселения рабочих.

В защиту привычного для нашего поколения советского урбанистического ландшафта добавим, что его формирование не обошлось без итальянского влияния. Так, в Риме до сих пор существует целый район эпохи Муссолини – Эур, который с полным основанием также можно назвать «брутальным и модернистским» по стилю. А кто знаком с фильмами первой послевоенной волны итальянского неореализма, легко заметит до боли знакомые силуэты и контуры легендарных «хрущевок», которые своим появлением обязаны как раз прямому подражанию и заимствованию итальянских строительных технологий в 1950-60-е годы.

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Andrianov B. Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea: the History, Origin and Development of Irrigated Agriculture. – Oxford: Oxford Books, 2016. – 300 p.

На Западе помимо политологических исследований в середине 2010-х гг. увидел свет ряд книг по истории Центральной Азии и востоковедению. Ограничимся только перечислением, чтобы центральноазиатская аудитория имела информацию о них и представление о масштабах исследований региона, которые отнюдь не ограничиваются геополитикой и политологией. Это фундаментальное исследование Б.Андрианова «Древние ирригационные системы Аральского моря: история, происхождение и развитие ирригационной агрокультуры».

Baumer Ch. History of Central Asia. Vol. 3. The Age of Islam and Mongols. – London: Tauris, 2016. – 392 p.

Baumer Ch. History of Central Asia. Vol. 4. The Age of the Silk Road. – London: Tauris, 2018. – 384 p.

Следует также назвать третий и четвертый тома многотомной оксфордской «Истории Центральной Азии». Третий том – «Эпоха ислама и монголов» – написан Кристофером Баумером и посвящен наиболее драматичному периоду в истории региона – с VIII по XV вв.

Автор полностью уверен, что Центральная/Средняя Азия в период между IX и XV веками была основным политическим, экономическим и культурным хабом Евразийского континента. В первой половине XIII столетия

регион становится также центром военно-политической мощи, прежде не имевшей место в истории среди континентальных держав. В тоже время, речь у Баумера идет не только о монголах и созданной Чингис-ханом супердержаве. Автор отмечает подъем ислама и победы арабских армий, создавших державы сельджуков, караханидов и газневидов. Золотой век культуры, науки и искусства, созданный ими, был самым brutальным образом прерван в 1219-1260 гг., когда монголы подчинили себе земли хорезмийцев и аббасидов. Но благодаря монголам, сокрушивших всех конкурентов, был установлен прочный механизм торговых и культурных контактов между Центральной Азией и Западной Европой.

Следующий том «Эпоха Шелкового пути» К.Баумер посвятил более раннему периоду – с 200 до н.э. до 900 гг. н.э. Создание трансконтинентальной трассы стало возможным благодаря приходу к власти и плодотворной и целенаправленной деятельности династии Хань в Китае. Автор отмечает, что это был не только и не столько грандиозный коммерческий проект, но к тому же поток и обмен культурами, идеями, специалистами, технологиями и религиозными культами (христианство, манихейство, буддизм и ислам). Великий Шелковый путь вовлек в орбиту тогдашней ойкумены Европу и Средиземноморье. История контактов между Востоком и Западом сопровождалась драматическими столкновениями и битвами в ходе соперничества Римской империи и Парфянского царства, экспансии Согдийской державы, зарождением Самарканда как цивилизационного центра Средней Азии, разгрома китайских армий в битве на р.Талас объединенными тюрко-арабскими силами под знаменем ислама.

5.1. Древняя история региона

Starr S.F. Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – XXXII+696 pp.

Самым характерным примером взаимосвязи истории (традиционного востоковедения) с современной политологией является книга самого Фредерика Старра. Несмотря на этот факт, проф. Старр является крупным академическим ученым с классической востоковедной подготовкой.

Его монография «Потерянное Возрождение: Золотой век Центральной Азии от арабских завоеваний до Тамерлана». Это книга действительно представляет интерес и заслуживает отдельного рассмотрения. Книга Ф. Старра посвящена большому периоду в истории Центральной Азии – от начала тысячелетия н.э. до 16–17 вв. Может показаться, что исследование

по такой отдаленной истории не связано с актуальными политическими вопросами, но на самом деле такая связь у Ф. Старра присутствует.¹

На империи прошлого можно смотреть с помощью т.н. «широкого подхода», который предполагает, что империи, если и не являются гомогенными по своей структуре образованиями, тем не менее, имеют общие черты, которые видны в разных частях империи, имеющей, таким образом, общее культурное пространство. В современной историографии – это распространенный подход, однако его применение к изучению прошлого часто политически мотивировано. Обычно такой подход, считает профессор Индианского университета Д.Шлапентох, используют интеллектуалы тех стран, у которых были в прошлом большие имперские амбиции.

Например, иранские историки во многих своих исследованиях разрабатывают концепцию «панперсии». В частности, Империю Ахеменидов (VI–IV вв. до н.э.) они видят не как конгломерат разных земель, людей и культур, а как своего рода общее пространство, организованное политически и культурно из имперского центра. При таком взгляде политические и культурные особенности внутри империи отходят на второй план. Такой же, по сути ревизионистский, подход можно заметить и при исследовании других империй. Скажем, некоторые современные турецкие авторы видят свою историю не просто в контексте пантюркизма, предполагающего, что турки – это исторические лидеры всех тюркских народов, а еще более грандиозной. А именно: Турция – наследница Османской империи, а косвенно – и предшествовавшей ей, побежденной Византии.

Если брать шире, такой подход подразумевает, что история человечества – это не что иное, как смена империй/цивилизаций, каждая из которых считала себя высшим достижением исторического процесса. Основы этой теории легко заметить и в работах американских интеллектуалов, особенно сразу после окончания холодной войны, когда в США верили в свое абсолютное глобальное превосходство.

Нельзя прямо утверждать, что представления Ф. Старра о древней и средневековой Центральной Азии вытекают из его современных политических установок. И все же читатель книги Ф. Старра невольно начинает видеть связь между его интерпретацией истории и современной политической повесткой дня. влияние современной политической повестки дня угадывается в написанной им книге безошибочно. При этом предложенная Ф.Старром, революционно новая, по крайней мере для западной историографии, интерпретация истории Центральной Азии не является

¹ См.: *Шлапентох Д.* Новая концепция истории ЦА: великое прошлое с намеком на настоящее // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии (ЛаТУК, Москва). 2015. № 3. С. 44-49.

и примитивным политическим памфлетом с историческими аллюзиями. Вместе с тем его книга не основана на фактах, доселе неизвестных, которые следовали бы из новых (например, археологических) открытий, требующих пересмотра исторических концепций и интерпретаций. Хотя в книге наличествует обширный научный аппарат, это – не первоисточники, а вторичный материал, и используемая фактология давно и хорошо известна специалистам.

Новый взгляд на старые факты – такой новый взгляд потребовался Ф.Старру в силу изменившейся обстановки, то есть современности. Во-первых, приходит в упадок американо-центричный, или даже более широко – западно-центричный, взгляд на мир; возникли новые, не западные центры силы. И хотя они заимствуют западные технологии и даже кое-что из политики, тем не менее они существенно модифицируют заимствования. Во-вторых, распад СССР привел не только к явному, но временному возрождению интереса к Евразийству с его объединяющими посылами, но также и к росту самосознания в постсоветских государствах, в том числе и в Центральной Азии. Элиты этих стран создали собственную политическую и историческую картину мира. Д.Шлапентох считает, что Астана и Ташкент избавляются от Москва-центризма и больше не видят Москву как некий «центр» для себя.

Так, в Казахстане татаро-монгольская империя больше не считается, как было у Л. Гумилева, предшественницей российского/советского государства, а – предшественницей Казахского ханства. А в Узбекистане роль Тимура видится не только в создании в далеком прошлом великой «Узбекской империи», но и в снижении роли Москвы в Евразии, поскольку русские едва избежали поражения от армии Тимура. Все эти изменения в современности повлияли на работу Ф.Старра и привели его к формулированию новой интерпретации исторических событий, которая, надо признать, существенно отличается от традиционной и общепринятой в историографии.

Книга Ф.Старра охватывает широкий период истории Центральной Азии – от античных времен и до, примерно, XVI–XVII вв. н.э. Автор поставил историю региона в контекст нескольких империй, которые сменяли друг друга и контролировали территорию Центральной Азии на протяжении нескольких тысячелетий. И главный тезис Ф. Старра в этой широкой исторической перспективе состоит в том, что Центральная Азия совсем не была «тихой заводью» и провинциальной окраиной великих империй прошлого, регион всегда был самобытным культурным центром. И, более того, в периоды длительного нахождения в составе разных империй Центральная Азия зачастую становилась в них культурным и политическим центром.

Еще один важный тезис Ф. Старра состоит в том, что империи прошлого не были централизованными объединениями, а скорее – своего рода слабыми конфедерациями, где власть центрального правительства была незначительной.

Автор начинает свое повествование с доисторических времен. Он цитирует центральноазиатских историков, которые утверждают, что лошадь была впервые приручена в казахских степях, прямо в центре современного Казахстана, то есть в регионе нынешней Астаны, примерно, 5500 лет назад. В Центральной Азии процветала развитая аграрная цивилизация – в то же время, когда существовал древний Египет и Месопотамия. Позже Центральная Азия стала частью Персидской империи, которая, по мнению Ф. Старра, была в значительной степени децентрализованной, и ее основные округа пользовались автономией. Практически, округа империи были независимы, а их отношения с аппаратом имперского центра сводились к уплате дани и отдельным повинностям. Позже, в эпоху эллинизма, Центральная Азия стала процветать.

Ее культурное величие были таким же, как и в других частях древнегреческого мира. Переходя от времен античных к средним векам, автор, вполне ожидаемо, уделяет много места и внимания арабским завоеваниям. При этом Ф. Старр отходит от установившегося канона, в соответствии с которым арабы обычно описываются как вполне добрые завоеватели, их часто противопоставляют жестоким татаро-монголам. Автор отбрасывает подобные представления и описывает арабов такими же, как все другие завоеватели в истории в более ранние и поздние времена: они разоряли города и не щадили население.

Ф. Старр не согласен с распространенным среди историков мнением, что арабы принесли в Центральную Азию культуру и способствовали ее развитию на местной почве. Наоборот, утверждает Ф. Старр, местное население презирало арабов. Вскоре арабы поняли, что не могут контролировать Центральную Азию только за счет насилия; к тому же основная масса солдат арабской армии в Центральной Азии состояла из местных жителей, преимущественно из этнических тюрков и персов.

Центральная Азия не зависела от Багдада, все было ровно наоборот. На самом деле, после гражданской войны «Багдад лежал в руинах и вряд ли был местом, которое могло привлекать ученых людей того времени, искавших покровительства». Поэтому неудивительно, что некоторые города Центральной Азии могли составлять Багдаду вполне достойную конкуренцию. По некоторым свидетельствам, в городе Нисхапур лекция по юриспруденции могла собрать в 997 г. н.э. аудиторию в пятьсот человек. А фарсиязычная Центральная Азия развила свою собственную, особенную

идентичность. На самом деле, культурное превосходство было не в Багдаде, как обычно полагают историки, а в Центральной Азии. Рассуждая о культурном величии Центральной Азии, Ф.Старр оговаривается: «признание роли Центральной Азии в «Арабском Возрождении» не означает приуменьшение достижений арабских ученых в Багдаде». Тем не менее, нельзя недооценивать роль Центральной Азии в культурном развитии Исламского мира. Именно Центральная Азия стала местом, где «арабская и персидская интеллектуальные традиции сошлись и взаимно обогатились...».

В Центральной Азии жили великие интеллектуалы своего времени, творческие гении. Среди них – Ибн Сина (Авиценна) и Аль-Фараби. В некоторых случаях именно уроженцы региона Центральной Азии совершили эпохальные изобретения, которые обычно приписываются арабским ученым. Но Центральная Азия была не только местом, где делали большие открытия и изобретения, но это также было место, где творили, где появились великие персоязычные поэты, которых обычно ассоциируют с Ираном. Развивая тему культурных достижений персоязычных интеллектуалов из Центральной Азии, Ф. Старр заключает, что «новые персидские поэты» возникли в Центральной Азии.

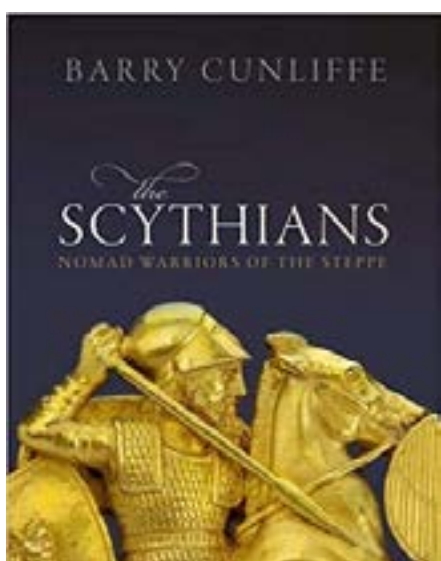
Такое описание Центральной Азии, как одного из основных центров мировой цивилизации, должно вполне понравиться современным элитам государств региона, которые ищут древние корни величия. Современные интеллектуалы в странах Центральной Азии зачастую ищут великих людей «чистого происхождения» – настоящих казахов, узбеков, туркмен или таджиков. Но в книге Ф. Старра таких найти невозможно. Великие умы, которые жили и творили в Центральной Азии, не могут быть приписаны к какой-то определенной этнической или культурной группе. Они принадлежали к разным этническим группам и совсем не уделяли внимания тому, кто они по крови. Они говорили и писали сразу на нескольких языках. Зачастую эти великие люди остро спорили между собой. Но именно эти споры, настоящий интеллектуальный плюрализм, и сделали возможным расцвет культуры в Центральной Азии. И этот интеллектуальный плюрализм терпели правители того времени, что, в конечном счете, и сделало возможным, как считает Ф.Старр, культурное и экономическое процветание региона.

Рассматривая период татаро-монгольских завоеваний в Центральной Азии, Ф.Старр придерживается сбалансированного подхода. Он не представляет татаро-монголов как абсолютных разрушителей. Они часто сохраняли города, которые сдавались им без сопротивления. И все же ущерб от этого завоевания был огромным, и даже отказ от сопротивления отнюдь не гарантировал милость завоевателей. Татаро-монголы разорили Центральную Азию в гораздо большей степени, чем Россия (?) или Персия.

В некоторых местах население истребляли до последнего человека, а ирригационные системы полностью разрушали.

Через несколько веков пришло новое разорение, на этот раз действовал Тимур Хромой, больше известный в западной историографии как Тамерлан. Череда его завоеваний сопровождалась жестокостью, сравнимой только с действиями Чингиз-хана. Но даже эти бедствия не остановили новое культурное возрождение. Последний великий культурный и интеллектуальный порыв имел место в Центральной Азии во времена Тамерлана (1336–1405). Культурное возрождение во времена Тимура невозможно отрицать, но у него были свои особенности. Тимур придирчиво собирал мастеров-ремесленников из всех завоеванных им земель, но очень примечательно, что он не проявлял никакого интереса к интеллектуальным талантам. Именно с этого, по мнению Ф.Старра, начался настоящий упадок культурного пространства Центральной Азии.

Таким образом, книга Ф.Старра утверждает, что не разрушения как таковые со стороны монголов или Тимура надо считать причиной начавшегося упадка Центральной Азии. Главная причина была не в физическом, а в интеллектуальном разорении, и – в политическом закате режимов. То есть, основная мысль книги Ф. Стара может быть интерпретирована следующим образом: Центральная Азия, мол, могла бы вернуться к своему прошлому величию, если бы допустила плюрализм, то есть, в современном контексте, – политическую демократию. Несмотря на столь явные натяжки относительно современности, книга Ф. Старра поможет историкам посмотреть на известные события древних веков с новой точки зрения. Но особенно книга интересна тем, что очень хорошо показывает, каким же западные интеллектуалы и политическая элита видят современный мировой порядок, особенно в Центральной Азии.



Cunliffe Barry. The Scythians: Nomad Warriors of the Steppe. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 408 p.

Известный английский археолог и культуролог Барри Канлифф (университеты Бристоля и Саутхэмптона; Оксфорд – с 1972 по 2008 гг.) был автором ряда монографий, посвященных европейской истории. Но его последняя книга «Скифы: кочевые воины степей» освещает эпоху в истории Евразии, принятой в советской археологической науке называть «эпохой ранних кочевников». В отличие от последующей

эры алтайских (тюрко-монгольских) кочевников этот период нам известен в большей степени по античным (в основном – греческим) и в меньшей степени – персидским источникам. По мнению автора, ареал расселения скифов (довольно условный этноним) раскинулся от Алтая до «Великой венгерской степи». Скифы угрожали границам или просто напрямую граничили с такими державами как Китай, Персия и Греция, что обеспечивало, в том числе, многочисленные контакты на разных уровнях между кочевниками и их соседями. В качестве исторического триумфа и символа скифской цивилизации ученый называет сдерживание ими вторжения персидской армии во главе с Дарием Великим.

Но отношения с греческими полисами носили иной характер, в основном торговый обмен, от которого выгадывали обе стороны. Эти ресурсы и стали, как утверждает исследователь, материальной основой возникновения великолепного «звериного стиля». Он включал в себя, по словам Геродота, на которого ссылается автор, полезный для греков опыт в религии, военном деле, отношении с женским полом. Основой для именованного это культурой цивилизацией глобального масштаба позволяет многочисленные памятники из захоронений от причерноморских степей до Алтайских гор, содержащие все известные для той эпохи материалы: шерсть, древесина, ковры, седла и т.д. И автор доказал, что как археолог и культуролог он прекрасно разбирается в данной проблематике. В целом, исследование Б.Канлиффа помогает лучше понять взаимосвязь европейской истории и давней и великой историей Евразии.

5.2. Средневековые империи степей

Monahan Erika. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016. – XIV + 410 pp.

Книга Эрики Монахан «Сибирские купцы» рассматривает попытку возродить прежнее значение древних торговых путей Шелкового пути, но на этот раз в обратном направлении – с Запада (от России) на Восток. В данном случае толчком послужило завоевание колоссальных сибирских пространств Московским, затем Российским государством, начиная с конца XV века. Исследование построено, что вполне объяснимо, в основном на материалах российских архивов. Хотя к слову говоря, много материалов дали бы китайские анналы, источники из Ирана и среднеазиатских эмиратов. Но идея изучить попытку повторного вовлечения Внутренней Евразии в зону общеконтинентальной торговли заслуживает внимания,

хотя для советской и постсоветской историографии она уже давно не является такой новой. В любом случае, предмет исследования затрагивает напрямую историю тюркского мира в постмонгольскую эпоху в лице фрагментов Золотой Орды, Сибирского и Казахского ханств, Синьцзяна и Средней Азии.

Тюркские кочевники в Азии и Европе: цивилизационные аспекты истории и культуры. Отв. ред.: Васильев Д.Д. Составители: Васильев Д.Д., Дробышев Ю.И., Зимоньи И. Труды Института востоковедения РАН, Выпуск 7. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 268 с.

Рассматриваемый выпуск Трудов Института востоковедения РАН содержит сборник статей, подготовленный международным коллективом авторов, и посвященный актуальным проблемам кочевниковедения. В книге рассмотрен вклад номадов древности и средневековья в культуру оседлых цивилизаций, проанализированы контакты тюркских кочевников с соседними народами, освещен ряд вопросов их этногенеза, археологии, антропологии, идеологии, военного дела. Материалы сборника охватывают период с эпохи хунну до современности и включают данные по Восточной Европе, Передней, Средней и Центральной Азии.

Изучение истории кочевников имеет в Венгрии давние традиции, а исследователи-

кочевниковеды работают во многих научных центрах страны. Следует отметить давние научные связи и совместные исследовательские проекты венгерских и российских востоковедов в этой отрасли. Это обусловило и состав нового сборника, материалы для которого представили востоковеды обеих стран. Традиционно в исследованиях по истории кочевых народов Евразии видное место занимают тюркология и монголоведение. Именно эти востоковедческие отрасли и представлены в настоящем сборнике, который продолжает совместный венгерско-российский научный проект.

Сборник открывает содержательная статья венгерских археологов А.П. Хорвата и Г.Хатхази. Авторы на большом фактическом материале обсуждают вопросы миграции кочевых племен на земли нынешней Венгрии и их аккультурации. Приводятся представительные результаты археологических работ, проводившихся разными специалистами в течение более века.

Статья В.В. Тишина посвящена рассмотрению теоретических вопросов изучения тамгового материала древнетюркской эпохи. Автор обращает внимание на терминологию, использовавшуюся в источниках для

обозначения тамговых символов, пытается выявить соотношение между различными терминами, рассматривая их в контексте вопроса о функциональном значении тех или иных знаков. Значительное внимание уделено дискуссии о личном или родоплеменном характере древнетюркских тамг.

А.Марчик приводит антропологические показатели средневекового кунского и венгерского населения Карпатского бассейна. В обзоре обсуждаются выявленные к настоящему времени захоронения людей европеоидного и монголоидного облика. Т.А. Аникеева анализирует образ врага в огузском эпическом произведении «Книга моего деда Коркута», которое состоит из двенадцати песен-сказаний, повествующих о подвигах огузских богатырей. Основным сюжетобразующим стержнем, вокруг которого группируются эти сказания, является борьба огузов с окружающими их со всех сторон иноверцами (гяурами, кяфирами) на землях Малой Азии, а также междоусобицы в среде самих огузов. Автор показывает, что внешний враг для огузов имеет как конкретные, так и мифологические черты, тем самым маркируя границу между миром кочевников и соседним оседлым миром.

В статье Ю.И. Дробышева анализируются некоторые сходные моменты в идеологии древних тюрков и иранцев VI-VIII вв., касающиеся фигуры верховных правителей тюркского и иранского обществ: кагана и шаханшаха, соответственно. Обсуждаются возможные заимствования представлений о пределах власти, возможностях и обязанностях верховного правителя. Автор приходит к выводу, что тюркские заимствования из ираноязычного мира заметны в период Первого каганата, тогда как в эпоху Второго каганата очевидно мощное влияние китайской культуры.

Основываясь на широком фактическом материале, С.Ковач и И. Зимоньи реконструируют картину взаимодействия кочевых и оседлых народов на территории нынешней Венгрии. Детально рассмотрена история кунов (куманов), сыгравших значительную роль в исторических событиях средневековой Восточной Европы.

Историк из РУ Ш.С. Камолиддин на различных примерах рассматривает роль тюрков Средней Азии в «мусульманском ренессансе». В правление первых Аббасидов (вторая половина VIII – IX вв.) и в последующие века турки играли важную роль в политической жизни Арабского халифата. Они были движущей силой «мусульманского ренессанса». В Средней Азии этому процессу предшествовал аналогичный культурный процесс, протекавший в эпоху Тюркских каганатов (VI-VIII вв.), который можно условно назвать «тюркским возрождением». Имея богатые культурные традиции, накопленные в эпоху Тюркских каганатов, турки были инициаторами и активными участниками аналогичного процесса в эпоху Арабского халифата.

Статья Д.М. Тимохина посвящена истории формирования тюркской военной и политической элиты Хорезмийского государства в годы правления хорезмшахов Ил-Арслана, Ала ад-Дина Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада. Автор подробно анализирует информацию из арабо-персидских источников не только об истории включения кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака в состав Хорезма, но и об особенностях распределения военных и административных постов среди тюркской кочевой аристократии. Подробно изучается эволюция этого явления и те изменения, которые приносили указанные правители в положение тюркской элиты в Хорезме. Наибольшее внимание в виду особенностей корпуса исторических источников уделено правлению хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, а также его старшего сына – Джалал ад-Дина Манкбурны. В работе также представлен анализ ключевых положительных и отрицательных аспектов функционирования тюркской военной и политической элиты Хорезма накануне монгольского вторжения и влияние данного фактора на результаты монголо-хорезмийской войны 1219-1221 гг.

Работа Ю.А. Аверьянова посвящена социальной структуре конфедерации кашкайских племен, живущих в иранском регионе Фарс и в соседних областях. Указывается на особое положение правящего клана ильханов Шахилу, фактически превратившегося в княжескую династию. Несмотря на смешение с индоиранскими племенами, кашкайцы продолжают считать себя «тюрками» и гордятся наследием кочевой культуры. Отношения кашкайцев с соседними полукочевыми племенами были довольно напряженными. Ильханы кашкайцев брали на себя функции судебной и религиозной власти над соплеменниками. Главы отдельных племен, как правило, были выборными. Власть ильханов поддерживалась воинским кланом амале. Племена кашкайцев на протяжении истории дробились и формировались заново, принимали различные названия, что затрудняет изучение их происхождения.

В статье П.К. Дашковского на основе письменных и археологических источников рассматривается возможность выявления в социальной структуре кочевых народов Центральной Азии эпохи поздней древности категории священнослужителей, которые более профессионально были включены в религиозную сферу. Автор приходит к выводу, что совершение основной массы культовых действий, прежде всего обрядов погребально-поминального цикла, производилось главами больших семей и родов.

Р.Ю. Почекаев исследует сведения российских и западных путешественников XIX в. о правовом статусе кочевников, находившихся в подданстве ханств Средней Азии – Бухары, Хивы и Коканда. Анализируются

особенности правового положения различных народов и племен в каждом из ханств, степень интеграции кочевников в их политико-правовое пространство.

В статье Н.Н. Крадина, А.Л. Ивлиева и С.А. Васютина прослеживается генезис городской культуры в империи Хунну. Подчеркивается значение хуннской урбанизации для Внутренней Азии, поскольку создание городищ и поселенческих комплексов с фортификацией, жилой и производственными зонами было новацией для данного региона.

На основании анализа материалов городища Тэрэлжийн-дурвулжин и других памятников предложена примерная схема этапов урбанизации и возникновения раннего города в империи Хунну.

Статья Г.Г. Пикова посвящена специфике развития бюрократизма в киданьской империи Ляо (907–1125). По мысли автора, бюрократизм как цивилизационное явление присущ и кочевым обществам. Пример Ляо служит иллюстрацией к данному тезису. Исследуются предпосылки этого процесса, источники формирования киданьского чиновничества, его место в социальной структуре, роль в политической истории, судьба в постимперский период.

Завершает сборник работа О.А. Королевой, рассматривающая интересный цивилизационный процесс, протекавший на севере Китая в раннее средневековье – китаизацию кочевого племени сяньби. Показано, что император государства Северная Вэй – Сяо-вэнь-ди активно участвовал в этом процессе, поощряя слияние сяньбийской и китайской элит, что в итоге имело как положительные, так и отрицательные последствия для бывших номадов.

Представленные в сборнике материалы, наряду со ставшими уже традиционными проблемами, затрагивают новые аспекты проблематики евразийской номадологии. Авторы выдвигают новые вопросы и предлагают оригинальные решения. Географический и временной охват работ чрезвычайно велик: от Восточной Европы до Восточной Азии, от раннего средневековья до наших дней.

Таким образом, сборник отличается мультидисциплинарностью, значительным разнообразием подходов и методик. Выдвигаются оригинальные гипотезы и предлагаются новые решения ряда вопросов номадологии. Текст богато иллюстрирован фотографиями артефактов, обнаруженных в результате раскопок, а также схемами и фрагментами средневековых европейских карт. Материалы выпуска могут представлять интерес для историков-медиевистов, тюркологов, кочевниковедов, археологов, этнологов, культурологов.

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв. – Москва: ИВ РАН, 2018. – 380 с.

Монография известных российских востоковедов Д.М. Тимохина и В.В. Тишина (Институт Востоковедения РАН) посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия государства Хорезмшахов-Ануштегинидов с племенами Восточного Дешт-и Кыпчака в период XI – начала XIII вв. и предполагает первое специальное исследование, посвященное данной проблематике. Тематика работы связана с отсутствием (за редким исключением) полноценного монографического исследования истории взаимоотношений государства Хорезмшахов-Ануштегинидов со степным миром. Хронологические рамки работы обусловлены периодом существования государства Хорезмшахов-Ануштегинидов: 1097–1231 гг., при этом охвачен период, предшествующий становлению династии Ануштегинидов и связанный с проникновением кыпчакских племен на территорию Арало-балхашской равнины.

Основная часть работы состоит из введения, пяти глав и заключения. Первые главы посвящены рассмотрению источниковой базы и основного фонда литературы вопросы. Последующие главы затрагивают следующие проблемы: становление державы хорезмшахов-Ануштегинидов, наивысший расцвет и гибель этого государственного образования. Особо затронут вопрос о начале конфликта с монголами, чьи геополитические интересы столкнулись с интересами государства хорезмшахов именно в Восточном Дешт-и Кыпчаке. Значительное место уделено взаимодействию хорезмийской и кыпчакской элиты в период монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., а также деятельности последнего хорезмшаха Джалал ал-Дина Манкбурны, основу военной силы которого составляли тюркские племена, в первую очередь кыпчакские. Еще одна глава посвящена рассмотрению этнических процессов в Восточном Дешт-и Кыпчаке, предшествующих формированию здесь крупных союзов кыпчакских племен, а также их трансформации. Значительное место уделено локализации отдельных топонимов, выяснению соотношения между встречающимися в источниках этнонимами, идентификации исторических персонажей. В заключении кратко резюмированы выводы авторов и подведены итоги всего исследования.

Рахманалиев Р. Империя тюрков. История великой цивилизации. – М.: РИПОЛ, 2018. – 704 с.

Еще одним переизданием является книга кавалера почетного ордена РАЕН Р.Рахманалиева «Империя тюрков. История великой цивилизации» (2009). Книга рассказывает об истории крупных государственных образований, к которым в той или иной степени можно применить термин «империя». История тюркского мира изложена автором в следующей последовательности: Тюркские народы с X в. до н.э. по V в. н.э.; Империя Атиллы; Великий тюркский каганат. Уйгурский каганат; Тюрки в мусульманском мире; Империя Чингисхана; Империя Амира Темура; Османская империя. Критики обращают внимание на тот факт, что хотя книга и претендует на звание «научного издания», это не более чем обыкновенный учебник истории, хотя и существенно большего объёма. В книге отсутствуют списки библиографии и указателей, неотъемлемых атрибутов научного издания.

Ethnicity of Turkic Central Asia. The Oxford Research Encyclopedia of Asian History. – Oxford: Oxford University Press, 2018.

В основу данного издания – «Этничность в тюркской Центральной Азии» положен основной принцип фундаментальной оксфордской серии по изучению места и роли этничности в истории азиатских народов. Авторы задаются вопросом: насколько родоплеменная идентичность, столь распространенная в регионе на протяжении практически всей его истории, соответствует современному пониманию данного термина. Традиционная научная школа антропологии (т.е. этнографии, согласно советской терминологии) на Западе, с критикой которой пытаются – и вполне резонно – выступить авторы, исходила из того, что возникшие в XX веке этнические общности были продуктом советской этно-социальной инженерии, то есть искусственными по своему характеру. Но эта точка зрения не учитывала исторической гибкости местных этносов и степени их приспособляемости, которые позволяли им, опираясь на традиционную идентификацию, язык и генетические (родословные) связи, сохранять свою идентичность – тюркскую, локальную, сублингвистическую, религиозную, культурную и племенную (для кочевых этносов).

Именно среди тюркских кочевых племен, отмечают авторы, впервые начался процесс новой (постмонгольской) идентификации и перехода к современным этническим группам. В основе данного процесса лежал принцип патрилинейной преемственности как генеалогической модели, свойственной большинству народов Евразии. Она имела не только внутреннее применение, но и внешнее измерение как своего рода защитный демаркационный инструмент, отделяя «своих» от «чужих».

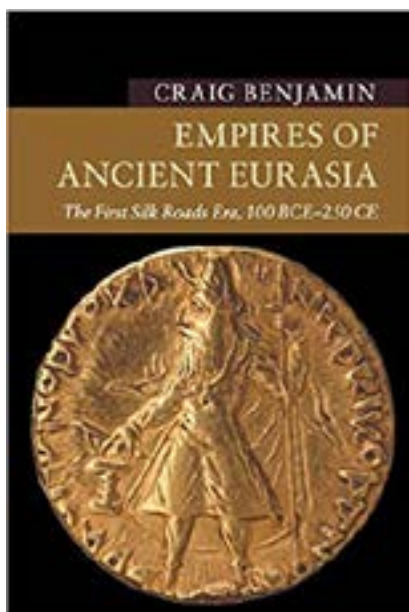
Таким образом, в Средней Азии доминировали две модели этнической идентификации – казахская и узбекская (или узбекско-персидская). Первая, как уже отмечалось, базировалась на языке, генеалогии и патримонности; вторая – на локальности, религии и культуре. Советский эксперимент по формированию среднеазиатских республик по довольно условному этническому принципу ускорил этот процесс и действительно выступил катализатором создания этнических общностей, которые уже в постсоветскую эпоху стали основой для формирования государств-наций. Из социального данный эксперимент превратился в вопрос политической власти.

Франкопан П. Шелковый путь. – М.: Эксмо, 2018. – 688 с. (Frankopan P. The Silk Roads: a New History of the World. – Bloomsbury: Knopf Doubleday, 2015).

Претендующее на фундаментальность исследование Питера Франкопана (д-р Центра исследования Византии Оксфордского университета) «Шелковый путь» призвано осветить колоссальный период в истории Евразии, Средиземноморья и Африки и всего человечества, охватывающий порядка 2000 лет. Однако фокус книги направлен на историческую роль Внутренней Евразии и ее роль в становление торгово-экономических путей древности и средневековья, и даже шире – великих религий и цивилизаций континента. Недаром подзаголовок работы звучит «Дорога тканей, рабов, идей и религий». Собственно истории Центральной Азии посвящены главы 9 начиная с монгольских завоеваний, частично глава 15 (завоевание Россией Туркестана), глава 16 – т.н. Большая игра. Далее повествование посвящено событиям XIX-XXI веков: создание и крушение глобальных континентальных империй, мировые войны, холодная война, наступление ислама, крушение СССР, становление нового мирового порядка в новом столетии. То есть, монография П. Франкопана претендует ни много, ни мало на то, чтобы заменить собой многотомную Мировую историю, несмотря на свой дилетантский и местами легковесный характер.

Benjamin Craig. Empires of Ancient Eurasia: The First Silk Roads Era, 100 BCE – 250 CE. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – VIII+316 pp.

Монография Бенджамина Крейга (проф. Истории Мичиганского университета) «Империи древней Евразии» представляет собой фундаментальное исследование, посвященное событиям конца I тысячелетия до н.э. и первых столетий I тысячелетия н.э., связанным с созданием первого маршрута Великого Шелкового пути (ВШП) эпохи династии Хань. Красной



нитью сквозь исследование проходит идея, что данная эпоха была первой попыткой глобализации в масштабах известной тогда ойкумены. Основным источником, питавшим формирование континентальных торговых путей (за счет шелка и предметов роскоши), был ханьский Китай. Другим важным актором первой глобализации, утверждает автор, стали кочевники и их конная цивилизация, сумевшие обеспечить через создание кочевых империй относительную стабильность торговых маршрутов.

Исследователь разделил свою книгу на девять частей, комбинируя хронологический принцип с тематическим. Он касается таких важных с точки зрения теории сюжетов как попытки прото-глобализации в форме ВШП, происхождение животноводческого номадизма и причины формирования кочевых империй, взаимодействие кочевых конфедераций с ранними династиями и ханьским Китаем, утверждение на этом политическом фоне конфуцианства. В этом историческом контексте (укрепление Китая при династии Хань, борьба с кочевниками и продвижение в Среднюю Азию) ученый развивает свои взгляды на причины появления ВШП. Логика исследования подводит автора к мысли, что своим появлением ВШП обязан созданию в Китае политической власти в лице династии Хань с мощным религиозно-идеологическим и этическим учением в форме конфуцианства.

Однако в дальнейшем, считает Б. Крейг, историческая инициатива переходит в руки кочевых цивилизаций. Династию Хань сменяют другие, менее сильные династии, а в Центральной Азии формируются новые полуседлые-полукочевые империи – Согд и Бактрия. Немало внимания автор уделяет роли животных в формировании ВШП. Если лошади кочевников обеспечивали их военное превосходство и мобильность, то массовое разведение верблюдов-бактрианцев сделало ВШП возможным с транспортно-грузовой точки зрения. Отдельная глава монографии посвящена роли Римской империи как важного участника трансконтинентальной торговли в рамках ВШП. Римский сюжет представляет интерес для автора исключительно в его привязке к Парфянской державе и ее роли и места в ВШП. Параллельно исследователь затрагивает предшествующие с хронологической точки зрения темы – место во взаимодействии Запада и Востока империи Александра Македонского и в целом созданного на ее обломках эллинистического мира.

Отдельную главу Б.Крейг посвящает вкладу Кушанской империи в данный процесс. Автор не оставляет без внимания и первые попытки наладить морскую торговлю между Средиземноморским миром и Тихоокеанским. В целом исследователь связывает закат торговых путей ВШП с закатом и крушением континентальных империй – ханьской, кушанской, парфянской и римской, а также изменениями в характере и происхождении новой кочевой цивилизации в Центральной Азии на переломе от бронзового к железному веку.

На его методологические подходы серьезно повлияли взгляды немецкого географа Ф.фон Рихтховена на историю Азии, что автор собственно и не скрывает. Автор также ссылается на выводы французской исторической школы Анналов М.Блока и Ф.Броделя. Сравнивая различные методологии и концепции, Б.Крейг остается выбранной им теории о том, что ВШП той эпохи был первой попыткой глобализации (в рамках известного тогда мира). При этом он убежден, что точный ответ на вопрос, чем был первый Шелковый путь, может дать только комплексное изучение природно-экологических, политических, экономических и культурных факторов.

В заключение следует отметить структурную организацию данного труда. Несмотря на почти полное единство текста монографии, каждая глава остается самостоятельным научным исследованием, со своим понятийным, источниковедческим и историографическим аппаратом, что придает исследованию дополнительный научный вес.

5.3. Археологические исследования по Центральной Азии и культурология

Ardi Kia. Central Asian Cultures, Arts, and Architecture. Inner Eurasia from Prehistory to the Medieval Golden Ages. – New York, London: Lexington Books, 2018. – 150 p.

Книга Арди Киа (содиректор программы исследований по Центральной и Юго-Восточной Азии университета Монтаны) «Центральноазиатские культуры, искусства и архитектура. Внутренняя Евразия с древнейшей истории до золотого века Средневековья» является продолжением (по-видимому, расширенным переизданием) предыдущего исследования данного автора с почти аналогичным названием – «Центральноазиатские культуры, искусства и архитектура».²

² *Ardi Kia. Central Asian Cultures, Arts, and Architecture. – New York, London: Lexington Books, 2016. – 128 p.*

Исследование, состоящее из 10 глав, включает в себя своеобразное путешествие во времени. В фокусе ученого – анализ истории всех значимых культур, видов искусств, археологических и архитектурных памятников региона. При этом исследователь комбинирует письменные источники с материальными результатами археологических раскопок доисторических, древних и средневековых городищ, добавляя данные из литературы на русском, китайском и других языках. Автор особо отмечает креативность местных творцов, о какой эпохе бы ни шла речь, которым удалось создать и оставить человечеству бессмертные творения.

В структурном плане ученый рассматривает следующие этапы: исторический обзор раскопок и соответствующих исследований (1 гл.); памятники палеотической эры (2 гл.); энеолитический период и медный век 3500-1700 гг. до н.э. и его составляющие – артефакты гончарного искусства и металлургии (3 гл.); степная бронза северных культур (4 гл.); железный век и установление первых империй (5 гл.); искусство восточных сатрапий Бактрии и Кушанской империи (6 гл.); цивилизационный взрыв в южной части Центральной Азии в бронзовую эпоху (7 гл.); искусство Парфии (8 гл.); зарождение и влияние государственной религии на официальное и религиозное искусство в империи Сасанидов (9 гл.); искусство Согдианы (10 гл.).

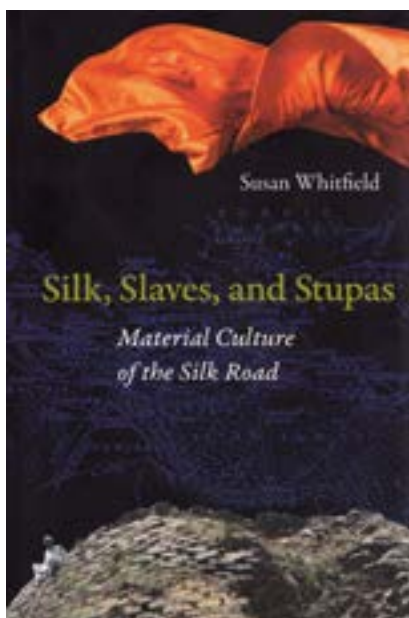
Таким образом, появление книги А.Киа носило весьма полезный и, несомненно, познавательный характер для западной аудитории, показывает широкой публике величественное историко-культурное прошлое региона. Хотя очевидно, что с научной точки зрения данное издание не скажет ничего нового специалистам в области культурологии нашего региона.

Mentges G., Shamukhitdinova L. (eds.) Textiles as National Heritage: Identities, Politics and Material Culture. – Münster: Waxman, 2017. – 322 p.

Совместная работа Габриэль Ментгес и Лолы Шамухитдиновой «Текстиль как национальное наследие в контексте идентичности, политики и материальной культуры» стала плодом долгих многолетних полевых исследований. Книга базируется на междисциплинарном подходе, хотя исследование затрагивает столь далекие друг от друга сферы как традиции производства текстиля (т.е. материальное производство) и изучение данного вопроса с точки зрения политологии, истории, социологии и экономики (т.е. гуманитарное знание). В работе делается фокус на Узбекистане и в меньшей степени – на других республиках. Фактически, в монографии показывается, как местные производители сохраняют текстильные

традиции, манипулируют ими и подчеркивают особенности каждой национальной текстильной школы. Целью книги, по словам самих авторов, «является установить, как наследие производства текстиля становится частью процесса нациестроительства, сохранения культурной идентичности, поиска национального бренда в форме текстильной продукции с ярко выраженными этническими чертами в условиях глобализации мировых рынков».

Книга представляет интерес для тех исследователей, которых интересуют более глубокие процессы, такие как политическая история взаимоотношения народов Средней Азии и элементы этнического соперничества между ними. В книге также отражение различия в традициях материальной культуры. Так, отмечается доминирование в качестве сырья шерсти и кожи у кочевых этносов (казахов и в меньшей степени – киргизов), в то время как их южные соседи делают ставку целиком на хлопчатобумажные изделия. Однако приходится констатировать, что фактор глобализации нашел неполное отражение. Для региона это соседство с Китаем, которое фактически уничтожило текстильное производство (вспомним судьбу АХБК!). Тем менее, исследование Г.Ментгес и Л. Шамухитдиновой представляет несомненный интерес для ученых ряда специальностей, в первую очередь – специалистов по этнографии и материальной культуре народов



Knysh A. Sufism: a New History of Islamic Mysticism. – Princeton (NJ): Princeton University Press, 2017. – XIV+389 pp.

Ряд исследований в области востоковедения только косвенно затрагивают историю собственно Центральной Азии, хотя без сомнений она имеет прямое отношение к изучаемой области знания. К таковым, несомненно, относится монография Александра Кныша (Мичиганский университет) «Суфизм: новая история исламского мистицизма». Основной идеей автора в данной и предыдущих книгах является мысль, что переживавший в течение многих столетий упадок и забвение суфизм вступает в эпоху

возрождения. Не является исключением и региона Центральной Азии. В исторической перспективе автор выделяет среди выдающихся мистиков суфизма выходца из Средней Азии Наяма аль-дин аль-Кубра.

Whitfield S. Silk, Slaves and Stupas: Material Culture of the Silk Road. – Oakland: California Press, 2018. – XI+339 pp.

Книга Сьюзен Уайтфилд (Институт археологии Лондонского университета) «Материальная культура Шелкового пути» посвящена памятникам материальной культуры вдоль исторического феномена, каким является Великий Шелковый путь. Автор рассматривает эти памятники как свидетельство интенсивных контактов и взаимодействия между различными народами, вовлеченными в торгово-экономические процессы континента.

Монография состоит из десяти глав, должных показать читателю поистине глобальный характер данного исторического явления. Шелковый путь затронул такие культуры, страны и цивилизации как Китай и Корея, Индийский океан и Средиземноморье. Перевалочным мостом в контактах этих регионов была Центральная Евразия. Свое исследование автор начинает с эпохи сюнну, которую она рассматривает как старт к началу и росту торговли в широком региональном контексте. Вторая глава посвящена найденным в различное время в разных регионах стеклянным чашам эллинистического периода. Исследовательница связывает их происхождение с Восточным Средиземноморьем. В третьей главе изучаются коллекции монет из найденных в эпоху Кушанской империи кладов. Автор считает их свидетельством широкого распространения христианских церквей и монастырей. В четвертой главе автор изучает культуру т.н. «стопы» на примере Амлук Дары (особый вид окультуренной террасы). Их появление ученая связывает с наплывом индоостанских паломников. В следующей главе автор находит связь между Северо-Восточным Китаем, Бактрией (нынешний северный Афганистан), Сасанидским Ираном и Индией.

В шестой главе исследовательницу привлекает анализ изображений; в основном это пятнистые лошади и верблюды. Всадники, как правило, держат в руках меч в левой и чашу в правой. Она связывает их распространение с буддийской цивилизацией в эпоху Хотанского царства. Седьмая глава уже затрагивает исламскую эпоху – анализ т.н. «голубого Корана», чей текст написан куфическим письмом и декорирован индиго (отсюда название). Восьмая глава книги дает отпор критикам Шелкового пути, пытающих принизить роль Китая как основного поставщика главного товара эпохи – шелка и заменить его Византией как поставщика основной массы товаров того времени на рынки Евразии. Девятая глава представляет собой научный анализ элементов китайского влияния на памятники материальной культуры – диаграммы содержимого, датировка и т.д. Отдельным вопросом в 10-й главе рассматривается такая малоизученная

(с точки зрения дошедших до нас материальных памятников) как работоторговля. С.Уайтфилд в качестве основной идеи своей работы продвигает мысль, что работоторговля была чрезвычайно выгодным и процветающим элементом вдоль данной трансконтинентальной торговой трассы.

В целом исследование С.Уайтфилд не привносит в научное познание изучаемого объекта, пусть и грандиозного масштаба, которым в древней и средневековой истории оставался Великий Шелковый путь, нового концептуального видения. Автор констатирует и постулирует давно известные истины. Но ценность данного исследования состоит в определенной систематизации имеющихся многочисленных памятников и различных письменных данных и попытке нарисовать целостную картину этого исторического процесса и его последствий для гигантского Евразийского континента и культур, цивилизаций, империй и народов, его населявших.

Linduff Katheryn M., Rubinson Karen S. (eds.) How Objects Tell Stories. Essays in Honor of Emma C. Bunker. Inner and Central Asian Art and Archaeology. Institute for the Study of the Ancient World, New York University. – Tournhout, Belgium: Brepols, 2018. – 225 p.

В 2018 году увидел свет коллективный сборник ведущих западных археологов и культуруологов, посвященный памяти Эммы Банкер. В издании подчеркивается роль этой выдающейся исследовательницы – специалистки по искусству и археологии Внутренней и Центральной Азии в изучении древней и средневековой истории Евразии, и красной идеей сквозит ее мысль о том, что евразийский континент являлся в указанные эпохи центральным перекрестком идей, культур и цивилизаций. Сама Э.Банкер внесла неопределимый вклад в исследования по металлологии и искусству по металлу на огромных пространствах Евразии.

Behrens-Abouseif Doris. Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World. – London; New York: I.B. Tauris, 2016. – XXII + 242 pp.

Исследование Дорис Беренс-Абусеиф «Практическая дипломатия в Мамлюкском Султанате» интересно тем, что привлекает внимание к данному периоду средневековой истории мусульманского мира не только самим фактом, что у власти в султанате стояли мамлюки – в основном выходцы из великих евразийских степей, преимущественно тюрки-кипчаки. На основе детального изучения номенклатуры дипломатических даров мамлюкскому двору автор убеждается, что данный регион (Египет, Левант, Палестина, Сирия) были неотъемлемой частью Шелкового пути, культурно и цивилизационно связанными с Центральной Азией.



Bloom Jonathan M. The Minaret. Edinburgh Studies in Islamic Art. Edinburgh University Press, 2018. – XXIV + 392 pp.

Книга Дж.Блума «Минарет: эдинбургские исследования исламского искусства» (второе, существенно расширенное переиздание работы 1989 г.) доказывает, что Шотландия далеко не является периферией востоковедческого мира. Автор на многочисленных примерах в своем богато иллюстрированном издании показывает, в том числе и на примере среднеазиатских памятников, значение минаретов для развития исламской архитектуры, столько внесшей в мировую культуру.

Джанабаева Г.Д. Искусство народов Центральной Азии. Ред. М. С. Розанова. – Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 89 с.

В книге казахстанского искусствоведа Г.Джанабаевой представлены эстетические особенности декоративно-прикладного искусства центральноазиатских народов, многие уникальные образцы которого, а также навыки и знания, связанные с их изготовлением, признаны ЮНЕСКО шедеврами традиционного искусства и внесены в Список Всемирного нематериального культурного наследия. Обращаясь к истокам зарождения и последующего развития народного декоративно-прикладного искусства, художественных промыслов и ремесел, автор показывает историческую преемственность культур и национальных традиций народов Центральной Азии.³

В связи с образованием в 1991 г. после распада СССР пяти независимых центральноазиатских государств – Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Узбекистан (Каракалпакстан в составе Узбекистана), Туркменистана и Республики Таджикистан – в каждой из них отмечается растущий интерес к своей традиционной культуре и ее истокам, особенностям ее формирования и развития.

Работа Г.Джанабаевой подводит итоги развития народно-эстетических традиций в постсоветскую эпоху. Заметны позитивные тенденции

³ Одновременно с русскоязычным изданием книга была издана на английском языке: *Janabayeva G.D. Arts of the Peoples of Central Asia. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2019. – 104 p.*

возрождения народных традиций: популярность приобретают праздники народного календаря, свадебные обряды, народные игры и традиционный костюм. Возрождению традиционного костюма способствует ориентирование местной легкой и ювелирной промышленности центральноазиатских стран на изготовление традиционных тканей, одежды, украшений, что также играет определенную роль в сохранении этнического самосознания народа.

Возрождена техника кожаного тиснения, мозаики, аппликации; резьба по дереву применяется в украшениях современных архитектурных форм и деталей домов, в декорировании мебели, украшении деревянной посуды и, конечно, в декоре современной юрты. Современная юрта, богато декорированная, по сей день встречается во многих частных усадьбах (располагаясь рядом с благоустроенными домами) Центральной Азии. Ее также используют и в туристическом бизнесе как оригинальный объект этнокультурного наследия – для отдыха и приема гостей.

Искусство керамики продолжает активно развиваться в Узбекистане и Таджикистане: появляются новые современные формы посуды, отвечающие особенностям национальной кухни; расширяется жанровый диапазон изделий; создаются новые образцы декоративной керамики (декоративные настенные тарелки, панно, напольные вазы, мелкая фигурная пластика). Артефакты народного декоративно-прикладного искусства возрождаются и в образовательной сфере. В учебных заведениях различного уровня продолжается народная традиция ученичества: воспроизводятся лучшие образцы этого искусства, разрабатываются новые современные композиции и сюжеты, формы и колориты, отвечающие духу времени.

5.4. Этнографические исследования по Центральной Азии

Ismailbekova Aksana. Blood Ties and the Native Son. Poetics of Patronage in Kyrgyzstan. – Bloomington: Indiana University Press, 2017.

Работа А.Исмаилбековой (Институт социальной антропологии М. Планка) «Кровные узы и родной сын: поэтика отцовства в Киргизстане» заслужила название в современном среднеазиистоведении «пионерской» среди этнографических трудов, посвященных вопросам родства, отцовства/патронажа и политики. Книга (от имени некоего Рахима) повествует о подъеме и закате карьеры местного крестного отца из числа влиятельных лиц в сельском районе Северной Киргизии, его отношениях с клиентами

и родственниками и о том, как эти отношения влияли на экономическую и социальную жизнь данного региона. Автор противостоит той распространенной на Западе концепции, что коррупция, nepотизм и отношения по линии патрон-клиент препятствуют демократизации. Наоборот, А.Исмаилбекова утверждает, что система родства и патронажа развивается параллельно, и даже способствует утверждению демократии, поскольку данная система якобы поощряет формированию индивидуальной политической позиции и соответствующего поведения.

5.5. Номадизм

В течение тысячелетий вторжения кочевников внушали ужас оседлым народам. Жители Китая, Средней Азии, Ирана, Восточной Европы, Ближнего Востока с трепетом ожидали очередного нападения со стороны Великой Степи. Все великие степные империи в конце концов распались и исчезли, оставив науке так до конца и неразгаданную загадку номадизма. Какой вклад в историю человечества внесли номады, были ли они только безжалостными разрушителями, или же способствовали культурному, технологическому и политическому взаимодействию различных, удаленных друг друга от друга частей света, создателями уникальной экологической цивилизации, приспособленной к суровым условиям Центральной Евразии?⁴

Человечество вступило в XXI-й век, а проблемы, связанные с его ранней историей, по-прежнему продолжают волновать ученых и широкую общественность. К одной из наиболее интересных и порой болезненных проблем относится изучение феномена номадизма, или кочевничества. Для Казахстана эта проблема особенно актуальна, поскольку значительная часть его истории представляет собой историю кочевого общества. Болезненной эта проблема может считаться потому, что уже в XX столетии кочевые общества практически сошли с исторической сцены, а их разрушение сопровождалось такими тяжелыми процессами как геноцид, насильственная седентаризация (оседание), аккультуризация, ассимиляция, потеря этнической самобытности и идентичности. Все это в полной мере имело место и в казахстанской истории. Тем не менее, по крайней мере два узловых вопроса сопровождают историю номадизма: первый касается его экологических аспектов, т.е. взаимоотношения кочевых

⁴ Это тем более странно, что европейский мир достаточно наслышан об американских индейцах, в то время как о своих евразийских соседях казахах знал до недавнего времени до обидного мало.

систем с природой и создания на базе кочевого хозяйства идеальной эколого-экономической системы отношений между людьми, животными и дикой природой. Второй вопрос относится к характеру взаимоотношений между кочевыми и оседлыми народами. Этот аспект истории в равной мере носит болезненный характер для обеих цивилизаций.

В целом, изучение кочевничества как особого исторического типа цивилизации выходит далеко за рамки исследований собственно номадизма и затрагивает очень широкий круг дисциплин – этнографию, археологию, тюркологию, сравнительное языкознание и т.д., то есть является фактически фрагментом обширного комплекса всей истории Центральной Евразии. Как ни удивительно, в течение долгого времени кочевничество как таковое специально не изучалось, а как бы «болталось» между различными дисциплинами. Для советского периода такое положение дел вполне объяснимо: изучение истории было вынуждено следовать официальной, «марксистско-ленинской» доктрине. А эта доктрина не давала возможность исследовать кочевой тип хозяйства иначе, чем в рамках догматической теории. Изучение казахского номадизма продвигалось усилиями отдельных энтузиастов, которые могли осветить только его узкие аспекты, а также продолжалось как параллельная традиция на Западе.

Некоторые ученые на Западе положили в основу своей концепции о кочевниках следующие тезисы. Во-первых, специализация означает более сильную зависимость. Этот тезис расшифровывается следующим образом: чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более они зависимы от внешнего мира. Во-вторых, номадизм представляет собой особый вид производящей экономики. При этом казахстанские степи представляли собой один из немногочисленных регионов на планете, где наблюдалось кочевое скотоводство в его чистом виде. В-третьих, адаптация кочевого скотоводства к природно-географическому окружению является неполной; номады вынуждены также адаптироваться и к внешнему миру. И, наконец, кочевое хозяйство нуждалось в ресурсах земледельческого и городского мира; таким образом, завоевание было одним из средств подчинения и получения необходимых продуктов, доведенным до своего логического конца.

Самый интригующий вопрос истории Великой степи – это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. В современной историографии насчитывается ряд концепций, или теорий, пытающихся объяснить этот феномен мировой истории. В самом обобщенном виде их можно свести к следующим тезисам: разнообразные глобальные климатические изменения (например, усыхание, или наоборот – чрезмерное

увлажнение); воинственная и жадная природа кочевников (эта точка зрения восходит к китайской историографии); перенаселенность степи; рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (классическая марксистская концепция); необходимость пополнения экстенсивной скотоводческой экономики посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; нежелание со стороны центров оседлой экономики торговать с номадами, переизбыток продуктов скотоводства; личные качества предводителей степных обществ; этноинтегрирующие импульсы (пассионарность).

Следует отметить, что в каждой концепции есть свое рациональное зерно. Но все они в той или иной степени страдают преувеличением своего фактора. Так, современные палеографические данные не подтверждают прямой связи между глобальными периодами усыхания или увлажнения с подъемом или упадком кочевых империй. Марксистский тезис о классовой борьбе в кочевом обществе также оказался несостоятелен. Демографический фактор из-за недостатка источников не совсем ясен. Что касается воинственной природы кочевников, то история оседлых цивилизаций демонстрирует, что именно оседлые народы создали, в конечном счете, наиболее эффективные военные технологии и инфраструктуры.

Замечено, что государственность в форме кочевых империй и других политических образований развивалась у номадов только в тех регионах, где они имели постоянные и интенсивные политические и экономические контакты с более высокоорганизованными земледельческими и особенно городскими обществами. Этот тезис иллюстрируется следующей дихотомией: скифы и античные государства; гунны и Римская империя; тюрки и Китай, тюрки и Древняя Русь; тюрки и Хорезм; арабы, турки и Византия и т.д.

У степных империй была двойственная природа: внешне они напоминали классические деспотии Востока с функцией добывания прибавочного продукта вне степи, но при этом оставались основанными на племенных связях обществах без устойчивой налоговой системы и классической феодальной иерархии, подразумевающей эксплуатацию скотоводов. Авторитет степного владыки базировался на обычном праве, умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговой дани и набегов на соседние страны. Эта, в общем, огрубленная схема применима в основном к домонгольской эпохе.

Считается, что в своих отношениях с оседлыми территориями номады использовали несколько стратегий: стратегия набегов и грабежей (сяньби, тюрки и монголы в отношении Китая; Крымское ханство в отношении

Украины, Польши и Московского государства и др.); подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (скифы и скелоты, хазары и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контролирование торговых путей (тюрки и Великий шелковый путь, казахи и торговые пути между Средней Азией, Китаем, Ираном, Кавказом и Сибирью); завоевание оседлого государства, инфильтрация кочевников, создание новой династии, нового правящего класса и нового государства с последующей ассимиляцией номадов (маньчжуры в Китае; монголы в Китае, Хорезме и Иране, казахи в Бухаре и т.д.); тактика чередования набегов и сбора дани; практически ее использовали на разных этапах – до или после полного завоевания все крупные кочевые образования, начиная с хунну в Китае и заканчивая тюрками и монголами позднего средневековья). Американский ученый Т.Барфилд в 1992 г. даже ввел в оборот, стремясь объяснить суть отношений между кочевниками и земледельцами, остроумный термин – «дистанционная эксплуатация».

Следует отметить, что западные ученые поставили вопрос об исторической роли ранних кочевников еще в 1950-е гг. Они исходили из того, что следы возникновения европейских народов следует искать в Центральной Евразии. Не являлись ли ранние, дотюркские кочевники предтечами в области материальной и духовной культуры индоевропейских народов, заселивших Европу в бронзовую эпоху? Углубившись в суть предмета, немецкий ученый Карл Йеттмар пришел к выводу, что цивилизация ранних кочевников была уникальным и самодостаточным явлением. Она явилась предтечей классического номадизма, созданного тюрко-монгольскими кочевниками Евразии уже в нашу эру. Своеобразным культурным стержнем, пронизавшим обе, разные с этнической и лингвистической точки зрения, цивилизации был т.н. «звериный стиль».

С археологической точки зрения можно только предполагать, что кочевничество зародилось в позднем палеолите. Кочевничество было активной реакцией древних людей, знакомых с земледелием и скотоводством, на изменения климатических условий. В полной мере это относится к Центральной Азии. Ряд ученых считает, что письменные источники по Ближнему Востоку позволяют говорить об интенсивном развитии кочевничества в конце I тыс. до н.э. Всемирно-историческое значение номадизма характеризуется как положительными (расширение ойкумены), так и отрицательными чертами (переход от более продуктивной форме земледользования к менее). Историческое значение кочевничества состоит в возникновении и развитии форм эксплуатации (ссуда скота) и как следствие – в социальной дифференциации. Но отношения эксплуатации и зависимости не вели к возникновению антагонистических противоречий.

В этом следует искать причину того, что кочевникам нигде не удалось создать собственную государственность на базе кочевого хозяйства. Другая причина состоит в том, что скот у кочевников не использовался в производственной сфере, а был лишь средством потребления и накопления богатства.

Группа исследователей подошла к проблеме номадизма с точки зрения роли лошади и пастбища в его истории. Американский ученый Синор попытался выявить взаимосвязь между разведением лошадей и экономикой и политикой у кочевников; созданием великих конных армий и возвышением и падением великих кочевых империй. Синор считает, что выносливость, неприхотливость, приспособленность к суровым климатическим условиям, отличавшие центральноазиатскую лошадь, давали ей неоспоримое превосходство перед другими породами боевых коней со времен скифов и до второй мировой войны. Однако разведение такой породы лошадей было всеобщим для Центральной Азии на всем протяжении ее истории, и только некоторые скотоводческие народы сумели создать государства непреходящего значения.

Некоторые ученые считают, что для раскрытия феномена номадизма с точки зрения культурологии необходимо анализировать древнее искусство кочевых народов Центральной Азии. Кочевые народы степной зоны Центральной Азии в VII-VI вв. до н.э. частично перешли к земледелию. Особенностью искусства этого периода является изображение человеческих лиц с живой мимикой. Лучше всего известно искусство кочевых народов раннего скифо-сарматского периода. В этот период определяющим видом искусством были работы по благородным металлам, на которых изображались преимущественно животные и люди. Затем следует тюрко-монгольский период (IV-XV вв.), для которого характерно наличие рукописей и рисунков в захоронениях. Можно выделить характерные черты искусства кочевых народов на обширном пространстве от Туркестана до Кореи. Оно базируется на сибирско-скифском «зверином» стиле. В нем изображение природы является только дополнительным элементом, а преобладают изображения человека и животных, причем в динамике. При этом искусство номадов оказало существенное влияние на китайское искусство.

Часть ученых считает, что история огромных пространств Внутренней Азии (Центральной Азии, Сибири, Монголии, Китая, Тибета, Среднего Востока), Кавказа и Восточной Европы должна прочитываться в едином контексте на всем протяжении исторического периода с момента выхода кочевых народов на авансцену мировой истории. Единый культурологический тип Центральной Евразии базировался на схожем типе хозяйства и вытекавшем из него социально-иерархическом строе.

Несмотря на обилие теорий и концепций, в современной номадистике еще много вопросов остается открытыми. Центральным вопросом кочевниковедения, как и раньше, остается проблема отношений между кочевыми и оседлыми цивилизациями: были ли они антагонистами, или все же взаимно дополняли друг друга в процессе исторического развития человечества?

Дробышев Ю.И. Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2018. – 264 с.

Монография сотрудника ИВ РАН Ю.И.Дробышева посвящена роли климатического фактора в жизни и политической истории кочевых народов Центральной Азии, тесно связанного с понятием сакрального характера верховной власти, что ставит данную работу особняком от других многочисленных исследований подобного рода. В книге показано, как погода решала судьбу военных столкновений, и как люди пытались ставить ее себе на службу при помощи специальных магических камней. Особое внимание уделяется раскрытию космологических идей, не только облакавших ханов властью над своими подданными, но и делавших их ответственными за гармоничное состояние, если можно так выразиться, «всего Универсума».

Центральная идея книги изложена во взаимосвязи климата и военного дела. Климат не остается неизменным. Говорить ли о климате Земли в целом или касаться какой-то конкретной местности – везде происходят более или менее быстрые, более или менее явные изменения: повышается либо понижается среднегодовая температура воздуха, увеличивается или уменьшается количество осадков, меняется их распределение по сезонам, меняются направления господствующих ветров. Некоторые климатические изменения имеют обратимый характер и называются колебаниями, другие необратимы.

Природная цикличность складывается из циклов различной периодичности: 11 лет (цикл Швабе), 22 года (цикл Хейла), около 70 лет (цикл Гляйсберга), около 200 лет (цикл Зюсса), 1470 и 500 лет (цикл Бонда) 13 000, 41 000 и 93 000 лет (циклы Миланковича) и, возможно, ряда других, которые накладываются друг на друга и на непериодические тренды, в итоге формируя сложную картину. Глобальные последствия многовековых циклов, такие как наступление и отступление ледников, хорошо известны.

Уже больше века продолжается дискуссия о высыхании земель Центральной и Средней Азии. В ней принимали участие многие видные географы и путешественники. По-видимому, принимая во внимание

огромные размеры Центральной Азии и чрезвычайное разнообразие представленных на ее территории ландшафтов, можно говорить о разнонаправленных и разновременных трендах тепло- и влагообеспеченности разных ее частей. Вопрос о взаимосвязи политических событий и изменений климата в Центральной Азии не может не возникнуть, особенно если учесть сильную зависимость кочевых образований от их ресурсной базы – пастбищ, состояние которых, в свою очередь, во многом определялось динамикой климатических показателей.

На первый взгляд кажется логичным, отмечает автор, что ухудшение климатических условий, в частности аридизация или значительное похолодание, вызывающие сокращение кормовой базы скота (трава – почти единственный источник корма для животных), угрожало голодом и заставляло людей переселяться в более благоприятные районы на границе с оседлым миром, где были вероятны вооруженные столкновения между местным населением и вновь пришедшими. Менее сплоченные племена вынуждены под давлением соседей мигрировать на периферию Центральной Азии, нередко на запад, порой за тысячи километров от родных кочевий, причем со временем там они сами могут стать грозной силой. Однако мнение о широкомасштабных военных кампаниях степняков как результате наступившего в их кочевьях голода опровергается самим ходом истории.

Для кочевника понижение среднегодовых температур не представляет такой опасности, как уменьшение количества осадков, причем необходимо отметить, что влияние осадков на кочевую экономику неоднозначное. Весенне-летние дожди благоприятствуют росту трав и наполняют водой реки, ручьи и озера. Но сильные снегопады зимой ведут к массовой гибели скота, не способного добыть себе корм из-под толстого слоя снега. Их опасность усугубляется ветром и морозом. Поэтому рост увлажненности степи мог как усиливать кочевников, так и ослаблять их: это зависело от сроков выпадения осадков и их интенсивности. Кроме того, аридизация климата, если она действительно имела место в те или иные отрезки центральноазиатской истории, не только вела к продвижению пустынь на север, сокращая тем самым территории, пригодные для номадов. В то же самое время на север должна была отодвигаться и граница леса, освобождая под степь новые пространства. Периоды увлажнения, надо полагать, сдвигали границы природных зон обратно на юг, и ареал номадизма перемещался южнее вместе с ними.

Много внимания поиску связей между климатическими изменениями и периодическими «выплесками» кочевых племен за пределы их коренного местообитания – центральноазиатских степей – уделял Л.Н. Гумилев,

считавший, что не ухудшение природно-климатических условий толкало кочевников в военные походы на оседлых соседей, а, напротив, улучшение, когда за спинами воинов оставались богатые степи и тучные стада. «Неоднократно делались попытки объяснить завоевательные походы Аттилы и Чингис-хана ухудшением природных условий в степи. Они не дали результатов. Мы считаем, что и не могли дать. Успешные внешние войны кочевников и вторжения в Китай, Иран или Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл. Поэтому эти события, как правило, совпадали с улучшением климата в степи. Ухудшение же было причиной выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных окраинах».

Большой интерес в плане влияния климата на историю вызывает феномен Монгольской империи. Как пустынные пространства Центральной Азии с редким населением смогли породить хорошо организованные, несокрушимые орды? – задается вполне резонным вопросом ученый. Мысль о некоей своевременной «помощи» со стороны природы напрашивается сама собой. Было бы весьма заманчиво найти климатическую подоплеку стремительного возвышения монголов в XIII в., но, скорее всего, такого рода попытки априори обречены на неудачу. Между тем мы располагаем уникальной возможностью довольно подробно рассмотреть климат Центральной Азии XIII в. благодаря сравнительно многочисленным записям иностранцев, побывавших там. Климатические особенности этого периода привлекают закономерный интерес в связи с возникновением сильного и агрессивного централизованного государства. Успеху монгольских войск в Китае могли способствовать эпохальные климатические изменения, благодаря которым привыкшие к холодному климату кочевники легче адаптировались к непривычным условиям Юга. Согласно выкладкам И. В. Иванова и И. Б. Васильева, создание империи Чингис-хана и монгольские завоевания XIII в. происходили во влажный период. К аналогичному выводу пришел и Л. Н. Гумилев.

К сообщениям средневековых наблюдателей следует относиться с осторожностью: они акцентировали внимание на тех особенностях климата Монголии, которые были им непривычны, и, возможно, приукрашивали свои рассказы. Следовательно, проблема еще далека от разрешения. Кроме того, климатическая цикличность в центральноазиатских степях имеет более сложный характер, чем принято считать. Таким образом, возвышение и гибель великих степных империй едва ли возможно объяснить только действием климатического фактора; зависимость здесь более сложная. Это особенно верно в случае монголов XIII в., впервые в истории

Центральной Азии выступивших с претензией на мировое господство, что никак нельзя свести к простой реакции монгольского этноса на изменившиеся природно-климатические условия Великой Степи, даже если эти изменения были существенными.

С другой стороны, не следует впадать в «климатический нигилизм» и отвергать вероятность того, что погодные аномалии влияли на ход исторических событий в Центральной Азии даже более значительно, чем у оседлых народов. Известны случаи, когда стихия способствовала смене власти в степях. В степях Казахстана гололед как причина *дзута* должен был наблюдаться чаще, чем в Монголии, что объясняется особенностями зимней погоды: Казахстан в зимний период подвержен вторжениям теплых воздушных масс с юга, которые в разгар зимы на два-три дня и более способны поднять температуру до слабоположительных отметок. Из-за подтаивания снега и жидких осадков при последующем снижении температуры на поверхности снежного покрова образуется прочная ледяная корка. В настоящее время такие гололеды в Казахстане случаются с ноября по март. Непосредственной причиной краха является не стихия, а внешние или внутренние враги. Обладая достаточной мощностью и выбрав подходящий момент, они могли сокрушить кочевую империю.

Однако если сами соседи недостаточно сильны, империя способна в короткий срок восстановить экономический и военный потенциал. По-настоящему эффективно бить кочевников в их привычных местах обитания могли только другие кочевники. Тактика степной войны подразумевает высокую мобильность воинов, использование кавалерии. Как говорилось выше, оседлые недруги, прежде всего Китай, предпочитали «подавлять варваров руками варваров», натравливая одни этнические или политические группировки на другие, что приносило существенно бóльшую отдачу по сравнению с карательными экспедициями вглубь «северной пустыни». Далеко не всякий даже очень тяжелый удар стихии оказывался для кочевников фатальным. Думается, он должен был пройти не по какой угодно части территории, занятой кочевым государством, а по его политическому центру, являвшемуся в то же время и центром экономическим, а также сакральным, – туда, где паслись стада предводителя степняков и где находилась его ставка.

Свой вклад в исторические процессы, протекавшие в Центральной Азии и смежных регионах, внесли и другие природные явления. В частности, военная активность номадов имела ясно выраженный сезонный характер. Например, хорошо известен монгольский обычай зимних походов по замерзшим рекам как по удобным, ровным дорогам. С ним пришлось столкнуться русским княжествам в XIII в., когда монголы использовали

замерзшие реки для вторжения на земли, где преобладали труднопроходимые лесные ландшафты. Был у кочевников и другой обусловленный климатом обычай – нападать на оседлых соседей, в частности на Китай, осенью, когда после откорма и отдыха на летних пастбищах боевые кони были «в теле» и обеспечивали войску необходимую стремительность, от которой главным образом и зависел успех этих рейдов.

Автор считает необходимым подчеркнуть, что кочевая цивилизация Центральной Азии сложилась благодаря специфическим природно-климатическим условиям, крайне затруднявшим оседлую жизнь и сводившим до минимума возможности земледелия, но благоприятным для разведения больших стад скота на подножном корме. Ее достижения по достоинству оценены современными исследователями. Это и мобильное жилище, и практичная одежда, и максимальное использование природных ресурсов с причинением природе минимального ущерба.

Особенности природной среды и обусловленного ими хозяйства наложили отпечаток и на политическую организацию кочевников. На просторах степей закономерно возникали и разрушались кочевые империи. Однако, несмотря на кажущуюся очевидность, циклы политогенеза не были жестко связаны с климатическими циклами. Есть более весомые основания искать главную причину их ритмики во взаимоотношениях с соседними государствами, в первую очередь с Китаем. По-видимому, Китаю же кочевники были во многом обязаны и некоторыми космологическими представлениями, соединяющими общество и природу в неразрывное целое, в такое единство, где деяния людей вызывают позитивный или негативный отклик буквально всего мироздания.

С древности у разных народов выработались магические приемы для вызова или прекращения осадков, повышения или понижения температуры воздуха, усиления или ослабления ветра, конденсации или рассеивания тумана. В традиционной культуре кочевников Центральной Азии тоже нашлось место для погодной магии. Главной сферой ее применения была война, что неудивительно, учитывая сильную милитаризованность кочевых обществ, где между пастухом и воином практически не было разницы, а также очень слабо развитое земледелие, которое могло бы требовать своевременных осадков и защиты от градобитий. В тюркской среде зародилась и впоследствии стала весьма известна магическая практика *яда́*, направленная на резкое ухудшение погоды над неприятельским войском. В этих целях использовались особые «камни дождя», достаточно простые манипуляции с которыми могли вызвать дождь, холод и даже снежный буран. Эти камни применяли и тогда, когда каравану или войску требовалось пересечь жаркую пустыню.

В книге принята следующая логика изложения материала. Сначала описывается климат Центральной Азии, как он есть, затем – его отражение на материальной и духовной культуре кочевников. Следующие главы посвящены влиянию климатического фактора на политическую историю региона и попыткам людей воздействовать на погоду в военных и мирных целях. Затем излагаются традиционные взгляды номадов на связь между легитимностью верховного правителя и благосостоянием природы и общества. Здесь же предпринимается попытка выяснить, насколько автохтонны эти взгляды для кочевой культуры и что могло быть заимствовано в Китае.

Как и практически любой человек, отмечает Ю.Дробышев, кочевник создает вокруг себя «вторую природу», посредством которой сглаживает негативное воздействие окружающей среды – «первой природы». Это одежда, жилище, предметы быта, оружие и прочие творения человеческих рук. Разводя скот, он гарантирует некоторый запас пищи и получение сырья для изготовления одежды. Однако его зависимость от природных капризов значительно выше, чем у жителя города или даже деревни, он в гораздо большей степени включен в протекающие в природе процессы, и можно без особой натяжки сказать, что он сам – неотъемлемая часть природы. Поэтому в Центральной Азии дикая природа и люди со своими стадами составляли одно целое, и не противопоставлялись друг другу так жестко, как это свойственно оседлым земледельцам и особенно жителям городов. Окружающий средневекового кочевника мир считался разумным, и адекватно реагировал на вносимые человеком возмущения.

Учение о взаимосвязи высшей власти и природных явлений должно было формироваться одновременно с учением о самой власти. Есть основания предполагать, что в кочевой культуре, в принципе, открытой для инноваций, это происходило под значительным влиянием соседних цивилизаций. Несмотря на многовековые контакты с Китаем, по-видимому, на ранних этапах развития номадизма в Центральной Азии более существенным было воздействие со стороны индоевропейской культурной общности, тем более, что европеоидность прослеживается в антропологическом типе некоторых древних обитателей евразийских степей. В дальнейшем взаимодействие кочевников с народами Западного края, Ирана и Средней Азии не ослабевало.

Наверное, нет необходимости подробно говорить, отмечает автор, о той колоссальной роли, которую сыграли эти земли, по которым пролегли ветви Великого шелкового пути, в передаче идей, технологий, искусства, религий с Запада на Восток и обратно. Надо думать, в этом потоке проникали в Центральную Азию и какие-то отголоски концепций универсальных

монархий, в чем-то дополняющие китайские аналоги. В частности, можно достаточно уверенно полагать, что элита древних тюрков была знакома с идеологией позднеасанидского Ирана и, вполне возможно, взяла оттуда на вооружение некоторые принципы легитимации верховной власти.

Известное у кочевников понятие универсальной монархии, мир-империи, кажется калькой с китайского представления о единственном под Небом законном государстве, но было ли оно именно таким, каким мы его знаем сегодня? – ставит вопрос ученый. Мы сравнительно хорошо осведомлены о бесспорно перенасыщенных китайскими идеями «мироустроительных» взглядах монголов имперской эпохи, но гораздо меньше знакомы с идеологией древних тюрков и более ранних кочевников. Более того, если от периода Монгольской империи осталось немало автохтонных свидетельств, то, за вычетом тюркских и уйгурских рунических памятников, при реконструкции более ранних эпох историкам приходится полагаться, прежде всего, на китайские источники, которые в освещении жизни и идеалов кочевых соседей были далеко не всегда беспристрастны. Возможно, поэтому современные историки бывают порою склонны переоценивать роль Поднебесной в становлении имперской идеологии у номадов.

Вместе с тем можно вполне определенно утверждать, что известные в Центральной Азии практики вызывания и прекращения дождя не были импортированы из Китая, где для этих целей с глубокой древности применялись совершенно другие магические методы, чаще всего подразумевающие апелляцию к драконам. Природная среда и климат, как ее неотъемлемая часть, очень резко отличают Центральную Азию от Китая, Ирана, Средней и Передней Азии. В плане материальной культуры отличия между этими странами и регионами также весьма велики, что, конечно же, Повидимому, представления о способности наделенного высшей властью человека воздействовать на стихии и регулировать природные процессы принадлежат к общему архетипическому наследию человечества.

Они обнаруживаются в самых разных уголках земного шара, хотя далеко не всегда становятся широко известными. Центральная Азия – одно из таких мест. Сформировавшаяся здесь «мироустроительная» идеология, которая достигла вершин своего развития в Монгольской империи, фактически ставит в зависимость от великого хана все мироздание. Представляется, что подобные взгляды были неосознанно выработаны как средство поддержания порядка, стабильности и относительной гармонии как внутри человеческих коллективов, так и вовне, между иерархически соподчиненными коллективами в составе государств и особенно империй, а также обосновали установление баланса между людьми

и окружающей средой посредством узаконенного Высшими силами правления. Сама природа от этого только выигрывала, – заключает исследователь.

Следует отметить, что в подобном ракурсе проблема еще никем не рассматривалась, хотя имеются отдельные работы по тем или иным ее аспектам (Т. Д. Скрынникова, А. Молнар). В то же время хотелось бы подчеркнуть, что в монографии Ю.И.Дробышева намеренно опущена тема миграций номадов в связи с климатическими изменениями. Во многом эта тема еще остается спекулятивной, имеющиеся исторические материалы весьма противоречивы, поэтому она заслуживает более тщательного анализа в дальнейшем.

5.6. Востоковедение: лингвистика и тюркология

Landau M.J., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States. – London: Hurst and Company, 2001. – XIV+260 pp.

Книга профессора тюркологии Свободного университета в Берлине Барбары Кельнер-Хайнкеле и профессора Еврейского университета в Иерусалиме Якова Ландау посвящена языковой политике в шести пост-советских государствах – Азербайджане, Узбекистане, Казахстане, Киргизстане, Туркменистане и Таджикистане. Авторы не являются новичками в лингвистике и языкознании. Б.Кельнер-Хайнкеле известна своими многолетними усилиями в области изучения мало известных османских источников, а также работами по истории крымских татар. Кроме того, она является соредактором издающегося в Вене «Тюркологического ежегодника» (Turcology Annual). Ее коллега Я.Ландау является автором исследований по современной истории Среднего Востока, языковым проблемам, панисламизму и пантюркизму. Таким образом, авторы книги обладают опытом не только в сфере языкознания, но и в истории и политологии. Это именно те знания, которые требуются для решения поставленной в исследовании задачи – показать роль языковой политики в процессе становления новых независимых тюрко-мусульманских государств на пост-советском пространстве.

В качестве посылки своего исследования авторы выбрали тезис о том, что ННГ Центральной Азии Кавказа столкнулись после 1991 г. с многочисленными политическими, культурными и экономическими проблемами. К числу сложнейших задач, вставших перед этими государствами, они относят проблему дерусификации как часть общего процесса десоветизации. Сложность этой проблемы состояла в том, что новые режимы испытывали

одновременно влияние двух факторов: со стороны националистических кругов и со стороны многочисленной русской (русскоязычной) диаспоры. Авторы рассматривают политику, направленную на укрепление и усиление роли т.н. титульных языков как часть более общего процесса национального строительства, как первый шаг в формирование государства-нации. Авторы привлекли обширный источниковый материал, построенный как на многочисленных публикациях на русском и языках народов этих стран, так и на собственных наблюдениях и интервью. Круг вопросов, поднимаемых в ходе исследования, также широк: это проблемы изменения алфавита и перехода на новый, языковые законодательства, лексические и орфографические нововведения, образовательная политика.

Книга в композиционном плане состоит из десяти глав. Основная посылка к проблеме сконцентрирована авторами во введении и базируется на постулате, что языковая политика ННГ является частью процесса поиска национальной идентичности. При этом авторы рассматривают всплеск интереса к национальным языкам как часть общемировой тенденции по интенсификации т.н. этнополитики, активно развивавшейся в мировом масштабе в рамках глобализации в 1990-е годы. «Этнополитика» является также результатом растущих миграционных и мультикультурных процессов. Для всех рассматриваемых государств общим является то, что с момента обретения независимости язык рассматривался в них в большей или меньшей степени как средство достижения национального единства.

В ходе непосредственного изучения проблемы авторы столкнулись с рядом вопросов, без ответа на которые было невозможно осветить проблему в целом и которые они расположили в следующей логической последовательности: 1) Почему правительства этих государств упорно делали акцент на развитие и популяризацию титульных языков, несмотря на то, что русский язык зачастую был гораздо ближе политической и городской элите, выше по статусу и богаче по содержанию? 2) Как пытались власти проводить сложный и дорогостоящий процесс внедрения и развития национальных языков в условиях нехватки финансовых ресурсов и остроты других неотложных социально-экономических проблем? 3) Как вообще можно было осуществлять данный процесс при наличии лишь частичной поддержки со стороны титульного населения и сопротивлении со стороны других этносов, в первую очередь русского? 4) Каковы были различия при проведении языковой политики между шестью республиками и к каким различным результатам на сегодня они привели.

Очевидно, что первые три вопроса адресованы прежде всего к Казахстану, т.к. именно у нас эти проблемы представлены в наиболее концентрированном виде. В целом, как отмечают авторы во второй главе

книги, посвященной первому этапу национального строительства, лидеры новоиспеченных государств столкнулись с дилеммой и должны были выбирать между полиэтническим многообразием и моноэтническим превосходством. Говоря словами известной французской исследовательницы Центральной Азии Э.Каррер д'Анкокс, на которую ссылаются Ландау и Кельнер-Хайнкеле, руководители этих государств оказались перед выбором: национальное строительство *за счет* демократии или национальное и демократическое строительство параллельно (с.11). Как считают авторы, выбор был сделан в пользу первой модели.

Третья глава монографии посвящена положению русской диаспоры в шести пост-советских республиках с точки зрения языковой политики. Именно присутствие русского населения в Центральной Азии авторы рассматривают (вслед за известной исследовательницей региона Т.Раковской-Хармстоун) как «наиболее важное и наиболее проблематичное наследие русского и советского правления» (с.35). Вполне естественно, что наибольшее внимание «русскому вопросу» авторы уделяют на примере Казахстана, в котором русское присутствие – абсолютное и относительное – наиболее сильное. Все рассматриваемые страны делятся на авторами на две группы: 1) там, где русское и европейское население было относительно немногочисленным, его эмиграция не оказала ощутимого эффекта на строительство государств-наций; 2) в Казахстане и Киргизстане наблюдались противоположные тенденции: одна показывала стремление остановить эмиграцию, а другая поощряла неказахское население к выезду. В целом вывод авторов по этой проблеме звучит неординарно: во всех шести независимых государствах позиции русских не так сильны, как это изображают местные националисты, но и не так слабы, как этого им (националистам) хотелось бы (с.50).

Четвертая глава книги носит исторический характер и освещает языковую политику в республиках в советскую эпоху. Эта часть исследования выдержана в традициях классической западной советологии, которая всегда рассматривала языковую проблему в контексте всей национальной политики советского режима. Здесь представляют интерес два наблюдения авторов. Первое наблюдение банально и состоит в том, что советский режим вел политику русификации и снижения роли местных языков. Второе касается семантических изменений внутри самих национальных языков: они эволюционировали в сторону т.н. «Советского языка», т.е. изменилась сама их лексика и терминология за счет многочисленных заимствований из русского и западноевропейских языков, а также вследствие вытеснения религиозных терминов, арабизмом и персизмом.

Центральный сюжет книги развивается в пятой главе, которая носит концептуальный характер и посвящена непосредственно языковой политике в независимых государствах. В качестве центральной в этой главе называется проблема дерусификации. Это процесс развивался по нескольким направлениям: пересмотр исторических концепций, географические и топонимические переименования, количественный рост публикаций и вещания на национальных языках, отказ от кириллицы. По мнению авторов, данный процесс осложнялся сильным влиянием России на политическом и культурном уровне. Представляет интерес раздел, посвященный лингвистической традиции региона (монолингвизм, билингвизм, мультилингвизм). Характерно, что в Центральной Азии билингвизм был давней исторической традицией: на смену прежнему тюрко-арабскому и тюрко-персидскому билингвизму пришел русско-тюркский билингвизм. В настоящее время в четырех государствах наметился процесс отхода от билингвизма в сторону монолингвизма; в Казахстане и Киргизстане билингвизм удерживает свои позиции, в Казахстане даже наметилась тенденция к мультилингвизму (за счет массивного вторжения английского языка).

Четыре последующих главы продолжают тему развития национальных языков с правовой, организационной и технической точек зрения: языковые законы и декреты, изменения алфавитов, лексическая и орфографическая интервенция, понимаемые как стандартизация, пуризация и модернизация языка, инструкции о языках и язык инструкций. Заключительная глава книги звучит не очень оптимистично: новые решения, старые проблемы. Авторы приходят к выводу, что языковая политика в этих государствах после независимости несомненно является частью строительства государств-наций. Эта политика сталкивается с рядом социальных, экономических, правовых и особенно этнических проблем. Однако при решении этих проблем, правительства невольно следуют советской тоталитарной модели с ее ассимиляционистскими методами, в которой они сами выросли. При этом преследовались две цели: с одной стороны, артикулировать вполне законные потребности национальной культуры и коллективной памяти народа, а с другой, обеспечить политическое единство на этно-лингвистической основе. Но при отсутствии длительной исторической традиции независимости во всех шести новых государствах использование русского языка в образовании и быту не только не сократилось, но местами даже выросло. Энтузиазм в отношении западных ценностей, в том числе в языковой сфере, носил внешний характер. В то же время, лингвистическая русификация советской эпохи носила лишь частичный характер. Националистические круги в этих государствах идентифицируют национальный язык с патриотизмом.

Не желая доводить до полного монолингвизма, политические лидеры этих стран нашли решение в новой формуле билингвизма, при которой дерусификация преследует цель поставить родной язык на первое место, а русский – на второе. На этом фоне особняком стоят проблемы языков и культур этнических меньшинств, которых затрагивает как процесс нативизации, так и дерусификации, сужая возможности для политического и культурного самовыражения. Авторы затрудняются делать выводы, к каким результатам привела языковая политика в настоящее время. Им представляется, что она была более успешной в Азербайджане, Узбекистане и Туркменистане, и соответственно – менее результативной в Казахстане, Киргизстане и Таджикистане. Тем самым, авторы четко разделили шесть пост-советских государств на две группы. В первой наблюдался очевидный прогресс в распространении государственного языка в административной сфере и образовании, был осуществлен переход на латиницу. Вероятно, этому мог способствовать тот факт, что европейские общины в этих республиках были не столь значительны как в трех других государствах.

Во второй группе удалось больше сделать в плане организационного обеспечения планирования языковой политики, но реального прогресса в обеспечении доминирования титульного языка в образовании и официальном употреблении достичь не удалось. Русский язык формально сохранил статус «официального языка» но с реальными функциями государственного. Особняком от Казахстана и Киргизстана стоит Таджикистан, так как на государственное строительство, в том числе и на языковые процессы здесь оказала влияние гражданская война, и реальные шаги в этой области были предприняты, только начиная с 1998 г. И наконец, последнее наблюдение авторов: в языковой сфере, которая представляет собой часть гораздо более крупной проблемы культурной адаптации и обретения политического статуса, сохраняется серьезный конфликтный потенциал. Избежать конфликтов, считают авторы, возможно только выбрав стратегию медленной адаптации вместо культурного и лингвистического изоляционизма для славянского населения, поиска языкового консенсуса вместо лингвистической конкуренции – для национальных правительств. Несмотря на новые решения, которые находят новые независимые государства, большинство проблем в языковой сфере остаются прежними.

В целом книга носит фундаментальный характер и представляет большой интерес для всех, кто интересуется историей Центральной Азии после независимости. Книга содержит обширный статистический материал, который удачно соседствует с аналитическими разработками. Можно поспорить с некоторыми выводами авторов и их концептуальными посылами.

De Chiaro M., Grassi E. Iranian Languages and Literatures of Central Asia: from the 18th Century to the Present. Studia Iranica-Cahier 57. – Paris: Association pour l'avancement des études iraniennes, 2015. – 345 p.

В Париже в серии «Студия ираника» вышла монография Маттео Кияро (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж) и Эвелин Грасси (Сорбонна) «Иранские языки и литература Центральной Азии с XVIII века до настоящего времени». Издание показывает влияние, место и роль иранских языков и персоязычной литературы и шире – персидской культуры на Центральную Азию. При этом исследователи делают сравнительный анализ с собственно персидской (иранской) литературой. Коллекция собранных и подготовленных к академическому изданию исторических документов и литературных памятников впечатляет и включает в себя материалы из Афганистана, Бадахшана и Трансоксиани.

Foltz R. A History of the Tajiks: Iranians of the East. – London: I.B.Tauris, 2019. – XVIII + 238 pp.

В 2019 г. увидела свет монография американско-канадского ученого Ричарда Фольца (Университет Конкордия, Канада) «История таджиков. Иранцы Востока». Книга канадского историка всесторонне описывает историю таджикского народа, начиная с древних времен до сегодняшнего дня. Книга рассказывает историю народа, начиная с самых древних предков до современных таджиков, которые сейчас компактно проживают преимущественно на территориях современных Афганистана, Таджикистана и Узбекистана. В книге также можно ознакомиться с историей согдийцев и бактрийцев, Саманидской империи и нового персидского ренессанса, а также с историей взаимоотношений таджиков и тюрков и советского периода. Во вводной части профессор Фолтц пытается ответить на вопрос, кого можно назвать таджиком с этнической, языковой и культурной стороны.⁵

Книга представляет собой первое исследование по истории таджиков, начиная с глубокой древности до наших дней, написанная западным историком. По мнению автора, страно-центристский подход (господствовавший в советскую эпоху) к истории таджиков не пригоден в первую очередь чисто методологически, так как Таджикская республика, возникшая

⁵ Р.Фольц является автором следующих исторических исследований, прямо или косвенно касающихся истории ЦА: Mughal India and Central Asia. – Karachi: Oxford University Press, 1998; Animals in Islamic Tradition and Muslim Cultures. – Oxford: Oneworld Publications, 2006; Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization. Revised 2nd edition. – New York: Palgrave Macmillan, 2010; Religions of Iran: From Prehistory to the Present. – London: Oneworld Publications, 2013; Iran in World History. – New York: Oxford University Press, 2016.

в 1924 г., представляла собой периферию более широкого культурного пространства, центром которого были Бухара и Самарканд, реже – Герат и другие города Хорасана. Таким образом, с самого начала образования советского Таджикистана бросалось в глаза несоответствие реальных контуров таджикской историко-этнической территории с юридическими границами Республики Таджикистан.

Американская иранистика, основоположником которой был Ричард Фрай, а вслед за ним его более молодой последователь Ричард Фольц, также отказывается от чисто советского страно-центристского подхода. Он опирается на Р.Фрая, который утверждал, что «этническая история таджиков имеет отношение к тем частям Евразийского континента, в которых они преобладали численно или доминировали в культуре».

В научной литературе преобладает взгляд на таджиков как на персоязычный (порсигу, форсизабон, фарсиван) оседлый народ иранского происхождения, родиной которого является междуречье Средней Азии от Герата, Кабула и Балха до Бухары, Ферганы и Бадахшана. Со второй четверти XX-го века – это, главным образом, территория Афганистана, Узбекистана и Таджикистана. Расположена эта территория к востоку от собственно (западного) Ирана и потому Фольц назвал таджиков «Иранцами Востока». Столицей «Восточного Ирана» Ричард Фрай считал город Бухару. Фрай, академик Бободжан Гафуров, Ричард Фольц а также официальная таджикская историография, обычно отсчитывают историю таджиков с середины VIII-го века, когда в оазисах междуречья Аму Дарьи и Сыр Дарьи развернулся процесс исламизации коренного иранского населения, главным образом согдийцев, чьей столицей был Самарканд, и появился новоперсидский (фарси, дари) язык, к X веку полностью заменивший согдийский.

Бухара в указанный период, по мнению Фрая и Фольца, была местом Персидского Ренессанса, который после двух веков арабского доминирования успешно соединил древнюю иранскую культуру с исламом. Бухара эпохи Саманидов была центром всего иранского мира, а таджики, являлись главными агентами культурного возрождения X-го века, которая из Бухары распространилась далее на запад Ирана.

Персидский язык – пожалуй, самый заметный маркер национальной идентичности таджиков. Этот язык оказался чемпионом среди других иранских языков, который полностью заменил согдийский и значительно ограничил употребление восточно-иранских (памирских в том числе) языков. Он широко использовался в регионе почти тысячелетие, пока в XIX веке им перестали пользоваться в Индии, где его вытеснил урду и английский, а в Средней Азии заявил о себе тюркский, и вслед за ним

и русский языки. Причем и урду, и тюркские языки, в том числе узбекский, и язык османских турков, испытывали сильное влияние персидского.

Р.Фольц, который провел много лет в Иране – родине своей супруги – утверждает, что для собственно иранцев современного Ирана таджики, – это те же персы, проживающие на восточных территориях «Большого Ирана» («Иранзамина», «Ираншахра», «Великого Хорасана»). Конечно, между таджиками Средней Азии и персами Ирана сегодня много различий, но отождествление таджиков с персами тысячу и даже 300 лет назад не вызывало никакого сомнения, так как с VIII по XVI вв. выражения «иранец», «перс» и «таджик», являлись синонимами.

В древности, родина таджиков – Бактрия и Согдиана представляла собой отдельную сатрапию империи древних персов-Ахеменидов (705-330 гг. до н. э.). Борьба Александра Македонского за трон царя Персидской империи, самые острые ее моменты имели место там, где сегодня располагается Таджикистан. Александр делал все возможное, чтобы объединить Македонию и Иран под единым правлением. Смерть помешала ему воплотить свои планы.

Иранская династия Сасанидов (224-651 гг. н. э.) владела землями за Амударьей лишь частично. Только с арабским завоеванием и приходом ислама в VII- VIII вв., Иран и Средняя Азия вновь объединились, правда, под властью иноземцев – арабов. Это обстоятельство, однако, послужило лишь на пользу и привело к культурным достижениям мирового порядка, прежде всего, в науке (в основном на арабском), и поэзии на родном – новоперсидском – языке. Культурный расцвет таджиков продолжался с IX по XV вв. Кроме того, более века (875-999 гг.) просуществовало таджикское Саманидское государство со столицей в Бухаре. Его основатель Исмоил Сомони (849-907) родился в Ферганской долине (по другим сведениям – в Балхе).

Этот подход, который призывает не ограничиваться только Таджикистаном и немного Узбекистаном при изучении истории и этнографии таджиков, получает все большую поддержку в научном мире. Это важное направление связано, прежде всего, с обретением независимости, снятием запрета на изучение «соотечественников за рубежом», придавшим большой импульс к изучению истории и поискам национальной идентичности. Прежняя концепция настаивала на близости таджиков, прежде всего, к другим народам СССР, а не диаспоре и ирреденте в зарубежных странах. Кроме того, появляется возможность ознакомиться с новой литературой и историческими источниками, которые заставляют пересмотреть установившиеся научные истины. В последние годы появляются публикации о таджиках Афганистана, Китая и Пакистана.

По мнению автора, сегодня лишь около 8 миллионов от общих 27-28 миллионов таджиков мира проживают в республике Таджикистан. Таджики Афганистана составляют по разным оценкам 27-39%, населения этой страны (примерно 11 миллионов). Официальная узбекская статистика утверждает, что таджики составляют пять процентов населения Узбекистана. Однако Р.Фольц считает, что доля таджиков достигает 25-30% почти 33 миллионного населения Узбекистана. Это около 10 миллионов, что больше населения всего Таджикистана (9,2 млн., из них таджиков 7,8 млн. в 2018 г.). Он также считает, что таджики составляют 70 и 90 процентов населения Самарканда и Бухары соответственно. Сколько бы не было таджиков в Узбекистане, считает Фольц, очевидно, что в смысле культуры, художественных вкусов, музыкальных и кулинарных предпочтений узбеки идентичны с таджиками – иранским народом.

Р.Фольц отмечает, что амбициозная кочевая знать Центральной Азии, которая в период средневековья завладела большей частью Евразии, не стала насаждать свои нормы и взгляды, а переняла культуру цивилизаций, которыми она правила. Делали они это по двум причинам. Во-первых, им надо было интегрироваться в существующую на тот момент международную торговлю, во-вторых – заслужить доверие масс местного населения. В Китае они переняли китайскую культуру, а на западе своих владений – иранскую. Караханиды, которые положили конец правлению Саманидов в конце 10 века, приняли ислам и стали горячими поклонниками иранской культуры и ислама. Они переняли персидский язык и полюбили литературу на этом языке.

После Караханидов, на протяжении 8 веков все большее количество тюрков-кочевников оседало в оазисах и все они, следуя примеру своих предшественников, активно включались в процесс аккультурации (восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа). Тюрки, как и прежде арабы, занимая главенствующие позиции в политике и военных делах, оставляли таджиков на государственных должностях (дабирь). Последние, несмотря на свое подчиненное положение, демонстрировали порой культурное превосходство урбанизированных персофонов над грубыми и необразованными тюрками-степняками.

Однако это был не этнический конфликт, а стереотип социально-генеалогического происхождения, считает Р.Фольц. На деле же, часто тюрки брали в жены таджичек. (автор ссылается на недавнее генетическое исследование, которое не отметило значительных различий между ДНК таджиков и узбеков.) При этом дети от таких браков, проводили больше времени с матерями, перенимая их язык и культуру, и пытаясь при этом не терять идентичность своих отцов-тюрков. Таким был Махмуд Газневи

(998-1030) – сын тюркского солдата-раба и таджички из Забулистана – родины легендарного Рустама из «Шахнаме». Грозный Махмуд (Газневи), который положил начало 800-летнему тюркскому правлению в Средней Азии, на самом деле был наполовину таджиком.

Р.Фольц, указывая на тюрко-таджикский симбиоз, делает вывод о том, что тюрки, завоевав Среднюю Азию, зависели от таджиков, и нуждались в их поддержке для легитимации и продления жизнеспособности своего правления. Более того, тюркские династии, которые правили обширным регионом от Турции до Индии с XII по XX век, являлись главными защитниками и распространителями иранской цивилизации. Великолепные воины, а также мобильные и любознательные Махмуд Газневи, а за ним в 15-16 вв. уроженец Ферганы, тимуридский принц, основатель династии Моголов Мухаммад Бабур, принесли в Индию богатое персидско-мусульманское наследие Саманидов. Внуки Бабура уже не говорили на тюркском, отдавая предпочтение персидскому. Ричард Фольц назвал тюрков XI-XVIII веков «строителями империй и защитниками персидской культуры».

По мнению автора, сегодняшние таджики происходят, в основном, от согдийцев и бактрийцев, а также персов, арабов, турок и других людей, с которыми они имели связи более 1000 лет. В мире нет чистых рас, и исследования ДНК не показывают генетических различий, например, между городскими таджиками и городскими узбеками, хотя они отличаются от тех, кто живет в сельских и горных районах. История таджиков в изложении Р.Фольца по ключевым вопросам совпадая со взглядами Садриддина Айни с его антологией «Намунаи адабиети тоҷик» (1925 г.), Гафурова, а также Ричарда Фрая развивает их дальше. Все эти ученые неоднократно указывали на общность иранцев, персов и таджиков и считают Саманидский период важнейшим в средневековой истории таджиков и Ирана в целом. При этом они не отрывали таджиков от соседей – узбеков, прежде всего. Иран, Средняя Азия и часть Южной Азии для них были единым культурным регионом. Еще один американский иранист, Джон Перри, пишет, что долинная часть Иранзамина – Месопотамия, Пенджаб и особенно бассейн реки Амударья – колыбель таджиков – снабжала кочевников Центральной Азии богатыми травой пастбищами, садами и обработанными и орошенными полями вокруг городов-государств.

У согдийцев, в целом, были лучшие отношения с Китаем, потому что персы считали их конкурентами за контроль над трансасиатской торговлей. Но главными защитниками согдийцев были тюрки; они разработали взаимовыгодные симбиотические отношения, которые продолжались до советского периода. С приходом ислама таджики продолжали играть важную роль в торговле с Китаем, а также распространяли ислам там. Историк

предполагает, что исламизацию общества можно рассматривать двояко: с одной стороны, она подрывала сложившиеся устои, с другой – инициировала развитие.

Иранцы также выстроили торговые пути и соответствующую инфраструктуру, которые связывали купцов, солдат, путешественников и мигрантов из Европы и Сирии с Индией и Китаем. Автор утверждает, что популярный сегодня «Шелковый Путь» является фактически синонимом иранского пространства как вектора культуры. Иранская культурная идентичность пустила здесь глубокие корни. Она проявляется у различных неперсидских народов Евразии, порой неожиданно: во вкусовых предпочтениях, мифах и легендах. В языковых заимствованиях, музыке, ритмике чагатайской поэзии, топонимике (географических названиях), ономастике (именах) и многом другом. Наиболее ярким примером живучести иранской культуры является признание различными неперсидскими народами Кавказа, Южной, Центральной Азии Навруза – иранского Нового года, народным праздником.

Персидский-таджикский был главным языком, по крайней мере, в городах, но поскольку некоторые тюрки оставили свою кочевую жизнь и переселились в города, они научились говорить на нем. В то же время, особенно благодаря усилиям двуязычных интеллектуалов, таких как Алишер Навои, тюркский язык постепенно начал терять свою репутацию «грубого, варварского» языка. Можно утверждать, однако, что процесс повышения статуса тюркского языка не был действительно завершён до создания Советского Союза.

Книга «История таджиков. Иранцы Востока» представляет собой большой шаг в изучении таджикской истории. Она ценна обилием качественного исторического материала и свежего взгляда ученого, глубоко знающего предмет своего исследования. В этом Фольц является преемником Ричарда Фрая, который делил свой интерес между Ираном и Таджикистаном. К сожалению, как отмечает автор в конце книги, существуют опасения потерять персидское наследие в исторически персидской части Афганистана и Узбекистана.

Аникеева Т.А., Зайцев И.В. Тюркские, арабские и персидские рукописи, литографии и книги Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки МГИМО (У) МИД РФ. – Москва: Наука, 2020. – 263 с.

Данный каталог содержит полное описание коллекции тюркских, арабских и персидских рукописей, литографий и старопечатных книг Лазаревского института восточных языков в собрании Научной библиотеки

МГИМО (У) МИД РФ. Это более 200 манускриптов (часть которых переписана в Средней Азии, Турции, Иране, Сирии), свыше 100 литографий и 200 старопечатных книг (среди них книги из типографии турецкого первопечатника Ибрагима Мютеферрики, издания на татарском языке Казанской Азиатской типографии Бурнашева), прежде не подвергавшихся систематическому описанию и изучению. Каталог снабжен указателями имен переписчиков рукописей, издателей литографий, названий печатен и типографий, мест переписки рукописей, изданий литографий, книг, а также других имен и названий сочинений.

5.7. Монголистика и золотоордынские исследования

Данный раздел вызван к жизни взрывным ростом интереса к средневековой истории Центральной Евразии, в частности – возникновению, экспансии и закату Монгольской державы и ее наследниц. Для современной монголистики характерно переиздание классических трудов, существенно переработанных, расширенных и обновленных с учетом новых источников, методологий исследования и расширения научного инструментария. Замечательный вклад в развитии монголистики и тюркологии внесли российские ученые, до недавнего времени принадлежавшие вместе с нами к единой советской научной школе.

Нельзя не обратить внимание на наблюдающийся в последнее время всплеск интереса в мировом востоковедении к монгольской эпохе как историческому и географическому феномену. Основы современного монголоведения, разумеется, были заложены еще в XX веке; современная наука не оставляет попыток изучить данный феномен с различных ракурсов. Все это вполне объяснимо, принимая во внимание какое влияние оказали монгольские завоевания, Монгольская империя и ее преемники в лице Золотой Орды, ильханидского Ирана, империи Тимура, юаньского Китая и других эпигонских образований оказали на историю Евразийского континента и населяющих его народов на протяжении нескольких веков.

Монгольский период в истории кочевых цивилизаций является наиболее изученным в мировой историографии, и одновременно это наиболее блестящая эпоха в истории номадов Евразии, которые коллективными усилиями создали невиданную до них по размерам, могуществу и влиянию империю в истории человечества. До сих пор не ослабевает интерес к изучению феномена Монгольской империи, которая стала географическим прообразом других колоссальных по территории образований Евразии. История Казахстана и Центральной Азии естественным образом связана с этим периодом.

Основой для любого исторического исследования является источниковедение. Для понимания монгольской эпохи таким источником основного значения остается «Сокровенная история монголов» – хорошо изученное апокрифическое сказание не совсем ясного происхождения. В 2005 году на Западе оно было издано с исследовательскими комментариями монгольского ученого О.Ургунге. На русском языке переиздание сказания имело место в 2018 г. Издание базировалось на современном переводе текста (В.Минорского и Г.Вернадского), дополненном фрагментами законов (из Ясы) и высказываний (биликов) самого Чингисхана. В приложении представлены извлечения из тюркских (Абул-Гази), персидских (Рашид ад-Дин), китайских и европейских источников (Дж.Карпини и Г де Рубрук). В настоящий момент это наиболее полное и фундаментально подготовленное издание знаменитого источника на русском языке, которое рекомендуется всем, кто интересуется монгольской тематикой.⁶

Будет очевидным утверждать, что история Золотой Орды, по крайней мере в начальном периоде своей истории, самым тесным образом связана с Монгольской империей. Это касается как источниковедческой базы предмета исследования, так и всего историографического комплекса. Что касается исторической традиции, династийной преемственности, то монгольское влияние ощущалось в истории Золотой Орды и ее государств-эпигонов еще несколько столетий, а в преломлении Казахского ханства – вплоть до середины XIX века.

Сторонники нового взгляда на Золотую Орду сегодня активно выступают в СМИ и научных изданиях. По мнению одних исследователей, Золотая Орда была самой развитой цивилизацией в ту эпоху. Что касается русских княжеств, то они просто уничтожали друг друга, а Золотая Орда помогла им прекратить эти междоусобицы и наконец, объединиться. По мнению других, как ни парадоксально, но результатом существования Золотой Орды в истории Средневековья является первая в масштабах Евразии глобализация. Существует неожиданная аналогия: Монгольская империя, осколком которой была Золотая Орда, в некотором роде напоминала современные США, прежде всего размерами и военной мощью.

Само понятие «Золотая Орда» появилось сто лет спустя после ее исчезновения. Современники называли это государственное образование Улус Джучи, то есть надел старшего сына Чингисхана. В 1269 году в Таласской долине собрался курултай, зафиксировавший разделение Монгольской империи.

⁶ *Onon Urgunge. The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chingghis Khan.* – London & New York: Routledge Curzon Press, 2005. – VI+300 pp. Чингисхан. Сокровенное сказание. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.

Золотая Орда более двухсот лет была политической доминантой, с которой считался весь Евразийский континент. Историки отмечают: она была многоукладным государством, и эти уклады сильно различались. С одной стороны, значительная часть ее населения занималась традиционным кочевым скотоводством. С другой – на территории Золотой Орды были проложены торговые пути, возникали города. А на территориях, где ранее не знали государственного устройства, Орда установила государственную власть. Ряд ученых отмечает: она была несокрушима в военном, а потому и в экономическом смысле, и покорность ей считалась чем-то естественным. В Золотой Орде воинами были все без исключения. По сути, монгольская кочевая цивилизация могла в один вечер сняться с места и мигрировать на новые территории на расстояния иногда в тысячи километров.

До сих пор ведутся дискуссии, какова была численность татаро-монголов в западном походе хана Батыя. Называется от 30–40 тысяч до 150 тысяч. В войске Батыя было 15 «принцев крови», а каждый из них мог командовать не менее чем туменом, то есть возглавлял, как минимум, 10 тысяч воинов. Но даже если в набеге участвовало всего 30 тысяч – это все равно больше, чем могли противопоставить пришельцам разрозненные феодалы в Европе, даже если бы сумели объединиться. Необходимо к этому прибавить гениальную тактику боевых действий и самую лучшую в то время разведку.

Ученые говорят, что политическая система московской Руси была заимствована у Орды. А также транспортная система с почтовыми станциями, которая также представляла собой действительно ордынское «наследство». Ханам были нужны русские воины, а русские князья пугали западных соседей ордынской угрозой. Официальная генеалогия русских царей в XVI веке возводила их происхождение, как к римским цезарям, так и к Чингисхану. Орда принципиально изменила ход российской истории, в конечном счете проложила путь к будущей империи, хотя на тот момент, когда пришли завоеватели, политические и экономические предпосылки для этого отсутствовали.

В домонгольской Руси была выстроена эффективная модель взаимодействия гражданского общества и власти – маленькие и демократичные государства, где княжеская власть в той или иной степени контролировалась традиционными институтами самоуправления восточных славян (вече, выборность должностных лиц, в том числе высших, вроде посадников или тысяцких). Однако в процессе борьбы с татаро-монгольским игом возникла и окрепла иная идея: России необходима сильная централизованная власть. Только сильное государство в условиях натуральной

экономики, отброшенной на столетия назад, было способно объединить разрозненные территории, чтобы противостоять внешнему врагу. Отрицать это невозможно: не будь татаро-монгольского ига, возможно, не было бы и единой России.

Материальные памятники Золотой Орды известны по находкам в древних татарских городах, таких, как Сарай-Бату, Сарай-Берке, и в ряде крымских поселений. Своим богатством они были обязаны торговле, дани и труду пленников. Более всего по средневековым описаниям и современным раскопкам известен Сарай-Берке. Предполагается, что некогда его население превышало 100 000 жителей. Кое-какие сведения историки получают во время раскопок поселений в Крыму, на месте Старого и Нового Сараев (столиц Золотой Орды на Волге), а также Каракорума в Монголии.

Первоначальные завоевания монголов за пределами Коренного Юрта, собственно Монголии, насильственное присоединение тюркских народов Южной и Западной Сибири, Казахстана, Восточного Туркестана носили завуалированный характер, сопровождалось использованием лозунга объединения «народов, живущих за войлочными стенами», т.е. пропагандой мнимого единства всех кочевников Центральной Азии. Весомой была роль тюрок в Золотой Орде и Чагатайском улусе, где монголов было мало, да и та область в которой они выбирали себе кочевья, была ограничена. Монголы на западных окраинах огромной империи Чингисхана, вошедших в состав Золотой Орды и Чагатайского улуса, смешались с местным тюркским кочевым населением – в основном кыпчаками, восприняв их обычаи и язык.

Здесь монголы не образовали компактного массива населения, где бы сохранились их традиции, язык, обычаи и нравы. Рассредоточенные на обширных просторах Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии члены правящих домов Чингизидов и их окружение из числа монгольской аристократии быстро теряли свои этнические черты, о чем свидетельствует арабский автор XIV в. ал-Омари. Хотя самая высокая аристократия, ханский дом, члены царствующей фамилии, крупные кочевые феодалы помнили и гордились своим монгольским происхождением, даже будучи в значительной степени тюркизированы. Они составляли небольшой процент населения Золотой Орды и Чагатайского улуса.

По истечении почти трех десятилетий после распада СССР и, соответственно – единой советской науки и ее идеологии, пути исторических школ в разных постсоветских республиках неизбежным образом расходятся. Национализм как часть идеологии естественным способом занимает место марксизма, работая в пользу формирования национальных государств на их месте. Не являются исключением в данном случае российская и казахстанская историографии.

В этом плане представляет интерес судьба евразийской идеи. Если в современной России она служит фундаментом для выстраивания концепции о единстве Евразии в лице Российской империи (которая якобы была в своей непростой истории образцом этнической и религиозной толерантности) и СССР, в котором интернационализм, пусть даже фиктивный и нарочитый, все же являлся основой идеологии, то в Казахстане евразийство апеллирует к концепции Великой Степи, единства тюркского (тюрко-монгольского) мира и вкладу кочевой евразийской цивилизации в мировую историю.

Естественно, что подобными веяниями не могла быть не затронута и область монгольских исследований (включая историю ее составных частей и государств-эпигонов). Однако еще в России, Казахстане и ряде других республик бывшего СССР остается группа ученых-ветеранов, продолжающих работать в парадигме, заданной в советскую эпоху и обусловленную сформированными тогда их мировоззрением, предпочтениями и опытом. К числу таких историков, без всякого сомнения, должен быть отнесен Вадим Винцерович Трепавлов – автор многих монографий по истории половцев, монголов, тюркских и других кочевых народов, а также по истории великих степных империй Евразии. В 2018 году была переиздана его комплексная монография «Степные империи Евразии: монголы и татары» (см. ниже). Интересна история создания самой монографии: она включает три работы, изданные в разные годы. Это исследование о государственном строе Монгольской империи, истории (неизданной) Русского княжества в татаро-монгольскую эпоху и Куликовской битвы и часть «История Татар» (в т.ч. работы по Золотой Орде и Большой Орде).

Не являются исключением и исследования Питера Джексона. Еще в 2005 г. была опубликована его книга «Монголы и Запад: 1221-1410» (т.е. от появления монгольской армии на подступах к Европе до битвы при Танненберге).⁷ Основной идеей работы П.Джексона была мысль, что монголы для христианского мира были одновременно и союзниками (спасшими от уничтожения франкские принципаты на Святой земле, христианские посольства и паломников от уничтожения арабами и мамлюками). Монография указанного ученого «Монголы и исламский мир: от завоевания до конверсии» (2017) продолжает данную тему (см. ниже).

Дж.Лэйн в своей работе «Монгольское правление в Иране в XIII веке и персидское возрождение» исходит из того, что т.н. иранское возрождение было длительным процессом, начало которому было положено задолго до

⁷ Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. – London, New York: Routledge, 2005. – XXXIV+414 pp.

монголов в период активизации культурных, политических и языковых контактов персидского ареала с тюркским миром. К числу переизданных классических трудов следует отнести в первую очередь книгу князя Н.С.Трубецкого «Наследие Чингисхана» (см. ниже). Другим переизданием является книга неизвестного Мурада Аджи (Мурад Эскендерович Аджиев – г.ж. 1944-2018 гг.) «Сага о великой степи», в основу которой была положена нашумевшая публикация автора «Без Вечного Синего неба» (см. ниже). В серии ЖЗЛ была вновь издана дополненная историческая биография А.Карпова «Батый» (2011), носящая явный антимонгольский характер и враждебная фигуре главного персонажа (см. ниже). Еще одним переизданием является книга Р.Рахманалиева «Империя тюрков. История великой цивилизации» (см. ниже).

В серии Библиотеки военной и исторической литературы изданы материалы, относящиеся к эпохе Чингисхана, в том числе включенными текстами «Ясы» и «Билика» (изречений Чингисхана). Исследование Майкла Попа (университет Йонси) «Политика и традиции в Монгольской империи и Иране при Ильханах» представляет собой интерпретацию процесса, который привел к эволюции улуса ранней монгольской державы в успешное мусульманское государство всего Среднего Востока. В 2018 г. Франческа Фьячетти (Еврейский университет в Иерусалиме) предприняла переиздание классического труда Пола Бьюэла (независимый исследователь, Сиэтл) «Исторический словарь Монгольской мировой державы» (2003).

Труды Института востоковедения РАН (2018) содержит сборник статей, подготовленный международным коллективом авторов, и посвященный актуальным проблемам кочевниковедения. Материалы сборника охватывают период с эпохи хунну до современности и включают данные по Восточной Европе, Передней, Средней и Центральной Азии. Монография 2018 года известных российских востоковедов Д.М.Тимохина и В.В.Тишина (Институт Востоковедения РАН) посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия государства Хорезмшахов-Ануштегинидов с племенами Восточного Дешт-и Кыпчака в период XI – начала XIII вв. и предполагает первое специальное исследование, посвященное данной проблематике (см. ниже).

Концептуальную разработку истории монгольских завоеваний представил английский ученый Ю.Филлипс в своих книгах «Царственные орды: кочевые народы степей» и особенно в монографии «Монголы». Историю монгольской империи Филлипс видит состоящей из четырех периодов, каждому из которых соответственно посвящен раздел его книги. В первом разделе автор рассматривает монголов и монгольское общество в начале XII века как носителей кочевой традиции степи. Вторая

часть его книги посвящена собственно истории завоеваний при Чингисхане, его карьере и создании единого монгольского государства. В третьей части Филлипс рассматривает ситуацию в монгольском государстве при ближайших преемниках Чингис-хана – Угедее, Гуюке и Мунке. И наконец, последняя часть посвящена развитию государств-наследников Монгольской империи – Китая при Юанях, Ирана при ильханах, Средней Азии при чагатаидах и Золотой Орды.

Официальной датой прекращения существования Монгольской империи немецкие ученые Б.Брентъес и Л.Альбаум предлагают считать 1368 г., когда власть монголов в Китае была свергнута, и им на смену пришла династия Мин⁸. Во второй половине XIV века Золотая Орда теряет свои доминирующие позиции в Восточной Европе. Для того, чтобы противостоять усилению Москвы Золотая Орда была вынуждена пойти на союз с Литвой, однако великий князь Дмитрий Донской успел разгромить силы Мамаю на Куликовском поле 8 сентября 1380 г. до их соединения с Ягаило. На некоторое время Золотой Орде удалось восстановить свое могущество при Тохтамыше, но тем более ужасным был последующий разгром.⁹ Д.Синор считает, что Тохтамыш был способен стать величайшим властителем Золотой Орды; его политический горизонт простирался от Балтийского моря до Египта и Ирана. Он установил дружественные отношения с Польшей и Литвой, стремился создать союз с египетскими мамлюками и устранить стратегическую угрозу Орде со стороны Туркестана (Самарканда) и Ирана, которые попали под власть Тимура. Первым шагом в этом направлении было подчинение Белой Орды в низовьях Сыр-Дарьи.

Казанское Ханство возникло в результате междоусобиц внутри Золотой Орды в середине XV века. Официальной датой институализации Казани можно считать 1445 г. Синор считает, что эти государства, наследники Золотой Орды имели мало шансов на выживание. Последний властитель Астрахани Дервиш Али был лишь номинальным владыкой, «марионеткой в руках русского царя».

Монгольская эпоха стала фундаментом для создания т.н. евразийской теории Г.Вернадским, знаменитым ученым-естествоиспытателем, профессором Йельского университета. Эта концепция была изложена им в третьем томе его „Истории России“ (1953), который посвящен татаро-монгольскому периоду (XIII-XV). В этом фундаментальном исследовании, основанном на превосходном знании источников и русской дореволюционной, советской

⁸ *Brentjes B., Albaum L.I.* Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. – 192 S.

⁹ *Sinor D.* Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus. – Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting – 1987).- XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series – 96).

и западной литературы, оригинально трактуется влияние монгольского, или монголо-тюркского правления на формирование российского государства. Суть концепции Вернадского лежит в признании за монголами приоритета в создании евразийской исторической общности. Автор сформулировал основные аспекты воздействия монголов на государственность, экономику, социальные отношения и культуру завоеванных русских княжеств. Все элементы политической жизни Орды и Руси постепенно как кирпичики сложились в фундамент того, что Вернадский называет «евразийской общностью». После ослабления Орды естественной стала большая автономизация русских земель, однако русские князья посчитали удобной для себя монгольскую систему управления и оставили ее без изменений. На основе монгольских принципов была создана в конце XIV-начале XV вв. великокняжеская система налогообложения и организация армии¹⁰.

Ю.Филлипс в своей книге посвящает специальную главу Золотой Орде. Сменив своего отца, Джучи, в качестве кипчакского хана Бату унаследовал обширные владения, простиравшиеся от Арала до Восточной Европы. К моменту его смерти в результате всех военных походов западная граница проходила от устья Дуная на север через Карпаты до Холма (совр. Хелм в Польше) и Люблина, а затем на северо-восток до Финского залива и Ладожского озера. Неопределенная северная граница пролегла вдоль лесов, пока он не присоединил верховья Оби. Восточная граница шла на юг от Оби через Иртыш до низовий Амударьи и Сырдарьи. Южная граница шла от Амударьи на запад до берега Каспийского моря залива Кара-Богаз-Гол, а от западного берега Каспия от Терека на юг и затем на север до Черного моря. Не все эти территории подчинялись непосредственно хану.

Классическим считается книга двух выдающихся советских историков – академиков Б.Д.Грекова (1882-1953) и А.Ю. Якубовского (1886-1953) «Золотая орда и ее падение» (1950). Несмотря на то, что впервые книга увидела свет в 1950 г. и не избежала идеологических установок того времени, многие положения этого труда остаются актуальными и по сей день.¹¹ Исследователи заключили, что в результате монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кыпчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках Улусом Джучи, или Синей Ордой. В русских летописях государство это называется Золотой Ордой, хотя до сих пор не выяснено, как и почему возникло это последнее название.

¹⁰ Vernadsky G. The Mongols and Russia. – Yale. Yale University Press, 1953. – 473 p.

¹¹ Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.: Богородский печатник, 1998. – 368 с.

1-й том «Кембриджской истории Ислама», был создан усилиями интернационального коллектива, среди которых были Б.Шпулер, А.Н.Курат, А.Беннигсен, Ш.Лемерсье-Келькежей, К.Лэмбтон, Б.Льюис и другие. Общий фон к частям, относящимся к истории Средней Азии, задал немецкий востоковед Б.Шпулер, который предложил рассматривать исламские цивилизации Золотой Орды и Средней Азии как самоценные явления, а роль кочевников в истории региона как дестабилизирующий элемент. Эта концепция о цивилизирующей роли ислама в тюркском мире была охотно поддержана его коллегами¹².

Бертольд Шпулер, известный как «остфоршер» (т.е. участник исследовательской программы по изучению СССР и соцстран), остается все же одной из крупнейших фигур германской ориенталистики XX века. В 1939 г. Шпулер вошел в монголоведение с монографией «Монголы в Иране», в которой нашла отражение полуторавековая история ильханов в Иране. Но для нас представляет прежде всего другой выдающийся труд Б.Шпулера – «Золотая Орда: монголы в России в 1223-1502 гг.»¹³. По сути дела, Шпулер создал подлинно научную концепцию изучения того, что было мифологизировано под названием т.н. «татаро-монгольского ига». Шпулер считал историю Руси XIII-XV вв. неотъемлемой частью истории Золотой Орды на основе политического, экономического, культурного и генетического синтеза кочевников и их протагонистов – оседлых жителей Восточной Европы.

Вот как излагает Гальперин «русскую теорию» монгольского правления. Он пишет, что Монгольское завоевание и последовавшие за ним годы угнетения породили весьма щекотливую проблему для христианских авторов и интеллектуалов России. Нестандартность межгосударственных и зачастую деловых сношений Руси с ненавистными религиозными врагами и до этого создавали, конечно, определенные трудности для восточных славян, в течение многих веков торговавших, заключавших браки и союзы со степными визави.¹⁴

Неоднозначный статус Руси в составе Золотой Орды, отсутствие режима постоянного пребывания монгольских войск, а также наследие контактов со степными кочевниками еще с киевского периода, все это в сумме

¹² *Wolseley H. (Sir) The Cambridge History of India. Vol.III: Turks and Afghans. – Cambridge, 1928.*

¹³ *Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223-1502. – Leipzig, 1943. Spuler B. The Muslim World. A Historical Survey. Trans by F.R.C. Bagley. – Leiden: Brill, 1960. Pt.I – 138 p.; Pt.II – 125 p. Spuler B. Geschichte Mittelasiens // Geschichte Asiens. Hrsg. von E.Waldschmidt. – München, 1950. Spuler B. Mittelasien seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. 1966. Vol.5. Pt.5, S.123-310. Spuler B. Gemeinsamkeiten der (west-) innerasiatischen Entwicklung seit 1600 // Ural-Altäische Jahrbücher. 1996. Bd.33, S.180-186.*

¹⁴ *Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History. – London, 1987.*

дало русским возможность избежать как глубокого переосмысления, так и предания широкой огласке характера взаимоотношений между Русью и монголами. Два момента способствовали этому: правление Русью вне ее пределов, а также господствовавшая киевская идеологическая традиция.¹⁵ Английский ученый Дж.Э.Бойл (Кембридж) исследовал титулатуру основателя Золотой Орды Бату-хана.¹⁶

К числу государств-наследников Золотой Орды следует отнести и Астраханское ханство. Первым обратился к специальному изучению истории государства в Астрахани Х.Ховорс (Хоурт). Долгое время европейские и американские исследователи кочевых народов обделяли вниманием Ногайскую Орду. Связанные с ней сюжеты появлялись обычно в компилятивных работах, где пересказывались книги, статьи и публикации источников в переводах на западные языки. Крупнейшей из таких компиляций была четырехтомная «История монголов» Х.Ховорса, впервые изданная в 1876-1927 гг.¹⁷ Среди осколков Золотой Орды Астраханское ханство имело все основания, чтобы считаться законным наследником ее древнего могущества. В действительности это и была Золотая Орда со значительно уменьшившейся территорией, ограниченная современными (согласно Ховорсу) Астраханским и Кавказским губернаторствами, но она была под властью князей того же рода и, очевидно, контролировала каспийскую торговлю. Почти вся последующая научная (и ненаучная) литература, касающаяся Астраханского ханства, являлась, по сути, развитием (или повторением) этих положений британского востоковеда.

Одной из наследниц Золотой Орды – наряду с Казанским, Астраханским и Крымским ханствами – была Ногайская Орда. Как писал советский/российский исследователь В.Трепавлов¹⁸ (см. ниже), в истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей.

¹⁵ См. также: Тюркологический сборник-2001: Золотая Орда и ее наследие. Т. 98. Редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. – М.: Вост. лит., 2002. – 302 с.

¹⁶ Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. – Naples, 1970, pp. 67-70.

¹⁷ Howorth H.H. History of the Mongols: From the 9th to the 19-th Century. Pt 1. – N. Y., 1965. – 771 p.; Pt 2. – N. Y., 1965. – 1121 p.

¹⁸ См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Восточная литература, 2001. – 752 с.

В то же время на Западе шла работа над переводами и публикациями восточных источников, имеющих отношение к нашей теме. Отметим работы польских историков по крымским письменным памятникам¹⁹. Большое значение для изучения тюркских Юртов XV-XVI вв. имели многолетние разыскания в турецких архивах, предпринятые А.Беннигсеном, его учениками и коллегами. Серия их публикаций помогла тем исследователям, которые не имеют доступа к документам султанской канцелярии или не читают на турецком языке.

Что касается турецкой историографии, то она привлекает рядом разработок, связанных с османской политикой на юге Восточной Европы, в Северном Причерноморье. Благодаря усилиям нескольких поколений ученых скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. У большинства авторов они являлись лишь фоном для основной темы – истории России, Казанского или Крымского ханства, Турции.

Таким образом, монгольское завоевание Центральной Азии и Казахстана так же, как и других стран, сопровождалось массовой гибелью кочевого населения – найманов, киреитов, кыпчаков и канглы, оказавших упорное сопротивление захватчикам. Карлуки, онгуты, уйгуры и та часть кыпчаков, канглы, найманов и киреитов, которые подчинились монголам без сопротивления, но под угрозой завоевания, также понесли серьезные потери в результате тотальной мобилизации их людских и экономических ресурсов. Что касается Золотой Орды и Чагатайского улуса, то монгольское правящее меньшинство постепенно тюркизировалось в массе близкого по хозяйственному укладу тюркского кочевого населения. Таким образом, монгольские завоеватели повсюду создавали полиэтничный аппарат управления.

В Золотой Орде монголы были ассимилированы тюркским местным населением, а держава Батая послужила источником для образования после распада Золотой Орды таких тюркских государств, как Ногайская Орда, Казанское, Астраханское, Казахское и Крымское ханства. Тем не менее, как свидетельствует история, тюрки сыграли заметную роль в политической и культурной жизни Китая, Средней Азии и Восточной Европы в эпоху монгольского владычества.

Таким образом, история Золотой Орды – далекое прошлое, но она до сих пор вызывает споры. Тем самым задача исследователей, независимо от этнической (тюркской или славянской) принадлежности, работать на взаимопонимание народов, а не на их разобщение.

¹⁹ *Zajaczkowsky A.* La chronique des steppes kiptchak. Ed. crit avec la trad. française du XVIIIe siècle. – Warszawa, 1966 – 180 s.

Kalra Prajakti. The Silk Road and the Political Economy of the Mongol Empire. – New York, London: Routledge, 2018. – 164 p.

Праджакти Калра (Центральноазиатский форум Кембриджского университета) является в настоящее время британской исследовательницей индийского происхождения, поэтому ее интерес к монгольской (могульской) проблематике понятен с учетом того колоссального влияния, которое Монгольская империя и ее государства-эпигоны оказали на развитие Индостана. Еще в 2010 г. она защитила диссертацию в стенах колледжа Иисуса в Кембридже на тему «Монгольское присутствие в Северном Индостане в эпоху Делийского султаната».²⁰ Основная цель ее исследования – показать борьбу между моноголами-чагатаидами и Делийским султанатом и объяснить причину первоначального неуспеха монгольского вторжения. Исследовательница объясняет это тем фактом, что во главе Султаната стояли т.н. неомусульмане (т.е. принявшие ислам монголы). В целом султанат развивался по той же парадигме, что и Иран при ильханах до тех пор, пока не был завоеван тюрками уже в XIV столетии. В целом неомусульмане сыграли выдающуюся роль в сохранении под разными названиями и в различных формах индийской цивилизации вплоть до падения Империи Великих Моголов в конце XVIII века от рук англичан. С 1947 года и до настоящего времени политическая институализация неомусульман продолжается в рамках Исламской Республики Пакистан, образованного в результате раздела Британской Индии под напором возрожденного велико-индийского национализма.

В своей монографии «Шелковый путь и политическая экономия Монгольской империи» П.Калра продолжила исследование данной темы под иным ракурсом. В основу ее концепции положен тезис о монгольской державе и ее наследников как о хранителях торгово-экономических трасс и центров в Евразии в рамках грандиозной системы ВШП. При этом автор рассматривает Монгольскую империю как уникальное явление в мировой истории, в котором сошлись все возможные на тот момент истории политические, хозяйственные, торгово-экономические и религиозно-идеологические модели тогдашнего мира. Вот почему (Афро-)Евразия была (и по-видимому, остается до сих пор) средоточием всепланетной цивилизации.

По мнению автора, наследники монгольской супердержавы Евразии – Чагатайский улус, империя Тимура, Узбекское и Казахское ханства – продолжили миссию монголов с целью легитимации своего существования и своей власти. Окончательный вывод автора состоит в том, что Монгольская

²⁰ *Kalra Prajakti. Mongol Presence in Northern Hindustan under the Delhi Sultanate. India: the Unrequited Mongol Empire. – Cambridge: University of Cambridge, 2010. – 78 p.*

империя стала своего рода предвестником формирования нового мирового порядка, первой попыткой глобализации и была своего рода историческим прекурсором для европейской цивилизации, продолжившей с XVI в. глобализационную волну в развитии человечества. Данный практически почти полностью вывод совпадает с мнением Б.Крейга, чье исследование на эту тему увидело свет одновременно с работой П.Калры.

Но исследовательница идет дальше, утверждая, что на следующем этапе глобализации европейский колониализм стал системой, работающей на иных принципах, чем евразийские, и его подъем стал возможным благодаря крушению центральноазиатской. Китайской, индийской и иных обществ. События конца XX века, связанные с переходом Советского Союза и его сателлитов в капиталистическую мир-систему под эгидой США, знаменовали не только «полный» триумф этой системы, но и стали предвестниками ее заката. И он не заставил себя ждать с началом всеобщего кризиса 2008 г., брекзитом в ЕС и приходом к власти в США новой старой элиты во главе с Д.Трампом.

Таким образом, пакс-американская глобализация повторяет судьбу монгольской, которой исторический вызов также был брошен изнутри. Данный вызов был озвучен традиционным участником евразийской глобализации – Китаем на Давосском форуме в 2017 году в лице Синь Цзипина, который фактически провозгласил формирование *Pax Sinica* – нового миропорядка во главе с КНР, выступающей за стабильный и процветающий мировой порядок. Китай представил свое глобальное видение мирового устройства, которое во многом своими корнями уходит в тот период истории, который так подробно описан в книге Праджакти Калры.

5.8. Монгольское наследие и казахская государственность

Понять историю Казахского ханства невозможно без изучения феномена государства Чингисхана в истории Евразии». Эта проблема ставит перед аудиторией вопросы политического наследия и политического развития современного казахстанского общества.

Обозначим основные вопросы, на которые делает попытку ответить автор: что есть «монгольская проблема» в контексте истории казахов и в целом кочевников Евразии, каково историческое и политическое влияние монгольского наследия на дальнейшую эволюцию кочевников Великой степи, в чем причина появления казахских жузов и много других

проблем. Немало места здесь можно уделить евразийству как историческому течению и идеологическому явлению.

Рассматриваемая проблема не является далекой от нас историей; наоборот, она имеет прямое отношение к исторической идеологии в условиях формирования в Казахстане национального государства. То есть, существует прямая политическая востребованность в исторической идеологии. Исследуя истоки казахской государственности, любой ученый неизбежно приходит к «монгольской проблеме». Кроме того, по ходу исследования любой автор затрагивает такую важную для науки проблему как феномен номадизма.

Не вызывает сомнений, что государство, созданное Чингисханом, оказало решающее влияние на всю последующую историю Евразии – как политическую, так и этническую. Историю многих народов Евразии, включая казахов, необходимо соотносить с унаследованной ими монгольской традиции управления. Нарушая устоявшиеся традиции и стереотипы, можно считать, что главные вопросы истории Евразии тесно связаны с взаимоотношениями кочевых и оседлых обществ. Это истина, хорошо знакомая большинству ориенталистов и этнологов, вызывает порой протест со стороны традиционных историков, сконцентрированных прежде всего на изучении «цивилизованных» систем. Марксистская историческая наука в этом смысле не являлась исключением, т.к. она также была по сути европоцентристской.

Некоторые авторы считают, что истоки Монгольской империи следует искать в китайской истории. То есть, именно события в Китае подтолкнули и спровоцировали генезис монгольской государственности. Исследователи делают предположение, что эволюция государственной системы Китая стали одним из главных катализаторов процессов формирования имперской кочевой государственности (в качестве реакции на появление сильных государственных режимов в Поднебесной).

Рассматривая этимологию термина «монгол», в т.ч. в контексте формирования древнемонгольской нации, можно прийти к выводу, что термин носил искусственный характер и был продуктом сознательного политического решения со стороны Чингисхана с целью легитимизации своей власти и создаваемой им новой государственности. То есть, речь идет о создании новой идентичности. Сутью реформы Чингисхана (и шире – сутью всей т.н. монгольской проблемы) было торжество военной организации над традиционной племенной структурой. Поэтому можно с полным основанием считать Монгольскую империю уникальным проектом, не имевшим аналога ни до, ни после в истории степной Евразии. Монгольская империя изменила характер внутренних связей во всех кочевых сообществах,

попавших на ее орбиту, что в свою очередь изменило этническую историю центральной Евразии.

Новаторское, по сути, открытие механизма формирования постмонгольской этнонимии степных племен бывшего Дешт-и-Кипчака (т.е. территории современного Казахстана) может иметь место, если принять версию и ввести в научный оборот, откуда в казахской степи появилось такое большое количество монгольских названий при фактическом отсутствии массового переселения монгольских племен (что противоречит устоявшейся точки зрения многих маститых востоковедов прошлого); и если допустить предположение, что в рамках проведенной Чингисханом реформы племенная принадлежность командира вновь созданных «тысяч», заменивших прежние племена, приводила к ее присвоению всей военной единице. А в будущем монгольские военные единицы эволюционировали в племенные группы, в своей основной массе имевшие монгольские названия.

Большое внимание следует уделить феномену монгольских улусов, которые следует рассматривать в качестве основных элементов государственного строительства империи. В дальнейшем именно улусы перехватывают функции государства у разваливающейся империи. В рамках улусов происходит формирование новых этносов на основе военно-политической организации, созданной Чингисханом. Большое место в книге занимает история улуса Джучи как наиболее отвечавшего задачам монгольского имперского строительства. Отдельным сюжетом располагается т.н. русский вопрос. Здесь вполне логично следует перейти к истории возникновения Казахского ханства, в котором можно увидеть последний сколок Монгольской империи, ее прямого наследника с точки зрения организации и идеологии.

И наконец, к «самой большой загадке казахской истории» относится вопрос появлению казахских жузов. Существует много исторических концепций на этот счет. В духе предлагаемой интерпретации развития монгольской истории и государственности после революционных изменений Чингисхана можно увидеть в казахских жузах не территориальные объединения (основной постулат прежних концепций), а типичные монгольские улусы – т.е. объединения кочевников на политической основе.

В результате сопоставления различных фактов и процессов из истории XVII века можно прийти к заключению, что образование казахских жузов, которое относится к концу этого столетия, было сложным компромиссом между казахами с одной стороны, и ногаями и моголами – с другой. Все три группы племен объединяли такие факторы как общность языка, религии и способ ведения хозяйства. Дополнительными факторами было

враждебное ойратское окружение и сохранение у казахов традиций чингизидской государственности.

Следующий сложный вопрос, с которым сталкиваются исследователи: как появилось разделение жузов на Старший, Средний и Младший? Предлагается следующее объяснение, отталкиваясь от данной теории монгольской традиции управления: термин «Старший» жуз остался за племенами, населявшими улус Чагатая, поскольку Чагатай был хранителем основного правового документа – Ясы. То есть, потомки Чагатая имели преимущество перед потомками Джучи (хотя тот формально являлся старшим сыном). Название «Средний» жуз появилось для определения его местоположения между Старшим и Младшим. Последний получил свое название не в силу подчиненного положения, а из-за того факта, что племена этого жуза (в основном ногайского происхождения) долгое время управлялись нечингизидами.

Но данное распределение по старшинству носило крайне условный характер и было данью традиции, а реальное управление ханством оставалось у ханов-джучидов. Они распространили свою власть и на племена Младшего жуза, оттеснив потомков Едигея. Таким образом, можно рассматривать систему жузов не как форму разъединения казахских племен, а прямо противоположным образом – как форму объединения.

В бурной политической истории степной Евразии большую роль играл фактор случайности (хотя он не мог поменять сути происходящих объективных процессов), по крайней мере, в отношении этнонимии. Исследователи считают, что случайный фактор может оказать влияние на исторический процесс только тогда, когда он затрагивает систему организации различных обществ.

В настоящий момент это единственное удовлетворительное объяснение происхождения казахских жузов, которое освещает раннюю историю Казахского ханства под совершенно новым углом зрения. Отметим, что существовавшая ранее у историков традиция опоры на древние и средневековые источники делала знакомство с политической историей Евразии крайне сложным делом с точки зрения выявления логики повествования.

Burgan M. Empire of the Mongols. – Chelsea: Chelsea House Publications, 2009. – 160 p.

К числу около научно-популярных изданий по данной тематике следует отнести работу М.Бургана «Империя монголов» (2009). Концептуальная схема, выбранная автором, чрезвычайно проста: Чингисхан создал колоссальное образование от Кореи до Восточной Европы в истории Евразии и всего человечества, контролируемое всего одним семейством.

Основным содержанием истории монгольской державы была борьба между номадизмом и оседлыми цивилизациями. Объединенная монголами евразийская держава обеспечила стабильный режим международной торговли, создала новые формы коммуникаций и продемонстрировала религиозную толерантность. В плане преемственности военной тактики и стратегии, а также структуры власти автор проводит линию от Чингисхана и Хубилая к Тамерлану и до русских царей.

Hope M. Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – X+238 pp.

Nicola B. de. Women in Mongol Iran: the Khātūns, 1206–1335. – Bloomington: Indiana University, 2016. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. – XII+288 pp.

Бруно де Никола (Кембридж), преемник многих ветеранов британского и западного востоковедения, затрагивает историю иранских ильханов, но с неожиданной стороны. Его исследование «Женщины в монгольском Иране: институт катун-правительниц» рассматривает вопрос в широком диапазоне – с 1206 по 1335 гг. В работе первоначально излагается роль женщин в традиционном монгольском обществе, затем – в мировой монгольской империи. Далее излагается политический вес знатных женщин в государстве ильханов. Автор также не обошел вниманием проблему влияния женщины в экономике и по религиозным вопросам. Основной идеей работы является положение, что женщины в монгольском обществе играли традиционно значимую роль (как это имело место практически во всех кочевых обществах). Автоматически данный статус знатных катун перешел и на завоеванные территории, включая мусульманские, где ислам ограничивал данный статус. Однако, делается вывод, что изучаемый феномен является частью монгольской истории. По мере эволюции государства и общества ильханов в сторону ислама, неизбежно ведущая политическая роль знатных женщин сошла на нет.

Buell P., Fiaschetti F. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. 2nd Ed. – Lexington (KY): Rowman and Littlefield, 2018. – 420 p.

В 2018 г. Франческа Фьячетти (Еврейский университет в Иерусалиме) предприняла переиздание классического труда Пола Бьюэла (независимый исследователь, Сиэтл) «Исторический словарь Монгольской мировой державы» (2003).²¹ Данный словарь охватывал терминологию по исто-

²¹ *Buell P.D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. – Lanham, Maryland, and Oxford: The Scarecrow Press, 2003. – XLIV+335 pp.*

рии монголов доимперского периода, собственно Монгольской империи и эпохи наследников Чингис-хана уже после потери единства державы. Второе издание существенно расширило исторические материалы, выходя далеко за рамки терминологического толкователя. Сборник включает в себя хронологическую часть, различные таблицы по криптологии, глоссарий, биографические справки, эссе по экономике, политике, религии, внешней политике и культуре Монгольской империи (всего 900). Таким образом, расширенное переиздание работы П.Бьюэла не только обогатило мировую монголистику, но и стало первоклассным источником для всех исследователей, кто занимается монгольской эпохой.

Уэзерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. – Москва: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 384 с.

Книга антрополога Джека Уэзерфорда, впервые переведенная на русский язык, дополняет его исследования, включая письменные источники, этнографические экспедиции автора в Монголию, Китай и Центральную Азию. В основе построения книги положен исторический принцип. Начинает Дж.Уэзерфорд со степного «царства террора», как он называет период с 1162 по 1206 гг., далее обращается к «монгольской мировой войне» – 1211–1261 годы, и завершает главой «Всеобщее пробуждение» – 1262 год. Изначальная установка Уэзерфорда изложена автором следующим образом: «Думаю, что мы недооцениваем духовное наследие Великого хана и уникальность подхода ко многим вопросам, которые сделали успешным его имперский проект».

Однако, как отмечают некоторые критики Дж.Уэзерфорда, мешает восприятию книги то, что автор выстраивает свой текст полностью в духе американской литературы героепочитания. В книге задан шаблон: юноша, который потом стал Чингисханом, выросший в жестокое время межплеменных войн, смертей, похищения людей и рабства. Помимо несомненных военных успехов, исключительно Чингисхану он приписывает все: изобретение алфавита, создание конституции, введение свободы вероисповедания и еще много чего. Автором делается утверждение о том, что Чингисхан создал международное законодательство, проведение им первых переписей населения, уравнивание в его ханство в правах правителей и бедных пастухов.

В версии американского антрополога звучит утверждение, что практически в любой стране, которая испытала на себе монгольское влияние, изначальные ужас и потрясение, вызванное нашествием неизвестного варварского племени, быстро сменялись невиданным ростом торговли, расширением культурных горизонтов и скачком в техническом развитии. То есть,

автор фактически следует только фольклорному источнику «Сокровенные сказания монголов». Кстати, в тексте книги встречаются очень многие фрагменты-легенды, которые пересказаны в обновленных казахстанских учебниках по истории Казахстана и всемирной истории. Судя по всему, у всех авторов сходные источники: от адаптированных китайских и монгольских текстов до трактата Марко Поло. Аудитория книги очевидна: тюркский и русский миры, не отличающиеся, в принципе, критическим подходом к себе.



Lane G.E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. – Leiden: Brill, 2003. – XXIV+330 pp.

Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. – Greenwood: Greenwood Publishing Group, 2006. – 240 p.

Ранее (2003) данную тему затрагивал Дж.Лэйн в своей работе «Монгольское правление в Иране в XIII веке и персидское возрождение». Автор исходит из того, что т.н. иранское возрождение было длительным процессом, начало которому было положено задолго до монголов в период активизации культурных, политических и языковых контактов персидского ареала с тюркским миром.

Дж.Лэйн рассматривает приход к власти Хулагу-хана как отправную точку в процессе спасения от негативных последствий правления его монгольских предшественников-чингизидов и начало «возрождения культурной жизни Иранского плато».

Монгольскую тематику Дж.Лэйн продолжил в монографии «Повседневная жизнь Монгольской империи» (2006). Ученый описывает обычный быт кочевников в юрте на основе анализа традиционного фольклора, их пищевой (в основе мясной) рацион, роль алкоголя, каждодневную одежду и религиозные верования. Следует отметить, что столь отдаленные с историко-хронологической точки зрения сюжеты на стыке с этнографией, базирующиеся на скудных источниках при отсутствии у монголов собственной развитой письменности и исторической культуры, являются крайне редкими в исторической науке.

Nicola B., Melville Ch. (eds.) The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran. – Leiden: Brill, 2016. – 346 p.

Коллективный труд «Монгольский Средний Восток» под редакцией Бруно де Никола и Чарльза Мельвиля (Кембридж, Великобритания) продолжает тему трансформации монгольских завоевателей в покоренном Иране, который в свою очередь также претерпел при монгольских ильханах политико-экономическую трансформацию. Исторический сборник охватывает период 1258-1335 гг. Книга состоит из четырех частей, охватывающих соответственно установление правления ильханов, внутреннюю и внешнюю политику, и наконец – завершение этой главы в истории Ирана. Но отдельные главы посвящены в целом роли монгольского фактора на Среднем и Ближнем Востоке, и шире – для всей средневековой Евразии и отношениям с Китаем.

Чингисхан. Сокровенное сказание. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.

Основой для любого исторического исследования является источниковедение. Для понимания монгольской эпохи таким источником основного значения остается «Сокровенная история монголов» – хорошо изученное апокрифическое сказание не совсем ясного происхождения. В 2005 году на Западе оно было издано с исследовательскими комментариями монгольского ученого О.Ургунге.²² На русском языке переиздание сказания имело место в 2018 г. Издание базировалось на современном переводе текста (В.Минорского и Г.Вернадского), дополненном фрагментами законов (из Ясы) и высказываний (биликов) самого Чингисхана. В приложении представлены извлечения из тюркских (Абул-Гази), персидских (Рашид ад-Дин), китайских и европейских источников (Дж.Карпини и Г де Рубрук). В настоящий момент это наиболее полное и фундаментально подготовленное издание знаменитого источника на русском языке, которое рекомендуется всем, кто интересуется монгольской тематикой.

Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. 2-е изд. – М.: Квадрига, 2018. – 368 с.

По истечении почти трех десятилетий после распада СССР и, соответственно – единой советской науки и ее идеологии, пути исторических школ в разных постсоветских республиках неизбежным образом расходятся. Национализм как часть идеологии естественным способом занимает

²² *Onon Urgunge. The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chingghis Khan. – London & New York: Routledge Curzon Press, 2005. – VI+300 pp.*

место марксизма, работая в пользу формирования национальных государств на их месте. Не являются исключением в данном случае российская и казахстанская историографии.

В этом плане представляет интерес судьба евразийской идеи. Если в современной России она служит фундаментом для выстраивания концепции о единстве Евразии в лице Российской империи (которая якобы была в своей непростой истории образцом этнической и религиозной толерантности) и СССР, в котором интернационализм, пусть даже фиктивный и нарочитый, все же являлся основой идеологии, то в Казахстане евразийство апеллирует к концепции Великой Степи, единства тюркского (тюрко-монгольского) мира и вкладу кочевой евразийской цивилизации в мировую историю.

Естественно, что подобными веяниями не могла быть не затронута и область монгольских исследований (включая историю ее составных частей и государств-эпигонов. Однако еще в России, Казахстане и ряде других республик бывшего СССР остается группа ученых-ветеранов, продолжающих работать в парадигме, заданной в советскую эпоху и обусловленную сформированными тогда их мировоззрением, предпочтениями и опытом. К числу таких историков, без всякого сомнения, должен быть отнесен Вадим Винцерович Трепавлов – автор многих монографий по истории половцев, монголов, тюркских и других кочевых народов, а также по истории великих степных империй Евразии.

В 2018 году была переиздана его комплексная монография «Степные империи Евразии: монголы и татары». Интересна история создания самой монографии: она включает три работы, изданные в разные годы. Это исследование о государственном строе Монгольской империи, истории (неизданной) Русского княжества в татаро-монгольскую эпоху и Куликовской битвы и часть «История Татар» (в т.ч. работы по Золотой Орде и Большой Орде).

В своей новой работе замечательный советский историк дополняет и пересматривает ряд устоявшихся представлений на историю кочевой Евразии. Так, частности, он обращается к вопросу о т.н. Вечном Эле (смена династий, но не населения), ставит под вопрос о тотальном доминировании тюрков в домонгольскую эпоху и поднимает вопрос о роли персоязычных племен (алан-асов, племени Ширин) в Монгольской империи, приводит в пример феномен найманов (синтез монгольского и тюркского). Во главу угла ученый ставит тезис о постоянной тенденции к объединению кочевого мира в политическом смысле и параллельно существовавшего института атомизированных мелких кочевых хозяйственных коллективов. В.Трепавлов пришел к выводу, что в организации традиционного

для кочевников улуса, пребывавшего в своего рода летаргии в периоды между возникновением и исчезновением степных держав, всегда содержался потенциал для превращения его в кочевую империю при наступлении благоприятных условий.

В.Трепавлов уверен, что Монгольская империя, завершив историю великих кочевых держав, довела до совершенства механизм объединения номадов, который до того периодически запускался в действие на протяжении полутора тысячелетий. Он полагает, что при создании Монгольской империи проявилось явление «имериофилии», которое обычно сопровождало формирование молодых империй, т.е. наличие твердого государственного порядка и возможность военной защиты от традиционных противников, а также доступ к огромным ресурсам завоеванных территорий. По его убеждению, феномен «монголофилии» ярко проявился во время первых завоевательных походов добровольным вхождением тюркских народов Южной Сибири и Восточного Туркестана.

Тенденция к объединению Степи после Монгольской империи угасла вместе с уходом кочевничества с мировой исторической арены как политической и военной силы. Исключением стала попытка возрождения империи ойратами (джунгарами, калмыками). Но эта попытка стала наглядной иллюстрацией угасания и ухода номадизма с исторических подмостков Евразии. Последней точкой трехтысячелетней самостоятельной истории номадов В.Трепавлов считает битву под Пекином и разгром монголо-маньчжурской конницы английской артиллерией в ходе второй опиумной войны в 1860 г.

В своей книге автор подвергает критике подход казахстанских историков цветообозначению и взаимному расположению Ак-Орды и Кок-Орды – самостоятельных провинций-крыльев Улуса Джучи, которые утвердились во мнении, что это деление относилось только к Восточной части Улуса (т.е. левому крылу). По его мнению, деление на крылья в ходе развития улуса превратилось в абстракцию, или традицию – простое обозначение ранга племен и их предводителей.

В.Трепавлов поставил в своей монографии четыре основные задачи: 1) показ состояния изученности традиций у номадов и выявление нерешенных проблем; 2) выявление механизма передачи социально-политических и государственных традиций в истории вообще и у кочевников в частности; 3) определение традиционных форм социально-политической жизни и государственного устройства Монгольской империи; 4) выяснение происхождения и источников государственной традиции у монголов. Следует отметить внимательный анализ историографии данной проблематики и обширный массив изучаемых источников.

Автор считает, что государственность средневековых монголов содержала в себе три составляющие: 1) институты собственно монгольского происхождения; 2) традиционные органы и приемы управления, унаследованные от исторических предшественников Монгольской империи; 3) административные учреждения, заимствованные в завоеванных странах. Ученый приходит к выводу, что государственная традиция в империи монголов проявилась в двух направлениях: идеологии (оправдании завоеваний) и организации управления (концепция власти, система улусов, престолонаследие). В конечном итоге автор выделяет следующие особенности изучаемого исторического объекта, определившие уникальность монгольского исторического эксперимента: особенности государственной традиции у монголов, этническая прерывность и ослабление кочевого наследия перед мощными местными традициями, что в совокупности предопределило распад, закат и гибель Монгольской державы.

Вторая часть монографии В.Трепавлова посвящена Золотой Орде, которую он характеризует как исторический феномен. Судя по анализу текста автора, уникальность этого государственного образования заключалась в первую очередь в сосуществовании под одной государственной крышей двух цивилизаций – кочевой, тюрко-монгольской и впоследствии – мусульманской, и оседлой – русско-славянской и православной.

Завершает книгу третья часть, освещающая историческое место т.н. Большой Орды (Тахт Эли) – последнего элемента Золотой Орды на юге Восточной Европы (в основном междуречье между Волгой и Днепром), оставшегося после ее распада на различные ханства, орды и юрты. В.Трепавлов изучает государственность, экономику, территорию, этнический состав, политическую историю и международное положение этого локально-временного исторического явления. Он отмечает, прежде всего, скудость имеющихся источников по истории Большой Орды, действуя в результате методом компаративистского анализа. Основную причину заката Большой Орды автор видит в комплексе экономических проблем, обрушившихся на это государственное образование в конце XV столетия. Свою негативную роль сыграли также такие факторы как неудачное военно-политическое соперничество с Ногайской Ордой, провозглашение Крымского ханства, вступление в действие османского фактора и исчезновение поддержки со стороны Тимура после смерти последнего.

В целом В.Трепавлов находит причины гибели орды в ее примитивном политическом устройстве. Таким образом, монография В.Трепавлова, эклектичная в своей основе, оставляет ощущение незавершенности. По-видимому, основные выводы, относящиеся ко всей книге, следует искать в первой части, посвященной Монгольской империи, и распространить

их на все остальные кочевые государства-эпигоны, признав историческую неизбежность гибели и исчезновения цивилизации номадов. Что, впрочем, ожидает все существовавшие и существующие формации и формы социально-экономического, политического, географического, этнического, цивилизационного и территориально-геополитического устройства человечества.

Широкорад А.Б. Русь и Орда. – М.: Вече, 2018. – 480 с.

Исследование Александра Широкограда «Русь и Орда» (издано в серии Всемирная история) представляет собой типичный пример синтеза истории и актуальной политологии. Автор, будучи военным историком, почти все 26 глав своей книги посвящает военным кампаниям далекого и недавнего прошлого. Подробно в работе описан ход завоевания Руси татаро-монголами, анализируется роль князя А.Невского и отношения завоеванных русских земель с Ордой. Но постепенно фокус исследования перемещается к крымской проблематике. Поначалу в рамках средневековой истории, а затем вопрос рассматривается с точки зрения роли и военно-стратегического влияния Крыма на историю и международное положение Российской империи в ходе русско-турецких войн. Последние главы монографии показывают роль крымских татар в Гражданской и Великой Отечественной войне. Ряд критиков считает, что автор не ставил целью своей работы критику традиционных столпов российской истории, а создание объективной картины сложных политических процессов, уход от идеологических штампов и замалчивания негативных моментов отечественной истории.

Перенос исторической проблематики на современность А.Широкорадом делается при освещении не только крымско-татарского вопроса и его значения для постсоветской России, но и политики Киева в отношениях с Москвой (по крайней мере, посвященные Украине разделы книги были написаны до 2004 г.. т.к. автор говорит о Л.Кучме как о действующем президенте). Однако уже тогда историк разглядел опасные тенденции в политике украинских властей и эволюции политической жизни в этой республике, предвосхищая кризис 2014 года и возвращение Крыма в состав РФ. Завершает свою книгу ученый призывом не делить на «своих и чужих» тех, кто сражался друг с другом на Калке и Куликовском поле.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Издательство «Э», 2017. – 576 с.

К числу переизданных классических трудов следует отнести в первую очередь книгу князя Н.С.Трубецкого «Наследие Чингисхана», одного из

основателей евразийской теории.²³ Автор исходил из того, что для него Чингисхан был не столько завоевателем, а прежде всего великим организатором. Основная мысль евразийского философа сводится к тому, что «Потрясатель Вселенной» выполнил грандиозную историческую задачу по государственному объединению значительной части континента. Сделал он это через объединение Степи, а затем на этой территориально-государственной и военно-материальной основе – всей Внутренней Евразии.

По мнению Н.Трубецкого, «евразийский мир представляет собой замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, отличное как от собственно Европы, так и от собственно Азии. Сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом. Государственное объединение Евразии было впервые осуществлено туранцами в лице Чингисхана, и носителями общевразийской государственности сначала были туранские кочевники. Затем, в связи с вырождением государственного пафоса этих туранцев и с ростом национально-религиозного подъема русского племени, общевразийская государственность из рук туранцев перешла к русским, которые сделали ее преемниками и носителями. Россия-Евразия получила полную возможность стать самодовлеющей культурной, политической и экономической областью и развивать своеобразную евразийскую культуру».

Аджи М. Сага о великой степи. – М.: АСТ, 2016. – 601 с.

Другим переизданием является книга небезызвестного Мурада Аджи (Мурад Эскендерович Аджиев – г.ж. 1944-2018 гг.) «Сага о великой степи», в основу которой была положена нашумевшая публикация автора «Без Вечного Синего неба». В отличие от других своих предшественников-евразийцев, М.Аджи ставит во главу угла вклад в историю и культуру Евразии не монголов, а тюрков. Данная идея проходит красной нитью через его известные труды – «Полынь Половецкого поля», «Европа. Тюрки. Великая Степь», «Кипчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи», «Кипчаки. Огузы», «Тюрки и мир: сокровенная история» и др. В книгах изложена авторская гипотеза о становлении тюрков как народа на Алтае и о их расселении по Евразии, о жизни и быте народа, о его духовной культуре, о предполагаемых автором следах Великого переселения в Индии и Персии, на Кавказе и Урале, в Византии и Риме, в Европе. Автор пытался показать, как в итоге переселения и освоения новых территорий формировалась

²³ На основе статьи: Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока». – Берлин, 1925. – 60 с.

страна Дешт-и-Кипчак, территория которой в 1-м тысячелетии предположительно простиралась от Байкала до Атлантики и включала в себя значительную часть территории современной России. Результаты своих изысканий Аджиев изложил в 1994 году в книге «Полынь Половецкого поля: из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих своё начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его». По мнению Аджиева, эти народы являются потомками тех, кто начал Великое переселение с Алтая более 2000 лет назад и на протяжении нескольких веков постепенно осваивал и заселял степную зону Евразийского континента.

Согласно альтернативной гипотезе Аджиева, история России началась не с IX века, а по крайней мере 2,5 тысячи лет назад, на Алтае. По его мнению, именно там свершились гигантские прорывы в истории человеческой цивилизации. Тюрки (по терминологии Аджиева «степняки») представляли собой не этническую, а религиозную общность, объединённую верой в Тенгри. Цивилизация тюрков-степняков была одной из древнейших и высокоразвитых. Они изобрели новый метод плавки железной руды, что привело к появлению новых орудий труда и технических изобретений, в том числе плуга. Также тюрки изобрели новый вид колесного транспорта – бричку (кибитку), кирпичи, печи и др. Новые технологии и изобретения привели к улучшению жизни, что вызвало мощный демографический взрыв, который, свою очередь, привёл к Великому переселению народов. Часть переселенцев из Алтая освоила территорию нынешней Индии, другая часть основала цивилизации Ближнего и Среднего Востока, вышла в Северную Африку, и только потом была заселена Европа, где до их прихода «был бронзовый век». На месте нынешней России существовало самое мощное в мире государство степняков Дешт-и-Кипчак. Степняки освободили народы Европы от подчинения Риму, познакомили их с технологиями обработки железа, столовыми приборами, новогодней ёлкой, научили строить храмы и монастыри, построили в Европе сотни городов и дорог. Гунны, саксы, бургунды, алеманы и другие народы, по Аджиеву, были тюрками, которые в разных источниках назывались по-разному. Китайская и греко-римская цивилизации попали в зависимость от тюркских ханов, степнякам платили дань Римская империя, Византия, Персия, Китай.

Кроме того, согласно М.Аджи, степняки дали европейцам монотеистическую религию. Согласно Аджиеву, это было тенгрианство, в Европе позднее превратившееся в христианство, а в Индии в разновидность буддизма, махаяну. Тюркский язык стал европейским языком делового общения

и сохранял эту функцию до XV–XVI веков. Народ степняков населял территории от Якутии до Альп, а возможно и до Атлантики. Многие из европейских и азиатских народов, таких как болгары, венгры, корейцы, сербы, русские, казаки, украинцы, англичане, французы и другие, по Аджиеву, являются потомками тюрок-степняков, растворившихся среди других народов и забывших свои корни. Государство степняков Дешт-и-Кипчак просуществовало до XVIII века и погибло после походов Петра I, покорившего свободные казацкие земли. «Сага» как бы венчает данную серию изданий, не внося принципиально нового в видении автором этой проблематики.

Карпов А.Ю. Батый. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 348 с.

В серии ЖЗЛ была вновь издана дополненная историческая биография А.Карпова «Батый» (2011), носящая явный антимонгольский характер и враждебная фигуре главного персонажа. По мнению автора, личность Батыя занимает особое место даже в ряду других кровавых завоевателей, ибо с его именем связано страшное монгольское нашествие, обрушившееся на Русь в конце 30-х годов XIII века. По силе разрушительного воздействия на ход русской истории оно не имеет себе равных. Это нашествие унесло жизни огромного числа людей, стёрло с лица земли сотни, если не тысячи городов и селений, до основания разрушило экономику страны, свело на нет целые отрасли ремёсел, безвозвратно сгубило бесценные памятники культуры, на два столетия поставив Русь на колени и едва не уничтожив саму русскую государственность.

Мелехин А.В. (автор сост.). Чингисхан. Пер. с монг. А.В.Мелехина и Г.Б.Ярославцева. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.

В серии Библиотеки военной и исторической литературы изданы материалы, относящиеся к эпохе Чингисхана, в том числе включенными текстами «Ясы» и «Билика» (изречений Чингисхана). Приведены также свидетельства современников завоевателя из числа китайских послов-разведчиков и европейских миссионеров. В сборнике можно найти много сведений о военном искусстве монголов, их тактике и стратегии и организационной структуре монгольской армии, целях военной доктрины «единого самодержавия».

Мелехин А.В. Тамерлан. – М.: АСТ, 2019. – 351 с.

В этой же серии А.В.Мелехин продолжил свои исторические изыскания, в книге посвященной Тимуру. В основу книги положены свидетельства его современников – монгольские, персидские, арабские, русские, армянские, грузинские, западноевропейские источники XIII-XV вв., и дополняющие

друг друга, его «Автобиография» и «Уложение», т.е. приоритет отдан истории фактов, событий, происшествий жизни Тамерлана и его эпохи.

Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII – последнего великого хана монголов. Отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан. – М.: ИВ РАН, 2019. – 484 с.

Завершает монгольскую проблематику следующее издание. В 2019 г. исполняется 150 лет со дня рождения Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII – последнего великого хана монголов, заложившего основы современной монгольской государственности. В связи со 150-летием Богдо-гэгэна VIII в Монголии согласно президентскому указу проводится комплекс мероприятий. Издание настоящего российско-монгольского издания приуроченного к этому событию, позволяет расширить и углубить научные знания об институте Богдо-гэгэна в Монголии, окажет позитивное влияние на развитие российско-монгольских отношений, в частности, в области науки. Настоящее издание включает статьи из области истории, политологии, религиоведения и культурологии, связанные с институтом Богдо-гэгэна в Монголии, написанные ведущими специалистами из России, Монголии и других стран.

Современная Монголия официально выводит свою государственность от Богдоханской Монголии, провозгласившей свою независимость от империи Цин в 1911 году и позже подтверждавшей свою независимость от республиканского Китая. Это был исторический выбор монгольского народа, что подтверждено всенародным участием в национально-освободительном движении, референдумом, последующими социологическими опросами и исследованиями. Провозглашение независимости и становление независимой Монголии было бы невозможно без руководства Богдо-гэгэна VIII и его сторонников, а также поддержки России, которая продолжается поныне.

Издание является первым по широте охвата изучаемых проблем, по детальности и фундированности рассматриваемых в нем проблем: истории данной институции; биографии и деятельности Богдо-гэгэна VIII; контактам его и его правительства с государственными и иными структурами России и других стран; новой оценке этой деятельности, преемственности великоханской власти в Монголии; деятельности правительства Богдо-гэгэна VIII; положению различных социально-политических групп Богдоханской Монголии; роли Богдо-гэгэна VIII в движении монголов за независимость; внутреннему и внешнему положению Монголии в период становления независимости; материалам, связанным с Богдо-гэгэном VIII, в архивах, библиотеках и музеях разных стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в период 2010-2020 гг. перед нами встает богатая палитра мнений, концепций и теорий касательно настоящего состояния и дальнейшего развития Центральной Азии и составляющих ее государств. Отметим, что многими экспертами высказывалась мысль, что относительно спокойный период существования региона в системе международных отношений, который совпал с окончанием legislatury Дж.Буша и периода администрации Б.Обамы, завершается. Сейчас, когда решены основные задачи по долгосрочной дестабилизации Ирака и Афганистана, Арабского Востока, перед Западом встает задача дестабилизации Ирана и Пакистана.

В таком контексте нейтральная Центральная Азия (как и нейтральный Казахстан) уже не устраивал ни США, ни Россию. Объявление в сентябре 2011 г. В.Путиным курса на Евразийский союз означает: непоследовательности российской внешней политики приходит конец. И, следовательно, заканчивается эра «многовекторности» во внешнеполитической ориентации многих государств региона. Подобные рассуждения и выводы проходят как прямым текстом, так и подтекстом во многих процитированных работах. Тем не менее, нам в самой Центральной Азии хотелось бы, что эти выводы были преждевременными и в конечном итоге несостоятельными.

Обзор литературы, увидевшей свет в 2010 – 2020-е гг. и посвященной отдельным странам Центральной Азии и региону в целом, позволяет сделать ряд выводов общего характера. Отрадно наблюдать, что сохраняется смешанный, интернациональный характер таких публикаций. То есть, наряду с представителями западного среднеазиоведения уже на равных участвуют представители центральноазиатского академического сообщества. При этом сохраняется определенный плюрализм мнений и разноплановая структура исследований.

Другой важной тенденцией является усилившийся переход от «вертикального» характера исследований к «горизонтальному». Под первым мы понимаем глубинный, «вертикальный» метод, характеризующийся созданием моделей, претендующих на концептуальный подход к пониманию геополитического развития или положения региона, истории той или иной страны Центральной Азии и исторического места всего региона, объяснение фундаментальных социально-экономических и политических процессов, формирования государственных моделей новых наций и т.д.

Под «горизонтальным» характером следует понимать широкий спектр исследований, затрагивающих самые различные аспекты политического

развития ЦА на стыке разнообразных дисциплин: истории, этнографии, антропологии, социологии, культурологии, лингвистики и др., и ориентированных на конкретные проблемы. Подобный точечный подход в выборе проблематики неизбежно требует отказа от концептуальности в разработке центральноазиатской проблематики.

Отметим, что при сравнении западной и российской политологической литературы о регионе ЦА бросается в глаза принципиальная разность в подходах к объекту исследования. Западные исследования, как правило, направлены на выявления имманентных, как они считают, недостатков и изъянов в политическом и социально-экономическом развитии стран региона. Все государственные режимы здесь априори объявляются авторитарными, а некоторые – диктаторскими. При этом ставится цель вбить клин между Россией и другими постсоветскими республиками Центральной Азии (и не только). Со своей стороны, усилия российских политологов (за исключением Д.Тренина и некоторых других) направлены на разоблачение политики Запада по расколу единого евразийского пространства, естественной частью которого остается и наш регион. Единственное, что объединяет западных и постсоветских экспертов, это признание возросшей и возрастающей роли Китая в регионе. Но как реагировать на данную реальность, каждая политологическая школа предлагает свой рецепт.

Весь комплекс вопросов ставится в той или иной форме – когда открыто, когда в закамуфлированной форме – в обширной политологической литературе, которую мы попытались отразить в наших обзорах. Основная проблема состоит в ответе на вопрос – какая судьба ждет народы Центральной Азии? По какой парадигме, и по каким векторам они будут развиваться, вернутся ли они в некое новое евразийское образование? Как глубоко зайдут процессы демодернизации? Какую модель политического и социально-экономического устройства выберут для сохранения своей культурно-этнической идентичности и просто физического выживания своего населения (увы, в некоторых республиках вопрос стоит именно в такой плоскости) новые режимы, уже стучащиеся в дверь политического процесса.

К сожалению, западная политология, зацикленная на геополитической проблематике, или не может, или же не хочет (что, скорее всего, больше похоже на правду) правдиво отвечать на эти сложнейшие вопросы. Поэтому искать ответы придется нам самим, то есть местным ученым и политологам. В этой связи как никогда важно опереться на опыт предшествующей академической науки. Надеемся, что пусть и не полный обзор достижений мировой ориенталистики послужит на всем подспорьем

в определении исторической судьбы и места на планете казахов и других народов – исчезнувших и существующих – Центральной Евразии.

Таким образом, современный комплекс центральноазиатских исследований за рубежом демонстрирует в последние годы широкий плюрализм и разнообразие. В изданиях второй половины 2010-х годов отражены, где открыто, где подспудно, магистральные тенденции в развитии региона – как на международной арене, так и внутривнутриполитического характера. Меняется роль, позиции и влияние глобальных игроков: геополитическая роль Евросоюза фактически сведена к нулю (что еще раз продемонстрировала презентация в Бишкеке 7 июля 2019 г. новой версии стратегии ЕС в ЦА). Соединенные Штаты уже, как минимум десять лет, не ведут прежней наступательной политики, действуя в основном на афганском направлении. Влияние России, сделавшей ставку на евразийскую интеграцию, хотя и медленно, но падает. И наоборот, вес Китая в регионе и в Евразии в целом растет, как и его влияние на определение тенденций дальнейшего развития евразийского континента.

Но главные изменения исследователи – вольно или невольно – отражают в сфере внутреннего развития центральноазиатских обществ. Эти изменения касаются демографических и социологических тенденций, культурологических и религиозных явлений. Продолжается смена политических элит региона. Налицо возмужание и вхождение в экономику и политику нового поколения, которое вскоре обесмыслит содержание термина «постсоветский». Много вопросов возникает по поводу положения ислама в центральноазиатских социумах и его места в иерархии социокультурных и даже политических ценностей. Кроме того, необратимый характер принимает дерусификация и рост национального самосознания, изменение баланса в составе населения отдельных республик, мегаполисов и городов – носителей прежней индустриальной русскоязычной цивилизации.

То есть, Центральная Азия и ее общества входят в период необратимой трансформации, свидетелями которой мы, «рожденные в СССР», становимся на этом этапе. И знакомство с западной политической литературой помогает понять смысл, содержание и скорость данных процессов. Вновь напрашивается достаточно банальный вывод о полезности и смысле знакомства с зарубежной литературой, посвященной нашему региону. Ответ остается по-прежнему тем же: наши зарубежные коллеги, вольно или невольно, помогают нам лучше понять самих себя и взглянуть на собственные проблемы как бы со стороны. Но это полезно и необходимо исключительно в том случае, если мы сами стремимся исправить ошибки и улучшить положение, и в этом случае зарубежный опыт может стать неоценимым.

Но при этом всегда следует помнить, что иногда под видом новых взглядов и концепций нам пытаются навязать такие геополитические решения (как это имело место недавно с идеей «Большой Центральной Азии»), которые не отвечают коренным национальным интересам народов региона, или могут поспорить нас с нашими естественными друзьями, союзниками и партнерами.

Исходя из вышеизложенного, можно было бы сделать вывод, что место и роль региона ЦА как объекта геополитики и предмета политологического анализа уходит в прошлое, но не следует торопиться с окончательными выводами с учетом тенденций текущей мировой политики и геополитических интересов ведущих игроков. Сам факт появления все большего количества зарубежных публикаций, посвященных Центральной Азии, говорит о сохранении интереса к региону. И данный интерес, прежде всего, геополитический. Таким образом, вполне определенно следует ожидать появления новых геополитических концепций применительно к нашему региону.

Сведения об авторе



Лаумулин Мурат Турарович (род. в 1959 г.), в 1976 г. закончил Республиканскую физико-математическую школу в Алма-Ате. С 1976 по 1982 гг. учился на специальном отделении исторического факультета КазГУ им. С.М. Кирова (ныне КазГНУ им. Аль-Фараби) по специализации иностранный язык и история средних веков. С 1982 по 1985 гг. – преподаватель на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов КазГУ. С 1985 по 1987 гг. – научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. В 1987 г. М.Т.Лаумулин поступил в аспирантуру при Институте истории СССР АН СССР в Москве, в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию по западной историографии истории Казахстана. В 2003 г. защитил докторскую диссертацию по политологии по проблемам геополитики и безопасности в Центральной Азии.

С 1990 по 1993 гг. – старший научный сотрудник Института истории и этнологии НАН РК, с 1992 по 1997 гг. – старший научный сотрудник Института Востоковедения НАН РК, с 1992 по 1997 гг. (с перерывами) – ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан. С 1990 по 2013 гг. (с перерывами). М.Т.Лаумулин читал специальные курсы по зарубежной историографии Центральной Азии, международным отношениям и внешней политике Республики Казахстан, политологии и дипломатии на международных отделениях КазГУ, факультете политологии (КазНУ) и Университета «Кайнар». С 1998 г. по 2002 г. М.Т.Лаумулин на дипломатической работе в Германии.

В 2002-2003 гг. – заместитель директора КИСИ; с 2003 по 2013 гг. гнс КИСИ. С 1999 по 2006 – политический обозреватель общественно-политического журнала «КонтинентТ». С 2006 по 2009 гг. – ведущий телепрограммы «Международная панорама» на телеканале «Астана». С 2006 г. по 2013 г (с перерывами) – гнс ИМЭП при Фонде Первого Президента.

В 2013 – 2018 гг. являлся советником-посланником в Посольстве Республики Казахстан в Республике Беларусь. В 2018-2020 гг. – Руководитель Центра европейских и трансатлантических исследований при Международном научном комплексе «Астана».

С 2018 г. – главный научный сотрудник КИСИ.

С 1993 по 1994 гг., 1998-2002, 2009 гг. М.Т. Лаумулин работал в Министерстве иностранных дел Республики Казахстан. В 1992 г. М.Т. Лаумулин стажировался в Монтерейском институте международных исследований (США). В 1993 и 1994 гг. проходил краткосрочные дипломатические стажировки при Государственном департаменте США и МИД ФРГ. В качестве приглашенного исследователя М.Т. Лаумулин работал в различных зарубежных центрах – в Мэрилэндском университете в 1994 г., Центре по ядерному нераспространению при Монтерейском институте международных исследований в 1995 (США), Центре по изучению европейской интеграции (ФРГ) в 1997-98 гг. С 1992 г. М.Т. Лаумулин – постоянный член Международной группы по изучению проблем ядерного нераспространения.

М.Т. Лаумулин неоднократно награждался грантами и стипендиями различных зарубежных фондов – Фонда Фулбрайт (1995), Фонда Макартуров (1997), Конференции германских академий наук (1997), Института им. Дж.Кеннана в Вашингтоне (1998) и Оборонного колледжа НАТО в Риме (2002).

М.Т. Лаумулин – автор около тысячи статей и более 35 монографий по проблемам истории и историографии Казахстана и Центральной Азии, востоковедения, международных отношений и внешней политики Казахстана. Научные и публицистические труды М.Т. Лаумулина публиковались в России, Беларуси, Киргизстане, США, ФРГ, Великобритании, Франции, Швеции, КНР, Иране, Турции, Индии и Пакистане.

Адрес электронной почты (для отзывов): editor@kisi.kz



**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан
создан Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

За 27 лет деятельности Институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «КазахстанСпектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвященных актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан, 010000
г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi



Мурат Лаумулин

**ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2010-2020 ГГ.**

Дизайн обложки и верстка: Цой Т.В.

Технический редактор: Арзикулов А.А.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4